

63.3(2Г)

Г 901

Книга является сокращенным, переработанным и дополненным вариантом вышедшего в 1970 г. на грузинском языке V тома восьмитомника «Очерков истории Грузии» (редактор д-р ист. наук, проф. И. Г. Антелава). В ней изложена история Грузии XIX в. Это период присоединения Грузии к России, отмены крепостного права и развития капиталистических отношений, объединения грузинских исторических земель, усиления национально- и социально-освободительного движения против царизма и крепостничества, возрождения и обновления многовековой грузинской культуры. Предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей.

*Редакторы: д-р ист. наук М. М. Гаприндашвили
д-р ист. наук О. К. Жордания*

Рецензенты: д-р ист. наук Ш. В. Л о м с а д з е

канд. ист. наук С. С. Л е к и ш в и л и
канд. ист. наук Л. Л. М е л и к с е т - Б е к
канд. ист. наук М. М. М и р и а н а ш в и л и
канд. ист. наук К. Д. М у ш к у д и а н и

0503020906

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха. В настоящем томе «Очерков истории Грузии» излагаются основные факты и явления двух главнейших этапов нового периода (1801—1921 гг.) истории Грузии: I. Объединение Грузии с помощью России и начало освободительного движения против самодержавия и крепостничества (примерно 1800-е — 1850-е гг.); II. Отмена крепостного права, развитие капитализма и усиление освободительного движения против социального и национального угнетения (примерно 1860-е—1890-е гг.).

В томе изложена история Грузии XIX в. Этот период характеризуется значительными сдвигами в социально-экономической, политической и культурной жизни страны. В этом столетии произошли такие важнейшие события, как присоединение Грузии к России, отмена крепостного права, воссоединение с родиной части южно-грузинских исторических земель, триста лет находившихся под турецким игом, победа капиталистической формации, усиление национально- и социально-освободительного движения, возрождение и обновление многовековой грузинской культуры и т. д. Все это оказало решающее влияние как на характер социальных отношений и расстановку классовых сил, так и на развитие материальной и духовной жизни грузинского народа вообще, на общественную мысль и общественное движение в частности. Новые явления, проникая во все сферы общественной жизни, в конце концов одерживали победу в нелегкой борьбе со старыми. Процессы, характерные для периода разложения феодально-крепостнической системы, наблюдались и раньше, но особенно заметными они стали после присоединения Грузии к России, точнее с 30-х гг. XIX в., когда в результате победоносных войн России против Ирана и Турции создались сравнительно благоприятные условия для развития производительных сил и в Грузии.

Экономическое развитие Грузии в рассматриваемую эпоху шло в целом по буржуазно-капиталистическому пути. Процесс постепенного становления новых порядков чувствовался во всех сферах социально-экономической и политической жизни общества: и в торговле, и промышленности, и сельском хозяйстве, и культуре, и идеологии. В середине 60-х гг. прошлого столетия, по не вполне точным статистическим данным, Грузии существовало 495 мелких капиталистических, мануфактурных и фабрично-заводских предприятий обрабатывающей промышленности, выпускавших ежегодно продукцию на сумму в 1046 тысяч рублей. Это, разумеется, невысокий показатель, но сравнительное его рассмотрение с другими краями империи приводит к выводу, что Грузия в ту пору по своему экономическому развитию стояла на уровне центральных сельскохозяйственных губерний России. При оценке этих данных необходимо иметь в виду и то, что они отражали продукцию лишь обрабатывающей промышленности Грузии.

Общий экономический прогресс, переживаемый страной, нашел свое выражение в развитии торговли, городов и городской жизни. В дореформенной Грузии XIX в. наблюдается дальнейшее развитие городской жизни. Такие явления, как преодоление в мелкотоварном производстве феодально-цеховых ограничений, тенденция укрупнения ремесленных мастерских, рост числа внецеховых ремесел и развертывание свободной (конкуренции), распространение мануфактурной и зарождение фабрично-заводской промышленности и т. д. значительно меняли экономический облик грузинских городов.

Вследствие разложения натурального хозяйства углубляются противоречия между городом и деревней, растет торгово-промышленный потенциал городов, увеличивается их роль как поставщиков промышленных товаров и потребителей сельскохозяйственных продуктов и т. д. Все это означало образование в Грузии внутреннего рынка.

Параллельно с развитием городской жизни в дореформенный период шел процесс абсолютного и относительного роста городского населения. В 1821—1865 гг. число жителей восточно-грузинских городов (Тбилиси, Гори, Сигнаги, Душети и др.) увеличилось более чем в четыре раза (с 22513 до 93336 человек). Неуклонно возрастал и удельный вес городского населения. В Восточной Грузии он составлял: в 1821 г. — 12,2%,

а в 1865 г. — 18,3%. В Западной Грузии происходил идентичный процесс, хотя в несколько более умеренном темпе.

Грузия дореформенного периода представляла собой аграрную страну. Абсолютное большинство непосредственных производителей было занято в различных отраслях сельского хозяйства. При таком положении вещей для определения экономического уровня страны большое значение приобретает рассмотрение сдвигов и изменений, происходивших в то время в грузинской деревне. Здесь же следует отметить буржуазный характер и направление этих сдвигов.

В этом смысле обращает на себя внимание дальнейшее развитие товарного производства и рыночных связей, начиная с 30-х гг. XIX в., когда в стране устанавливается относительный покой. Исстрадавшиеся от непрерывных войн народные массы возвращаются к мирному труду, производя продукцию не только для удовлетворения своих собственных нужд, но и на продажу. С рынком связываются почти все отрасли сельского хозяйства.

Удельный вес товарной продукции нередко достигал значительных размеров. Достаточно, например, сказать, что в 1845 г. товарная продукция пшеницы в Тифлисской губернии составила 18%¹. Еще выше был этот процент в таких отраслях, как виноградарство-виноделие, шелководство, хлопководство, табаководство. Удельный вес рыночной продукции этих отраслей колебался в различных регионах Грузии от 30 до 60%. Эти данные красноречиво свидетельствуют о развитии торгового земледелия, о емкости внутреннего рынка и дальнейшем росте товарно-денежных отношений в стране.

Хотя без товарного производства не существует капитализм, тем не менее одного наличия его недостаточно для возникновения капиталистической формации. Для развития капитализма необходима еще свободная рабочая сила, свободная как лично, так и от средств производства. В Грузии того периода шел процесс классовой дифференциации крестьян, в результате которой постепенно создавалась, с одной стороны, сельская буржуазия, а с другой — масса людей, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу. Имелся также определенный процент зажиточных крестьян, производивших рыночную продукцию при помощи вольнонаемного труда.

Значительные изменения происходили и в самом классе феодалов. Небольшая часть дворянства, приспособившись к новым условиям, приступила к созданию рациональных хозяйств, обеспечив себе тем самым возможность идти в ногу с новой жизнью. Другая же, сочтя предпринимательскую деятельность унизительной и поэтому вовсе неприемлемой для себя — стала уповать на «всемогущую силу банков», куда закладывала свои имения. Вскоре привилегированное сословие лишилось части земель — основы своего господства, — которые перешли в руки крестьян, купцов и т. д., что создало условия для последующего краха старого и победы нового строя.

В становлении новых порядков существенную роль сыграла коммутация государственных податей в 1843—1845 гг., а также неуклонно протекавший процесс замены крестьянских натуральных повинностей в пользу помещиков денежным эквивалентом, обозначавшим не что иное, как рост значения денежной ренты. Хотя и очень трудно точно определить удельный вес последней в социально-экономической жизни страны, но накопленный фактический материал все же позволяет сказать, что в жизни дореформенной Грузии она играла куда большую роль, чем предполагалось до сих пор.

Отмеченные выше явления обострили классовую борьбу. Сельские и городские трудовые массы стали энергично выступать против феодально — крепостнических порядков и защищавшего их царизма. На повестку дня со всей остротой встал крестьянский вопрос. Накануне Крымской войны он, по словам Н. Я. Николадзе, «назревал не по дням, а по часам». Грозные симптомы надвигавшихся массовых

¹ ЦГИАГ (см. список сокращений в конце книги), ф. 16, д. 8888, ф. 4, оп. 8, д. 43.

крестьянских выступлений вынудили правительство заняться «крестьянским» вопросом. Наместник царя на Кавказе заговорил о необходимости скорейшего улучшения быта помещичьих крестьян.

Против крепостного права выступали передовые общественные деятели Грузии. Вспомним хотя бы одного из первых критиков феодально-крепостнических порядков, грузинского просветителя Иоанна Багратиони (1772—1830), который в своем сочинении «Калмасоба» («Хождение по сбору подати») подверг резкой критике уродливые явления современной ему грузинской действительности.

В новых условиях еще резче прозвучали антикрепостнические требования в выступлениях грузинских шестидесятников («тергдалеулни»). Они высоко подняли знамя национально- и социально-освободительного движения, унаследованное от деятелей 30-х гг. — А. Г. Чавчавадзе, С. И. Додашвили, Н. М. Бараташвили и др.

Сдвиги в социально-экономической жизни оказали благотворное влияние на духовную и материальную культуру народа. На более высшую ступень развития поднялись литература, искусство. Был восстановлен грузинский театр (1850 г.). Заложены основы журналистики. Претерпели изменения культура и быт.

Такова краткая характеристика процессов, происходивших в Грузии в дореформенный период XIX в., преимущественно с 30-х гг. Именно в 30-х—50-х гг. сложился капиталистический уклад, расширилось товарное производство, возникли капиталистические предприятия, началось применение усовершенствованных сельскохозяйственных машин и вольнонаемного труда. Расширение внутренней и внешней торговли, возрастание роли городов, классовая дифференциация, постепенно подтачивание основ феодальной собственности и становление буржуазной, формирование антикрепостнической идеологии, обострение социальной борьбы и другие новые явления подготавливали гибель крепостничества и победу капитализма в Грузии, что и произошло после буржуазных реформ 60-х—70-х гг. XIX в.

В пореформенный период, несмотря на значительные пережитки феодально-крепостнических отношений (институт крестьян, отрезки, хизанства и др.), создались сравнительно лучшие условия для социально-экономического развития Грузии. Исчезли многие обстоятельства, препятствовавшие развитию производительных сил. Этому, помимо всего прочего, способствовало строительство в 70-х—90-х гг. целой сети железных дорог. Новый вид транспорта заметно ускорил экономический прогресс. Тесно связав в одно хозяйственное целое различные части страны, железнодорожный транспорт привел в движение все население Грузии. Жители самых отдаленных мест устремились в города, развернули в них бурную, по сравнению с прошлым периодом, торгово-промышленную деятельность. Был положен конец прежней относительной замкнутости экономической жизни.

Общий подъем экономики нашел свое выражение в дальнейшем развитии промышленности. В этой отрасли произошли не только количественные, но и качественные изменения. Крупная капиталистическая промышленность значительно опередила мелкокапиталистическую и мануфактурную, твердо заняв господствующее положение. Если, например, в 1865—1866 гг. удельный вес крупной промышленности, выраженный в стоимости товаров, произведенных в капиталистическом секторе, равнялся лишь 7,7%, то позднее он значительно возрос и в 1885—1886 гг. составил 55,1%, а в 1900 г. — 78,3%. Быстрыми темпами развивалась фабрично-заводская промышленность. С 1865 по 1900 г. число таких предприятий увеличилось в 16 раз (с 4 до 64), а стоимость выпущенной ими продукции более чем в 20 раз (с 800 тысяч рублей до 16513 тысяч рублей).

Прогресс промышленности сопровождался развитием торговли, городов и городской жизни, появлением новых торгово-промышленных центров. Одним из результатов этого процесса являлся неуклонный рост городского населения, которое с 175069 человек в 1886 г. возросло до 300590 жителей в 1897г. Иначе говоря, за одно

десятилетие городское население Грузии увеличилось на 71,7%. Необходимо отметить и то, что темпы роста городского населения были намного выше сельского, опережая последние в четыре раза.

После отмены крепостного права довольно интенсивно происходил начавшийся еще в дореформенную пору процесс формирования классов буржуазии и пролетариата. Они сконцентрировались в Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Чиатура и в некоторых других городах страны. Образование классов буржуазного общества и сосредоточение их в перечисленных выше городах изменило социальную структуру городов. Соответственно изменилась и городская культура, отступил на задний план феодальный быт.

Сдвиги в сельском хозяйстве выразились в дальнейшем развитии товарного производства. Устанавливалась более тесная связь непосредственного производителя с рынком. Продукты зерноводства, виноградарства-винодельческого производства, садоводства, скотоводства, огородничества и т. д. все чаще и во всевозрастающем размере поступали на рынок (удельный вес товарного вина, например, поднялся с 25 до 75%). Что же касается таких отраслей сельского хозяйства, как чаеводство и табаководство, то они с самого начала были тесно связаны с рынком. В 90-х гг. XIX в. население Кутаисской губернии только от продажи продукции зерноводства (кукуруза), виноградарства-виноделия, шелководства, а также табаководства получало в среднем ежегодно 11 миллионов рублей. Столько же имели и жители Кахетии, причем от одного только виноградарства-виноделия.

Значительно углубилась классовая дифференциация. Образовалась прослойка кулачества. В 80-х гг., например, 45,4% овец государственных крестьян Сигнагского, Тианетского и Душетского уездов принадлежало кулакам, удельный вес которых составлял всего лишь 1,7%². Наряду с ними был многочисленный отряд вовсе не обеспеченных средствами производства крестьян, вынужденных поддерживать свое существование продажей собственной рабочей силы. Их нанимали городские и сельские предприниматели, производившие рыночную продукцию.

Наступили тяжелые дни для феодальной собственности. Шел необратимый процесс разложения феодализма. Сокращался дворянский земельный фонд. Он почти беспрепятственно переходил в руки сельской и городской буржуазии. Насколько чувствительный был этот и ранее происходивший процесс видно из следующих данных. К 1904 г. дворянством Тифлисской губернии было заложено 652898 дес. земли, или 50% всех частновладельческих земель³. Заложенные имения, как правило, продавались с публичных торгов и таким путем становились собственностью зажиточных крестьян и купцов.

В разрушении феодально-крепостнической системы и утверждении капиталистической формации важную роль играла классовая борьба. После некоторого спада она вскоре разгорелась с новой силой. Расширилось крестьянское движение. Появление на исторической арене пролетариата не только подняло классовую борьбу сельского трудового населения на более высокую ступень, но и заложило основу новой и самостоятельной формы борьбы — рабочему движению.

Возникновение на основе развития капитализма новых общественных потребностей произвело коренные преобразования в быту, сознании и культуре грузинского народа, в соответствии с духом времени. Возрождение на принципиально новых началах общественно-экономической жизни сыграло решающую роль в консолидации грузинской национальности в нацию. Многовековой процесс поступательного развития духовной жизни грузинского народа завершился в XIX в. созданием культуры национальной по форме и буржуазно-демократической по содержанию. Больших успехов достигли, в частности, новая грузинская литература и общественная мысль, школа и печать, искусство

² Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967, с. 56—57

³ Там же, с. 65—66

и наука. Впитав в себя гуманистические традиции и идеи прошлых эпох и явившись результатом глубоких преобразований, происшедших во всех сферах жизни страны, новая грузинская культура возникла не только на почве развития собственных передовых традиций, но и на основе расширения связей и взаимоотношений с культурой других народов. Эти качественные сдвиги и преобразования происходили, разумеется, в острой идеологической борьбе. Процесс формирования новой грузинской культуры осуществлялся путем постепенного преодоления местного и иноземного консерватизма. В Грузии, как и всюду, где происходила аналогичная борьба нового со старым, в конечном счете побеждали именно прогрессивные тенденции. И отмеченные выше значительные культурные сдвиги, имевшие место в Грузии в XIX в., явились, прежде всего, результатом победы прогрессивных сил над консервативными и реакционными. В завершение многовекового процесса превращения грузинского народа в нацию прогрессивную роль сыграла Россия. Вместе с тем самодержавно-помещичья и буржуазная Россия представляла собой «тюрьму народов», в которой нерусские народы подвергались не только социальному (подобно широким массам самого русского народа), но и национально-колониальному гнету. Царизм подвергал нерусские народы насильственной ассимиляции. Национально-колониальный гнет достиг своего апогея в 80-х — 90-х гг. XIX в., когда царизм открыто перешел в наступление на самобытную культуру нерусских народов.

Свободолюбивый грузинский народ высоко ценил свою дружбу с русским народом, демократической Россией; но он не мирился с колонизаторской политикой царского самодержавия, преследовавшей всякое проявление национальной самобытности — язык, традиции и обычаи народа.

Еще в самом начале века грузинский народ с оружием в руках выступал против царских колонизаторов и их местных приспешников — собственных угнетателей. Вместе с тем на протяжении всего XIX в. национально-и социально-освободительное движение Грузии представляло собой составную часть освободительной борьбы всей России, а через ее посредство и мирового революционного движения. В этой борьбе, так же как и в движении других угнетенных наций, более или менее широкое участие принимали все прогрессивные силы общества. Национально-освободительное движение Грузии в XIX в. прошло два периода: дворянский (1802—1864 гг.) и буржуазно-демократический (1864—1895 гг.). В течение первого и на протяжении всего XIX в. крестьянское движение было основной реальной силой, выступавшей против колониальной политики царизма. В национальное движение были вовлечены все слои дворянства, образованные представители которого хотя и были либерально настроены, но не могли возвыситься до понимания необходимости вести борьбу не только за национальную, но и за социальную свободу. Чувством здорового патриотизма было проникнуто творчество и мировоззрение И. Г. Багратиони, А. Г. Чавчавадзе, Г. Д. Орбелиани, Г. Д. Эристави, С. И. Додашвили, Н. М. Бараташвили.

Во втором периоде освободительного движения задачи и цели его заметно расширились: кроме национального вопроса, были выдвинуты и такие живо интересовавшие крестьян вопросы, как ликвидация крепостного права и аграрный вопрос. Патриотическое движение тем самым еще более расширилось и углубилось. Резкая социальная дифференциация приводила к усилению классовой борьбы; возникали новые социальные силы, которые открыто вступали в борьбу за руководство народом; теперь уже под национальным вопросом явно подразумевались и противопоставлялись друг другу интересы буржуазной демократии (т. е. третьего сословия: крестьянства, мастеровых, интеллигенции, мелкой и средней буржуазии) интересы защитников крепостничества и его остатков, т. е. царизма и консервативного дворянства. В одном лагере объединились все прогрессисты, не согласные с колониальной политикой царизма, добивавшиеся восстановления и сохранения территориальной целостности Грузии, ее экономического возрождения и политической демократизации, национального равенства

и права на самоопределение, беспрепятственного развития грузинского языка и литературы. Борясь за осуществление этой программы, народные массы стихийно выступавшие против национального и социального гнета, с оружием в руках старались сбросить с себя двойное ярмо эксплуатации, тогда как демократическая интеллигенция предпочитала идейные средства борьбы, довольствуясь культурно-просветительской деятельностью. Выдающиеся руководители национально-освободительного движения — И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Я. С. Гогешвили, Г. Е. Церетели, Н. Я. Николадзе, С. Ф. Чрелашаили и др. — основали ряд культурно-просветительских учреждений («Общество по распространению грамотности среди грузин» и др.) и органов печати (журналы, газеты), а также театры, школы, библиотеки, которые служили делу просвещения масс, повышения их национального самосознания.

Просветительское движение и его идеи нашли яркое отражение в литературе. Во второй половине XVIII в. в грузинской литературе уже чувствовалось приближение новых идейно-художественных веяний, которые в XIX в. развились в мощное романтическое и критико-реалистическое литературные направления. Новая грузинская литература XIX в. выдвинула целую плеяду выдающиеся поэтов и писателей — Н. М. Бараташвили, И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, А. М. Казбеги, Важа-Пшавела и др.

Просветительская идеология явилась в Грузии теоретической основой не только для новой грузинской литературы, но и для национально и социально-освободительного движения в целом. Отдельные либерально-просветительские идеи были присущи, как известно, еще деятелям дворянского периода, а на буржуазно-демократическом этапе грузинское просветительство развилось в многогранное, революционно-демократическое мировоззрение, вобравшее в себя гуманистическое, радикальное и народническое направления и сыгравшее значительную роль в деле подготовки трудящихся масс к грядущей буржуазно-демократической революции.

В пролетарский период освободительного движения преемником просветительства выступила национальная и социальная демократия, вооруженная теорией социализма, которая не только усвоила традиции революционно-демократической мысли, но и развила их дальше, совершив переворот в грузинской общественной мысли.

Источники новой истории Грузии весьма обширны и разнообразны.

В 1835 г. в Петербурге был издан один из первых статистических сборников⁴, содержащий лишь отрывочные сведения о Грузии и далеко не удовлетворявший требованиям колонизаторов-практиков. В 1838—1840 гг. были опубликованы более обширные и совершенные статистические труды⁵, которые дают довольно правильное представление о социально-экономическом положении Грузии в 20-х—30-х гг. XIX в.

Наиболее обширным и многосторонним источником истории Грузии первой половины XIX в. являются «Акты, собранные и изданные Кавказскою археографическою комиссиею»⁶. Несмотря на тенденциозность редакции в подборе материала эту фундаментальную публикацию не может обойти ни один исследователь истории Грузии первой половины XIX в. Особенно широко отображены в «Актах» политика царского правительства и практическая деятельность его чиновников, но при всем том в них можно обнаружить много интересного для изучения социально-экономического состояния страны.

Важным источником по истории Грузии и Кавказа XIX в. является «Полное собрание законов Российской империи», в котором содержатся ценные сведения о Грузии после ее присоединения к России.

⁴ Статистическое описание Закавказского края. Составил Орест Евецкий. Спб., 1835.

⁵ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению, ч. I—IV. Спб., 1836.

⁶ АКАК, тт. 1—XII. Тифлис, 1886—1904.

После осуществления буржуазных реформ во второй половине XIX в. довольно успешную деятельность в центральных губерниях России развивают земства. В. И. Ленин высоко ценил земскую статистику, придавая ей важное значение в деле изучения социально-экономического развития России. Но в Грузии, где, как известно, земская реформа не была проведена, естественно, не существовало и земской статистики. В Закавказье сбор и обработка обобщающих статистических материалов были поручены Статистическому комитету, состоявшему из местных чиновников⁷. Под его руководством выходили также ежегодные тома «Кавказского календаря» и другие материалы. Однако критический анализ этих публикаций выявляет довольно низкий уровень статистического изучения авторами местной промышленности, сельского хозяйства, форм землевладения и аграрных взаимоотношений. Сравнительно большего доверия заслуживают материалы, собранные и изданные ведомственными учреждениями.

Ценными источниками для изучения форм землевладения и землепользования, торгового земледелия, ростовщичества, классовой дифференциации крестьян, а также других вопросов являются отчеты, составленные А. Аргутинским-Долгоруковым, С. Мачабели, Ф. Марковым, Е. Иоселиани, Н. Никифоровым, И. Бахтадзе и др.⁸ Интересные сведения содержатся в исследованиях авторов многотомного «Свода» материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья⁹. Не утратила своего значения работа А. Добровольского, посвященная поземельной регистрации временнообязанных крестьян Восточной Грузии¹⁰.

Большое значение в деле изучения развития торгового земледелия и процесса специализации сельского хозяйства имеют публикации акцизного управления, филлокосерного комитета и железнодорожного управления¹¹, издававшиеся ежегодно. Сведения для изучения уровня развития товарно-денежных взаимоотношений, и некоторых вопросов аграрной эволюции содержатся в материалах, собранных и обработанных в связи с распространением действий Крестьянского поземельного банка на Закавказский край¹². Важные сведения о состоянии частного землевладения в Грузии содержатся в «Сборнике», изданном под редакцией Ф. Г. Гогичаишвили и др.¹³ Материалы о численности населения и культурном положении края можно найти в ежегодных отчетах губернаторов и в дополнениях к ним и т. д. Для установления уровня развития капиталистических отношений большое значение имеют материалы по всеобщей

⁷ Сборник сведений о Кавказе, тт. I — IX. Тифлис, 1871—1885; Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края. Под ред. Е. Кондратенко. Тифлис, 1899; Сборник статистических сведений по Закавказскому краю. Под ред. Е. Кондратенко. Тифлис, 1902; см. также: Сборник статистических сведений о Кавказе, т. 1. Под ред. Н. И. Воронова. Тифлис, 1869; Сборник материалов для описания Тифлисской губ., т. 1, вып. 1. Под ред. К. Л. Зиссермана. Тифлис, 1870.

⁸ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, тт. I — IV. Тифлис, 1885 — 1887.

⁹ Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, тт. I — IV. Тифлис, 1887 — 1888.

¹⁰ Д о б р о в о л ь с к и й А. Поземельная регистрация временнообязанных крестьян Тифлисской губернии (по уставным грамотам). Тифлис, 1873 — 1874.

¹¹ Обзор отраслей промышленности в Закавказском крае, служащих источником косвенных налогов и поступления акцизного по краю дохода за 1901 г. Тифлис, 1902; Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе, выпуск I — VII. Тифлис, 1896 — 1897; Краткий обзор коммерческой деятельности Закавказской железной дороги по статистическим данным о перевозках пассажиров и грузов за 1898 г. Тифлис, 1900.

¹² Материалы по вопросу о распространении действий Крестьянского поземельного банка на Закавказский край. Спб., 1904.

¹³ Сборник статистических сведений о частном землепользовании в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Тифлис, 1910; Положения о крестьянах Закавказья с правительственными распоряжениями и разъяснениями правительствующего сената. Сост. К. Гоциридзе. Кутаиси, 1904.

переписи населения 1897 г., содержащие данные о численности как нанимателей рабочей силы, так и самих рабочих и т. д.¹⁴

Качественные изменения в обработке и издании исторических и иных материалов наблюдаются после установления Советской власти. С 20-х гг. XX в. происходит постепенное обогащение документальной базы исторической науки.

Важную роль в выявлении и публикации архивных материалов по истории сельского хозяйства и аграрных отношений сыграл П. В. Гугушвили¹⁵. Для освещения истории крестьянской реформы солидную документальную базу создал Ш. К. Чхетия¹⁶. Он же возглавил издание многосерийных сборников документов по истории Грузии¹⁷.

Следует отметить публикации исторических документов и материалов, осуществленные И. Г. Антелава, Н. А. Бердзенишвили, М. М. Габричидзе, Л. Г. Годеридзе, Г. К. Гозалишвили, В. И. Джикия, Г. А. Дзидзария, М. К. Думбадзе, З. И. Жвания, А. М. Иовидзе, С. Н. Какабадзе, С. С. Лекишвили, Д. М. Лемонджава, П. Н. Ломашвили, Л. К. Наниташвили, Н. Д. Нацвлишвили, В. Г. Сипрашвили, И. И. Утурашвили, И. Н. Цховребовым, З. Л. Швелидзе и др.

Большую работу по расширению документальной базы истории Грузии осуществила редакционная коллегия «Саисторио моамбе» («Исторический вестник») — орган Главного архивного управления при Совете Министров ГССР.

Наряду с вышеупомянутыми первоисточниками экономической и политической истории Грузии XIX в. для научного изучения новой грузинской культуры и общественной мысли могут быть использованы также и литературно-художественные произведения, общественно-политические и эстетико-философские, педагогические и историко-этнографические труды. Большую ценность в этом смысле представляют собой сборники, содержащие биографические данные о писателях и мыслителях, о деятелях национальной культуры и социально-политического движения¹⁸ а также мемуарная литература¹⁹ и другие документы.

Историография. Еще ранние грузинские просветители пытались изучить некоторые вопросы новой истории Грузии. В трудах Д. Г. Багратиони, И. Г. Чавчавадзе, С. И. Додашвили, Г. Д. Орбелиани, Н. М. Бараташвили и др. дана краткая характеристика грузинской действительности после присоединения Грузии к России²⁰.

Просветители революционеры-демократы и народники шире и глубже изучали борьбу грузинского народа за национальную и социальную свободу, против царизма,

¹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Под ред. Н. А. Тройницкого, т. LXIX. Тифлисская губ., т. LXVI. Кутаисская губ. Спб., 1905.

¹⁵ Г у г у ш в и л и П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. I, II, IV. Тбилиси, 1937, 1950, 1955.

¹⁶ Ч х е т и я Ш. К.* (*литература на груз. яз.) К истории крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1950.

¹⁷ Документы по истории Грузии, т. I, ч. I—II. Тбилиси, 1954—1961.

¹⁸ М е у н а р г и я И. М.* Грузинские писатели, тт. I—II. Тбилиси, 1944—1954. Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Заговор 1832 года, тт. I—III. Тбилиси, 1933—1976; Т у м а н о в Г. М. Характеристики и воспоминания, кн. I—III. Тифлис, 1913; Смерть и похороны И. Г. Чавчавадзе*. Тбилиси, 1907; Памяти Я. С. Гогебашвили*. Тбилиси, 1913; И о в и д з е А. М.* Г. Церетели. Материалы. — Саисторио моамбе, т. IV, 1952; его же*. Сергей Месхи и царская цензура— Саисторио моамбе, тт. 11—12, 1960.

¹⁹ К и п и а н и Д. И.* Мемуары. Под ред. С. И. Хундадзе. Тбилиси, 1931; Н и к о л а д з е Н. Я. Воспоминания о шестидесяти годах.— Каторге и ссылка, 1927, №4 (33), 5 (34); Д ж а б а д а р и И. С. Процесс 50-ти. — Былое, 1907, №№ 8—10; Д а в и т а ш в и л и Ш.* Народническое движение в Грузии. Тбилиси, 1933; М г а л о б л и ш в и л и С.* Воспоминания о моей жизни. Тбилиси, 1968; М а н с в е т а ш в и л и Я. А.* Воспоминания. Тбилиси, 1986.

²⁰ Д а в и д , ц а р е в и ч *. Новая история. Б а г р а т , ц а р е в и ч *. Новое повествование. Изд. Т. Ломоури. Тбилиси, 1941; И о а н н (ц а р е в и ч) *. Калмасоба. Перевод грузинского, введение и комм. В. Д. Дондуа. Тбилиси, 1954; Б а г р а т и о н и - Б а т о н и ш в и л и И.* Калмасоба, тт. I—II. Тбилиси, 1936; Ч а в ч а в а д з е А. Г.* Краткий исторический очерк Грузии и ее положения с 1801 по 1831 год. - Соч. Тбилиси, 1940; Д о д а ш в и л и С. И.* Краткое обозрение грузинской литературы или словесности. — Соч. Тбилиси, 1961; О р б е л и а н и Г. Д.* Мое путешествие от Тбилиси до Петербурга. — Полн. собр. соч. Тбилиси, 1959; Б а р а т а ш в и л и Н. М.* Судьба Грузии. — Соч. Тбилиси, 1968.

крепостничества и капитализма. В публицистических и художественных произведениях Д. Г. Чонкадзе, И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Н. Я. Николодзе, Г. Е. Церетели, Я. С. Гогешвили, А. Н. Пурцеладзе, Г. Ф. Здановича (Маяшвили) и др. освещен ряд вопросов новой истории Грузии: социальные и национальные отношения, становление новой культуры и общественной мысли на протяжении всего XIX в.²¹

С 90-х гг. XIX в. публиковались научные работы, посвященные отдельным проблемам социальной и политической истории Грузии в новое время. Из них вызывают особый интерес труды М. В. Хелтуплишвили, А. Ф. Пронели (Кипшидзе), З. Д. Авалишвили, И. А. Джавахишвили, Г. Г. Вешапели (Вешапидзе), А. К. Джорджадзе и др.²²

На рубеже XIX—XX вв. возникла грузинская марксистская историография. Для освещения новых явлений грузинской действительности, в частности распространения марксизма в Грузии, определенное значение имели публицистические выступления представителей первого поколения грузинских социал-демократов — С. В. Джибладзе, Н. Н. Жордания, К. С. Чхеидзе и др.

В деле освещения некоторых вопросов новой истории Грузии определенную роль сыграли труды марксистов-ленинцев — А. Г. Цулукидзе, И. В. Джугашвили-Сталина, Ф. Е. Махарадзе²³ и др.

Официальная дореволюционная историография Грузии XIX в. довольно обширна. Мы назовем лишь некоторые труды. Сравнительно большой вклад в освещение кавказских войн внесли Н. Ф. Дубровин²⁴, В. А. Потто²⁵, Н. М. Муравьев²⁶ и др.²⁷ Ряд вопросов социально-политической, экономической и военной истории освещен в трудах В. Н. Иваненко, Б. С. Эсадзе, С. С. Эсадзе, Сп. С. Эсадзе²⁸ и др. Исследователь, заинтересованный историей торгового виноградарства и виноделия, найдет нужные ему сведения в обширном труде М. Балласа²⁹ и в небольшом исследовании С. Н. Тимофеева³⁰.

²¹ Ч о н к а д з е Д. * Сурамская крепость. Тбилиси, 1931; Ч а в ч а в а д з е И. Г. * Призрак; О «Вестнике Грузии»; О некоторых явлениях; Жизнь и закон; Письма о грузинской литературе; Деятельность столетия и др. — Полн. собр. соч. в 10 томах. Тбилиси, 1950—1961; Ц е р е т е л и А. Р. * Письма Харлампия Могонака; Пережитое и др. — Соч. в 10 томах. Тбилиси, 1950—1963; Н и к о л а д з е Н. Я. * Освобождение крестьян в Грузии и др. — Соч. в 7 томах. Тбилиси, 1963—1985; Г о г е б а ш в и л и Я. С. * О нашем прошлом; Опора нации и др. — Соч. в 10 томах. Тбилиси, 1952—1963; Ц е р е т е л и Г. Е. * Обстановка в нашем столетии; Движение нашего времени; Мы и наше «Дрозба»; Положение нашего времени. — Дрозба, 1872, №10; 1873, №23; Кита Абашидзе и наша молодежь. — Квали, 1897, №46 и др. З д а н о в и ч - М а и а ш и л и Г. Ф. Письмо нашим общественным деятелям. — Соч. Тбилиси, 1982 и др.

²² Х е л т у п л и ш в и л и М. В. Вступление Грузии в состав Российской империи. — Юридический вестник, 1801, №7—8; П р о н е л и А. * Мтиулет 1804 году. Тбилиси, 1896; его же *. Восстание в Кахети. Тбилиси, 1907; А в а л о в З. Д. Присоединение Грузии к России. Спб., 1901, 1906; Д ж а в а х о в И. А. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. Спб., 1906 В е ш а п е л и Г. Единство Грузии и русский протекторат. Тбилиси, 1917; е г о ж е . Грузия и Россия. Тбилиси, 1919 и др.

²³ Ц у л у к и д з е А. Г. * Мечта и действительность; Автономия и интересы, пролетариата. — Соч. Тбилиси, 1901; С т а л и н И. В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос; Марксизм и национальный вопрос. — Соч., т. I. М., 1946; М а х а р а д з е Ф. Е. * О положении, крестьянства в Закавказье. — Соч., т. II, Тбилиси, 1933; Грузия в XIX столетии (Краткий исторический очерк). Тбилиси, 1933.

²⁴ Д у б р о в и н Н. История войн и владычества русских на Кавказе. тт. I—VI. Спб., 1871—1888.

²⁵ П о т т о В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Изд. 2-е. Спб., 1886—1887; тт. IV—V. Тифлис, 1887—1889.

²⁶ М у р а в ь е в Н. Н. Война за Кавказом в 1865 г., тт. 1—2. Спб., 1877.

²⁷ Утверждение русского владычества на Кавказе, тт. I—IV. Тифлис. 1901—1908.

²⁸ И в а н е н к о В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901; Э с а д з е Б., Э с а д з е С. Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война 1854—1856 гг. Тифлис, 1898; Э с а д з е Б. Краткий очерк двухвековой борьбы русских на Кавказе. Тифлис, 1899; е г о ж е . Очерк сношений России с единоверной Грузией и прибытие русских в Иверию. Тифлис, 1899; его же. Очерки Карсской области. (Карс). 1912; е г о ж е . Летопись Грузии. Вып. 1 (Тифлис). 1913; Э с а д з е С. Историческая записка об управлении Кавказом, тт. I—II. Тифлис, 1907; Э с а д з е С п и р и д о н . Очерк истории горного дела на Кавказе. Тифлис. 1903.

²⁹ Б а л л а с М. Виноделие в России, чч. II—III. Спб., 1896—1897.

При изучении аграрного вопроса исследователь не может обойти С. Л. Авалиани³¹. Интересный материал по тем же вопросам содержат труды О. Семина³², И. Сегалья, Г. Зерцалова³³ и др.

Дореволюционные издания источников и литературы хотя и содержат целый ряд интересных материалов для освещения политической, социально-экономической и военной истории края, однако нельзя забывать, что этот материал весьма противоречит, требуя к себе строгого критического подхода.

Официальные историки всячески раздували «цивилизаторскую» роль царского правительства, пытаясь приписать ему положительные явления.

Определенная тенденциозность характеризовала также оппозиционную историографию. Дореволюционные немарксистские историки рассматривали капитализм лишь как технический прогресс. Они изучали технико-экономическую сторону промышленных и сельскохозяйственных предприятий, тогда как социальное содержание капиталистической формации не входило в сферу интересов их исследований.

Более того, публицисты-исследователи как народнического, социал-федералистского так и либерально-буржуазного толка, под влиянием ли своих предвзятых точек зрения или по иным соображениям, игнорировали процессы капиталистического развития страны, не замечая классового расслоения крестьянства и упуская из виду факты возникновения новых классов капиталистического общества. Большинство из них, считая мелкое производство явлением нормальным и вполне соответствующим условиям, объявляли крупные капиталистические предприятия явлением случайным. Поэтому в дореволюционной литературе, если не принимать во внимание марксистского наследия, мы не находим одного серьезного исследования капиталистической экономики.

Труды С. И. Гулишамбарова³⁴, например, представляют собой поверхностный обзор существовавших в ту пору в Грузии и Закавказье в целом фабрик и заводов. Х. А. Вермишев на примере хозяйства кн. И. Багратиона-Мухранского изучил эволюцию помещичьего хозяйства, но и в его исследовании на передний план выдвигается зерновое хозяйство, основанное на отработочной системе, тогда как виноделие, зиждившееся на капиталистическом способе производства, остается в тени³⁵.

Теоретики марксизма-ленинизма попытались по-новому изучить объективно-исторический процесс развития той или иной страны. Для научного изучения новой истории Грузии определенное значение имели труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина³⁶.

Грузинские историки проделали большую работу по раскрытию положения о том, кто после крестьянской реформы «русский капитализм втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и

³⁰ Тимофеев С. Н. Сбыт кавказских вин. (Закавказье). Тифлис, 1895.

³¹ Авалиани С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, тт. I—III. Одесса, 1912—1914; т. IV. Тифлис, 1920; т. V (подготовка к изданию Г. Н. Маргиани). Тбилиси, 1986.

³² Семина О. Великая годовщина. Киев, 1911.

³³ Сегаль И. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тифлис, 1912; Зерцалов Г. В. Юбилей реформы в Тифлисской губ. Что дало помещичьим крестьянам Тифлисской губ. Положение 13 октября 1864 г. Тифлис, 1914.

³⁴ Гулишамбаров С. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. Тифлис, 1888; его же. Обзор фабрик и заводов Закавказского края, Тифлис, 1894.

³⁵ Вермишев Х. А. Очерк хозяйства кн. И. К. Багратиона-Мухранского. Тифлис, 1885.

³⁶ Качарава Ю. М.* К. Маркс и Ф. Энгельс о Грузии. Тбилиси, 1969; его же*. В. И. Ленин и вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1976.

господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»³⁷.

Грузинская советская историческая наука, вооруженная научной методологией, уделяет большое внимание разработке вопросов истории Грузии XIX в. Историки Грузии, преодолев мировоззренческую и методологическую ограниченность дореволюционной и послереволюционной историографии, сумели поднять научное исследование на более высокую ступень. Уже в 20-х—30-х гг. XX в. появляются труды ряда грузинских советских ученых: Г. Т. Георгадзе, Н. А. Бердзенишвили, П. В. Гугушвили, Г. В. Хачапуридзе и др., в которых особое внимание уделялось важнейшей проблеме истории Грузии XIX в. — генезису и развитию капитализма. Так, например, на основе изучения существовавших в Картли и Кахети XVIII в. красилен Н. А. Бердзенишвили пришел к выводу; что эти предприятия явились предтечей позднейших капиталистических мануфактур, что во второй половине XVIII в. в Картли и Кахети уже зарождались элементы буржуазных отношений.

П. В. Гугушвили было выдвинуто положение о возникновении буржуазных отношений в недрах феодальной Грузии первой половины XIX в., о прохождении капиталистической промышленностью Грузии всех стадий развития от начальной и до высшей формы. На основании изучения ряда предприятий П. В. Гугушвили пришел к заключению, что в дореформенной Грузии уже налицо мануфактурная стадия капитализма. Изучению вопроса генезиса капитализма уделялось огромное внимание в связи с установлением периодизации новой истории Грузии и вообще с созданием систематического курса новой истории.

Исследование этого вопроса было особенно интенсивным в 40—50-х гг. XX в. Постепенно выявились две тенденции, две точки зрения: часть исследователей пришла к выводу, что зародыши капиталистических отношений в Грузии существовали еще во второй половине XVIII в., что к середине XIX в. уже сложился капиталистический уклад, а в 60—70-х гг. капиталистическая формация утверждается окончательно. Другие считают, что в дореформенной Грузии налицо были лишь незначительные зародыши капитализма, а капиталистический уклад сформировался лишь после буржуазных реформ, т.е. в 70-х гг. XIX в.³⁸

В 1954 г. Институт истории им. И. А. Джавахишвили провел дискуссию по вопросу о генезисе капитализма.

После дискуссии изучение вопросов генезиса капитализма в Грузии было продолжено с еще большей интенсивностью. В научный оборот поступили новые материалы. В настоящее время большинство исследователей, определяя хронологические рамки возникновения капиталистического уклада, указывают на 30-е—60-е гг. XIX в. и не

³⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

³⁸ Гугушвили П. В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья XIX—XX вв. тт. I—VI. Тбилиси, 1949—1979; его же*. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв., т. I, Тбилиси, 1957; Хетия Ш. К. Тифлис в XIX столетии. Тбилиси, 1942; Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хостария Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии Тбилиси, 1967; Панджава А. Я. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии. М., 1957; Гоголадзе Д. А.* Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии. Тбилиси, 1959; Анчабадзе З. В. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1966; Анчабадзе З. В., Думбадзе М. К. К вопросу о характере социально-экономического развития Грузии в дореформенный период XIX в. (тезисы). Тбилиси, 1954; Антелава И. Г.* К вопросу о характере социально-экономического развития Грузии в XVIII веке. Тбилиси, 1977; Хостария Э. В.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Грузии XIX в., чч. I—II. Тбилиси, 1966—1968; Самсонадзе М. М.* Промышленное развитие Тбилиси в дореформенный период XIX в. Тбилиси, 1968; Гугушвили П. В. К истории мануфактурного производства в Закавказье. — МИГК, разд. III. Тбилиси, 1939; Хетия Ш. К. К вопросу о генезисе буржуазной культуры в Грузии. — Труды ТГПИ им. А. С. Пушкина, т. III, 1943, с. 148.

исключают возможности существования зародышей новой формации еще во второй половине XVIII в. — первой трети XIX в.

Сила экономического развития страны, антикрепостническая идеология, крестьянское движение и складывавшаяся в стране революционная ситуация вынудили царизм провести ряд буржуазных реформ, чтобы тем самым несколько обновить обветшалое социально-политическое здание Российской империи в соответствии с духом времени.

Грузинская историография особое внимание уделяла изучению развития капиталистических отношений в пореформенной Грузии. Развитие капитализма в промышленности освещено в трудах П. В. Гугушвили, Г. К. Бакрадзе, Н. М. Ткешелашвили, Э. В. Хоштария, Н. С. Родовая, А. И. Кочлавашвили, Г. Н. Маргиани, Д. А. Гоголадзе и др.³⁹ В этих исследованиях более или менее полно изучены различные формы промышленности, ремесло, домашнее производство, капиталистическое производство, стадии капиталистической промышленности (простая капиталистическая кооперация, мануфактура, машинная индустрия), хронологические рамки господства этих форм и стадий, их удельный вес и значение в экономике Грузии.

Изданы труды по вопросам зарождения и развития капитализма в деревне⁴⁰, в которых освещены развитие торгового земледелия, формы торговли и кредита, буржуазная эволюция аграрных отношений, социальная дифференциация крестьянства, капиталистическая эволюция помещичьих хозяйств, масштаб использования наемного труда в сельском хозяйстве и др. вопросы.

Советские историки с самого начала уделяли большое внимание изучению социальных классов капиталистической Грузии, освещению положения трудящихся масс и их борьбы.

О самом многочисленном классе капиталистической Грузии — крестьянстве — написано немало трудов. В двухтомной монографии И. Г. Антелава⁴¹ изучено социально-экономическое положение государственных крестьян XIX в., показана роль этой социальной прослойки в экономике и освободительной борьбе, рассмотрены перемены,

³⁹ Б а к р а д з е Г. К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1958; Т к е ш е л а ш в и л и Н. М. Очерки из истории промышленности Грузии (1864—1920). Тбилиси, 1958; Р о д о н а я Н. С.* Промышленность г. Тбилиси во второй половине XIX в.

(пореформенный период). Тбилиси, 1961; М а р г и а н и Г. Н.* Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат в дореволюционной Грузии (1879—1921). Тбилиси, 1963; его же*. Промышленность и промышленный пролетариат Грузии (1864—1917). Тбилиси, 1976;

К о ч л а в а ш в и л и А. И.* Развитие горнометаллургической промышленности Грузии в XIX веке.

Тбилиси, 1962; Г о г о л а д з е Д. А.* Горнорудная, горнозаводская промышленность в Грузии и некоторые вопросы генезиса капитализма (XVIII—XIX вв.). Тбилиси, 1966 и др.

⁴⁰ М о ч а л о в В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958; У т у р а ш в и л и И. И.* Сопоставление социально-экономических групп крестьянства Восточной Грузии. — Мацне, 1967. №1; П а н ц х а в а А. Я. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии. М., 1957; его же. Вопросы аграрной истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1973; Г о г о л а д з е Д. А.* Социально-экономическое развитие Грузии в позднефеодальную эпоху (поземельные отношения). 1800—1864 гг. Тбилиси, 1971; О р д ж о н и к и д з е Э. А.* Эволюция аграрных отношений в Грузии (дореформенный период XIX в.). Тбилиси, 1983; Г в а х а р и я Л. А.* Государственные подати и повинности в Восточной Грузии в первой половине XIX века. Тбилиси, 1960; Л о м с а д з е Ш. В.* Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по 50-е годы XIX в. Тбилиси, 1975; Г а б л и ш в и л и Н. А. Грузинская деревня в 30-х— начале 60-х годов XIX в. Тбилиси, 1980; С у р г у л а д з е А. Т.* Развитие товарных отношений в сельском хозяйстве Грузии во второй половине XIX в. Батуми, 1959; Н а ц в л и ш в и л и Н. Д.* Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства в Восточной Грузии. Тбилиси, 1971; Ш в е л и д з е Н. К. Из истории социально-экономического развития Грузии, Тбилиси, 1967; Ч х е и д з е Т. Б.* Удельные владения в Кахети. Тбилиси, 1968; его же *. Капитализм в сельском хозяйстве Восточной Грузии (1888—1917). Тбилиси, 1978; А д а м и я В. И. Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870—1900). Тбилиси, 1976.

⁴¹ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне Грузии в XIX в., т. (2-е изд.), т. II. Тбилиси, 1962—1969.

происшедшие в положении государственных крестьян в пореформенный период. Изданы отдельные работы, в которых освещены вопросы социальных отношений⁴².

Вопросы классовой борьбы крестьянства предреформенной Грузии освещены в трудах И. А. Джавахишвили, Ф. Е. Махарадзе, Г. В. Хачапуридзе, А. Я. Киквидзе, О. П. Марковой, М. М. Ахобадзе, Ш. К. Чхетия, Ю. М. Сихарулидзе, Н. Б. Махарадзе, Д. М. Лемонджава, В. Я. Тогонидзе, А. Г. Матиашвили, М. Б. Канкава (Колхидели), О. Н. Соселия и др.⁴³

Задача изучения сущности буржуазных реформ, их подготовки и проведения давно уже стоит перед советской исторической наукой. Однако на сегодняшний день более или менее полно освещена крестьянская реформа⁴⁴. Остальные же буржуазные преобразования, имевшие место в Грузии 70—80-х гг. XIX в., до сих пор в научной литературе изучены недостаточно глубоко и полно. Исключение в этом отношении составляют исследования А. С. Бендианишвили⁴⁵, Ш. Н. Ванишвили и др.

Социально-экономическое положение крестьян пореформенной Грузии и вопросы общественно-политического движения освещены в исследованиях И. Г. Антелавы, В. Г. Гучуа, И. И. Утурашвили, А. Г. Пирцхалайшвили, И. И. Мирцхулава, М. В. Ахобадзе, А. С. Бендианишвили, З. Л. Швелидзе, Г. А. Гасвиани и др.⁴⁶

⁴² См.: Б е р и а ш в и л и Т. Г.* Социальные слои городов дореформенной Грузии (мокалаке). Тбилиси, 1964 и др.

⁴³ Д ж а в а х о в И. А. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. Спб., 1906; М а х а р а д з е Ф. Е., Х а ч а п у р и д з е Г. В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. М., 1932; К и к в и д з е А. Я.* История Грузии (XIX в.). Тбилиси, 1954; М а р к о в а О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951; А х о б а д з е М. М. Грузинское крестьянство в борьбе за землю и освобождение (50—60-е гг. XIX в.). Тбилиси, 1977; Ч х е т и я Ш. К.* Восстание крепостных в Мегрелии в 1863 г. — Материалы по истории Грузии и Закавказья. Тбилиси, 1937; е г о ж е *. Крестьянское движение в Грузии, — Исторический вестник, т. 7. Тбилиси, 1952; С и х а р у л и д з е Ю. М.* Восстание крестьян в Гурии в 1841 г. Тбилиси, 1956; М а х а р а д з е Н. Б. Восстание в Имерети 1819—1820 гг. — Материалы по истории Грузии и Кавказа, т. 3. Тбилиси, 1942; Л е м о н д ж а в а Д. М.* Крестьянское восстание в Мегрелии в 1856—1857 гг. Тбилиси, 1957; е г о ж е *. Антикрепостническое движение крестьян в дореформенной Грузии (30—60-е гг. XIX в.). Сухуми, 1970; е г о ж е *. Краткий очерк истории крестьянского движения в Грузии в середине XIX века. Тбилиси, 1987; Т о г о н и д з е В. Я.* Крестьянское восстание в Нагорной Картли (1804 г.). Тбилиси, 1951; М а т и а ш в и л и А. Г.* Движение помещичьих крестьян в Грузии, Тбилиси, 1965; К о л х и д е л и (К а н к а в а) М. Б.* Крестьянское восстание 1857 г. в Мегрелии и народный трибун Уту Микава. Тбилиси, 1926; С о с е л и я О. Н.* Материалы для истории классовой борьбы в Западной Грузии феодального периода (XVII—XIX вв.). Тбилиси, 1960; Ж о р д а н и я О. К. К вопросу о революционной ситуации в Грузии в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. Тбилиси, 1971.

⁴⁴ Г у г у ш в и л и П. В.* Отмена крепостного права в Грузии. — Большевик, 1939, №№9—10; Ч х е т и я Ш. К.* К истории крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1950; У т у р а ш в и л и И. И. Реализация крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1976; П у р ц е л а д з е Г. А.* Крестьянская реформа в Восточной Грузии. Тбилиси, 1970; А х а л а я И. Д.* Крестьянская реформа в Мегрелии. Сухуми, 1958; Ж о р д а н и я О. К. История крестьянской реформы в Грузии, кн. I. Тбилиси, 1982 и др.

⁴⁵ Б е н д и а н и ш в и л и А. С.* Городское самоуправление и борьба за его демократизацию в Грузии в 1875—1917 гг. Тбилиси, 1982.

⁴⁶ А н т е л а в а И. Г., Г у ч у а В. Г.* Из история социальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1967; А н т е л а в а И. Г.* Из истории общественно-политического движения и общественной мысли в Грузии (вторая половина XIX в.). Тбилиси, 1967; У т у р а ш в и л и И. И.* Классовая дифференциация крестьянства в Грузии во второй половине XIX века (по материалам Горийского уезда). Тбилиси, 1957; П и р ц х а л а й ш в и л и А. Г. К истории выступления тбилисских амбаров в 1965 г. — Исторические записки, т. 8, 1940; А с а т и а н и А. Г.* Восстание бедняцкого народа Тбилиси в 1865 г. Тбилиси, 1971; А х о б а д з е М. В.* Крестьянское движение в Грузии в 60-х—90-х годах XIX в. Тбилиси, 1970; Б е н д и а н и ш в и л и А. С.* Аграрные отношения в Грузии в 1890—1917 гг. Тбилиси, 1965; е г о ж е *. Национальный вопрос в Грузии в XIX — начале XX в. Тбилиси, 1980; Ш в е л и д з е З. Л.* Революционно-народническое движение в Грузии. Тбилиси, 1960; Г а с в и а н и Г. А.* Вопросы истории горцев Западной Грузии. Тбилиси, 1979.

Труды по истории формирования рабочего класса, роста его самосознания и освободительной борьбы изданы Ф. Е. Махарадзе, Г. В. Хачапуридзе, А. Я. Киквидзе, Н. А. Чахвашвили, Э. В. Хоштария, Г. Н. Маргиани и др.⁴⁷

Специальный труд Ш. К. Чхетия посвящен истории русского правления в Грузии и его эволюции⁴⁸. Ряд вопросов политической и социально-экономической истории Западной Грузии в первой половине XIX в. освещен в монографии М. К. Думбадзе⁴⁹. Немало трудов посвящено участию грузинского народа в русско-иранской и русско-турецкой войнах (И. Г. Антелава, Х. А. Ахвледиани, Е. Е. Бурчуладзе, Н. М. Кортуа, Ш. В. Мегрелидзе и др.). Значительная работа проведена и по созданию систематического курса истории Грузии XIX в. Издан двухтомник А. Я. Киквидзе⁵⁰, учебник и по новой истории Грузии⁵¹.

Еще до революции были написаны интересные статьи и книги по языку, истории и этнографии Абхазии⁵² — П. К. Услара, С. Т. Званба, Г. Е. Церетели, Г. М. Шервашидзе (Шарвашидзе), Д. З. Чхотуа, Н. Я. Марра, Н. С. Джанашиа, К. Д. Мачавариани, П. Г. Чарая, С. С. Эсадзе и др., Аджарии⁵³ — Г. Н. Казбеги, Д. З. Бакрадзе, Д. Т. Сахокия и др., получившие резонанс в научном мире и заинтересовавшие не только грузинскую и русскую, но и европейскую общественность.

В годы Советской власти были опубликованы обобщающие работы по истории Абхазского, Аджарского и Юго-Осетинского автономных регионов в XIX веке⁵⁴.

⁴⁷ Махарадзе Ф. Е., Хачапуридзе Г. В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. М., 1932; Киквидзе А. Я.* История рабочего движения в Грузии (1870—1901 гг.). Тбилиси, 1945; Чахвашвили Н. А. Рабочее движение в Грузии (1870—1904); Хоштария Э. В. Указ. соч.; Маргиани Г. Н. Указ. соч.

⁴⁸ Чхетия Ш. К.* Система русского управления в Грузии. — Вестник ИЯИМК, т. 8. 1940, Вестник ГМГ, т. XII—V, 1944.

⁴⁹ Думбадзе М. К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. Тбилиси, 1957.

⁵⁰ Киквидзе А. Я.* История Грузии (XIX в.). Тбилиси, 1954; его же*. История Грузии. XIX—XX вв. II. Тбилиси, 1959; его же*. История Грузии. 1801—1890 гг. Тбилиси, 1977.

⁵¹ Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А., Ратиани П. К.* История Грузии, т. I. Тбилиси, 1958; т. II (авт. кол.). Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1960; Качарава Ю., Киквидзе А., Ратиани П., Сургуладзе А. История Грузии. Тбилиси, 1973.

⁵² Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887; Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982; Церетели Г. Е. Письма с Кавказа. — Голос, 1878. №№257, 297; Шарвашидзе Г. Так ли пишется история? (Письмо в редакцию). — Закавказье, 1910, №126; Чхотуа Д. З.* Два обычая в Абхазии. — Дрозба, 1871, №35; Марра Н. Я. О языке и истории абхазов. М.—Л., 1938; Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960; Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по Сухуми и Сухумскому округу. Сухум, 1913; Чарая П. Г. Об отношении абхазского языка к I яфетическим. Спб., 1912; Эсадзе С. С. К 40-летию уничтожения автономии Абхазии. — Тифлисский листок, 1904, № 266—269; его же. Волнение в Абхазии в 1866 году. — Кавказский край, 1905, №1—4, 9, 13 и др.

⁵³ Казбек Г. Три месяца в Турецкой Грузии. Тифлис, 1875; Бакрадзе Д. М. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. Спб., 1878; Сахокия Ф. Т.* Путешествия. Тбилиси, 1950.

⁵⁴ Джанашиа С.* Георгий Шарвашидзе. — Шарвашидзе Г. М. Лирика, эпос, драма. Второе изд. Тбилиси, 1985; Дзидзариya Г. А. Труды, т. I: Присоединение Абхазии к России; Народное хозяйство и социальный строй дореформенной Абхазии. Сухуми, 1988; его же. Восстание 1866 г. в Абхазии. Сухуми, 1955; его же. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979; его же. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Второе изд. Сухуми, 1982; Анчабадзе З., Дзидзариya Г. Дружба извечная, нерушимая. Сухуми, 1972; Гамисония К. В.* Абхазская деревня в конце XIX века и в начале XX века (1880—1905 гг.). Сухуми, 1973; Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I. Сухуми, 1934; Дзидзигури Л. М.* Крестьянская реформа в Абхазии. Сухуми, 1960; Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии, 1985 и др.; Очерки истории Абхазской АССР. (Авт. кол.), ч. I. Сухуми, 1960; Анчабадзе Я. В., Дзидзариya Г. А., Качарава А. Э. История Абхазии. Учебное пособие. Сухуми, 1986; Дзидзариya Г. А., Качарава Ю. М. Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов XIX — начала XX вв. Тбилиси, 1952; Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965; Ахвледиани Х. А.* Очерк из истории Аджарии. Батуми, 1944; его же. Из истории народно-освободительной борьбы в Южной Грузии. Батуми, 1957; его же.

Грузинская наука располагает исследованиями библиографического и историографического характера по отдельным проблемам новой истории, в которых собраны воедино и критически осмыслены важнейшие первоисточники по истории грузинской культуры, социально-политической мысли и общественного движения. Сжатый обзор всей наличной по данному вопросу литературы предпослан пятому тому «Очерков истории Грузии»⁵⁵.

Начало исследования новой грузинской культуры, литературы и общественной мысли было положено еще в первой половине XIX в. (в работах И. Г. Багратиони, С. И. Додашвили, М. И. Броссе, З. И. Чубинашвили и др.). В 60-х—90-х гг. прошлого века грузинские просветители и народники создали ряд научно-популярных очерков, в которых даны попытки более глубокого изучения и осмысления основных достижений новой грузинской литературы и общественно-политической мысли (И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Г. Е. Церетели, Н. Я. Николадзе, Я. С. Гогешашвили, М. Г. Джанашвили, Д. З. Бакрадзе, А. А. Цагарели, А. Н. Пурцеладзе, Е. С. Мчедлидзе (Бослевели), С. Ф. Чрелашвили, Г. Ф. Зданович-Маяшвили, Р. С. Панцхава (Хомлели) и др.).

В 1890-е—1900-е гг. в идеологической борьбе против просветительской и народнической историографии создавалась социал-демократическая (С. В. Джибладзе, Н. Н. Жордания, И. Г. Церетели, П. П. Гелейшвили, И. Г. Гомартели и др.) и национально-демократическая (К. Г. Абашидзе, А. К. Джорджадзе, Я. С. Панцхава и др.) историография. Одновременно с ними формально беспартийные ученые-историки и литераторы продолжали дело собирания и обобщения материалов по данной теме (Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили, А. С. Хаханашвили, С. Р. Горгадзе, Г. Д. Кикодзе и др.). Выше было сказано, что в конце 1890-х — начале 1900-х гг. возникла и грузинская революционно-марксистская историография по истории новой грузинской культуры (А. Г. Цулукидзе, Ф. Е. Махарадзе, И. В. Джугашвили-Сталии и др.).

В противовес дворянскому (Г. К. Багратион-Мухранский), а также великодержавному (М. Н. Катков) космополитизму и шовинизму революционно-демократические просветители со всей рельефностью подчеркивали именно патриотическое и демократическое содержание новой грузинской литературы, культуры и общественно-политической мысли, подчас греша при этом некоторой идеализацией прошлого. Народники, предъявившие было к литературе и общественной мысли требование отстаивания ими интересов лишь крестьян, зачастую впадали в нигилизм.

Прогрессивные последствия Георгиевского трактата (освобождение Аджарии). Батуми, 1983; А в а л и а н и А. Б.* Формы землевладения в Аджарии. Батуми, 1960; Д и а с а м и д з е Д., Н и ж а р а д з е Н. Аджарская АССР. Тбилиси, 1967; М е г р е л и д з е Ш. В. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси 1972; его же. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Батуми, 1955; С и ч и н а в а В. Н. Из истории Батуми. (Присоединение к России и социально-экономическое развитие в 1878—1907 гг.). Батуми, 1958; Ч х е и д з е А. Е. Английская политика на Кавказе. Тбилиси, 1973; его же. Батуми в ближневосточной политике Англии. Батуми, 1973; Цквитария П. К. История революционного движения в Аджарии (1890—1921). Батуми, 1979; А б а е в В. Д. Экономическое развитие Юго-Осетии в период капитализма, ч. II, Тбилиси, 1956; В а н е в З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Сталинири, 1956; Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. I. Тбилиси, 1985 и др.

⁵⁵ Очерки истории Грузии* (авт. кол.). Под ред. И. Г. Антелава, т. V. Тбилиси, 1970, с. 22—24, 30—39; см. также: Г а б а ш в и л и В. Н. Грузинская историография. — Очерки истории исторической науки в СССР, тт. I—II. М, 1955; К а ч а р а в а Ю. М.* Вопросы грузинской историографии. Тбилиси, 1976—1977; М а р г и а н и Г. Н.* Историография народнического и новейшей истории. Тбилиси, 1969; его же*. Актуальные проблемы грузинской историографии. Тбилиси, 1986; Р а т и а н и П. К.* Проблемы грузинской историографии в свете марксистско-ленинского учения, ч. I—II. Тбилиси, 1976—1977; М а р г и а н и Г. Н.* Историография народнического движения в Грузии. Тбилиси, 1978; Р о д о н а я Н. С.* Историография крестьянского движения в Грузии. Тбилиси, 1980; Б е н д и а н и ш в и л и А. С., Г а п р и н д а ш в и л и М. М., М а р г и а н и Г. Н., О р д ж о н и к и д з е Э. А.* Историография новой истории Грузии. — Мацне, 1981, №3; Г а п р и н д а ш в и л и М.* Национальное и классовое в просветительско- революционно-демократическом и утопическо-социалистическом мировоззрении Ильи Чавчавадзе. Тбилиси, 1987; его же*. К историографии грузинского просветительства. Тбилиси, 1988.

Революционные марксисты, в основном не склонявшиеся в сторону ни одной из этих крайних точек зрения, все же иногда и сами заражались космополитическим нигилизмом и вульгаризмом.

Все эти тенденции более или менее четко выявились уже в ранних литературных и исторических трудах таких видных исследователей и публицистов, как А. С. Хаханавили, А. К. Джорджадзе, К. Г. Абашидзе и др. В ту же пору были предприняты попытки исследования истории грузинской музыки (Д. И. Аракишвили), грузинской печати (Г. Ф. Кишпидзе и З. Э. Чичинадзе).⁵⁶

Научное исследование вопросов истории новой грузинской культуры, общественной мысли и общественно-политического движения чрезвычайно расширилось и углубилось в советский период. Уже в 20-х—30-х гг. были изданы обширные труды К. С. Кекелидзе, В. В. Котетишвили, С. И. Хундадзе, К. Г. Капанели (Чантурия), М. З. Зандукели, Г. Д. Кикодзе, Л. Н. Асатиани, Хр. Л. Рачвелишвили по истории литературы и общественной мысли, а также об отдельных писателях и мыслителях⁵⁷. В этих трудах, несмотря на некоторые пробелы и неточности, собран и систематизирован большой фактический материал, разбросанный по архивам и на страницах различных органов печати. В них впервые дана научная характеристика зарождения, развития, этапов, направлений, идейных источников, классового содержания новой грузинской литературы и общественной мысли. В дальнейшем большой вклад в исследование проблемы внесли Ш. И. Нуцубидзе, С. Н. Джанашиа, Н. А. Бердзенишвили, Г. Н. Леонидзе, Ш. Д. Радиани, В. Д. Жгенти и др.⁵⁸

За последние 30—40 лет истории новой грузинской литературы и общественно-политической мысли посвятили обширные труды Г. Н. Абзианидзе, С. Ш. Авалиани, И. Г. Антелава, В. С. Бахтадзе, С. Л. Берадзе, В. А. Вахания, В. А. Гагоидзе, Д. М. Гамезардашвили, М. М. Гаприндашвили, Л. Е. Горгиладзе, М. К. Гоцадзе, П. В. Гугушвили, Г. Н. Джибладзе, В. Б. Донадзе, В. Д. Дондуа, Г. И. Закариадзе, П. Е. Ингороква, А. П. Иоселиани, А. П. Каландадзе, М. А. Квеселава, А. Д. Кенчошвили, Т. Г. Кукава, А. А. Кутелия, А. С. Махарадзе, Г. И. Мегрелишвили, К. Н. Медзелия, Ш. И. Мисабишвили, П. К. Ратиани, Г. И. Русия, А. Н. Сургуладзе, Н. П. Табидзе, Г. С. Тодуа,, А. Л. Чавлеишвили, О. Г. Чургулия, В. С. Шадури, З. Л. Швелидзе и другие историки, философы, литераторы и экономисты⁵⁹.

⁵⁶ Хаханов А. С. Очерки по истории грузинской словесности, вып. I—IV. М., 1895—1911; Джорджадзе Арч.* Материалы к истории грузинской интеллигенции. — Соч. кн. V. Тбилиси, 1914; Абашидзе К.* Этюды из истории грузинской литературы. Тбилиси, 1914; Кишпидзе Гр.* Периодическая пресса на Кавказе. Тбилиси, 1901; Чичинадзе З.* История грузинских газет и журналов. Тбилиси, 1902.

⁵⁷ См.: Кекелидзе К. С.* История древнегрузинской литературы, тт. I—II. Тбилиси, 1923—1924; Котетишвили В. В.* История грузинской литературы, тт. I—III. Кутаиси, 1925—1927; Капанели К.* Грузинский дух в эстетических образах. Тбилиси, 1926; Хундадзе С. И.* К истории социализма в Грузии, тт. I—II. Тбилиси, 1926—1927; Зандукели М. З.* Новая грузинская литература, тт. I—II. Тбилиси, 1932—1933; Асатиани Л. Н.* Вольтеррианство в Грузии. Тбилиси, 1933; Кикодзе Г. Д.* Очерки. Тбилиси, 1939.

⁵⁸ См.: Нуцубидзе Ш. И.* История грузинской философии, тт. I — II. Тбилиси, 1946 — 1958; Радиани Ш. Д.* Новая грузинская литература, тт. I — II. Тбилиси, 1946 — 1955; Барамидзе А. Г., Радиани Ш. Д. Жгенти В. Д. История грузинской литературы. М., 1952.

⁵⁹ См.: Гугушвили П. В.* Грузинская журналистика, т. I. Тбилиси, 1941; его же. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественности. Тбилиси, 1952; Горгиладзе Л. Е.* Из истории грузинской общественной мысли. Тбилиси, 1961; Джибладзе Г. Н.* Критические этюды, тт. I — VI. Тбилиси, 1950—1973; Квеселава М. А.* Фаустовы парадигмы, тт. I — II. Тбилиси, 1961; Антелава И. Г.* Из истории общественно-политического движения и общественной мысли. Тбилиси, 1967; Гагоидзе В. А.* Основные направления философской мысли в Грузии XIX в. Тбилиси, 1964; Гаприндашвили М. М.* Очерки истории грузинской общественной мысли, тт. I—III. Тбилиси, 1959—1988; см. подробнее: Очерки истории Грузии, т. V. Тбилиси, 1970, с. 36—38, а также: Гаприндашвили М. М. Грузинское просветительство. Тбилиси, 1977, с. 230 — 25

Попытка осмысления грузинской общественно-политической мысли XIX в. дана в учебниках по истории Грузии⁶⁰. Достижения 60-летней исследовательской работы во многом способствовали созданию в 1970 г. обширного научного труда, в котором дана попытка всесторонней, системной характеристики экономической, социально-политической, национальной и духовной жизни грузинского народа — V тома «Очерков истории Грузии». В нем подытожены и обобщены положения, которые более убедительно и всесторонне обоснованы в историографии по идеологии социально-и национально-освободительного движения в Грузии XIX в.

В томе содержится научно обобщенный богатый фактический материал, знакомящий читателя с достижениями грузинской историографии предыдущих десятилетий, со свойственными некоторым ее представителям нигилизмом, схематизмом и вульгаризацией прошлого, с основными направлениями общественного движения и общественной мысли, с культурой, материальным и духовным бытом народа, с развитием литературы, прессы, образования, науки и искусства в Грузии XIX в.⁶¹

Социально и национально-освободительное движение в Грузии этой эпохи являлось частью революционно-демократического движения народов Российской империи и через его посредство — частью мирового революционного процесса. Новая грузинская общественно-политическая мысль, отображавшая процесс разложения феодализма и развития капитализма, новая просветительская идеология, зародившаяся во второй половине XVIII в. и продолжавшаяся до самого начала XX в., прошла ранний, классический и поздний этапы своего развития. Прогрессивная и демократическая новая идеология была представлена (начиная с последней трети XIX в.) в виде идейных течений («даси»), национальные и социальные программы которых выражали интересы буржуазной демократии, и демократической буржуазии, интересы третьего сословия в национально и социально-освободительном движении, направленном против царизма, консервативного крупного дворянства и плутократической буржуазии. В новой грузинской общественной мысли тесно переплетались друг с другом просветительство и гуманизм, революционный демократизм и утопический социализм. Носителями и выразителями этих идей в зачаточном виде являлись сначала ранние просветители, а потом, в переходный от феодализма к капитализму период — просветители—революционные демократы и утопические социалисты, теоретики той новой жизни, которая должна была возникнуть на обломках крепостничества и капиталистического плутократизма в результате демократического переворота, мыслимого тружениками тех времен — широкими массами буржуазной демократии, пауперизированными крестьянами и рабочими, неимущими мелкими производителями и разоренными мелкими собственниками, как свершение их многовековых национальных чаяний и надежд, их социальных и интернациональных мечтаний.

Подобная характеристика новой грузинской общественной мысли в общем и в целом разделяется большинством исследователей⁶². Сформулированные выше положения более убедительно объясняют существенные стороны новой грузинской общественной мысли, условия ее зарождения и развития, ее национальный и классовый характер. Существование же различных мнений относительно некоторых спорных вопросов и оценок свидетельствует о том, что, во-первых, эти оценки требуют дальнейшей, более углубленной и тщательной разработки, а, во-вторых, споры зачастую возникают больше по поводу терминов, чем по существу проблемы⁶³.

⁶⁰ К и к в и д з е А. Я.* История Грузии, тт. I—II. Тбилиси, 1954—1959; История Грузии (авт. кол.)*, тт. I—II. Под ред. акад. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1958—1962.

⁶¹ Очерки истории Грузди, т. V. Под ред. И. Г. Антелава, Тбилиси, 1970, с. 30—38, 452—524, 587—671.

⁶² См.: Ч х е т и я Ш., С у р г у л а д з е А., М а р г и а н и Г.* Пятый том «Очерков истории Грузии». — Литератури Сакартвело, 1971, №51; М а р г и а н и Г. Н.* Бослевели. Тбилиси, 1955.

⁶³ Это наглядно видно, например, в книгах А., Н. С у р г у л а д з е *: «Грузинская общественная мысль во второй половине XIX века». Тбилиси, 1973; «Озерки по истории грузинской культуры XIX века». Тбилиси, 1980; «Очерки из истории грузинской интеллигенции». Тбилиси, 1980, опубликованных после выхода в свет

Нельзя не констатировать тот факт, что, несмотря на достижения нашей историографии, все еще недостаточно полно изучен, например, ранний период грузинской общественной мысли, и общественного движения, не преодолен некоторый схематизм в разработке ряда вопросов классического периода новой грузинской общественной мысли, движения и культуры, их соотношение с тогдашними достижениями мировой общественной мысли и культуры; нередко приходится сталкиваться со стремлением уподобить грузинских деятелей другим, «механически вставить их в прокрустово ложе какой-нибудь хорошо известной схемы»⁶⁴. До сегодняшнего дня мы не располагаем специальным монографическим исследованием, в котором более или менее полно и системно было бы дано цельное изложение новой истории грузинской общественной мысли. Создание такого труда, разумеется, превышает возможности одного ученого, требуя комплексных и координированных усилий представителей различных областей науки. То же следует сказать и о создании цельной истории новой грузинской культуры.

В работах советских исследователей хорошо изучены и вопросы национально-освободительного движения, выяснены, в основном правильно, его движущие силы, классовая природа, формы и средства борьбы. Однако ряд проблем и здесь все еще остаются нерешенными. Не все историки разделяют, например, мнение о том, что национально-освободительное движение грузинского народа против царизма, началось в первые же годы XIX в. Долгое время не учитывалось должным образом марксистско-ленинское положение о том, что классы, кроме специфических классовых, имеют и общенациональные интересы⁶⁵, что длительный процесс национальной консолидации грузинского народа особенно усилился с первых же десятилетий после присоединения Грузии к России, а происшедшие в Грузии (Картли-Кахети, Имерети, Гурии и Мегрелии) в первой трети XIX в. массовые восстания по своей природе являлись как социально-, так и национально-освободительными⁶⁶. Эти движения с самого начала были прогрессивными, поскольку «прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнёта, за суверенность народа, за суверенность нации»⁶⁷.

Некоторые историки все еще считают спорным вопрос о начальном периоде новой истории Грузии. Они согласны датировать новый период в истории грузинской культуры и общественной мысли первыми годами XIX в., однако начальный период новой истории

в 1970 году V тома «Очерков». (См., например, первую из названных книг автора, с. 92—93, 267—268; 310—311, 996—400, 406—409, 413, 421—430).

⁶⁴ М е л и к и ш в и л и Г. А.* Изучение истории Грузии к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. — Саисторио церилеби, ч. I. Тбилиси, 1968, с. 37.

⁶⁵ М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Манифест Коммунистической партии. — Предисловия Ф. Энгельса для польского и итальянского изданий 1892 и 1893 гг., с. XXVI—XXVII, XXXII—XXXIII. Тбилиси, 1974; см. также: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 9, с. 35; т. 18, с. 555; т. 35, с. 220—221, 230; Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 497—498; т. 20, с. 18; т. 32, с. 614; С т а л и н И. В. Соч., т. I, с. 32—33; т. 2, с. 319; т. 7, с. 78.

⁶⁶ Д ж а в а х о в И. А. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. Спб., 1906; П о л и е в к т о в М. Архивные материалы для истории заговора 18312 года в Грузии. — Архив Грузии, кн. II, 1927, с. 111—112; Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Заговор 1832 года, тт. I—III. Тбилиси, 1935—1976; К и к в и д з е А. Я.* История Грузии XIX в. Тбилиси, 1954, с. 1—2. 119—121; Г а п р и н д а ш в и л и М. М. Мировоззрение Георгия Церетели. Тбилиси, 1955, с. 52; Д у м б а д з е М. К.* Западная Грузия в первой половине XIX века. Тбилиси, 1957, с. 196; К а ч а р а в а Ю. М.* Вопросы грузинской историографии. Тбилиси, 1962, с. 236; его же*. Этапы национальной консолидации грузинского народа. Тбилиси, 1966, с. 25—26; Б е р д з е н и ш в и л и Н. А.* Рецензии на докторские диссертации Н. Г. Махарадзе и А. Я. Киквидзе. — Вопросы истории Грузии, т. II, 1965, с. 430, т. V, с. 253, 256—263. Тбилиси, 1965—1971; Э б а н о и д з е Л. И.* Н. Бараташвили и некоторые вопросы национально-освободительного движения в Грузии. Тбилиси, 1968; Г а п р и н д а ш в и л и М.* Ред.: Сургуладзе А. «Эпоха Николоза Бараташвили» (Тбилиси, 1968). — Сакартвелос комунисти, 1968, №9; Очерки истории Грузии, т. V, 1970, с. 11, 17, 456—468; т. IV, с. 939. Тбилиси, 1973; С у р г у л а д з е А. Н.* О понятии нации и этапах национально-освободительного движения в дореволюционной Грузии. Очерки из истории грузинской интеллигенции. Тбилиси, 1980.

⁶⁷ Л е н и н В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Пол. собр. соч., т. 24, с. 132; см. также: Г а п р и н д а ш в и л и М. М.* Мировоззрение Георгия Церетели. Тбилиси, 1955, с. 52.

они датируют 30-ми годами XIX в., исключая, таким образом, из новой истории Грузии всю политическую и экономическую историю первой трети этого века. В настоящем томе дана попытка обосновать правомерность освещения новой истории Грузии после присоединения (аннексии) ее восточной части к России. В книге не разделяется положение отдельных исследователей, будто в заговоре 1832 г. реакционно-монархическое и прогрессивно-республиканское течения противостояли друг другу⁶⁸. То же надо сказать о якобы существовании в социал-демократической группе «Месаме даси» («Третья группа») двух течений — революционно-марксистского и легально-марксистского (оппортунистического), — причем с самого же начала создания группы⁶⁹.

Вопросы распространения марксизма в Грузии освещены прежде всего в воспоминаниях и статьях профессионалов-революционеров — А. Г. Цулукидзе, В.З. Кецохели, И. В. Сталина (Джугашвили), М. Г. Цхакая, Ф. Е. Махарадзе, Р. Д. Каладзе, В. З. Цабадзе, частично С. В. Джибладзе, Н. Н. Жордания, Н. С. Чхеидзе и др.⁷⁰

Историки — С. И. Хундадзе, С. Г. Талаквадзе, Г. Т. Георгадзе, К. Г. Горделадзе, Г. В. Хачапуридзе, П. В. Гугушвили, А. Я. Киквидзе, В. Г. Эсаишвили, П. Н. Тавхелидзе и др. — изучили ряд важных вопросов «истории утверждения марксистско-ленинских идей и возникновения социал-демократических организаций в Грузии в 90-х гг.»⁷¹

В исследование этой проблемы внесли свою лепту Л. Е. Горгиладзе, разработавший в своих трудах оригинальную концепцию распространения марксизма в Грузии⁷², и Н. Б. Махарадзе, автор соответствующей главы коллективного труда по истории Коммунистической партии Грузии⁷³, хотя между ними и существуют разногласия по некоторым аспектам. Ряд новых материалов по этому вопросу рассмотрен в книге З. Т. Гегешидзе и П. Н. Ломашвили⁷⁴.

Таковы вкратце история и состояние исследования новой истории Грузии, ее экономической, политической жизни, культуры, общественной мысли и общественного движения в XIX в., также задачи, стоящие перед исследователями проблемы на ближайшее будущее*.

⁶⁸ См., напр.: Очерки истории Грузии*, т. IV, с. 956.

⁶⁹ См., напр.: Л о м а ш в и л и П. Н. и Г е г е ш и д з е З. Т.* Распространение марксизма-ленинизма в Грузии. Тбилиси, 1986, с. 167—204.

⁷⁰ Д ж и б л а д з е С.* Слово на похоронах Э. Ниношвили. — Квали, 1894, №22; Ж о р д а н и я Н.* Деятели шестидесятых годов. — Квали, 1894, №35; Ц х а к а я М. Меньшевики Грузии и дашнаки Армении. — Коммунистический Интернационал, 1921, № 17; его же. Грузия и Армения под игом империализма. Тбилиси, 1925; М а х а р а д з е Ф.* Как я стал марксистом. — Момавали, 1922, №7; Моя краткая биография. — Революциии матиане, 1923, №5.; 30-летие существования Тбилисской организации. Тбилиси, 1925; Ц а б а д з е В.* Из моих воспоминаний. — Революциии матиане, 1923, №2; К а л а д з е Р.* К истории Коммунистической партии в Грузии. — Революциии матиане, 1925, №3.

⁷¹ Х у н д а д з е С. И.* К истории социализма в Грузии, тт. I—II. Тбилиси, 1926—1927; Т а л а к в а д з е С. К истории Коммунистической партии Грузии, ч. 1. Тифлис, 1925; Г е о р г а д з е Г. Т.* Общественные отношения в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1928; Самодержавие и революция. Тбилиси, 1929; Г о р д е л а д з е К. «Третья группа». — Мнатоби, 1935, №2; Х а ч а п у р и д з е Г. Вторжение марксизма в Грузию. — Ист. ж., 1941, №6; Г у г у ш в и л и П. Карл Маркс в грузинской публицистике и общественности. Тбилиси, 1943, 1956; Г о р г и л а д з е Л.* «Третья группа». — Труды Груз. филиала ИМЭЛа, 1948, №2; его же*. К истории марксизма в Грузии. Тбилиси, 1951—1956; К и к в и д з е А. Я.* К истории рабочего движения в Грузии. I—II, Тбилиси, 1954—1959; Газета. «Квали». Тбилиси, 1969; Э с а и ш в и л и В. Г. В. И. Ленин и большевистские организации Грузии. Тбилиси, 1959; Т а в х е л и д з е П. Н.* В. И. Ленин и Кавказский Союз РСДРП. Тбилиси, 1969 и др.

⁷² Г о р г и л а д з е Л. Е.* Из истории грузинской общественной мысли (Распространение марксизма в Грузии). Тбилиси, 1961; его же*. Из истории социализма, тт. I—II. Тбилиси, 1966—1970; его же. К истокам марксизма в Грузии. Тбилиси, 1975; его же*. Возникновение и развитие научного коммунизма. Тбилиси, 1981.

⁷³ Очерки истории Коммунистической партии Грузии, чч. I—II. Тбилиси, 1957—1963; Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1971; Очерки истории Коммунистической партии Грузии, ч. I—III. Тбилиси, 1982—1985.

⁷⁴ Л о м а ш в и л и П. Н., Г е г е ш и д з е З. Т. Указ. соч. Тбилиси, 1986, с. 3—283.

ГРУЗИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.*

С началом XIX в. наступила новая эпоха в многовековой истории Грузии.

Манифестом императора Александра I от 12 сентября 1801 г. было упразднено Картли-Кахетское царство и присоединено к России, о чем 12 апреля 1802 г. в Сионском соборе было публично объявлено грузинскому дворянству⁷⁵. Столетие это явилось эпохой завершения начатого ранее прогрессивного процесса территориального и экономического объединения Грузии и формирования грузинского народа как нации. То, чего не смогла сделать Грузия на протяжении многих веков, одинокая, обессиленная, потерявшая значительную часть территории и населения в неравной борьбе с многочисленными иноземными захватчиками, она осуществила почти за одно столетие, связав свою судьбу с русским народом. Прежде всего, именно в этом заключается прогрессивное значение объективных результатов подписанного в 1783 г. в Георгиевске договора между Россией и Грузией о союзе, покровительстве и братстве⁷⁶.

Но прогрессивный процесс объединения и возрождения Грузии протекал в условиях грубого насилия и угнетения со стороны помещичье-самодержавной власти России, с чем грузинский народ не мог примириться. Вместе с другими народами он неустанно боролся против царизма, феодализма, капитализма, шовинизма, национализма до победы революции, которая принесла грузинскому народу свободу и независимость в годы существования демократической республики⁷⁷.

§ 1. УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ПРАВЛЕНИЯ В КАРТЛИ-КАХЕТИ

Царизм будто бы «для обеспечения спокойствия и безопасности грузинского народа» счел необходимым и возможным упразднить (аннексировать) Картли-Кахетское царство и установить новое (русское) правление взамен старого (грузинского). Тем самым был нарушен дружественный договор 1783 г. Это было крупное поражение грузинских политиков-прогрессистов, поскольку им не удалось сохранить самоуправление грузинского народа хотя бы в форме автономии⁷⁸.

Царские чиновники еще 24 марта 1801 г. отстранили Давида Багратиони, объявленного ими же после смерти Георгия XII «наследником и правителем» грузинского престола. Вместо него «управляющим Грузией» был назначен находившийся здесь командующий русской армией генерал Лазарев. Созданное под его руководством временное правление просуществовало один год.

Тем временем император утвердил положение «об управлении Грузией», согласно которому главной задачей нового правления являлось упрочение позиций

* В редактировании тома частично участвовали А. С. Бендианишвили и Г.Н. Маргиани.

* В этой главе использованы материалы XVI, XVII, XVIII глав (авторы М. К. Думбадзе, Д. А. Гоголадзе и М. К. Гоцадзе) IV тома грузинского издания «Очерков истории Грузии» (под ред. М. К. Думбадзе). Тбилиси, 1973, с. 802—957.

⁷⁵ Манифест Александра Первого от 12 сентября 1801 г. — АКАК, т.1. Тифлис, 1866, №457, с. 432—433.

⁷⁶ Джавахишвили И. А.* Взаимоотношения между Россией и Грузией в XVIII веке. Тбилиси, 1919; Цицадзе Я. З. Покровительственный трактат 1783 года. Тбилиси, 1960; Паичадзе Г. Г. Георгиевский трактат и его историческое значение. Тбилиси, 1980; его же. Георгиевский трактат. М., 1983; Мацарадзе В. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Шеварднадзе Э. А. Великий праздник братства и дружбы. — Заря Востока, 1983, №248—249; его же. Великая логика жизни. К 200-летию Георгиевского договора. — Правда, 1983, 29.10.

⁷⁷ Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. А., Джанашиа С. Н.* История Грузии. Тбилиси, 1946, с. 419; Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А., Ратиани П. К.* История Грузии, 1. Тбилиси, 1968, с. 387.

⁷⁸ Там же.

самодержавной России в Грузии, присоединение других политических единиц Закавказья, освоение природных богатств Картли-Кахети, оказание ей содействия в развитии торговли, ремесленничества и сельского хозяйства, сбор налогов, соблюдение правопорядка.

8 мая 1802 г. в Тбилиси в торжественной обстановке было открыто новое правление — «Верховное правительство Грузии», во главе с «главнокомандующим Грузией» или «главноуправляющим». Его помощником, в основном по гражданским делам, назначался «управляющий Грузией», который ведал также главнейшим из четырех управлений (экспедиций) — исполнительным управлением. Начальниками и трех остальных управлений назначались русские чиновники, которые общались с местным населением, не владеющим русским языком, через советников из представителей грузинского дворянства. Последние назначались, также судьями в уездах, где начальниками были русские офицеры, именуемые «капитан-исправниками». Старые приставства (самоураво) постепенно уступали место новым уездно-административным единицам. Вся Картли-Кахети разделили на пять уездов: Горийский, Лорийский, Душетский, Телавский и Сигнахский. В каждом уезде имелись своя полиция, суд и прокуратура. Хозяйственными делами уезда ведал казначей. Управление городами было возложено на русских комендантов, помощники которых назначались из представителей грузинского дворянства⁷⁹.

По своей классовой природе новое правление было феодально-крепостническим. Дела велись на не понятном для местного населения русском языке. В своей деятельности правление опиралось на тогдашние российские законы, хотя в какой-то мере принимало во внимание и старое грузинское законодательство. Изгнание родного языка из сферы управления и незнание грузинского языка жестокими, разнузданными царскими чиновниками вызывало крайнее недовольство среди массы населения.

Новое правление с самого начала пыталось заручиться поддержкой местного дворянства. Однако в первое время часть грузинских феодалов не могла примириться с новой властью, которая, опираясь на организованную силу регулярной армии и не желая терпеть традиционное самоуправство феодальной знати, в корне подрывала саму систему феодальных княжеств, подготавливая тем самым прочную основу для полной ликвидации раздробленности⁸⁰.

Поначалу значительная часть картли-кахетского дворянства, купечества, крестьянства восторженно встречала как приход русских войск, так и установление нового правления. Каждая деревня желала, чтобы именно в ней были расквартированы русские войска; грузинские крестьяне видели в них не только защитников, но и полезных помощников по хозяйству⁸¹. Народ истосковался по миру и мирной жизни. Хотя и новое правление не сумело сразу же покончить с бандами ирано-турецко-дагестанских абреков, действующих против Грузии и России, картли-кахетинское население боролось с ними уже совместно с русскими регулярными войсками и часто успешно отражало их нападение. Например, в военных действиях с целью присоединения Чар-Белокан вместе с многочисленным русским отрядом участвовали 4500 грузинских воинов. В результате одержанной ими победы уменьшились постоянная опасность набегов из этого края и угроза нарушения мирной жизни населения.

Однако до наступления окончательного мира было всё еще далеко. Главнокомандующий Кноринг, который считал, что новое правление им было уже «упорядочено», не оказался на высоте⁸². Командующий войсками генерал Лазарев и

⁷⁹ Ч х е т и я Ш. К.* Российская система управления в Грузии. — Вестник Института языка, истории и материальной культуры, 1940, т. VIII, с. 29—30.

⁸⁰ Очерки истории Грузии*, 1973, т. IV, с. 829.

⁸¹ Ч а в ч а в а д з е А.* Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 год. — Собрание сочинений. Под ред., с предисловием, примечаниями и словарем И. Гришашвили. Тбилиси, 1940, е. 246.

⁸² Д у б р о в и н Н. История войн и владычества русских на Кавказе, т. III, Спб., 1886, с. 452

гражданский управляющий Коваленский постоянно препирались друг с другом. Непонятный суд, бремя содержания регулярных войск, произвол чиновников, их грубость, а порой и наносимые ими оскорбления даже самой феодальной знати вызывали недовольство не только у простонародья, но и у высшего сословия. Летом 1802 г. у новой администрации Картли-Кахети осложнились также отношения с соседними ханствами и Ираном. Последний, озабоченный упрочением российского режима в Закавказье, призывал к борьбе с Россией царевичей — претендентов на грузинский престол, пытаясь при этом использовать также Имерети и Ахалцихе, и, в случае успеха, Юлону Батонишвили обещал «восстановленный» картли-кахетский престол. Хотя число представителей грузинского дворянства — сторонников присоединения Картли-Кахети к России — быстро возрастало, становясь опорой нового правления, однако большая его часть, оторванная от основных масс народа, требовала «изменения существующего правления и установления нового порядка»⁸³.

Царизм, естественно, не мог с этим согласиться. Поэтому для упрочения нового правления в Грузии было решено придать ему «национальную» окраску. С этой целью император вместо Лазарева главнокомандующим Грузией назначил родственника царицы Мариам, супруги Георгия XII, представителя московской грузинской колонии Павла Цицианова (Цицишвили) — талантливого, ловкого, образованного и отважного генерала, верного слугу царизма, а «верным» помощником ему был назначен другой представитель старого грузинского феодального рода — генерал Дмитрий Орбелиани.

Облеченный императором неограниченными полномочиями генерал П. Цицианов прибыл в Тбилиси 1 февраля 1803 г. и за короткое время сумел не только укрепить новое правление в Картли-Кахети, но ввести аналогичное правление и в других частях Закавказья, после их присоединения. Он отстранил взяточника Коваленского и управляющим Грузией назначил генерала Гучкова. П. Цицианов вначале заключил покровительственные договоры с закавказскими ханствами. Затем отправил в погоню за дагестанскими абреками, укrywшимися у паши Ахалцихского, русский отряд под командованием генерала Д. Орбелиани; захваченных в плен 600 абреков, обезоруженных и опозоренных, прогнал по всей Картли и Кахети⁸⁴.

При П. Цицианове произошло также воссоединение превращенных в разбойничье гнездо Чар-Белокан с Грузией. В 1804 г. русское войско под командованием П. Цицианова присоединило Гянджинское ханство, подготовив тем самым почву для присоединения всей территории Северного Азербайджана.

Упрочению нового правления, по мнению П. Цицианова и самого императора Александра I, препятствовало пребывание на родине многочисленных грузинских царевичей. Поэтому Александр I направил царицам Дареджан и Мариам письма с приглашением переехать в Петербург. Однако члены картли-кахетского царского дома не согласились покинуть родину и обосноваться в Петербурге. Тогда П. Цицианов решил применить силу. Повод быстро нашелся. В апреле 1803 г. генерал Лазарев, во главе вооруженного отряда, ворвался во дворец царицы Мариам с целью ее ареста и высылки. Оскорбленная царица убила генерала кинжалом⁸⁵, за что и была сослана в Воронеж. До 1805 г. в Россию были также высланы все грузинские царевичи, большинство которых обосновалось в Петербурге, существуя на назначенную императором пенсию, занимаясь лишь научно-литературной деятельностью.

Сам П. Цицианов не жалел пенсий, подарков, российских чиновничьих званий для оставшихся на родине бывших служителей царей Ираклия и Георгия. П. Цицианов создал первое дворянское собрание, первым предводителем которого по его же настоянию стал Гарсеван Чавчавадзе. Вместе с тем П. Цицианов постепенно упразднил старую систему

⁸³ Там же, с. 533—534.

⁸⁴ Д у б р о в и н Н. История..., с. 553—534.

⁸⁵ По другим сведениям, Лазарев убил находившийся во дворце царицы князь Н. Химшиашвили М. (См.: Гоникишвили М.* Поселение и деятельность Багратионов в России. Тбилиси 1986. с. 172—184).

моуравов, хотя она окончательно исчезла в Восточной Грузии в 20-х, а в Западной Грузии — в 40-х гг. П. Цицианов способствовал восстановлению грузинских культурных учреждений, строительству дорог, налаживанию почтовой связи и т. д.⁸⁶

Так, то устрашением, то улаживанием, постепенно укреплялась новая власть в Картли-Кахети.

§ 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ РОССИЕЙ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

В начале XIX в. в царстве и княжествах Западной Грузии (Имерети, Гурии, Мегрелии, Абхазии, Сванети) господствовали крепостное право и феодальная раздробленность. Местное население составляло примерно 350 тыс. человек и незначительно превышало население Восточной Грузии. Княжества постоянно воевали между собой и в этой обоюдной вражде то пользовались услугами турок, то временами обращали взор в сторону России.

После упразднения Картли-Кахетского царства перед царизмом встала задача присоединить Имеретское царство. В то время Турция была в союзе с Россией, и поэтому она не оказала бы ей сопротивления. Царь Имерети Соломон II также был не против присоединения своего царства к России с условием сохранения внутреннего самоуправления. Однако главнокомандующий Грузией П. Цицианов требовал от Соломона II полного и безоговорочного подчинения. Царь Соломон отправил в Петербург для прямых переговоров с Александром I Соломона Лионидзе, надеясь таким путем сохранить внутреннее самоуправление. Однако его надежды не оправдались: переговоры оказались безуспешными. Не дала желаемых результатов и встреча царя Соломона с П. Цициановым, который при расставании, грубо пригрозив царю, пообещал встретиться с ним на поле брани⁸⁷.

П. Цицианов надеялся также на поддержку Мегрелии. Осенью 1803 г. владетель Мегрелии Григол Дадиани подписал продиктованный П. Цициановым покровительственный договор о присоединении княжества к России с условием сохранения внутреннего самоуправления. Того же требовал и царь Имерети, однако, после вступления 25 апреля 1804 г. русских войск, был вынужден довольствоваться ролью исполнителя приказов П. Цицианова и слуги царизма. Одновременно с имеретским царством, к России присоединенным провозгласили и Гурийское княжество, т. к. Цицианов считал Гурию неотделимой частью Имерети. П. Цицианов направил в присоединенные владения вооруженный отряд под командованием Литвинова, «правителя Мегрело-Имеретского и Гурийского». В октябре 1804 г., когда Россия добилась от Турции формального признания распространения своего покровительства на Мегрелию, хотя это согласие и не подразумевало ввода русских войск, Цицианов все же высадил войска в Кулеви, чем «было положено начало окончательному изгнанию турецких захватчиков с Черноморского побережья Грузии»⁸⁸.

Вскоре, в 1810 году, судьбу Имерети, Гурии и Мегрелии разделило Абхазское княжество, а позже, в 1833 г. — Сванети.

С помощью мегрельского и гурийского, князей царизму удалось упразднить Имеретское царство, Россия в то время воевала то с Турцией, то с Ираном. Она противостояла также претензии Франции на гегемонию в Европе. Вместе с русской армией против турок и персов сражались и народы Закавказья. Именно поэтому удалось П. Цицианову с малочисленным войском сперва остановить, а затем отбросить 60-тысячную иранскую армию, подчинить Ширванское ханство и осадить Баку. Здесь по указанию бакинского хана в феврале 1806 г. генерал Цицианов был вероломно убит,

⁸⁶ Очерки истории Грузии, т. IV, с. 837—842.

⁸⁷ Х а х а н а ш в и л и Ал. Царь Имеретии Соломон Второй. Тифлис, 1911. -- АКАК, т. 11, №748, с. 734.

⁸⁸ Очерки истории Грузии, т. IV, с. 857; Д у м б а д з е М. К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. Тбилиси. 1957, с.152—153, 160—161, 210—223.

однако под командованием генерала Торماسова русские войска осенью того же года заняли Баку и все Восточное Закавказье. 15 ноября 1809 года русско-грузинское войско разбило турок и захватило Поти. Затем на повестку дня встал вопрос о «приведении в порядок» имеретских дел. Русская военная администрация не постеснялась «нарушить покровительственный договор, заключенный в 1804 г. с Соломоном II, и, грубо поправ внутренний суверенитет Имеретского царства, ввела свои многочисленные войска в г. Кутаиси—столицу Имерети, свергнув с престола Соломона II. Последний, укрывшись вместе с тысячью воинов в неприступных горах Верхней Имерети, требовал вывода из Кутаиси русских войск, однако, получил отказ. Тогда Соломон стал призывать народ на борьбу с русскими войсками, прося помощи у турок, персов и даже у Франции—императора Наполеона I.

Главкомандующий Грузии генерал Тормасов пригласил Соломона II якобы для переговоров в Тифлис. Здесь царя арестовали и хотели отправить в Петербург, но 11 мая 1810 г. Соломону удалось бежать в Ахалцихе. Какое-то время он еще пытался бороться с произволом царизма, но в сентябре 1810 г., потерпев окончательное поражение, бежал в Турцию, Трапезунд, где и скончался в 1815 г.⁸⁹

Так царизм отменил ограниченное самоуправление Имерети, что явилось очередным поражением грузинской государственности. В месте, с тем в Западной Грузии надолго было сохранено ограниченное внутреннее самоуправление Гурийского и Мегрельского княжеств в знак «заслуг» их князей в деле ликвидации Имеретского царства.

Временная правительница Мегрелии княгиня Нино Дадияни, теща наследника правителя Абхазии Георгия Шарвашидзе, оказала большую помощь новому правлению Западной Грузии в деле изгнания отцеубийцы Асланбея и присоединения Абхазского княжества. Это случилось в 1810 г., когда русский батальон, высадившись в Сухуми, со стороны моря, разгромил турецкий гарнизон и правителем Абхазии назначил Георгия Шарвашидзе. Абхазия надолго сохранила внутренне самоуправление.

§ 3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗЕМЕЛЬ ГРУЗИИ

Борясь на два фронта в сложной международной обстановке 1804—1813 гг., Россия объективно выступала в роли освободителя народов Европы и Азии.

Вместе с русской регулярной армией воины-грузины самоотверженно сражались с турками и персами. В мае 1812 г. побежденная Турция запросила перемирие. По Бухарестскому договору на Балканах к России отошла Бессарабия, а на Кавказе, хотя русские были вынуждены уступить туркам Поти и Ахалкалаки, завоеванные в результате победы объединенных русско-грузинских сил в декабре 1811 г., удалось сохранить «добровольно» присоединенные княжества Западной Грузии и отказать Турции в возвращении Сухуми. С родиной воссоединилось Черноморское побережье Грузии, от реки Бзыби до Чолоки, и порты — Сухуми, Кулеви (Редут-Кале) и Шекветили.

Успешнее завершилась война с Ираном. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. было признано право России на азербайджанские ханства. Определенные успехи были достигнуты и на Северном Кавказе. К 1820 г. военно-административное правление кавказского главнокомандующего распространялось на весь Кавказ (Закавказье, Предкавказье). В 1816 г. на Кавказе находилась 52-тысячная русская армия, главнокомандующим которой, вместо генерала Ртищева, был назначен генерал Ермолов. Он твердо и энергично пресекал любые претензии Турции и Ирана на ту или иную часть присоединенной Россией территории Кавказа, которой он правил методами устрашения и насилия. Поэтому появление Ермолова в горах Кавказа считалось «гневом божьим». Ранее, в 1811—1813 гг. народ постигло страшное бедствие — голод и чума, в результате

⁸⁹ Д у м б а д з е М.К.* Указ. раб.

чего только в Имерети погибло свыше 30 тысяч человек, в Абхазии — почти половина населения, а в Восточной Грузии — свыше 4 тысяч человек⁹⁰.

Невзирая на внешние и внутренние трудности, новому правлению удалось к середине 20-х гг. упрочить свое положение в Грузии и Закавказье. С прежним произволом, насилием и жестокостью частично было покончено. Уменьшился обязательный транспортный налог. Было введено правило свободного наема транспорта. Поэтому, когда Турция и Иран в 1826—1829 гг. попытались вновь овладеть Закавказьем, местное население оказывало всяческое содействие русской армии в войне с захватчиками. В частности, грузинское народное ополчение активно участвовало в русско-иранской войне 1826 г. Наряду с русскими отличались и воины-грузины — Георгий Эристави, полковник Вахтанг Саварсамидзе, поручики Григол Орбелиани, Зураб Андроникашвили и др.

Летом 1826 г. 60-тысячная иранская армия вторглась в Азербайджан, захватила Карабах и Гянджу, подошла к Баку и создала опасность Тифлису. Но в сентябре русская отбросила иранцев. 2 сентября под Шамхором была разбита иранская 10-тысячная армия. 13 сентября русские и грузинские отряды вернули Гянджу, а к концу года окончательно изгнали захватчиков со всей территории Азербайджана. 1 октября 1827 г. русские войска освободили г. Эривань и Восточную Армению от тяжелого иранского владычества. Грузинские воины и здесь храбро бились наряду с русскими солдатами. 13 октября русская армия, в состав которой входили грузины и воины и других национальностей, под командованием генерала Георгия Эристави, заняла главный город Южного Азербайджана — Тавриз, за что Г. Эристави был награжден императором орденом Александра Невского.

По Туркманчайскому мирному договору 1828 г. Россия присоединила Эриванское и Нахичеванское ханства, обложила Иран контрибуцией в 20 миллионов рублей и запретила ему держать военный флот на Каспийском море⁹¹.

Прочность боевого содружества русского и грузинского народов ярко проявилась и в войне с Турцией в 1828—1829 гг. На Кавказе боевые действия против турок начались в июне 1828 г. 15 июля русские, войска и грузинское ополчение взяли Потю (несколько ранее, 23 июня пал город-крепость Карс). 24 июля от турок был освобожден Ахалкалаки, 16 августа — Ахалцихе, город, который, начиная с XVI в. вместе со всей Самцхе-Джавахети стонал под тяжелым турецким гнетом. Затем были взяты Артаани, Ацкури и др. крепости. А в сентябре русско-грузинские отряды под командованием генерала Ал. Чавчавадзе заняли Баязетский пашалык. Особенно прославились воины-грузины в рукопашном бою за Ахалцихе.

В начале 1829 г. обстановка на Кавказе вновь осложнилась. В Тегеране был убит русский посол А. С. Грибоедов. Турки осадили Ахалцихе со стороны Кобулету стали угрожать Гурии. Но 6 августа у деревни Мухаэстатэ русские войска и грузинские ополченцы разгромили их. Одновременно русская армия добилась большого успеха на Балканах и создала угрозу Константинополю⁹².

Турция была вынуждена просить перемирие. Адрианопольский мирный договор 1829 г. дал России право свободного пользования Босфорским проливом, со стороны Черного моря, кроме того, Турция выплатила крупную контрибуцию России, а к Грузии присоединилась одна часть исконной ее земли -- Самцхе-Саатабаго, а именно Ахалцихе, Ахалкалаки, Аспиндза, Ацкури, Хертвиси, Кваблиани, Абастумани и Чачараки, а также город-порт на Черном море — Потю. Не удалось присоединить Кобулету, Батуми, Артануджи и всю Юго-Западную Грузию, хотя русская армия временно заняла Баибурти, Артаани и Гюмишханэ, приблизилась и к Трапезунду, но под Цихисдзире потерпела поражение.

⁹⁰ Д а д и а н и Н.* Жизнь грузин. Изд. Ш. Бурджанадзе, Тбилиси, 1962, с. 203.

⁹¹ К и к в а д з е А. Я.* История Грузии (XIX в.). Тбилиси, 1954, с.122.

⁹² П о т т о А. В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях, т, IV, ч, IV. Тифлис, 1887, с. 404—407.

Присоединение исконных грузинских земель Самцхе-Джавахети имело одно нежелательное последствие: в ходе войны из Ахалцихского пашалыка, или, как его называли после присоединения, — Ахалцихской области, из-за турецко-мусульманского религиозного фанатизма и политики самодержавия большая часть магометанско-грузинского коренного населения переселилась в Турцию. Царизм, в лице главноуправляющего графа Паскевича, по словам И. Джавахишвили, не разрешил поселиться здесь грузинам из Имерети. Зато из Турции сюда переселили до 30 тысяч человек других национальностей. Поэтому в Месхети до 1828 г. грузины составляли свыше 90% населения, а уже к 1830 г., благодаря стараниям царских чиновников, большинство населения здесь составляли другие национальности. И это тогда, когда грузинский народ, по словам писателя-дипломата С. Грибоедова и историка А. В. Потто, понес большие жертвы в русско-турецкой и русско-персидской войнах 1826—1829 гг. и, связанный с русским народом «откровенной и братской дружбой», храбро сражался во имя величия России и освобождения и возрождения исконных земель Грузии⁹³.

В русско-турецкой войне бок о бок с русскими войсками воевало и население Гурийского княжества и сам князь Мамия Гуриели. Однако после смерти последнего, его вдова Софья Гуриели стала колебаться между Россией и Турцией; главноуправляющий Паскевич счел это за измену и в октябре 1828 г. ввел войска в Гурию. Княжна бежала в Турцию, откуда пыталась вести переговоры непосредственно с императором Николаем I о примирении и сохранении самоуправления в Гурийском княжестве, но потерпела неудачу — Паскевич, по приказу императора, в декабре 1829 г. окончательно упразднил княжескую власть Гуриели.

В 1830 г. полностью были присоединены и Чар-Белоканы (Саингило), покоренные Россией еще в 1803 году, однако местные феодалы при каждом конфликте между Россией и Ираном или Дагестаном оказывались то на стороне иранцев, то -- дагестанцев, вследствие чего их «страна» превращалась опорный пункт борьбы против России и присоединенной к ней Картли-Кахети. После длительной борьбы русские войска захватили Чар-Белоканы, аннулировали местное общинное самоуправление и установили русское правление. Тогда феодальная верхушка Чар-Белокан, объединившись с разбушевавшимся в то время в Дагестане мюридским движением, выступила против нового правления, но потерпела поражение.

Присоединение Чар-Белокан местному грузинскому населению создало лучшие условия для его развития и сближения с родной общегрузинской культурой.

То же следует сказать и о Сванетском княжестве, ставшем в первой трети XIX в. яблоком раздора между двумя ветвями княжеской фамилии Дадешкелиани. Из 51 деревни, именуемой «краем» Дадешкелиани, старший брат Тенгиз владел 21, младший — 30.

После утверждения в Картли-Кахети и Имерети царизм стремился к окончательному присоединению горных областей Восточного и Западного Кавказа, проявляя большой интерес и к Сванети. Роль посредника между царизмом и Дадешкелиани взял на себя князь Мегрельский, у которого со Сванети были связаны и свои интересы. В начале 30-х гг. князь Циох Тенгизович и его бабушка Дигор-Ханум начали переговоры с царскими чиновниками на Северном Кавказе. В 1832 г. Дигор-Ханум свою просьбу о покровительстве Россия подкрепила клятвой верности императору. В 1833—1834 гг. император обоих Дадешкелиани — Циоха и Татархана, взял под свое покровительство, хотя последнее оставалось номинальным до вступления в Сванети русских войск.

Так произошло присоединение к России и территориальное объединение почти всех грузинских земель (за исключением юго-западной части) в результате совместной борьбы и взаимопомощи грузинского и русского народов.

⁹³ Д ж а в а х и ш в и л и И. Докладная Грузинскому Советскому правительству ЦГИАГ, ф. 471, д. №82—111; Русские писатели о Грузии (сост. В. Шадури), т. 1. Тбилиси, 1957, с. 65—77; П о т т о А. В. История 44-го драгунского Нижегородского полка, 1893, т. 11, с. 152—153.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Сразу же по установлению новое правление выступило против системы грузинских княжеств и постепенно свело на нет этот отживший свой век социально-административный институт.

После конфискации имений и крепостных высланных членов грузинского царского дома, царская власть начала прибирать к рукам и церковные земли. С 1808 г. низшее духовенство освобождается от крепостной зависимости и, следовательно, от барщины, а затем, в 1811 г., ликвидируется независимость грузинской православной церкви — она превращается в дикастерию синода. С 13 до 2 сокращается число епископств. Вначале экзархом Грузии был назначен митрополит Варлам Эристави, а затем—рязанский Митрополит Феофиллак Русанов⁹⁴.

Освобождение низшего духовенства от крепостной зависимости в Восточной Грузии прошло относительно безболезненно, а в Западной Грузии натолкнулось на ожесточенное сопротивление и даже к 40-м гг. не было еще окончательно завершено.

С 1811 г. фактически освобождаются и церковные дворяне, переданные казначейскому ведомству⁹⁵.

С 1833 г. в Восточной, а с 40-х гг. и в Западной Грузии, освобождаются многие княжеские дворяне с землею или без, одаренные сословной независимостью⁹⁶.

После присоединения Грузии к России начался неуклонный распад общеродовой собственности, массовый характер приобрел раздел крепостных и владений крупных князей. Только из родового удела князей Цицишвили в течение 1800— 1825 гг. в результате многократных разделов образовалось до 30 независимых помещичьих единиц. Разделились и распались княжеские дома Амилахвари и Мухранбатони, Андроникашвили и Вачнадзе, Церетели и Черкезишвили и многих других. Полностью был разрушен, как отмечал в 1847 г. Георгий Мухранбатони, родовой строй грузинской аристократий⁹⁷.

Естественному процессу имущественного обнищания крупных феодалов способствовало и новое правление, поскольку самодержавию не требовались князья с высоким имущественным цензом, политическими привилегиями и т. д., им нужны были, по меткому выражению одного тогдашнего чиновника, князья «послушные, без голоса»⁹⁸.

Невзирая на это, «изменения в жизни господствующего класса Грузии, вызванные объективными условиями социально-экономического развития страны и мероприятиями царизма, — перевод церковных дворян в казначейское ведомство, освобождение низшего духовенства от крепостной зависимости княжеских дворян от княжеской зависимости, упразднение системы княжеских уделов и развитие вместо отсталого общеродового землевладения более прогрессивного, частного помещичьего, ликвидация принципа наследования должностей и феодального иммунитета (т. е. неприкосновенности) и многое другое — все это было, безусловно, прогрессивным явлением с точки зрения разложения крепостнического строя, зарождения и развития новых общественных отношений...»⁹⁹

Основной производящий класс Грузии — крестьянство — и при новом правлении был неоднородным. Социальные категории крестьянства остались прежними. Но отныне царские и удельные крестьяне перешли в собственность государства (казны), помещичьи и церковные крестьяне остались в прежнем положении (количественно и тогда преобладали помещичьи крестьяне). Налоги в основном остались те же: хлебная подать, натуральный оброк, винная подать, денежная подать, подать за пастьбу скота; в Западной

⁹⁴ П о т т о А. В. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 11, с. 497—498.

⁹⁵ А к о п а ш в и л и Г. Д.* Изменения в положении дворянского слоя в Восточной Грузии первой половины XIX века. — Материалы к истории Грузии и Кавказа, 1960, выпуск 33, с. 208.

⁹⁶ Д у м б а д з е М. К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. Тбилиси, 1957, с. 323.

⁹⁷ См.: К а к а б а д з е С. Н.* Проект 1847 года об освобождении крестьян в Грузии. — Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1961, т. VI, вып. 1, с. 216—217.

⁹⁸ Там же, с. 218--233.

⁹⁹ Очерки истории Грузии, т. IV, с. 897—898.

Грузии, наряду с этим, — подать на содержание гарнизона и т. д. Было множество и других мелких налогов. С 1818 г. в Восточной Грузии натуральный церковный налог был заменен денежным. В грузинских княжествах налоги оставались прежними. Без изменения остались и помещичьи повинности.

По всей Грузии население выплачивало государственные налоги в обычных трех формах феодальной ренты (натуральная, денежная, трудовая). Государственные налоги значительно видоизменились, ряд натуральных налогов удалось заменить денежными. С 1824 г. государственных крестьян вместо государственного натурального налога обложили денежным, в объеме 1 рубль на душу. Это дало определенный результат: денежная государственная рента-налог к концу 30-х гг. в Картли-Кахети и Имерети-Гурии вдвое превысила натуральную ренту-налог. Все это еще больше усилило эксплуатацию и гнет крестьянства.

С 1826 г. пытались упорядочить налоги помещичьих крестьян, но тщетно — до отмены крепостного права налоги эти остались без изменений. Помещичьи и церковные крестьяне по-прежнему выплачивали государственные налоги деньгами и натурой.

В 1807 г. были аннулированы грамоты прежних грузинских царей об освобождении крестьян (тархан) от крепостной зависимости, которых также обложили государственными налогами. Ограничивая права грузинских помещиков на крестьян, а также пытаясь уменьшить помещичьи и церковные налоги, царизм стремился к упорядочению и увеличению казенных налогов, особенно в военное время.

С той же целью новая власть не только оставила в силе закон Ираклия II, запрещавший торговлю пленными и объявлявший крестьян, освобожденных из плена, государственной собственностью, но и издала новые законы и ужесточила борьбу против торговцев пленными.

В силу законов, изданных в 1824 и 1826 гг., крепостным крестьянам предоставлялось право за определенную мзду откупаться от господина с приобретением земельного участка или без него. Освобожденные без земли крестьяне становились собственностью казенного ведомства, а получившие землю превращались в свободных собственников¹⁰⁰. Естественно, добиться этого могли лишь отдельные крепостные, а в общем положение грузинского крепостного крестьянства при царизме было ничуть не легче, скорее даже тяжелее, чем во времена правления грузинских царей.

Невзирая на это, угнетенные, но закаленные в труде грузинские крестьяне, в тяжелых, но мирных, сравнительно с прошлым, условиях продолжали свою трудовую деятельность, создавая материальные блага для страны.

Крепостное хозяйство, основанное на отсталой земледельческой технике, преимущественно все еще натуральное, естественно, не могло быть высокопродуктивным. Однако после присоединения Грузии к России потребность в сельскохозяйственных продуктах, особенно в зерне, все больше возрастала. Кроме всего прочего, вновь присоединенный край требовал защиты от турецких и иранских завоевателей, в связи с этим численность русских войск, защитников Закавказья, постоянно возрастала. В 1801—1805 гг. для содержания расположенных Картли-Кахети русских войск в виде налогов было собрано 16 тысяч четвертей, или 112 тысяч пудов хлеба и пшена, а завезено — 83 тысячи четвертей, или 581 тысяча пудов, но, поскольку и этого оказалось недостаточно, остальные 183 тысячи четвертей, или миллион 300 тысяч пудов зерна, было реквизировано или частично собрано с населения Картли-Кахети путем свободных закупок. Потребность в хлебе возрастала, однако урожай хлеба в тогдашней сложной внутренней и внешней обстановке долго не увеличивался.

Новое правление усердно пыталось упорядочить социально-экономическую жизнь, что в конце концов привело к определенному прогрессу. В течение 30 лет урожай зерна увеличился втрое и даже более. То же следует сказать о виноградарстве и виноделии — в

¹⁰⁰ Там же, с. 898—906.

конце 30-х гг. виноградники в Кахети занимали 10 тысяч десятин площади, с которых ежегодно производилось до двух миллионов ведер вина¹⁰¹.

Росла и потребность в деньгах. Однако нормальному удовлетворению этой потребности мешало многообразие денежных знаков, находившихся в обращении на рынке Грузии, обилие ирано-турецких товаров и большой отток денег за границу. В 1804 г. была предпринята попытка исправить положение путем восстановления в Тифлисе грузинского монетного двора. Однако преодоление финансовых затруднений и завоевание рынка было возможно лишь путем увеличения производства русских и грузинских промышленных товаров, в Грузии же тогда преобладало мелкое ремесленное производство.

После присоединения Грузии к России ремесленничество развивалось не только в Тифлисе, но и в Телави, Гори, Кутаиси, Сигнахи и других городах и селах, но главнейшим центром ремесел оставался Тифлис. В 1825 г. здесь проживало свыше 20 тысяч человек, из них ремесленников разных отраслей насчитывалось 2500, или 11% всего населения¹⁰².

Грузинские ремесленные изделия высоко ценились не только внутри страны, но и за ее пределами. По всей России славилась выплавленная в Грузии сталь высшей марки (булат), которую использовали для изготовления сабель. С секретом ее выплавки в 1828 г. тифлисский мастер Караман Элиазарашвили ознакомил двух мастеров из Златоустского металлургического завода, которые внедрились производство этой стали у себя на заводе, за что император наградил мастера золотой медалью¹⁰³.

Более крупные по сравнению с мастерскими промыслы, т. н. «фабрики» и «заводы», существовали с 70-х г. XVIII в. и сохранились в первом десятилетии XIX в. Однако по существу это были предприятия мануфактурного типа (красильни, пороховые, стекольные, по обработке серебра). Возникли и новые — шелкоткацкие и текстильные, кожевенные, восковые, кирпичные, черепичные мануфактуры. Некоторые отрасли производства, как, например, выплавка серебра в Ахтале, выплавка меди в Алаверди, потеряли прежнее значение. Не сумело развиваться шелкомотальное предприятие, основанное в 1826 г. французом Каstellла. Первоначально здесь работали заключенные, а с 1828 г. появились и наемные рабочие, но предприятие все же не стало рентабельным¹⁰⁴.

Войны и слабое развитие производства препятствовали и нормальному развитию торговли. Царила дороговизна. Внешняя торговля с Ираном и Турцией носила традиционную форму, а во время войн прекращалась вовсе. Наступившая с 1813 г. мирная жизнь оживила торговлю. Из Ирана в Грузию хлынул большой поток товаров. Отсюда же в большом количестве вывозили в Иран и Турцию (частично, и в Россию) меха, ткани, особенно грузинское златотканье, шелка.

С 1822 г. в Грузии и Закавказье была объявлена льготная, почти свободная торговля. В течение целого десятилетия Грузия, по сути, превратилась в рынок сбыта европейских товаров. Был восстановлен транзитный путь из Европы в Иран. Грузию и Закавказье заполнили дешевые иностранные товары. Ширился внутренний рынок. Но все это отнюдь не способствовало значительному развитию экономики Грузии. В 1831 г. была отменена льготная и свободная торговля. Торговый путь Кулеви -- Тифлис—Баку потерял

¹⁰¹ Г о г о л а д з е Д. А.* Социально-экономическое развитие Грузии в позднефеодальную эпоху. Тбилиси, 1971, с. 254—255.

¹⁰² Г у г у ш в и л и П. В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв., т. II, с. 15—78; Г о г о л а д з е Д. А.* Горнорудная, горнозаводская промышленность Грузии и некоторые вопросы генезиса капитализма (XVIII—XIX вв.), с. 71—77; С а м с о н а д з е М. М.* Промышленное развитие г. Тбилиси в дореформенный период XIX века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1964, с. 7.

¹⁰³ Ч о л о к а ш в и л и К. Грузинские мастера булата. — Мецниереба да текника, 1956, № 5.

¹⁰⁴ См. указ. работы, а также: История Грузии, 1958, т. 1, с. 363 — 364; Х о ш т а р и я Э. В. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Грузии XIX века. Тбилиси, 1966; А н ч а б а д з е З. В. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1966, с. 87.

былое значение. Но потребность в деньгах и товарах постоянно росла. К 20-м гг. заметно развилась городская жизнь¹⁰⁵.

§ 5. НАРОДНАЯ БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ СВОБОДУ

Нескончаемые войны, стихийные бедствия, насилие помещиков, произвол чиновников вызывали в народе большое недовольство, протест и волнения.

Уже в июле 1802 г. кахетские князья устроили заговор против новой администрации и потребовали у императора России выполнения дружественного договора 1783 г. Прощение подписывали 69 князей, поддерживаемые и частью крестьянства. Князья требовали возвести на картли-кахетский престол царевича Юлона, обязуясь при этом, что народ присягнет на верность и русскому императору. По распоряжению главнокомандующего русскими войсками в Грузии большинство кахетских князей, преданных князем Чолокашвили, было арестовано, некоторые из них бежали в Иран к царевичу Александру¹⁰⁶.

В августе того же 1802 г. царевичи Юлон и Парнаоз собрали войско и попытались вторгнуться из Имерети в Картли-Кахети, но и они потерпели поражение¹⁰⁷.

После этих событий грузинское дворянство более четко разделилось на две группы: одни не верили в возможность восстановления престола грузинских царей и требовали для Грузии автономии в пределах Российской империи, другие были сторонниками непосредственного присоединения Грузии к России, став тем самым надежным оплотом царизма. До изгнания из Грузии персидских и турецких захватчиков и горских абреков некоторые грузинские царевичи и князья встали на явно авантюристический путь, собираясь восстановить престол грузинских царей при содействии персов и турок; однако впоследствии и они присоединились к той или иной из вышеупомянутых групп. Заблуждение их заключалось не в том, что они боролись с царизмом, а в том, что недостаточно верно оценивали расстановку сил и прогрессивную миссию России, русского народа в освобождении грузинского народа от восточных поработителей и в его объединении. Многие из них, как, например, Соломон Лионидзе, Соломон II были самоотверженными борцами за объединение и возрождение Грузии.

Первое крупное народное выступление против царизма началось в 1804 г. в горных районах Картли, где колониальный режим был особенно тяжел. Восстали крестьяне, проживающие в селах вдоль Военно-Грузинской дороги и ближайших деревень Мтиулети — Чартали, Хандо, Хеви, Гудамакари, Жамури, Труссо, и других, расположенных вдоль и вблизи Военно-Грузинской дороги, на которых тяжелым бременем легло как обслуживание Военно-Грузинской дороги, так и обеспечение провиантом армии, идущей через эту дорогу. Чиновники нового правления вынуждали население вывести бесплатную тяговую силу на дорожно-ремонтные работы, а также бесплатно предоставить армии провиант; в случае же неповиновения горцев объявляли изменниками государя, подвергали экзекуциям, издевались над ними и нещадно избивали.

В мае 1804 г., во время похода на Эривань, П. Цицианов призвал также и грузинские отряды из Ананурского уезда. В это время началось восстание горцев, к ним присоединились и ананурцы. Восставшие объявили правлению: «Мы предпочитаем умереть, чем мучиться, ждать смерти от пуль и видеть позор наших жен»¹⁰⁸.

Повстанцы сначала уничтожили Кайшаурский пост, затем попытались овладеть Ананури и Степанцминда. Их число достигло 4 тысяч человек. По всей горной Картли посланцы восставших призывали народ к борьбе, из Имерети пригласили Юлона и

¹⁰⁵ Распоряжение ген. Кноринга от 21 сентября 1802 г. — АКАК, т. I, с. 387.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Распоряжение..., с. 394.

¹⁰⁸ АКАК, т. 11, № 616, с. 311; см. так же: Г о г о л а д з е Д. А.* .Борьба против царизма в первом двадцатилетии XIX в. — Очерки истории Грузии, т. IV, с. 915—936.

Парнаоза Батонишвили. Следовательно, восставшие против нового правления крестьяне были сторонниками возрождения прежней царской власти. Грузинское дворянство вело себя традиционно. Некоторые из них, например, повелитель Хеви майор Габриел Казибегашвили (Чопикашвили), получивший на службе у русского царя дворянство, перешел на службу к новому правлению, в надежде получить от него княжеский титул. Царизм привлек на свою сторону и ксанских эриставов, даровав им отобранные еще Ираклием II Ксанское ущелье и 4 тысячи крепостных. Нашлись и такие, которые сочувствовали восставшим, однако большинство дворян стояло в стороне от восстания.

Перешедшие в Картли из Имерети царевичи Юлон и Парнаоз попытались пробиться в горы к восставшим, но потерпели неудачу и повернули назад. Северо-западнее Сурами (на границе Картли-Имерети) на них неожиданно напал русский отряд, возглавляемый князем Георгием Амiredжиби. У царевичей убили около 20 человек, Юлона взяли в плен, Парнаоз же успел бежать в Ахалцихе.

Тем не менее, восстание набирало силы. В начале августа восставшие захватили Ломиса; к ним присоединились крестьяне Ксанского ущелья, начавшие громить своих господ. В сентябре в горах среди восставших объявился Парнаоз Батонишвили. В конце сентября в Тифлис вернулся генерал П. Цицианов и лично возглавил борьбу против восставших. Он сперва подавил восстание арагвийцев, затем разрушил осетинское селение Крож и покорил осетин, и под конец, одержав повсюду полную победу, жестоко расправился с восставшими, захватил в плен свыше 300 человек, в том числе Парнаоза Батонишвили, которого сослали в Россию. Восстание было подавлено, но главноуправляющий П. Цицианов был вынужден определить права и обязанности горцев в отношении обслуживания Военно-Грузинской дороги, учредить определенную плату за транспортные и дорожные работы и в какой-то мере пресечь произвол чиновников¹⁰⁹.

Но причины для недовольства народа по-прежнему оставались. Ежегодно для обслуживания Военно-Грузинской дороги новое правление от крестьян требовало 100 тысяч аробных упряжек и столько же лошадей. Крестьян годами отрывали от хозяйства, что вызывало недовольство и дворян. Невыносимым грузом для населения был продовольственный налог. В 1811 г. недовольство усилилось вследствие неурожая и эпидемии чумы в Имерети и Картли-Кахети. Треть населения Имерети погибла. Много жертв было и в Восточной Грузии¹¹⁰.

Из-за неурожая сильно вздорожал хлеб, правление же забирало его за гроши. Крестьяне отказывались отдавать хлеб. Главноуправляющий Паулуччи устроил кахетским крестьянам экзекуцию. Произвол, насилие, оскорбление и издевательства стали нормой. Народ не выдержал и поднялся. Восстание началось 31 января 1812 г. в селе Ахмета и вскоре распространилось на всю Кахети. Восставшие 2 февраля взяли Телави, 6 февраля — Сигнахи и Бодбе, затем в Анаге, Какабети и Манави уничтожили экзекуционные отряды. Они намеревались взять Тифлис, закрыть Дарьяльское ущелье и провозгласить независимость сперва Картли-Кахети, а затем и всей Грузии. 8 февраля поднялась Пшав-Хевсурети. Далее пламя восстания перекинулось и на Картли, хотя картлийское дворянство не принимало в нем участия. Часть же кахетского дворянства присоединилась к восставшим¹¹¹.

В Картли восстание было быстро подавлено. Главнокомандующий Паулуччи предложил кахетинцам прекратить сопротивление, но получил отказ. Тогда войска под его командованием перешли в наступление. Решающий бой состоялся у села Чумлаки, где самоотверженно боролись 4 тысячи, восставших, возглавляемые Григолом Иоановичем

¹⁰⁹ Д а в и д Б а т о н и ш в и л и (Багратиони)*. Материалы к истории Грузии 1744—1840 гг. Тифлис, 1906, с. 73; Т о г о н и д з е В. Я.* Восстание крестьян Нагорной Картли в 1804 г. Тбилиси, 1958, с. 140; К и к в и д з е А. Я.* История Грузии. Тбилиси, 1954; Б е р д з е н и ш в и л и Н.А.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси. 1964, т. 11, с. 325, 327—328.

¹¹⁰ К и к в и д з е А. Я.* Крестьянское восстание в Кахети в 1812 году, Тбилиси, 1941, с. 12.

¹¹¹ М а р к о в а О. П. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951, с. 63—64.

Багратиони, которого восставшее население призвало из Картли и провозгласило «царем»¹¹².

У Чумлаки победу одержал Паулуччи. 4 марта его войска заняли Телави, а 5 — Тианети. Григол Багратиони пытался бежать в Дагестан, однако был схвачен и 18 марта выслан в Россию. Восставшие вернули властям плененных солдат, но и Паулуччи пошел на некоторые уступки — упразднил должность капитана-исправника и восстановил моуравство, запретил военные экзекуции, создал комиссию по выяснению причин восстания, которая признала, что оно явилось следствием грубости и произвола правления. Тем не менее, крестьянские волнения не прекращались. В начале апреля восстали Гагма-Мхари и Кизики. Осенью восстание перекинулось на всю Кахети. Во главе восставших на сей раз встал царевич Александр Ираклиевич Багратиони. Русскими войсками командовал Ртищев, назначенный вместо Паулуччи главноуправляющим.

Александр Батонишвили вовсе не был против союза Грузии с Россией. Но он требовал, чтобы этот союз был основан на покровительственном Георгиевском трактате 1783 г. «Трактат 1783 года был боевой платформой Александра Батонишвили. Он боролся против той несправедливости, которую принесло с собой русское правительство уничтожением грузинской государственности»¹¹³. Но он заблуждался, возлагая надежды восстановления Грузинского (Картли-Кахетского) государства путем противопоставления сильной и прогрессивной России слабого и отсталого Ирана.

В начале сентября 1812 г. Александр Багратиони вступил в Грузию со стороны Эривани. Главноуправляющий Ртищев в это время находился в Карабахе, а русскими войсками в Грузии командовал генерал Орбелиани. 6 сентября по Коцахурскому броду возле Кавтисхеви в сопровождении ста человек Александр Батонишвили переправился через Куру и взял курс на Тианети, призывая народ к восстанию. Он предполагал, что в тогдашней сложной ситуации русское правительство вынуждено будет смириться с восстановлением независимого Грузинского царства и, таким образом, дело закончится мирным путем. Очевидно, и широкие массы народа уверовали в это и поддерживали царевича Александра, которого представители, как дворянства, так и крестьянства неоднократно приглашали на престол царя. Не зря жаловался генерал Орбелиани на то, «вся нация против нас», царевич Александр, дескать, всюду имеет пристанище и поэтому не попадает в их руки¹¹⁴. Соратниками Александра Батонишвили, командовавшими отдельными группами восставших, были Тадия и Оман Чолакашвили, Горджасп Наталишвили и Папуа Абелишвили.

В ответ на призыв Александра Батонишвили, находившегося в Тианети, восстали Кахети, Кизики, Пшав-Хевсурети. В конце сентября восставшие несколько раз вступали в бой с регулярными войсками, но безуспешно. 6 тысяч повстанцев временно заняли Военно-Грузинскую дорогу. В крупном сражении у села Шилда восставшие отступили. Шилда и многие другие села по приказу Орбелиани были сожжены. 1 ноября Александр вновь вступил в схватку с войсками генерала Орбелиани у села Чалаубани, но опять был разбит. 26 ноября у деревни Манави состоялось решающее сражение между регулярными войсками и восставшими, закончившееся окончательным поражением последних. В мае 1813 г. войска вторглись в Хевсурети, разрушили Шатили и другие деревни¹¹⁵.

Во время восстания Кахети сильно разорилась. Чем яснее становилась обреченность восстания, тем дальше отходила от него большая часть дворянства. В неравной борьбе силы крестьянства иссякали, нечем было больше жертвовать. Царизм жестоко расправился с побежденными — пятерых повесили, 29 человек сослали в Сибирь,

¹¹²К и к в и д з е А. Я.* Указ. раб., с. 25—26.

¹¹³Б е р д з е н и ш в и л и Н. А. Указ. раб., с. 460.

¹¹⁴М а р к о в а О. П. Указ. раб., с. 112, 116—117.

¹¹⁵АКАК, т. V, № 632, с. 531—537; П р о н е л и А.* Бунт Кахети. Тифлис, 1907, с. 209—210.

Возмущению народа не было предела, восстание вспыхнуло с новой силой. Восставшие перекрыли дороги на Кутаиси и стали громить сторонников русского царя из числа дворянства.

Создавшуюся обстановку имеретские князья сочли благоприятной для восстановления власти грузинских царей. Большинство желало видеть на грузинском престоле представителя династии Багратионов — Александра Ираклиевича. Но тот отказался. Тогда князья царем Имерети провозгласили Иванэ Абашидзе, якобы одного из руководителей восстания, который в то же время пытался наладить хорошие отношения с русским правительством. 12 февраля 1819 г. генерал Вельяминов, собрав в Имерети большое войско, приказал арестовать И. Абашидзе, вместе с другими «главными преступниками», и выслать его в Россию. Однако поймать И. Абашидзе не удалось, он бежал в Гурию; зато арестовали: митрополитов Досифея Кутатели и Эквтиме Генатели, дочь Соломона I Дареджан, Сехнию Цулукидзе и мдиванбега Давида Микеладзе. Это еще больше обострило обстановку. В апреле 1820 г. восстание охватило всю Имерети, Рачу, затем Гурию.

Новый правитель Имерети полковник Пузыревский потребовал от Кайхосро Гуриели выдачи Иванэ Абашидзе, но, получив отказ, ввел в Гурию войска. Главные силы он оставил в Чохатаури, а сам с небольшим отрядом направился к крепости селения Шемокмеди. Здесь он был убит повстанцами. Преемник Пузыревского Згорельский тоже пытался взять Шемокмедскую крепость и наказать гурийцев, но, потерпев поражение, вернулся в Озургети. Ободренные успехом гурийцы взяли Чохатаури, перешли р. Риони, вступили в Мегрелию и призвали к восстанию местное население.

Летом 1820 г. Иванэ Абашидзе перешел из Гурии в Имерети и, возглавив 400 восставших, укрепился в ущелье р. Хани.

Для подавления восстания главноуправляющий генерал Ермолов направил в Имерети и Гурию военную экспедицию под командованием генерала Вельяминова. По приказу последнего, полковник Горчаков сначала разгромил повстанцев в Раче, а затем нанес поражение И. Абашидзе, который бежал в Турцию.

24 июля после кровопролитного сражения была взята крепость Шемокмеди. Восставшие деревни Гурии и Имерети сравняли с землей, крепости разрушили, многих участников восстания арестовали и сослали на каторгу¹²⁰. Генерал Ермолов хвастал: «Деревни мятежников мы разгромили и сожгли дотла. Сады и виноградники выкорчевали с корнями, даже множество лет спустя не смогут изменники восстановить свое былое состояние»¹²¹.

Однако и правительство не сумело достичь окончательной цели. Оно отказалось от немедленной церковной реформы в Западной Грузии. Несмотря на поражение, «народная борьба против колониального гнета не прошла даром. Грузинский народ еще раз продемонстрировал царизму, что он никогда не примирится с национальным и социальным угнетением»¹²².

Борьба грузинского народа за национальную и социальную свободу в первой трети XIX в. переплеталась с борьбой русского и других народов против самодержавного помещичьего режима царизма, тогдашнего «жандарма Европы».

§ 6. ЗАГОВОР 1832 г.

Народные восстания за национальную и социальную свободу в первом двадцатилетии XIX в. носили стихийный, несознательный, неорганизованный характер. Это и явилось главной причиной их поражения, хотя следует учитывать и то, что силы царизма и восставших были слишком неравны. Главное все-таки было то, что

¹²⁰ П о т т о А. В. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. II, с. 527—531.

¹²¹ Записки Алексея Петровича Ермолова, ч. II, с. 112.

¹²² Очерки истории Грузии, т. IV, с. 936—937.

руководителем стихийно восставшего неподготовленного крестьянства оказывалась примкнувшая к восстанию определенная часть дворянства с каким-либо царевичем, неспособным сплотить крестьянство, внушить ему возвышенный патриотический и социальный идеал, убедить народ в возможности создания свободного и сильного грузинского государства и общества путем практического достижения этого идеала... Народно (национально) - освободительное движение того времени основывалось на недовольстве, как крестьянства, так и дворянства новым, чуждым и непривычным правлением, на их стремлении к его упразднению. Однако, и в случае удачи, никто толком не знал, чем же следовало заменить существующее правление и будет ли лучше то новое, чем существующее, в случае восстановления старой или создания новой грузинской государственности. А ведь в любом варианте восстановленная независимая грузинская государственность вне России снова, как и прежде, оказалась бы во враждебном окружении мусульманских государств, хотя и ослабленных по сравнению с прошлым, но, тем не менее, достаточно сильных, чтоб терзать грузинскую землю. Противостоять этому Грузия не смогла бы впервой трети XIX в. так же, как не сумела на протяжении многих веков. Свидетельством тому является и история, в частности Крцанисская трагедия 1795 г., Акт 1801 г., поражения восстаний горцев 1804 г., Картли-Кахети — 1812 и Имерети -- 1819 — 1820 гг. С другой стороны, наивно было бы думать, что русское самодержавное государство бескорыстно, без угнетения и эксплуатации народа защитило, объединило и укрепило бы Грузию. Об этом свидетельствовали миссия Соломона Лионидзе в Петербурге в 1803 г. и двадцатилетняя открытая борьба или открытая политическая деятельность грузинских Багратионов, высланных в ту пору в Москву и Петербург.

Но в этой романтической деятельности, развернутой сразу же после присоединения Грузии к России, все-таки был реальный и рациональный момент — признание того, что обретение свободы для народа возможно только путем идейного и организационного объединения передовых борющихся сил.

Первое такое объединение в Грузии первой трети XIX в. создали участники заговора 1832 г., воспитанные на освободительных идеях не только Грузии, но России и Европы. А в России и Европе в то время разворачивались значительные события. Мир был потрясен Великой французской революцией, хотя французский народ уже готовился к новой революции. Присоединенная к России Финляндия, хотя формально, но все же сумела сохранить автономное правление. Польша пыталась обрести независимое правление путем революции. А восстание декабристов в России свидетельствовало о том, что и здесь началось сознательное революционное движение. В Грузии же, объята пламенем крестьянских восстаний, к тому времени все еще не было дано более или менее четкого и ясного ответа на вопрос, поставленный чуть раньше грузинскими либералами-просветителями — Давидом Багратиони, Иоанном Багратиони, Александром Чавчавадзе, Григолом Орбелиани, — почему Грузия не может, как другие, развиваться автономно под покровительством России, в чем ее вина? А если нет такой вины, что нужно предпринять для того, чтобы и она обрела внутреннюю автономию. Неужто «мы не способны сами сохранить отчизну нашу?»¹²³

Вопрос «как может Грузия завоевать самую себя?» раньше относился к теоретической сфере, а в 20-х гг. XIX в. этот вопрос встал и практически. В первую очередь на этот вопрос должно было ответить то тайное общество (организация), идея создания которого возникла в 1825 г. в среде грузинских Багратионов — Парнаоза, Окропира, Димитрия и других, высланных в Москву и Петербург. «Идея эта постепенно созревала с 1800 г., но безрезультатно. С 1825 г. начали осознавать, что достичь этой цели при помощи таких партикулярных движений, какими были разрозненные восстания в различных уголках Грузии, невозможно. Нужно было найти новый метод борьбы в

¹²³ Ч а в ч а в а д з е А. Указ. соч., с., 253; Д о д а ш в и л и С.* Речь-призыв. — Соч. Под ред. А. Б о ч о р и ш в и л и и С. Х у ц и ш в и л и . Тбилиси, 1961, с. 29.

соответствии со временем и расстановкой сил»¹²⁴. Этот метод или форма борьбы соответствовали тому, что брали на вооружение тогдашние западноевропейские и русские либералы и революционеры, а именно, организацию русских декабристов — «Союз спасения», или «Союз благоденствия» (1816--1821 гг.), Северное общество во главе с Рылеевым и Южное общество декабристов во главе с Пестелем. Грузины, жившие в ту пору в России, были знакомы с тайной деятельностью этих обществ, о чем свидетельствуют обнаруженные среди бумаг С. Додашвили письма К. Рылеева, перевод Григолом Орбелиани его же, т. е. Рылеева, стихотворения «Исповедь Наливайко», проповедование Давидом Багратиони западноевропейских и российских освободительных идей, признание З. Чолокашвили того, что «если сами русские, чувствуют несправедливость своего правительства, мы должны это чувствовать сильнее», также знание того, что Пестель советовал «обязательно вернуть Польшу, Грузию и другие области их прежним владельцам». Социально-политические идеалы русских и грузинских декабристов (вполне можно именовать так и грузинских заговорщиков, поскольку и те, и другие потерпели поражение в декабре -- русские декабристы — 14 декабря 1825 г., а «грузинские декабристы» — 9 декабря 1832 г.) были схожи, хотя, естественно, между ними отмечались и различия. Известно и то, что русские и грузинские деятели того времени для спасения своих идеалов большое значение придавали распространению просветительских, либерально-гуманистических идей, в основе которых лежал принцип: «Учение должно приносить пользу и себе, и отечеству»¹²⁵.

Так мыслили передовые просвещенные люди того времени. Но другая часть населения Грузии, на которой сказались «30 лет покорности», предав забвению общенародные, общественные интересы, жила бесцельно, руководствуясь сиюминутной выгодой. «Наше нынешнее общество, — писал современник, — мертво для отечества. Живут беспредметно, блуждают бесцельно, как в потемках; каждый думает только о личной пользе, ради чего не откажется даже от своих постыдных, позорных поступков. Корысть и жадность для них тот идол, благодаря которому теряется наша честь»¹²⁶. «Не встретишь соотечественника — жаловался другой современник, — думающего о благе отечества; все думают только о себе, не ищут ни знаний, ни книг, не любят трудиться... готовы лишь к пороку, нанося другим только лишь вред...»¹²⁷.

В то тяжелое время некоторые прогрессисты требовали подготовки национальных сил с помощью просвещения, а другие были за немедленное выступление для обретения национальной независимости, но были и сторонники одновременного решения обеих задач. Именно они — Дмитрий Батонишвили (Багратиони), Элизбар и Георгий Эристави, Александр Чолокашвили, Дмитрий Эристави, Давид Джорджадзе, Вахтанг и Димитрий Орбелиани и др., — высокообразованные для своего времени люди, прекрасно знавшие историю Грузии и всеобщую историю, русскую и европейскую культуру и жизнь, заложили основу грузинскому тайному обществу (организации) в середине 20-х гг. Руководил обществом Дмитрий Юлонович Батонишвили (род. в 1803 г.), слывший глубокообразованным и умным человеком. Он воспитывался в Петербурге. В 1825 г. в его доме образовался петербургский кружок тайного общества, который впоследствии расширился. По свидетельству одного из представителей этого кружка, его члены «встречались с Дмитрием Батонишвили в Петербурге, в его же доме, здесь часто бывали князя Георгий и Элизбар Эристави. Он рассказывал нам про свободу, приводя примеры из истории, чем подготовил нас, а позже, после приезда Дмитрия и Вахтанга Орбелиановых, внушив нам мысль о свободе, стал и их готовить... Он воспользовался

¹²⁴ Показания Ф. Кикнадзе, — Г о з а л и ш в и л и Г.* Заговор 1832 года, т. I. Тбилиси, 1935, с. 445.

¹²⁵ Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Заговор 1832 года и либеральное движение России. — Заговор 1832 года. Введение, материалы, комментарии, т. III, 1970, с. 9, 16—24.

¹²⁶ О р б е л и а н и Г. Д.* Мое путешествие из Тифлиса в Петербург. — Полн. собр. соч., со вст. статьей и замечаниями А. Гацерелия и Дж. Чумбуридзе. Тбилиси, 1959, с. 174.

¹²⁷ Д о д а ш в и л и С.* Письма. — Полн. собр. соч. Тбилиси, 1961, с. 271.

нашими возражениями и уже в открытую завел с нами разговор о Грузии и свободе»; «Дмитрий Батонишвили часто беседовал о свободе и разъяснял те права, которые были предоставлены гражданам во Франции, рассказывал о том, что власть короля ограничена, что каждый гражданин участвует в выборах короля, наконец, ознакомил нас со смутами в этой стране». По сообщению другого члена этого, кружка, здесь велись споры «о Грузии, о том, может ли она быть независимой, о характере и правах народа, ее населяющего... О несправедливостях, чинимых нашим соотечественникам правительством».

Спустя год после создания петербургского кружка тайной, организации, т. е. в 1826 г., в Москве Окропир Батонишвили-Багратиони основал новый кружок заговорщиков, целью которого было усиление проповедования патриотических чувств среди грузин и вовлечение в тайное общество новых членов, создание регулярной грузинской армии, замена русского правления грузинским. Дмитрий, как и Окропир Батонишвили-Багратиони наставлял патриотов, получивших образование в Петербурге и Москве и возвращавшихся на родину: «Вы, которые, возвращаетесь в Грузию, должны попытаться создать общество, привлечь народ, дабы действовать и освободить родину»¹²⁸. Для этого Дмитрий и Окропир Багратиони призывали членов своих кружков к патриотическому воспитанию народа, особенно молодежи, к созданию грузинской регулярной армии и восстановлению царской династии Багратионов в форме конституционной монархии, наподобие древнего Новгорода или же на манер государственного строя Англии, Франции, Швейцарии, или Северо-Американских штатов нового времени¹²⁹. Окропир руководил заговором не только идейно, но и намеревался пожертвовать 200 тысяч серебряных рублей, полученных в личное распоряжение от супруги, дочери богатого русского сенатора, для материального обеспечения конечной цели заговора.

Из Петербурга и Москвы деятельность заговорщиков постепенно переместилась в Тифлис. Здесь образовалась наиболее многочисленная и мощная организация тайного общества.

В 1827 г. один из заговорщиков, Соломон Додашвили, окончил Петербургский университет и отправился в Грузию. По пути он посетил в Москве Окропира Батонишвили и получил от него руководящие указания. В 1827 — 1829 гг. в Тифлис время от времени приезжали Александр Чолокашвили, Тамар Батонишвили (Багратиони), Филодельфос Кикнадзе и сам Окропир Батонишвили. В эти годы сформировалась тифлисская организация заговорщиков, в которую вошли Элизбар, Георгий и Давид Эристави, Иасе Палавандишвили, Александр, Луарсаб, Григол, Мамука, Дмитрий Орбелиани, Чавчавадзе, Соломон Додашвили, Дмитрий Кипиани, Соломон Размадзе, Теймураз Амилахвари, Заал Автандилашвили, Давид Джорджадзе, Захарий Чолокашвили, Иосиф Мамацашвили и многие другие образованные, передовые интеллигенты -- офицеры, писатели, ученые, журналисты, педагоги. «Заговорщиками в 1830 — 1832 годы руководила тройка — Орбелиани, Элизбар Эристави и Соломон Додашвили»¹³⁰.

Заговорщики имели своих представителей почти во всех уголках Грузии -- Картли, Кахети, Имерети, Мегрелии, Абхазии. Тайному обществу обещали большую помощь князь Давид Дадиани из Мегрелии и князь Константин Шарвашидзе из Абхазии.

Заговорщики рассчитывали на помощь высланных в Грузию декабристов, польских повстанцев, французских и немецких колонистов, а также некоторых европейских стран. Главную роль в "освобождении родины» они отводили национально-освободительной борьбе кавказских народов против царизма. По словам одного из главных руководителей заговора Ал. Орбелиани, «где нет свободы, нет и жизни», а чтобы обрести свободу для своего отечества «необходимо было организовать заговор таким образом, чтобы весь Кавказ от Черного до Каспийского морей, все население гор и равнин объединялось и

¹²⁸ См.: Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Заговор 1832 года, т. 1, с. 16—24.

¹²⁹ Там же, т. 11, с. 444—445; Г о ц а д з е М. К.* Борьба за восстановление независимости на рубеже 20—30-х годов. — Очерки истории Грузии, т. IV, с. 950.

¹³⁰ Там же, с. 944.

устроило единый мятеж»¹³¹. В единственном тифлисском журнале гимназии заговорщики С. Додашвили, Фил. Кикнадзе, И. Мамацашвили, Г. Орбелиани и другие проповедовали идеи освобождения отечества в духе произведений Вольтера и Руссо, А. Радищева и др. Дмитрия Багратиони прозвали Вольтером, С. Додашвили — Руссо, Ал. Орбелиани — Пестелем.

В 1830 г. Фил. Кикнадзе составил устав тайного общества, названный «Актом сознательного действия». В нем были сформулированы формы и средства создания и деятельности организации заговорщиков. Участники заговора признавали как легальные, так и нелегальные, как мирные, так и немирные формы борьбы. Они часто обсуждали возможность учреждения в Грузии либо конституционно-монархического, либо парламентарно-республиканского общественного строя. Последний вариант вызывал общее одобрение, однако конституционно-монархическое правление казалось им легче осуществимым и поэтому более целесообразным. Идею же восстановления прежней грузинской царской власти почти никто не разделял.

В ноябре 1832 г. Элизбар и Георгий Эристави составили, а остальные участники заговора одобрили проект создания конституционно-парламентарной монархии, в силу которого в Грузии, либо остающейся в пределах Российской империи, либо ставшей независимой, следовало учредить парламент с верхним и нижним «управлениями» (палатами). Председателем верхней палаты должен был быть царь, членами — министры внутренних дел и просвещения, обороны, иностранных дел, юстиции, финансов. В нижнюю палату должны были войти депутаты из различных уголков Грузии. Подразумевалось, что «кабинет министров» будет подотчетен перед облеченной правами «нижней палатой». Никто из предполагаемых «министров», за исключением А. Чавчавадзе, не был участником заговора¹³², свидетельствуя о своеобразном демократизме заговорщиков.

Не подтверждается распространенное мнение о том, будто заговорщики подразделялись на монархическое (правое) и республиканское (левое) течения, причем князья якобы были монархистами, а дворяне и крестьяне — республиканцами. Факты свидетельствуют, что среди заговорщиков не было ни чистых монархистов, ни чистых республиканцев, но прежние просветительские идеи (республиканские, патриотическо-либеральные, либо конституционно-монархические) разделяли почти в равной мере все — и царевичи Дмитрий и Окропир Багратиони, и князья Григол Орбелиани и Александр Чавчавадзе, и дворянин Дмитрий Кипиани, и сын священника (крестьянина) Соломон Додашвили¹³³. Если и возникали между ними разногласия, это было естественное расхождение во взглядах мыслящих, просвещенных людей, а не партийный антагонизм, якобы обусловленный «глубокими классовыми корнями».

До 1830 г. заговорщики занимались мирной деятельностью. Восстание считалось самым крайним средством. Они лелеяли даже надежду, что Николай I предоставит независимость восставшей Польше, а вслед за ней и Грузии. Тем не менее, они набирали силы на случай неизбежности вооруженного восстания.

В начале 1831 г. заговорщики пришли к выводу, что восстание неминуемо и для этого «сейчас подходящая пора»¹³⁴.

Согласно плану Тамары Батонишвили-Багратиони, Ал. Орбелиани и Эл. Эристави, каждый князь, участник заговора, должен был привести в Тифлис свое войско — всего до двух тысяч человек, привлечь на свою сторону полк грузинских гренадеров русской армии и с его помощью захватить казну. Затем грузинское войско должно было занять

¹³¹ Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Указ. раб., т. I, с. 16.

¹³² Г о з а л и ш в и л и Г. К.* Указ. раб., с. 92.

¹³³ см.: Г а п р и н д а ш в и л и М. М.* Очерки истории общественной мысли Грузии, II. Тбилиси, с. 3—353, особенно с. 93—115, 137—148.

¹³⁴ Г о з а л и ш в и л и Г. К. Указ. раб., с. 192.

арсенал и крепость, разоружить царский гарнизон и поднять всю Грузию, а то и весь Кавказ против царизма.

Ясно, что этот «план» скорее походил на романтическую мечту и желание, нежели на конкретное практическое руководство к действию. У заговорщиков не было сил на его осуществление. Так и остался он нереализованным. Тем более, что подобное, но гораздо лучше подготовленное и осуществленное восстание в Польше было буквально потоплено в крови в сентябре 1831 г. Паскевичем, «переброшенным» туда из Закавказья по приказу Николая I. Все это оказалось достаточным для заговорщиков, чтобы отказаться от восстания. То же повторилось летом 1832 г., когда направленный «из Грузии на Северный Кавказ для «усмирения» чеченцев и дагестанцев главноуправляющий Розен, хотя, и с трудом, но в конце концов победил войско Кази-Мола и 23 ноября вернулся в Тифлис. За две недели до этого, 10 ноября 1832 г. одна группа заговорщиков (Давид, Элизбар и Георгий Эристави, Александр Орбелиани, Иасе Палавандишвили) разработала конкретный план восстания т. н. «распоряжение первой ночи», по которому восстание должно было начаться 23 ноября. Но именно в этот день вернулся Розен в Тифлис, с большим войском, что напугало заговорщиков и вынудило их перенести день восстания на 6 декабря. В этот день должен был открыться созданный местной царской администрацией съезд грузинского дворянства, но съезд был перенесен на 20 декабря. Соответственно был перенесен и срок начала восстания. Однако до 20 декабря тайная организация не дожидаясь. 9 декабря один из участников заговора Иасе Палавандишвили выдал заговорщиков. Они были арестованы, осуждены и высланы в отдаленные губернии России.

Таким образом, заговор провалился, «распоряжение первой ночи» не осуществилось, сорвался план, по которому предполагалось в дом Луарсаба Орбелиани пригласить руководителей военного и гражданского правления Кавказа и там обезвредить их, затем разоружить тифлисский гарнизон, занять все стратегические пункты города и перекинуть восстание в провинцию.

Местные власти были перепуганы, обнаружив существование тайной организации. Главноуправляющий Розен опубликовал «Обращение к грузинскому народу» и призвал к сохранению спокойствия. Народ, узнав об аресте участников дворянско-интеллигентского заговора, не выступил в их защиту. Однако и заговорщики особенно не рассчитывали на помощь, со стороны широких масс, они полагали, что ликвидация в Грузии правления царского самодержавия была возможна силами узкого круга гражданской и военной дворянско-либеральной интеллигенции, а захват власти ими вынудил бы царизм вернуться к принципам дружественного Георгиевского трактата 1783 г. Они боролись против колониального угнетения и отнюдь не были против союза с Россией. Более того, они считали этот союз единственной гарантией автономного, либо независимого существования Грузии и главнейшим условием нейтрализации исконных врагов грузинского народа — Турции и Ирана. «Отныне и кызылбаши и османы осознают свою ошибку, — писал участник заговора Григол Орбелиани в 1831 г., — из-за которой притеснявшаяся ими Грузия присоединилась к гораздо более сильной России, и не пожелают того, чтобы Грузия вновь искала покровительства у какой-либо сильной европейской державы»¹³⁵.

Заговор 1832 г., невзирая на утопичность, слабость, провал, был прогрессивным общественным явлением. С этого времени грузинское национально-освободительное движение первой трети XIX в. становится сознательным и организованным. Прогрессивно-либеральные и национально-радикальные (революционные) идеи заговорщиков сыграли большую роль в развитии раннепросветительской общественно-политической мысли в Грузии, в росте национального самосознания народа, в подготовке условий для перехода национально-освободительного движения Грузии на новую, более

¹³⁵ Орбелиани Г. Д.* Мое путешествие из Тифлиса до Петербурга. — Полн. собр. соч. Под ред. А. Гацерелия и Дж. Чумбуридзе. Тбилиси, 1959, с. 173.

высокую ступень. Провал заговора показал, что «путь национального освобождения и прогресса проходил только через Россию»¹³⁶.

Г Л А В А II

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ БУРЖУАЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 30-х—50-х гг. XIX в.

§ 1. РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Развитие товарного производства. Сдвиги в развитии сельского хозяйства дореформенной Грузии, начавшиеся с 30-х гг. прошлого столетия, стали особенно заметными в 40-х—50-х гг., когда установилось относительное спокойствие, прекратились непрерывные вражеские нашествия, отвлекавшие часть населения от хозяйственной деятельности. Наблюдается неуклонный рост населения, усиление стимула к хозяйственной деятельности. Увеличиваются, в частности, площади под различными посевами. В сельском хозяйстве отмечаются качественные сдвиги, особенно в производстве зерна. Усилилось проникновение в эту область товарно-денежных отношений, связь сельского хозяйства с рынком и расширение производства товарной продукции. В 1845 г. удельный вес товарного хлеба составил: в Тифлисском уезде — 25%, в Телавском — 26%, в Ахалцихском — 21%, в Кутаисском — 20,1%¹³⁷. В том же в 1845 г. во всей Тифлисской губернии было собрано 1 957 544 четв. всех хлебов, а (продано 186 967 четв., т. е. приблизительно 18%. По мере роста потребности в хлебе посевные площади увеличивали не только крестьяне, но и помещики. Возрастала господская запашка. Еще в 1832 г. в Грузии были помещики, тесно связанные с рынком, производившие товарную продукцию и для этой цели умножавшие разработку полей и виноделие. Что касается более позднего времени, то существуют конкретные данные, свидетельствующие, например, что в Тифлисской губернии посевы озимого хлеба по господской запашке увеличились в 1857 г. по сравнению с 1850-м на 83,1%, а ярового — на 132,9%. При оценке значения этих данных следует руководствоваться словами В. И. Ленина: «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹³⁸.

Главным местом реализации хлеба внутри региона были города, в частности Тбилиси, население которого в начале 60-х гг. ежегодно потребляло около 400000 пудов одной только пшеничной муки. Значительным потребителем хлебных злаков были и войска. Однако покупка хлеба интендадским ведомством сковывала крестьянскую свободную торговлю. Приобретение зерна через посредство чиновников интендантской службы, носившее в некоторой степени принудительный характер, ограничивало продажу его на вольном рынке¹³⁹.

Важное значение для развития сельской торговли имело то обстоятельство, что одной из основных отраслей народного хозяйства Грузии являлось виноградарство-виноделие, издавна носившее в Грузии более или менее торговый характер. По мере развития товарно-денежных отношений, роста городского населения, расширения

¹³⁶ Ш е в а р д н а д з е Э. А. * Великий праздник, дружбы и братства.— Комунисти, 1983, № 248—249.

¹³⁷ А н т е л а в а И. Г., О р д ж о н и к и д з е Э. Д., Х о ш т а р и я Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967, с. 6—7.

¹³⁸ Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, с. 184.

¹³⁹ Ф а д е е в А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957, с. 199—200.

рыночных связей, все большая часть продукции виноделия поступала на рынки. Торговое виноделие в Кахети в 30-х гг. в целом было развито слабо, однако весьма важно, что население Кахети (Телавского и Сигнахского уездов) продавало четвертую долю производимого им вина¹⁴⁰. В 30-х гг. XIX в. из одного только Телавского уезда, ежегодно вывозили в Тбилиси до 1300000 ведер вина. Сигнахский же уезд несколько позже, а именно в 1858 г., сбыв в столице Грузии 1350000 ведер вина. Как бы эти цифры ни были преувеличены, они все же говорят о сравнительно высоком уровне развития торгового виноделия. Спрос на кахетинские вина ежегодно увеличивался. Грузинские вина в сравнительно большом количестве стали поступать на российский рынок.

Значительные сдвиги происходили и в шелководстве, имевшем широкое распространение в Грузии. Из всего Закавказья в 40-х гг. прошлого столетия 60—70% общего объема этой продукции вывозилось на дальние (преимущественно российские) рынки¹⁴¹. Если же к этому прибавить шелк, продававшийся на месте, то, естественно, этот процент еще больше повысится. В Грузии удельный вес товарного шелка был не мал. В Кутаисской губернии, например, он в 1856 г. составлял 40-45%.

С 40-х-50-х гг. XIX в. в Грузии заметно развивалось табаководство, постепенно принимавшее товарный характер. В России были заинтересованы в разведении табачных плантаций для снабжения фабрик дешевым сырьем. Основанные в этот период в Грузии различные общества, поощрявшие развитие сельского хозяйства, выписывали из-за границы семена лучших сортов табака, раздавали их грузинским помещикам и крестьянам, способствуя тем самым улучшению табаководства в Грузии.

В 1859 г. в Тифлисской губернии было собрано 11 772 пудов табака, а продано — 7944 пуда, или 67,4%. Разведением табака было занято более чем 1 600 человек. В Кутаисской губернии табаководством занимались более 1000 человек. Исключительно с промышленной целью разводили табак в хозяйстве имеретинского помещика Чиджавадзе и в селении Хона. «Жители селения Хони занимаются почти исключительно разведением табака для продажи»¹⁴², — писал кутаисский губернатор в отчете за 1858 год. Для реализации табака в 1850 г. в Хони была учреждена «табачная ярмарка». В Мегрелии эта отрасль была широко распространена и, как отмечал владетель этого княжества Давид Дадиани, продукция ее продавалась в количестве от 15 до 20 тысяч пудов¹⁴³.

Из Мегрелии табак вывозился в Тбилиси, Россию и за границу. Число табачных плантаций в Грузии из года в год росло. В 1864 г. только в Кахети было собрано 10000 пудов табака, часть которого была продана в Тбилиси, часть же вывезена в Москву.

В дореволюционной Грузии было развито также и хлопководство. Хлопок, в основном, разводили в Западной Грузии — в Кутаисском, Шорапанском и Озургетском уездах. Часть урожая потреблялась на месте, часть же вывозилась на рынок. В 50-х гг. в Имерети ежегодно в среднем производили до 5000 пудов хлопка. В 60-х гг. производство хлопка и его продажа заметно возросли: в 1864 г. в Имерети было собрано около 15 000 пудов хлопка, из коих продано 10 000 пудов¹⁴⁴, или 75%.

В первой половине XIX в. население Грузии с промышленной целью разводило (причем в значительном количестве) красильные растения — марену, кошениль, сафлор и др., находившие себе сбыт на местном и заграничном рынках.

Возросла товарность животноводства: широкие размеры приняла торговля сыром, маслом, шерстью, сыромятной кожей и т. д. Так, например, в Кутаисской губернии в 1847 г. было продано 15000 голов скота, в 1849 г. — 17000, в 1850 г. — 19 000, 1851 г. — 20 000,

¹⁴⁰ АКАК, т. VII, ч. I, с. 189.

¹⁴¹ Г у г у ш в и л и П. В. Шелководство в Грузии и Закавказье в XIX-XX вв. Тбилиси, 1960, с. 32.

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 101, л. 190.

¹⁴³ М е у н а р г и я И. Мегрелия при Давиде Дадиани, — Материалы и документы. Под ред. С. Цаишвили. Тбилиси, 1939, с. 103.

¹⁴⁴ Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. V, с. 96.

в 1852 г. — 23 000, в 1853 г. — 26000, а в 1854 г. — 32000 голов¹⁴⁵. Продажа скота с 1849 г. по 1854 г. увеличилась почти вдвое. Жители Сигнахского уезда в одном только 1858 г. продали почти на 2 млн. рублей рогатого скота и продукции животноводства.

В связи с ростом и развитием городов и городской жизни товарным стали также фруктовое садоводство и огородничество. «Огороды и плодовые сады, — сказано в отчете Тифлисского губернатора за 1857 г., — имеются во всех почти частях губернии, за исключением трех городских округов. Первые содержатся преимущественно у крестьян казенных, немецких колонистов и русских поселян. Овощи и плоды идут не на одну домашнюю потребность, ими снабжаются постоянно городские рынки и от продажи их хозяева огородов и садов получают хорошие доходы. Особенно огородничество и садоводство составляют лучший и распространенный промысел у жителей ближайших к Тифлису мест по огромному требованию тифлисцев на ягоды и овощи»¹⁴⁶. Удельный вес товарной продукции огородничества в Тифлисской губернии составил в 1845г. 37,1 %¹⁴⁷.

Все эти факты свидетельствуют о росте внутреннего рынка, о наличии товарного производства и денежных отношений, т. е. о существовании одного из обязательных условий капитализма¹⁴⁸.

Характер эволюции помещичьих хозяйств (буржуазное предпринимательство). В результате роста товарно-денежных отношений грузинское дворянство было вынуждено позаботиться о переустройстве своего хозяйства в соответствии с требованиями нового времени. Проникновение товарно-денежных отношений в различные отрасли сельского хозяйства подрывало основы крепостнической системы, так как последняя предполагала «господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным, миром»¹⁴⁹.

Буржуазной эволюции помещичьих хозяйств в Грузии препятствовали совместное владение частью дворян своими родовыми именьями и неразмежеванность этих последних. Несмотря на это, еще в дореволюционный период определенная часть местного дворянства смогла перестроить свое поместье на рациональных началах. Движущим мотивом для ведения собственного хозяйства в целом ряде феодальных единиц, отныне стало производство меновой стоимости. Среди помещиков-рационализаторов особенно выделялись Соломон Гургенидзе, Дмитрий Абхазы, Александр Чавчавадзе, Соломон Андроникашвили, Торникэ Андроникашвили, Симон Шаликашвили, Иване Сулханишвили, Иванэ Багратион-Мухранский, Бебуришвили, Михаил Накашидзе, Антон Накашидзе, Нико Чиджавадзе, Константин Эристави, Михаил Эристави и др.

Не останавливаясь подробно на описании их хозяйственной деятельности¹⁵⁰, укажем, что все они производили большую массу товарной продукции и, наряду с подневольным, применяли вольнонаемный труд.

Помещикам-рационализаторам, равно как и хозяевам-фермерам, не чуждо было применение также и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Агроном И. Хатисов, говоря, например, о хозяйстве Ананова, пишет, что в этом хозяйстве землю обрабатывали гегенгейским плугом, производившим работу на глубине от 2 до 5 вершков и требующим «одной или двух пар волов». Не отставал от него и И. К. Багратион-Мухранский. Убедившись в том, что старинный способ хозяйства требует значительных материальных затрат и не дает достаточной выгоды, он принял, по словам

¹⁴⁵ Г о г л а д з е Д. А.* Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии (1830—1864 гг.), Тбилиси, 1959, с. 30.

¹⁴⁶ СХАО, т. 1, с. 44.

¹⁴⁷ ЦГИАГ, ф. 16, д. 8888; ДИГ, т. 1, ч. 2, с. 880.

¹⁴⁸ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 87; т. 39, с. 70—71, 77—78.

¹⁴⁹ Там же, т. 3, с. 184.

¹⁵⁰ ЗКОСХ, 1863, №2; СХАО, т. 1, с. 480.

современников, «за устройство фермы по европейскому образу». Прибегнув к различным рационализаторским мероприятиям, он намного увеличил получаемые с хозяйства доходы. Багратион-Мухранский, получавший в начале 40-х гг. прошлого века годовой доход всего в размере 400 рублей, к 60-м гг. довел его 30 000 рублей¹⁵¹.

Некоторые из грузинских помещиков выписывали «косильные машины десятками». Весной 1862 г. близ Тбилиси было устроено испытание различных сельскохозяйственных машин, привезенных из Англии. Причем желающих иметь новую технику было очень много. «Никогда не было столько людей, хотевших заполучить новые машины и семена и тративших так много денег на устройство хозяйства, как теперь», — писала газета «Гутнис деда» («Пахарь») в начале 1863 г.¹⁵² А двумя годами раньше тифлисский губернатор отмечал: «Я считаю во многих отношениях утешительным явлением **заказ здешними помещиками. значительного количества земледельческих орудий**». Наконец, весьма любопытно свидетельство помещика Константина Эристави. «Я решил, — писал он в 1863 г., — **взяться за хозяйство решительно и быстро**» **предоставив ему силу механической работы взамен невыгодной физической силы людей и животных. [имею] желание и необходимость повести мое хозяйство на новый путь промышленной разработки**»¹⁵³.

И несмотря на то, что использование новейшей техники в помещичьих хозяйствах дореформенной Грузии не носило массового характера и попытки внедрения последних достижений терпели неудачи, нельзя не оценить должным образом и те первые шаги, которые были сделаны в этом направлении. «Когда помещик, — пишет В. И. Ленин, — заводит машину или улучшенное орудие, он заменяет инвентарь крестьянина (работавшего на него) своим инвентарем; он переходит, следовательно, от отработочной системы хозяйства к капиталистической. Распространение сельскохозяйственных машин означает вытеснение отработков капитализмом»¹⁵⁴.

По приблизительным данным, количество помещиков-предпринимателей, старавшихся приспособиться к новым условиям жизни, в Тифлисской губернии в 50-х гг. XIX в. равнялось 35, что составляло 2,3% к общему числу (1751) дворянских семейств данной губернии. В России же в то время удельный вес таковых равнялся примерно 3%¹⁵⁵.

Крестьянские промыслы. Отходничество. В деле становления капиталистических отношений существенную роль играли крестьянские промыслы и отходы. Исследованиями советских историков¹⁵⁶ установлено, что развитие буржуазных отношений значительно быстрее происходило в промысловых районах, т. е. в тех местах, где трудовое население занималось преимущественно промысловой деятельностью.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, свидетельствуют о широком развитии среди безземельных и малоземельных крестьян Грузии промыслов и отходов. В 1821 г. из 118 дымов казенных крестьян села Сагареджо 36 дымов, или 30% общего числа, вследствие малоземелья или безземелья, были заняты торгово-промысловой деятельностью и отходничеством. В селении Шилда удельный вес таковых равнялся 46,3%, а в Кварели — 79,3%¹⁵⁷, в селении Цхинвали в 1842 г. числилось 120 дымов казенных крестьян, из которых земледелием занимались 50 дымов, или 41,6%. Остальные же 70 дымов, или 58,44%, были заняты торгово-промысловой деятельностью. Из 103

¹⁵¹ Г у г у ш в и л и П. В.* Грузинская журналистика, т. 1. Тбилиси, с. 261.

¹⁵² Гутнис деда, 1863, № 1.

¹⁵³ ДИГ, т. 1, ч. 1, с. 3, 26—28.

¹⁵⁴ Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 224.

¹⁵⁵ Д р у ж и н и н Н. М. Конфликт между, производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года. — Вопр. ист., 1954, №7, с. 63; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967, с. 238.

¹⁵⁶ К о в а л ь ч е н к о И. Д. О характере и формах расслоения помещичьих крестьян России в первой половине XIX. века. — Исторические записки, 1965, т. 78.

¹⁵⁷ О р д ж о н и к и д з е Э. А.* Материалы о дифференциации крестьян Телавского уезда I половины XIX века. — МИГК, 1960, вып. 33, с. 219—222.

дымов крестьян, проживавших в Сурами в том же 1842 г., 70 дымов, или 68%, были заняты только торговлей и промыслами. Были в Грузии села, заселенные одними только промысловыми крестьянами. В 1831 г. в сел. Ахалгори (Горийский уезд) 97,9% занимались лишь промыслами, торговлей и поденной работой¹⁵⁸.

В углублении дифференциации крестьян огромное значение имели крестьянские отходы. Несмотря на разные препятствия, с 30-х гг. XIX в. практика отхожих промыслов получила широкое распространение. Отходничеством, ввиду острого малоземелья, больше всего занимались крестьяне Западной Грузии. По Кутаисской губернии в 1862 г. отправившимся «по промыслам на заработки» было выдано 2952 билета, а в 1863 г. — 2929¹⁵⁹. Отходники стремились, главным образом, в столицу Грузии. По свидетельству обозревателя Тифлиса, в городе находилось много имеретин-носильщиков, водовозов, садовников и т. д.

Распространение отходничества в дореформенной Грузии было прогрессивным явлением в социально-экономической жизни страны, так как «оно выражает отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям». Развивая эту мысль, В. И. Ленин писал: «Отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»¹⁶⁰. Касаясь, в частности, вопросов о значении крестьянских промыслов и отходничества, В. И. Ленин в другом месте писал: «Большинство же крестьян совершенно не в состоянии удовлетворить нужду в деньгах расширением хозяйства, не имея никаких запасов, ни средств производства. Такой крестьянин, чтобы добыть денег, идет «на заработки», т. е. несет на рынок не свой продукт, а свою рабочую силу. Уход на заработки, естественно, ведет за собой дальнейший упадок земледельческого хозяйства, и этот крестьянин кончает тем, что сдает свой надел богатому однообщиннику, который округляет свое хозяйство и, понятно, не сам потребляет продукт со снятого надела, а отправляет его на рынок. Получается «обеднение «народа», рост капитализма и увеличение рынка»¹⁶¹.

Коммутация государственных податей. Роль денежной ренты среди повинностей помещичьих крестьян. Развитие товарного производства и рыночных связей обусловило дальнейшую коммутацию крестьянских повинностей¹⁶². В рассматриваемый период она коснулась государственных податей: «Сначала sporadическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства, а вместе с тем и денежного обращения»¹⁶³.

Еще в 1842 г., до проведения реформы Безака, денежные поступления в общей массе государственных податей Грузино-Имеретинской губернии, составляли 45,4%, а натуральные — 54,6%¹⁶⁴. В 1843—45 гг., как известно, была проведена общая реформа податной системы, по которой крестьяне всех категорий (государственные, помещичьи и церковные) обязывались расплачиваться с казной звонкой монетой.

Установление денежной податной системы, являвшейся следствием развития в стране товарного производства и рыночных связей, способствовало со своей стороны дальнейшему экономическому прогрессу, росту товарно-денежных отношений. После введения денежных податей, указывает К. Маркс, «хотя непосредственный производитель

¹⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 254, д. 19031, оп. 1, д. 975.

¹⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 10, д. 137, л. 118.

¹⁶⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

¹⁶¹ Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. I, с. 120—121.

¹⁶² Еще в 1818 г. повинность церковных крестьян приняла форму денежной ренты.

¹⁶³ Маркс К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 361.

¹⁶⁴ Антелава И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века, т. I. Сухуми, 1955, с. 358.

по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере, наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связей с обществом»¹⁶⁵.

Коммутация государственных податей, заставившая сельских тружеников всех разрядов теснее связаться с рынком, способствовала замене крестьянских повинностей в пользу помещиков деньгами. Денежная рента, вытесняя во все более и более ощутимом масштабе остальные формы ренты, приобрела вполне определенное значение в экономической жизни предреформенной Грузии. Во всяком случае, в грузинской действительности 30-х — 50-х гг. денежная рента играла гораздо большую роль, чем это представляется некоторым историкам и экономистам. В доказательство этого можно сослаться на доходную книгу (1822 г.) ксанского помещика Торнике Эристави¹⁶⁶. Его крестьяне в количестве 273 дымов были обложены, главным образом, продуктовой и денежной рентой. Что же касается отработочной ренты, то она в числе крестьянских платежей занимала ничтожное место. Если не принимать ее во внимание, а крестьянские повинности в пользу помещиков свести целиком к продуктовой и денежной рентам, то удельный вес первых составит 48%, а второй — 52%. Среди селений, подвластных Эристави, были и такие, в которых денежная рента значительно превосходила продуктовую. К числу таковых принадлежали, например, Ламискана (удельный вес денежной ренты — 58,3%), Хорбало (59,9%), Сакорети (63%), Нахида (70%), Садзегури (74,2%), Монастери (83,3%), Курта (100%), Ахалгори (100%) и т. д.

Характерно и то, что, начиная с 30-х гг. XIX в. сельское трудовое население не переставало подавать прошения казне и частным владельцам о переводе их на денежный расчет¹⁶⁷. Из 1810 дымов помещичьих крестьян Сигнахского уезда, получивших земельные наделы, 907 дымов, или более 50%, отбывали повинности, предусмотренные уставными грамотами в форме денежной ренты. Примерно такая же картина наблюдалась и в Телавском уезде. Половина временнообязанных крестьян данного уезда добилась согласия помещиков расплачиваться с ними деньгами¹⁶⁸. **Около половины всех повинностей помещичьих крестьян отбывалось именно в денежном виде.**

Классовое расслоение крестьян. Развитие товарного производства и рыночных связей подготавливало почву для начала классовой дифференциации крестьян. «Эти полярные течения, — писал В. И. Ленин, говоря о возникновении сельской буржуазии и пролетариата, — возникают и усиливаются там и постольку, где и поскольку развивается и упрочивается товарное хозяйство»¹⁶⁹.

Материалы, относящиеся к периоду после первой трети XIX в. (а частично и к более раннему времени), отчетливо говорят о заметном процессе классового расслоения крестьянства. В отчете Воронцова за 1849—51 гг. по данному вопросу сказано: «Встречаются крестьяне, которые, можно сказать, богаче своих владельцев, ибо, платя помещикам 1/10 часть и выпивая сверх того и с р а б о т а ю щ и м и в и х с а д а х о к о л о п о л о в и н ы в и н а , у них еще остается достаточно оно, чтобы продажей выручить значительные суммы; а, ведя жизнь умеренную, они часто п о м о г а ю т им [помещикам] в и х н у ж д а х д е н е ж н ы м и с с у д а м и » (разбивка наша)¹⁷⁰.

¹⁶⁵ М а р к с К. Капитал. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25. ч. 2, с. 361.

¹⁶⁶ Г в р и т и ш в и л и Д.* Доходная книга 1822 года Торнике Эристави. — Труды Тбилисского государственного университета, т. 77. Тбилиси, 1959, с. 58, 76.

¹⁶⁷ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, с. 392; К и р и я Ц. и С а д ж а я Ш.* Материалы по истории Грузии. Тбилиси, 1967, с. 115—117.

¹⁶⁸ Г и ц б а Т. Т. Крестьянское движение в Восточной Грузии в период проведения аграрной реформы (1864—1868 гг.) — Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1974.

¹⁶⁹ Л е н и н В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 193.

¹⁷⁰ А К А К, т. X, ч. II, с. 879.

Многие крестьяне в Грузии производили значительное количество товарного вина, что, возможно, было осуществить лишь с помощью вольнонаемного труда. Барон Гакстгаузен, касаясь экономического положения государственных крестьян Грузии, писал (1843 г.): «Они часто набирают тысячи рублей и употребляют их на приобретение поземельной собственности». По свидетельству того же современника, казенные крестьяне Тифлисского уезда по своему имущественному положению были разделены на 4 группы. К первой из них относилась семья, имевшая в своем распоряжении земли в размере 70 и более десятин¹⁷¹.

О создании довольно мощного кулацкого ядра в дореформенной грузинской деревне говорят материалы камерального описания, произведенного в 1842 г. Удельный вес зажиточных государственных крестьян по занимаемой ими земельной площади равнялся приблизительно 9%¹⁷².

Состоятельные крестьяне владели не только значительной частью земли, но и большим числом скота. Об этом красноречиво говорит приводимая ниже таблица 1.

Если к группе зажиточных и кулаков отнести крестьян, имеющих 10 и более голов крупного рогатого скота, то получится, что к 1842 г. верхушка крестьян, удельный вес которой равнялся 17,9%, сумела сосредоточить в своих руках 60% общего количества скота. Наряду с ними в том же Телавском уезде существовало значительное ядро государственных крестьян, вовсе не имевших крупного рогатого скота. Удельный вес таких составлял 43,3%. В Енисели 12 дымов государственных крестьян, или 9,3% их общего числа, располагали почти 40% всего крупного рогатого скота; 16 дымов крестьян

Т а б л и ц а 1

**Распределение крупного рогатого скота среди государственных
крестьян
Телавского уезда в 1842 г.**

Селение	Число дымов	Общее количество скота	Совершенно не имели скота		Имели скот от 1 до 10 голов		Имели скот 10 и более голов		Крестьяне, владевшие скотом 10 и более голов имели всего	
			к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во скота	% к общему числу
Енисели	129	379	69	53,5	48	37,2	12	9,3	148	39,1
Санавардо	64	205	31	43,3	23	36,6	10	15,1	117	57,0
Чикаани	61	493	18	29,5	18	49,5	25	41,0	399	80,5
Турисцихе	69	291	37	53,6	22	40,9	16	5,5	207	70,1
Шилда	19	71	6	31,7	9	47,3	4	21,0	48	67,6
Шакриани	116	496	43	34,8	49	44,5	24	20,7	298	76,0
Пшавели	115	411	53	46,0	48	41,9	14	12,1	185	45,0
Кистаури	57	396	22	38,6	17	29,9	18	31,5	296	74,8
Гавази	161	1072	36	22,4	66	41,0	59	36,6	812	75,7
Верх.Ходашени	75	307	34	45,3	30	40,0	11	14,17	151	49,2

¹⁷¹ СХАО, т. I, с. 2.

¹⁷² ЦГИАГ. ф. 254, оп. 1, д. 1933, 1942, 1943, 2041.

* Таблица составлена на основании данных камерального описания Телавского уезда 1842 г. — ЦГИАГ, ф. 254, оп. I, д. 19024, 19025, 19055.

Кучатани	85	394	31	36,7	41	46,9	13	16,4	216	54,9
Шалаури	53	283	21	39,1	20	38,3	12	22,6	183	64,7
Уриатубани	91	565	34	37,5	36	39,5	21	23,0	383	67,6
Велисцихе	291	771	168	57,8	104	35,7	19	6,5	275	36,8
Итого	1515	6852	645	43,3	598	38,8	272	17,9	414	60,0

селения Турисцихе, или 5,5%, сосредоточили 70,1% крупного рогатого скота. 12% крестьян селения Пшавели имели 45% всего скота, принадлежавшего государственным крестьянам. Между тем в названных селениях, равно как и в других, значительная часть трудового населения вовсе не имела крупного рогатого скота. Удельный вес таковых равнялся: в Енисели — 53,5%, в Турисцихе — 53,6%, в Пшавели — 46%, в Ходашени — 45,3%, в Велисцихе — 57,8%.

Еще более глубоко и отчетливо протекал процесс классовой дифференциации крестьян в Сигнагском уезде, одним из главных занятий, населения которого было скотоводство. Соответствующие данные см. в табл. 2.

Как видно из этой таблицы, зажиточные государственные крестьяне, составлявшие 17,2% к их общему числу, сконцентрировали в своих руках более 71% крупного рогатого скота.

Т а б л и ц а 2*

Распределение крупного рогатого скота среди государственных крестьян
Сигнагского уезда в 1842 г.

Селение	Число дымов	Общее количество скота	Совершенно не имели скота		Имели скот от 1 до 10 голов		Имели скот 10 и более голов		Крестьяне, владевшие скотом 10 и более голов, имели всего	
			к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во скота	% к общему
Анага	389	1054	257	66,0	95	24,1	37	9,5	654	62,2
Вакири	469	1895	263	54,5	149	31,6	57	2,1	1289	69,0
Малое Сакобо	174	806	78	45,7	68	39,0	28	16,0	438	54,3
Большое Сакобо	232	871	114	49,9	90	36,2	28	12,0	675	80,0
Джугаани	221	1071	104	57,0	79	35,7	38	17,1	685	63,6
Паниани	84	451	47	55,9	22	26,2	15	17,8	347	76,2
Ниж. Мачхаани	205	1210	101	50,0	63	31,0	39	19,2	932	77,0
Тибаани	101	553	47	46,5	35	34,6	19	18,8	382	67,4
Прасиани	35	125	22	62,9	8	22,9	5	14,2	60	48,0
Озаани	53	253	21	40,0	19	36,0	13	24,3	170	67,2

Сулукаани	52	247	22	42,0	19	36,4	11	21,1	166	68,0
Мирзаани	240	1753	89	37,5	105	43,8	46	19,1	1329	75,9
Котаани	37	192	16	43,2	11	29,7	10	27,0	154	75,5
Арбошики	112	689	37	33,0	55	50,0	20	18,7	387	56,2
Верх.Мачха ани	301	1855	140	46,5	97	32,2	64	21,2	1424	76,7
Магаро	424	2260	202	47,6	142	33,5	80	18,8	1745	77,2
Чоторы	65	686	17	26,1	21	32,3	27	45,5	598	87,1
Нукриани	173	1046	93	53,7	48	28,9	32	18,5	852	81,4
Итого	333	1170	116	49,4	111	33,3	55	117,2	1228	71,5
	65	23	70		6	4	9		7	

Наряду с ними, в том же уезде существовал многочисленный слой казенных поселян, вовсе не имевших скота. Удельный вес таковых равнялся 49,4%. В селении Анага 37 дымов государственных крестьян, или 9,5% их общего числа, располагали 62,2% всего крупного рогатого скота. 57 дымов, или 12,1% вакирских государственных крестьян, сосредоточили 68% крупного рогатого скота, 18,5% нукрианских государственных крестьян имели 81,4% всего скота. Вместе с тем в перечисленных селениях, равно как и в других, значительная часть населения совершенно не имела крупного рогатого скота. Удельный вес таковых равнялся: в Анаге — 66,0%, в Вакири — 54,5%, в Нукриани — 53,7%.

* Таблица составлена на основании данных камерального описания Сигнагского уезда 1842 г. — ЦГИАГ, ф. 254, оп. I, д. 1933.

Каково было положение в Кахети в целом? Ответ на этот дает таблица 3.

Т а б л и ц а 3

Распределение крупного рогатого скота в Кахети в 1842 г.

Район	Количество дымов	Общее кол-во скота	Совершенно Не имели скота		Имели скот от 1 до 10 голов		Имели скот 10 и более голов		Крестьяне, владевшие скотом 10 и более голов, имели всего	
			к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во дымов	%	к-во дымов	%
Кахети	4880	23875	2315	47,4	1714	35,2	851	17,4	17031	66,6

Таким образом, в Кахети, делившейся на Телавский и Сигнагский уезды, в распоряжении 17,4% (851 дым) зажиточных государственных крестьян и кулаков находилось 66,6% всего рогатого скота (23 875 голов), а 47,4% (2315 дымов) тружеников села казенного ведомства вовсе его не имели.

Из числа зажиточных крестьян выделялись наиболее крупные хозяева-кулаки, владевшие множеством скота и производившие большое количество сельскохозяйственных продуктов. Так, по материалам того же камерального описания, на 8,2% государственных крестьян Кахети, сосредоточивших в своих руках свыше 20% всего

земельного фонда крестьян данной категории, приходилось: 26% —урожая зерна, 21,9%, производства вина, 34,3% крупного рогатого скота и 72,6% мелкого рогатого скота¹⁷³.

Зажиточные крестьяне и кулаки не только располагали значительной частью земли и скота, но и производили большое количество товарной продукции. Зажиточная и кулацкая часть помещичьих крестьян селений Щилда, Шакриани, Земо-Ходашени, Енисели, Кварели, Уриатубани и Шалаури, державшая в своих руках 46% крестьянского земельного фонда, производила 49% крестьянской винной продукции.

О создании значительного кулацкого ядра в дореформенной грузинской деревне говорит уплата крестьянами помещикам сравнительно крупной суммы за освобождение от крепостнической зависимости. Например, крестьянин Хабеишвили за получение личной свободы и выкуп земли отдал своему господину 2000 рублей, т. е. стоимость 800 баранов, крестьянин Дейсадзе — 2200 рублей, Отиашвили — 2500 рублей, Асанидзе — 3000 рублей¹⁷⁴. Вообще за освобождение от крепостнической зависимости тысячу и более рублей платил каждый восьмой выкупившийся двор.

Важным фактором, способствовавшим возникновению капиталистического уклада, было наличие у сельского трудового населения Грузии собственных земель. Крестьяне активно участвовали в купле-продаже земли. Они включались в это дело еще в период безраздельного господства феодальных отношений. При составлении уставных грамот после отмены крепостного права временнообязанные крестьяне Западной Грузии предъявили более 63 тыс. купчих, а в последующие годы (до 1876 г.) — дополнительно 21 000¹⁷⁵. Крестьянами Восточной Грузии в течение только одного 1867 г. было предоставлено 1 235 домашних актов на принадлежность им недвижимых имений, купленных в разное время¹⁷⁶.

Роль покупных земель в крестьянском хозяйстве и уменьшение удельного веса наделов стали особенно заметны в предреформенный период, когда 1/3 земель, находившихся в пользовании крестьян, являлась их собственностью.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что еще задолго до отмены крепостного права феодальная собственность в Грузии подвергалась «посягательству» со стороны крестьян. Наличие собственных земель избавляло их от крепостнических способов обеспечения себя главным средством производства и в условиях развитых товарно-денежных отношений значительно способствовало становлению новой социально-экономической формации.

Вольнонаемный труд. Буржуазные отношения предполагают продажу не только результата труда, но и рабочей силы. В дореформенной грузинской деревне было немало крестьян, предлагавших работодателям свою рабочую силу. Это делали, как следовало ожидать, безземельные и малоземельные крестьяне.

Как видно из камерального описания 1842 г., в Кахети числилось 1968 дворов бедных безземельных и малоземельных крестьян, составлявших 38,14% крестьянского населения провинции. Подсчеты показывают, что эта группа крестьян владела только 11 % фонда крестьянских земель, производила 7,7% всего зерна и 8,5% вина, производимого казенными крестьянами Кахети, еще меньше было у нее крупного рогатого скота — на ее долю приходилось 4% всего поголовья, принадлежавшего государственным крестьянам Кахети¹⁷⁷.

Итак, бедные крестьяне владели наименьшей частью средств производства, производя минимальную долю продукции. Основным источником существования данной

¹⁷³ О р д ж о н и к и д з е Э. А.* Изменения в социально-экономическом быту крестьян в дореформенной Грузии (Кахети). — Вопросы новой истории Грузии; т. II. Тбилиси, 1975, с. 26—37.

¹⁷⁴ О р д ж о н и к и д з е Э. А.* Роль купленных земель в крестьянском хозяйстве и процесс выкупа крестьян из-под крепостной зависимости. — Мацне, 1974, № I, с. 60.

¹⁷⁵ Бендианишвили А. С.* Аграрные отношения в Грузии в 1865— 1917 гг. Тбилиси, 1965, с. 93.

¹⁷⁶ П а н ц х а в а А. Я. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии, 1957, с. 159.

¹⁷⁷ О р д ж о н и к и д з е Э. А. Эволюция аграрных отношений в Грузии. Тбилиси, 1983, с. 185.

категории, должно быть, служил труд по найму. Это предположение подтверждается данными камерального описания Телавского уезда, где при определении источника доходов безземельных крестьян часто встречаются выражения: «занимаются ежедневной работой у жителей», «находятся в услужении у других», «занимаются обделыванием садов помещичьих крестьян, получают плату и тем пропитываются»

О крестьянах, продававших свою рабочую силу кулакам, говорится, как уже отмечалось выше, и в отчете графа Воронцова за 1849—1851 гг. Наемный труд использовался в хозяйствах (в разной мере) барона Николаи, Ананова, Багратиона-Мухранского, Гургенидзе, Сулханишвили, Диасамидзе и др. Имение Ананова, например, современники считали образцом предпринимательского хозяйства с «вольнораемным трудом». Широко прибегал к вольному найму и барон Николаи. «Не владея здесь крепостными людьми, — писал он в 1857 г., — я по необходимости вынужден был обратиться к свободным работникам»¹⁷⁸.

Все эти факты говорят вовсе не о массовом распространении вольнораемного труда в Грузии, и люди, продававшие рабочую силу, не были, разумеется, полностью оторваны от сельского хозяйства, они порой имели и небольшие земельные участки. Однако необходимо помнить, что, во-первых, массовый и всеобщий характер вольнораемный труд приобретает лишь в условиях господства капиталистической формации, а не уклада (в России, например, даже в промышленности в 1800 г. удельный вес наемных рабочих составлял лишь 41 %) ¹⁷⁹. И, во-вторых, при оценке значения социально-экономических явлений важна не столько количественная сторона, сколько тенденция развития и характер отношений, выраженные этими явлениями. «Может быть скажут, — писал В. И. Ленин по поводу рассмотрения одного конкретного примера кустарных промыслов, — что в данном случае вообще велик процент наемных рабочих? Но дело в том, что важны тут совсем не абсолютные цифры, а отношения, вскрываемые ими, отношения, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо»¹⁸⁰.

Наемные рабочие дореформенной Грузии не являлись полными пролетариями, они, как люди, имевшие порой земельные участки и связанные сельским хозяйством, не были настоящими рабочими капиталистической эпохи, но такую связь с деревней, как известно, имело абсолютное большинство рабочих России не только в дореформенный, но и в пореформенный период. Это, конечно, накладывало свой отпечаток на социально-экономическую жизнь России, но от этого она, разумеется, не переставала развиваться по капиталистическому пути. «Они не знают, кажется, — писал В. И. Ленин о народниках, — что капитализм не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли. По отношению к Западной Европе К.Маркс установил тот закон, что только крупная машинная индустрия окончательно экспроприирует рабочего. Понятно поэтому, что ходячие рассуждения об отсутствии у нас капитализма, аргументирующие тем, что «народ владеет землей», — лишены всякого смысла, потому что капитализм простой кооперации и мануфактуры нигде и никогда не был связан с полным отлучением работника от земли, нисколько не переставая, разумеется, от этого быть капитализмом»¹⁸¹.

В экономике дореформенной Грузии, безусловно, господствовал подневольный труд, но общественное мнение все больше и больше складывалось в пользу вольнораемной системы. Например, барон Николаи публично высказывал (в 1857г.) свое мнение о нерентабельности принудительного труда крестьянина, который, по его словам, «на господской работе ест много, а работает мало». В обращении редакции журнала

¹⁷⁸ СХАО, т. I, с. 9, 460, 480.

¹⁷⁹ История СССР. Учебник для вузов, т. I, 1956, с. 627.

¹⁸⁰ Л е н и н В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 219.

¹⁸¹ Там же, с. 214; ср.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 169—170, 586—587.

«Записки Кавказского общества сельского хозяйства», датированном 1859 г., недвусмысленно сказано, что **«крепостной труд начинает утрачивать уже всякий смысл»**. «В настоящее время, — читаем там же, — более, чем когда-либо, нравственный принцип и самая необходимость призывает хозяев и вообще каждого из нас начать новый порядок вещей»¹⁸².

Грузинский шестидесятник Давид Кипиани в журнале «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») выступил (в 1863г.) горячим защитником вольнонаемного труда, признав его одним из важнейших факторов социально-экономического прогресса страны¹⁸³.

Очень интересно также мнение, высказанное по рассматриваемому вопросу 69 кахетинскими помещиками накануне отмены крепостного права в Грузии: «Нет сомнения, — писали они, — что крестьяне должны быть освобождены от крепостной зависимости. Необходимо возбудить силы к частному труду для развития предприимчивости в сельском хозяйстве, стесняемой и задерживаемой крепостным состоянием»¹⁸⁴.

Процесс разложения социально-экономической основы феодально-крепостнической системы. Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют о довольно интенсивном процессе единоличного избавления крестьян от крепостной зависимости. Они достигали этого, прежде всего уплатой помещикам значительной по тому времени суммы. Согласно официальным данным, за 1850—1863 гг. в одной только Кутаисской губернии было зарегистрировано 1314 случаев выкупа крестьян от феодальной зависимости. Только за 1858—1863 гг. было оформлено 468 актов на отпуск крестьян, из коих 351 — выкупом недвижимого имущества. По всем этим актам получили личную свободу 2750 крепостных крестьян, или приблизительно 1,5% из общего количества (180 тыс.) в губернии¹⁸⁵. За весь же период 1850—1863 гг. из-под крепостной зависимости освободилось 7250 чел., т. е. в 3 раза больше. Это составило 4—4,5% от общего количества крепостных крестьян. В Восточной Грузии, по данным 927 документов о выкупе, свободу получили 1087 дымов, что составляет 6% крепостных этого региона. Если учесть, что крестьяне освобождались из-под помещичьей зависимости не только путем уплаты определенного выкупа, но и путем судебных исков, получивших массовый характер особенно с 30-х гг. XIX в., то ясно, что количество крестьян, вышедших из-под крепостной зависимости, будет значительно больше, а именно, оно будет не меньше 10-12% от их общего количества.

Этот факт свидетельствует о постепенном, но неуклонном процессе разрушения социальной основы крепостничества. Сама жизнь заставила правительство «способствовать» разложению старой, отжившей свой век формации. Оно издало ряд законов, ускоривших этот процесс. К числу таковых относятся, например, законы: «О дозволении помещичьим крестьянам Грузии, продаваемым с публичных торгов по частным сделкам, откупиться от крепостного права» (1831 г.), «О воспрещении жителям Имеретии и Гурии, сословию крестьян принадлежащим, владеть крепостными людьми» (1843 г.), «О дозволении отчуждаемым из крепостного состояния людям вступать в государственные крестьяне или причисляться к городскому сословию» (1848 г.)¹⁸⁶ и др.

Та часть помещиков, которая не старалась приспособиться к новым условиям жизни, вынуждена была для поддержания своего существования продавать или закладывать крепостных и свою земельную собственность. По имеющимся сведениям, к 1 января 1863 г. дворянством Тифлисской губернии было заложено 30714 крепостных, или 25% их общего числа в губернии. Иначе говоря, социальная основа феодальной системы

¹⁸² СХАО, т. I, с. 181, 459.

¹⁸³ Сакартвелос моамбе, 1863, №4, е. 109—110.

¹⁸⁴ Ч х е т и я Ш. К.* К истории крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1950, с.174; Ж о р д а н и я О. К. История крестьянской реформы в Грузии, 1. Тбилиси, 1982.

¹⁸⁵ СХАО, т. I, с. 436.

¹⁸⁶ ВПСЗРИ, т. VI, №4884, т. XVIII, №16653, т. XXIII, №21929

была, если так можно выразиться, разрушена на 1/4 часть. К тому же времени, т. е. к началу 60-х гг. XIX в. дворяне названной губернии успели заложить Приказу общественного призрения значительную часть своих земель и имения. К 1861 г. было заложено 20% имений, а к 1863 г. — 32%¹⁸⁷. «Самому правительству известно, — писал Д. Кипиани, — что между нами нет помещика, у которого бы крестьяне и имения не были в залоге у казны, Приказа или частных лиц»¹⁸⁸. Их долг перед самой крестьянской реформой составил внушительную сумму, равную 1 652 940 рублям. И что самое главное, этот долг имел неизменную тенденцию к возрастанию¹⁸⁹. Значительная часть заложенных дворянских имений покупалась крестьянами-кулаками. Таким образом, разрушалась основа феодально-крепостнической системы — феодальная собственность на землю, и создавалась бессловная, буржуазная собственность.

Существенную роль в деле разложения феодально-крепостнической формации и становления новых буржуазных отношений играли надстроечные явления. Среди них наиболее важным, следует считать классовую борьбу, но о ней мы будем говорить ниже.

Из вышесказанного явствует, что в грузинской деревне 30—50-х гг. происходили заметные сдвиги и изменения. Они выразились: в усилении товарности различных отраслей сельскохозяйственного производства (зерновое хозяйство, виноградарство, шелководство и т. д.), организации крупных предпринимательских ферм, работавших специально на рынок, в появлении относительно широком использовании усовершенствованных сельскохозяйственных машин и вольнонаемного труда, значительном увеличении оборотов внутренней и внешней торговли, в введении в 1843—1845 гг. денежной податной системы, наличии явных признаков расслоения крестьянства, постепенном, но неуклонном процессе разложения феодальной собственности, возникновении антикрепостнической идеологии, необычайном обострении классовой борьбы и т. д. Все эти явления, особенно характерные для ведущих районов страны, свидетельствовали о наличии в Грузии уже в указанной выше период капиталистического уклада, что вместе с другими причинами, вызванными общим направлением политики правительства, ставшего на путь проведения реформы, и готовило почву для отмены крепостного права в Грузии.

§ 2. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГРУЗИИ В 30-х—60-х гг. XIX в.

В Грузии, являвшейся «более крестьянской» страной, чем Россия¹⁹⁰, долго сохранялись примитивные формы промышленности — домашние промыслы и ремесло. Однако, в силу общего социально-экономического развития страны по капиталистическому пути, эти формы промышленности постепенно видоизменялись: либо они приспособлялись к новым условиям жизни, втягиваясь в товарное хозяйство, либо исчезали.

О масштабах распространения некоторых видов домашней промышленности в ряде районов Грузии можно судить по следующим данным: в 1827 г. в Восточной Грузии насчитывалось около тысячи семейств, изготовлявших домашнюю бумажную ткань, а в 1844 г. здесь уже было учтено более 3 тыс. домашних станков: в Кутаисском же уезде насчитывалось до тысячи таких же станков¹⁹¹.

В данном случае имеется в виду производство ткани «на дому», а не «в лавках», что в свою очередь означало не что иное, как ремесленное производство, сосредоточенное главным образом в городах и торгово-промышленных местечках. Например, в сведениях

¹⁸⁷ Г о г о л а д з е Д. А. Указ. соч., с. 91.

¹⁸⁸ Ч х е т и я Ш. К.* Указ. соч., с. 259.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 199.

¹⁹¹ ЦГИАГ, ф. 16, д. 3508, ф. 16, д. 8392, л. 24—26.

середины 30-х гг. о производстве хлопчатобумажных тканей в Душетском уезде четко разграничивается друг от друга продукция: произведенная, с одной стороны «в лавках» (ремесленниками) г. Душети, в защитном городе Ананури и в местечке Ахалгори, а с другой — в селениях этого уезда. В описании сказано: «В некоторых селениях есть также ткацкие станки, но на них выделяется бязь для собственного употребления. Таким точно домашним образом, как бязь, выделяется и простое сукно»¹⁹²

Таким образом, продукция домашней промышленности шла, в основном, на удовлетворение потребностей семьи. В обзоре Грузино-Имеретинской губернии за 1845 г. отмечено, что «ткачество занимает руки всех почти поселян в грузинских уездах, но это скорее необходимость, нежели промысел»¹⁹³.

Тем не менее, из предметов домашних промыслов, изготавливаемых, главным образом, для собственного потребления, некоторая часть шла на продажу. В середине 40-х гг. XIX в. в Грузии шло на продажу в среднем 30—60% различных «сельских изделий» (ковры, попоны, войлоки, чувяки, шерстяные носки, крестьянские сукна, шелковые и полшелковые ткани, рогожа, холст или бязь и др.), общая стоимость которых достигла 15 тыс. руб.¹⁹⁴

Стимулом для производства домашних изделий на продажу являлась все возрастающая потребность в деньгах, необходимых для покрытия многочисленных государственных и других повинностей, а также приобретения предметов первой необходимости.

Однако рост ввоза в Грузию русских и европейских товаров (главным образом текстильных изделий) являлся серьезным препятствием для расширения соответствующих отраслей домашней промышленности и превращения их в мелкое товарное производство.

Издавна сосредоточенное главным образом в городах, но развивавшееся и на селе то же ремесленное производство с ростом капиталистических отношений в Грузии постепенно меняло свой облик, подчиняясь законам нового хозяйственного строя. В частности, это проявлялось в росте применения ремесленниками наемного труда, в расширении ими своих мастерских. С усилением притока ремесленников из России и из-за границы росло внецеховое ремесло. Уже в середине 40-х гг. XIX в. в среднем на каждого мастера (не считая ремесленников г. Тбилиси) приходилось по одному наемному рабочему, а по отдельным районам — даже по 2—3.

Всего, по этим данным, в Грузии в 1845 г. насчитывалось мастеров: в городах — 3555 (из них 2065 в Тбилиси), в селах — 2797. Количество рабочих у них (без тбилисских мастеров) составляло 3532, сумма же производства (также без Тбилиси) — около 223 тыс. руб.¹⁹⁵. В 1845 г. ремесленной продукции в г. Тбилиси было изготовлено на сумму около 145 тыс. Что же касается рабочих, если на каждого мастера г. Тбилиси предположить в среднем по 1—2 рабочим, то их число составляло примерно около 4 тыс. чел. Общая стоимость ремесленной продукции по Грузии составляла примерно 368 тыс. руб. без тбилисских мастерских и 145 тыс. руб. от ремесленников г. Тбилиси).

В это время в большинстве случаев мы имеем дело с мелкими ремесленниками, с 1—2 рабочими и с годовой производительностью в среднем около 50—60 руб. на каждую мастерскую, хотя нужно предполагать и наличие более крупных мастерских, особенно в Тбилиси, являвшемся центром ремесленного производства. К моменту реорганизации цехового ремесла (1867 г.) в Тбилиси насчитывалось 76 цехов. Местных («туземных») мастеров и подмастерьев было 2894 человека, учеников — 994, рабочих — 245. Помимо

¹⁹² ОРВЗК, т. II. Спб., 1838, с. 30—31.

¹⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 182, л. 25—26.

¹⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 16, д. 8888, л. 50—130; ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, д. 349, л. 97—98; Х о ш т а р и а Э. В. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1966, с. 65—67; см. также: Б а к р а д з е Г. К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии XIX в. Тбилиси, 1958, с. 18.

¹⁹⁵ См.: Х о ш т а р и а Э. В. Указ. соч., с. 80—81; ср.: Б а к р а д з е Г. К. Указ. соч., с. 19—20.

отмеченного количества собственно рабочих, по-видимому, являвшихся постоянным контингентом, в значительном масштабе использовался труд и сезонных рабочих у кирпичников, каменщиков и др. Например, у кирпичников (всего 30 мастеров) в летнее время число рабочих ежедневно достигало 2500 человек.

По тем же данным, пришлых («нетуземных») ремесленников в Тбилиси было: мастеровых — 221, подмастерьев — 282, учеников — 450, рабочих — 91. Из общего количества мастеров (221 человек), без вспомогательной рабочей силы, либо с одним подмастерьем или же с 1—2 учениками, работали 83 мастера, у остальных же число вспомогательной рабочей силы (подмастерьев, рабочих) колебалось от 2 до 20 и свыше¹⁹⁶.

Приведенные данные являются свидетельством образования крупных мастерских, о капиталистическом характере которых говорит и тот факт, что в них не только рабочие, но и подмастерья и ученики рассматривались как наемная рабочая сила. В источнике прямо указано, что «мастером называется тот, кто или сам занимается каким-либо мастерством в отдельной лавке, или содержит мастерскую из наемных подмастерьев и учеников»¹⁹⁷.

Отмеченное обстоятельство, наряду с другими факторами, является ярким свидетельством ломки средневекового цехово-ремесленного строя, роста мелкотоварной промышленности. Правда, по «Положению» цеха были сохранены в урезанном масштабе, но с подчинением городской администрации их самостоятельность была резко ограничена. В дальнейшем существование цехов в Грузии основывалось лишь на традиции, хотя в середине XIX в. наблюдался численный рост ремесленного производства, приспособившегося к новым условиям¹⁹⁸.

Мелкие капиталистические предприятия, капиталистическая простая кооперация. Рассмотренные выше материалы свидетельствуют об интенсивном процессе развития мелкотоварного производства, образовании сравнительно крупных мастерских, в которых уже явно прослеживаются элементы капиталистических отношений. Тенденция мелкого товарного производства клонится ко все большему использованию наемного труда, к образованию капиталистических мастерских. Однако мелкие капиталистические предприятия возникали не только путем расширения мастерских, в некоторых случаях они были основаны представителями купечества, либо дворянами и чиновниками. Подобные заведения возникали преимущественно в тех отраслях, продукция которых пользовалась наибольшим спросом и к тому же не являлась предметом широкого ввоза извне (напр., производство строительных материалов — кирпично-черепичное; деревообрабатывающее — лесопильное, столярно-паркетное; пищевая промышленность — хлебопекарное, кондитерское, колбасное, пивоваренное, водочное, маслобойное; кожевенное, мыловаренное и свечное производство, металлообрабатывающее производство — слесарно-механическое, кузнечное; полиграфическое производство и изготовление обуви и одежды).

Со временем, несмотря на рост привоза продукции и возникновение на месте крупных предприятий (кожевенных, маслобойных, металлообрабатывающих, лесопильных, коньячно-водочных и др.), мелкие заведения сохранились, так как в условиях быстрорастущего спроса на промышленную продукцию вообще они все же находили сбыт для своих изделий, приносившиеся к требованиям внутреннего рынка, отвечая вкусам и интересам местного потребителя.

В городах, их окрестностях, а также в селах Грузии отмечались десятки и сотни кирпичных, черепичных, гончарных, известковых, лесопильных, мыловаренных, кожевенных, водочных, маслобойных и красильных мелкокапиталистических

¹⁹⁶ ЦГИАГ, ф. 7, оп. I, д. 2229, л. 81—92.

¹⁹⁷ Положение о ремесленных амкарах (цехах) в гор. Тифлисе и об их правлении. Тбилиси, 1911, гл. IV, отд. I, § 39.

¹⁹⁸ См.: Г у г у ш в и л и П. В. Развитие промышленности в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв., I. Тбилиси, 1957, с. 125.

предприятий. Большинство подобных предприятий принадлежало либо горожанам из крестьянского сословия — мелкому купечеству, либо представителям дворянства. В среднем в этих заведениях было занято по 1—2 мастера и по 3—6 рабочих. Целый ряд ремесленных предприятий (металлообрабатывающие, деревообрабатывающие, портняжные, сапожные и др.) являлись расширенными мастерскими. Несмотря на небольшие размеры, по своему характеру их можно отнести к капиталистической простой кооперации.

Обращает на себя внимание тот факт, что мелкие капиталистические предприятия в первой половине XIX в. возникали, главным образом, в тех отраслях, где не было вовсе ремесленного производства (напр., мыловаренное, черепичное, маслостойное, водочное) или же ремесленная продукция не удовлетворяла спроса (кирпичное, кожевенное и др.).

Мануфактура. Зарождение фабричного производства. Сравнительно крупные капиталистические предприятия в Грузии, как уже было отмечено, возникают в первой половине XIX в., когда технический прогресс в Европе достиг значительного успеха. Машинное производство быстрыми темпами внедрялось и в России. В первых же сравнительно крупных предприятиях Грузии мы встречаем зарубежное, либо привезенное из России оборудование (станки, печи, котлы, машины и т. д.). Однако техническое усовершенствование охватывало производство лишь частично, все еще широко использовался ручной труд.

Из сравнительно крупных предприятий, существовавших в Грузии еще в первой половине XIX в., заслуживает внимания основанная еще в 1828 г. французским купцом Каstellла шелкомотальная и тростильная «фабрика» в Тбилиси. Так как с самого же начала на нее были затрачены значительные казенные средства, вскоре после смерти Каstellла это предприятие перешло в ведение казны. Оно просуществовало до начала 40-х гг. На «фабрике» были установлены привезенные из Франции станки и другое оборудование. Оттуда же были выписаны квалифицированные мастера. Однако ведущую роль в производстве играли наемные рабочие из местного населения. Их число иногда достигало 50, и в среднем составляло 15—20 человек. Временами, в основном на вспомогательных работах (приведение в движение станков, сортировка коконов и др.), использовался принудительный труд женщин-арестанток, пленных турок и др. Месячная производительность фабрики достигала 4—6 пудов продукции, частично сбываемой на месте, а частично вывозимой в Москву.

Несколько позднее, в частности в 50-х—60-х гг., в Западной Грузии существовали шелкомотальные предприятия, из которых заслуживают внимания «фабрики» иностранцев Розмордюка и Гохштрезера. Оборудование на них также было импортное (французское, итальянское). Производством руководили иностранные мастерицы, а в качестве рабочей силы применялся труд местных женщин, количество которых на предприятии Розмордюка достигало 30. Эта «фабрика» вырабатывала около 30 пудов продукции на 6300 руб., сбываемой как в России, так и за границей (в Константинополе, во Франции). На этих предприятиях уже применяли паровую машину, хотя и значение ручного труда здесь было еще весьма велико.

В конце 30-х гг. в г. Тбилиси местным купцом была основана бумагопрядильная «фабрика», просуществовавшая всего несколько лет. Прядильные станки, как и рабочие-специалисты, были выписаны из Москвы. Станки приводились в движение посредством быков. Продукция для сбыта вывозилась в Москву. Однако вскоре, с возвращением русских рабочих на родину, это предприятие было закрыто. В то же время в Боржомском ущелье, а затем около села Ацкури действовал стекольный «завод» Завилейского, для которого из Петербурга была доставлена в Грузию голландская плавильная печь; производством управляли русские мастера и рабочие, количество которых составляло 16 человек. К концу 30-х гг., перед закрытием производства, стоимость продукции предприятия достигла 20 тыс. руб. Другой стекольный «завод» в Горийском уезде, принадлежавший князьям Эристави, функционировал с 40-х по 70-е гг. XIX в.

Непосредственно на «заводе» было занято 20—30 рабочих, а на вспомогательных работах (рубка дров и т. д.) применялся труд крепостных крестьян. Всего на производстве было занято свыше 100 человек. Стоимость продукции достигала 15 тыс. руб.

Одним из крупнейших предприятий первой половины XIX в. был сахарный «завод» Зубалашвили и К^о в Тбилиси, просуществовавший с конца 30-х до середины 40-х гг. На заводе работало 50 рабочих и свыше 10 мастеров, приказчиков и надсмотрщиков. Максимальная производительность «завода» в начале 40-х гг. достигала 186 тыс. руб. Предприятие было закрыто ввиду производственных затруднений, но главным образом из-за отсутствия местного сырья («завод» первоначально перерабатывал привозной из-за границы по льготному тарифу сахарный песок), а также из-за конкуренции русских сахарных заводов. В 30-х—40-х гг. в Тбилиси одновременно действовали четыре мыловаренных «заводов». На этих предприятиях работало примерно от 10 до 30 рабочих, стоимость продукции каждого завода в среднем составляла около 15 тыс. руб.

Аналогичным заведением являлся существовавший в 40-х гг. около Тбилиси кожевенный «завод» Андриевского. Стоимость продукции «завода» достигали 16 тыс. руб., число рабочих составляло 16 человек. Установленная на предприятии машина для размельчения коры приводилась в движение посредством конного привода.

На котельном «заводе» Завриева в Тбилиси, изготовлявшем различную медную посуду на сумму около 18 тыс. руб., работало 40—50 мастеров и рабочих.

В начале 50-х гг. около Тбилиси была основана суконная «фабрика» Карла Мейцнера, которая пользовалась всемерной поддержкой со стороны наместника Воронцова, рассчитывавшего обеспечить продукцией «фабрики» нужды кавказской армии. Однако, во избежание ущерба для русской суконной промышленности, министр финансов отказал в предоставлении казенных заказов тбилисской «фабрике». Ввиду производственных затруднений, а также из-за отсутствия широкого спроса на его продукцию среди местного населения, предприятие в конце концов было закрыто.

С 50-х гг. в Тбилиси действовал литейно-механический завод Штюссе с привозным из-за границы оборудованием, приводимым в движение конным приводом. Еще в 40-х гг. здесь же был основан чугунолитейный «завод» Курганова. Каждое из этих предприятий, функционировавших и в 60-х гг., давало ежегодно к этому времени продукцию стоимостью в 16 тыс. руб. Аналогичными заведениями являлись: мебельное предприятие Зейтцера в Тбилиси и некоторые каретные мастерские, казенная гранильная «фабрика» и др. Нужно отметить и открытие в 50-х гг. табачных «фабрик» Енфианджянца и Бозарджяна, с числом рабочих в среднем около 10—15 человек.

Таким образом, в 40—50-х гг. XIX в. в Грузии, преимущественно в Тбилиси, почти во всех основных отраслях промышленности — металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, стекольной, кожевенной, шелкомотальной, пищевой, мыловаренной, текстильной и др. — существовали сравнительно крупные предприятия. На вышеперечисленных предприятиях использовался вольнонаемный труд: даже там, где применялся принудительный труд, как правило, ведущую роль играли наемные рабочие.

Значительная часть этих заведений работала на широкий рынок. Продукция шелкомотальных «фабрик» вывозилась за границу и в Россию, изделия мыловаренных «заводов», стекольных, табачных, кожевенных предприятий находили себе сбыт по всей Грузии и в Закавказье.

Определенная часть вышеназванных предприятий представляла собой типичную мануфактуру, основанную всецело на ручном труде. Некоторые же из них отличались более сложным характером. Внедрение механических усовершенствований, различных станков и другого оборудования, в особенности использование в производстве водяной энергии, либо физической силы животных, дает нам основание отнести эти предприятия в техническом отношении к переходной форме от мануфактуры к фабричному производству. Однако, с другой стороны, в силу наличия в них пережитков различных

форм личной зависимости, а также ввиду отсутствия кадровых рабочих, контингент которых только начинал складываться, в целом эти заведения мы относим к мануфактуре.

Как видим, в первом же сравнительно крупном шелкомотальном промышленном предприятии Грузии капиталы были самого различного происхождения. Сюда были вложены как казенные средства, так и частные капиталы иностранных, русских и местных предпринимателей. Иностранцами промышленниками были основаны и шелкомотальные предприятия в Западной Грузии в 50-х—60-х гг. Большинство же промышленных предприятий Грузии либо принадлежало дворянству, чиновникам, а в некоторых случаях иностранным предпринимателям, либо было основано с помощью казенных средств. Частично средства в крупное производство начали вкладывать и местные купцы. Наглядным примером приложения купеческого капитала к промышленности было основание в конце 30-х гг. сахарного «завода» в Тбилиси местными купцами Зубалашвили и другими, текстильной «фабрики» Шавердовых и т. п. Подобные им предприниматели, которым принадлежали кожевенные, мыловаренно-озечные, табачные, металлообрабатывающие и др. заведения составляли контингент формирующейся местной торгово-промышленной буржуазии.

О состоянии обрабатывающей промышленности (мелкого производства и мануфактуры) в целом по Грузии к середине 60-х гг. XIX в. можно судить по таблице 4¹⁹⁹.

Помимо указанного, в Тбилиси к предприятиям фабрично-заводского типа середины 60-х гг. можно отнести 3 металлообрабатывающих предприятия (механическое литейное заведение Штюссе, чугунно-литейный завод Корганова, механическое заведение Рукса) и мебельное предприятие Зейтцера. Общее количество занятых на этих предприятиях рабочих составляло 133 чел., а производительность равнялась 80 тыс. руб.

Т а б л и ц а 4

Мелкое производство			Мануфактура		
к-во предприятий	Число рабочих	Производительность тыс. руб.	к-во предприятий	число рабочих	производительность, тыс. руб.
462	1921	722,2	29	483	244,0

Всего же предприятий было 495, число рабочих на них составляло 2536 чел., а стоимость произведенной предприятиями продукции — 1046 тыс. руб.

Под мелкой промышленностью, как было отмечено выше, мы подразумеваем, в основном, небольшие предприятия типа капиталистической простой кооперации, а также ряд расширенных заведений, которые производили продукцию на обезличенный рынок, прибегая к применению наемной рабочей силы. Зачастую подобные предприятия работали не весь год, или же применение в них вспомогательной рабочей силы в более или менее значительном масштабе имело место сезонно, однако, несмотря на это, в них явно прослеживаются элементы капиталистических отношений. По существу, это было мелкое товарное производство, проявлявшее тенденцию капиталистического развития.

Что же касается мануфактуры, мы и здесь не встречаем очень крупных предприятий, но и имевшиеся заведения по своему характеру (работа вручную, разделение труда) тяготели именно к этой форме промышленности. Из числа сравнительно крупных заведений выделялись некоторые механизированные предприятия с применением парового двигателя (например, ряд металлообрабатывающих, столярных и

¹⁹⁹ Таблица составлена на основании следующих материалов: ЦГИАГ, ф. 414, д. 18, л. 10—12; то же см.: Документы по истории Грузии, т. I, 4-2 (1862—1866). Тбилиси, 1960, с. 528—529; ЦГИАГ, ф. 5, д. 307, л. 54—57; д. 308, л. 54; ф. 7, д. 2229, л. 81—92; Сведения о фабриках и заводах, действовавших в 1865 г. Спб., 1867.

других заведений), которые фактически относились к переходной стадии от ручной к машинной технике, но по своему объему пока не выделялись среди других предприятий.

Как видно из вышеприведенных данных, в середине 60-х гг. в Грузии мелкое товарное производство преобладало над относительно крупным как в численном отношении, так и по количеству занятых в нем рабочих (почти в 3 раза) и производственному объему (в 2 раза).

Хотя из действующих в первой половине XIX в. в Грузии сравнительно крупных предприятий многие прекратили существование до середины 60-х гг., однако, являясь плодом развития внутреннего рынка, они не могли исчезнуть бесследно, не сыграв определенной роли в социально-экономической жизни страны.

Некоторое ослабление промышленного предпринимательства в 60-х гг., по сравнению с 40-ми, и отчасти с 50-х гг., помимо производственных затруднений (недостаток капиталов, отсутствие квалифицированной рабочей силы, техническая отсталость и др.), следует объяснить и такими явлениями, как военные действия на территории Западной Грузии во время Крымской войны 1853—1856 гг., крестьянские восстания и т. п. Особенно сильно эти факторы повлияли на экономику Западной Грузии, где замерли почти все более или менее значительные промышленные предприятия.

Таким образом, несмотря на преобладание мелкой капиталистической промышленности в экономике страны, капиталистический сектор в целом, учитывая к тому же роль существовавших в разное время сравнительно крупных предприятий, не мог не являться важным фактором в дореформенный период, лежащим в основе социальных сдвигов, вызвавших (наряду с другими явлениями) созревание внутренних предпосылок для проведения крестьянской реформы.

Как было показано выше, мануфактурное производство к середине 60-х гг. являлось ведущим в большинстве важнейших отраслей местной промышленности. К тому же, в 30-х—60-х гг. одновременно существовали сравнительно крупные мануфактурные предприятия, игравшие значительную роль в социально-экономической жизни страны. Удельный вес мануфактурного производства в экономике Грузии постепенно рос не только в дореформенный период, но и после, вплоть до середины 80-х гг.

Исходя из вышесказанного, считаем вполне возможным говорить о существовании в Грузии мануфактурной стадии развития промышленности, и в частности о ее возникновении с 30-х—40-х гг. XIX в. Мануфактура здесь долго сосуществовала рядом с мелкими формами производства и с зарождавшейся фабрично-заводской промышленностью. Этот вывод подтверждается и анализом горнорудной и горнозаводской промышленности.

Добыча железной руды и железоплавильное производство. Разработка различных ископаемых, и в частности железной руды, производилась в Грузии, как в глубокой древности, так и на всем протяжении феодальной эпохи. Примечательным в этом отношении является тот факт, что традиции древнего железоплавильного производства сохранились в ряде районов Грузии (в особенности в Раче) вплоть до XIX в.

По данным начала 60-х гг., в Раче действовали 10 железоплавильных печей, их обслуживали 40—60 человек из местных жителей. Железная руда добывалась на месте в штольнях, разработка которых производилась издревле. Всего в 60-х гг. выплавлялось до 100 пудов железа, удовлетворявшего в основном потребности населения окрестных районов (Рачинский и Шорапанский уезды). Частично железо вывозилось и в другие районы Грузии, и на Северный Кавказ. Существует предположение, что выплавка железа в Раче достигала 500—600 пудов. Однако это производство, утрачивая систематический характер, постепенно падало.

Другим очагом железоплавильного дела было местечко Чатахи в районе Болниси. Правда, разработки железной руды здесь не сохранились до XIX в., однако на их месте, на базе болнисских железных залежей, с середины XIX в. было основано крупное железоплавильное производство. В начале 60-х гг. иностранец Эрнст Либб по договору с

казной получил от правительства крупную ссуду, выстроил на заарендованной у помещиков Шаншиевых земле, как чугуноплавильный завод, так и все необходимые заводу сооружения. Однако незадолго до окончания строительных работ (в 1862 г.) Либб скончался. Его жена уполномочила закончить строительство Витте.

В конце 1862 г. строительство в основном было завершено и начата пробная выплавка чугуна для удовлетворения нужд собственно завода. Но средств для продолжения работы предприятию не хватало, задолженность казне составляла 105 тыс. руб. В сентябре 1863 г. завод по контракту был передан Витте и иностранному инженеру Бернули. Однако дела завода не поправились. К 1868 г., когда умер Витте, долги завода достигли 670 тыс. руб., отсюда казне — 190 тыс. руб.

На заводе в 1863 г. было выплавлено 77 516 пудов руды и получено 29 839 пудов чугуна. В 1864 г. выплавка руды достигла 106 258 пудов, а чугуна было получено 16 685 пудов²⁰⁰.

В 1864 г. завод по контракту с военным ведомством изготовил 10 тыс. снарядов, каждый по 4 фунта весом, всего стоимостью 27 тыс. руб. Заводу были заказаны также трубы для тбилисской больницы и ограда Александровского сада в Тбилиси. Владельцы завода надеялись получить заказ на изготовление железнодорожных рельсов, на что им был выдан аванс из средств, отпущенных на строительство железной дороги, однако заказ не состоялся.

Завод принял участие в снабжении построенной в конце 60-х гг. телеграфной линии чугунными столбами и в выделке железных частей для мостов. Стоимость продукции завода в 1869 г. составляла 12 тыс. руб.

Количество рабочих на заводе составляло не менее 200 человек. После 1875 года завод фактически больше не действовал.

Добыча медной руды и медеплавильное производство. Металлургия меди издревле была развита в Грузии, однако из-за систематического разорения края старые разработки здесь были заброшены. Во второй половине XVIII в. царь Ираклий II, переселив в Грузию 300 семейств анатолийских греков, являвшихся рудничными мастерами, восстановил добычу и выплавку серебра в Ахтале, а несколько позднее — медной руды в Алаверди. Вначале Алавердское медное производство складывалось как крупная казенная мануфактура, в которой греки-промышленники выступали в качестве наемных мастеров, получавших зарплату от казны; последняя поставляла им и рабочих. Впоследствии, из-за создавшегося в стране социально-политического и экономического кризиса, положение изменилось. К концу XVIII в., после восстановления разоренных Омар-ханом и Ага Магомет-ханом разработок, рудники перешли в руки откупщиков, при которых греки-рудопромышленники стали заниматься разработкой и выплавкой руды самостоятельно, нанимая рабочих и создавая в некоторых случаях артели²⁰¹.

После присоединения Грузии к России эти рудники до 1803 г. вновь были отданы откупщикам, а впоследствии, с переходом рудников в полное ведение грузинской горной экспедиции, разработкой рудников руководили русские специалисты.

Невыгодность производства меди за счет казны, что объясняется трудностями в сбыте продукции, неповоротливостью дорогостоящего громоздкого бюрократического аппарата управления, низким техническим уровнем производства и т. п., вскоре привела местные власти к заключению о необходимости возвращения этих разработок откупщикам.

После перехода разработок от казны в руки греков-рудопромышленников работы вновь постепенно наладились.

Способ добычи и выплавки меди долгое время оставался крайне примитивным. Промышленники производили работу, объединяясь в артели. Каждый из мастеров

²⁰⁰ Г у г у ш в и л и П. В. Указ. соч., с. 241—247; Г о г о л а д з е Д. А. Указ. соч., с. 77—81;

К о ч л а в а ш в и л и А. И. Указ. соч., с. 145.

²⁰¹ Материалы к истории горной промышленности Грузии, т. I (1799—1829). Тбилиси, 1936, с. 138.

нанимал рабочих, которые, в основном, использовались на вспомогательных работах при поднятии руды из шахт на поверхность, для чего широко прибегали к труду подростков. Вырубка и доставка дров, как и выжигание угля, до 50-х гг. производились приписными крестьянами окрестных сел.

В технике добычи руды и выплавки меди в течение первой половины XIX в. не произошло существенных изменений.

В начале XIX в. фактически на Алавердских рудниках работали 3 артели, объединявшие: две по 17 человек, а третья — 12 человек, всего 46 мастеров. Каждый из мастеров нанимал от 1 до 8 работников, у одного из них было даже 16 человек рабочих. Всего число работников, занятых в производстве, составляло 170 человек.

В 1847 г. на Алавердском и Шамблугском «заводах» было выплавлено 5400 пудов меди; в 1858 г. — 4900 пудов, а в 1859 г. — 8360 пудов²⁰².

В 1866 г. на Алавердском «заводе» было добыто 114 220 пудов руды, проплавлено 150 980 пудов и получено 5435 пудов чистой меди. На Шамблугском же «заводе» было добыто 8050 пудов руды, проплавлено 18 тыс. пудов и получено 752 пуда чистой меди. В это время добыча руды и выплавка меди производилась и в Ахтальском месторождении, где из 4800 пудов добытой руды было выплавлено 300 пудов меди.

Количество рабочих в 1866 г. было: на горнозаводских работах на Алавердском «заводе» — 225 чел., Шамблугском — 40 чел., Ахтальском — 18 чел. На вспомогательных работах — на Алавердском «заводе» — 25 человек, Шамблугском — 8 чел., Ахтальском — 5 чел. Всего — 321 чел.

На Алавердском «заводе» действовал 1 рудник; печей для обжига руд было 120, для плавки черной меди — 5, горнов для переочистки меди — 3. На Шамблугском «заводе» действовало 2 рудника, печей для обжига руд было 15, для плавки руд — 1, очистка меди производилась на Алавердском «заводе». Ахтальский же «завод» имел 1 медный рудник, 12 рудообжигательных печей, одну печь для плавки и один горн для переочистки меди²⁰³.

Эти «заводы», находившиеся либо на помещичьих, либо казенных землях, состояли во владении отдельных товариществ рудопрмышленников. Причем некоторые предприниматели из Шамблугского «завода» принимали участие и в разборках на Алавердском «заводе».

Несмотря на затруднения в производстве, в результате чего выплавка меди никак не могла достигнуть первоначального уровня, алавердские и шамблугские медные разработки являлись одним из первых сравнительно крупных горнозаводских предприятий в дореформенной Грузии.

Особое внимания заслуживает тот факт, что основные операции здесь производились посредством вольнонаемной рабочей силы, контингент которой составляли приходившие из разных районов Грузии (преимущественно из Имерети) работники, а также некоторые из разорившихся греческих мастеров, утративших возможность вести работу самостоятельно, что в свою очередь свидетельствует о процессе расслоения в среде самих греков-рудопрмышленников.

С 50-х гг., после освобождения жителей окрестных селений от обязанности доставлять «заводам» вспомогательную силу, их место занимают вольнонаемные рабочие.

Начало добычи каменного угля и нефтяные промыслы. В 40-х гг. начинается разработка Ткибульского каменноугольного месторождения. В 1846 г. был заключен контракт между казной и местными землевладельцами (Агиашвили, Канделаки и Абашидзе), согласно которому последние получали 3/4 копейки с пуда добытого каменного угля. Первоначальные разработки велись посредством воинских команд, а в 1847 г. в Ткибули из Луганска были переведены горные инженеры и рабочие, всего около 10 человек. Одновременно на разработках должен был применяться и труд наемных

²⁰² ЦГИАГ, ф. 10, дело 125, л. 26—29; там же, дело 1519, л. 3, 6.

²⁰³ Сборник статистических сведений о Кавказе. 1869, I, раздел II, 78—80.

рабочих из местных жителей. С 1848 г. доставку угля до Кутаиси, Редут-Кале и Поты по контракту с казной производил Крижановский. Однако транспортировка руды из-за бездорожья была связана с большими трудностями. За 1848—1850 гг. Крижановский доставил около 10 тысяч пудов угля, но ввиду отказа в финансовой помощи со стороны казны вынужден был оставить предприятие. К тому же перевозить уголь до Поты и Кутаиси обязались местные дворяне—Алхазисвили и другие²⁰⁴.

Однако масштабы добычи в это время все еще были незначительны. В 1848 г. было добыто всего около 60 тыс. пудов угля²⁰⁵.

Добыча каменного угля с перерывами продолжалась и после этого, достигнув в 1860 г. 150 тыс. пудов²⁰⁶, но промышленная разработка Ткибульского каменноугольного месторождения начинается лишь в пореформенный период.

Месторождения нефти в Грузии в XIX в. были известны в местечке Навтлуги (около Тбилиси) и в Сигнахском уезде, в Ширакской степи. Нефтяные источники в указанных местах отдавались на откуп. В 50-х гг. добыча нефти составляла: в 1863 г. в Шираки 10 тыс. ведер, в Навтлуги — 1000 ведер, в 1864 г. в обоих месторождениях — 6500 ведер, а в 1861 г. только в Шираки — 5339 ведер²⁰⁷.

В дальнейшем, в связи с началом добычи в широких масштабах бакинской нефти, нефтяные промыслы Грузии не развивались.

Подводя итог промышленному развитию Грузии в 30-х—60-х гг. XIX в., можно заключить, что основные тенденции промышленного развития страны в дореформенный период, а именно процесс ломки цехового ремесла и расширение мелкотоварного производства со все возрастающим применением наемного труда в нем, довольно широкое распространение капиталистического производства типа капиталистической простой кооперации, а также развитие мануфактуры с зачатками машинного производства, основанной почти всецело на эксплуатации вольнонаемного труда, как в обрабатывающей, так, и горнозаводской промышленности, дает полное основание для утверждения о складывании в данный период капиталистического уклада в Грузии.

При изучении вопроса о социально-экономическом развитии Грузии первой половины XIX в. было бы ошибкой рассматривать ее в отрыве от России или хотя бы противопоставлять Россию и Грузию как идущих по разным путям развития метрополию и колонию в обычном понимании, без учета того, что Грузия, в политическом и экономическом отношении являясь органической частью Российской империи, может быть рассмотрена как «внутренняя колония» (т. е. рынок), где имело место развитие российского капитализма «вширь», но одновременно протекали процессы, выражавшие развитие новых отношений «вглубь»²⁰⁸.

§ 3. ТОРГОВЛЯ

Торговые отношения с Россией и с границей. С первых дней присоединения Грузии к России царизм стремился, во что бы то ни стало возложить дело снабжения прибывшей в Грузию многочисленной русской армии всем необходимым за счет местного населения. Поэтому политика России в только что присоединенной стране была направлена на то, чтобы прибрать к рукам всю внешнюю и внутреннюю торговлю Грузии и в кратчайший срок обеспечить нормальные условия для развития монопольной торговли русских купцов в Грузии и в Закавказье вообще. Тем самым власти надеялись укрепить и

²⁰⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 10, д. 369, 374.

²⁰⁵ АКАК, X, с. 867.

²⁰⁶ См.: Т к е ш е л а ш в и л и Н. М. Очерки из истории промышленности Грузии (1864—1920 гг.). Тбилиси, 1958, с. 15; Г о г о л а д з е Д.: А. Указ. соч., с. 92.

²⁰⁷ Сборник статистических сведений о Кавказе, 1869, 1, ч. 11, с. 88, 93.

²⁰⁸ Х о ш т а р и а Э. В. Очерки социально-экономической истории Грузии: промышленность, города, рабочий класс (XIX — начало XX в.). Тбилиси, 1974, с. 54-57.

свое политическое господство в этом крае. В конце 1800-х гг. главнокомандующий в Грузии ген. Торماسов отметил, что товары, которые раньше поступали в Грузию из Турции (соль, железо, вяленая рыба и др.) должны были отныне прибывать из России, чтобы тем самым упрочить в Грузии господство последней. Правительство принимало меры для улучшения торговых путей и устранения всех препятствий, могущих возникнуть в торговле России с Грузией.

Одной из главных трудностей в деле развития нормального торгового обмена было существование множества внутрифеодальных таможен. Поэтому ввозимые из России в Грузию товары облагались, кроме государственной пошлины, еще и дополнительным тарифом в пользу местных духовных и светских феодалов.

Ежегодный таможенный доход Восточной Грузии составлял 63 000 руб. серебром. Начиная с 1807 г. вплоть до 40-х гг. XIX в. в результате принятых властями мер постепенно исчезли внутрифеодальные пошлины и введена была единая таможенная система, которая во многом способствовала дальнейшему развитию торговли.

В Грузию приезжали купцы из соседних закавказских ханств, из персидских и турецких провинций, которые привозили с собой товары, производившиеся в их странах. К этому времени из Азии в Грузию ввозили шелк, хлопок, шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, сахар, кофе, пряности, сталь и др. мелкие товары, всего на 800 000 руб. серебром.

Из Грузии в Иран и Турцию вывозились привезенные тифлисскими купцами с московских, макариевских и других ярмарок товары производства русской промышленности. Из товаров местного производства вывозились золотые и серебряные позументы, расшитые золотом ткани и др.

В первой четверти XIX в. расширяется торговля между Россией и Азией. Постоянно растет количество товаров, вывозимых из России в страны Азии. В те времена русская промышленная буржуазия не требует еще охранительных мер от иностранной конкуренции, не только на азиатских, но и на закавказских рынках, так как она еще не в силах освоить даже собственные внутренние рынки.

Необходимость снабжения находившихся в Закавказье русских войск, союз с французским капиталом и соперничество с Англией, а в конечном итоге необходимость упрочения своих позиций в Грузии и в Закавказье, вынуждали Россию объявить здесь временно «свободу торговли». Развивая торговлю с Азией, Россия ставила себе на первых порах скромную задачу — участие посреднической торговли между Европой и Азией; благодаря своему географическому положению, Россия должна была довольствоваться ролью посредницы в товарообмене между Европой и Азией. После постепенного присоединения Закавказья вновь ожила идея соединения торговых путей Черного и Каспийского морей. Закавказье представляло собой своего рода естественный мост, ведущий из Европы в Азию. Россия попыталась было восстановить существовавшую издавна транзитную дорогу, идущую через Закавказье. Для этого в Закавказье был введен льготный тариф, согласно которому пошлина на ввезенный из Европы товар взималась в размере 5% от стоимости товара, кроме того, разрешался беспошлинный транзит товара через Закавказье в Иран. Льготный тариф действовал в течение 10 лет, его осуществление началось с июля 1822 г. С этих пор торговля Европы с Азией должна была осуществляться на территории Закавказья, проездом через Одессу—Кулеви—Тбилиси.

Разумеется, введение 5%-ного тарифа и свободного транзита означало некоторую уступку закавказских и иранских рынков в пользу европейских государств, в частности в пользу Франции, но правительство России надеялось, что в продолжении 10-летнего срока льготного тарифа закавказские и иранские рынки расширятся, повысится спрос на европейские товары и по истечении льготного срока вследствие введения покровительственного тарифа русская буржуазия завладеет существующими уже рынками.

Льготный тариф во многом способствовал развитию торговли в Закавказье, и в частности в Грузии. Он нарушил замкнутость закавказских рынков и включил Грузию во всемирный товарооборот.

С 1822 г. тбилисские купцы начинают привозить в Грузию товары с Лейпцигской ярмарки. Впервые тбилисские купцы появились на Лейпцигской ярмарке в 1824 г. Их было 10 человек, они закупили товары на 1 600 000 руб. (ассигнациями). А в 1828 г. на Лейпцигской ярмарке принимали участие 13 тбилисских купцов, которые закупили и привезли в Грузию товаров на 4 400 000 руб.²⁰⁹

В период действия льготного тарифа в тбилисскую таможню, в основном, поступали следующие товары: из европейских стран — атласы, парча, сукно, тафта, миткаль, бязь, ситец, ром, дорогие вина — шампанское, мадера, бордо, фарфоровая посуда и др.; из Персии — хлопок, бязь, позументы, шерстяные одеяла, шали, косынки, ковры, войлок, шелковые ткани, пряжа, пушнина, соль и т. д.; из Турции — сталь, бязь, соль, табак и др.²¹⁰

В первый год введения льготного тарифа, в 1822 г. в Закавказье было ввезено товаров на 825 985 руб., а в 1830 г. эта цифра достигла 2 518 303 руб., т. е. за восемь лет ввоз товаров вырос втрое. В течение 10 лет действия льготного тарифа среднегодовой ввоз товаров составлял 1 700 000 руб.²¹¹ Но следует отметить, что в первые годы введения льготного тарифа местные купцы почти никаких товаров из Закавказья не вывозили. Торговля шла, в основном, за наличный расчет. В связи с развитием торговли постепенно стали вывозить и местные товары. В 30-е гг. среднегодовой доход, полученный вследствие вывоза местных товаров достигал 700 000 руб.²¹²

Количество ввозимого товара во многом превосходило количество вывозимого товара, и, таким образом, торговый баланс оставался пассивным.

В период действия льготного тарифа в результате необыкновенного оживления торговли и товарообмена в Тбилиси возникли коммерческие дома и магазины. Здесь постепенно скапливался денежный капитал. Но почти на втором году введения льготного тарифа, после назначения министром финансов Канкрин, началась борьба против льгот, предоставленных Закавказью. Канкрин выступал за политику покровительства русской промышленности и русскому торговому капиталу. Он старался подчинить закавказские рынки русским купцам и требовал упразднения льготного тарифа. В борьбе за запрет свободы торговли в Закавказье Канкрин одержал полную победу.

Закавказский свободный транзит и льготный тариф, способствовавший оживлению торговли Грузии с европейскими странами, с 1831 г. закончил свое существование. С этих пор на Грузию и Закавказье распространялся всеобщий имперский тариф, по которому ввозимый из европейских стран товар облагался налогом в размере 25—50% общей стоимости.

Русские власти считали, что льготный тариф сыграл свою положительную роль в том смысле, что предоставил местным купцам возможность накопить денежный капитал, опыт и знания по торговле между Западом и Востоком, теперь же, когда русское мануфактурное производство улучшило качество и увеличило количество выпускаемых товаров, местные купцы должны использовать свой торговый опыт и накопленные знания для обеспечения сбыта русских товаров в Иран и Турцию.

Однако факты показали, что надеждам русских правящих кругов не суждено было оправдаться: в 1831 г., после запрета закавказского транзита, торговля между европейскими странами и Ираном переместилась на новые торговые пути, проходящие через Трапезунд—Эрзерум, т. е. через Турцию. В Трапезунде Англия основала торговую компанию и с ее помощью прибрала к рукам всю торговлю с Малой Азией и Ираном.

²⁰⁹ Коммерческая газета, 1825, № 40; 1828, № 7 и № 43.

²¹⁰ АКАК, VI, ч. I, с. 227.

²¹¹ КК на 1853 г. — Д ю к р у а с и . О заграничной торговле Закавказского края, с. 410.

²¹² Там же.

Иранские города были переполнены английскими товарами, весь доход, поступающий в Тифлис и Редут-Кале в результате свободного транзита, переместился в Трапезунд и Эрзерум. В результате в Закавказье, в частности в Грузии, денежный капитал стал постепенно иссякать, участились случаи банкротства купцов и резко сократился спрос на русские товары. Кроме того, многие тбилисские купцы предпочли вести торговлю европейскими товарами по новой транзитной дороге — Трапезунд—Эрзерум, способствуя этим перемещению денежного капитала, накопленного во время действия льготного тарифа, в Иран и Турцию.

После основания в Трапезунде английской торговой компании в Закавказье, и в частности в Грузии, стал поступать в большом количестве контрабандный товар. Таможни страны оказались бессильны в борьбе против контрабанды. Помимо этого, в Закавказье английский товар (в основном хлопчатобумажные ткани) в большом количестве поступал под видом иранского товара. Англия ввозила в Иран полуфабрикаты из хлопчатобумажных тканей, там происходила окончательная доработка (набивка, окраска, упаковка), и ткани под маркой иранского товара с оплатой 5%-ной пошлины легко ввозились в Грузию и Закавказье.

Было очевидно, что распространение всеобщего имперского тарифа в Закавказье принесло России серьезный материальный ущерб. Закрыв для импорта закавказские рынки, она не могла их обеспечить товарами собственного производства. Закавказье было завалено контрабандным товаром, завезенным по иранскому пути, а русско-иранская торговля почти совсем прекратилась.

Ввиду этого в начале 40-х гг. вновь был поставлен вопрос пересмотре Закавказского торгового законодательства. Для выяснения причин сокращения объема торговли между Ираном и Россией и в целях выработки соответствующих мероприятий в Министерстве финансов были выделены специальные комиссии. Местная власть, в особенности царский наместник Воронцов, всячески старалась восстановить права льготного периода, но, несмотря на энергичные действия, Воронцову не удалось восстановить прежние права. Тем не менее, с декабря 1846 г. пошлина на европейские товары немного уменьшилась, что открывало путь для провоза европейских товаров в Иран через Закавказье.

К началу 40-х гг. в Грузию было ввезено европейских товаров на 100 393 руб.²¹³ Из европейских стран главным образом ввозился сахар, дорогие вина — шампанское, мадера, бордо, кофе, красители — индиго, кошениль, пряности, сталь, свинец и т. д. Первое место в этой торговле занимал сахар (76 531 руб.), что касается текстильных товаров, особенно хлопчатобумажных тканей, то из-за чрезмерно высоких тарифов, учрежденных Россией в 1832 г., их ввоз прекратился и вовсе. Из Ирана и Турции поступали хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, шелковая пряжа, красители, табак, пушнина, сухие фрукты. В начале 40-х гг. в Грузию поступило азиатских товаров, в общем, на 709 149 руб., из них главное место занимал импорт хлопчатобумажных и шелковых тканей (397 823 и 292 715 руб. соответственно)²¹⁴.

Всего из европейских и азиатских стран в Грузию было завезено товаров на 809 542 руб., что составляло 1/4 закавказского импорта в целом²¹⁵.

Уже в начале 40-х гг. в Грузию и в целом в Закавказье поступает множество текстильных и других товаров первой необходимости из России. В частности, сухопутным путем были доставлены хлопчатобумажные, льняные, шерстяные и шелковые ткани, железоскобяные изделия, фарфоровая и фаянсовая посуда, сахар, мука и др., всего на сумму 2 500 000 руб. Можно предполагать, что хотя бы половина всего импортируемого из России в Закавказье товара осваивалась в Грузии.

²¹³ ЦГИА ГССР, ф. 380, д. 84, л. 1.

²¹⁴ Там же, л. 2.

²¹⁵ КК на 1853 г., с. 427.

В конце 50-х гг. внешняя торговля Грузии и всего Закавказья несколько расширяется. В 1857 г. в Закавказье из стран Европы и Азии было импортировано товаров на 4 774 960 руб., из них европейских — на 1 334 298 руб. и азиатских — на 3 688 144 руб. Почти весь европейский товар (1 086 816 руб.) импортировался в Грузию через тбилисскую, редут-калскую и озургетскую таможи. Азиатских товаров было завезено на сумму 934 063 руб.²¹⁶ Таким образом, чуть меньше половины закавказского импорта приходилось на Грузию.

В импортируемом из Европы товаре главное место занимал сахар, а среди азиатских товаров предпочтение отдавалось текстильным (хлопчатобумажным, шелковым, шерстяным тканям).

К концу 50-х гг., в частности в 1857 г., из внутренних губерний России в Закавказье каботажными путями было доставлено товаров на сумму 3 546 629 руб.

В период льготного тарифа, несмотря на интенсивную внешнюю торговлю, вывоз товаров из Закавказья за границу не превышал в год в среднем 700 000 руб. С 1832 г. по 1850 г. (в течение 19 лет) среднегодовая сумма стоимости товаров, вывозимых из Закавказья, равнялась 832 412 руб., т. е. рост стоимости вывозимых товаров был весьма незначителен и не превышал 100 000 руб.

В 50-е гг. положение меняется коренным образом. С 1851 г. по 1859 г., в течение 8 лет, среднегодовая сумма стоимости вывозимых из Закавказья товаров достигла 1 500 000 руб. Хотя стоимость импортируемого из-за границы товара все еще превышает стоимость экспорта, тем не менее, наблюдается ежегодный рост стоимости вывозимых из Закавказья товаров, что указывает на развитие местного сельского хозяйства и разложение натурального хозяйства. Установить точно, каков был удельный вес Грузии в закавказском экспорте, теперь весьма трудно, но если принять во внимание, что вывозимые ежегодно на 900 000 руб. через таможи Кулеви (Редут-Кале), Озургети, Сухуми товары были главным образом местного происхождения, то можно полагать, что больше половины стоимости товаров, вывозимых из Закавказья, приходится на долю Грузии. Среди товаров, экспортируемых из Грузии в европейские страны, первое место занимал шелк-сырец. В 1857 г. из Грузии было вывезено этого вида сырья на 547 206 руб., кожи и кожаных изделий — на 59 217 руб. В 1857 г. из Грузии за границу впервые была вывезена шерсть на 27 996 руб., а других товаров, главным образом леса (ореховые и самшитовые деревья), — на 223 502 руб.

Кроме вышеназванного, из Грузии в Турцию в неурожайные годы вывозили также и кукурузу. В конце 50-х — начале 60-х гг. из товаров, предназначенных на экспорт, кукуруза уже заняла ведущее место²¹⁷. Ее вывозили в основном в Англию на Ирландию.

Внутренняя торговля. В 30-е—40-е гг. XIX в., в результате упразднения внутрifeодальных таможен, развития товарно-денежных отношений и улучшения торговых путей, постепенно расширяется внутренняя торговля, что в свою очередь способствовало разложению натурального хозяйства.

Еще в 30-е гг. в городах и селах Западной Грузии устраивались еженедельные торги, привлекавшие жителей почти всех уголков края для торговли сельскохозяйственными продуктами, мануфактурными и фабрично-заводскими изделиями. С 1837 г. в Кутаиси устраивались ежегодные торги, где продавались как чужеземные, так и русские товары; кроме того, каждое воскресенье на кутаисском рынке собиралось население со всех уголков Имерети, Мегрелии и Гурии, привозившее для продажи хлеб, вино и скот. Такие же рынки, где продавались предметы первой необходимости местного и чужеземного производства, были в местечках Хони, Чхари, Сачхере и Они.

В Гурии, в селе Двабзу устраивались еженедельные торги, а в селах Нагомари, Ланчхути, Джумати — ежегодные ярмарки.

²¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1268, 1858, оп. 9, д. 257, л. 13—16.

²¹⁷ С 60-х гг. из Грузии вывозят кукурузу до I млн. пудов.

В Мегрелии, в селе Мури на ярмарке собирались жители всех уголков Мегрелии, а также Имерети и Сванети. Здесь торговали изделиями из шелка, хлопка и шерсти местного производства, медной, железной, глиняной и деревянной посудой, зерном, кукурузой и гоми²¹⁸, лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом и др. Такая же ярмарка устраивалась и в Сенаки, куда приходило торговать население всей Западной Грузии. Здесь, в основном, торговали лошадьми и рогатым скотом. Помимо ярмарки в Сенаки устраивались еженедельные торги. В с. Марани и Лайлаши существовала постоянная еженедельная торговля местным и чужеземным товаром.

Предметом внутренней торговли в Грузии являлись, в основном, сельскохозяйственные продукты и товары домашнего производства. Как уже отмечалось, начиная с 30-х—40-х гг. XIX в. почти все отрасли сельского хозяйства — производство зерна, виноделие, животноводство, шелководство, табаководство, плодоводство, овощеводство и др. — имели более или менее товарный характер. Было налажено производство продуктов для рынка. В 1845 г. на внутренний рынок Грузино-Имеретинской губернии (за исключением Ереванского, Нахичеванского, Александропольского и Елисаветпольского уездов) было вынесено и продано сельскохозяйственной продукции и товаров домашнего производства на 1 763 450 руб.²¹⁹ В 1858 г. из одного лишь Сигнагского уезда было продано сельскохозяйственных продуктов на 3 583 350 руб.²²⁰ Сельскохозяйственные продукты и изделия домашнего производства Сигнагского уезда продавались как на месте, так и в Телавском и Тифлисском уездах. Эти данные достойны внимания, т. к. свидетельствуют о разложении натурального хозяйства и развитии внутренней торговли Грузии.

Центром внешней и внутренней торговли Грузии был Тбилиси. В конце 50-х — начале 60-х гг. на тбилисских рынках ежегодно продавалось продовольственных товаров приблизительно на сумму 3,5—5,5 млн. руб. Продовольствие доставлялось на рынок со всех уездов Грузии.

К 1862 г. из 100 000 жителей Тбилиси 3 000 были купцами, из них 122 — иноземными, с оборотным капиталом в 1 988 200 руб.

Хотя торговые операции других городов Грузии по своему масштабу во многом отставали от тбилисской, но в 40-е—50-е гг. торговля в них была достаточно развита, на что указывают следующие данные:

В 50-х гг. в г. Гори было 65 местных купцов с оборотным капиталом в 250 000 руб. Из них десять вели торговые сношения с такими европейскими и азиатскими городами, какими были Лейпциг, Лондон, Стамбул; 12 — ежегодно торговали на ярмарках в Москве и Нижнем Новгороде. Довольно значительной была торговля и сельскохозяйственными продуктами. В Горийском уезде к этому времени особенно расширились торговое садоводство и огородничество, что было обусловлено возросшей потребностью горийских и тбилисских рынков. Тбилисские торговцы фруктами специально приезжали скупать на корню урожай горийских персиков и яблок, славящихся своим высоким качеством. В большом количестве также реализовались овощи: картофель, капуста, лук, чеснок.

В Телави к тому времени было около 250 купцов, торговавших местным и привозным товаром. В 1845 г. начальник Телавского уезда писал: «Торговля сельскохозяйственными продуктами, можно сказать, довольно широко развита. Не говоря уже о представителях других классов, каждый крестьянин имеет излишки продуктов, продажей которых он удовлетворяет свои нужды»²²¹.

Еще более развита была торговля в Сигнаги. «Торговля в Сигнагском уезде, — читаем в отчете начальника Сигнагского уезда за 1845 г., — можно сказать, пышно

²¹⁸ Гоми — особый, местный род пшена.

²¹⁹ ЦГИА ГССР, ф. 560, 1846, оп. 22, д. 112, л. 12—16.

²²⁰ Там же, ф. 26, оп. 6 д. 119, л. 52—53.

²²¹ Там же, ф. 16, д. 8888, л. 56.

расцвела; здесь в большом количестве продается зерно, овес, вино, водка и др. продукты»²²². Сумма, полученная от продажи продуктов из г. Сигнаги, достигла 491 961 руб. К тому времени в Сигнаги было 230 местных и 20 иноземных купцов. Они торговали в основном местными и русскими товарами, их оборотный капитал составлял 400 000 руб.

Приблизительно такая же картина была и в других городах Грузии.

Из всего вышесказанного следует, что в 40-х—50-х гг. XIX в. в Грузии ускоренными темпами протекало разложение натурального хозяйства. Между отдельными районами Грузии существовали интенсивные торговые отношения. Неуклонно росло значение городов как поставщика промышленных товаров для деревни и потребителя сельскохозяйственной продукции, что, со своей стороны, указывало на углубление общественного разделения труда внутри страны и отражало процесс образования внутреннего рынка.

§ 4. РОСТ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГРУЗИИ

В первой половине XIX в. значительно возросла роль городов в экономической жизни Грузии. С 40-х гг., в связи с интенсивным процессом ломки натурального хозяйства, усиливается влияние города на село. Рост значимости городов как промышленных и торговых центров страны, поставлявших промышленные товары и потреблявших сельскохозяйственную продукцию, являлся показателем углубления разделения труда, создания внутреннего рынка. С первой половины XIX в. в городах Грузии все больше ощущается необходимость в отделенных от средств производства свободных рабочих. О росте населения городов Восточной Грузии до 60-х гг. XIX в. можно судить по таблице 5.

Т а б л и ц а 5

Город	Население обоего пола			
	1821	1835	1847	1865
Тбилиси	15 374	25 290	29 853	67 770
Гори	2322	3000	3763	5054
Телави	1677	2680	4000	7300
Сигнаги	1997	3500	4801	9687
Душети	1143	1700	1800	2525
Итого	22 513	36 170	44 217	92 336

Мы не располагаем такими же подробными сведениями о динамике населения городов Западной и Южной Грузии за первую половину XIX в. По данным 1865 г. в г. Ахалцихе насчитывалось 11 1617 чел., в Ахалкалаки — 2 260, в. Кутаиси — 11 807, Сухуми — 1 612, Поти — 1 309 чел. Все население городов Грузии в 1865 г. составляло 120 940 человек²²³.

В 1821 г. все население Восточной Грузии (Тифлисский, Горийский, Душетский, Телавский, Сигнагский, уезды; Борчалинская, Тушетская и Пшав-Хевсуретская дистанции) составляло 185 600 чел., из них на города (Тбилиси, Гори, Душети, Телави, Сигнаги) приходилось 22 500 чел.²²⁴, т. е. 12,2%. К 1865 г. все население Восточной Грузии (в тех же границах) выросло до 489 100 чел., т. е. на 165%, а городское население — до 92360 чел., т. е. на 310%. Иначе говоря, городское население растет почти вдвое

²²² Там же.

²²³ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, отд. 2, с. 63.

²²⁴ ЦГИАГ, ф. 16, Д. 2725, л. 121—122.

быстрее, чем все население страны. В 1865 г. городское население в Восточной Грузии составляло 18,8%²²⁵.

В Кутаисской губернии, включая Ахалцихский, Ахалкалакский уезды, в 1865 г. все население равнялось 700 тыс. чел., а население городов Кутаиси, Ахалцихе, Сухуми, Поти составляло 30 тыс. чел., т. е. 4,3%.

Все население Грузии к середине 60-х гг. равнялось 1 190 тыс. чел., а городское население составляло 121 тыс. чел, т. е. 10,1%. Население только г. Тбилиси (67 тыс.) составляло 5,6% всего населения.

В 1850-х—1860-х гг. население города Тбилиси росло преимущественно за счет сельского населения страны (выходцы из селений собственно Восточной Грузии составляли более 1000 дымов, а из других мест — около 650 дымов).

Соотношение пришлого в 1850-х—1860-х гг. из сел в города Восточной Грузии населения к городскому населению в целом представляется следующим образом²²⁶ (см. табл. 6).

Выше речь шла о той части пришлого в города населения, которая была причислена Казенной палатой к городскому населению и внесена в камеральные описания. Однако в городах, а в особенности в г. Тбилиси, проживало большое количество пришельцев, которых не признавали городскими жителями.

Как известно, в Тбилиси прибывало огромное количество сезонных рабочих. По официальным данным 1863 г., из Закавказских областей и из Ирана в летний период сюда стекался рабочий люд до 20 тыс. чел. Всего же количество некоренного населения города обычно доходило до 50 тыс. чел. Следовательно, все население г. Тбилиси превышало 100 тыс. человек.

Т а б л и ц а 6

Город	Всего пришлого населения	среди них дымов				Всего дымов	Соотношение пришлого в 1850-х—60-х гг. населения ко всему нас., %
		казенные крестьяне	вольнотпущенные	помещичьи крестьяне	церковные крестьяне		
Тбилиси	1006	600	171	138	97	10 115	10,%
Гори	186	166	9	3	8	943	19,7%
Телави	168	105	59	1	23	1199	14,0%
Сигнаги	856	428	412	5	11	1654	51,3%
Душети	45	32	6	6	1	391	11,4%
Итого	2261	1331	657	153	120	14310	15,3%

Пришлое население включалось преимущественно в торгово-промышленную деятельность. Например, из приехавших в 50-х гг. в города Восточной Грузии 2153 сельчан — работоспособных мужчин (по Тбилиси учтены только главы переселившихся семейств), 410 стали торговцами, 646 ремесленниками, 727 рабочими («чернорабочие» «просторабочие», «работники» и т. п.), 220 занимались другой трудовой деятельностью (пильщики, аробщики, повара, рыболовы, угольщики и т. п.), а 125 человек не имели определенных занятий.

Следует отметить, что и в данном случае учтены только лишь причисленные к городскому населению и попавшие в камеральные описания жители.

²²⁵ Сборник статистических сведений о Кавказе, т. I, отд. I, ч. IV, с. 44—45.

²²⁶ ЦГИАГ, ф. 255, д. 390, с. 392—398; д. 245, 198, 217, 221.

Сдвиги, имевшие место в первой половине XIX в. в городской жизни Грузии, проявлялись и в изменении социального облика городского населения. В первую очередь это относится к производительным слоям — податному населению, в большинстве своем причисленному к крестьянскому сословию. Под «крестьянами», как правило, официальная статистика подразумевала проживавших в городах торговцев и ремесленников из казенных, помещичьих и церковных крестьян. Большинство из них составляли казенные (государственные) крестьяне. Последние пользовались относительной свободой — возможностью распоряжаться своей личностью, уплачивая лишь государственные подати.

Не случайно, что и в правовом отношении государственные крестьяне имели преимущество перед помещичьими и церковными крестьянами. Например, в 1840 г. в выборах Городского общественного управления (городского головы и 6 гласных) наряду с «коренными гражданами» (т. е. «мокалаке») участвовали как «вновь поселившиеся» в городе, так и остальные государственные крестьяне. От каждого из этих «обществ» было избрано по два гласных и столько же кандидатов²²⁷.

Торговцы и ремесленники из помещичьих и церковных крестьян в выборах не участвовали, несмотря на наличие у них недвижимого имущества. Это является показателем сохранения сословных ограничений в отношении, части городского населения — в силу слабого развития буржуазных отношений.

Позднее, в частности в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в., «казенные крестьяне» как таковые полностью исчезают, из камеральных описаний городов Грузии и из податных табелей городского населения. Они рассматриваются как «казенные обыватели или граждане».

Согласно «податным табелям» конца 50-х и начала 60-х гг., основанным на соответствующих камеральных описаниях городов, нам представляется следующая картина состава податного населения в городах Грузии (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Город	Количество дымов				Всего дымов
	мокалаке	казенные обыватели или граждане	церковные крестьяне	помещичьи крестьяне	
Тбилиси	1195	8680	699	1162	11736
Гори	—	768	110	65	943
Телави	—	1141	12	46	1199
Сигнаги	—	1600	41	13	1654
Душети	—	358	8	25	391
Кутаиси	243	304	144	33	624
Ахалкалаки	—	363	--	--	363
Итого	1438	13214	1014	1344	17010

Следует отметить, что «казенные обыватели или граждане», приближающиеся по своему правовому и экономическому положению к мещанам российских городов, стоявших на пути к полному социальному освобождению, уже не могут приравняться к крепостному населению города, хотя в некоторых источниках по традиции опять подводятся под рубрику «казенные крестьяне».

²²⁷ ЦГИАГ, ф. 16, д. 6144, л. 17—18, 80—81.

Исходя из этого, процент фактически свободного от крепостной зависимости городского населения в Грузии к середине 60-х гг. нам представляется более значительным, чем это предполагалось. В частности, «мокалаке» и «казенные обыватели или граждане» вместе взятые составляли 88% всего податного населения городов. Только в Тбилиси они составляли 84%.

Что же касается крепостного населения городов — помещичьих и церковных крестьян, большинство которых также было включено в торгово-промышленную деятельность, со временем и их правовое положение претерпевает значительные изменения; все больше слабеют нити, связывающие их с прошлым состоянием, усиливается тенденция к освобождению от крепостной зависимости, растет число «вольнотпущенных», «отсужденных».

Разделение к середине 60-х гг. городского населения Грузии на два основных слоя: «мокалаков» — «мещан», т. е. «мелкобуржуазных эксплуататоров», и «муша» — «грузинских пролетариев», иначе — «городское рабочее население», т. е. «вольнонаемных городских работников», — было отмечено Н. Николадзе в помещенной в герценовском «Колоколе» статье. Здесь же говорится и о давнишней вражде между этими двумя «классами», порожденной, «разносторонностью интересов, недовольством, вызванных и поддерживаемых эксплуатациею», исключаящих даже «самый кратковременный союз между рабочими и их хозяевами»²²⁸.

Таким образом, в Грузии дореформенного периода происходили миграционные процессы, население перемещалось из одних районов страны в другие, и преимущественно из Западной Грузии в Восточную, из горных районов в равнинные, из сельской местности в город; наблюдался значительный приток населения из России, а также из Ирана и Турции.

Следует помнить, что сначала перемещение населения в дореформенной Грузии происходило в силу недостаточного развития производительных сил, однако со временем само развитие этих сил все больше и больше воздействовало на ускорение этих процессов. И все же в дореформенной Грузии эта тенденция проявлялась, разумеется, сравнительно слабо.

Г Л А В А III

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ГРУЗИИ В 30-х—50-х гг. XIX в.

После завершения к концу 20-х гг. XIX в. русско-иранских и русско-турецких войн царское правительство приступило к более основательному и всестороннему освоению Закавказья, и в частности Грузии. Задачи состояла в том, чтобы связать край с Россией «гражданскими и политическими узами в единое тело и заставить жителей говорить, мыслить и чувствовать по-русски»²²⁹. Высшая власть «преследовала цель превратить Грузию в политически надежный, а экономически — в максимально выгодный уголок России. Осуществления этой программы царизм добивался различными путями, среди которых важнейшее место занимала колонизационная деятельность.

§ 1. КОЛОНИЗАЦИЯ

²²⁸ Рио-Нели (Н и к о л а д з е Н. Я.). Июньские дни в Тифлисе. — Колокол, 1865, 15. IX. Факсимильное издание, М., 1963, с. 1673—1676.

²²⁹ КПЦА, ч. I. М.-Л., 1936, с. 280.

Колонисты, по мнению правительственных кругов, привнося в районы своего нового поселения «нравы, обычаи, язык, ремесла и художества... метрополии», сохраняли между тем «чувства детской привязанности и верности» к прежнему своему отечеству²³⁰.

Считая, таким образом, колонизацию одним из важнейших средств освоения края, царизм сравнительно рано обратился к ней, развив особенно активную деятельность в этом направлении с 30-х гг. прошлого столетия. Именно в это время все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса в пользу учреждения в Закавказье (следовательно, и в Грузии) русских колоний вообще и военных поселений в частности. Последние предполагалось образовать из семейств отставных солдат, наделенных «нужным количеством земли», а также сельскохозяйственными орудиями. На поселенцев смотрели как на оплот «от мятежей и вспоможение, готовое в крайности»²³¹. Они, по словам Николая I, должны были упрочить господство царизма на Кавказе и обеспечить полную покорность местного населения²³².

Вскоре, а именно, в 1835 г. последовало предложение барону Розену о составлении соответствующего проекта, и спустя два года (в 1837 г.) в Грузии уже появились первые военные. Они были основаны в местах, расположенных близ Тбилиси — в Цалке, Манглиси, Коджори, а также в Ахалцихском районе. Всего за период 1837—1860 гг. в Закавказье в целом было создано 10 колоний военных поселенцев. Правительство заботилось о материальном обеспечении поселенцев. В 1841 г. кавказскому начальству было предложено весь фонд свободных казенных земель обратить на удовлетворение нужд уже существовавших и вновь создаваемых военных колоний. Независимо от этих правительственных мероприятий поселенцы нередко сами себя обеспечивали землей, захватывая участки, принадлежавшие местному крестьянству²³³.

Несмотря на сравнительно лучшую обеспеченность поселенцев средствами производства, они все же не сумели показать примера более или менее кипучей хозяйственной деятельности. Более того, находясь, продолжительное время на действительной военной службе, эти люди просто отвыкли от сельскохозяйственных работ и оказались к ним совершенно непригодными. В этом отношении военные колонии надежд правительства не оправдали, но зато поселенцы в массе своей, несомненно, способствовали тому, чтобы местное население относилось к властям лояльно.

Колонизация края русскими элементами осуществлялась не только и не столько организацией военных поселений. На основе закона 1830 г. в «Южную Сибирь» (так в то время называли Грузию реакционные круги в Петербурге) направлялись как по собственному желанию, так и судебными постановлениями раскольники (сектанты) — духоборы, молокане, скобцы, субботники и другие, оставление которых во внутренних губерниях империи было признано нежелательным, ввиду вполне возможного влияния их на русских православных ортодоксальных христиан. Что же касается пребывания сектантов в Грузии, то оно не считалось опасным, так как раскольники, отличаясь по своим обычаям от аборигенов и не зная их языка, не могли, по мнению представителей высшей власти, вступать с ними в контакт и оказывать на них вредное влияние. Более того, раскольники, по мнению правительства²³⁴, могли быть полезными в деле русификации края и развития в нем различных отраслей ремесла²³⁵.

Заселение Закавказья, в частности Грузии, еретиками, начатое в 30-х гг., особенно развернулось в 40-х—50-х гг. прошлого столетия. Достаточно сказать, что на 1 января

²³⁰ Там же, с. 286.

²³¹ Там же.

²³² АКАК, т. VIII, с. 381.

²³³ Г у г у ш в и л и П. В. ЭРГЗ, т. I. Тбилиси, 1949, с. 623—624.

²³⁴ Там же, с. 630.

²³⁵ ОРВЗК, ч. I, Спб., 1836, с. 163.

1856 г. в Тифлисской и Кутаисской губерниях числилось 21 русское село, насчитывавшее 1133 дыма²³⁶, или около 6000 душ обоего пола.

Все они, включая сюда и колонистов нерусского происхождения²³⁷, получили довольно значительные наделы²³⁸, что, разумеется, не могло быть сделано без ущерба для местного крестьянства. Земли, отдаваемые переселенцам, хотя и назывались свободными, но в действительности далеко не были таковыми. Они являлись свободными, т. е. не занятыми, но конечно, не лишними для нужд местных жителей, испытывавших острое малоземелье. Это вынужден был признать даже наместник Кавказа Барятинский, который в целом колонизацию считал очень нужным и полезным делом. «...Умножение в здешнем крае промышленных русских переселенцев, — писал он в 1857 г., — было бы очень полезно; но средства к наделению их казенными землями становятся весьма затруднительными. Свободных к новому заселению казенных земель ... весьма немного, и точные о том сведения могут раскрыться только с производством генерального межевания. **Сверх того, справедливость требует наделить сими землями преимущественно крестьян туземных, из коих значительная часть имеет в том крайний недостаток**»²³⁹.

Нередко для того, чтобы наделить землей колонистов, сгоняли с родных мест грузинских, армянских и азербайджанских крестьян, отводя им худшие участки земли в других местах.

Таким образом, царизм намеренно заселял «лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами», оттесняя «туземцев в худшие районы»²⁴⁰, а порой и вовсе бросая их на произвол судьбы. Все это, разумеется, обостряло национальную рознь, разжигая ненависть местных жителей против пришельцев.

§ 2. ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Царизм, как сказано выше, стремился не только к укреплению своих военнополитических позиций в Закавказье, но и к тому, чтобы сделать этот край максимально выгодным, отвечающим экономическим интересам метрополии. В этом направлении до 30-х гг. XIX в. мало, что было сделано. Министр финансов Канкрин в своем проекте, представленном в Государственный совет в 1827 г., прямо указывал, что Закавказские провинции, которые «не без основания... могут быть названы нашей колонией, не дают пока никакой прибыли и, что самое главное, вследствие различных причин, «до сих пор не предпринято никаких серьезных шагов для превращения их в богатый доходный источник»²⁴¹. Спустя несколько лет, в 1837 г. барон Ган, касаясь того же вопроса, писал: «Обширные и плодороднейшие земли за Кавказом еще не возделаны... сельское хозяйство и скотоводство младенчают... обрабатывание винограда, шелка,

²³⁶ АКАК, т. XI, ч. II, с. 845.

²³⁷ Имеются в виду немецкие колонисты, водворенные в Грузию в 1817—1818 гг. (486 семейств) и в 1842 г. (10 дымов), а также армяне и греки (свыше 6000 дымов), переселенные царским правительством в Тифлисскую губернию после русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

²³⁸ Например, на семью немецкого колониста одной только годной земли приходилось: в Александерсдорфской колоний — 36, 52 дес., Мариенфельдской — 35 дес., Петерсдорфской — 35 дес., Елизаветопольской — 35, 43 дес. и Екатеринфельдской — 27, 92 дес. (Н и к и ф о р о в И. Н. Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае. — МИЭБКЗК, т. I, с. 105).

²³⁹ АКАК, т. XII, ч. I, с. 12.

²⁴⁰ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, с. 274; см.: С т а л и н И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России. — Соч., т. 4, с. 356.

²⁴¹ ВПСЗРИ, т. II, № 1019; ОРВЗК, ч. I, с. 12

хлопчатой бумаги, табака, индиго, марены, масляных растений или требует улучшения, или даже нововведения»²⁴².

Добиваясь превращения Грузии в источник сырья и колониальной прибыли для России, представители царизма предлагали вполне определенную экономическую программу, согласно которой страны Закавказья должны были бы специализироваться на производстве исключительно сельскохозяйственных продуктов и сырья, необходимых для русской промышленности. Развитие же в них собственной промышленности признавалось не только не желательным, но и просто вредным. «Не должно ли смотреть на Грузию как на колонию, — горится в письме Паскевича к графу Канкрину от 5 октября 1830 г., — которая доставляла бы грубые материалы (шелк, хлопчатую бумагу и проч., для наших фабрик, заимствуясь от России мануфактурными изделиями. В противном случае, при учреждении в Грузии таковых же мануфактур, не ослабнет ли взаимная связь оной с Россией»²⁴³. Еще более определенно высказывался барон Ган. «Разнообразие и богатство в Закавказском крае произведений, — писал он в 1837 г., при малых даже трудах и без пожертвования больших капиталов обещают огромные выгоды; поэтому правительство, кажется, должно ограничиться поощрением исключительно одного земледелия во всех его отраслях и разведения сырых материалов, свойственных здешней почве и климату. Заведение же фабрик и мануфактур отнимает только силы, столь необходимые для земледелия, и без всякой выгоды для здешнего края будет вредить промышленности и торговле России, ибо отечественные фабрики благодаря мудрой прозорливости правительства так распространились и достигли такого совершенства, что обработка произведений обходится недорого и что они одни в состоянии потреблять шелк, бумагу, масляные растения, красильные вещества и другие богатые произведения Закавказья»²⁴⁴.

Наряду с этой реакционной программой, обрекавшей Грузию на извечную отсталость, выдвигались проекты, предусматривавшие всестороннее, в том числе и промышленное развитие края. К числу последних принадлежали «Проект Российской Закавказской компании» А. С. Грибоедова и А. Д. Завилейского²⁴⁵, поданный фельдмаршалу Паскевичу в 1828 г., и «Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 год», представленный А. Г. Чавчавадзе императору Николаю I в 1833 г. Однако этим проектам в те времена не суждено было осуществиться, и они были отвергнуты правительством, смотревшим на Грузию как на источник сырья для русской промышленности.

Подобная экономическая политика, разумеется, значительно задерживала промышленное развитие Закавказских стран, в которых, благодаря этому, не только до, но и после реформы было сравнительно очень мало фабрик и заводов. Что же касается сельского хозяйства, то в условиях господства царизма и крепостнических отношений, естественно, и оно не развивалось нормально, однако о состоянии его правительство все же заботилось больше. Такие мероприятия, как обнародование закона «Об отводе земель под садоводство в Закавказском крае» (1834 г.), основание «Грузинской винной колонии» (1836 г.), учреждение «Закавказского общества сельского хозяйства» (1850 г.) и др. свидетельствуют о стремлении высших властей расширить производство на месте сырья для промышленных нужд метрополии²⁴⁶.

§ 3. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

В реформе 1840—1841 гг. важнейшее место в деле слияния Грузии с Россией отводилось системе управления. Порядки, установленные в крае на основе закона 1801 г.

²⁴² КПЦА, ч. I, с. 302.

²⁴³ АКАК, т. II, с. 140.

²⁴⁴ КПЦА, ч. I, с. 314.

²⁴⁵ Ист. арх., 1951, т. VI, с. 325—390.

²⁴⁶ Х а ч а п у р и д з е Г. В. К истории Грузии первой половины XIX века, с. 470.

и существовавшие почти без изменения около сорока лет, по мнению официальных кругов, уже не отвечали предъявляемым требованиям. Об этом особенно настойчиво стали говорить после завершения второй русско-иранской и русско-турецкой войн. Сенатор Мечников, ревизовавший Закавказский край, в своем проекте от 20 января 1831 г. подчеркивал необходимость скорейшего проведения реформы системы управления. «Оставлять его в сем положении, — писал он, — откладывать вдаль значило бы питать вредные чувства противу России и продолжать болезнь политического дела до пределов неизлечимости, почему мое мнение — произвести начало сего ныне же, а откладывать... и вредно, и опасно»²⁴⁷. Немногим ранее буквально то же самое предлагал и Паскевич.

Основным пороком существовавших в то время в Грузии и Закавказье порядков царские чиновники считали участие в управлении краем местного элемента. По мысли сенаторов Мечникова и Кутаисова, равно как и Паскевича, необходимо было изгнать этот местный элемент и ввести полностью русское управление и законы. Причем все это нужно было сделать быстро, без промедления, одним общим распоряжением²⁴⁸.

Отказываясь от изложения деталей, связанных с подготовкой реформы и борьбой мнений вокруг нее, укажем, что она завершилась обнародованием 10 апреля 1840 г. следующих трех документов: «Высочайше утвержденного учреждения для управления Закавказским краем», составленного на основании проекта барона Гана, вобравшего в себя главные положения, предлагаемые Мечниковым, Кутаисовым и Паскевичем, «Положения о городском общественном управлении в Тифлисе» и «Положения о комитетах земских повинностей в Закавказском крае».

Согласно первому закону Закавказье разделялось на две крупные административные единицы: на Грузино-Имеретинскую губернию, состоявшую из Тифлисского, Горийского, Телавского, Белоканского, Кутаисского, Елисаветпольского, Александропольского, Ереванского, Нахичеванского, Ахалцихского и Гурийского уездов, и на Каспийскую область, включавшую Ширванский, Карабахский, Шекинский, Тальшский, Бакинский, Дербентский и Кубский уезды. Управление устанавливалось трехстепенное: главное (действовавшее в масштабе всего Закавказья), губернское (областное) и уездное. Главное управление составляли: главноуправляющий Закавказским краем, тифлиссский военный губернатор и совет Главного управления, Главноуправляющий в правах своих, в основном, приравнивался к генерал-губернаторам внутренних губерний России, но, ввиду отдаленности и особых условий края, ему, в отличие от обыкновенных генерал-губернаторов, предоставлялись и некоторые дополнительные права.

Тифлиссский военный губернатор являлся как бы заместителем главноуправляющего по всем частям. Во время отсутствия, болезни или нахождения последнего в походе, в управление краем вступал он²⁴⁹. Совет Главного управления состоял из самого главноуправляющего (председатель), тифлиссского военного губернатора и членов, назначаемых по высочайшему повелению. На него возлагались: надзор за движением дел (рассмотрение ежегодных отчетов по губернскому и областному управлениям, рассмотрение частных обзоров, ревизий и их последствий, разбор протестов губернского и областного прокуроров, разрешение вопросов подсудности и т. д.), разрешение сомнений при исполнении законов, приведение в известность прав и преимуществ разных сословий, а также и некоторые хозяйственные функции²⁵⁰.

Положение, как уже отмечалось выше, предусматривало образование управления Грузино-Имеретинской губернии (равно как и Каспийской области), которое состояло из: гражданского губернатора, губернского правления, казенной палаты, палаты

²⁴⁷ КПЦА, ч. I, с. 231, т. VII, с. 37; Ч х е т я Ш. К.* Система русского управления в Грузии. -- ВГМГ, т. XII—В. Тбилиси, 1944, с. 10.

²⁴⁸ См.: Э с а д з е С. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, 1907, с. 67—73.

²⁴⁹ ВПСЗРИ, т. XV, №13368, 13369, 13379.

²⁵⁰ Там же, № 13368, ст. 30.

государственных имуществ, палаты уголовного и гражданского суда, приказа общественного призрения, дворянского депутатского собрания и прокурорской части. К губернскому же управлению были отнесены: губернская строительная комиссия и комитеты — оспенный, статистический и земских повинностей.

Низшей инстанцией являлось уездное управление, представленное в лице уездных начальников и их помощников, участковых заседателей, городских полиций, уездных казначейств, уездных судов и уездных прокуроров.

Уездные начальники, гласит закон, «суть непосредственные и главные в уезде блюстители законов и охранители законного порядка и всего, что входит в обязанность городской и земской полиции, а потому им подчинятся все чины по ведомствам сим служащие». Помимо многих других и разносторонних функций, на них возлагалось: 1. представление ежемесячных «свидетельств» о состоянии казенных имуществ; 2. попечение о взыскании недоимок и точное выяснение, были ли приняты соответствующие меры для успешного сбора государственных податей; 3. производство торгов и заключение подрядов; 4. раскладка городских и земских повинностей и представление соответствующих материалов на утверждение высшего начальства; 5. составление ведомостей о посевах и урожае хлеба и других культур; 6. поимка беглых, преследование всякого рода преступлений, предание суду виновных и т.д.

В бывшей столице Грузии создавалось управление в составе городского головы и шести гласных. Первого из них избирало все население, а вторых — владельцы недвижимого имущества, купцы и ремесленники из расчета по два гласных от каждого сословия. Кроме этого, названные социальные слои выбирали еще 30 человек для участия в сборе казенных податей и распределении натуральных повинностей. Они же выдвигали из своей среды еще 6 человек — сборщиков податей. На городское управление возлагалось: 1. забота по благоустройству столицы Закавказского края об увеличении доходов и сокращении расходов; 2. выдача документов отходникам; 3. снабжение жителей продовольствием и промышленными товарами; 4. оказание содействия развитию различных отраслей народного хозяйства; 5. охрана имущества граждан и собственности казны; 6. обеспечение своевременного полного поступления казенных доходов; 7. контроль за расходованием государственных средств и т. д.

Третье «Положение» предусматривало создание губернских и уездных комитетов по земским повинностям. В состав первого из них входили — гражданский губернатор, губернский предводитель дворянства и председатель казенной палаты, а второго — начальник уезда, уездный предводитель дворянства и заседатели уездных судов. Комитетам вменялось в обязанность: 1. составление смет по расходам; 2. распределение между жителями денежных и натуральных повинностей; 3. ведение точного учета всех денежных податей, отбываемых сельским и городским населением, и т. д.

Наряду и почти одновременно с этими реформами правительство осуществило также реформу управления государственными имуществами. Имеется в виду последовавшее 5 января 1841 г. «Высочайше утвержденное учреждение об управлении государственными имуществами в Закавказском крае»²⁵¹. Данный закон как бы подтверждал факт открытия в Грузино-Имеретинской губернии, равно как и в Каспийской области, палат государственных имуществ. В законе от 5 января 1841 г. до мельчайших подробностей были изложены права и обязанности палаты государственных имуществ.

В качестве важнейшей задачи палаты, ведавшей государственными имуществами края и состоявшей из одних русских чиновников, выдвигался вопрос об обеспечении исправного поступления казенных податей. Палата обязана была анализировать отчеты, предъявляемые уездными казначеями о ходе взыскания казенных залогов и передавать соответствующие ведомости на усмотрение начальника губернии. В случае же неаккуратного взноса определенных податей, она должна была раскрыть немедленно

²⁵¹ ВПСЗРИ, т. XVI, №14157.

«истинную причину» этого и просить губернатора принять надлежащие меры для ликвидации образовавшихся недоимок. Так же поступала она и при невыполнении крестьянами установленных земских повинностей.

Палате государственных имуществ вменялось в обязанность проявлять заботу об улучшении быта казенных крестьян вообще, но в первую очередь она должна была заботиться о колонистах и переселенцах из внутренних губерний России. Палате поручалось зорко следить за государственным земельным фондом и беречь его, прежде всего для удовлетворения нужд пришлого элемента.

Осуществление изложенной выше системы управления должно было иметь своим последствием дальнейшее укрепление позиций царизма в Грузии, и во всем Закавказье в целом, упразднение местных законов, обычаев и традиционных норм, окончательное изгнание из делопроизводства административных и судебных органов грузинского языка и введение вместо него непонятного населению русского языка, отстранение от всех почти должностей местных людей и заполнение созданных учреждений русскими чиновниками, которые, во-первых, за отдельными исключениями, совершенно не были знакомы с краем и, во-вторых, с точки зрения деловых качеств заслуживали самой отрицательной характеристики. Кроме того, реформа должна была значительно укрепить материальную базу российского феодально-крепостнического государства путем максимального увеличения податных и иных поступлений от населения. Недаром в качестве основной задачи губернской и уездной администрации выдвигалась необходимость изыскания путей и способов для умножения государственных доходов, ликвидации недоимок и ограждения каземной собственности от расхищения и разбазаривания. Выполнение же этой широко задуманной программы, и в частности задачи увеличения податных поступлений, не могло не вызвать дальнейшего ухудшения экономического положения грузинского, армянского и азербайджанского крестьянства. К тому же вело и значительное разрастание количественного состава чиновников, обслуживавших этот вновь созданный огромный бюрократический аппарат управления²⁵².

§ 4. ДАЛЬНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ.

М. ВОРОНЦОВ, А. БАРЯТИНСКИЙ

Порядки, установленные в результате реформы управления, вызвали всеобщий ропот и недовольство²⁵³. Дело доходило даже до крупных вооруженных выступлений. Император Николай I, встревоженный этим, вынужден был командировать в 1842 г. Позена и военного министра Чернышева в Закавказский край для выяснения причин народного недовольства. Позен составил обширный доклад, в котором констатировал факт проведения преобразований без малейшего учета обычаев и образа жизни местного населения. Все управление, писал он, заключается в одном только письмоводстве и бесконечном переписывании формальных бумаг; медленное судопроизводство, крайне тягостное для жителей, является одной из причин недовольства²⁵⁴. Все это заставило правительство заняться внесением некоторых корректив в только что проведенную реформу. Изменениям подверглась, в частности, область судопроизводства. По распоряжению Чернышева, прибывшего в Тбилиси, уездным судам было предоставлено право принимать окончательное решение вместо переноса дела в высшие инстанции—по искам в пределах до 200 руб. Была сделана попытка восстановления старого грузинского словесного суда с полномочием рассматривать любые гражданские дела на основе местных обычаев.

Однако этими незначительными переменами царизм не мог, разумеется, добиться успокоения широких народных масс в Грузии и Закавказье, твердо решивших и в

²⁵² И в а н е н к о В. Гражданское управление Закавказьем, с. 299; Ч х е т и я Ш. К. Указ, соч., с. 38.

²⁵³ Д ж а в а х о в И. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке. Спб., 1906. с. 32.

²⁵⁴ См.: Э с а д з е С. Историческая записка..., т. I, с. 31, 78—79; Ч х е т и я Ш. К. Указ, соч., с. 42—45.

дальнейшем продолжать борьбу против царского режима. Недовольство, несколько «естественное», социальной политикой правительства высказывало и грузинское дворянство, почти полностью, отстраненное от управления страной в результате реформы 1840—1841 гг.

Позднее, с конца 1844 г. должность главноуправляющего была заменена институтом наместника. В отличие от главноуправляющего, наместник, по словам Николая I, пользовался «неограниченными правами» и мог решать самостоятельно почти все вопросы, связанные с управлением края. «Все те дела, — говорится в рескрипте императора на имя первого наместника края графа Воронцова, — которые по существующему ныне порядку представлялись от Главного управления Закавказским краем на разрешение министерств, представляется вам разрешать на месте. Сверх того, представляется вам, когда вы найдете нужным, принимать на месте все меры, обстоятельствами требуемые, донося прямо мне»²⁵⁵.

Назначенный в конце 1844 г. наместником Кавказа М. Воронцов (1844—1854) был беспощадным колонизатором, но, в отличие от своих предшественников, политику царизма проводил более искусно и эластично. И новый начальник считал, разумеется, своей важнейшей задачей введение русских порядков во все отрасли общественной и политической жизни грузинского народа. Но все это, по его мнению, нужно было делать не сразу и не крутыми мерами, а постепенно и умело. Для приведения местного населения в покорность он предлагал использовать не административные, а «культурные» меры. Следуя этому принципу, наместник разрешил восстановить грузинский театр, основать публичную библиотеку, организовать ряд научных учреждений, выпускать газету и т. д. С целью распространения русского языка среди местного населения он, помимо всего прочего, практиковал отправку в Москву и Петербург дворянских детей для обучения их в столичных учебных заведениях²⁵⁶.

Чтобы окончательно завоевать симпатию грузинского феодального класса и заручиться его поддержкой, М. Воронцов добился в 1849 г. издания закона, освободившего грузинских помещиков от обязанности представлять в судебные органы документы о принадлежности им крепостных крестьян. Отныне сами крепостные должны были доказывать свою свободу и независимость от помещика²⁵⁷.

Осуществлением вышеперечисленных и других подобных им мероприятий Воронцов действительно сумел найти общий язык с грузинским дворянством и сделать значительную его часть верноподданными слугами царизма.

Заканчивая изложение о системе управления при Воронцове, следует упомянуть об изменениях, происшедших в области административного деления края. Вместо Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области в 1846 г. были учреждены четыре губернии: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская. В 1849 г. к ним добавилась еще одна — Ереванская²⁵⁸.

Последующие изменения в области управления связаны с именем фельдмаршала Барятинского, с 1856 по 1862 г. занимавшего пост наместника Кавказа. При нем наместник получил больше самостоятельности, и исчезли последние признаки уравнительной ограниченности его власти, еще проявлявшиеся по линии некоторых ведомств (например, финансов). Император разрешил Барятинскому так устроить управление, как он это считал целесообразным, и вносить все те изменения, которые, по его же мнению, могли быть полезными для метрополии.

При наместнике, в руках которого были сосредоточены все нити управления, в 1858 г. создавались два органа: совет наместника (вместо совета главного управления) и

²⁵⁵ АКАК, т. X, с. 2.

²⁵⁶ Ч х е т и я Ш. К. Указ. соч., с. 48—49, 53.

²⁵⁷ АКАК, т. X, ч. I, с. 46; А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века, с. 151—152.

²⁵⁸ Э с а д з е С. Историческая записка..., т. I, с. 81; Ч х е т и я Ш. К. Указ. соч., с. 58.

главное управление. Последнее состояло из департаментов общих дел, судебных дел, финансов, государственных имуществ и особого управления сельского хозяйства и колонии иностранных поселенцев.

Департаменту общих дел были подведомственны учебная, почтовая, медицинская, строительная части, а также публичная библиотека, редакции газет, архив, главное управление, типография и т. д. Функции департамента судебных дел состояли: в утверждении приговоров гражданского, уголовного и военных судов, рассмотрении жалоб лиц, привлеченных к ответственности или высланных административным порядком, ответах на претензии частных граждан и чиновников. Департамент финансов регулировал вопросы, связанные с пошлинами, торговлей промышленностью, податями, богатствами недр и государственным казначейством. Наконец, департаменту государственных имуществ вменялось в обязанность следить за доходами, поступавшими от казенных хозяйств и имуществ, заботиться об их увеличении, отстаивать казенные интересы и т. д.²⁵⁹

Совет наместника, как совещательный орган, был сильно ограничен в своих правах. Вопросы, предварительно поставленные перед ним, рассматривались в соответствующих департаментах, потом, через посредство начальника главного управления, представлялись наместнику и лишь с его согласия обсуждались на совете. Решение совета получало практическую силу только после утверждения его наместником.

Эти изменения значительно расширили права наместника. Он стал чиновником высшего ранга, который, обходя все министерства, непосредственно связывался с императором. Это могло иметь положительные последствия лишь в случае использования этих неограниченных прав в пользу края, в противном же случае оно оборачивалось против народа. В действительности оно так и произошло.

Г Л А В А IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН И ИХ БОРЬБА ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО И КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА В 30- х—50-х гг. XIX в. (ДО КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ)

Крестьяне, являвшиеся в рассматриваемый период главным производительным классом, делились по-прежнему на государственных (казенных), помещичьих и церковных. Численный состав первых непрерывно возрастал и уже к 50-м—60-м гг. XIX в. составил почти половину крестьянского населения обеих губерний Грузии (без Абхазии, Сванети и Мегрелии). Из тех 116 875 дымов крестьян, которые по данным 1860—1861 гг. числились в названных губерниях, на долю казенных крестьян приходилось 69 908 дымов, или 56,4%, частновладельческих — 37 971 дым, или 32,4%, а церковных — 13 482 дыма, или 11,2 процента²⁶⁰.

Они жили и трудились в тяжелых условиях феодально-крепостнического и колониального гнета. Отсутствие элементарной законности и продажность администрации давали широкий простор для всякого рода злоупотреблений, размеры которых удивляли даже официальных представителей власти. Они вынуждены были отметить, что произвол и беспорядки в Грузии «превышают всякую меру»²⁶¹. Хотя последствия такого положения одинаково отрицательно влияли на все разряды крестьянского населения, но по условиям жизни и труда они все же отличались друг от друга.

²⁵⁹ Там же, с. 70.

²⁶⁰ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне Грузии в XIX веке, т. П. Тбилиси, 1962, с. 23.

²⁶¹ КПЦА, т. I, с. 232.

§1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

В рассматриваемое время все сельское трудовое население Грузии плохо было обеспечено главным средством производства — землей. Ее не хватало не только у помещичьих и церковных крестьян, но и даже у казенных, находившихся в сравнительно лучшем положении. Достаточно сказать, что во многих местах Грузии на один дым государственного крестьянина приходилось от двух до трех десятин пахотной земли, а в некоторых — и того меньше. В 50-х гг. прошлого столетия их среднеподымный надел равнялся: в Телавском и Озургетском уездах — 2,5 дес., а в Горийском — 2 дес.²⁶²

Печальную картину малоземелья рисуют нам жалобы самих крестьян, переписка официальных лиц и другие материалы. «Живущие в селении Кварели 59 дымов казенных крестьян, — писал в 1843 г. помощник начальника Телавского уезда, — не имеют пахотной земли, ни садов... Все они переносят крайность во всех отношениях... снискивая... Большинство из них не только не могут платить казне повинность, но даже едва могут иметь пропитание...»²⁶³

Казенные крестьяне поголовно испытывали острую земельную нужду, не располагали необходимым количеством земли и поэтому вынуждены были обрабатывать частновладельческие земли в Душетском, Горийском и других уездах. «Жители Горского округа, — читаем в одном документе 1852 г., — нигде не имеют не только избытка, но и удовлетворительной потребности земель, все они одинаково терпят большой недостаток... урожая хлеба у них редко хватает на половину года, у других — не далее на треть».

Сложнее обстояло дело в Западной Грузии. В Кутаисском уезде, например, по сведениям 1848 г., 3,3% государственных крестьян вовсе не имели пахотной и виноградной земли, а 87,7 % имело ее в среднем на дым от 0,2 до 6 десятин. И лишь 9% располагали ею в размере от 6 до 20 десятин²⁶⁴. Если принять во внимание, что для сколько-нибудь сносного существования хлебопашца необходим был участок земли не менее 6 десятин на дым, то получится, что более 90% государственных крестьян уезда являлось малоземельными и безземельными. Даже кутаисский генерал-губернатор Гагарин признавался в 1853 г., что «крестьяне, состоящие уже семь и десять лет в ведомстве казенном, не имеют вовсе земли или, имея не более одной и полторы кевы, дошли до крайней бедности»²⁶⁵. В Раче удельный вес малоземельных и безземельных крестьян составил в 1842 г. около 92%.

Вся эта масса непосредственных производителей, испытывавшая острую земельную нужду, поддерживала свое существование сторонними заработками и арендой дворянских земель, платя за это нелегкие повинности.

На общее положение государственных крестьян, как и крестьян других разрядов, оказывали влияние подати и повинности, отбываемые до реформы 1843—1845 гг. различными продуктами, деньгами и трудом. К первому виду относились сурсати, кодис-пури, гала, калани, бегара, сачукари, махта, а к последнему — работы по проведению и ремонту дорог, перевозка казенных грузов, наряд транспортных средств с людьми и т. д.

Сурсати отбывали в Восточной Грузии крестьяне всех трех категорий в размере 2 код (80—100 кг) пшеницы и одной коды (40—50 кг) ячменя; что же касается подати кодис-пури, то она ложилась всей своей тяжестью на плечи одних только государственных поселян, и то не на всех без исключения, а на обеспеченных землей «в достаточном количестве». С крестьян же церковных и помещичьих она, как правило, не

²⁶² Антелава И. Г. Государственные крестьяне в XIX веке, т. I. Тбилиси, 1969, с. 210, 213, 240—243.

²⁶³ ЦГИАГ, ф. 16, д. 8326, л. 1—2.

²⁶⁴ Антелава И. Г., Государственные крестьяне..., т. I, с. 231—232.

²⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 13, д. 53, л. 36.

взималась. Территориально она охватывала два уезда — Телавский и Сигнагский. Размер ее в разных селах был неодинаков.

К числу поборов, взимавшихся хлебом, принадлежала и гала. В отличие от сурсати и кодис-пури, она являлась неокладной податью и взималась в размере от 1/10 до 1/5 части урожая. Ее платили не все казенные крестьяне, а только те из них, которые сверх надельных участков брали дополнительно пустопорожные земли. Галу платили также и другие разряды крестьян, если они обрабатывали казенные земли.

Плательщиками кулухи источники называют государственных крестьян Горийского, Телавского и Сигнагского уездов, имевших виноградники, именно на казенной земле. Эти подати взимали с жителей «имеющих виноградные сады на отведенных им участках земли»²⁶⁶. Однако жизнь обходила этот общий принцип. Казна нередко облагала и таких крестьян, которые имели виноградники не на государственной, а на земле частных владельцев или церковного ведомства. Подать кулухи, как правило, носила натуральный характер (бралась в размере от 1/10 до 1/7 части урожая (винограда), но бывали нередкие случаи взыскания ее и в денежном виде.

К числу податей, взимаемых государством в виде хлеба, принадлежит и подать калани, встречавшаяся в одном лишь Душетском уезде. С 1844 г. она была заменена денежным эквивалентом. Ею облагались не крестьянские дымы, а площадь земли, называемая сакомло²⁶⁷.

В перечне доходов, поступавших в виде продуктов в государственную казну, встречается также подать под названием б е г а р а . Она, как видно, отбывалась в одном только Горийском уезде и нигде больше. Но и здесь ею облагались не все без исключения селения. Из 83 селений уезда бегару платили только в 9, населенных осетинами. У них ведущей отраслью хозяйства было скотоводство и поэтому бегара бралась казной в виде его продуктов — «по два барана и по одному барашку с сакомло».

С тех же осетинских крестьян брали и другую подать -- сачукари — «подарочный». Она взималась в три года раз «сверх вышеназванных двух баранов и одного барашка»²⁶⁸. Например, жители селения Чриви, в числе 25 дымов, располагая землей в 60 десятин, или 6 сакомло, сверх вышеупомянутых взносов, давали в год 18 баранов и через три года 12 быков. Государственные же крестьяне селения Ксарцви, имевшие 8 сакомло земли, доставляли в год «24 барана и через три года 16 быков»²⁶⁹.

К денежным податям документы относят с а б а л а х о — сбор «за пастбища на казенных землях». Подать сабалахо существовала в тех местах Грузии, жители которых занимались преимущественно животноводством. Такими были, прежде всего, тушины, пшавы и хевсуры: с них и взыскивали сабалахо. Только от тушин ежегодно поступало в казну 1040 руб. деньгами²⁷⁰.

Из всех денежных повинностей наибольшее значение имела так называемая денежная м а х т а — «сбор с купцов и государственных крестьян»²⁷¹. Ею облагались казенные крестьяне Восточной Грузии, занимавшиеся торговлей и промыслами. О значении махты можно судить по тому, что она в 1842 г., например, дала 85,3% всех денежных доходов Грузино-Имеретинской губернии.

Наконец, денежную подать м а л и платили тбилисские и горийские граждане и государственные крестьяне, но не все, а только представители мужского пола. Казна получала ее в размере: с женатых — по 1 руб. 20 коп., а с холостяков — по 60 коп.

²⁶⁶ ЦГИАГ, ф., 239, д. 814, л. 11—14.

²⁶⁷ А н т е л а в а И. Г. Указ. соч., т. I, с. 271—281; ЦГИАГ, ф. 4, д. 126, л. 10. В зависимости от местности размер сакомло колебался от 7,5 до 10 десятин.

²⁶⁸ ЦГИАГ, ф. 2, оп. I, д. 969, л. 49—58.

²⁶⁹ ЦГВИАМ, ф. ВУА, д. 18480.

²⁷⁰ ОРВЗК, II, с. 276; ВПСЗРИ, в. XXII, №21601.

²⁷¹ ЦГВИАМ, ф. ВУА, д. 18481, л. 38.

В период самостоятельного существования Имеретинского царства, главным источником доходов государственной казны, являлись подати с а у р и , с а у д и е р о и с а ц и х е . Первая из них собиралась с каждого крестьянского дыма в размере 46 коп. В таком же размере и также подымно взималась и подать с а ц и х е , предназначенная для военных целей. С а у д и е р о отбывали сельские труженики продуктами (зерно, вино, скот и т. д.).

После установления русского управления все эти подати остались. Поступления от них были незначительными. Они, например, в 1817 г. дали всего 16745 руб., во-первых, потому, что многие из светских и духовных феодалов еще до введения новых порядков управления были удостоены (за различные услуги царям) так называемых тарханских грамот, освобождающих (частично или полностью) их крестьян от уплаты государственных податей. Заметим, кстати, что это не было никаким облегчением для крестьян, обязанных отныне подати, вносимые прежде в казну, платить в пользу своих владельцев²⁷². Во-вторых, в некоторых случаях за особые услуги грамоты на тарханство выдавались также и крестьянам (царским и частновладельческим), равно как и купцам и ремесленникам, которые, в силу этого, избавлялись (частично или полностью) от бремени государственных сборов. В-третьих, известный процент частновладельческих и иных крестьян не нес тяжести казенных податей по причине своего нищенского состояния и явной неплатежеспособности. В-четвертых, дело не обходилось и без составления подложных грамот, что также сокращало число налогоплательщиков. Наконец, в-пятых, утайки дымов и отсутствие точного учета действовали в том же направлении.

Правда, не каждый крестьянин облагался одновременно всеми этими поборами, но их податное бремя было все же чрезвычайно тяжелым, требовавшим много материальных и физических жертв от сельских тружеников. Дело осложнялось такими факторами, как малоземелье, несоответствие объема повинностей экономическим возможностям крестьян, низкий уровень механизации, стихийные бедствия, произвол гражданских и военных чиновников и т. д. Все это способствовало образованию податных недоимок, с чем правительство так ничего и не смогло сделать.

Как неаккуратно поступали в казну подати, видно из следующего примера. За 1830—1842 гг. государственные, помещичьи и церковные крестьяне Телавского уезда в счет сурсати и кодис-пури должны были отдать государству 364408 код пшеницы и ячменя, отдали же 128307 код, или 59,4% положенного²⁷³.

Вышеизложенная податная система существовала в Грузии до реформы 1843—1845 гг., которая все казенные платежи продуктами заменила денежными. Проведение реформы диктовалось сдвигами, происходившими в социально-экономической жизни страны, развитием товарного производства, рыночных связей и денежного обращения. Осуществление означенного мероприятия было ускорено народными протестами, направленными против уродливых черт действовавшей податной системы. Злоупотребления, имевшие место при сурсати, кодис-пури, калани и др., заставляли трудовые массы отдать явное предпочтение денежной форме обложения.

Непосредственная подготовка к реформе началась в 1843 г. Из представленных нескольких проектов был одобрен лишь один, составленный председателем казенной палаты Николаем Безаком. Признавая негодной существовавшую систему обложения, он предлагал, во-первых, упразднить все известные под разными наименованиями казенные сборы и установить одну денежную подымную подать и, во-вторых, при исчислении размера и объема обложения исходить непременно из экономического положения налогоплательщиков, максимально учитывать их материальные возможности.

Высшая власть, утвердив в 1843 г. проект Безака, разрешила приступить к его практическому претворению в жизнь. Раньше других это было осуществлено в Ахалцихском уезде (1843 г.). Государственные крестьяне, проживавшие на его

²⁷² К а к а б а д з е С. Н.* Имеретинские документы о тарханстве. — ИВ, т. V, с. 167.

²⁷³ А н т е л а в а И. Г. Указ. соч., т. I, с. 306.

территории, были разбиты на две группы. Крестьяне первой группы, имевшие казенные земли, были обложены 6 руб., а второй — 4 руб. Сельские же труженики, не наделенные государственными землями, платили: зачисленные в первую группу — по 3 руб., а вторую — 2 руб. Что же касается крестьян-кочевников казенного ведомства, то они были приравнены ко второй группе людей, располагавшей государственными землями и платившей по 4 руб.

В следующем, 1844 г. реформа была проведена в остальной части Восточной Грузии. Исключение составили Тушети, Пшави и Хевсурети, в которых, «во уважение военных обстоятельств», введение новых порядков обложения было отложено до 1845 г. «Стараясь» приноровиться к экономическим возможностям населения, администрация разделила его (в частности государственных крестьян) на несколько групп. Число их в разных уездах было разное. В Тифлисском и Горийском уездах, например, плательщики были разделены на четыре группы, а в Телавском и в Сигнагском — на три. Для каждой группы администрация утвердила определенный размер подати. Он колебался: в Тифлисском уезде от 1,5 до 10 руб. (на дым), Горийском — от 2 до 7 руб., Телавском — от 3,5 до 5 руб. и Сигнагском — от 3 до 6 руб.

Крестьяне Восточной Грузии, кроме подымной подати, платили также и земский сбор. Им облагались все крестьянские группы одинаково, в размере 2 руб. на дым.

Коммутация государственных податей в Кутаисском, Шорапанском и Рачинском уездах была осуществлена в 1845 г., а Озургетском — в 1860 г. В первых трех уездах пользовавшиеся казенными землями государственные крестьяне, равно как и крестьяне церковного ведомства, были разбиты на три группы. Подати и повинности первых колебались (в зависимости от групп) от 3 до 5 руб., а вторых — от 1 до 2 руб. Что же касается крестьян, проживавших на землях частных владельцев и обрабатывавших их, то они на группы не делились и поэтому облагались одинаково — в размере 1 руб. на дым.

Государственные, частновладельческие и церковные крестьяне Кутаисского, Шорапанского и Рачинского уездов, подобно труженикам Восточной Грузии отдавали казне и земский сбор. Каждый дым, независимо от их экономического положения и разряда, платил его в размере 1 руб. 33 коп.

Слишком обременительными для сельских тружеников вообще и для казенных крестьян в частности были так называемые натуральные повинности: строительство дорог и мостов, поставка транспортных средств и людей и т. д. Они отнимали массу времени и были связаны с большими материальными и физическими жертвами. Реформа 1843 — 1845 гг., отменившая все продуктовые платежи и установившая их денежный эквивалент, оставила нетронутыми натуральные повинности и прежние порядки их отбывания. С какой тяжестью ложились они на плечи народа видно из того, что только в 1851 г. 43234 государственных крестьянина Грузии (без Аджарии, Абхазии и Сванети) по требованиям власти выставили: арб — 12 707, людей — пеших и конных — 90 833 и вьюков — 1490²⁷⁴. Все это в переводе на деньги составляет 142 000 руб.

Правительство, проводя реформу, будто бы преследовало целью не увеличение суммы казенных поступлений, а улучшение экономического положения податного сословия, облегчение податного бремени. В действительности же дело приняло совершенно иной оборот. В результате реформы платежи государственных крестьян Восточной Грузии (без земского сбора) возросли на 76,4%.

Большим недостатком новой податной системы было игнорирование в сущности экономической возможности плательщика при исчислении налогов. Реформа была проведена без должного изучения экономического положения жителей. При проведении реформы был нарушен один из важных принципов, согласно которому «мера податей должна быть основана на точном вычислении чистого дохода, полученного земледельцем от предоставленных ему выгод»²⁷⁵.

²⁷⁴ Антелава И. Г. Государственные крестьяне..., т. I, с. 428.

²⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. I, д. 268, л. 310-319.

Грузинские крестьяне положительно встретили реформу, но они не прекращали борьбы против ее уродливых черт, энергично выступая против высоких норм податей, против исчисления их без учета экономических возможностей плательщиков и т. д.

Несмотря на то, что реформа страдала многими существенными недостатками, она все же заслуживает положительной оценки. Введение денежной податной системы, обусловленной развитием товарного производства, городов и городской жизни, способствовало экономическому прогрессу страны. Широкие массы крестьян, которые отныне рассчитывались с казной монетой, вынуждены были чаще обращаться к рынку и производить больше товарной продукции. Широкое вовлечение сельских жителей в торгово-коммерческую деятельность представляло собой важное явление, способствовавшее разложению натурального хозяйства, процессу классовой дифференциации крестьян и вообще расшатыванию основ феодально--крепостнического строя.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Экономическое положение помещичьих крестьян было хуже, чем государственных. Оно обуславливалось, прежде всего, недостатком земли, малоземельем. В Кутаисской губернии (без Абхазии, Сванети и Мегрелии) накануне отмены крепостного права среднеподымный надел земли частновладельческих крестьян колебался от 1,5 до 2 десятин²⁷⁶.

Несколько лучше были обеспечены землей крестьяне Восточной Грузии, но и они находились не в завидном положении. И здесь абсолютное большинство трудового населения переживало острое малоземелье. Для того чтобы поддержать свое существование, крестьянам приходилось арендовать земли на тяжелых условиях, идти на заработки и искать другие пути, что было связано с большими материальными и физическими жертвами.

Незавидные условия жизни помещичьих крестьян обуславливались не только малоземельем, но и тяжестью повинностей, которая в связи с развитием товарно-денежных отношений имела постоянную тенденцию к возрастанию²⁷⁷. Главное зло заключалось не во множестве этих повинностей, а в их неопределенности: «во всех нужных случаях помещики употребляли их по своей воле»²⁷⁸.

Повинности были трех родов: издольные, продуктовые и денежные, соответствующие отработочной, продуктовой и денежной рентам. Ведущей являлась вторая форма ренты. Что же касается денежной, то ее значение стало особенно возрастать с 30-х гг. XIX в., в результате сдвигов, имевших место в социально-экономической жизни страны.

В чем состояла сущность издольной системы? «Повинности издольные (бегара), — читаем в одной докладной записке того времени, — заключаются в том, что крестьяне обязаны пахать для помещика землю, засеять, поливать и вносить удобрения, убирать хлеб, возить на гумно, обмолачивать, веять; обрабатывать и огораживать сады, косить сено, доставлять дрова и лес и работать при постройках, перевозке тяжестей и пр. Все эти работы отправляются без определенного числа рабочих дней, по мере хозяйственных нужд помещика и... средств самих крестьян»²⁷⁹.

Среди повинностей продуктами хозяйства главную статью составляли гала и кулухи. Гала взималась с посевов, произведенных крестьянами на помещичьих землях. Размер и характер ее взимания не везде были одинаковы, в некоторых местах размер галы

²⁷⁶ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. I, с. 511 — 512.

²⁷⁷ С о с е л и я О. Н.* Материалы к истории классовой борьбы в Западной Грузии периода феодализма. Тбилиси, 1960, с. 120—122.

²⁷⁸ ЦГИАГ, ф. 2, оп. I, д. 1202, л. 9; СХАО, т. I. Тбилиси, 1938, с. 255.

²⁷⁹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 1064, л. 332 об.

определялся по качеству обрабатываемой земли из расчета от одной коди до двух с каждого однодневного пахания (0,39—0,5 га). В иных же случаях эта повинность взималась в размере от 1/7 до 1/3 части урожая²⁸⁰.

Кулухи — винная подать. Ее отбывали крестьяне за виноградные сады на собственной или помещичьей земле. Размер колебался от 1/7 до 1/4 части полученного вина. К числу продуктовой ренты относилась также обязанность крепостных приносить помещикам в праздничные дни разные продукты и угощать их при посещении ими крестьянских дымов²⁸¹.

Денежные повинности составляли: а) гацера — раскладочный сбор, производимый обыкновенно в особых случаях в жизни помещика (свадьба, отправление в поход, похороны), а нередко и без этих случаев; точно установленных норм этих сборов не было, б) сакриво — подать при выходе замуж крестьянской вдовы в сумме 15 руб., в) сачекме — плата при выходе замуж крепостной девушки. Размер ее определялся материальным состоянием жениха. К этому же разряду повинностей относилась и гасамкело, которая бралась крепостником при разделе имущества подвластных в размере десятой части его стоимости. Крестьяне Восточной Грузии отбывали своим помещикам 38 разных видов повинностей, не считая многих других, т. н. неписанных повинностей²⁸².

Положение помещичьих крестьян Кутаисской губернии было еще хуже. Малоземелье, характерное для всей Имерети и Рачи, а также сравнительная многочисленность духовных и светских феодалов придавали крепостному праву здесь особо тяжелый характер. Если в Восточной Грузии накануне реформы 1864 г. одну помещичью семью содержали в среднем 9,3 крестьянских двора, то в Имерети — шесть.

В 1828—1843 гг. в Имерети плательщики были разбиты на четыре группы, отличавшиеся друг от друга, как по своему экономическому положению, так и по размерам отбываемых повинностей. Каждый крестьянин первой группы ежегодно отдавал помещику: 80 кувшинов вина, 10 код пшеницы, 8 кур, корову в случае свадьбы в доме владельца, 4 рубля деньгами. Сверх того, он обязан был угостить своего барина и его свата при посещении крестьянского дома и отработать в неделю три дня с парой быков в пользу помещика. Даже крестьяне третьей группы, отличавшиеся своей несостоятельностью, были обложены с нарушением всяких «норм» — 10 кок вина, 4 коди зерна, шестая часть коровы, еженедельная «работа с быками», деньги на рождество и пасху и т. д. Не были освобождены от обложения и крестьяне четвертой группы, стоявшие на самой низкой ступени экономического положения²⁸³. Сверх перечисленных повинностей крепостные всех четырех групп обязаны были помочь помещику деньгами при покупке им крепостных и имений.

Если все эти повинности перевести на деньги, то получим солидную сумму, совершенно не соответствующую экономической возможности крестьян. 26 крестьянских дымов сел. Бостано (Имерети), имевших всего около 40 десятин земли, т. е. менее 1,5 десятин в среднем на дым, ежегодно платили помещику (в переводе на деньги) 1005 руб. 90 коп., что в расчете на дым составит более 38 руб., или примерно стоимость 8 баранов. Еще тяжелее было бремя крестьян князей Цулукидзе (с. Терджола). Они в 50-х гг. XIX в. отбывали своим помещикам повинности всех трех видов, которые в переводе на деньги составляли в среднем 57 руб. 20 коп. на дым и 8 руб. 77 коп. — на душу²⁸⁴.

Если ко всему смазанному добавить, что помещичьи крестьяне Западной Грузии, так же как и Восточной, были обременены государственной подымной податью, земским

²⁸⁰ Барон Николай. Воспоминания. — Русский архив, 1892, кн. 2, ч. 5, с. 97.

²⁸¹ ЦГИАГ, ф. 220, д. 1064, л. 333—334.

²⁸² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1202, л. 10—13; СХАО, т. I, с. 255—257.

²⁸³ Соселия О. Н. Из истории Западной Грузии феодального периода Тбилиси, 1966, с. 142—143.

²⁸⁴ Махарадзе Н. Б. Восстание в Имерети 1819—1890 гг. — МИГК, вып. III, 1842, с. 39; ЦГИАГ, ф. 5, д. 56.

сбором и многочисленными натуральными налогами, возлагаемыми на них государством²⁸⁵, то картина будет полной во всех отношениях.

Фактором, ухудшившим экономическое положение помещичьих крестьян Грузии, был ничем не ограниченный произвол их владельцев. Помещики, исходя из законов царя Вахтанга VI, имуществом подвластных распоряжались почти так же, как своей собственностью. Они нередко отнимали у них все нажитое, оставляя их без средств к жизни. Владельцы раздаривали, закладывали и продавали своих крестьян с имуществом как обыкновенную вещь. В 1819 г. «Сакартвелос газети» («Газета Грузии») объявляла, что «житель Горийского уезда, села Даври, крепостной Бардзима Мачабелова Датуа Квангорадзе будет продан со своей женой, сыном, дочерьми, племянником Нонией и с виноградным садом за долг в 123 руб., какую сумму Мачабелов должен дворянке Елизавете Габашвили»²⁸⁶. Характерно, что правительство законом, изданным в 1841 г., запретило продажу крепостных. Однако грузинское дворянство запротестовало против этого и добилось его отмены²⁸⁷. Так что продажа крепостных продолжалась и в дальнейшем. Газета «Кавказ», например, в одном из номеров за 1846 г. писала: «За долг Давида Заалова, Бежана Каншиева и Палавандова проданы будут их крестьяне в деревне Дресты, Горийского уезда, одно семейство крестьянина, состоящее из двух мужчин и одной женщины. Еще одно семейство и три виноградника, в удовлетворении Сосиа Сулханишвили и Ованеза Горзашвили... все оценено в 1858 руб.»²⁸⁸.

В целях устрашения непокорных крестьян, помещики нередко организованно нападали на них, грабили их, захватывали у них землю, сады, отнимали скот, птицу, домашние вещи и т. д. В 1845 г. крестьяне Хидиставского участка Горийского уезда Георгий, Петр и Симон Дурглишвили жаловались Воронцову, что князья Тархановы ограбили их в отместку за то, что они стали отыскивать вольность и добиваться перехода в казенное ведомство. При этом помещики отняли у крестьян 1 корову с телкой, 6 быков, 2 свиной, 2 буйволов, 12 кур, 19 код пшеницы, 5 код ячменя, 12 руб. деньгами и одно ружье²⁸⁹. В результате такого самоуправства Тархановых целое семейство было полностью разорено.

§ 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ КРЕСТЬЯН

Церковные крестьяне также страдали от феодально-крепостнической эксплуатации, хотя уровень их материальной жизни был несколько выше, чем крепостных частных владельцев. Главной причиной их бедственного состояния было, как и в других случаях, крайнее малоземелье.

В сел. Метехи Горийского уезда в 40-х—50-х гг. XIX века проживало 78 дымов крестьян, из них 8 дымов казенных, 12 помещичьих и 58 церковных. Значительная их часть вообще не имела пахотной земли, остальные же хоть и имели земли, но они полностью были заняты садами, не возмещавшими издержки хозяйства. Среднеподымное владение там едва достигало 2,5 десятин. Крестьяне (в том числе и церковные) находились в чрезвычайно стесненном положении, и их значительная часть жила в крайней бедности и нужде²⁹⁰.

Церковное ведомство, заинтересованное (исходя из фискальных соображений) в улучшении экономического положения принадлежавших ему крестьян, ставило вопрос о переселении из селения Метехи людей других разрядов с передачей находившихся в их

²⁸⁵ Х а ч а п у р и д з е Г. В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1950, с. 144;

А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне в первой половине XIX века, с. 91, 429—430.

²⁸⁶ М а х а р а д з е Ф. И. Грузия в XIX столетии. Тбилиси, 1933, с. 15.

²⁸⁷ СХАО, т. I, с. XIX.

²⁸⁸ Кавказ, 1846, 20, 11.

²⁸⁹ ЦГИАГ, ф. 26, оп. 5, д. 848, л. 3.

²⁹⁰ Там же, ф. 4, оп. 2, д. 177, л. 3—4.

распоряжении земель церковным крепостным. Но это ходатайство, поддержанное кавказской администрацией, не было претворено в жизнь из-за решительного протеста казенных и помещичьих крестьян, не захотевших оставить обжитые в результате многолетнего труда места.

В некоторых селах церковные крестьяне были хуже обеспечены землей, чем в Метехи, а в некоторых — лучше. Сравнительно лучше жилось крестьянам, принадлежавшим гелатскому епископу. По данным 1825 г.²⁹¹, земельное обеспечение указанных крестьян было не такое плачевное, как, скажем, метехских. Достаточно сказать, что их среднеподымное владение равнялось приблизительно 5 десятинам. За этим средним показателем, однако, скрывается картина крайне неравномерного распределения земли среди них. Их экономическое положение ухудшалось из-за естественного численного роста, а также из-за наступления духовных феодалов, хотя церковные крестьяне по уровню жизни все же опережали помещичьих крестьян.

Ведущей формой ренты церковных крестьян была продуктовая. Что же касается денежной ренты, то ее роль неизменно возрастала. Администрация также способствовала этому процессу, но ей не удалось превратить натуральные церковные подати в денежные. Энергичнее взялась за это дело синодальная контора. В ноябре 1815 г. экзарх Феофилакт докладывал синоду, что «церковные доходы, по соглашению с крестьянами, взамен бывших доселе повинностей натурой, обращены в деньги, коих сбор уже начат и продолжается без сопротивления»²⁹².

Денежная рента и после этого не стали господствующей формой среди церковных крестьян, но проведенные в 1818 г. меры все же способствовали дальнейшему развитию товарно-денежных отношений и коммутации, в конечном счете, государственных податей.

Крепостные церковного ведомства отбывали повинности не только своим владельцам, но и государству. Они, подобно казенным и помещичьим крестьянам, до реформы 1843 — 1845 гг., отдавали государству 3 коди зерна (с каждого дыма), а после вносили в казну подымную подать и земский сбор деньгами. По имеющимся данным 5516 дымов церковных крестьян, проживавших в Тифлисском, Горийском и Телавском уездах, а также в Ксанском участке, платили ежегодно 25 851 руб.²⁹³, что в расчете на дым составляет 5 руб. 70 коп. К этой сумме надо добавить стоимость многочисленных натуральных повинностей (ремонт дорог и др.), и тогда картина податного бремени крепостных церковного ведомства будет более ясной.

С ноября 1852 г. церковные имения и крестьяне Тифлисской губернии перешли в казенное ведомство.

§ 4. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН РАЗЛИЧНЫХ РАЗРЯДОВ

Ни один разряд сельского трудового населения, за исключением разве небольшой прослойки, не имел обеспеченной жизни. Абсолютное большинство жителей, испытывавших острое малоземелье, вынуждено было «10 и 15 лет сряду»²⁹⁴ обрабатывать истощенные участки. «Земли, удобной для хлебопашества, весьма мало, и поэтому жители распахивают каждый год одни и те же пашни», — писал в 1843 г. начальник Тифлисского уезда²⁹⁵. Более или менее одинаковая картина наблюдалась и в других районах Грузии.

²⁹¹ См. документы, опубликованные С. Н. Какабадзе. — ИВ, IV. Тбилиси, 1929, с. 76—95.

²⁹² ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 99, д. 1065, л. I; цитировано по: П а н ц х а в а А. Я. К вопросу о развитии аграрных отношений в дореформенной Восточной Грузии. М., 1957, с. 230.

²⁹³ ЦГИАГ, ф. 16, д. 7481, л. 53.

²⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. ВУА, д. 18481, л. 89.

²⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 16, д. 6244, л. 88.

Это, наряду с другими неблагоприятными обстоятельствами, обусловило низкую урожайность сельскохозяйственных культур. Так, в 1857 г. урожай озимого хлеба составил: в Осети — сам-четыре, а в Тушети, Пшав-Хевсурети — сам-три²⁹⁶.

Экономическое положение крестьян в значительной мере определялось степенью обеспеченности их скотом. Оно имело огромное значение не только в животноводческих, но и в земледельческих районах. Скотоводство и хлебопашество, говоря словами документа, «суть неразлучные отрасли сельского хозяйства. Если одна страдает, то другая не может процветать». Между тем крестьяне Грузии испытывали в нем большой недостаток. В 1845 г. в Кутаисском, Горийском, Сигнахском и в некоторых других уездах ведение хлебопашества было затруднено не только отсутствием достаточного количества удобной земли, но и недостатком рабочего скота²⁹⁷.

Необеспеченность земель и домашними животными, в том числе рабочим скотом, примитивность сельскохозяйственной техники и агрономических приемов — вот те главные причины, которые, наряду с другими неблагоприятными обстоятельствами, обуславливали малопродуктивность и дефицитность крестьянского хозяйства, и нищету подавляющего большинства сельских тружеников.

Весьма скудной и однообразной была пища широких крестьянских масс. Даже официальные представители власти вынуждены были признать, что в ряде случаев продуктов, добываемых непосредственными производителями, хватало им только на полгода, а иногда и того меньше²⁹⁸. Совершенно невыносимыми были жилищные условия крестьян. «При чрезвычайном изобилии лесов и других материалов, — писал один из наблюдателей 30-х гг. XIX в., — жилища их [жителей Кахети] похожи более на погреба или на сараи... В домах нет полов, ни труб, ни окон, ни потолков»²⁹⁹. Меблировка была крайне жалкой, а в ряде случаев она вовсе отсутствовала. По уверению Гакстгаузена, у мегрельской, как и у гурийской бедноты, не было вообще никакой мебели, даже таких необходимых в домашнем быту предметов, как столы, стулья и т. д.³⁰⁰ Член комиссии сенатора Гана Вронченко, обозревавший в 1837 г. Озургетский уезд, также отметил ничтожность домашней утвари у гурийских крестьян³⁰¹.

Было бы, однако, ошибкой думать, что все крестьянские дома были убогими. Зажиточные крестьяне, имевшие сравнительно большие возможности, не довольствовались, разумеется, землянками и журлучными помещениями. Они строили себе просторные деревянные и каменные жилища, отличавшиеся от обычных как своей прочностью, так и удобством. Так, многие жители селений Кварели, Энисели, Патардзеули и др. имели, по словам наблюдателя 80-х гг. XIX в., «порядочные дома, с окнами и каминами, построенные из булыжника на извести»³⁰².

Исключительно плохо было поставлено медицинское обслуживание населения. Не было в достаточном количестве ни больниц, ни врачей, ни аптек. «Для подаяния медицинских пособий, — читаем в отчете наместника за 1857—1859 гг., — во всех уездах и округах и в некоторых более значительных городах положены по штатам медики. К сожалению, на Кавказе постоянно чувствуется недостаток врачей для замещения штатных должностей»³⁰³. По данным конца 50-х гг. XIX в., на Кавказе в целом существовало, оказывается, всего только 5 казенных аптек, из коих две запасных (в Ставрополе и Тифлисе) «для снабжения медикаментами войск и госпиталей» и три рецептурных — в Пятигорске, Тбилиси и Эривани. Количество же так называемых вольных аптек не превышало 10, из коих две функционировали в столице Грузии. Эти аптечные заведения,

²⁹⁶ См.: ДИГ. Серия II, т. I, ч. I. Тбилиси, 1954.

²⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 4, оп. 8, д. 450, л. 262; оп. 7, д. 768, л. 31.

²⁹⁸ Там же, ф. 25, оп. 6, д. 173; ОРВЗК, ч. I, с. 191.

²⁹⁹ СХАО, т. I, с. 3.

³⁰⁰ Там же, с. 3, 13.

³⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. д. 45, л. 201—202.

³⁰² ОРВЗК, ч. I, с. 372.

³⁰³ АКАК т. XII, ч. II, с. 1324.

признанные даже Барятинским значительными, не могли, разумеется, даже минимально обеспечить потребность населения.

Угнетала народные массы неграмотность, носившая сплошной характер. Это обуславливалось, помимо других причин, крайней ограниченностью школьной сети.

В 30-х гг. прошлого столетия в селениях Тифлисского уезда не было ни одного учебного заведения, где могли бы заниматься дети непривилегированных сословий³⁰⁴. Неграмотному крестьянину приходилось тратить немало денег на написание жалоб. В этом документе прямо сказано, что «сочинение жалоб, которые отыскивающий волю подает обыкновенно почти всем властям, обходится ему весьма дорого — ценою своего достатка»³⁰⁵.

Итак, все разряды мелких производителей жили и трудилась в тяжелых условиях. Однако между ними не было все же полного тождества — государственные, помещичьи и церковные крестьяне находились не в одинаковом экономическом положении. Лучше других жилось казенным крестьянам; за ними следовали церковные и частновладельческие крепостные. В отчете грузино-имеретинского губернатора за 1845 г. недвусмысленно сказано, что «наиболее достаточными считаются казенные, затем... церковные, а потом уже помещичьи крестьяне. В таком же духе писал и князь Гагарин. «В уездах... Кутаисском, Шорапанском, Рачинском и Озургетском, -- доносил он в 1851 г., — состоят крестьяне казенные, церковные и помещичьи... Последние, т. е. помещичьи крестьяне, беднее, казенные же гораздо состоятельнее и более имеют средств на обзаведение сельского хозяйства, несмотря на недостаток земель»³⁰⁶.

Чем же все-таки было лучше положение государственных крестьян? Прежде всего в земельном отношении. Правда, земли, находившиеся в их владении, были слишком малочисленными, но они все же несколько превосходили размер участков, имевшихся у крестьян других разрядов. Средний подымный надел гурийских крепостных, принадлежавших князьям и дворянам, не превышал в 40-х—50-х гг. прошлого столетия 1,3 десятины, среднеподымное владение же помещичьих крестьян дореволюционной Кутаисской губернии колебалось от полутора до двух десятин³⁰⁷.

Лучшее положение было у государственных крестьян и в отношении податей и повинностей. Стоимость одних только личных повинностей помещичьих крепостных в 6 с лишним раз превосходила даже самые высшие оклады податей и земского сбора, установленные в 1843—1845 гг. для казенных крестьян Грузии. Если ко всему этому прибавить сумму податей, отбываемых в пользу казны крепостными частными владельцами, а также натуральные повинности, выполняемые ими по требованию начальства, то чрезмерная обременительность по их сравнению с государственными поселениями станет еще более очевидной.

Казенные крестьяне находились и в несколько лучшем юридическом положении, хотя они, как и крестьяне других разрядов, были, в сущности, крепостными³⁰⁸, но крепостными с более широкими правами. Им были предоставлены сравнительно большие возможности для развертывания торгово-коммерческой и промышленной деятельности.

Словом, все разряды сельского трудового населения жили и работали в тяжелых условиях, но положение их все же было различным. Лучше всех жили государственные поселяне, затем церковные и хуже всех — помещичьи крестьяне.

§ 5. БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО И КОЛОНИАЛЬНОГО

³⁰⁴ Т а в з и ш в и л и Г. Я. История народного образования и педагогической мысли в Грузии. Тбилиси, 1948, III, с. 109.

³⁰⁵ ЦГИАГ, ф. 220, д. 1064, л. 22.

³⁰⁶ ЦГИАГ, ф. 4, оп. 7, д. 766, л. 34; оп. 8, д. 211, л. 34, 73.

³⁰⁷ Х а ч а п у р и д з е Г. В.* Гурийское восстание 1841 г. Тбилиси, с. 21; А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. I, с. 511, 512.

³⁰⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XII, с. 91.

Заметное развитие товарно-денежных отношений в 30-х— 50-х гг. XIX в. накладывало свой отпечаток на всю социально-экономическую жизнь страны. Оно оказывало свое влияние и на классовую борьбу, придавая ей более упорный и острый характер. Подтачивая основы феодально-крепостнических порядков, товарно-денежные отношения вместе с тем усиливали степень социальной эксплуатации, усугубляли земельный голод широких масс трудящихся, увеличивали податное бремя и в целом вызывали ухудшение экономического положения населения. «Новые нужды, — докладывал сенатор Ган в 1838 г. высшей власти, — распространяемые в сем крае по сближению его с Европой, к удовлетворению коих недостаточны прежние средства..., повели дворян к требованиям от крестьян повинностей, превосходящих прежнюю меру. На сем пути противозаконных взысканий помещики уже не знают границ и часто отнимают у крестьян собственность движимую и недвижимую и даже детей»³⁰⁹.

Крестьяне протестом отвечали на все это. Они выражали его в различных формах, среди которых важное место занимала борьба частновладельческих крепостных за переход в разряд государственных крестьян. Это, конечно, не освобождало их от феодально-крепостнической эксплуатации, но все же несколько облегчало положение и поэтому частновладельческие крестьяне всячески старались доказать незаконность помещичьего владения и перейти в казенное ведомство.

«Присутственные места, -- писал барон Розен министру юстиции в октябре 1833 г., — в настоящее время, можно сказать, наводнены делами ищущих вольности, которые количеством, запутанностью и продолжительным производством слишком много обременяют оные, и если не положить конец искам сего рода, то на будущее время они более умножатся»³¹⁰. Исполнительная экспедиция Верховного Грузинского правительства на своем заседании от 27 июня 1831 г. отметила факт получения массы жалоб помещиков «о неповиновении крестьян и о начатии исков целыми селениями». Князь Элизбар Эристави, привлеченный к следствию по делу заговора грузинских дворян в своем показании, между прочим, сказал: «Целые селения восстают против помещиков, и одна, деревня в Горийском уезде называет себя казенной»³¹¹. Грузинское дворянство в своей просьбе, поданной в 1842 г. военному министру, тоже писало об усилении стремлений среди помещичьих крестьян к отысканию свободы, о начале ими исков целыми уже селениями³¹².

По неполным данным, в 1843—1846 гг. крестьянами Восточной Грузии было возбуждено 771 дело об отыскивании вольности, т. е. в среднем 193 дела в год. Среди возбужденных дел значительное большинство касается крестьян, добивавшихся перехода от частных владельцев в казенное ведомство. За тот же период зарегистрировано 133 случая явного неповиновения крестьян помещикам.

Стремление к казенному ведомству и факты неповиновения помещикам, протесты против феодально-крепостнической эксплуатации имели значительный масштаб и в Западной Грузии. «Из доклада управляющего Имерети, — писал в 1835 г. барон Розен князю Григорию Церетели, — я узнал, что во всех без исключения имениях князей Церетели происходят беспорядки, вследствие неповиновения крестьян своим владельцам»³¹³.

В 1850 г. в Кутаисское губернское правление поступило 311 письменных жалоб, в 1852 г. — 359, в 1854 г. — 315, в 1856 г. — 800 и в 1857 г. — 980 жалоб. Число жалоб,

³⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. I (68), д. 70, л. 25.

³¹⁰ АКАК, VIII, ч. I, с. 6.

³¹¹ ЦГИАГ, ф. 214, д. 3269, л. 1—6.

³¹² ЦГИА, Ленинградский фонд, д. III, л. 696.

³¹³ Там же, ф. 220, д. 1064, л. 36, ср. л. 23-23 об., л. 53 об.

подаваемых крестьянами непосредственно в уездное управление, составило в одном только 1857 г. — 2232.

Наряду с этими формами классовой борьбы, сельское трудовое население Грузии, угнетаемое феодалами-крепостниками и царскими чиновниками, прибегало и к вооруженному выступлению. Одно из таких выступлений произошло в Осети в 1830 г. Кавказская администрация, не добившаяся утихомирения повстанцев мирным путем, послала туда воинские части во главе с генералом Рененкампом. Ему было приказано истребить всех непокорных. Более того, начальнику карательной экспедиции предписывалось предать огню дома всех тех, кто упорствовал и не соглашался сложить оружие³¹⁴. Рененкамп, прибывший в Цхинвали, потребовал незамедлительной капитуляции. В противном случае, писал он, вас уничтожат как непокорных подданных, как нарушителей покоя, идущих на смерть³¹⁵.

Однако эта угроза не возымела желаемого влияния. Повстанцы не только не явились к генералу с повинной, но, наоборот, покинув свои жилища, скрылись в горах и стали готовиться к решающим схваткам. В этих отрядах участвовали и женщины. Кровопролитное столкновение произошло у крепости Кола. Ни бомбардировка крепости, ни неоднократные штурмы ее не привели карателей к успеху. Тогда Рененкамп приказал поджечь крепость, чтобы этим путем заставить ее защитников капитулировать. Но и эта попытка оказалась безуспешной. Почти все повстанцы погибли, но не сдались живыми карателям³¹⁶.

В 1841 г. вспыхнуло новое крестьянское восстание. Оно произошло в Гурии, но охватило и несколько имеретинских деревень. Возмущение мирного населения было вызвано все усиливающейся эксплуатацией помещиками своих крепостных, тяжестью казенных податей и повинностей, а также не знавшей предела грубостью гражданских и военных чиновников³¹⁷. Непосредственными причинами, заставившими государственных, помещичьих и церковных крестьян взяться за оружие, было распространение слухов о намерении правительства приступить к рекрутскому набору и введение в Грузии с 1841 г. денежной системы обложения³¹⁸. Восстание, начавшееся 22 мая, скоро охватило всю Гурию. Крестьяне отказались платить казенные подати, мотивируя это чрезмерной обременительностью для них ряда введенных царизмом натуральных повинностей, как, например: вывод людей, снаряжение ароб, содержание в исправности кордонной линии и т. д.³¹⁹ Меры внушения не имели успеха. Повстанцы, насчитывавшие в своих рядах 7200 человек, захватили почти все сколько-нибудь важные стратегические пункты. 9 августа при дер. Гогорети они разбили отряд полковника Брусилова, а 10 августа овладели Николаевским постом, разоружив стоявших там казаков.

Участники восстания три раза пытались взять уездный город Озургети, но безуспешно. Положение становилось тревожным. Во всей Гурии, за исключением города Озургети, власть помещиков и чиновников была ликвидирована. В ней расположился «главный штаб» повстанцев, руководивший движением. Правительство мобилизовало значительные силы на разгром мятежников. К началу сентября 1841 г. в Гурию было послано регулярное войско из 2064 человек и дворянское ополчение, насчитывавшее в своих рядах 1750 человек.

В результате совместных действий правительственных войск восстание было подавлено. Крестьян обязали в трехдневный срок ликвидировать податные недоимки и

³¹⁴ С о с е л и я О. Н.* Материалы к истории классовой борьбы..., с. 122; ЦГИАГ, ф. 4, оп. 8, д. 211, л. 72; д. 274, л. 150; д. 386, л. 153; д. 450, л. 281; д. 472, л. 28.

³¹⁵ АКАК, т. VIII, с. 360; В а н е в З. Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. Цхинвали, 1956, с. 189.

³¹⁶ В а н е в З. Н. Крестьянский вопрос..., с. 196; Х а ч а п у р и д з е Г. В. К истории Грузии первой половины XIX века, с. 218.

³¹⁷ Х а ч а п у р и д з е Г. В.* Гурийское восстание в 1841 году, с. 47—48.

³¹⁸ Там же, с. 44—46.

³¹⁹ АКАК, т. IX, ч. I, с. 164.

внести повинности за текущий год. Руководители восстания были арестованы, а затем переданы военно-полевому суду. Приговор суда, утвержденный Головиным, был настолько суров, что даже Николай I счел нужным его смягчить³²⁰.

Какаясь главных эпизодов борьбы грузинского народа против социального и колониального гнета, необходимо остановиться на выступлении осетинских крестьян, проживавших в Грузии и подвластных князьям Мачабели. Они с первых же лет установления русского управления в Грузии безуспешно добивались освобождения от помещичьей власти, используя для этого как мирные средства борьбы, так и насильственные. Отношения между сторонами особенно обострились в 40-х—50-х гг. прошлого столетия. «По приезде моем в Закавказский край в 1845 г., — писал Воронцов Чернышеву, — жалобы их [крестьян] возобновились; в ожесточении своем против князей Мачабели они отказывались от платежа всяких повинностей и целыми толпами начали являться ко мне, прося о защите их прав и оказании им правосудия, которого они тщательно домогаются в течение нескольких лет». Крестьяне, в числе около 2000 дворов, упорно добивались избавления от помещичьей зависимости и зачисления их в казенное ведомство. Однако гурийский уездный суд, разбиравший это дело 31 мая 1845 г., отказав в иске просителям, признал их крестьянами кн. Мачабели. Недовольные таким решением, крестьяне продолжали борьбу в виде подачи жалоб, что заставило Воронцова выделить специальную комиссию для изучения конфликта.

Комиссия (за исключением двух членов) нашла определение суда неправильным, «ибо князья Мачабели положительно никаким актом не доказали своих прав на владение осетинами»³²¹. Впоследствии дело перешло в Тифлисскую палату гражданского и уголовного суда, а затем, в 1850 г. в правительствующий сенат.

Но пока вопрос рассматривался в сенате, князья Мачабели «дурным обращением своим восстановили против себя крестьян своих, занимавших Джавское и Нарское ущелья и отказались платить им подать». Словом, крестьяне, потеряв надежду на мирное решение вопроса, взялись за оружие. В ответ на требование местного начальства «утихомириться» и собрать с каждого дыма по 1 руб. 50 коп. (серебром) в пользу Мачабели, крестьяне ответили: «Мы готовы собственно правительству платить всякую подать, какую на нас возложат, но не Мачабеловым, которым мы не принадлежали, и принадлежать не намерены». На угрозу, что их силой оружия заставят покориться помещикам, они заявили: «Мы никогда не были в числе непокорных правительству, жили мирно, служили верно и готовы служить постоянно государю императору... платить подать, какую возложит царь, но если думаете силою заставить нас быть подданными князей Мачабеловых, то мы скорее погибнем все до последнего, но рабами Мачабеловых не станем».

Правительство двинуло значительные военные силы на подавление восстания под начальством князя Андроникова. Он неоднократно предлагал повстанцам покориться, но они каждый раз отвечали решительным отказом — крестьяне соглашались сложить оружие лишь при условии, что они «останутся принадлежать казне»³²².

Восстание было подавлено, но оно все же не прошло без последствий. Правительство, встревоженное происшедшим, не могло не посчитаться с желанием крестьян. Оно качало переговоры с князьями Мачабели. В 1851 г. ими занялся сам Воронцов, который убеждал их в необходимости «сделки с казной» для предупреждения беспрестанных... военных действий, для поддержания в их пользу права, действительного по закону, но столь... широкого в исполнении». Помещики Мачабели, не видя другого выхода, согласились уступить крепостных «казне за справедливое возмездие прав их на осетин»³²³. Но тем временем было получено решение правительствующего сената о лишении Мачабели спорных крестьян и зачислении их (около 2 тысяч дворов) в казенное

³²⁰ Х а ч а п у р и д з е Г. В. Гурийское восстание..., с. 79.

³²¹ СХАО, т. I, с. 307—308.

³²² ЦГИАМ, ф. III, отд. Экспедиция I, д. 153, л. 7—18.

³²³ СХАО, т. I, с. 316.

ведомство. Это постановление привело владельцев в ужас. Они умоляли наместника ходатайствовать за них перед высшими властями о пересмотре настоящего определения.

И вот 17 мая 1852 г. Воронцов, идя навстречу князьям, действительно представил царю всеподданнейшее отношение о пересмотре дела и неоставлении пострадавших без соответствующего вознаграждения. Ходатайство было удовлетворено — князьям Мачабели утвердили ежегодную потомственную пенсию в размере 6000 руб. с оставлением в их распоряжении всей земельной площади, занятой крестьянами³²⁴. Со своей стороны, крестьяне упорной борьбой с оружием в руках добились избавления от помещичьей власти и перехода в казенное ведомство.

Г Л А В А V

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И УПРАЗДНЕНИЕ КНЯЖЕСТВ

§1. КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В начале 50-х гг. XIX в. Николай I приступил к окончательному решению т. н. «восточного вопроса». К тому времени царизм, подавивший революционные выступления в странах Европы, пользовался некоторым влиянием среди реакционных европейских правительств; на этом основании Николай I решил, что настал наиболее благоприятный момент для осуществления притязаний России на Востоке.

Под предлогом заботы о «святых местах» Николай I направил в Турцию посольство во главе с кн. Меншиковым, которому поручалось склонить Турцию к признанию протектората России над христианским населением Турции, а в случае отказа — вызвать открытый конфликт. Турецкий султан, рассчитывая на помощь со стороны Англии и Франции, отклонил русские предложения и вовлек тем самым в ноябре 1853 г. свою страну в войну против России³²⁵.

К. Маркс и Ф. Энгельс внимательно следили за ходом военных действий во время Крымской кампании. Для них эта война вовсе не была неожиданностью. Задолго до начала войны они предугадали ее неизбежность, указав, что, как только в Европе утихнут революционные движения, Николай I тотчас же сделает попытку разделить наследство одряхлевшей и обессиленной Турецкой империи.

В результате русско-турецкого конфликта Кавказ, и в частности Грузия, оказались перед непосредственной угрозой турецкого вторжения. Эта опасность была тем более реальной, что во время русско-турецкой войны Кавказский театр военных действий считался второстепенным. Царское правительство не намеревалось посылать туда не только крупные войсковые соединения, но даже и вспомогательные силы. Численность Отдельного Кавказского корпуса была далеко недостаточна, чтобы противостоять превосходившим силам турок. Лишь после настоятельных требований кавказского наместника, графа Воронцова, Николай I разрешил перебросить на Кавказ одну единственную (тринадцатую) дивизию; однако и после прибытия этого подкрепления положение на Кавказе оставалось незавидным. Ни один сектор пограничной линии, растянувшейся на 530 верст, не был гарантирован от вторжения противника, и лишь кое-где имелись незначительные укрепления. В силу отсутствия удобных путей сообщения и из-за сложных естественных и топографических условий об едином фронте военных действий не могло быть и речи. Отряды Отдельного Кавказского корпуса представляли собой самостоятельные единицы, действовавшие в отрыве друг от друга. В подобных условиях сугубо важное значение приобретали действия народного ополчения, т. н. милиции. И действительно, грузинский народ, который принимал самое активное участие

³²⁴ АКАК, т. X, ч. II, с. 879.

³²⁵ Подробно о Крымской войне см.: Т а р л е Е. В. Крымская война, тт. I-II. М., 1950.

в русско-турецких войнах 1806—1812 гг. и 1828 — 1829 гг., борясь за возвращение захваченных Османской империей грузинских земель, и сейчас, напрягая все свои силы, смело включился в решающую борьбу против своего извечного врага.

Положение особенно осложнялось тем, что Грузии к тому же непрерывно угрожала опасность вторжения горцев Северного Кавказа во главе с Шамилем. Местные власти, поэтому были вынуждены держать в резерве значительные части на случай неожиданного вторжения врага с севера.

Все внимание Турции было направлено к Тбилиси, к «этому центру русского господства в Азии»³²⁶, который был расположен на перекрестке важнейших стратегических дорог. Овладение городом Тбилиси означало утверждение турецкого господства в Закавказье. Таким образом, для турок главной целью военных действий на Кавказском театре войны было взятие Тбилиси. Россия, для которой оборона Тбилиси являлась первейшей стратегической необходимостью для удержания в своих руках всего Кавказа, объявила защиту его своей наиболее важной, первоочередной задачей. В свою очередь в обороне Тбилиси исключительная роль принадлежала Александропольской крепости (Ленинакан), которая запирала дорогу, ведущую из Карса в Тбилиси. Такое же значение имел и город Ахалцихе, расположенный на пути следования из Карса в Ардаган через Боржомское ущелье. Учитывая это обстоятельство, местное главное командование сосредоточило основные части регулярных войск и милиции именно в Александрополе, Ахалцихе и Ахалкалаки. В этих наиболее важных стратегических пунктах были сосредоточены до 24 батальонов регулярных войск, 24 казачьи сотни, 60 пушек, 8 милицейских дружин и т. д.; из них на Александропольском направлении было расположено 11 батальонов, 10 эскадронов, 9 казачьих сотен, несколько дружин и сотен местной милиции. Впрочем, враг, шедший из Баязета на Тбилиси, мог ворваться в административный центр всего Кавказа и через Араратскую долину и Ереван. Поэтому для укрепления последнего в Ереване было сосредоточено 4 батальона с 8 пушками, 6 казачьих сотен и 14 сотен местной милиции³²⁷.

На крайнем правом фланге Кавказского театра войны для защиты западногрузинских областей — Гурии, Мегрелии и Имерети, или, как тогда их называли в военных реляциях — Приионского края, стоял т. н. Гурийский отряд в составе восьми батальонов пехоты, двух казачьих сотен и 12 пушек. Этим значительным силам противостоял мощный турецкий корпус, угрожавший всей Западной Грузии. Вообще говоря, сосредоточенные на кавказской границе турецкие войска имели явное превосходство над русскими военными силами вооружением. Турецкая артиллерия полностью была английского образца и происхождения, а турецкие солдаты были вооружены нарезным оружием, дальность и точность стрельбы из которого была намного выше кремневых ружей русских солдат.

Военные операции на Кавказе начались еще до объявления русско-турецкой войны. Турция, воспользовавшись тем, что русские силы не были еще сосредоточены на границе, в ночь с 15 на 16 октября неожиданно напала на пограничную заставу в Грузии — Шекветили, где находился немногочисленный русский отряд и народное ополчение гурийцев во главе с кн. Георгием Гуриели. Небольшой гарнизон и народная милиция оказали яростное сопротивление 3-тысячному отряду. Неравный бой за Шекветильскую заставу продолжался ночь, и защитники ее не прекращали огня, пока не исчерпали всего своего запаса патронов. Турки жестоко расправились не только с отважными защитниками заставы и ее гарнизоном, но и с мирным населением, в том числе с женщинами и детьми. В этом бою погиб и начальник гурийской милиции Георгий Гуриели.

Одновременно с нападением турок на Гурию произошло и вторжение мюридов Шамиля в Восточную Грузию. Шамиль намеревался в Саингило захватить Закатальскую и

³²⁶ М а р к с К. Падение Карса. — М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. II, с. 639.

³²⁷ Б у р ч у л а д з е Е.* Крымская война и Грузия. Тбилиси, 1960, с. 211—212.

Белаканскую крепости. Однако объединенному отряду грузинских и русских бойцов, во главе с генералом Григолом Орбелиани, удалось изгнать врага из Алазанской долины. Диверсия Шамиля не оказала никакого влияния на общий ход военных действий³²⁸.

2 ноября 1853 г. близ г. Александрополя, в деревне Байандуры русские войска имели очередную стычку с турками. На немногочисленный отряд русских в составе всего лишь 7 батальонов, вышедших из Александрополя на разведку, неожиданно напал весь Анатолийский корпус турок. Русский отряд во главе с кн. Ильей Орбелиани героически оборонялся в течение целого дня, пока к нему под вечер не подоспели вспомогательные войска под командованием генерала Бебутова, заставившего турок отступить за реку Арпачай.

4 ноября 1853 г. была официально объявлена русско-турецкая война.

В начале ноября 1853 г. значительные силы турок двинулись на Ахалцихе. Взятие его открывало для турок путь на Тбилиси через Боржомское ущелье и Сурамские теснины.

Враг со всех сторон окружил Ахалцихскую крепость. Турецкие силы во многом превосходили сосредоточенные в Ахалцихской крепости русские войска. К тому же из Карса, Ардагана и Аджарии к противнику прибывали все новые и новые пополнения. Все это резко ухудшало и без того тяжелое положение защитников грузинской крепости.

12 ноября 1853 г. на помощь осажденным прибыл воинский отряд под командованием генерала И. М. Андроникашвили (Андроников), который возглавил военные действия против турок.

Первая же разведка убедила его в том, что враг занимает весьма сильные позиции, всячески укрепленные батареями и траншеями. Находившийся под началом Андроникашвили ахалцихский отряд состоял из 8000 человек. В их числе были две дружины и сотня грузинской милиции и добровольцев. Число же турецких войск, расположенных у Ахалцихе, достигало 20 000. Сразу же по прибытии в Ахалцихе утром 14 ноября Андроникашвили после артиллерийской подготовки осуществил атаку на позицию турок. Она оказалась столь неожиданной и решительной, что противник дрогнул. К вечеру 14 ноября полностью деморализованная турецкая армия, потерпевшая поражение, бежала в сторону Ардагана. Победителям достались богатые трофеи. Было убито более 1500 турецких солдат, ранено — 2000³²⁹. В победе, одержанной у г. Ахалцихе, особо отличился горийский отряд местного ополчения.

Тбилиси торжественно чествовал героев Ахалцихского сражения и их легендарного командира генерала И. М. Андроникашвили. У входа в город их встречали конный отряд грузинского дворянства, свита наместника и все население Тбилиси. Сабурталинское поле целиком было занято колясками и полно ликующего народа. Журначи и исполнители на сазандари с пением сопровождали героя Ахалцихской битвы до самого центра города.

Грузинский народ праздновал первую в этой войне победу над турками. Участники сражения были награждены боевыми орденами и медалями, в том числе до 150 бойцов и командиров грузинской милиции.

Главкомандующий кавказскими войсками генерал Бебутов двинул свои войска на Карс. 19 ноября 1853 г. неподалеку от Карса, у деревни Башкадикляр произошло сражение между русскими войсками под командованием генерала Бебутова и основными силами турок — Анатолийским корпусом. Несмотря на численное превосходство врага, генерал Бебутов одержал победу. В Башкадиклярском бою особенно отличился кн. Я. Чавчавадзе, воинская доблесть которого, наряду с другими командирами регулярного войска, была отмечена Георгиевским орденом.

³²⁸ Д у м б а д з е М. К.* Из истории Восточной Кахети (Саингило). Тбилиси, 1953, с. 222—223.

³²⁹ Б у р ч у л а д з е Е.* Крымская война и Грузия, с. 229.

Победой у Башкадикляра завершилась кампания 1853 г. Накануне этого сражения, 18 ноября 1853 г. адмирал Нахимов уничтожил почти весь турецкий флот, находившийся в Синопской бухте.

Одновременно с событиями, сокрушившими врага на центральных направлениях Кавказского театра военных действий, положение на границе, проходившей вдоль грузинских провинций — Гурии, Мегрелии и Имерети — все еще оставалось угрожающим. На границе с Гурией, например, турки усиливали скопление своих войск, численность которых к тому времени уже превышала 30000 человек. Из Гурии и Мегрелии турки намеревались прорваться в Абхазию, чтобы, соединиться здесь с войсками Магомет-Эмина и Шамиля.

Ввиду недостаточности регулярных войск, находившихся в распоряжении командующего Кавказским корпусом, вся тяжесть по обеспечению безопасности Пририонского края легла на местную милицию, грудью вставшую на защиту своей родины.

Разгром турецкого флота у Синопа серьезно беспокоил правительства Англии и Франции, усмотревших в этом факте возможность установления господства русских на Черном море. Поэтому в январе 1854 г. союзнический флот, под предлогом защиты турецких кораблей, вошел в Черное море. Появление объединенного англо-французского флота в проливах Черного моря, в условиях надвигающейся войны между Россией и союзными державами, в корне меняло положение Кавказа, в частности Грузии, которая вследствие маневров союзнического флота оказалась в сфере непосредственных военных действий. Кавказский наместник граф Воронцов ясно представлял себе всю опасность, которая нависла над Грузией из-за военного преимущества союзнического флота в Черном море.

Нападение на форты и укрепления восточного побережья Черного моря ожидалось с двух сторон: со стороны моря и с суши, где гарнизонам прибрежных крепостей постоянно угрожали черкесы. В случае потери русским флотом господствующего положения на Черном море, из-за непригодности сухопутных дорог, обеспечение гарнизонов береговых укреплений провиантом и боеприпасами становилось невозможным. Гарнизоны обрекались на верную гибель, а Западная Грузия оставалась совершенно незащищенной.

В марте 1854 г. между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой — были прерваны дипломатические отношения. Англия и Франция объявили России войну. Россия попала в тяжелое положение, дальнейший ход войны не предвещал ей ничего хорошего. После того как союзники заняли враждебные позиции, Россия была вынуждена покинуть береговые укрепления восточного побережья Черного моря. Сюда были посланы эскадры под руководством вице-адмирала Серебрякова для вывода гарнизона. Эскадра успешно справилась с этой операцией и спасла от гибели гарнизоны Геленджика, Новороссийска и Анапы.

При содействии владетеля Абхазии Михаила Шервашидзе был осуществлен вывод остальных войск из Абхазии в Мегрелию.

Вывод войск из фортов восточного побережья Черного моря ставил Западную Грузию в совершенно безнадежное положение, дорога в Мегрелию и Имерети оказалась открытой для нашествия врага. Правда, Гурийский отряд получил пополнение в лице 5 батальонов, выведенных из Абхазии, но это пополнение было ничтожным по сравнению с опасностью, нависшей над Западной Грузией с выводом войск. Во время кампании 1854 г. на Кавказе решающее значение приобретала защита Пририонского края. Необходимо было усиление Гурийского отряда, переброска вспомогательных войск с центральных позиций Кавказа в Западную Грузию. Однако в связи с тем, что к этому времени к Карсу подошел 60-тысячный Анатолийский корпус, выполнение этого мероприятия стало невозможным.

На критическом этапе войны командующим ахалцихско-гурийскими отрядами был назначен генерал Иван Андроникашвили, который энергично приступил к приведению Гурийского отряда в военную готовность. К концу марта 1854 г. в Гурийском отряде насчитывалось 10 батальонов пехоты, 2 сотни конного регулярного войска и до сорока сотен народной милиции. Они были расположены в окрестностях Озургети и по горным кряжам Чохатаури³³⁰. Нападение врага ожидалось со стороны Батуми и Сухум-Кале. Не была исключена возможность наступления турок из Ардагана и Аджарии на Ахалцихе. Генерал Андроникашвили считал необходимым наладить тесную связь между Гурийским и Ахалцихским отрядами, чтобы они могли в случае нужды срочно прийти друг другу на помощь. С этой целью он приказал привести в порядок абастуманскую дорогу, которая соединяла Имерети с Ахалцихе. Охрана абастуманской дороги была возложена на жителей Кутаиси.

В течение зимы турки вместо разгромленного под Ахалцихе отряда сумели создать новый 34-тысячный корпус во главе с Селим-пашой, которому было поручено вторгнуться в Гурию со стороны Батуми. В то же время 60-тысячный Анатолийский корпус, стоявший в Карсе, угрожал Александрополю. Из Баязета турки двинули в сторону Еревана сильный отряд. Окончательной целью всех этих операций было взятие Тифлиса. Таким образом, отдельный Кавказский корпус был вынужден вести бой в трех направлениях.

Из Батуми турки перешли в Кобулет. Союзнический флот высадил десант в Редут-Кале, Анаклию, Сухуми и другие покинутые русскими войсками укрепления. При таких обстоятельствах генерал Андроникашвили принял решение временно отступить к Риони. Он совершенно справедливо рассудил, что в случае, если русские войска останутся в Озургети, то Селим-паша направится обходными путями в Кутаиси, а если его отряд займет позиции на Риони, то враг будет вынужден остановиться в Озургети. Андроникашвили дислоцировал войска на обоих берегах Риони, у возвышенности Акети. После вывода регулярного войска из Озургети почти половина Гурии оставалась под охраной лишь местной милиции. Мирное население всячески вооружалось, готовясь дать отпор врагу. Гурийское дворянство и крестьяне приносили торжественную клятву бороться до последней капли крови. Гурийская милиция во главе с кн. Малакия Гуриели расположилась в пограничном селе Макванети. Кн. Малакия Гуриели, брат погибшего у форта Шекветили Георгия Гуриели, пользовался в народе большой популярностью и был столь привлекателен, что кавказский наместник Муравьев прозвал его «божественным гурийцем».

Селим-паша, подошедший со своим войском к границам Гурии, долго не решался перейти реку Чолоки. Наконец, до него дошли слухи, намеренно распространенные генералом Иваном Андроникашвили, что якобы русские, напуганные участием в войне Англии и Франции, намерены вывести войска из Гурии, Мегрелии и Имерети и соединиться в окрестностях Тбилиси. Поверив слухам, Селим-паша вторгся в Гурию и занял Озургети. Вслед за турками явились навьюченные товарами подводы английских купцов, старавшихся переманить население на свою сторону. Но гурийцы под предводительством кн. Малакия Гуриели, отряд которого рос с каждым днем, развернули против турок партизанскую войну, причинив врагу значительный ущерб. Охрана границы осуществлялась силами гурийских, мегрельских и имеретинских отрядов милиции. Последняя регулярно доставляла главному командованию сведения о расположении турецких войска. Гурийская милиция оповестила командование о переправе 12-тысячного турецкого отряда через реку Супса в направлении села Нигоити. Отряд, состоял в основном из башибузуков, которым предводительствовал ренегат кн. Гасан-бей Тавдгиридзе.

³³⁰ Б у р ч у л а д з е Е.* Крымская война и Грузия, с. 276.

У села Нигоити дорогу на Кутаиси охранял кн. Николоз Эристави, располагавший двумя батальонами и четырьмя пушками. На помощь кн. Эристави генерал Андроникашвили послал около 12 сотен конной и пешей милиции. 27 мая, на рассвете, у села Нигоити, в ланчхутском лесу Николоз Эристави неожиданно напал на турков. Эристави, зная, что вооруженное кремневыми ружьями русское войско не в силах было противостоять дальнобойным винтовкам врага, предпочел рукопашный бой. Не устояв перед натиском русских солдат и грузинских ополченцев, враг стал отступать. Князь Эристави, преследуя противника по пятам, перекрыл ему путь к отступлению. Однако, увлекшись преследованием турок, кн. Эристави позволил Гасан-бею обойти его отряд с тыла и напасть на лагерь, где оставалась малая часть русских воинов. В этой сложной ситуации, вовремя спохватившись, кн. Эристави осуществил стремительный маневр, в результате которого полностью разгромил отряд Гасан-бея. Пытавшийся спастись бегством Гасан-бей был убит.

После поражения турок у Нигоити генерал Андроникашвили, решив, что настало время сразиться с главным корпусом турок, находившимся в Озургети, направился туда. К этому времени Селим-паша оставил Озургети, переправился через реку Чолоки и расположился лагерем на гурийской границе. В распоряжении Андроникашвили было 11 батальонов пехотного регулярного войска, 4 сотни донских казаков, 6 сотен гурийской пехоты, 6 сотен пехоты и 5 сотен имеретинской конной милиции. Одной из сотен командовал современник царя Имерети Соломона II — 75-летний кн. Кайхосро Микеладзе. Кайхосро славился во всей Имерети своим мужеством и прекрасной внешностью. Он составил сотню исключительно из князей Микеладзе. Один из его современников рассказывает, как, «садясь на коня, Кайхосро объявил торжественно всем, что не слезет с него, пока не прогремит последний выстрел войны, и неприятель не понесет должного наказания»³³¹.

Сверх того, в распоряжении Андроникашвили находилась грузинская конная дружина, которая сформировалась весной 1854 г. и прошла специальную военную подготовку. Дружина состояла из отборных воинов. Возглавлял ее известный своей отвагой кн. Георгий Джандиери. Первая сотня дружины состояла из осетин Горийского уезда, которые, в отличие от других, имели красные флаги и папахи с красным доньшком. Их предводителем был князь Мачабели. Вторая сотня состояла из жителей Сигнахского уезда, имевших белые флаги и белые папахи. Ими командовал князь Захарий Андроникашвили. Третью сотню представляли жители Телавского уезда, командовал которыми кн. Нико Чавчавадзе. У них были золотистожелтые флаги. Четвертая сотня с голубыми флагами была представлена жителями Тбилисского и Горийского уездов под командованием князя Давида Вахвашишвили. В пятой сотне были тушины и пшавы. Их отличали черные флаги и черные тушинские шапки. Командовал ими известный своей отвагой Элисаберидзе, тело, которого, по сведению современников, было сплошь покрыто рубцами от ран. Шестая сотня выступала с зелеными флагами, в нее входили лишь представители старинных княжеских и дворянских родов Восточной Грузии. Командиром был князь Георгий Эристави. Во главе дружины ехал на белом коне уроженец Бодбисхеви Натрошвили, человек атлетического телосложения. Он нес черное знамя. Грузинская конная дружина уже своим внешним видом производила неотразимое впечатление.

По прибытии в Озургети командующий отрядом Андроникашвили собрал своих генералов на совещание по поводу предстоящего боя. Большинство высказалось за то, чтобы отменить наступление на несколько дней с целью более детально изучить вражеские силы. Несмотря на это, Андроникашвили решил выступить немедленно, чтобы воспользоваться деморализацией турок, вызванной их поражением у села Нигоити. 4 июня 1854 г. на рассвете Гурийский отряд, покинув Озургети, направился к реке Чолоки, где расположился 35-тысячный Батумский корпус под предводительством Селим-паши.

³³¹ Из записок кн. И. Амилахвари. — Кавказский сборник, т. XXVI.

В авангарде шла гурийская милиция во главе с Мачавариани и Тавдгиридзе, которая победила в стычке с передовым отрядом турок, отрезав им путь к отступлению.

Переправившись через реку Чолоки, Гурийский отряд оказался лицом к лицу с врагом. Бой начался артиллерийской перестрелкой. Согласно распоряжению Андроникашвили, в бой должны были вступить 2 колонны под командованием генералов Мейделя и Брунера. Колонна Мейделя немедленно вступила в бой, а колонна Брунера вместе с пешей милицией должна была обойти врага с правого фланга и ударить по нему одновременно с Мейделем. В рукопашном бою генерал Мейдель значительно потеснил турок, и если бы и колонна Брунера одновременно нанесла удар по врагу, то участь боя была бы решена. Но Брунер по непонятным причинам запаздывал. Колонна Мейделя оказалась отрезанной от своих, и исход боя висел на волоске. Осмелевшие турки перешли в наступление. Генерал Андроникашвили навязал им встречный бой, введя в дело кавалерию. Непосредственный участник этого боя, инструктор грузинской дружины Иван Амилахвари рассказывает, что кавалерия, конная милиция Имерети, Грузинская дружина с неудержимой отвагой ринулись на врага. Одновременно донские казаки во главе с полковником Харитоновым и конная имеретинская милиция во главе с кн. Кайхосро Микеладзе, перейдя в решительное наступление, потеснили передовые позиции врага, а Грузинская дружина, обойдя врага с правого фланга, ударила с тыла. Увлечшись наступлением, командиры передовой сотни Грузинской дружины Давид Вахвашишвили и Захарий Андроникашвили врубались с ходу во вражеские ряды, и пали пронзенные турецкими штыками (в этой войне погибли, кроме Давида Вахвашишвили, четверо братьев Вахвашишвили, Давид был пятым). В битве у Чолоки Грузинская дружина потеряла 120 человек, но и врагу причинила большой урон. Так же упорно боролся с врагом казачий полк, командир которого Харитонов пал смертью героя на поле боя. В этой же битве погиб сраженный картечью и доблестный командир имеретинской милиции кн. Кайхосро Микеладзе.

Разгромленные турецкие части укрылись за рекой Легви. Селим-паша с остатками своей свиты бежал в Кобулет. Несмотря на численное превосходство турок (в распоряжении Селим-паши было 25000 воинов), была одержана блестящая победа (у Андроникашвили было всего 10 000 человек). В сражении у Чолоки был почти полностью разгромлен Батумский корпус.

Победа у Чолоки окончательно нарушила план, составленный иностранными генералами, согласно которому турецкое войско, действовавшее в направлении Ахалцихе—Ахалкалаки, должно было соединиться с Батумским корпусом Селим-паши и развернуть комбинированное наступление. По мнению военных специалистов, последняя акция должна была привести к падению «русского владычества в этом крае»³³².

Новую попытку прорваться в Грузию и соединиться с турецкими войсками предпринял Шамиль. В июле 1854 г. Шамиль с 12-тысячным войском ворвался в Кахети, после короткого боя занял село Шильду. Один из его отрядов, разгромив Цинандали, взял в плен женщин и детей. Среди пленных были супруги Давида Чавчавадзе и погибшего в сражении у Башкадикляра ген. Ильи Орбелиани. Опасаясь полного разгрома отряда, Шамиль был вынужден срочно вернуться обратно. Эта диверсия не имела никакого влияния на общий ход военных действий, за исключением того, что направлявшийся было на помощь главному Александропольскому корпусу генерал Андроникашвили был вынужден вернуться в Тбилиси со своими войсками. Для предотвращения возможных набегов со стороны Шамиля, Андроникашвили был назначен командующим отрядом, дислоцированным на Лезгинской кордонной линии.

Победа Гурийского отряда у Чолоки дала возможность войскам, действующим на других участках Кавказского театра военных действий перейти в наступление.

³³² Б у р ч у л а д з е Е.* Крымская война и Грузия, с. 311—312.

17 июля 1854 г. генерал Врангель напал на турок, расположенных на Чингильской возвышенности, недалеко от Баязета. Двухчасовой кровопролитный бой закончился полной победой русского оружия.

Спустя два дня после разгрома баязетского отряда турок Врангель занял город Баязет. Вскоре последовала самая блестящая победа кампании 1854 г. Командир Александропольского отряда генерал Бебутов получил известие, что стоявший в Карсе 60-тысячный Анатолийский корпус турок, руководимый Мустафой Зориф-пашой, оставил Карс и расположился у села Кюрюк-Дара. Бебутов принял решение первым атаковать неприятеля. 24 июля 1854 г. он вступил в бой с противником у села Кюрюк-Дар.

Все отчаянные попытки турок использовать свое численное преимущество для поражения русских окончились безрезультатно. Генерал Бебутов буквально разгромил неприятеля. Большой наместник М. С. Воронцов, внимательно следивший за военными действиями на Кавказе, в сентябре 1854 г. писал начальнику главного штаба А. И. Барятинскому: «Слава войскам Кавказа, доставляющим России в течение целого года удовольствие и утешение своею прекрасною выдержкою и блестящими победами. Слава также грузинскому населению и всем грузинским племенам за ту верность и героизм, которые они постоянно выказывают и которые, наконец, оценены всею Россиею»³³³.

В июле 1854 г. во главе Гурийского отряда был назначен Генерал Иванэ Багратион-Мухранский, который составил план военных действий на случай высадки вражеского десанта на Черноморском побережье Грузии. В это время на Черном море господствовал союзнический флот, не давая возможности русскому флоту выйти из Севастопольской бухты. Все Черноморское побережье после эвакуации русских гарнизонов оставалось совершенно незащищенным. Ожидалось нападение врага, одновременно или последовательно, со стороны Редут-Кале и Абхазии. Поэтому войско должно было занять удобные стратегические позиции для отпора врагу. Прежде всего, Багратион-Мухранский обратил внимание на Самурзакано, для защиты которого он создал из местных жителей милицию, закрыв все пути, ведущие из других районов Абхазии. Согласно составленному им плану пограничную полосу Мегрелии заняла местная милиция, а регулярные войска расположились в окрестностях г. Зугдиди, с. Хета и Хобского монастыря. Если бы враг напал на Грузию одновременно со стороны Редут-Кале и Ингури, то войско должно было соединиться в Хета. Эта позиция разъединяла вражеское войско, идущее из Редут-Кале и Ингури.

План обороны Гурии был составлен на том же основании. Границу Кобулети и побережье занимала милиция, которая должна была встретить врага непосредственно у границы. Регулярные войска должны были расположиться на горе Акети. Акетские горы простирались между двух дорог, ведущих в Кутаиси (одна — через Ланчхути-Нигоити, другая — через Чохатаури). Местом соединения гурийских и мегрельских отрядов и для расположения общих резервов было назначено село Сорта, находившееся на одинаковом расстоянии от обеих позиций. 6 батальонов пехоты расположились в Мегрелии на позиции Зугдиди-Хета-Хоби. В Гурии на акетских позициях поставили 4 батальона, а 6 батальонов стояли в Сорта в качестве резерва. Главная мысль плана Багратион-Мухранского состояла в том, чтобы избежать встречи с врагом, лишить его возможности решительных действий. Нужно было, во что бы то ни стало выиграть время до прихода из Восточной Грузии необходимого для наступления резерва и вступить в бой с уже частично побитым врагом.

До наступления зимы на границе Гурии-Мегрелии-Имерети диверсионные вылазки турок пресекали народная милиция и партизаны. В течение всей зимы. Турция усиленно готовилась к кампании 1855 г. Все внимание было сосредоточено на укреплении и без того труднодоступной по своему географическому и топографическому расположению Карсской крепости. Под руководством английских специалистов возводились

³³³ З и с с е р м а н А. Л. Фельдмаршал Александр Иванович Барятинский. 1815—1879 гг. Т. I. М., 1888, с. 366.

фортификационные укрепления и бастионы, превратившие Карс в грозную цитадель. Расположившейся в Карсе сильной турецкой армией командовал английский генерал Вильямс.

Вместе с тем Турция тщетно старалась уговорить союзников высадить в Западной Грузии сильный десант.

В течение всей зимы турки и русские наблюдали друг за другом и ни одна из сторон не осмеливалась предпринять решительных действий.

Весной 1855 г. пожилого и тяжелобольного кавказского наместника Воронцова сменил генерал Муравьев.

В начале июня Муравьев во главе 25-тысячной армии отправился на взятие Карса. Окружив Карс, он перекрыл все пути между Карсом и Эрзурумом. Осада Карса очень напугала турок, т. к. его захват открывал русским войскам дорогу в Малую Азию и Анатолию. Турция требовала от своих союзников действенной помощи по спасению Карса, но Англия и Франция и не думали бороться за Карс до взятия Севастополя.

В этих условиях турецкое командование приняло решение направить в Грузию экспедиционный корпус. Этим актом оно стремилось принудить Россию к снятию осады Карса. По словам Маркса, это было «единственной стратегической идеей, возникшей в ходе этой войны»³³⁴.

Осуществить это намерение Турция сумела лишь после падения Севастополя. 2 сентября 1855 г. союзники высадили в Батуми 8-тысячное войско. Весь сентябрь длилась эта высадка турецких войск в Батуми, Кулеви и Трапезунде. Главнокомандующий войсками Омер-паша пытался прорваться в сторону Карса, но это был лишь ложный маневр. Омер-паша был не в силах одолеть это расстояние, полное препятствий, и оказать помощь осажденному гарнизону Карса.

Ободряющее известие о действиях Омер-паши и падении Севастополя осажденный гарнизон Карса получил почти одновременно. Муравьев решил опередить приход турецкого вспомогательного корпуса и взять Карсскую крепость. В случае успеха он смог бы направиться в Батуми через Ардаган для разгрома второй турецкой армии. Прежде всего, Муравьев старался рассеять тяжелое впечатление, произведенное в России падением Севастополя. Увлеченный этой идеей, он не внял доводам опытного казачьего генерала Бакланова, доказывавшего, что находящимися в их распоряжении силами невозможно взять Карс. 17 сентября войска начали штурм Карса. Несмотря на невиданную храбрость и самоотверженность русских солдат, офицеров и местных ополченцев, Карс взять не удалось. Под Карсом русские войска понесли большие потери. При штурме было убито и ранено 4 русских генерала, 248 офицеров и 7226 солдат. Наступление 17 сентября хотя и ослабило русскую армию, но не деморализовало ее. Муравьев, несмотря на неудачу, продолжал осаду Карса. Все боеспособные части Кавказской армии были сконцентрированы под Карсом. Что же касается Гурийского отряда, ежеминутно ожидавшего нападения вражеского десанта с гурийско-мегрельской стороны, то осада Карса лишила его всякой надежды на получение подкрепления.

В сентябре-октябре 1855 т. Омер-паша высадил в Абхазии 36-тысячный корпус. Было ясно, что в его намерение входила не помощь осажденному Карсу, а захват если не всей Западной Грузии, то хотя бы Абхазии и Мегрелии.

После высадки Омер-паши в Абхазии со дня на день ждали его нападения на Мегрелию. Командир Гурийского отряда кн. Багратион-Мухранский тщательно готовился к решительному бою, но с его малочисленным отрядом защитить Мегрелию было невозможно.

Гурийский отряд к тому времени состоял из 16 батальонов, из них 5 батальонов необходимы были для обороны Гурии, 4 батальона были направлены для перекрытия путей, ведущих из Кулеви и Анаклии; для защиты Ингурского побережья Мегрелии, где

³³⁴ М а р к с К. Падение Карса. — М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. XI, с. 639.

ожидалось нападение турок из Абхазии, оставалось всего 7 батальонов. Вместе с регулярными войсками у Ингури сражалось и народное ополчение Западной Грузии, в количестве приблизительно 5 тысяч человек.

В октябре 1855 г. Омер-паша двинулся из Абхазии в Мегрелию. Обычно к этому времени через реку Ингури почти невозможно было переправиться, а строительство моста затруднялось из-за ее быстрого течения. Но в тот год была затяжная засуха, река высохла настолько, что переправиться через нее не представляло никаких трудностей. Необходимо было укрепить побережье Ингури от Анаклии до Джвари. Но на это не хватало сил. Багратион-Мухранский попытался укрепить несколько наиболее удобных переправ. Лучше всех укрепили Рухскую переправу, которая закрывала путь, ведущий в Зугдиди. Здесь были поставлены 2 батальона с 4 пушками, 3 сотни казаков и 2 конных отряда Мегрельской дружины. Отрядом, стоящим у Рухи, командовал Григол Дадиани. Под Рухи, у Кахатской переправы стоял 1 батальон пехотинцев и лечхумский конный отряд, под командой Константина Дадиани, чуть дальше от Кахати, у т. н. переправы Санарманио — один батальон с двумя пушками. В резерве у этого отряда были две сотни с артиллерийским орудием во главе с полковником Иоселиани. Охраной переправы руководил подполковник Званба (Звакбая). На расстоянии двух верст от Санарманио, у переправы Коки стояли две сотни регулярных пехотных войск и две сотни казаков с двумя орудиями. В лесу, недалеко, находился общий резерв: 2 батальона Куринского и 4 отряда Имеретинской конной милиции. Общее командование войсками и резервом, поставленным у переправ Кахати, Санарманио и Коки, было поручено Дмитрию Шервашидзе.

25 октября 1855 г. состоялся знаменитый Ингурский бой. Омер-паша со своим войском устремился к Рухской переправе, но встретил сильный отпор. Тогда он решил обмануть, противника: оставив у Рухской позиции две пушки, которые постоянно стреляли, сам с основными силами скрыто двинулся вниз и нанес неожиданный удар по переправе Санарманио. Завязался неравный, кровопролитный бой, длившийся почти до вечера. Турки перешли в наступление и в районе Коки. Объединенные русские войска и грузинское ополчение, боясь попасть в окружение, вынуждены были отступить. В битве у переправы Санарманио один за другим погибли Званба и заменившие его полковники Иоселиани, Ивин и Кобелев. Ночью с 25 на 26 октября регулярные войска и милиция отступили, а несколько дней спустя после Ингурского сражения генерал Иванэ Багратион-Мухранский неожиданно оставил Мегрелию и Акетские позиции в Гурии, сосредоточив войска на левом берегу реки Цхенисцкали и села Марани.

После отступления русских войск Мегрелия оказалась оставленной на растерзание войскам Омер-паши. Угроза порабощения нависла над всей Западной Грузией. Однако местное население не примирилось с оккупацией Мегрелии турецкими войсками, начав против врага партизанскую войну.

Омер-паша попытался переманить на свою сторону сопровителя малолетнего владетеля Мегрелии кн. Екатерину Дадиани. Он писал Екатерине, что Турция борется против захватнических стремлений России, приглашая ее вместе с малолетним сыном, скрывавшихся в Лечхуми, в селе Мури, — в Зугдиди, объявляя обоих владетелями Мегрелии.

Как видно из письма самого Омер-паши, Екатерина Дадиани ему нужна была для умирения восставшего населения Мегрелии. Но Екатерина твердо держалась русской ориентации. Письма Омер-паши она пересылала русскому командованию, не удостоив пашу ответом.

Командование регулярными войсками не сумело должным образом оценить борьбу местного населения и не возглавило организацию народного ополчения. Несмотря на это, местное население сыграло большую роль в деле изгнания турок. Их борьбой руководил деверь Екатерины генерал Григол Дадиани. В любых условиях, невзирая на погоду, днем и ночью, мегрельская милиция не давала покоя оккупантам. В Западной Грузии это была

пора проливных дождей. Через реки невозможно было переправиться, пути и поля превратились в непроходимые болота. Зато создались наилучшие условия для ведения партизанских действий. Омер-паше не удалось завоевать доверие населения ни посулами, ни взятками, ни внушением. Турки жестоко расправлялись с населением, сжигали их дома и села. Только лишь в Сенаки, Теклати и Зуби было уничтожено 700 домов. В Зугдидском уезде было разорено 22 села.

К этому времени подходила к концу борьба за овладение Карсской крепостью. Осажденные турецкие войска и их командующий Вильямс потеряли надежду на помощь со стороны Омер-паши. Окружавшая их русская армия во главе с генералом Баклановым полностью лишила гарнизон возможности общаться с внешним миром. Иссякли продукты питания, наступил кризис питьевой воды, распространились эпидемические заболевания...

12 ноября 1855 г. начальник Карсского гарнизона Мушир-Васиф-паша и английский генерал Вильямс решили, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и 14 ноября Карсская крепость капитулировала. Взятие Карса ускорило конец Крымской войны. В руках России оказалась хорошо укрепленная, а в стратегическом отношении чрезвычайно важная крепость. Во время предстоящих мирных переговоров русские дипломаты имели возможность в обмен на Карс потребовать освобождения Крыма и Севастополя. Взятие Карса русскими войсками К. Маркс считал поворотным пунктом в ходе Крымской войны. «Без падения Карса не было бы ни пяти пунктов, — писал К. Маркс, — ни конференций, ни Парижского договора, одним словом, не было бы... мира»³³⁵.

После капитуляции Карсского гарнизона Омер-паша распорядился об отступлении экспедиционного корпуса из Мегрелии. Одновременно с отступлением турецких войск народная борьба в Западной Грузии еще более расширилась. Екатерина Дадиани сама присоединялась к народным ополченцам, принимая личное участие в партизанской борьбе. Вскоре в Западную Грузию прибыли дополнительные части русских регулярных войск. Начались активные действия против Омер-паши. Мегрельская милиция боролась на передовых позициях. Турки отступали к морскому побережью, уничтожая по дороге все. Они ограбили и сожгли дворцы мегрельского владетельного князя, вырубili созданный Екатериной Дадиани редкий по своей красоте и ценности парк в Зугдиди.

Мирные переговоры застали войска Омер-паши в Кулеви. Согласно подписанному 18 марта мирному соглашению воюющие стороны должны были вернуть друг другу оккупированные территории. Вместо Карса Россия вернула себе потерянные в Крыму города, часть Мегрелии (окрестности Кулеви) и Абхазии. 27 мая турки оставили Сухуми.

Во время войны Россия избежала опасности потери Грузии. Удержать Грузию и Закавказье она сумела благодаря энергичной поддержке грузинского, азербайджанского и армянского народов. Даже официальные представители царской власти были вынуждены признать заслуги грузинского народа в борьбе против Турции. Кутаисский военный губернатор Колубякин писал, что «война вызвала в полном блеске доблесть здешнего дворянства. В 1854 г. славная кавалерийская атака туземных милиций, решив участь Чолокского сражения, окончила торжество в первую кампанию и обеспечила надолго морское побережье Закавказья. В 1855 г. стройное Имеретинское ополчение, одним присутствием своим на Ингуре, угрожая неприятелю беспощадною народною войною, долго удерживало армию Омер-паши от вторжения. Впоследствии ежедневными партизанскими походами (в Мингрелию) оно доказывало неослабность в нем энергии и верности. Скажу еще, что Россия обязана здешнему дворянству падением Карса, ибо Имеретия была, так сказать, контрвалационною линиею осаждающего корпуса, и главнокомандующий только в полной надежде на стойкость Имеретии мог — не смущаясь наступлением Омер-паши и неудачею наших генералов — не снимать осады»³³⁶.

³³⁵ М а р к с К. Падение Карса. — М а р к с Х. и Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е изд., т. XI, с. 635.

³³⁶ АКАК, т. XI, с. 712.

Вообще в ходе Крымской войны местные, кавказские ополчения активно содействовали русской армии в ведении боевых операций. Они приняли участие почти во всех сражениях на Кавказском театре войны. В то время как действующая на Кавказе регулярная русская армия составляла не более 50—60 тыс. человек, местное ополчение (грузинских, азербайджанских и армянских народов), насчитывавшее более 25 тыс. человек³³⁷, внесло существенный вклад в дело победы на Кавказе.

§ 2. УПРАЗДНЕНИЕ КНЯЖЕСТВ

Крымская война сыграла в истории России исключительно важную роль; она вызвала значительные социально-экономические сдвиги и преобразования. Война выявила отсталость крепостнической России и обострила классовую борьбу внутри страны. Чтобы покончить с революционной ситуацией, царское правительство было вынуждено приступить к проведению реформ. «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить **сверху**, чем ждать, пока свергнут **снизу**»³³⁸.

Но прежде чем эти реформы коснулись бы окраин Российской империи, в частности Грузии, царское правительство считало необходимым в первую очередь окончательно присоединить Кавказ и упразднить автономию все еще существовавших княжеств — Мегрелии, Сванети и Абхазии.

Во время Крымской кампании Россия оказалась перед угрозой потери Грузии и всего Кавказа, что еще более усугублялось происходившей в ту пору в северо-западной части Кавказа затянувшейся войной России против горцев, а также и существованием отдельных автономных единиц. После окончания Крымской войны российские власти могли уделить больше внимания завоеванию кавказских горцев и приступить к постепенному осуществлению упразднения автономных единиц. Княжества Западной Грузии сыграли в первой половине XIX в. активную роль в осуществлении колониальной политики царизма, однако, в условиях окончательного политико-экономического освоения Западного Кавказа их существование, по мнению царских властей, было неоправданным.

По окончании войны перед кавказским наместником Барятинским была поставлена задача — «завершить политическое покорение Кавказа и его слияние с остальными частями» империи³³⁹.

В течение первой половины XIX в. в борьбе за присоединение западногрузинских княжеств русские власти мастерски использовали существовавшие между ними трения и, возвышая то одно княжество, то другое, домогались тем самым осуществления своих целей.

Особой преданностью русским властям отличались мегрельские владетельные князья — Дадиани, которые во многом способствовали присоединению к России Имеретинского царства и Гурийского княжества, упрочив тем самым «свою власть». В условиях существования в Западной Грузии (а также в горах Западного Кавказа) отдельных политических единиц царизм вовсе не спешил с окончательной инкорпорацией Мегрельского и Абхазского княжеств, считая их владетелей проводниками своих политических стремлений.

³³⁷ И б р а г м - б е й л и Х. М. Кавказцы в Восточной (Крымской) войне 1863—1856 годов в составе русской армии. — Ученые записки Азербайджанского гос. ун-та. Серия истории и философии, 1968, № 4, с. 79.

³³⁸ Л е н и н В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

³³⁹ АКАК, XII, с. 365.

В 1834 — 1837 гг. с помощью Даддани и Шервашидзе (Шарвашидзе) правительство России сумело покорить Цебельду, занимавшую исключительно выгодное географическое положение. Покорив ее, власти получили возможность контролировать действия владетельного князя Абхазии.

Царизм сумел мастерски использовать спор между Мегрелией и Абхазией за обладание Самурзакано и в 1840 г. установил там русское правление. В то же время самодержавие отняло у Даддани и морское побережье³⁴⁰. Все это означало ограничение прав владетельных князей Мегрелии и Абхазии. Окончательное упразднение их автономных прав царизм откладывал на будущее. После же Крымской войны, когда царская власть задалась целью освоить Грузию и все Закавказье в колониально-экономическом отношении и унифицировать там правление, существование отдельных политических единиц мешало проведению в жизнь намеченного царизмом курса, тем более что миссия, возложенная на эти княжества русскими властями, была исчерпана и экономическая основа, необходимая для объединения страны, была подготовлена.

Во время войны владетельная княгиня Екатерина Даддани оказала правительству России определенную услугу. Она не только не изменила традиционной преданности мегрельских владетельных князей России, отклонив неоднократные предложения турецких завоевателей перейти к ним, но и лично принимала участие в партизанской борьбе, развернувшейся в Мегрелии против вторгшегося в страну Омер-паши. Но в данной ситуации, когда существование княжеств препятствовало осуществлению политико-экономических целей царской России, ее верность не имела никакого значения, и власти только и ждали удобного момента для мирного урегулирования этого вопроса.

Удобный момент представился русскому правительству в лице крестьянского восстания в Мегрелии.

Восстановление разоренной нашествием Омер-паши Мегрелии легло тяжелым бременем на плечи изможденных войной крестьян: они не были в состоянии удовлетворить возросшие потребности владетельного князя и феодалов. Осенью 1856 г. в Мегрелии вспыхнуло восстание крестьян. Екатерина Даддани обратилась за помощью к русским властям. Екатерина только что вернулась из России, где она присутствовала на коронации Александра II. В Петербурге ее принимали с почестями. Ее сына, малолетнего Нико, возвели в чин флигель-адъютанта, а дочку Саломэ сделали фрейлиной. Владетельная княгиня Мегрелии была уверена, что царские власти помогут ей усмирить восставших крестьян и вернуть спокойствие в княжестве.

Царская администрация не спешила, однако, принимать действенных мер для подавления восстания. Генерал-губернатор Кутаисской губернии А. Гагарин в беседе с кн. Екатериной Даддани заявил, что русские власти твердо решили упразднить крепостной строй даже в собственной стране и произойдет ли это в Мегрелии в настоящее время или позже не имеет принципиального значения³⁴¹.

Генералы Гагарин и Колубякин доказывали, что восстание в Мегрелии явилось следствием «злоупотребления властей», «забвения всяких законных правил», и «единственным выходом из положения» считали осуществление «коренного преобразования управления».

Правительство России попыталось добиться добровольного отречения Екатерины Даддани от своих прав правительницы и регентши при малолетнем наследнике престола. С этой целью в Мегрелию был командирован русский чиновник флигель-адъютант Чертков, но его миссия не удалась. Екатерина твердо стояла на своем решении — сохранить княжество для своего сына.

Гагарин распределил по уездам Мегрелии русских офицеров якобы для подавления восстания. На офицеров возлагалась обязанность восстановить спокойствие. Они должны были действовать независимо от местных чиновников, дабы, как разъяснял Гагарин, «не

³⁴⁰ Д у м б а д з е М. К. * Западная Грузия в первой половине XIX в. Тбилиси, 1957, с. 267—269.

³⁴¹ АКАК, т. XII, с. 260—267.

сделались офицеры эти безвинным орудием мщения, своекорыстия и пристрастия мингрельских чиновников в отношении к народу». Все это означало не что иное, как постепенное внедрение русского управления.

Вместе с тем Гагарин требовал, чтобы кавказский наместник принял решительные меры. Для восстановления мира в Мегрелии он считал необходимым коренное изменение правления. Насколько эти перемены соответствовали просительным пунктам владетеля Мегрелии, Гагарин считал второстепенным вопросом, так как «всякое время, — писал он, — имеет свои настоятельные потребности, перед которыми исчезают всякие договоры и обещания. Для Мегрелии оно, кажется, настало, и дело идет о благе целого народонаселения...»³⁴²

Наместник направил в Мегрелию чиновника Дюкруази якобы для того, чтобы успокоить Екатерину, которая относилась к действиям русских чиновников с явным недоверием. На самом же деле Дюкруази, наряду с детальным исследованием причин восстания, было дано тайное задание — составить проект нового, «соответствующего требованиям времени», правления³⁴³.

Параллельно с отправкой Дюкруази в Мегрелию Барятинский извещал императора, что единственной причиной восстания в Мегрелии является негодность местного правления, и просил разрешения действовать сообразно с обстановкой, не считаясь с «просительными пунктами», на основании которых существовала автономия Мегрелии.

Такое разрешение вскоре было получено. Александр II предоставил наместнику полную свободу действий. 31 июня 1857 г. наместник Барятинский распорядился прекратить изучение причин восстания и приступить к непосредственной подготовке проекта об управлении Мегрелией³⁴⁴.

Не добившись добровольного удаления Екатерины из Мегрелии, русские власти оставили за ней право наследования княжеством. Введение нового правления в Мегрелии объявлялось временным, до совершеннолетия наследника. Под благовидным предлогом необходимости обучения в Петербурге будущего правителя края из Мегрелии была отозвана Екатерина Дадиани.

Рескриптом от 26 сентября 1857 г. «временным правителем» Мегрелии был назначен генерал Колубякин³⁴⁵. Фактически это означало упразднение автономии Мегрелии. Царские власти создавали все условия для того, чтобы наследник престола Нико Дадиани отказался от своих прав на княжество после совершеннолетия. И действительно, в 1867 г. 20-летний Нико Дадиани вынужден был отказаться от прав владетельного князя. В Мегрелии было окончательно установлено русское правление.

Параллельно с ликвидацией автономии Мегрельского княжества русское самодержавие принимало определенные меры для упразднения самоуправления и в Сванети.

В 50-х гг. в Сванети разгорелась внутренняя феодальная вражда. Две ветви дома Дадешкелиани боролись между собой за власть, а русское правительство старалось использовать их вражду в своих целях³⁴⁶.

В конце 50-х гг. значительно укрепил свои позиции представитель старшей ветви Дадешкелиани — Константин. Его братья — Исмаил и Тенгиз — убили наследника другой ветви Джансуга Дадешкелиани. Константин, присоединив к себе поместья Джансуга Дадешкелиани, приступил к покорению свободных сванских общин, которые русским властям удалось склонить к вступлению в свое подданство еще в 1853 г. Разумеется, такое поведение К. Дадешкелиани Россия сочла опасным для себя. Сванети занимала центральное положение между Карачаем, Цебельдой и Самурзакано, и поэтому

³⁴² Там же, с. 269—278.

³⁴³ Там же, с. 274—275.

³⁴⁴ АКАК, т. XII, с. 276—277, 280, 298—299.

³⁴⁵ Там же, с. 208.

³⁴⁶ Д у м б а д з е М. К. Западная Грузия в первой половине XIX в., с. 405.

необходимо было усилить здесь влияние России для того, чтобы утвердить ее господство на всем Западном Кавказе.

Благодаря своей неприступности Сванети всегда могла стать убежищем для недовольных царизмом элементов. Поэтому стремление какого-либо владетельного князя к укреплению своей мощи и независимости не устраивало царское правительство.

Под видом оказания помощи в восстановлении прав второй ветви Дадешкелиани в июле 1857 г. было предусмотрено ввести войска, в Сванети с четырех сторон (из Мегрелии, Цебельды, Кисловодска и Нальчика). Командование отрядами, собранными в Мегрелии, и ведение переговоров с Дадешкелиани было поручено начальнику штаба Гагарина — полковнику П. Услару. Эта военная экспедиция ставила себе целью также сбор сведений о свободных общинах Сванети, имея целью их упразднение. К. Дадешкелиани, считая нецелесообразным вести борьбу против России, решил помириться с правительством. Он явился к Услару, находившемуся в Верхней Сванети, и сдался ему. Братьев Константина и Александра Дадешкелиани отправили в Тбилиси. Константина, не принимавшего участия в убийстве Джансуга, оправдали, а его младших братьев Тенгиза и Исмаила приговорили к ссылке в одну из отдаленных губерний России.

Барятинский, считавший незаконным стремление обеих ветвей к захвату поместий друг у друга, решил восстановить их права на владение личными поместьями. Для того чтобы прекратить распри между владетелями Сванети, полковнику Услару было поручено составить список владений обоих домов Дадешкелиани и уточнить границы между ними³⁴⁷.

Хотя официально и было решено вернуть Константину его владения, но власти не доверяли ему и решили до возвращения братьев Тенгиза и Исмаила не выпускать его из Кутаиси. К Константину был приставлен в качестве «опекуна» русский чиновник, который не только издевался над ним, но и отравлял жизнь и без того измученному неопределенностью своего положения К. Дадешкелиани. Тем временем из Сванети вернулся полковник П. Услар. Последний представил кавказскому наместнику записку, в которой доказывал недопустимость возвращения К. Дадешкелиани в Сванети.

До окончательного рассмотрения императором участи кн. К. Дадешкелиани кавказский наместник А. Барятинский распорядился временно сослать его в Ереван. Об этом решении наместника кутаисский генерал-губернатор А. Гагарин объявил кн. К. Дадешкелиани 24 октября 1857 г. К. Дадешкелиани, со своей стороны, попросил разрешения вернуться в Сванети на несколько месяцев, для приведения в порядок своих расстроенных домашних дел, обещая беспрекословно повиноваться распоряжениям наместника. Гагарин, однако, не посчитался с его просьбой, между губернатором и князем произошла ссора, закончившаяся кровавой драмой: К. Дадешкелиани смертельно ранил А. Гагарина, убил чиновников Ильина и Ардишвили, пытавшихся защитить своего начальника, ранил телохранителя губернатора³⁴⁸.

За этот поступок К. Дадешкелиани был арестован, отдан под суд, по приговору которого вскоре был казнен. Именья Дадешкелиани поступили в казенное ведомство, а члены его семьи, получившие определенную компенсацию, были высланы из Сванети.

В 1859 г. заставили отказаться от прав владетельного князя и представителя второго дома Дадешкелиани — Тенгиза Дадешкелиани. В Сванети было учреждено приставство.

Царская администрация на Кавказе довольно тщательно готовилась к упразднению Абхазского княжества. В годы Кавказской войны Абхазия играла особую роль. Она граничила с владениями черкесов и представляла собой единственную дорогу, по которой западнокавказские горцы могли вторгнуться в Грузию, наоборот, усиление русского влияния в Черкессии могло произойти только посредством Абхазии. В случае потери Абхазии военная граница переместилась бы на реку Ингури, что вызвало бы

³⁴⁷ Ч а р к в и а н и А. И.* Сванети во второй половине XIX и начале XX века. Тбилиси, 1967.

³⁴⁸ Б о р о з д и н К.* Мегрелия и Сванети. Тбилиси, 1934, с. 292.

необходимость возведения дорогостоящей военно-кордонной линии вдоль всего побережья реки.

Михаил Шервашидзе пользовался большим влиянием среди горских племен Западного Кавказа (убыхов, джиков и др.), хорошо был знаком с их обычаями, легко налаживал с ними отношения. Учитывая, что Михаил Шервашидзе — питомец убыхского вождя Гаджи-Дагума Барзы — мог оказать значительную помощь в борьбе за покорение народов Западного Кавказа, высшая администрация края проявляла особое внимание в отношении владетельного князя, стараясь сохранить с ним дружественные отношения. Кавказский наместник Михаил Романов считал существование Абхазского княжества по тем временам оправданным. В 1864 г. он писал, что в то время, когда Россия вела ожесточенную борьбу за покорение горцев на территории от Черного до Каспийского моря, она не могла выделить необходимых сил для присоединения и управления Абхазией и довольствовалась поддержкой, оказываемой владетельному князю, чтобы установить порядок и сохранить свое влияние в Абхазии³⁴⁹. 25 августа 1859 г. кавказские войска штурмовали последнее укрытие Шамиля Гуниб. Этим актом завершился еще один важный этап в многолетней войне за покорение Северного Кавказа,

В этих условиях Россия получила возможность перебросить наличные силы на борьбу против горцев Западного Кавказа.

В 1863 г. войска покорили Кубань. В марте 1864 г. было сломлено сопротивление убыхов. 21 мая 1864 г. в центре Ахчипсу, в с. Кбаада было торжественно отмечено окончание почти вековой войны за покорение Кавказа³⁵⁰.

После окончания войны на Кавказе автономия Абхазского княжества была обречена. В марте 1864 г. кавказский наместник писал императору Александру II, что в прежние времена деятельность кн. Михаила Шервашидзе была выгодна России, существование автономной Абхазии имело смысл до присоединения к России восточного побережья Черного моря, тем более, что большая часть наших вооруженных сил была занята в восточной части Закавказья³⁵¹. Сложившаяся на Кавказе новая политическая обстановка требовала, по мнению наместника, упразднения автономной Абхазии.

1 апреля 1864 г. военный министр сообщал Михаилу Шервашидзе о решении императора упразднить Абхазское княжество и учредить там русскую администрацию.

Упразднение Абхазского княжества русское правительство намеревалось осуществить мирным путем. Михаилу Шервашидзе так же, как в свое время Екатерине Дадияни, предложили добровольно отречься от престола. Видя, что сопротивление бесполезно, Михаил Шервашидзе согласился на это предложение правительства при условии, что его не выелят из Абхазии и разрешат там оставаться пожизненно. В июне 1864 г. было объявлено об упразднении Абхазского княжества и учреждении «временного народного правления».

В июле кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский приехал в Сухуми для осуществления мероприятий, необходимых для учреждения в Абхазии русского правления. Михаил Шервашидзе, вопреки ожиданиям, не только не препятствовал ему ни в чем, но даже сам объявил абхазам об установлении русского правления и сумел провести этот весьма щекотливый акт без каких-либо эксцессов. Несмотря на это, царские власти считали опасным оставлять кн. Шервашидзе в Абхазии, и так как он добровольно не соглашался уехать из страны, то в ноябре 1864 г. больного владетельного князя, предварительно обвинив в «измене», насильно выслали из края сначала в Ставрополь, а затем в Воронеж, где он и скончался в 1866 г.

Упразднение княжеств, несмотря на то, что там устанавливалось царское правление, имело с точки зрения социально-экономического развития страны

³⁴⁹ Очерки истории Абхазской АССР. т. I. Сухуми, 1960, с. 198.

³⁵⁰ Д у м б а д з е М. К. Западная Грузия в I половине XIX века, с. 409.

³⁵¹ Очерки истории Абхазской АССР, т. I, с. 199.

прогрессивное значение³⁵². В 50-е гг. существование отдельных княжеств уже создавало определенные препятствия для дальнейшего развития товарно-денежных отношений. После их упразднения наступал конец феодальной раздробленности, и между отдельными областями Грузии устанавливался тесный союз. Упразднение княжеств совпало с началом проведения буржуазных реформ (крестьянская реформа), положивших начало переходу страны в новую стадию развития капиталистических отношений.

Г Л А В А VI

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ, РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

§ 1. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ

Крестьянские волнения и восстания против самодержавно-крепостнического режима в Грузии происходили на протяжении всей первой половины XIX в.³⁵³, однако классовая борьба трудящихся против крепостного права особенно разгорелась в середине XIX в.

Развитие товарно-денежных отношений, распространение слухов о решении правительства отменить крепостное право, а также тяжелые последствия Крымской войны резко обострили, как и следовало ожидать, классовую борьбу крепостных крестьян.

Феодалы крайне враждебно встретили решение высшей власти об освобождении крестьян из-под крепостной зависимости и в ответ на это намного усилили эксплуатацию сельского трудового населения. Они хотели воспользоваться оставшимся временем, чтобы «присвоить себе от крестьян как можно больше, так сказать, выжать из них последние соки»³⁵⁴. Однако трудовой народ, ободренный предстоящими изменениями, оказывал упорное сопротивление подобным попыткам феодалов, отказываясь от уплаты повинностей. Слухи о реформе подлили масло в огонь, еще более усилили движение сельских тружеников.

Одним из факторов, ухудшивших социально-экономическое положение трудового народа, была Крымская война. Помещики, понесшие значительные убытки во время военных действий, старались возместить их за счет крепостных³⁵⁵.

Непосредственные производители материальных благ защищались, как могли от усилившегося гнета со стороны помещиков, например, подавали жалобы начальству, просили защиты. Число этих жалоб возрастало из года в год. Так, в Кутаисское губернское управление было подано: в 1854 г. — 315, в 1856 г. — 800, а в 1857 г. — 980 жалоб³⁵⁶. «Из всех приносимых жалоб, — писал кутаисский генерал-губернатор, — было наиболее о насильных завладениях и... о притеснениях, делаемых ими»³⁵⁷, т. е. помещиками.

³⁵² История Грузии, т. I, 1958, с. 445.

³⁵³ См.: Очерки истории Грузии*, т. IV, с. 830—880, 915—937; Ф р о н е л и А.* Мтиулети 1804 г. Тбилиси, 1896; его же*. Восстание в Кахети. Тбилиси, 1907; Д ж а в а х о в И. Политические и социальные движения в XIX в. Спб., 1906; М а х а р а д з е Ф. Грузия в XIX столетии. Тбилиси, 1933; Х а ч а п у р и д з е Г. В. Крестьянские движения в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1933; его же. К истории Грузии первой половины XIX в. Тбилиси, 1941; М а х а р а д з е Н. Восстание в Имерети 1819—1820 гг. Тбилиси, 1942; М а р к о в а О. П. Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951; Э б а н о и д з е Л.* Николоз Бараташвили и некоторые вопросы национально-освободительной борьбы в Грузии. Тбилиси, 1968.

³⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 678, оп. I, д. 607, л. 27.

³⁵⁵ Б о р о з д и н К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. Спб., 1885, с. 94.

³⁵⁶ А н т е л а в а И. Г., О р д ж о н и к и д з е Э. А., Х о ш т а р и я Э. В. Генезис..., с. 33.

³⁵⁷ ЦГИАГ, ф. 4, д. 211, л. 72.

Очень распространенной формой классовой борьбы был отказ от выполнения повинностей. В 1864 г., например, крестьяне Душетского участка Тифлисской губернии отказались от уплаты возложенных на них денежных и натуральных повинностей. То же самое сделали крепостные горийского помещика Георгия Эристави³⁵⁸. Не были аккуратными плательщиками и государственные крестьяне. Коллективно уклонились от повинностей и крестьяне Хертвисского участка Ахалцихского уезда в 1854 г.³⁵⁹

Эти формы классовой борьбы, как и другие (террористические акты, бегство, поджоги и т. п.), конечно, имели определенное значение в деле разрушения старого строя, но решающей силой могло быть все же вооруженное выступление сельского трудового народа.

В рассматриваемое время произошло несколько крестьянских выступлений, например, в Юго-Осетии (1850 г.), в Ахалцихском уезде (1854 г.), в Имерети (1857 г.), в Гурии (1862 г.), в Мегрелии (в 1863 г.) и в других местах. Наиболее крупным было восстание 1856—1857 гг. в Мегрелии. Как по охвату территории и числу участников, так и по своему ярко выраженному антикрепостническому характеру оно занимает важное место в истории освободительной борьбы грузинского крестьянства. Это был могучий протест крепостного населения, сильно пострадавшего во время вторжения турецких войск в 1655 г. и подвергнувшегося после их ухода усиленной феодальной эксплуатации со стороны мегрельских князей и дворян.

Движение началось поздней осенью выступлением жителей с. Салхино (ныне Гегечкорский р-н Грузинской ССР), где по распоряжению правительницы Мегрелии Екатерины Дадиани, выехавшей к этому времени в Петербург для участия в торжестве по случаю коронации императора Александра II, должно было закончиться строительство владельческого дворца. Управляющий имениями владетельного князя Давид Чиковани, выполняя распоряжение княгини, погнал крестьян на строительство дворца, не давая при этом никакого вознаграждения и не предоставляя им положенной в таких случаях еды. Более того, он дошел до того, что потребовал от крестьян особую мзду за помол на владетельской мельнице зерна, принесенного ими же для прокормления себя во время строительных работ. В ответ на это крестьяне прекратили работу; Д. Чиковани решил вооруженной силой привести их в покорность, но безуспешно. Рукопашный бой, завязавшийся между отрядом, защищавшим дворец, и крестьянами, закончился победой последних и взятием ими дворца³⁶⁰.

Вслед за этим поднялись жители районов, расположенных: между реками Хоби и Ингури. Раньше других взялись за оружие крестьяне, проживавшие в селениях Лия и Джвари. Непосредственным поводом для выступления здесь крепостных: людей послужило распоряжение кн. Григория Дадиани об очищении названных селений от обитателей для разведения там княжеского сада и устройства пасеки. Крестьян согнали с насиженных мест без предоставления им новых участков для поселения. Чаша терпения крестьян переполнилась, и началось восстание, во главе которого стал крестьянин Уту Микава. После объединения в мае 1857 г. различных очагов восстания он был избран общим руководителем повстанцев.

Движение распространилось чрезвычайно быстро. Оно вскоре охватило почти всю Мегрелию, собрало под своим знаменем около 20 тыс. человек. Повстанческие отряды действовали успешно. Они заняли много сел (Обуджи, Чиквиджи, Кулискар, Корцхели, Ледгебие, Кирцхи, Хибула и др.), а 12 мая 1857 г. завладели самой резиденцией Мегрельского княжества — г. Зугдиди. В занятых местах крестьяне вводили новые

³⁵⁸ Там же, ф. 48, д. 1012, л. 38, ф. 9, д. 2122, л. 15—20.

³⁵⁹ АКАК, т. XI, ч. II, с. 625; А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне, т. II, с. 470.

³⁶⁰ Л е м о н д ж а в а Д. М.* Вооруженное восстание крестьян в Мегрелии в 1856—1857 гг., Сухуми, 1950, с. 19.

порядки, организовали временное правление, учиняли над своими господами суд и расправу, устанавливали цены на товары и т. д.³⁶¹

Восстание вызвало большую тревогу в кругу всего грузинского дворянства. Особенно внушали им страх мысль о «полном освобождении крестьян из-под помещичьей власти и смелый антикрепостнический лозунг повстанцев о ликвидации системы, «позволявшей одному человеку владеть другим»³⁶². Вернувшись из Петербурга в апреле 1857 г. правительница Мегрелии кн. Екатерина Дадиани обратилась к населению края с призывом прекратить сопротивление, но, вопреки ее надеждам, он не оказал никакого влияния на повстанцев. Тогда власти прибегли к силе. На подавление движения были двинуты регулярные воинские части во главе с кутаисским военным губернатором.

Встреча умиротворителя с повстанцами произошла 20 мая. Здесь крестьянский вождь обратился к генералу с яркой речью, содержащей изложение причин, вызвавших народное возмущение, а также целей и задач его. «С небольшим год тому назад, — сказал он, — как наша родина была наводнена османским (турецким) войском, неприятель истребил у нас все, что попадало ему под руку. Помощи мы ниоткуда не видели; русское войско от нас ушло, а наши господа, вместо всякой защиты, стали похищать у нас наших детей — мальчиков и девочек и продавать османам. Нечего уж говорить о том, что все плоды наших трудов идут к ним же; крестьянин, по их мнению, ничего не должен иметь, и они вымогают всякое добро его, если не хитростью, то насильем, мы уже к этому привыкли, но и души человеческой они в нас не хотят знать. По их убеждению, мы хуже всякого животного. Понравится барину соседний ястреб, и они выменивают его на крестьянский дым, на борзую или легавую собаку меняют несколько дымов, животные больше ценятся, чем мы». Назвав затем ряд конкретных фактов издевательства над крестьянами, Микава заявил: «Что же нам оставалось делать, как не отражать насилие силой»³⁶³.

Выслушав жалобы повстанцев, губернатор, имевший сравнительно малочисленный отряд и не желавший рисковать, обещал им помощь и защиту при условии прекращения беспорядков и возвращения всех их по домам. Крестьяне, наивно поверив генеральскому слову, действительно разошлись. Но это не означало ни прекращения восстания, ни капитуляции его вождей.

События, развернувшиеся во второй половине 1857 г., такие, как, например, сентябрьские кровопролитные бои в сел. Джвари и другие, свидетельствовали о твердом намерении мегрельских крестьян добиться, во что бы то ни стало свободы. Во многих схватках с регулярными войсками они проявляли необычайную стойкость, дисциплинированность и волю к победе, что в ряде случаев позволяло им обращать в бегство хорошо вооруженные отряды.

Однако властям, в конце концов, все же удалось подавить восстание, руководители которого были сурово наказаны и затем сосланы на поселение на различные сроки в Архангельскую, Костромскую, Пермскую, Олонецкую и другие губернии России.

Не успели отгреметь последние выстрелы мегрельских повстанцев, как взялись за оружие крестьяне Имерети. Выступление, которое охватило крепостное население Амаглебского и Багдадского участков, началось в ноябре 1857 г. Оно было вызвано феодальной эксплуатацией и произволом привилегированного сословия. «Нельзя описать горе и притеснения, которые испытывали мы от наших помещиков», — писали крестьяне Багдадского участка кутаисской губернской администрации 20 ноября 1857 г.³⁶⁴ Конкретизируя это общее заявление, крестьяне с возмущением говорили о разорительном

³⁶¹ Там же, с. 20, 23, 40.

³⁶² ЦГИАГ, ф. 8/28, д. 4890. л. 294.

³⁶³ Б о р о з д и н К. А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 до 1861 год. Спб., 1885, с. 144—146.

³⁶⁴ Г а б р и ч и д з е М.* Волнение имеретинских помещичьих крестьян в 1857 году. — ИВ, т. I. Тбилиси, 1945, с. 299.

характере возложенных на них повинностей, о своем бесправном положении. Крестьяне жаловались, что им приходится давать помещику домашнюю прислугу, содержать его во время частых посещений им отдаленных имений, платить ему увеличенные натуральные и денежные повинности, отбывать барщину, испрашивать его разрешение на выдачу своих дочерей замуж, платя при этом помещику особую плату, и т. д.

Все это крестьяне подтвердили и после подавления восстания, во время следствия. Например, арестованный по делу Джоника Хурцидзе показал: «Притеснения, испытываемые мною и моими братьями от князя Георгия Лордкипанидзе, заключались в следующем: при Паскевиче (в 1829 г.) из Кутаиси в Ахалцихе перевозили провиант, за что господин наш получил 25 рублей, но он их не отдал нам... В 1839 году я находился в милиции (под Сочи) вместо своего господина, а в 1848 году вместе с ним в Самурзакано. И хотя на эти расходы помещик собрал деньги, он мне не дал из них ничего, и я вынужден был жить за свой собственный счет. В сочинском походе я участвовал в четырех сражениях, за что намеревались удостоить меня государевой милости, но зависть и месть со стороны моего барина лишили меня ее. В 1851 г. князь Георгий Лордкипанидзе взял с меня 16 руб., чтобы получить разрешение на свадьбу... В 1853 г. перед самым отправлением в поход помещик отнял у меня один сапалне (10 пудов — И. А.) водки, стоимостью 60 рублей. В 1840 году, в год страшной дороговизны и голода, приехал с семьей в нашу деревню Ухути и... заставил нас, находившихся и без того в крайне затруднительном положении людей, содержать его. У меня в доме живут трое моих дочерей и трое — брата моего, одной из которых уже 30 лет. Все они останутся в старых девах, только потому, что помещик требует огромные деньги за право выйти им замуж»³⁶⁵.

Сельское трудовое население долго терпело все это, но уже ноябре 1857 г. открыто выразило свой решительный протест. Поводом к выступлению, начавшемуся в селении Дими Багдадского участка, послужило распоряжение помещика Бежана Чхеидзе о переселении его крепостного Квирикадзе в Кулашский участок. Крестьяне с. Дими и близлежащих сел решили сорвать указанное распоряжение. Они договорились коллективно выступить против помещика, не допустить переселения ни в чем неповинного человека, обратив этим внимание администрации на действия помещика и заставить ее ограничить помещичий произвол, поставить его в какие-то рамки. Жители Багдадского участка послали своих представителей к жителям Амаглебского участка с тем, чтобы привлечь их к начавшейся борьбе. Последние горячо отозвались на это и выставили (на первое время) до 400 вооруженных человек. Скоро должны были объединиться оба (Багдадский и Амаглебский) очага восстания и начать совместное наступление на своего классового врага.

Кутаисский уездный начальник, узнав о брожении, немедленно отправился в селение Ухути, где были собраны и укреплены амаглебские крестьяне. Он попытался утихомирить и рассеять сборище людей мирным путем, пообещав им удовлетворить их требования. Но этот прием не дал желаемого результата. Крестьяне твердо ответили представителю администрации, что они разойдутся только в том случае, если будет положен конец помещичьему произволу и если их поставят в относительно нормальные условия жизни и труда.

Видя осложнение на пути усмирения восстания, в дело вмешался кутаисский военный губернатор полковник Иванов. Он с частями регулярных войск и отрядом местных дворян из 300 человек отправился в сел. Ухути. Крестьяне попытались передать ему просительные пункты, губернатор не принял представителя повстанцев. «Крестьянину этому (т. е. парламентарю), — сказано в рапорте губернатора Барятинскому от 55 ноября 1857 г., — я приказал возвратиться и объявить пославшим его, что для разбора жалоб и удовлетворения их есть путь законный, а не крик взволнованной толпы,

³⁶⁵ ИВ, I, с. 312—313.

не просьба с оружием в руках, и что я требую во всем безусловной покорности и, прежде всего, чтобы толпа немедленно разошлась по своим домам, (вернулась) к своим обычным занятиям»³⁶⁶.

Крестьяне отклонили этот ультиматум и заставили губернатора принять их посланца с просительными пунктами. Он пообещал их удовлетворить, но предварительно потребовал прекращения сопротивления. На обдумывание этого предложения губернатор дал им два часа. Не предвидя успеха в столкновении с регулярным войском, крестьяне уклонились от решительных действий и разошлись. Вслед за этим были приведены в покорность и жители Багдадского участка. Губернская администрация арестовала руководителей и наиболее активных участников волнения, выслав затем некоторых из них во внутренние губернии России на различные сроки.

Однако и такие формы классовой борьбы, как протесты и прошения крестьян, недолго заставили себя ждать. Летом и осенью 1862 г. крестьянские волнения антикрепостнического характера имели место в Горийском уезде и Гурии³⁶⁷.

«Манифестация в Гурии, — сообщал кутаисский губернатор Главному управлению наместника, — была одной из тех, которые весьма часто заявляются местному начальству помещичьими крестьянами по вопросу о повинностях, отбываемых ими помещикам, с той только разницей, что обыкновенно жалобы на излишние требования повинностей приносились крестьянами порознь; последняя манифестация была заявлена помещичьими крестьянами Озургетского уезда, Гуриантского участка в начале прошлого марта в размере более обширном, и именно в числе до 200 вооруженных человек, но скорое прибытие на место уездного начальника и благоразумное его внушение собравшимся... произвело желаемое действие на составлявших толпу крестьян, которые, с выражением раскаяния в поступке своем, разошлись немедленно по домам и обратились к обычным занятиям своим... Подобное сему крестьяне Ланчхутского участка составили, было сорище... но без оружия, которые, при участии уездного начальника, помирились со своими помещиками в отношении тех повинностей, о коих происходил между ними спор»³⁶⁸. Это было в апреле 1862 г.

Второе выступление крестьян произошло в августе того же года. На сей раз вооружились крестьяне помещиков Гуриели и Накашидзе. В движение оказались вовлеченными селения Баяви, Шемокмеди, Гоголети, Лихаури, Гурианта, Макванети, Супса, Кахури, Баилети и др. Одна часть участников восстания укрепились в ограде Шемокмедского монастыря, а другая — в Гурианта. Власти попытались утихомирить повстанцев мирным словом и с этой целью послали своего представителя в шемокмедский лагерь, что окончилось безуспешно, т. к. участники движения отвергли предложение администрации мирно разойтись и заявили, что «они желают служить одному государю». Стойкость крестьян вынудила власти подтянуть к месту события вооруженные силы и включиться в переговоры, в ходе которых повстанцы изложили причины, выведшие их из повиновения. «Все они, — доносил губернатор исполнявшему должность наместника Кавказа кн. Гр. Орбелиани, — в один голос жаловались (мне) на свое крайне угнетенное положение вследствие претерпеваемых ими угнетений от своих помещиков и что они вынуждены были заявить свое подобное положение в виде восстания для обращения на себя внимания». Представители власти, выслушав жалобы, обещали им содействие, но при условии, что они незамедлительно прекратят сопротивление и разойдутся по домам. Крестьяне уклонились от неравной схватки и действительно разошлись³⁶⁹.

³⁶⁶ Там же, с. 304—305.

³⁶⁷ А х о б а д з е М. В.* Движение помещичьих крестьян Горийского уезда накануне отмены крепостного права 1857—1864 гг. — Моамбе, 1962, №1, с. 159, 161—162, 163—165.

³⁶⁸ Ч х е т и я Ш. К.* Крестьянское движение в 1862 году (документы с вводной статьей). — ИВ, т. 7, 1953, с. 173. 190—191.

³⁶⁹ Ч х е т и я Ш. К.* Указ. соч., с. 194—195.

Спустя некоторое время «порядок» был восстановлен и в районе Гурианта, представлявшем один из очагов второго выступления крестьян.

Третье выступление гурийских крестьян произошло в сентябре—октябре того же 1862 г. Главной движущей силой были крестьяне князей Мачутадзе. Поводом к волнению послужило распоряжение помещиков, запрещающее крестьянам пользоваться лесом. Последним они пользовались не только для обеспечения себя топливом и строительным материалом, но и пахотной землей. Малоземельные и безземельные сельские труженики расчищали нередко лесной массив и сеяли там кукурузу. Помещики Мачутадзе, желая увеличить свои доходы, запретили крестьянам бесплатно пользоваться лесом, обложив уже обработанные крестьянами участки дополнительной повинностью. Под давлением полиции крестьяне вынуждены были принять эти условия, но потом они решительно отказались от них. Уездная власть неоднократно предупреждала крепостных о необходимости повиновения и точного исполнения помещичьих требований, но цели она не достигла. Попытка усмирения повстанцев закончилась вооруженным столкновением, во время которого было ранено несколько человек как с одной, так и с другой стороны.

Спустя два дня в Нигоити к восставшим отправился озургетский уездный начальник Принцип. Через день, т. е. 13 октября, он послал своего представителя, князя Шервашидзе, к собравшимся на одной поляне крестьянам с тем, чтобы тот еще раз попытался уговорить их разойтись и вернуться к исполнению своих обязанностей. Миссия Шервашидзе не дала желаемых результатов. Такой же безрезультатной оказалась попытка уездного начальника вступить в переговоры с повстанцами. Возмущенный уездный начальник прибег к радикальной мере. Он использовал военную силу и с помощью ее восстановил «порядок».

Не прошло и года после событий в Гурии, как восстали мегрельские крестьяне князей Чиковани. Несмотря на свой изолированный характер (восстанием было охвачено только одно селение Тамакони Сенакского округа), оно все же занимает важное место в истории борьбы народа против крепостного строя.

В 1819 г. владетель Мегрелии Леван Дадиани подарил князю Ростому Чиковани 5 дымов крестьян по фамилии Джанашиа и Пацация. Новый хозяин обложил их повинностями. При наследниках Ростом Чиковани эти и без того тяжелые повинности были значительно увеличены. Помещики аргументировали справедливость своего поступка фактом увеличения числа дымов с 5 до 23, а крестьяне — неполучением дополнительных земельных наделов, несмотря на умножение их числа³⁷⁰.

Крестьяне отказались отбывать незаконные повинности и одновременно подали соответствующую жалобу представителям власти. Они ставили вопрос не только об уменьшении повинностей, но и об освобождении вообще от крепостной зависимости. Не получив положительного ответа в низших инстанциях, крестьяне обратились к наместнику Кавказа. Но и он не удовлетворил их просьбу. Тогда они приняли решение не платить князьям Чиковани повинностей, не подчиняться им и в случае принуждения оказать вооруженное сопротивление. В дело вмешался начальник Сенакского округа Н. Бороздин, но уговоры оказались тщетными, завязалась схватка крестьян с казаками, в которой было убито трое из 10 карателей.

Эти события встревожили сенакскую окружную и кутаисскую губернскую администрацию. Она послала против повстанцев, насчитывавших уже 150—200 человек, воинский отряд в 400—800 человек, в сопровождении местных дворян. Начальник округа Бороздин, руководивший усмирением повстанцев, потребовал от них немедленно сложить оружие, на что получил решительный отказ. Тогда он 13 мая 1863 г. вступил в Тамакони, население которого, в ожидании страшной развязки, покинуло свои очаги и укрепились в горах. Село подверглось разорению. Каратели сожгли 29 крестьянских домов и другое имущество. Видя бесперспективность дальнейшей борьбы, крестьяне прекратили

³⁷⁰ Ч х е т и я Ш. К.* Указ. соч., с. 181, 183, 200.

сопротивление. Начались репрессии. Было арестовано 30—40 человек, из коих пять умерли в тюрьме до суда, тринадцать человек понесли различные наказания, а остальные были освобождены³⁷¹.

После подавления восстания, вконец разоренные тамаконцы не раз ставили вопрос хотя бы о частичном возмещении убытков, но не видно, чтобы кавказская администрация со вниманием отнеслась к данной просьбе. Во всяком случае, на протяжении всего 1864 г. дело дальше бюрократической переписки не пошло.

Аналогичные события развернулись накануне отмены крепостного права и в Абхазии. Там в 1866 г. вспыхнуло крестьянское восстание, которое по своему характеру было антифеодальным и антиколониальным. Начало его ускорили распространившиеся в народе слухи о крепостнической сущности реформы, подготовительная работа к которой уже была начата в Абхазии. Крестьян возмущало, в частности, намерение правительства заставить зависимое население выкупить землю. В июле 1866 г. приступила к работе Сухумская сословно-поземельная комиссия, собиравшая необходимый для реформы материал. Однако предельно раздраженные крестьяне неизменно давали понять прибывшим к ним ее представителям, что они ни на минуту не думают о получении земли и свободы путем выкупа. «Мы не понимаем такого освобождения крестьян,— заявил им представитель крестьян Шамба, — как вы нам объясняете. У нас нет собственных средств выкупиться... Если правительству угодно освободить крестьян, то мы надеемся, что государь будет и к нам милостлив, обратит внимание на нашу бедность, выкупит нас, а наших помещиков не оставит без вознаграждения от себя, а не из нашей собственности»³⁷².

Получив сведения о безуспешности миссии вышеназванной комиссии, в Бзыбскую Абхазию выехал начальник Сухумского отдела полковник Коньяр. Он выступил на народном собрании в селении Лыхны и потребовал от его участников представления всех необходимых материалов, но тщетно. «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно, сердце наше переполнилось..., мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое». Дальнейшее бестактное и грубое поведение Коньяра ускорило взрыв народного гнева... Люди, выхватившие ружья из чехлов, бросились на полковника и на его свиту. Те пустились бежать и скрылись в лыхнинском дворце бывшего владельца. Повстанцы двинулись за ними и в ходе жестокой борьбы убили Коньяра, Чертова, Измайлова, а также более 50 казаков³⁷³.

Выступлением лыхнинских крестьян началось большое народное восстание, охватившее почти всю Абхазию и поставившее под ружье до 20 тыс. человек. 26 июля одна часть повстанцев, насчитывавшая в своих рядах 4 тыс. человек, направилась в Сухуми и заняла подступы к нему. 30 июля она штурмовала город, но безуспешно. Во второй половине того же дня в Сухуми прибыли регулярные войска во главе с кутаисским генерал-губернатором Святополк-Мирским. Четырехчасовая схватка закончилась поражением и отступлением крестьян от Сухуми. Не принесли им успеха и дальнейшие неоднократные попытки овладеть городом. И все же народ не прекратил борьбы. В нее включались все новые и новые силы. Встревоженная этим администрация умножила число войск в Абхазии. Они прибывали из Поти, Новороссийска, Севастополя и других мест. К первым числам августа в Сухуми уже было собрано много войск.

Святополк-Мирский категорически потребовал от повстанцев сдать оружие, прекратить сопротивление и разойтись по домам, угрожая, в случае отказа, применить силу. Не предвидя ничего хорошего от неравного боя, крестьяне повиновались.

Военно-полевой суд сурово наказал участников движения — трое из них были публично повешены, а тридцать человек — высланы в отдаленные губернии империи, преимущественно в Сибирь.

³⁷¹ Ч х е т и я Ш. К.* Указ. соч., с. 91, 95, 105, 116.

³⁷² Д з и д з а р и я Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955, с. 127-128.

³⁷³ Д з и д з а р и я Г. А. Указ. соч., с. 145, 148—149, 163.

Так закончился и этот эпизод народной борьбы за землю и свободу, главной движущей силой которой были крестьяне, хотя вначале в ней участвовали и представители недовольной части дворянства.

Борьбу против существовавшего в то время в Грузии общественно-политического строя вело не только крестьянство, но и городское трудовое население. В 1865 г. оно организовало сравнительно крупное выступление в Тбилиси. В этом движении, известном под названием «выступление амкар», участвовали массы городской бедноты³⁷⁴, а также представители нарождавшейся местной буржуазии.

Основной причиной восстания было тяжелое экономическое положение городского населения. Это касается, прежде всего, рабочих, абсолютное большинство которых представляли собой временно или постоянно обосновавшиеся в Тбилиси беглые крестьяне. В городе они выполняли всякую физическую работу, а на полученные гроши не только содержали себя и свою семью, но и выплачивали возложенные на них различные подати и повинности. Но заработок был настолько мизерным, что он удовлетворял лишь незначительную часть их потребностей³⁷⁵.

Не было отрадным и положение мелких ремесленников и питейщиков («медукнэ», или, как их называли, «духанщики»). Правда, условия жизни этих слоев городского населения — «мокалакэ» — были несколько лучше, чем «муша» (т. е. рабочего люда), но существовавший в то время бюрократический режим, разорительная финансовая политика правительства, тяжелые повинности, бесправие и т. д. сильно давили на них, перебрасывая в лагерь оппозиционно настроенных общественных слоев.

Недовольство высказывали и представители тбилисской крупной буржуазии. «Первостатейные граждане» и вообще местные купцы явно неодобрительно относились к росту влияния прибывавших из-за пределов Грузии чужеземных купцов, в чем они усматривали поддержку властей. В качестве примера они ссылались на «избрание» с помощью администрации в 1864 г. городским головой г. Тбилиси некоего Шермазан-Вартанова, который был выходцем из Ирана³⁷⁶.

Чаша терпения жителей Тбилиси, особенно же их беднейшей части лопнула, когда администрация, с целью покрытия дефицита городского бюджета, не только увеличила размеры уже существующих податей, но и ввела новые, до того вообще никому неизвестные сборы. Тяжесть данного мероприятия легла главным образом на плечи низших слоев общества. Отныне население должно было вносить в казну подати: 1. за торговлю в Тбилиси и его окрестностях различными напитками в размере, превышавшем прежний на 25%, 2. за содержание лошадей — от 5 до 10 рублей, 3. за глину и гажу (песок, смешанный с известью), 4. за строительный материал, сваленный на улицах и площадях города, 5. за внесение граждан в соответствующие книги и т. д.³⁷⁷

О степени тяжести проведенных мероприятий можно судить по тому, что благодаря им ежегодные платежи податного сословия города увеличились приблизительно на 60 тыс. руб.³⁷⁸ Становится понятным, почему жители Тбилиси дружно бойкотировали этот шаг администрации. На собраниях принимались решения не подчиняться правительственному распоряжению и добиться его отмены. Народ поначалу действовал мирно. Он обратился с просьбами к высшей администрации Кавказа и под конец к самому императору, однако безрезультатно³⁷⁹.

Тогда купцы и ремесленники, собравшиеся 26 июня, единогласно постановили закрыть все торговые точки города. На второй день данное решение было приведено в

³⁷⁴ А с а т и а н и А. Г.* Восстание бедняцкого населения Тбилиси в 1865 г. Тбилиси, 1971.

³⁷⁵ Р и о - Н е л л и (Николадзе Н.). Июньские дни в Тифлисе. — Колокол, №204, 1865, 15.1X.

³⁷⁶ П и р ц х а л а й ш в и л и А. Г. К истории выступления тбилисских амкаров в 1865 году. — Исторические записки, т. 8. 1940, с. 223.

³⁷⁷ М е л и к с е т - б е к Л. М. Архивные материалы по истории выступления тбилисских амкаров в 1865 году. — ИВ, т. 3. Тбилиси, 1947, с. 44—45.

³⁷⁸ Ч х е т и я Ш. К. Тбилиси в XIX столетии. Тбилиси, 1942, с. 272.

³⁷⁹ М е л и к с е т - б е к Л. М. Указ. раб., с. 9—10.

исполнение. На центральной площади Тбилиси собралась вооруженная камнями и палками толпа народа приблизительно в 10 тыс. человек. Они требовали не только отмены вновь введенных податей, но и выкрикивали антиправительственные лозунги³⁸⁰.

Людей, вышедших из повиновения, пытались утихомирить мирным словом. К ним, в частности, обратился представитель высшей кавказской администрации кн. Григол Орбелиани. «Дети мои, — сказал он им, — опомнитесь, успокойтесь, закон для всех один. Я, главноуправляющий, и то плачу подать за лошадь»³⁸¹. В ответ на отрицательную реакцию народа генерал прибег к угрозе, вызвав этим свист и нецензурные оскорбления повстанцев. На площади появились жандармы и казаки, попытавшиеся разогнать собравшихся, но получили решительный отпор. Толпа вознамерилась занять дом полицмейстера, что не удалось. Тогда она направилась к дому городского головы Ш. Вартанова и разгромила его. Сам же хозяин, скрывшийся раньше прихода повстанцев, избег неминуемой смерти. Менее удачливым оказался сборщик податей, помощник городского головы Бажбеук-Меликов. Он оказал народу вооруженное сопротивление и одного даже смертельно ранил. Повстанцы ворвались в его дом и всех там перебили. Убили самого Бажбеук-Меликова.

Встревоженные власти решили пойти на некоторые уступки. Чтобы задобрить «перворазрядных граждан» и ликвидировать их оппозицию, они, в частности, отстранили от должности городского головы некоренного тбилисца Шермазан Вартанова и назначили местного человека Абесаломова.

Абесаломов и довольные его назначением купцы вступили, по заданию правительства, в переговоры с повстанцами. Они убеждали их прекратить сопротивление, открыть духаны — магазины — и просить высшую администрацию об отмене вновь введенных податей или, в крайнем случае, о продлении срока их сбора до прибытия из Петербурга наместника Кавказа Михаила Романова. Но этот прием не дал желаемых результатов. Тогда решили применить силу. Вечером 28 июня произошло столкновение между войсками и повстанцами, во время которого было убито и ранено несколько человек. Восстание было подавлено. Высшие судебные инстанции наиболее активных участников восстания приговорили к различным срокам заключения и к ссылке в Сибирь.

Приведенный материал говорит об обострении (выше обычного) классовой борьбы накануне реформы в Грузии 1864—1871 гг. Крестьянский вопрос обострялся в то время «не по дням, а по часам». К крестьянскому вопросу оказалось прикованным внимание как передовой части грузинского общества, так и кавказской администрации. Последняя была чересчур озадачена. «Религиозно-нравственный упадок туземного населения, — писал в 1863 г. кутаисский генерал-губернатор, — принимает такие размеры, что дальнейшее его развитие невольно заставляет опасаться за будущее вверенного мне края»³⁸². И по свидетельству кавказского наместника Михаила Николаевича, отношения между помещиками и крестьянами были настолько натянутыми, что даже малейшее откладывание решения аграрного вопроса он считал нецелесообразным. Вот что читаем в его письме к своему брату, императору Александру II, датированием 1863 г.: «Я, как уже писал тебе, обращаю на этот предмет (т. е. крестьянский вопрос) все свое внимание и буду стараться по возможности ускорить решение этого важного вопроса. Решение оно необходимо безотлагательно, ибо отношения крестьян к помещикам весьма натянутые во всем Закавказском крае»³⁸³.

³⁸⁰ М е л и к и ш в и л и П. Г.* Моя жизнь. — Картули мцэрлоба, 1927, №5, с. 147; Ч х е т и я Ш. К. Указ. соч., с. 274.

³⁸¹ М е у н а р г и я И. М.* Жизнь и деятельность князя Григола Орбелиани. — Моамбе, 1904, кн. V, отд. I, с. 3.

³⁸² АКАК, т. XII, ч. II, с. 49.

³⁸³ ЦГИАГ, ф. 678, оп. I, д. 607, л. 26—27.

Так возникла в Грузии революционная ситуация, составная часть общероссийской революционной ситуации³⁸⁴. Она поставила на повестку дня вопрос об отмене крепостного права. Сохранения отжившей себя социально-экономической системы не хотели не только непосредственные производители материальных благ, но и представители господствующего класса. И они также считали невозможным оставить без изменений существовавший в то время общественный строй. В создании подобной ситуации большую роль сыграло также развитие и распространение к этому времени антикрепостнической идеологии³⁸⁵.

§ 2. РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Складыванию революционной ситуации как следствия изменений в социально-экономической жизни способствовало развитие и распространение перед реформой антикрепостнической революционно-демократической идеологии, ставшей целостной системой. Ее представители, известные под названием «тергдалеули» (дословно «выпившие воды из Терека»), или грузинских шестидесятников, являлись просветителями, революционерами-демократами. Правда, формирование мировоззрения Рафиэла Эристави, Даниэла Чонкадзе, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Нико Николадзе, Георгия Церетели, Сергея Месхи, Якоба Гогобашвили, Виссариона Гогоберидзе и других происходило под влиянием социально-политической и экономической жизни Грузии (развитие буржуазных отношений, сильное крестьянское движение, передовая грузинская литература, колониальная политика царизма и т. д.), однако большую роль в этом сыграла также передовая русская и европейская общественная мысль. Творчество В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и студенческое революционное движение в Москве, Петербурге и других городах России способствовали развитию новой, антикрепостнической идеологии грузинской молодежи.

«Тергдалеули» не только не скрывали своей ненависти к крепостному праву, но и выступали с требованием отмены этого несправедливого общественного строя. Грузинские шестидесятники, по свидетельству Э. Иоселиани, писали «о несправедливостях крепостнических отношений. Они весь свой ум, всю свою силу использовали для того, чтобы уничтожить... крепостничество, избавить крестьян от кнута, от рук палача и сделать их людьми»³⁸⁶.

Против отжившего свой век строя еще в 1857 г. выступил Рафиэл Эристави³⁸⁷ (1821—1901). Когда «нигде еще ничего не было слышно» об отмене крепостного права³⁸⁸, он написал стихотворение «Просительница у судьбы», опубликованное в журнале «Цискари» («Заря») в 1861 г. В этом стихотворении, созданном, как видно, под непосредственным впечатлением восстания мегрельских крестьян, подвергнут резкой критике строй, позволяющий одному человеку держать в рабстве другого, считающий нормальным отнимать у матери родного сына. Вот какие слова вкладывает поэт в уста лишившейся сына матери, пришедшей к судьбе искать правды: «Прошу вернуть мне сына моего, я ведь мать ему. Почему другой владеет тем, которого родила я. Зачем тиранит его

³⁸⁴ Ж о р д а н и я О. К. К вопросу о революционной ситуации в Грузии в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX века. Тбилиси, 1971.

³⁸⁵ Речь идет об идеях, содержащих конкретное требование отмены крепостного права, что же касается антифеодальной, просветительской идеологии вообще, то ее формирование и распространение в грузинской общественной мысли началось намного раньше (см.: Г а п р и н д а ш в и л и М. М. Грузинское просветительство, Тбилиси, 1977, о. 76—84; его же*. Очерки истории грузинской общественной мысли, II. Тбилиси, 1976).

³⁸⁶ И о с е л и а н и З. О.* Грузинская литература. — Иверия, 1883, №4, с. 85, 87—88.

³⁸⁷ В а ш а к и д з е Ш. Н.* Рафиэл Эристави. Тбилиси, 1962, с. 127.

³⁸⁸ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. III. Тбилиси, 1953, с. 228.

стоящий там беркут»³⁸⁹. Как писал И. Чавчавадзе, это был первый голос, прозвучавший в пользу угнетенных. До Рафиэла Эристави никто... не обращал внимания на ропот истерзанного крепостничеством народа, никто не ставил перед собой этот, по словам Гейне, действительно «проклятый вопрос»: почему владеет один существом, рожденным другим³⁹⁰.

В развитии новой идеологии большую роль сыграл автор «Сурамской крепости» Даниэл Чонкадзе (1830—1860). Он был выразителем «стонавшего под гнетом крепостничества крестьянства», которое нередко восставало против несправедливости и расправлялось со своими притеснителями. Источником его творчества являлся именно этот революционный настрой сельского трудового населения, его жизнь, его быт³⁹¹. В противоположность Александру Орбелиани, выступившему в 1859 г. с защитой феодально-крепостнических отношений, Д. Чонкадзе показал их негодность и антинародный характер. Автор представил реалистическую картину классовых взаимоотношений, социального неравенства и эксплуатации в феодально-крепостнической Грузии.

Автор «Сурамской крепости», радикальный разночинец, твердо верил, что благополучия народа можно добиться лишь уничтожением крепостного права³⁹². «Пока мы крепостные, наше счастье невозможно», — говорит он устами своего героя. Даниэл Чонкадзе внушал трудовому народу мысль о том, что раздобыть свободу возможно только стойкой и неустанной борьбой. Именно этим объясняется та большая тревога, которую вызвало среди феодалов опубликование «Сурамской крепости»³⁹³.

Непримиримым врагом феодально-крепостнической системы с самого начала показал себя Илья Чавчавадзе (1837—1907). В таких его произведениях, как «Пахарь», «Видение», «Разбойник Како», «Рассказ нищего», «Человек ли он?» и др., дана резкая критика крепостничества и вынесены на суд народа все его отвратительные черты. Мысль о негодности и антинародности крепостного строя проведена, в частности, в напечатанном в 1858 г. стихотворении «Пахарь». В нем автор в мрачных красках рисует экономическое и правовое положение предреформенного грузинского крестьянства. В условиях крепостничества его удел — постоянный труд и полное бесправие³⁹⁴. В этом отношении оно, по мнению И. Чавчавадзе, ничем не отличалось от животного.

Илья Чавчавадзе понимал, что крепостное право — это плевелы, мешающие всходу семян, которые необходимо вырвать с корнем. Без этого он не мыслил социально-экономический и культурный прогресс страны.

Проблеме социальной несправедливости посвящена и поэма И. Чавчавадзе «Видение». В этом произведении, созданном в 1859 г., т. е. до крестьянской реформы, смело осужден существовавший в то время общественный строй, при котором «как ни трудись—плоды пожнет другой. Раб трудится — хозяин поедает... Где справедливость в мире, боже мой»³⁹⁵.

Илья Чавчавадзе осуждал крепостничество не только потому, что оно было основано на присвоении чужого труда, но и потому, что ему было присуще много других омерзительных черт, например, торговля живыми людьми и всяческий произвол помещиков в отношении своих крестьян: «Раба за человека не считают. От матери младенца отнимают и продают неведомо кому... Отнимут дочь, похитят, продадут... Все, что любил ты, все, чем был богат, увидишь в скверне ты неистребимой»³⁹⁶.

³⁸⁹ Э р и с т а в и Р. Д.* Избр. соч. Тбилиси, 1958, с. 7.

³⁹⁰ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. III, Тбилиси, 1958, с. 223.

³⁹¹ Э р и с т а в и Р. Д.* Избр. соч. Тбилиси, 1958, с. 10—12, З а н д у к е л и М. В.* Новая грузинская литература, т. II. Тбилиси, 1962, с. 153.

³⁹² Ч о н к а д з е Д. Г.* Сурамская крепость. Тбилиси, 1939, с. 27.

³⁹³ К а л а н д а д з е А. П.* Иване Кереселидзе. Тбилиси, 1959, с. 190-198.

³⁹⁴ Ч а в ч а в а д з е И. Г. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 55.

³⁹⁵ Там же, с. 156.

³⁹⁶ Там же, с. 156—157.

Поэт глубоко был уверен, что крепостное право недолговечно, он не сомневался в падении этого строя в результате самоотверженной народной борьбы. И. Чавчавадзе верил, что старый, отживший себя мир не устоит «перед могучим вихрем обновления» и разлетится в пух и прах, и установится справедливый общественный строй, мир свободных и равноправных людей, который исключит возможность эксплуатации человека человеком.

К числу произведений, проникнутых антикрепостническим духом, принадлежит поэма «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника» (1860), в которой И. Чавчавадзе нарисовал образы, крестьянских бунтарей, борцов против феодально-крепостнической жизни. Не выдержав несправедливости, один из них сбежал от барина в лес. И хотя там условия жизни были весьма суровы, но разбойник и бунтарь все же доволен, так как он перестал быть рабом другого человека, он был свободен. Сознание того, что он сам себе хозяин, и никто над ним не властвует, придавали ему бодрость духа, помогали сравнительно легко переносить все невзгоды скитальческой жизни.

С любовью описав образы бунтарей, взявшихся за оружие, и подобных им других, активно действовавших крестьян, И. Чавчавадзе тем самым обосновал свою мысль о невозможности получения свободы без борьбы, что только сила, а не жалобы, стоны и просьбы, может избавить человека от несправедливости и угнетения. Это И. Чавчавадзе показал и на примере героев произведения «Рассказ нищего» (1859). Молодой князь, ради удовлетворения своей минутной прихоти, отверг справедливую просьбу своего крепостного слуги и сверстника, обесчестил его возлюбленную девушку, а ее отца жениха сумел сослать в отдаленные края. Старик умер в пути, а сын был возвращен с дороги самим, измученным от угрызения совести, князем. Крепостной беспощадно расправился с ним, встретившись один на один, и в поединке положил конец беспутной жизни своего князя³⁹⁷.

Илья Чавчавадзе оправдывал подобную расправу, не считая грехом пролитие крови во имя защиты прав человека, однако будет лучше, если отжившее свой век дворянство дойдет до такого самосознания, что жить по-старому уже нельзя, и оно должно исправиться или погибнуть. Таков смысл повести Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» (1859—1863), в которой ярко показан процесс деградации грузинского дворянства³⁹⁸.

Развитию новой идеологии способствовали и публицистические статьи Ильи Чавчавадзе, опубликованные в 1861 г. в журнале «Цискари» («Заря»), в которых он смело выступил против представителей старого поколения, так энергично защищавшего крепостнические порядки. И. Чавчавадзе поставил вопрос о необходимости «расчистки грузинского языка от архаизмов, его упорядочения, изгнания устарелых форм правописания». И. Чавчавадзе в названных статьях не только раскритиковал ошибочные взгляды «отцов» на родной язык и литературу, но и выдвинул программу скорейшей ликвидации всех отрицательных сторон общественной жизни тогдашней Грузии.

Выступление И. Чавчавадзе и его соратников, вызвало сильную реакцию среди консерваторов. Все они как один встали против нового идейного течения, в защиту старого. «Так началась и закипела борьба между поколениями... [Она] приняла весьма острые формы и неподвижная сначала общественная жизнь пришла в движение»³⁹⁹.

Развитие антикрепостнической идеологии тесно связано также с именем Акакия Церетели (1840—1915). Поэт всей душой осудил существовавший тогда социальный строй. Он осудил порядок, позволявший одному присваивать труд другого. Подавленный крепостнической жизнью крестьянин в его стихотворении «Трудовая песня» (1861) говорит: «...Барин для несчастных обуза. Жалобам нашим не внемля, дают свои и чужие.

³⁹⁷ Ч а в ч а в а д з е И. Г. Указ. соч., с. 188.

³⁹⁸ Его же*. Сочинения. Тбилиси, 1957. с. 236, 245. Вводная статья П. Ингароква; см.: Б а р а м и д з е А. Г., Р а д и а н и Ш. Д., Ж г е н т и В. Д. История грузинской литературы. М., 1952, с. 126—127.

³⁹⁹ Б а р а м и д з е А. Г., Р а д и а н и Ш. Д., Ж г е н т и В. Д. Указ. соч., 116—117.

Потом горячую землю нам орошать не впервые, сеем мы пахоту тунеядца, хоть с голоду мрут наши семьи, чтоб тем богачам насыщаться»⁴⁰⁰.

В другом стихотворении «Исповедь крестьянина» (1863) А. Церетели главной причиной тяжелой жизни и физического уродства сельского труженика признано крепостное право. Его, по мнению поэта, необходимо было незамедлительно упразднить и заменить строем, который основой общественного блага объявил бы честный и благородный труд.

В 1863 г. «тергдалеули» во главе с Ильей Чавчавадзе основали революционно-демократический журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»). Несмотря на то, что журнал выходил только один год, он сыграл большую роль в истории грузинской общественной мысли, считая своим делом борьбу за улучшение жизни народа и ускорение общественного прогресса, путем упразднения крепостного права — источника всех бедствий народа.

В статье «Разные дела» у сотрудника этого журнала Давида Кипиани, например, есть такое рассуждение: «Спрашивается: хорошо ли было бы для общества, если бы одна часть его работала, а другая жила бы за счет чужого труда и если бы к тому же этот труд был бы подневольным? Ты, читатель, вздрогнешь от этого вопроса, но, знаю, что ответа никакого пока что не дашь. Это состояние (т. е. крепостное право) губительно для обеих частей общества, и вот почему. Если бы меня лишили свободы и надели бы кандалы, то я не мог бы, естественно, вести полезный труд... Если бы мой барин, против моего желания поручил бы мне провезть пшеницу, то я, несомненно, половину зерна выбросил бы вместе с шелухой. Так какой же вывод следует из этого? Тот вывод, что свободный труд более производителен, и что каждый человек должен быть тружеником и тружеником свободным. Это чувствует... часть грузинского дворянства и предоставляет крестьянам свободу»⁴⁰¹.

Еще сильнее раскритикован принудительный труд в работе французского экономиста Бастия (1801—1850) «Физиология грабежа», грузинский перевод которой, выполненный Ильей Чавчавадзе, был напечатан в одном из номеров журнала. «Нужно признать, — читаем там, — что грабеж в мире значительно усилился... (Но) он в самом себе содержит нечто такое, что положит ему конец. Редко бывает, чтобы большинство грабило меньшинство... Почти всегда наоборот — меньшинство угнетает большинство. От этого грабеж быстрее идет к своему печальному концу, так как он производится при помощи силы..., которая в конечном итоге перейдет на сторону большинства. Грабители силой заставляют человека работать в свою пользу... Они ему говорят: «Ты трудись, а мы будем забавляться». Это есть рабство...

Политическая экономия доказала, что свободный труд по своей природе прогрессивен и производителен, между тем труд раба неподвижен, нерентабелен. Поэтому победа вольного труда над принудительным неизбежна».

Журнал «Сакартвелос моамбе» вел широкую пропаганду мысли, что спасение — в силе, в насильственном свержении существующего строя, что мирным путем нельзя избавить народ от крепостного гнета. «Назовите-ка хоть одну страну, в которой по доброму желанию господ... было бы уничтожено рабство»⁴⁰², — сказано в вышеуказанной статье французского экономиста. Та же самая мысль высказана в статье Давида Кипиани. Он на примере Французской революции убедительно доказал необходимость и неизбежность применения силы для достижения цели.

На страницах «Сакартвелос моамбе» была опубликована и статья Георгия Церетели, присланная из Петербурга, в которой на основе материалистического анализа тогдашней обстановки обоснован революционно-демократический вывод о том, что

⁴⁰⁰ Цит. по: Б а р а м и д з е А. Г., Р а д и а н и Ш. Д., Ж г е н т и В. Д., История грузинской литературы, с. 141.

⁴⁰¹ Сакартвелос моамбе, 1863, №4, с. 109—110.

⁴⁰² Сакартвелос моамбе, 1863, №8, с. 62-63, 69—70.

«основанный несколько столетий тому назад общественный строй... уже не удовлетворяет требованиям современной жизни. Ясно, что данная форма общества отжила свой век; и ввиду этого она должна или полностью уничтожиться, или же переделаться в соответствии с возникшими новыми требованиями»⁴⁰³.

Писатель Антон Пурцеладзе (1839—1913) в 1863 г. на страницах журнала «Цискари» («Заря») опубликовал рецензию на повесть «Сурамская крепость» Даниэла Чонкадзе, в которой отмечал, что это произведение вызвало огромную тревогу среди защитников «старины и лжи», восстановив их против распространившихся в стране новых идей. А. Пурцеладзе предупреждал крепостников, что эксплуатируемый ими трудовой народ поднимется и пойдет на смертельный бой, который положит конец господству тунеядцев, конец всей феодально-крепостнической системе⁴⁰⁴.

Таким образом, 1857—1863 гг. в Грузии были годами как общественно-политического, так и идейного натиска на крепостничество⁴⁰⁵. Накануне крестьянской реформы в Грузии сложилась революционно-демократическая система антикрепостнической идеологии. Будучи результатом сдвигов, происходивших в социально-экономической жизни Грузии того времени, новая идеология сама оказывала положительное влияние на эти процессы. Она создала общественное мнение в пользу отмены крепостного права и, несомненно, способствовала ускорению проведения в Грузии крестьянской реформы.

Г Л А В А VII

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60-е—90-е гг.)

В предреформенной России продолжался начавшийся ранее процесс развития капитализма, но существовавшая в то время феодально-крепостническая система значительно замедляла его, задерживала прогресс промышленности, сельского хозяйства, торговли и городской жизни. Заметно обострились противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которые превратились в оковы для развития производительных сил. Задачи дальнейшего развития страны ставили вопрос о полной или хотя бы частичной ликвидации этих противоречий⁴⁰⁶.

В стране назревала революционная ситуация. Она и заставила императора Александра II (1855—1881) заявить, что лучше освободить крепостных сверху, нежели ждать, пока она добьются освобождения снизу⁴⁰⁷.

Роль катализатора в ту пору сыграла Крымская война, показавшая гнилость существовавшего в России общественного строя. Она убедила даже правительственные круги в невозможности сохранения крепостного права и в необходимости изменений. Тяжелые последствия войны диктовали необходимость реформы, хотя бы некоторого обновления социально-политической жизни страны.

19 февраля 1861 г. был подписан манифест об отмене крепостного права и утверждены соответствующие «Положения» (законы). Крестьяне, как известно, получили личную свободу. Что же касается земли, то она была признана собственностью помещика, которой сельские труженики могли пользоваться за определенную плату. Они, с согласия

⁴⁰³ Ц е р е т е л и Г.* Почему раскудахталась «Цискари»? -- Сакартвелос моамбе, 1863, № 5.

⁴⁰⁴ Цискари, 1863, №1. Подробнее о А. Пурцеладзе см.: В а х а н и я В. А.* Мировоззрение Антона Пурцеладзе. Тбилиси, 1958.

⁴⁰⁵ Г а п р и н д а ш в и л и М. М.* Мировоззрение Георгия Церетели. Тбилиси, 1955, с. 35.

⁴⁰⁶ Очерки истории СССР 1861—1904 гг. Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1960, с. 3—7.

⁴⁰⁷ Л и н к о в Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952, с. 4; П о п е л ь н и ц к и й . Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства. — Голос минувшего, № 5—6, с. 393.

помещиков, могли выкупать надел, но тут перед крестьянами возникал целый ряд препятствий, преодолеть которые было чрезвычайно трудно, а то и вовсе невозможно. До выкупа надела крестьянин оставался во временнообязанном положении в отношении к бывшему своему барину и платил ему все те повинности, какие он отбывал в дореформенную эпоху за пользование помещичьей землей. Наделы выделялись по новой, сильно урезанной, по сравнению со старой крепостнической, норме, а земли «сверх нормы» отрезались в пользу помещика.

Это и обусловило значительное сокращение крестьянского земельного фонда в пореформенный период.

Несмотря на это, т. е. фактическое ограбление сельского трудового народа, отмена крепостного права имела большое значение в общественной жизни России. Она дала сильный толчок дальнейшему социально-экономическому развитию страны, способствуя утверждению капитализма в качестве господствующей формации. С политической же точки зрения реформа представляла собой «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»⁴⁰⁸.

Крестьянская реформа на окраинах России, в том числе и в Грузии, была проведена на тех же основаниях, что и во внутренних российских губерниях. Отмена крепостного права в Грузии была обусловлена не только характером и общим направлением социальной политики правительства, но и той конкретной обстановкой, которая создалась к этому времени в Грузии, а именно — бурным развитием капитализма и обострением классовой борьбы в стране.

§ 1. РЕФОРМА В ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ

Подготовка реформы. Доклад Димитрия Кипиани. Некоторая предварительная подготовка к реформе началась еще в 1857 г., а в 1862 г. был созван съезд дворянства Тифлисской губернии, который выработал основные руководящие принципы предстоящих преобразований и поручил составление соответствующего проекта известному общественному деятелю, прекрасному знатоку крепостного права Грузии Димитрию Ивановичу Кипиани. Им действительно был составлен проект с препроводительным докладом, обосновывающим главные принципы проекта.

В этом докладе, прочитанном в апреле — мае 1863 г. на собраниях уездного дворянства Тифлисской губернии, отмечается, что грузинские феодалы с тревогой восприняли весть о предстоящих преобразованиях и приложили немало усилий к тому, чтобы вообще предотвратить нагрянувшую катастрофу или, в худшем случае, отодвинуть, сколько возможно наступление этого дня. Но когда они убедились в том, что план обречен на провал, постарались дать делу оптимальное для себя направление⁴⁰⁹.

Д. Кипиани в своем докладе, получившем общее признание абсолютного большинства дворянства Тифлисской губернии, считал возможным лишь личное освобождение крестьян. Что касается земли, то она объявлялась собственностью помещиков, и предлагалось оставить ее в полном их распоряжении. В силу осуществления этого мероприятия ежегодный доход помещика сократился бы на 148 рублей 38 коп., в связи с лишением его повинностей, связанных с личной зависимостью крестьян. Это конечно, ухудшило бы материальное положение и без того небогатого дворянства. Поэтому Д. Кипиани предлагал вознаградить помещиков, но не за счет крепостных, а за счет государства, признавшего в свое время целесообразным установление крепостного права в стране, а сейчас его упраздняющего.

Вопрос о земле решался в полном соответствии с интересами дворянства. Из 240 помещиков, высказавших свое мнение об основных принципах реформы, 226 были против

⁴⁰⁸ Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

⁴⁰⁹ См.: Ч х е т и я Ш. .К,* К истории крестьянской реформы в Грузии. Тбилиси, 1950, с. 3, 182—269.

предоставления крестьянам земли в собственность. Освобожденных лично, без земли, сельских тружеников Д. Кипиани предлагал перевести в положение хизанов. «Хизанство у нас, — говорил он, — существует с древних времен, и не только люди свободные, но многие из крепостных стремятся к этому состоянию, на самом деле выгодному для обеих сторон. В положении именно этого рода, но в положении лучшем, будут и крестьяне наши по освобождению от нашей зависимости, лучшем потому, что останутся при пользовании лучшими землями, и нет сомнения, что не будет тогда никаких поводов ни к неудовольствиям между нами, ни к ежедневному вмешательству начальства во внутренние, домашние дела наши»⁴¹⁰.

Проект большинства. На основе принципов, изложенных в докладе Д. Кипиани, был составлен проект большинства освобождения крестьян (апрель 1863 г.). Первый пункт его торжественно извещал, что, по желанию «государя императора, а также князей и дворянства Грузии», сельские труженики «освобождаются от всякой крепостной зависимости». Но так как, сказано в примечании к этому пункту, данный шаг связан с большими жертвами со стороны помещиков, то надеемся, что государь даст им «единовременное содействие». Освобожденный от личной зависимости крестьянин вступал также в «добровольные» отношения с землевладельцем, какие «по древним» обычаям Грузии существуют между хизаном, т. е. между свободным сельским обитателем, и владельцем земли. Вышедший из крепостной зависимости крестьянин получал право приобретать в собственность без ограничения «всякую недвижимость». В распоряжении освобожденных оставались не только собственные, но и те владельческие земли, на коих они жили и коими пользовались. Однако за это помещику предоставлялась определенная плата. Свободный сельский обитатель за пользование пахотными, садовыми и луговыми местами, лесом и водой обязан был давать владельцу галу (часть земных произведений), кулухи (часть произведений садовых) и отбывать бегару (натуральную повинность работой), как между собой добровольно договаряются, а до заключения добровольного договора должен отправлять галу, кулухи и бегару в том размере, в каком... отбывают их по обычаю хизаны⁴¹¹.

Таким образом, проект большинства настаивал на безземельном освобождении крепостных. Иначе говоря, главное средство производства, т. е. земля, составляющая основу феодально-крепостнической системы, оставалась помещичьей собственностью. Крестьянин, переходивший в положение хизана, должен был пользоваться чужой землей, отбывая за нее по-прежнему различные повинности. Проект большинства ставил перед собой задачу не уничтожения крепостного права, а его сохранения в несколько измененном виде. Поэтому он консервативен по своему характеру.

Проект меньшинства. В связи с реформой был выработан и второй, так называемый проект меньшинства⁴¹², подписанный 14 помещиками. Он, как об этом не раз отмечалась в научной литературе, по существу ничем не отличался от вышерассмотренного проекта большинства, что не скрывали и сами авторы⁴¹³. Они прямо заявляли: соглашаясь полностью с основными положениями, высказанными большинством дворянства, поддерживая, в частности, мнение о безземельном освобождении крестьян, мы хотим принять более эффективные меры «к обеспечению будущности крестьян, освобождаемых от крепостной зависимости». Такой эффективной мерой авторы считали признание права сельских тружеников на все то, что было создано и приобретено их трудом. Меньшинство предлагало распространить это право на: 1.

⁴¹⁰ Там же, с. 218, 230, 268—269.

⁴¹¹ Подробно см.: Ч х е т и я Ш. К. К истории крестьянской реформы..., с. 182—269, 270—281; А н т е л а в а И. Г.* Отмена крепостного права в Грузии. — Мацне, 1965, №3; Г у г у ш в и л и П. В. СХАО, т. II, с. 119—120; Ж о р д а н и я О. К. История крестьянской реформы в Грузии, 1. Тбилиси, 1982.

⁴¹² Текст проекта см.: Ч х е т и я Ш. К. К истории крестьянской реформы..., с. 406—412; Г у г у ш в и л и П. В. СХАО, т. II, с. 137—144.

⁴¹³ Ч х е т и я Ш. К. К истории..., с. 28; П у р ц е л а д з е Г. Крестьянская реформа в Восточной Грузии. Автореф дис.... докт. ист. наук» Тбилиси, с. 47.

домашний скот, орудия труда и вообще на всю движимость, 2. дом и другие хозяйственные постройки, исключая занятые ими земли, 3. сады и виноградники (без их земельной площади) и 4. недвижимое имущество, приобретенное крестьянами после установления в Грузии непосредственного русского управления⁴¹⁴.

Предоставление означенных прав сельскому трудовому народу носило преимущественно формальный характер, так как практически использование этих прав было почти невозможно. По проекту крестьянину разрешалось продать, подарить, завещать и т. д. разбитый им сад, но при условии принятия на себя новым владельцем обязанностей прежнего хозяина, что выражалось в подношении помещику определенного вознаграждения за пользование землей. Если он (крестьянин) не находил желающего на означенных условиях вступить во владение его домом, садом и др., то они становились собственностью помещика.

Не в пользу крестьян был решен и земельный вопрос. Крестьяне, согласно рассматриваемому проекту, за приусадебные участки обязаны были выплачивать помещику ежегодно (деньгами или другими средствами) четыре процента означенной суммы за «земли этой категории». Не лучше была решена проблема пахотных земель. Они оставались собственностью дворянства. «Конечно, — читаем в проекте меньшинства, — мы не отвергаем, что... ему (крестьянину) нужны пахотные, луговые и другие земли и угодья, но все это он легко может приобрести посредством свободного найма. Во всяком случае, у нас самих нет столько земли, чтобы, уделяя крестьянам, мы могли бы сами быть обеспечены. Если все эти земли передать крестьянам в вечное и потомственное владение или, в распоряжение, тогда у помещиков ничего не останется... Потому мы... полагаем все земли и угодья оставить за помещиками». У помещиков же оставался и лес. Сельское трудовое население могло вывезти оттуда (конечно, за плату) лишь столько лесоматериала, сколько было необходимо для устройства садов, виноградников и для других хозяйственных нужд. В остальных случаях пользование помещичьим лесом запрещалось⁴¹⁵.

Таким образом, несмотря на высокопарные слова об обеспечении жизни вышедших из крепостного состояния крестьян, проект меньшинства был таким же консервативным, как и проект большинства, отличаясь от него лишь в деталях.

Мнение Иванэ Багратион-Мухранского. Закавказский центральный комитет по крестьянскому вопросу получил особое мнение Ивана Багратион-Мухранского. Он был противником реформы, считая ее проведение преждевременной. Но раз вопрос об отмене крепостного права, в принципе уже был решен, грузинский феодал постарался сделать это с наименьшими жертвами.

Багратион-Мухранский, как и следовало ожидать, особое внимание уделял земельному вопросу и решал его, конечно, в пользу привилегированного сословия. Собственностью его объявлялась земля. Иной подход к данной проблеме, т. е. передаче даже небольшого земельного фонда крестьянам, в собственность, он рассматривал как вопиющую несправедливость, могущую привести к полному экономическому разорению грузинских князей и дворян. Исходя из этого, Багратион-Мухранский в свой проект внес специальный пункт о безземельном освобождении крепостных и превращении их в потомственных арендаторов помещичьих земель.

По мнению Багратион-Мухранского, помещичью собственность составляли и приусадебные земли крестьян. Поэтому он настаивал на выплате их хозяевам определенного вознаграждения за пользование землей⁴¹⁶.

Словом, предложение Батратион-Мухранского полностью совпадает со взглядами большинства и меньшинства, между ними нет никакой принципиальной разницы.

⁴¹⁴ Ч х е т и я Ш. К. Указ. соч., с. 412.

⁴¹⁵ Там же, с. 407—411; Г у г у ш в и л и П. В. СХАО, т. II, с. 140—143.

⁴¹⁶ Ч х е т и я Ш. К. К истории..., с. 309; Г у г у ш в и л и П. В. СХАО, II, с. 131—132.

Мнение Константина Мамацашвили. Среди грузинского дворянства были и такие, которые сравнительно трезво подходили к решению узловых вопросов реформы. К числу последних принадлежал Константин Мамацашвили. В отличие от проектов большинства и меньшинства, а также Багратион-Мухранского, К. Мамацашвили поддерживал идею освобождения крестьян с землей. Без земли свобода, предоставляемая крестьянам, будет только фикцией, не имеющей никакого практического значения, писал он. Обеспечение сельских тружеников землей необходимо было по многим соображениям и, прежде всего потому, чтобы не появился пролетариат этот «неусыпный враг» порядка и спокойствия. Он предлагал крепостное население разбить на три группы⁴¹⁷ и дифференцированным подходом к ним решить вопрос о земле. В первую группу Мамацашвили выделял крестьян, пользовавшихся помещичьими землями в пределах нормы и выше. Им предоставлялось право выкупить участки в пределах утвержденных норм, отрезав в пользу помещика площадь сверх нормы; во вторую — имевшие земли ниже предусмотренной нормы. При освобождении они не получали дополнительных наделов, так как, по мнению Мамацашвили, при новых порядках, т. е. при наличии у них личной свободы, крестьяне могли обеспечить себя доходами от своих небольших участков. И наконец, в третью группу попадали совершенно безземельные крестьяне. «Им, — писал автор проекта, — дадим свободу без земли, так как наши помещики, ввиду бедности, обеспечить их землей не смогут. Если же кто-либо в состоянии купить помещичью землю, то пусть покупает, добровольно склонивши на это землевладельца».

Несмотря на ряд консервативных черт, проект Константина Мамацашвили все же более прогрессивен, нежели проекты большинства, меньшинства и Багратион-Мухранского.

Разногласия в лагере консервативных и либеральных дворян не имеют принципиального характера и значения, так как они происходили внутри феодального класса из-за меры и объема уступок. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, — писал В. И. Ленин, — столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов... борьбой исключительно из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти»⁴¹⁸.

Реформа и демократический лагерь. Куда важнее была борьба, которую вели против помещиков за справедливое решение аграрного вопроса крестьяне и защитники их интересов — грузинские просветители, революционеры-демократы, «тергдалеули», которые сделали все возможное, чтобы реформа приняла характер, отвечавший интересам трудового народа. В 1864 г., вероятно, именно они совместно с некоторыми либеральными деятелями представили администрации «Критические замечания» на проект реформы, составленный Закавказским центральным крестьянским комитетом. Хотя этот проект и поддерживал идею освобождения крестьян с землей, он все же не предполагал полного уничтожения крепостного права. Именно против этой крепостнической сущности реформы и выступали «тергдалеули», требовавшие, как мы видели выше, коренной ломки отжившего себя общественного строя. Демократы и некоторые либералы требовали выкинуть из проекта пункты о временнообязанных отношениях и предоставить крестьянам землю в собственность. Без этого, по мнению автора «Замечаний», невозможно было улучшение экономической жизни ни непосредственных производителей материальных благ, ни дворянства, ни развития их хозяйства. «Опровергая вовсе обязательные отношения, — говорится в документе, — из которых возможно только порождение всех этих неприятностей, я должен присовокупить,

⁴¹⁷ Г у г у ш в и л и П. В.* Грузинская журналистика. Тбилиси, 1941, с. 428-429.

⁴¹⁸ Л е н и н В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

что решение крестьянского вопроса должно быть основано на совершенно других началах, именно: на началах окончательного отделения интересов помещиков от интересов крестьянина, между которыми должна быть прервана всякая нить, связывающая их насильно между собою, без этого нет исхода, и всякое решение крестьянского вопроса на иных началах не будет окончательным решением, а только продлением... в другой форме крепостного состояния... Во избежание нового... поднятия крепостного вопроса, я признаю необходимым теперь же его порешить окончательно и, уничтоживши всякие обязательные столкновения между освобождающим и освобождаемым сословиями, определить окончательное отделение крестьян с предоставлением им надела от всяких отношений к помещику»⁴¹⁹.

Такие революционно-демократические взгляды в «Замечаниях» переплетаются с прогрессивно-либеральными положениями, что свидетельствует о борьбе, протекавшей между различными социальными классами и внутриклассовыми группировками в грузинском обществе на стыке двух эпох — феодальной и капиталистической.

Положения 13 октября 1864 г. Проект Закавказского центрального крестьянского комитета, составленный, как было сказано выше, с максимальным учетом интересов дворянства, был утвержден (с небольшими изменениями) на совместном заседании Главного крестьянского и Кавказского комитетов. Одобрив его, высшая власть приняла три закона (Положения), в частности наиболее важный из них — Положение о поземельном устройстве крестьян Тифлисской губернии, в котором в законодательном порядке было решено два вопроса — о земле и о повинностях сельского трудового населения.

Исходя из фискальных интересов, правительство отклонило предложение о безземельном освобождении крепостных и стало на точку зрения неременного предоставления им земли. Однако законодатель тут же оговорил, что земля предоставляется им не в собственность, а «в постоянное пользование», за что они должны были отбывать «установленные повинности». Надел, в который кроме приусадебной земли входили пахотные и садовые земли, выделялся крестьянам в размере, равном дореформенному. Помещик не был обязан давать освобождаемым крестьянам земли сверх утвержденной высшей нормы. Такой нормой, по Положению, было на дым 10 дгиури (5 десятин) для поливной и 20 дгиури (10 десятин) для неполивной земли. Это давало помещику право изымать из сферы пользования непосредственных производителей земельные площади, превышавшие принятые нормы. Более того, он мог отобрать у крестьян все то пространство земли, которое у них было сверх «коренного полевого участка».

Закон не предусматривал наделения сельских тружеников землей, которые ко времени отмены крепостного права не имели ее. Число же таковых составляло 1800 дымов, или 14% всех помещичьих крестьян Восточной Грузии. Помещики, в распоряжении которых имелось не более 30 десятин земли, освобождались как мелкопоместные от обязанности выделения крестьянам земельных наделов.

Непосредственному производителю материальных благ для отправления своего хозяйства и содержания семьи нужны были не только земли вышеназванных категорий, ему необходимы были также лес, водоемы, места для охоты и т. д. Вопрос пользования всеми ими был решен в пользу привилегированного сословия. Согласно Положению, помещик не был обязан давать крестьянам строительный лес, равно как безвозмездно отпускать топливо. Ограничивались права крестьян и в отношении рыбной ловли. «Хотя вообще право на рыбную ловлю,— читаем в Положении,— принадлежит... помещику, но там, где пользование оными составляло одно из главных средств существования крестьян..., пользование сие оставляется за крестьянами... Повинности за сие пользование

⁴¹⁹ Критические замечания по параграфам предварительного проекта «Положения о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в Тифлисской губернии». — ИВ, 1947, т. 3. с. 309. Публикация А. М.Иовидзе.

должны быть соразмерны со средствами крестьян». Охота признавалась помещичьей привилегией, но законодатель разрешал крестьянам истреблять на отведенной им земле «хищных или вредных для хозяйства птиц и зверей».

За «постоянное пользование» землей крестьянин обязан был платить повинности в течение всего периода существования временнообязанных отношений. Размер этих повинностей определялся добровольным соглашением сторон. Крестьянин обязан был за каждый дигури (0,5 десятины) приусадебной земли платить помещику по три рубля. Но если приусадебная земля была расположена в таком месте, где торговля, промышленность и плотность населения обеспечивали «выгодный сбыт произведений» и высокие заработки, то приусадебная земля могла быть оценена значительно дороже, но не свыше 120 рублей за дигури. 5% из этой суммы отдавалось помещику. За виноградные и пахотные земли сельские труженики платили специальные повинности — кулухи и гала, в размере одной четвертой части с урожая.

Крестьяне могли выкупать предоставленные им земельные участки в собственность, но непременно с разрешения помещика. Размер же выкупной платы устанавливался по добровольному соглашению сторон.

Бывший крепостной, выкупивший надел, избавлялся от временнообязанных отношений и переходил в разряд свободных хлебопашцев — собственников.

Лично освобожденным крестьянам отныне предоставлялось право вступать в брак, приобретать в собственность недвижимое и движимое имущество, отчуждать и закладывать его, заключать всякие сделки и обязательства, нести торговлю и промысла, возбуждать иски и тяжбы по делам гражданским и «ответствовать за себя, лично или через поверенных», а по делам уголовным — подавать жалобы и отстаивать их. Наряду с этими льготами, Правила устанавливали и такие порядки, которые тяжким бременем ложились на плечи сельских тружеников до 1 января 1866 г., которые обязаны были за пользование усадебными, садово-пахотными и другими землями «вносить владельцу невинность... в прежнем виде и размере». Помещики же за каждую освобожденную душу мужского пола получали по 25 рублей. Сумма эта удваивалась в отношении крепостников, имевших в своем владении менее 21 крестьянина мужского пола. Наместнику предоставлялось право назначать по своему усмотрению вознаграждение и тем помещикам, которые, хотя и имели более 21 души крестьян мужского пола, но были «обременены многочисленным семейством» или по другим причинам заслуживали «особого уважения».

§ 2. РЕФОРМА В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

После Восточной Грузии реформа была проведена и в Западной Грузии. Положение об отмене крепостного права в Кутаисской губернии, в которую входили Имерети, Гурия и Рача, было утверждено 13 октября 1865 г., в Мегрелии — 1 декабря 1866 г., а в Абхазии -- 8 октября 1870 г. Основные принципы освобождения в Кутаисской губернии и Мегрелии были те же, что и в Картли и Кахети, разница состояла лишь в деталях.

Особенности реформы в Кутаисской губернии. В Кутаисской губернии (Имерети, Раче и Гурии), а также в Мегрелии была установлена одна и та же норма надела как для поливной, так и для неполивной земли — 12 кцев (4,08 гект.). Ввиду специфических естественно-географических и климатических условий, там действовала лишь одна норма (4 кцеви) основного коренного полевого надела. Мелкими землевладельцами Тифлисской губернии были признаны те, которые имели в своем распоряжении не более 60 десятины, или 120 дигури, земли (включая сюда участки, отданные в пользование крестьян), а в Кутаисской губернии — 22,5 десятины. От обязанности выделения крестьянам земли в Кутаисской губернии освобождались

помещики, имевшие менее 11 десятин⁴²⁰. Крестьяне Кутаисской губернии за наделные земли отбывали те же повинности, что и Тифлисской губернии, т. е. четвертую часть урожая. Исключение составляли пущенные на деревья виноградные лозы («маглари»), с которых помещик брал 1/3 часть урожая. Поливные земли в Тифлисской губернии были оценены вдвое дороже, чем неполивные. В Кутаисской же губернии земли, «принадлежащие к плодороднейшим», оценивались в полтора раза дороже по сравнению с землями обыкновенными.

Особенности крестьянской реформы в Абхазии. В Абхазии реформа, в основном, была проведена на тех же началах, на каких и в других регионах Грузии. Некоторая же специфика заключалась в том, что, согласно Положению 8 ноября 1870г., все «освобожденные от личной зависимости люди» только в течение четырех лет оставались во временном обязательном отношении и отбывали помещикам все дореформенные повинности. По истечении этого срока они механически переходили в разряд свободных сельских тружеников. Такой переход мог произойти и раньше при условии уплаты освобождаемым лицом выкупной суммы, предусмотренной Положением. Сумма эта была разная для различных категорий крестьян и равнялась стоимости их четырехлетних повинностей. Она была очень значительна и поэтому выплатить ее мог лишь небольшой процент населения. Это обеспечивало значение статьи Положения, разрешавшей досрочный выкуп.

Особенностью реформы в Абхазии было и то, что земли (приусадебные, пахотные, садовые и прочие) переходил и в полную собственность не только привилегированных сословий, но и крестьян по следующей норме: семьи в одну душу получали 3 десятины, из двух-трех душ—5 десятин, из четырех-пяти душ—6 десятин и семьи из шести и более душ—7 десятин⁴²¹. Выделение земли сельским труженикам в собственность действительно отличало Абхазию от других частей Грузии, в которых крестьяне не были признаны собственниками надела. Бывшие крепостные по истечении четырехлетнего срока механически переходили в разряд свободных людей. Однако, поскольку «свобода» крестьян и здесь была формальной, тезис о последовательно буржуазно-демократическом характере реформы в Абхазии, якобы «не оставившей почти никаких следов крепостничества», является, по крайней мере, спорным⁴²².

Вышеотмеченные особенности крестьянской реформы в Абхазии объясняются относительной слабостью феодально-крепостнических отношений и обострением классовой борьбы, ярко проявившейся в восстании 1866 г. Восставшие крестьяне категорически отказались от выкупа земли, которую они и без того считали своей. Правительство вынуждено было считаться с этим и пойти на некоторые уступки.

Крестьянская реформа в Сванети. Положение от 1866 г. о крестьянской реформе в Мегрелии распространялось и на одну часть Сванети, известной под названием Дадиановской Сванети. В силу того же Положения крепостное право должно было быть упразднено и в так называемой княжеской, или Дадешкелиановской Сванети, но в действительности этого не произошло. Непосредственные производители материальных благ еще несколько лет оставались в прежнем положении, продолжая по-прежнему отбывать помещичьи повинности.

Однако сохранение крепостного права только в Сванети, по-видимому, ни правительство, ни местные феодалы не считали возможным.

Князя Дадешкелиани в 1868 г. обратились к кутаисскому военному губернатору с просьбой отменить крепостное право в княжеской Сванети и за освобождение их 132

⁴²⁰ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос, т. IV, с. 2—3.

⁴²¹ См. инструкцию по поземельному устройству Абхазии и Самурзакано. — Ист. арх., т. V. М., 1950, с. 431—432.

⁴²² См.: Б е н д и а н и ш в и л и А. С.* Аграрные отношения в Грузии 1890-1917 гг. Тбилиси, 1965, с. 10; А в и д з а В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985.

дымов крестьян выдать им соответствующее вознаграждение⁴²³. После ознакомления с краем кутаисский военный губернатор пришел к заключению, что реформу в Сванети следовало провести своеобразно. Здесь, по его мнению, крепостное население прямо должно было перейти в разряд свободных земледельцев (собственников), минуя период временнообязанных отношений, так как они, «при отдаленности главных центров управления и при отсутствии в течение 5 месяцев всякого сообщения, поставили бы как помещиков, так и крестьян в самое трудное положение при первом возникшем недоразумении»⁴²⁴. С данным предложением выступали и раньше сами сванские феодалы, изъявившие готовность освободить своих 132 дыма (614 душ мужского пола) крепостных, предоставив им землю в полную собственность. Они отказывались от сохранения (даже на короткое время) временнообязанных отношений. Площадь же земли, которую Дадешкелиани соглашались уступить крестьянам, состояла из приусадебного участка и 4 кцев пахотно-пастбищных земель. Земли сверх этой нормы подлежали отрезке. За эти «жертвы» они просили вознаграждение — 50 рублей за каждого освобожденного крестьянина (мужского пола), т. е. в два раза больше, чем мегрельские феодалы.

Высшая власть поддержала это предложение, одобренное кавказской администрацией, и утвердило его 8 октября 1871 г. Именно этот день считается датой отмены крепостного права в Сванети.

Законом от 8 октября 1871 г. крестьяне, как уже было сказано выше, из зависимого состояния переходили в разряд собственников. «Милосердные» помещики уступили освобождаемым труженикам приусадебные участки и пахотно-пастбищные земли в размере 4 кцев (на дым) в собственность. В этом и состоит специфика крестьянской реформы в Сванети.

С первого взгляда создается впечатление, будто бы реформа навсегда отделила крепостных от помещиков, первые стали самостоятельными хозяевами. На самом же деле в результате реформы, проведенной без должной подготовительной работы всесильной властью военных лиц, в тяжелом положении оказались именно трудящиеся. Четыре кцевы земли на дым было явно недостаточно. По подсчетам уполномоченного министерства государственных имуществ в Закавказье Медведева, в Сванети для поддержания жизни необходимы были минимум от 3 до 5 десятин на душу обоего пола. По-видимому, это и имел в виду С. Авалиани, называя надел сванского крестьянина нищенским⁴²⁵. Благодаря отрезкам после реформы в распоряжении сванского крестьянина осталось меньше земли, чем до реформы. Словом, ухудшалось его материальное положение. Зато вполне устроились дела местных помещиков. Они, по свидетельству того же С. Авалиани, и землю сохранили за собой, и большие деньги прибрали к рукам.

§ 3. ИТОГИ И ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМЫ

Итак, в результате отмены крепостного права в Грузии крестьяне получили свободу. Освобожденным, по Положению, были выделены земли, но не в собственность, а в постоянное пользование, за что они до выкупа земли платили землевладельцу те же повинности, что и до реформы. Крестьянин мог, разумеется, и выкупить надел, но только с согласия помещика. До выкупа же земли он оставался в положении временнообязанного человека. После выкупа бывший крестьянин окончательно переходил в разряд собственников. Но так как выкуп не был признан обязательным, временнообязанные отношения сохранялись долго, в Грузии они фактически были отменены лишь в 1912 г.

Благодаря отрезкам дореформенный земельный фонд восточногрузинских крестьян сократился на 28986 десятин. Освобождение крестьян от крепостничества и здесь «было...

⁴²³ СХАО, II, с. 525.

⁴²⁴ Там же, с. 526; см. также: Ч а р к в и а н и А. Я. Сванети. Тбилиси, 1967.

⁴²⁵ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. II, с. 55, 58, 59.

сплошным надругательством над ними»⁴²⁶. Известный общественный деятель Н. Я. Николадзе, касаясь последствий реформы, писал, что для сельского трудового населения порядки, существовавшие до отмены крепостного права, были куда лучше, чем те, которые установились после нее⁴²⁷.

Несмотря на то, что реформа была проведена с максимальным учетом интересов помещиков, она имела все же большое значение. Отныне крестьяне, получившие личную свободу, могли приобрести для себя движимое и недвижимое имущество, использовать его по своему усмотрению, заняться торгово-промышленной деятельностью, заключать контракты, выступать в суде и т. д. Значительно усилилась их личная заинтересованность, поднялась производительность труда. Отмена крепостного права оказала положительное влияние на развитие производительных сил и ускорила победу капитализма как господствующей формации⁴²⁸.

§ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬЕГО КЛАССА

Крестьянская реформа 1864—1871 гг. оставила в руках дворянства более 30% всего земельного фонда (исключая Аджарию, Абхазию и Сванети). Дворянство Тифлисской губернии, составлявшее 2,89% от общего числа населения губернии⁴²⁹, сохранило в 7 раз больше земли, чем хизаны, временнообязанные и государственные крестьяне вместе взятые⁴³⁰. В Кутаисской губернии дворяне, насчитывавшие в своих рядах 8561 дым, или 6,78% губернского населения, получили в 4 раза больше земельной площади, чем 57 тыс. дымов временнообязанных крестьян.

В общей массе дворянства преобладали мелкие и средние помещики. Но по площади занимаемой земли они значительно уступали крупным владельцам. Достаточно сказать, что первые, составившие в начале нынешнего столетия почти 77% общего числа дворян-землевладельцев Тифлисской губернии, имели в своем распоряжении лишь 97047 дес. земли, или 9,8% всех дворянских земель, а крупные помещики — 859168 десятин, или более 90%. И в Кутаисской губернии крупные землевладельцы резко опережали мелких и средних по площади земли. Так, первые, с удельным весом 0,64%, сосредоточили в своих руках 317548 дес., или 64,12% всех дворянских земель.

Реформа не уничтожила (и не могла! уничтожить) дворянское землевладение. Почти половина всего земельного фонда осталась в руках привилегированного сословия, и казны. Крестьяне различных категорий в массе своей по-прежнему испытывали острую земельную нужду. Однако социально-экономическое развитие в пореформенный период вносило много изменений в жизнь вообще и в дворянскую в частности. Под сильным воздействием новых социальных процессов стало заметно рушиться дворянское монопольное землевладение. Господствующий клан был не в состоянии остановить этот процесс. Стремясь не отстать от жизни и удовлетворять свои возросшие потребности, большая часть помещиков, лишавшаяся вследствие реформы крепостных крестьян, вынуждена была идти на заклад и продажу земли. Привилегированное сословие теряло не только проданные, но и заложенные земли, так как они, как правило, не в состоянии были покрыть взятую из банка или у частных лиц ссуду. По имеющимся сведениям, дворянство Тифлисской губ. за 1875—1902 гг. заложило в банке 1008 имений площадью 350 275 дес. Оно закладывало земли и частным лицам. Площадь таковых к 1904 г. составила 302623

⁴²⁶ Л е н и н В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

⁴²⁷ Н и к о л а д з е Н. Я. Освобождение крестьян в Грузии. — Колокол, вып. VIII. Факсимильное издание. М., 1963, с. 1635.

⁴²⁸ Л е н и н В. И. По поводу юбилея. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 162, 167, 168.

⁴²⁹ Г и о р г а д з е Гр.* Общественные отношения в Грузии. Тифлис, 1928, с. 81.

⁴³⁰ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос в Закавказье, Тифлис, т. IV, с. 501; СХАО, IV, с. 122.

дес.⁴³¹ К началу текущего столетия дворянством Тифлисской губ. было заложено 652298 дес. земли, или более 50% частновладельческого фонда.

Заложенные имения обратно не выкупались. Из 314 помещиков, взявших в 1847—1874 гг. ссуду из Приказа общественного призрения под залог земли, не сумели погасить ссуду 204⁴³². Иначе говоря, 68% помещиков, заложивших свои имения, оказались перед реальной опасностью их окончательной потери.

Еще меньше удавалось дворянству рассчитаться с частными лицами. Это обуславливало массовый переход дворянских земель в руки купцов, ростовщиков и торгово-промышленных элементов города. Рушилась постепенно феодальная собственность, крепла и консолидировалась возникшая еще в дореформенное время буржуазная собственность.

§ 5. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Временнообязанные крестьяне. Ход выкупного дела. Освободившиеся от крепостной зависимости крестьяне, как отмечено выше, не были признаны собственниками отведенной им земли. Формально закон разрешал им выкупать надел и перейти в разряд собственников. Выкуп не был обязательным, он был поставлен в зависимость от помещика. С 1865 г., по 1904 г., т. е. за 40 лет, в Тифлисской губ. временнообязанные отношения прекратило всего 3768 дымов, или 26,4% из общего числа (14235 дымов). С помощью правительственной ссуды крестьяне выкупили 16416 дес. земли, или 29,6% всего надельного фонда (55263 дес.). Несколько лучше шло это дело в Кутаисской губ. Там в означенные годы в разряд собственников перешли (без правительственной ссуды) 35597 дымов, или 58,8% общего числа (57070 дымов) бывших помещичьих крестьян, выкупивших 69,4% всей надельной земли (207523 дес.).

Таким медленным темпом шел процесс выкупа крестьянами надельных земель. Главной причиной этого было тяжелое социально-экономическое положение крестьян. Значительная, их часть не имела материальной возможности выкупить надел и перейти в разряд собственников. При такой ситуации следовало ожидать, что сельские труженики охотно воспользуются правительственной ссудой, но этого не случилось. Они, как правило, не обращались к ней из-за незначительности ссужаемой суммы⁴³³ и тяжелых условий ее выплаты. Крестьянин, купивший при содействии государства земли, писал в 1892 г. Ал. Пронели, «вынужден в течение сорока девяти лет... платить казне ежегодно по 21 руб. Купленная же земля не дает такого дохода и поэтому трудно покрывать долг. Известно, что денег у нас мало, а отсутствие приличных дорог затрудняет вывоз товаров на отдаленные рынки. Все это мешает раздобыть деньги и отдать их казне. Итак, трудности реализации сельскохозяйственных продуктов, безденежье и податное бремя настолько препятствуют выкупу наделов, что успех почти совершенно невозможен до упразднения этих причин. В настоящем положении крестьянину невыгодно выкупать надел и вносить в казну ежегодные денежные взносы»⁴³⁴.

Выходу крестьян из временнообязанных отношений серьезно мешало не только запрещение совершения данной операции без согласия помещика, но и массовый заклад дворянских имений при взятии государственной и частной ссуды. При последнем обстоятельстве купля-продажа заложенных дворянских земель законом запрещалась. В том же направлении действовал не знавший меры бюрократизм соответствующих лиц и учреждений. Крестьянину приходилось тратить много денег, сил и времени, чтобы добиться законного оформления выкупа надельной земли. Самым главным фактором,

⁴³¹ СССЧЗГКТ, I, с. XXX, 503, XXXIII, 652.

⁴³² Иверия, 1877, № 42.

⁴³³ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос., т. IV, с. 11—12.

⁴³⁴ Иверия, 1892, №237.

задерживавшим этот процесс, было все же тяжелое социально-экономическое положение освобожденного от крепостной зависимости народа.

Землевладение. После отмены крепостного права крестьяне Тифлисской и Кутаисской губ. получили в среднем 3,7 и 2,5 дес. соответственно. Со временем их обеспеченность землей не только не улучшилась, а, наоборот, ухудшалась. Правда, незначительная часть крестьян, образовавших ядро кулачества, резко поправила свое положение, но большинство испытывали острую земельную нужду. В целом шел процесс сокращения среднего крестьянского надела. В Тифлисской губ., например, он с 3,7 дес. в 1865 году уменьшился до 1,7 дес. к 1903 г.⁴³⁵ Приблизительно такая же картина наблюдалась и в Кутаисской губ. О нехватке земли у крестьян и о ее неравномерном распределении газета «Гутнис деда» («Пахарь») в 1875 г. писала: «У нас многие не имеют земли и поэтому мы все вынуждены брать ее в аренду на стороне, чтобы свести концы с концами, удовлетворить минимальные потребности семьи. Что ждет безземельного крестьянина? Голод и смерть. Кто такой безземельный крестьянин? Несчастное создание, он подобен птице с обрезанными крыльями и рыбе, лишенной воды»⁴³⁶. В корреспонденции, напечатанной в 1892 г. в одном из номеров газеты «Иверия», говорится о тяжелом экономическом положении временнообязанных крестьян селения Мариам-Джвари Тифлиского уезда, обусловленном, как и в других случаях, их крайним малоземельем. В корреспонденции, составленной от имени крестьян, читаем: «Духоборы и немцы получили от правительства огромные земли для заселения, а мы жители Мариам-Джвари, задыхаемся от безземелья. Наше положение не может не вызвать к нам сострадания. В этом маленьком селе проживают 13 дымов. Во время реформы каждый получил по десять дгиури (5 дес.) земли, а всего — 130 дгиури (65 дес.). В прошлом году вода унесла 30 дгиури, и осталось у нас только 100 дгиури (50 дес.), используемых нами как для пахоты, так и для пастьбы скота. Помещики запретили нам пользоваться лесом. Словом, положение, в котором мы находимся душит нас и наших домашних животных. О нашем бедственном состоянии, о земельной нужде мы уже докладывали господину тифлисскому губернатору и просили его помочь нам спасти наши семьи от неизбежной гибели. Если и господин губернатор не поймет, то мы не знаем даже, что делать, как же нам жить, людям, имеющим земли всего полтора дня пахоты на душу, как жить и выполнять свои обязанности перед государством?»⁴³⁷

Александр Пронели (А. Кипшидзе), откликнувшийся на вышецитированную корреспонденцию и подтвердивший приведенные в ней факты, писал: «Если мы хорошо знали бы нашу страну, то убедились, что подобная картина наблюдается и во многих других местах»⁴³⁸.

Словом, малоземелье временнообязанных крестьян приняло прямо-таки угрожающий характер. Выйти из этого положения маломощные крестьяне могли лишь арендой помещичьей земли, так как приобрести ее в собственность у них не было возможности. К аренде земли широко прибегали не только временнообязанные, но и государственные крестьяне, имевшие сравнительно лучшее материальное обеспечение.

Условия аренды, по словам крестьян, были драконовскими⁴³⁹. Сравнивая свое пореформенное положение с дореформенным, крестьяне, арендовавшие земли у удельного ведомства, писали, что они в настоящее время, т. е. в 1902 г., живут куда хуже, чем при крепостном праве. Правда, отмечали арендаторы, служащие ведомства с вами не поступают самовольно, не оскорбляют нашу личность, но все это не имеет большого

⁴³⁵ А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. IV, с. 4.

⁴³⁶ Цит. по: А в а л и а н и С. Л. Указ. соч., т. IV с. 4.

⁴³⁷ Г о г и ч а й ш в и л и Ф. Малоземелье среди крестьян Закавказья. Тифлис, 1903, с. 17.

⁴³⁸ Иверия, 1892, № 258.

⁴³⁹ ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 14, д. 437, с. 2.

значения для человека, которому говорят: или отдай нам все плоды твоего труда, или же вон с территории нашего имения⁴⁴⁰.

В Западной Грузии нужда в земле ощущалась куда сильнее. Касаясь экономического положения сельских тружеников лечхумской зоны, газета «Шрома» («Труд») в 1881 г. писала: «Трудно найти где-либо еще крестьян, дошедших до такой крайности, как в Лечхуми». Причина их безысходного положения—это полное отсутствие земли. Не имея собственной земли, они на тяжелых условиях арендуют помещичьи и церковные (ныне казенные) земли... Чем должны еще платить лежащие на них государственные и общественные повинности? Как должны они удовлетворять самые необходимые потребности семьи?⁴⁴¹ Не в лучшем положении находились и государственные крестьяне. По свидетельству той же газеты, большинство из них имело не более одной кцеви (т. е. 900 кв. саж.) всей земли. Имевших же земли в достаточном количестве было совершенно незначительно⁴⁴².

Такое положение заставляло сельских тружеников широко прибегнуть к аренде земли. На этот путь стали, например, 60% временнообязанных Шорапанского уезда⁴⁴³. Почти аналогичное положение было и в других уездах Кутаисской губ.

Повинности. Временнообязанные крестьяне за пользование, наделом платили повинности. Они в 1890 г. составили в Душетском уезде 14 руб. 29 коп., в Борчалинском — 16 руб. 97 коп., в Горийском — 21 руб. 33 коп., Сигнахском — 27. руб. 42 коп., в Тифлисском — 39 руб. 11 коп., в Тианетском — 54 руб. 24 коп. и в Телавском — 66 руб. 30 коп. В среднем временнообязанный крестьянин Тифлисской губ. платил ежегодно 28 руб. 84 коп.⁴⁴⁴

Сельские труженики несли и казенные поборы. В пользу казны они отбывали подъемную подать и земский сбор, выполняли по ее требованию различные натуральные повинности. Кроме того, они вносили в пользу духовенства так называемые «драмовые» деньги и участвовали в проводимых сельскими обществами мероприятиях. Все это было связано с огромной тратой людских сил и времени, расходом значительных материальных средств.

Особенно разорительными были натуральные повинности и не только потому, что объем их был большим, но и потому, что на их выполнение народ, как правило, выходил в самый разгар сельскохозяйственных работ. Дело осложнялось не знавшим предела произволом сельской, уездной и губернской администрации.

Общее положение временнообязанных крестьян. Тяжелыми были условия жизни и труда безземельных и малоземельных, обремененных повинностями крестьян. Ценой невероятных усилий им удавалось пропитать себя и членов семьи. Многие из них голодали. Характеризуя положение картлийского крестьянина, испытывавшего острое малоземелье, газета «Иверия» в 1877 г. писала: «У него нет ровным счетом ничего. Он от своего барина получил только домовое место и одну грядку виноградника. Он не имеет ни саманника и ни хлева, что же касается жилого дома, то он поражает своим убожеством. Это землянка, глубоко зарытая в землю. Дверь висит с западной стороны, и во время ливней потоки воды свободно проникают в помещение, построенное без окон и камина. У хозяина дома четверо детей... Всего же в описанном доме живут шесть душ, там же держат кур и индюков. Жизнь этих людей — одно мучение. Для них кусок мчади — мечта, что же касается одежды, о ней не стоит говорить: рваная чоха и нижнее белье—вот все, чем располагает хозяин дома. Дети же вообще голы и босы, тело их покрывает совершенно изорванная рубашка, не лучше одета их мать. Она вся в изношенной одежде. Они и спать прилично не имеют возможности. Около очага постелена старая циновка, на

⁴⁴⁰ Там же, л. I.

⁴⁴¹ Шрома, 1881, № 10.

⁴⁴² Квали, 1896, №34.

⁴⁴³ А в а л и н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. IV, с. 8.

⁴⁴⁴ ССДЗТКГ. Тбилиси, 1893, с. 19, 37, 97, 126, 133, 139, 145, 195.

которой валяются дети, прижавшись, как поросята к матери, укрытой прокопченным и изодранным одеялом. Отец же их лежит в углу на полу, постелив под низ что попало и укрывшись сверху своей чохой. Вот жизнь этих несчастных людей»⁴⁴⁵.

Было бы, конечно, неправильно думать, что все временнообязанные крестьяне жили в такой нужде. Среди них, разумеется, были и состоятельные семьи. Они в численном отношении были незначительны, но в экономической жизни играли важную роль. К числу последних принадлежали, например, крестьяне Горийского уезда Теймураз Медошвили, Петр Самукашвили, Дато Уриалашвили, Соломон Гогичайшвили, Иосиф Тандилашвили, Гедеван Гаглошвили, Алекси Зазикашвили, Захария Гугиташвили, Абрам Бегиашвили и др. Из них наиболее «малоземельным» был обладатель 50 дес. земель Дато Ариалашвили и наиболее мощным — Абрам Бегиашвили, имевший 200 дес. одной пахотной земли⁴⁴⁶.

Как раз эти состоятельные хозяева и выкупали в первую очередь наделные земли и переходили в разряд собственников. Большинство лишено было этой возможности и поэтому оставалось в положении временнообязанных крестьян.

Государственные крестьяне. Землевладение. Согласно данным 80-х гг. XIX века, в Тифлисской губернии на каждый дым крестьянина казенного ведомства приходилось в среднем 17,67 дес. всех родов земли и 5,89 дес. пахотной и садово-виноградной земли⁴⁴⁷. Что же касается Кутаисской губернии, то там положение было гораздо хуже. Там на каждый дым государственного крестьянина приходилось в среднем в 2 раза меньше (2,70 дес.) пахотной и садово-виноградной земли и в 4 раза меньше (4,23 дес.) всех родов земли⁴⁴⁸. По мнению уполномоченного министерства государственных, имуществ на Кавказе Я. Медведева, каждый крестьянский дым должен иметь 18—19 дес. земли, а в Кутаисской — 41—12 дес. Сюда входили приусадебные, пахотные, садовые, виноградные, огородные, пастбищно-луговые и все прочие годные земли, за исключением лесных массивов. Площадь пахотных и садовых земель он проектировал в размере 8 дес. — в Тифлисской губ. и 10 дес. — в Кутаисской губ.

Фактически среднеподымный надел не превышал 2,7 дес. или 27% необходимой нормы. В Тифлисской губ. крестьяне сравнительно лучше были обеспечены землей, но завидной картины не было и здесь. Достаточно отметить, что в районах этой губернии в среднем на дым приходилось 17,67 дес. всех родов земли, т. е. даже меньше нормы, проектируемой Медведевым для одних только годных земель. Что же касается пахотных и садовых земель, то этого рода земель восточногрузинский крестьянин владел лишь в размере 75% необходимой нормы (5,89 дес. вместо 8).

Распределение земли между отдельными селами и крестьянскими дымами было крайне неравномерно. Размеры подымных наделов измерялись «от 40 и даже более десяти до нескольких квадратных сажень, не говоря уже о почти 2000 душ мужского пола, совершенно безземельных»⁴⁴⁹. Крестьяне 11 селений Тифлисской губ. не располагали вообще ни одной саженью казенной земли, а в 529 селениях (56,77%) их надел колебался от 1 до 16 дес. Если вспомнить, что, по мнению официальных представителей власти, для обеспечения жизни крестьянской семьи в Восточной Грузии требовалось не менее 18 дес. одной **только пригодной земли**, то станет ясным то тяжелое положение, которое переживали крестьяне 529 селений. Одна их часть вообще плохо была обеспечена землей, другая сравнительно лучше, но и она не была наделена нужной нормой. Из остальных

⁴⁴⁵ Иверия, 1877, №34.

⁴⁴⁶ У т у р а ш в и л и И. И.* Классовая дифференциация крестьянства в Грузии во второй половине XIX века. Тбилиси, 1958, с. 179.

⁴⁴⁷ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне..., т. II, Тбилиси, 1962, с. 73. (Сюда входят только казенные земли).

⁴⁴⁸ Там же, с. 75.

⁴⁴⁹ ЦГИАГ, ф. 244, оп. I, д. 44, л. 8.

селений заслуживают внимания те, в которых среднеподымные наделы превышали 50 дес. Число таких равнялось 120 и составляло 12,87%.

В Кутаисской губ., по сведениям, собранным в 90-х гг. XIX века, 398 дымов, или 1,90% общего числа дымов (20997), государственных крестьян не располагали ни казенной, ни собственной землей. Остальные же группировались следующим образом: малоземельные (от 1 до 5 дес.), недостаточные (от 5 до 10 дес.), достаточные (от 10 до 20 дес.) и избыточные (свыше 20 дес.) крестьяне. Удельный вес их соответственно равнялся 75,76%, 17,32%, 3,9% и 1,05%.

Приведенный выше материал, касающийся 80-х гг. прошлого столетия, иллюстрирует тяжелое экономическое положение государственных крестьян Грузии. Их абсолютное большинство испытывало острую земельную нужду и было не в состоянии вести самостоятельное хозяйство, не прибегая к аренде земли. В последующее время их землевладение не только не расширилось, но, наоборот, подверглось дальнейшему сокращению⁴⁵⁰.

Повинности. Одним из важнейших факторов, определявших социально-экономическое положение государственных крестьян, как и временнообязанных, являлась податная система. Она складывалась из подымной подати, земского сбора и натуральных повинностей. Из сведений 80-х гг. XIX века видно, что податное бремя ощутимее было в Тифлисской губ., нежели в Кутаисской. В первой из них в среднем на дым приходилось (в переводе на деньги) 13 руб. 75 коп. всех повинностей, а во второй — 10 руб. 36 коп. По размерам повинности особенно выделялись Сигнахский (17 руб. 17 коп. на дым), Тифлиссский (16 руб. 20 коп.), Телавский (15 руб. 77 коп.), Горийский (15 руб. 03 коп.), Ахалкалакский (14 руб. 28 коп.), Ахалцихский (14 руб. 27 коп.) и Борчалинский (13 руб. 83 коп.) уезды. Наиболее низкие нормы были в Душетском и Тианетском уездах (6 руб. 27 коп. и 6 руб. 34 коп. соответственно). Каждая десятина культурной земли в Кутаисской губ. была обложена на 66% выше, чем в Тифлисской (3 руб. 81 коп. — против 2 руб. 36 коп.). Что же касается той части податей, которая падала на десятину всех родов земли, то в Кутаисской губ. она равнялась 2 руб. 45 коп., а в Тифлисской губ. — 77 коп.

Из суммы податей, отбываемых государственными крестьянами Тифлисской губ. (13 руб. 75 коп.), 28,58% (или 3 руб. 83 коп.) приходилось на долю подымной подати, 34,42% (или 4 руб. 82 коп.) — на долю земского сбора и на долю натуральных повинностей и сельского сбора — 31% (5 руб. 09 коп.), в Кутаисской же губ. их удельный вес соответственно составлял: 36%, 33,59% и 30,41%. Сумма, падавшая на одну десятину культурной земли, составляла стоимость 10 пудов кукурузы — в Кутаисской губ. и 4,5 пуда — в Тифлисской губ.

Мероприятия правительства по землеустройству государственных крестьян. Закон 1 мая 1900 года. Для того чтобы несколько облегчить судьбу сельских тружеников данного разряда, правительство не заботилось об обеспечении казенных крестьян главным средством производства — землей. В течение всего XIX века оно не провело ни одного мероприятия **общего характера** по поземельному устройству людей интересующего нас разряда. Только лишь с 80-х гг. власть, напуганная обострением классовой борьбы, а также встревоженная неисправным поступлением податей, стала готовить реформу, занявшую, по сути дела, около 16 лет (1884—1900 гг.). Наконец 1 мая 1900 г., после долгих обсуждений в различных инстанциях, был принят закон о главных основаниях поземельного устройства государственных крестьян Закавказья, в том числе и Грузии. Закон, весь смысл которого свелся в конечном итоге к **фиксированию** существовавшего положения и составлению документации на уже имевшееся крестьянское землевладение, не предусматривал выделения безземельным крестьянам или обществам наделов и доведения их до определенных норм (такие нормы вообще не были установлены). Только в исключительных, особо «уважительных случаях» министру земледелия и

⁴⁵⁰ А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне..., т. II, с. 95.

государственных имуществ, по согласованию с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, разрешалось увеличить крестьянские наделы или наделять землей безземельных за счет свободных казенных земель, которые, будучи предназначены для колонизации края, считались в принципе неприкосновенными.

В основе лежала идея предоставления государственному крестьянину земли, находившейся в его фактическом владении до реформы 1900 г., но не на правах частной собственности, а на правах постоянного пользования. Реформа 1900 г. не разрешила аграрного вопроса, и огромная масса казенных крестьян по-прежнему осталась необеспеченной землей. Такое решение вопроса консервировало остатки крепостничества и тормозило развитие капитализма. Буржуазное развитие Закавказья в то время могло быть значительно ускорено ликвидацией остатков крепостничества, передачей всех помещичьих и казенных земель крестьянству и упразднением таких «бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины»⁴⁵¹.

Закон 1900 г. следует рассматривать не как меру, ставившую перед собой задачу действительного улучшения положения крестьян, а как жалкую попытку при сохранении пережитков крепостнических отношений предотвратить причины все усиливавшейся классовой борьбы и обеспечить более или менее исправное поступление государственных податей.

Хизаны. Землевладение, повинности. В Тифлисской губернии ко времени отмены крепостного права было всего 5977 хизанских дымов. К первой половине 80-х гг. XIX века общее число хизан в Грузии достигло 9306 дымов. Из них в Тифлисской губ. было 6774 дыма, а в Кутаисской — 2532 дыма⁴⁵².

Крестьянская реформа, как известно, на хизанов не распространялась, точнее, она коснулась лишь части, имевшей крепостное происхождение. Остальные продолжали оставаться в прежнем положении, которое было далеко не таким радужным, каким его рисовали представители грузинского дворянства в период подготовки реформы. Но главное заключалось в том, что положение хизан в пореформенный период подверглось дальнейшему ухудшению. В условиях вздорожания цен на землю помещиков несколько не устраивали такие характерные признаки хизанства, как бессрочность землепользования и неизменность повинностей. По данным 1882—1884 гг., землевладение хизанов представляло следующую картину: в Тифлисской губ., например, 11,54% крестьян данного разряда вообще не имело пахотной земли, 22,41% — имели ее в размере 2,5 дес. (на дым), 43,80% — от 2,5 до 5 дес. и 20,21% — более 5 дес. В целом средний подымный надел в губернии равнялся 4,3 дес.⁴⁵³ Что же касается Кутаисской губ., то там среднеподымный надел не превышал 2,29 дес. К началу же текущего столетия землевладение хизанов подверглось дальнейшему сокращению, составив в Тифлисской губ. — 3,60 дес., а в Кутаисской — 1,93 дес.⁴⁵⁴ Эта площадь земли, которая была чуть выше надела временнообязанного крестьянина и намного ниже казенного крестьянина, конечно, не могла удовлетворить потребность людей данного разряда. Они постоянно испытывали острую земельную нужду.

Резко отрицательно влияли на экономическое положение хизанов повинности, значительную часть которых они отдавали помещикам. Главными из них были: **гала** — повинность, отбываемая хлебом в размере от 1/6 до 1/2 урожая; **кулухи** — повинность на виноград от 1/7 до 1/4 части урожая; **бегара**, трудовая повинность в количестве 50 дней в году⁴⁵⁵. Хизаны, как и другие разряды крестьян, выполняли свои обязательства в виде продуктовой, денежной и смешанной формы ренты. По данным 1894 г., удельный вес их в

⁴⁵¹ Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 431—432.

⁴⁵² А в а л и а н и С. Л. Крестьянский вопрос..., т. IV, с. 49, 148.

⁴⁵³ Там же, с. 150, 151.

⁴⁵⁴ Г о г и ч а й ш в и л и Ф. Г. Малоземелье..., с. 17.

⁴⁵⁵ Г у ч у а В. Г. Хизанство и хизанский вопрос в Грузии. Автореф... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955, с. 14.

Тифлисской губ. соответственно составлял 78,8%, 10,1% и 11,1%⁴⁵⁶. Общий итог этих повинностей был значительным и лежал тяжелым бременем на плательщиках. Достаточно сказать, что в 1894 г. в Душетском уезде хизан первой категории платил помещику (в переводе на деньги) 123 руб. 75 коп., второй категории — 97 руб. 55 коп., третьей — 66 руб. 45 коп., четвертой — 28 руб. 20 коп. и пятой — 16 руб. 20 коп.⁴⁵⁷ В целом же в уезде в среднем на дым приходилось 66 руб. 49 коп., а десятину всех родов земли — 12 руб. 65 коп.

Передовая общественная мысль о хизанстве. Главной чертой хизанства, как отмечалось выше, была бессрочность землепользования. Иначе говоря, помещик не имел права отобрать землю у хизана и продать ее другому или увеличить повинность. Этот принцип был освещен народной традицией и теоретически считался неприкосновенным. Но реальная жизнь обходила его. Нарушение этого принципа более или менее происходило всегда, но особенно заметным оно стало в пореформенный период. В связи с ростом цен на землю грузинское дворянство усилило свое наступление на права хизанов. Оно добивалось признания их обычными арендаторами, чтобы иметь право сгона их с земли в любое время. Свои действия землевладельцы «оправдывали» отсутствием у хизанов, как у обычных арендаторов, юридического права на бессрочное и наследственное пользование землей. Помещики заставляли хизанов заключать с ними краткосрочные договоры и платить значительно повышенные повинности. «Поставленные в затруднительное положение освобождением крестьян, — писала газета «Обзор», — помещики всей своей тяжестью начали налегать на хизанов, и в этот короткий промежуток времени (имеется в виду 15—16 дореформенных лет) рента увеличилась почти в 40 раз»⁴⁵⁸.

Наступление помещиков наталкивалось на стойкое сопротивление хизанов. Используя различные формы борьбы, они защищались и лишь в крайних случаях отступали. Они наводнили жалобами правительственные учреждения, подняли тревогу, потребовали вмешательства верховной власти и справедливого решения дела. Так возник в пореформенный период так называемый хизанский вопрос, на который горячо откликнулась вся передовая грузинская общественность. Она требовала передачи земли в полное распоряжение крестьян, признания их прав собственности. Представители грузинской интеллигенции настаивали на безоговорочном восстановлении принципа бессрочности землепользования хизанами и о полном размежевании их прав от обычных арендаторов.

С защитой этого требования выступили И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, ряд публицистов-народников⁴⁵⁹.

Илья Чавчавадзе доказывал необходимость признания хизанов собственниками земли. Этого, по его мнению, настоятельно требовала сама жизнь⁴⁶⁰. Он с величайшим огорчением говорил о разобщении земли и земледельца⁴⁶¹. Он считал это явление главной причиной многих бед и недоразумений. Восстановление нормального положения писатель считал возможным лишь путем соединения этих двух элементов — земли и труда. Но ввиду того, что достижение этого представлялось ему делом будущего, то он как программу минимум требовал восстановления старого, освещенного народной традицией принципа о землепользовании и беспорочности исключения хизанов из числа обычных арендаторов. «Хизанами, — читаем в проекте И. Чавчавадзе, — признаются те крестьяне-земледельцы, всех без различия состояний, которые приписаны к сельским обществам, живут на владельческих землях, имеют постоянную оседлость в имении

⁴⁵⁶ Там же. (Проценты начислены нами).

⁴⁵⁷ В е р м и ш е в А. В. Хизаны и хизанство. Тифлис, 1884, с. 17.

⁴⁵⁸ Обзор, 1884, № 98; 1880, № 470.

⁴⁵⁹ Дрозба, 1880, №60 и др.; Иверия, 1886, №110 и др.

⁴⁶⁰ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. 6, с. 25.

⁴⁶¹ Там же, с. 137.

владельцев и по предмету пользования ими усадебною землею и другими угодьями не состоят с владельцами в срочных договорных отношениях»⁴⁶². Проект предусматривал также узаконение характера и размера повинностей, сохраняя их без изменений. Восемнадцатый пункт проекта точно определял повинности, которые хизан должен был отбывать помещику за пользование пахотной садовой землей. Рассматриваемый документ возлагал материальную ответственность на землевладельца в случае выдворения хизана без его согласия (пункт 1).

Претворение в жизнь означенных мероприятий, конечно, не могло вызвать существенных изменений, и И. Чавчавадзе, как и другие, хорошо это сознавал. Его предложения заслуживают положительной оценки, так как в случае их принятия могли ограничить произвол землевладельцев.

Характер правительственной политики в отношении хизанов. Правительство не торопилось с рассмотрением хизанского вопроса, но обострение классовой борьбы в деревне заставило его взяться за дело. После довольно продолжительной подготовительной работы, оно, наконец, 3 июня 1891 г. утвердило Положение о хизанах в Тифлисской и Кутаисской губерниях⁴⁶³. Под влиянием классовой борьбы и передовой общественной мысли, правительство признало хизанов самостоятельной, социальной категорией, отличной от обычных арендаторов. Им предоставлялось право на бессрочное пользование помещичьей землей.

Приусадебные, пахотные, садовые, пастбищные и другие земли, а также водоемы и леса объявлялись «полной собственностью помещиков». Хизаны могли и впредь пользоваться этими землями и угодьями, но не бесплатно, а за определенное вознаграждение. Хизан, без согласия помещика покидавший землю, лишался всего того, что он построил на этой земле. Правда, ему, с согласия землевладельца, предоставлялось право передать другому находившиеся в его пользовании земельные участки, но при условии, если этот «другой» принимал на себя исполнение всех обязанностей, лежавших на его предшественнике.

Положение несколько ограничивало привилегированное сословие, обязывая помещиков, желавших избавиться от своих хизанов, предупреждать их об этом за год и вдвойне возмещать издержки, понесенные ими при возведении различных строений и улучшении земли. Этот пункт Положения, не имевший, в сущности, большого практического значения для хизанов, оказался вполне достаточным, чтобы дворянство бойкотировало закон от 3 июня 1891 г. В 1898 г. предводитель дворянства Тифлисской губ. обратился с просьбой к губернатору возбудить ходатайство перед императором об отмене утвержденного им два года назад Положения о хизанах. Высшая власть положительно отнеслась к данному ходатайству. 5 июня 1900 г. был принят новый закон о хизанах, который еще более открыто защищал интересы дворянства. Это нашло свое отражение в самом определении понятия хизанства. По новому закону только тот крестьянин признавался хизаном, который с разрешения помещика был водворен на его землю. Принятие такой формулировки ставило под угрозу большую массу хизанов, самовольно занявших помещичьи земли⁴⁶⁴. К тому же многие хизанские думы, лишенные законом возможности доказать свое хизанское происхождение, приравнивались к обычным арендаторам. Новый закон не предусматривал двукратное возмещение стоимости строения и других издержек хизана в случае его переселения без предварительного предупреждения со стороны землевладельца. Отныне последний обязывался оплатить хизану только стоимость строений, и то в одинарном размере. Были введены и другие ограничения хизанских прав.

Словом, законом 1900 г. не был разрешен вопрос о хизанах. Поэтому хизаны и впредь продолжали неутомимую борьбу за справедливое решение аграрного вопроса.

⁴⁶² ИВ, т. III. Тбилиси, 1947. с. 221—222.

⁴⁶³ ВПСЗРИ, т. XI, №7791.

⁴⁶⁴ А в а л и а н и С. Л. Указ. соч., т. IV, с. 176—177.

Таким образом, ни один разряд крестьян не жил в сколько-нибудь нормальных условиях, но они по своему материальному положению все же отличались друг от друга. С точки зрения земельной обеспеченности на первом месте были государственные крестьяне, на втором—хизаны, на третьем—временнообязанные крестьяне и на четвертом—крестьяне-собственники. В 80-х гг. XIX века в Тбилисской губ. их среднеподымный надел соответственно равнялся: 17,67, 4,30, 3,20 и 2,52 дес., а в Кутаисской губ., исключая крестьян-собственников, — 4,23, 2,29 и 2,10 дес.

И с точки зрения податного бремени в лучшем положении находились казенные крестьяне, на втором месте были временнообязанные крестьяне, а на третьем — хизаны. Среднеподымная величина этих податей и повинностей в Тифлисской губ. соответственно составляла: 13 руб. 75 коп., 28 руб. 84 коп. и 66 руб. 49 коп.

Если принять во внимание, что земельная площадь хизанов лишь ненамного превосходила таковую временнообязанных крестьян, а повинности первых были в три раза больше вторых, то можно заключить, что в пореформенное время среди непосредственных производителей материальных благ хуже всех жилось хизанам, а сравнительно лучше — государственным крестьянам.

§ 6. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Отмену крепостного права крестьяне, как и следовало ожидать, встретили с восторгом. Однако они скоро разочаровались. Действительность пореформенного периода убедила их в том, что правительственные мероприятия затрагивали лишь поверхностные стороны явления, но не его сущность. Сельское трудовое население не получило главного -- экономической возможности для ведения самостоятельного хозяйства. Это, естественно, поставило его на путь активной классовой борьбы с целью завоевания земли и подлинной свободы. Среди крестьян появились агитаторы, внушавшие им мысль об антинародном характере проведенной реформы и призывавшие их бойкотировать составление уставных грамот. Словом, после отмены крепостного права не только не ослабла, но и обострилась классовая борьба, приняв более систематический и целеустремленный характер.

Во второй половине XIX века, точнее в 1871—1900 гг., участились крестьянские выступления, которые охватили почти все помещичьи имения. В общем движении активно участвовали крестьяне всех разрядов.

В числе причин, усиливших борьбу сельского трудового населения, следует назвать: сохранение в значительных масштабах пережитков крепостнических отношений, появление кулачества как класса, возникновение рабочего класса и агитация просветителей и народников⁴⁶⁵.

Одно из массовых выступлений произошло в Сванети в 1875-1876 гг. В июне 1875 г. пристав Вольной Сванети князь Джорджадзе объявил жителям, что ему поручено составить точный учет имевшейся в распоряжении крестьян земли и что он скоро приступит к исполнению этого. Жители попросили его разъяснить цели и задачи данного мероприятия, на что он ответил: раз власти требуют, значит, нужны сведения. Такой уклончивый ответ не мог удовлетворить народ; он стал заметно волноваться, предполагая, что сведения о землях нужны администрации для обложения их повинностями. Крестьяне решили оказать сопротивление, сорвать осуществление намеченного мероприятия. Такое решение приняло, в частности, мулахское общество. Оно постановило просить правительство воздержаться от учета земель, если только он предпринимается с целью обложения народа⁴⁶⁶.

⁴⁶⁵ Подробно о значения этих факторов см.: А н т е л а в а И. Г. Государственные крестьяне..., т. II, с. 141—142, 144—162.

⁴⁶⁶ Н и ж а р а д з е В. И. (Тависупали свани)*. Историко-этнографические письма, т. II. Под ред. А. И. Робакидзе. Тбилиси, 1964, с. 173; Г а б л и а н и Э.* Старая и новая Сванети. Тбилиси, 1925, с. 94;

К этому решению присоединились местийское, ленджерское, латальское, ипарское и ушгульское общества. Скоро все жители Вольной Сванети собрались в сел. Кала с тем, чтобы там, в стенах церкви св. Квирик, подтвердить присягой верность принятому решению. Перед взволнованным народом выступил старый, убеленный сединой, Гинадрукв Гиргвлиани, который посоветовал участникам собрания не торопиться, не делать поспешных выводов, не прибегать к радикальным мерам до точного выяснения действительного намерения администрации⁴⁶⁷. Народ принял этот совет.

Обо всем этом пристав Джорджадзе сообщил начальнику Лечхумского уезда Гриневскому, который, со своей стороны, поставил в известность верховную администрацию и просил прислать воинские отряды. В начале июля они действительно были посланы в Сванети во главе с кутаисским губернатором Малофеевым и генералом Цитовичем. 13 июля делегация крестьян под руководством Касбулата Шарвашидзе явилась к губернатору, находившемуся в Цагери. Стороны вступили в переговоры, которые, однако, не привели ни к чему. Малофеев с войсками направился в Сванети. 20 июля он в деревне Кала встретился с вышедшим из повиновения народом и сумел убедить его в несостоятельности распространившихся слухов об обложении жителей поземельной податью. Народ успокоился и обратился к мирному труду. Несмотря на это, власти произвели аресты — 13 человек были заключены в кутаисскую тюрьму. Не выдержав тюремного режима, многие из заключенных погибли. Среди них были Касбулат Шарвашидзе и Гинадрукв Гиргвлиани⁴⁶⁸.

Дело на этом не закончилось. Действие карательных отрядов было продолжено в 1876 г. Поводом к этому послужило нахождение на свободе трех активных участников движения, среди них Гурмача Гасвиани и Чаргаса Джохадзе (из села Халде). Арест их был поручен Гриневскому. Он сперва вместе майором Леусом прибыл в Мулах, где предполагал схватить одного из преступников. Но, не сумев этого сделать, Гриневский арестовал двух его сыновей. Затем начальник Лечхумского уезда послал людей в Халде и приказал выдать разыскиваемых двух лиц, но получил категорический отказ. Тогда он потребовал, чтобы все жители села явились к нему, но и это предложение было отвергнуто. Дело принимало сложный оборот. Село могло подвергнуться погрому со стороны карательных отрядов. Чтобы избежать катастрофы, жители после долгих уговоров согласились явиться к начальнику Лечхумского уезда. Однако он, возмущенный тем, что они не выдали «преступников», не согласился на переговоры. Гриневский решил ворваться в Халде, схватить скрывавшихся и разорить село. Заметив приближение войсковых частей, молодые халдейцы укрепились в башнях, а пожилые мужчины и женщины встретили непрошенных гостей в центре села, угостив их ужином. Этот шаг несколько смягчил Гриневского, но вскоре произошло непредвиденное. Брошенный или упавший с одной из башен камень угодил в майора Леуса, причинив ему незначительную травму. Взбешенный этим, офицер приказал прикончить двух жителей, подошедших к нему для приветствия. Одного из них тут же пронзили штыками, а с другим оказалось труднее справиться. Прежде чем погибнуть в этой нелепой стычке, он повалил на смерть трех солдат⁴⁶⁹.

Увидев это, укрепившиеся в башнях сваны открыли огонь. Они убили Леуса, чиновника Микеладзе, врача Бельского и др. Восставшие ворвались в дом, где скрывался виновник бедствия — Гриневский, и убили его. Такая же участь постигла всех находившихся с ним лиц.

Положение стало тревожным. Закавказская администрация усилила воинские части, действовавшие в Сванети. 21 августа начался штурм Халде. На шестой день

Г а с в и а н и Г. А.* Из истории горцев Зап. Грузии. Тбилиси., 1979; Ч а р к в и а н и А. И.* Сванети. Тбилиси, 1967.

⁴⁶⁷ Н и ж а р а д з е В. И. Указ. соч., с. 176—177.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Н и ж а р а д з е В. И. Указ. соч., с. 176—177.

карательный отряд взорвал село и некогда «красивое Халде превратилось в груды развалин»⁴⁷⁰. Народ ушел в неприступные горы и оставался там до начала снегопада. Поздней осенью они вынуждены были опуститься и сдаться властям. Их дело рассмотрел Кутаисский военно-полевой суд. Защитником обвиняемых выступил поэт Акакий Церетели, который причинами восстания назвал тяжелое социально-экономическое положение народа и грубость администрации⁴⁷¹. Суд приговорил трех обвиняемых к смертной казни, а 33 — к выселению в отдаленные губернии России. Наместник заменил смертную казнь вечной каторгой⁴⁷².

Против остатков феодально-крепостнических отношений энергично выступили и крестьяне Мегрелии. Волнение началось в июне 1876 г. в селениях Лиа и Пахулани, принадлежавших ген.-лейт. князю Григорию Дадиани. Явления, предшествовавшие движению, так описаны в одном официальном документе: «Для того чтобы не расстраивать окончательно взаимных отношений, владельцы, по собственному усмотрению, признали нужным делать... уступки против того размера требования, на который, в силу положения, имели право. Так, между прочим, поступил генерал-лейтенант князь Дадиани в отношении временнообязанных крестьян в своих селениях Лиа и Пахулани, которым предоставил, по особому условию, взамен отбывания установленных повинностей натурой, производить ему... деньгами. Весною нынешнего (1876) года окончился срок действия означенного условия, и это окончание срока совпало с окончанием девятилетнего периода со времени введения в Мингрелии крестьянского положения. Подобно тому, как это было и во внутренних губерниях империи, временнообязанные крестьяне упомянутых имений князя Дадиани, поняв превратно значение этого девятилетнего периода, составили себе убеждение, что с окончанием его должны прекратиться все обязательные их отношения к владельцам. В силу этого крестьяне отвечали положительным отказом на требование уплаты владельцу следуемых ему, на основании положения, повинностей».

В дело вмешались встревоженные этим мировой посредник, члены Кутаисского по крестьянским делам присутствия и сам губернатор. Но желаемого результата не получили. Тогда для взноса повинностей крестьянам был дан двухдневный срок. Они были предупреждены, что в случае уклонения от выполнения обязанностей против них будут приняты строгие меры наказания. Требование властей было отклонено. Администрация обратилась к военной силе. «Но жители, — читаем в документе, — вместо принесения повинования, удалились вовсе из селения и отправились толпами, из коих главная, со значком, в окрестные деревни подговаривать их к совместному сопротивлению неправильным, по их понятиям, требованиям начальства»⁴⁷³.

Восстание вскоре охватило три четверти Зугдидского уезда, поставив под ружье несколько тысяч человек. Повстанцы пытались поднять и жителей Сенакского уезда и с этой целью послали к ним «одну большую партию». Кавказская администрация выделила дополнительные воинские отряды и во главе с князем Джорджадзе послала их в Мегрелию. Джорджадзе обязывался восстановить порядок мирными средствами, в случае же неудачи ему разрешалось применить оружие.

Часть войск под командованием подполковника Принца была направлена против той партии повстанцев, которая следовала в направлении Сенаки. Она настигла повстанцев в сел. Лецурцуме. Крестьяне уклонились от неравного боя. Карательному отряду все же удалось арестовать 100 человек. Во второй половине дня повстанцы подошли к помещению, в котором стояли воинские отряды, потребовав освобождения арестованных товарищей. Подполковник Принц отказался исполнить это требование, призвав народ к повиновению. Но его предложение было отвергнуто. 17 июня 1876 г.

⁴⁷⁰ Там же; Г у л б а н и Г.* Это было в горах. Тбилиси, 1966.

⁴⁷¹ Ц е р е т е л и А. Р.* Полн. собр. соч. в 15 томах, т. XI Тбилиси., 1963, с. 347—348.

⁴⁷² Н и ж а р а д з е В. И. Указ. соч., с. 199.

⁴⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1368, оп. 21, д. 141, л. 13-14.

между восставшими солдатами произошла кровопролитная схватка, в результате которой повстанцы потеряли 18 человек убитыми и 30 ранеными.

После этого восстание пошло по нисходящей линии. У крестьян не было сил для продолжения борьбы с регулярными воинскими отрядами. Повстанцы сложили оружие. Крестьян Григория Дадиани заставили заплатить повинности и дать обещание быть в дальнейшем послушными⁴⁷⁴. Скоро во всем уезде был восстановлен «порядок».

Спустя два года, т. е. в 1878 г., вспыхнуло восстание в Кахети. Оно охватило также и многие казенные селения. Причиной и поводом народного взрыва являлись бремя государственных податей, нескончаемый наряд людей и транспортных средств, ничем не ограниченный произвол сельской, уездной и губернской властей. Все это заставило жителей Кахети взяться за оружие. Вся эта вопиющая несправедливость, наблюдавшаяся постоянно, стала особенно ощущаться во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и сразу после нее, когда в связи с осложнением международного положения был назначен сбор милицейских дружин.

Конкретные обстоятельства восстания охарактеризованы в речи защитника Гамрекели, произнесенной им на судебном процессе. «Народ, — говорил он, — долгое время находившийся под гнетом целого ряда злоупотреблений со стороны местных властей, потеряв терпение, собрался заявить о своих нуждах уездному начальству. В одно и то же время выставка ароб и людей..., шоссировка дорог и высыпка гравия, составление призывных списков, производимое со всеми несправедливостями, все это в совокупности возбудило народ выразить свои нужды, излить горе в такой форме, которая называется восстанием»⁴⁷⁵.

Начало и ход движения представляется в следующем виде. В первых числах июня 1878 г. в селениях Сигнагского уезда распространились слухи о том, что правительство снова приступает к набору милиционеров и что старшины уже составили для этой цели призывные списки. Из них, согласно полученным сведениям, должны были отобрать нужное количество людей и зачислить в дружину.

Крестьяне, понесшие незадолго до этого значительные физические и материальные жертвы, решительно запротестовали против этого, равно как и против требования большого количества (более двухсот) ароб с погонщиками. Бойкотирование ими вышеназванных правительственных мероприятий объясняется, конечно, не отсутствием у них желания воевать с Турцией — этого исконного врага Грузии, а другими обстоятельствами, среди которых едва ли не самым важным является чуждый народу и напоминавший рекрутчину порядок набора милиции путем жеребьевки. Пусть скажут, кричали повстанцы, сколько требуется людей и мы их дадим вдвое и втрое больше, но ни за что не позволим жребий бросать. Они требовали немедленного уничтожения призывных списков, составленных совершенно произвольно сельскими старостами.

Утром 4 июня крестьяне сел. Земо-Мачхаани, собравшиеся в большом числе, окружили старшину Давида Бостоганашвили, потребовав предоставить призывной список. Не получив удовлетворения, толпа народа набросилась на старшину и нанесла ему сильные побои. На место происшествия прибыл помощник городского пристава Джаниев, совершенно безуспешно старавшийся утихомирить людей, которые по-прежнему упорно отказывались дать «милиционеров в солдаты»⁴⁷⁶. Озлобленный провалом своей миссии, Джаниев приказал рассыльному взять под стражу одного активного участника выступления. Но народ этого не позволил.

Озадаченное уездное начальство решило отложить назначенную на 5 июня жеребьевку с тем, чтобы у командующего войсками на Алазанской долине генерала Иосифа Орбелиани взять казаков и с помощью этой силы провести набор милиционеров. Граф Тизенгаузен, занимавший пост сигнагского уездного начальника, действительно

⁴⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1368, от. 21, д. 141, л. 21—22.

⁴⁷⁵ Обзор, 1878, № 321.

⁴⁷⁶ Дрозба, 1878, №309.

отправился к генералу, который в этот день (5 июня) находился в Бакурцихе в гостях у кн. Р. Вачнадзе. Тизенгаузен еще не успел проинформировать Орбелиани о всех событиях, имевших место в Земо-Мачхаани, как к дому Вачнадзе подошла большая толпа людей, которая через некоторое время насчитывала в своих рядах около пяти тысяч человек⁴⁷⁷. Генерал Орбелиани, решивший разогнать народ с помощью военной силы, составил текст телеграфного распоряжения о присылке в Бакурцихе сотни казаков. Однако повстанцы сорвали осуществление этого плана: они перехватили упомянутую телеграмму и порвали ее. Народ окружил дом Вачнадзе плотным кольцом. Они требовали выдачи Тизенгаузена и других ненавистных им лиц. Отказ переполнил чашу терпения. «Толпа хлынула в комнату, — читаем в обвинительном заключении, — где находился уездный начальник, граф Тизенгаузен, и потребовала от него призывные списки, когда же он объявил, что у него призывных списков при себе нет, его стали жестоко бить палками»⁴⁷⁸.

Воспользовавшись минутным затишьем, Тизенгаузен обещал повстанцам передать им призывные списки, хранившиеся в Сигнаги, при условии, что «они успокоятся» по -их получении. Этот прием не дал, однако, желаемого результата. Толпа снова накинута на уездного начальника, требуя от него списка. Тогда он предложил отправиться вместе с ним в Сигнаги за списками. Народ согласился. За Тизенгаузенем, ехавшим на тройке, следовала большая группа людей. Но она скоро отстала от него, и граф получил возможность скрыться.

Обманутые участники восстания снова напали на дом кн. Вачнадзе. Они схватили генерала Орбелиани и нанесли ему побои. Повстанцы избili целый ряд гражданских и военных чиновников. Дом кн. Р. Вачнадзе был разгромлен.

Покинув Бакурцихе, крестьяне напали на дом карданахского старшины Самадашвили и подвергли его погрому. Точно так же поступили они с анагским старшиной Мчедлишвили, с вакирским старшиной Атабегишвили и с сакобким старшиной Пховелишвили. Были наказаны и некоторые торговцы — участники составления призывных списков.

Расправившись, таким образом, со своими притеснителями и сорвав по существу формирование милицейских дружин, повстанцы разошлись по домам.

Местная администрация жестоко наказала главных участников восстания. 15 ноября 1875 г. в городе Сигнаги суду было предано 20 человек, из которых 11 приговорили к каторжным работам сроком на 15 лет⁴⁷⁹.

Г Л А В А VIII

ВВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ. СУДЕБНАЯ И ГОРОДСКАЯ РЕФОРМЫ. ГОРОДСКИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

После проведения крестьянской реформы в Грузии были осуществлены реформа сельского управления, а также судебная и городская реформы, которые, подобно крестьянской, были рассчитаны на усмирение революционных масс и прочих оппозиционных сил.

§1. СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

До отмены крепостного права на селе фактически не существовало органов местного самоуправления. Дела крепостных крестьян разбирали назначенные помещиком,

⁴⁷⁷ Там же, №322.

⁴⁷⁸ Там же, №309.

⁴⁷⁹ Дрозба, 1878, №311.

либо церковным ведомством управляющие — «моурави», а казенные крестьяне подчинялись полицейскому надзору.

В период подготовки крестьянской реформы перед царским правительством со всей логической неизбежностью встал вопрос о реорганизации сельского управления в соответствии с новыми веяниями жизни.

Согласно Положению 1861 г., введенное в России сельское общественное управление состояло из двух тесно связанных друг с другом, но функционально различных единиц. Сельское общественное управление ведало хозяйственными делами, а волостное управление, объединявшее несколько сельских обществ, занималось административными вопросами. При волостных управлениях существовали крестьянские суды.

13 октября 1864 г. были высочайше утверждены «Правила об устройстве сельских обществ, их общественного управления и повинностей государственных и общественных в Тифлисской губернии», согласно которым в сельском обществе должны были объединиться крестьяне всех категорий. Высшим органом сельского общественного управления должен был быть крестьянский сход, исполнительная власть сосредоточивалась в руках старосты, а правосудие в руках сельского суда.

В Грузии сельское общественное управление должно было исполнять все те обязанности, которые в России были возложены на сельские (общественные) и волостные управления, т. е. в функции сельских общественных управлений входили как хозяйственные, так и административные обязанности. Это было обусловлено тем обстоятельством, что в Грузии, в отличие от России, уже издавна почти что нигде не существовало общин и общинного землевладения. Поэтому в условиях Грузии сельское общество могло быть только лишь административной единицей. Правила пользования общими лесами и пастбищами должны были быть определены не сельским общественным управлением, а той частью крестьянства, которой принадлежали эти еще не размежеванные и поделенные земельные угодья. Главной обязанностью старосты и других должностных лиц на селе являлось распределение и сбор налогов с крестьянского дыма⁴⁸⁰.

К 11 апреля 1865 г. наместник Кавказа Михаил Романов утвердил Положение об устройстве сельских обществ, согласно которому сложились сельские управления не только в Тифлисской губернии, но и во всей Грузии.

Сельское общественное управление являлось крестьянским сословным учреждением. Остальные слои сельского населения вовсе не участвовали в его работе. Его высшим распорядительным органом являлся сельский сход, в работе которого имели право участвовать все взрослые члены семьи. Сход созывался старостами. Очень часто крестьянские вожаки собирались по требованию уездного начальника, либо мирового посредника.

Права и обязанности сельского схода включали в себя: выборы сельских должностных лиц; принятие постановлений о выселении из села вредных лиц, о назначении опекунов для малолетних сирот; о выдаче разрешения на раздел семьи, ведение общих земель сельского общества (невозделанных участков, пастбищ и т. п.); совещания и ходатайства по общественным нуждам, установление повинностей на общественные нужды; подымное распределение казенных и земских налогов; установление контроля над деятельностью должностных лиц и определение им жалованья; выдача ссуд из сельских магазинов по запасам хлеба и т. д., и т. п.

Постановление сельского схода считалось законным, если на нем присутствовали староста и хотя бы половина глав семейств. Для решения важнейших вопросов необходимы были две трети голосов, а остальные вопросы решались простым большинством голосов.

⁴⁸⁰ О крестьянах Грузии, с. 241—243; см. также: ПСЗРИ. Собрание второе, т. XXXIX. Отделение второе, 1864. Спб., 1867, №.41351.

Исполнительная власть сельского общественного управления предоставлялась сельскому старосте. Ему вменялось в обязанность следить за исправным содержанием дорог, мостов, оросительных каналов, водопроводов и т. д.; руководить составлением камеральных списков, взиманием государственных, земских и господских податей и повинностей, выдавать, соблюдая необходимые формальности, справки о выходе из сельского общества, билеты с разрешением отхожего промысла и т. п.

Сельский общественный сход доверял старосте, либо его заместителю («нацвалу»), либо сборщику налогов приведение в исполнение своих постановлений. Однако ни староста, ни кто-либо другой из сельских должностных лиц не являлся по существу проводником интересов крестьянства, наоборот, все они действовали исключительно под диктовку местной администрации правительства. Старосты объявляли правительственные законы и распоряжения, задерживали бродяг и дезертиров из армии, сообщали уездному начальству о лицах, без разрешения покинувших сельское общество, о фактах нарушения общественного порядка и в случае надобности вызывали из центра уезда полицейский отряд для восстановления на селе спокойствия и порядка.

Сельские крестьянские суды, в составе не менее трех членов, избирались сельским общественным сходом. Суд разрешал крестьянские тяжбы в пределах, не превышавших 100 руб. и входивших в сферу гражданского кодекса. При том сельский суд мог разбирать лишь те дела, которые не были отражены в формальных, актах (земельные тяжбы, купля продажа земли, договора, факты причинения друг другу материального ущерба и т. п.). Если дело касалось недвижимое имущества, оформленного официальным актом, либо стоимость дела превышала 100 рублей, или в тяжбе участвовали лица из других сословий, то дело для разбора препровождалось в общие судебные учреждения.

Сельский суд имел право за небольшую провинность вынести наказание — послать виновного на общественные работы сроком на 6 дней, арестовать на 7 дней, либо оштрафовать на 100 руб. В то же время сельский суд имел право, для покрытия недоимок, продать имущество крестьянина. Староста формально не имел права вмешиваться в дела правосудия и влиять на вынесение приговора. Зато он был обязан привести в исполнение решение суда.

Сельские должностные лица (староста, нацвал, судья) избирались сроком на три года.

Результаты выборов утверждались губернатором. Должностные лица приносили клятву перед уездным начальством. Если староста не справлялся со своими обязанностями, либо злоупотреблял своим положением, губернатор имел право отстранить его без разрешения на то сельского схода.

Реорганизация сельского управления вовсе не повлекла за собой каких-либо изменений в налоговой системе. Однако наряду с имевшимися государственными и земскими налогами крестьяне были обязаны выделять средства на содержание сельского общественного управления, на финансирование некоторых мероприятий по народному образованию и здравоохранению, на ремонт и содержание сельских дорог, оросительных каналов и источников, отпускать определенные средства натурой либо деньгами на содержание караула и сельских магазинов. Вводилась круговая порука крестьян для погашения налогов⁴⁸¹.

Прогрессивная общественность Грузии приветствовала введение сельского общественного управления, несмотря на то, что она с самого же начала подметила теневые стороны Положения, формально и представлявшего немалые права сельскому сходу в решении местных дел, а на деле вовсе не принимавшего во внимание крестьянских интересов и решавшего все в угоду правительству и господствовавшим классам. И уездному начальнику, и полицейским чанам в большинстве случаев удавалось внушить сельскому обществу, чтобы на должность старосты было выдвинуто удобное начальству лицо, которое ставило себе целью вовсе не выполнение решений сельского схода и их неукоснительное проведение в жизнь (что, согласно Положению, являлось их первой обязанностью), а всячески изощрялось в роли полицейского агента, послушно

⁴⁸¹ Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных в общественных в Тифлисской губернии, с. 1—83.

выполняя распоряжения уездного начальника. «Среди реформ, осуществленных у нас в последние 10—15 лет, — писал корреспондент газеты «Дрозба» («Современность»), — введение нового сельского управления и судов имеет огромное значение. Однако тут же сложились такие обстоятельства, благодаря которым реформа сельского управления и суда в некоторых местностях проводится в жизнь вовсе не таким образом, как ей следовало осуществляться. Частенько приходится на селе слышать сетования, что, дескать, наш староста и судьи ничего не делают; а если что и сделают, то без взяток и пальцем не пошевелят»⁴⁸².

Само царское законодательство наделяло правом общественного управления лишь богатых крестьян, предписывая им одни лишь обязанности, а само стояло на страже интересов привилегированных классов сельского общества. Критикуя ограниченность и односторонность этого пресловутого закона, И. Г. Чавчавадзе писал: «Возьмем, к примеру, сельский суд... Благодаря своему уставу он оборачивается против самого же крестьянина... Это отталкивает его в конечном счете и от пресловутого самоуправления... Ныне сельское управление и его чиновники более всего напоминают нам слепых слуг или агентов полиции, стоящих на страже ее интересов. Поэтому оно вовсе не является выразителем нужд и чаяний нашего народа»⁴⁸³.

Но правительство все же не могло полностью игнорировать общественное мнение и недовольство крестьян, вызванное недостатками и пробелами в сельском общественном управлении. В 1875 г. была создана специальная комиссия, которая должна была выработать мероприятия для улучшения сельского общественного управления. Виновником путаницы в сельском управлении она объявила крестьянство. Поэтому было высказано сомнение, достаточно ли подготовлено сельское население к восприятию самоуправления. Выяснение этого вопроса было поручено губернским собраниям по крестьянским делам. Высшие чиновники вынуждены были признать разумное использование местным населением предоставленного ему самоуправления и недостатки в деятельности сельских судов, для контроля работы которых отсутствует вышестоящая апелляционная инстанция⁴⁸⁴.

Царские правительственные чиновники признали, что одна из главных причин плохой работы сельских органов общественного самоуправления заключается в том, что должностные лица не получают жалования, вознаграждения, а потому и относятся к своим обязанностям весьма халатно. Было установлено, что выход из создавшегося положения состоит в укрупнении сельских обществ.

В 80-х гг. XIX века действительно было проведено укрупнение сельских обществ путем их соединения. Лишь крупные общества были в состоянии выдавать жалование старосте, благодаря чему эта должность получила столь большую привлекательность, что отныне даже иные выходцы из обедневших дворянских семей не гнушались занимать должность сельского старосты. На рубеже 80-х—90-х гг. XIX века 343 сельских общества Восточной Грузии объединяли 104 567 дымов; а в Западной Грузии (за исключением Аджарии и Абхазии) 208 обществ объединяли 291 791 дым⁴⁸⁵.

После укрупнения сельских обществ общественное управление, естественно, осложнилось из-за внезапного наплыва огромного количества дел. Однако ввиду того, что созывать крестьянские сходы в условиях распыленности крестьян по огромному множеству сел стало почти невозможно, то злоупотреблениям и самоуправству старосты и других сельских чинов не было предела. Много было таких сел, в которых, например, в 1892 г. сельский сход не вынес ни одного решения, предоставив все «добросовестности» сельского старосты.

⁴⁸² Дрозба, 1872, № 10.

⁴⁸³ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Полн. собр. соч., т. VIII. Тбилиси, 1928, с. 64—70.

⁴⁸⁴ По вопросу о переустройстве сельского общественного управления, с. 3—4.

⁴⁸⁵ Там же.

После укрупнения сельских обществ значительно росло число дел, поступающих в крестьянский суд. Постановления сельских судов зачастую не удовлетворяли то одну, то другую из тяжущихся сторон. Апелляционные жалобы поступали в огромном количестве в губернское правление и крестьянские присутствия. Однако ввиду того, что большинство жалоб касалось содержания постановления суда, а не расторжения формальной стороны судебного процесса, то удовлетворение этих жалоб происходило весьма редко. В 1892 г. в Тифлисской губернии возникло 1078 апелляционных жалоб на решения губернских сельских судов. Отсюда 850 жалоб, т. е. 78%, не были удовлетворены, 223 (22%) — были удовлетворены, т. е. получили постановление о повторном разбирательстве дела. В том же году в Кутаисской губернии возникло 4519 апелляционных жалоб на решения крестьянских судов. Отсюда лишь 548 (т. е. 12%) дел были, удовлетворены, а остальные получили отрицательный ответ⁴⁸⁶.

В 1892 г. члену Совета при главноначальствующем Якимову было поручено проверять делопроизводство у мировых посредников и изучить практическую деятельность сельского общественного управления. Через некоторое время Якимов писал в своем донесении, что в Тифлисской и Кутаисской губерниях, по сравнению с другими, дела в сельских общественных управлениях в общем ведутся вполне удовлетворительно, однако желаемого совершенства пока нет и здесь. По мнению Якимова, недостатки в работе сельских общественных самоуправлений были обусловлены тем, что сельское население не получило руководителя, который бы вывел его на широкий путь новой жизни. Таким должен был быть земский начальник, уже оправдавший себя во внутренних губерниях России, где он соединяет в своем лице административную, судебную и хозяйственную власть⁴⁸⁷.

Институт мировых посредников, по его мнению, должен был быть упразднен и вместо него должны были назначаться земские начальники, которые взяли бы в свои руки административное, судебное и хозяйственное управление сельского населения⁴⁸⁸.

Главноначальствующий одобрил соображения Якимова, счел целесообразным введение института земского начальника, поручил новой комиссии разработку подробнейшего законопроекта; однако царская бюрократия вплоть до февральской революции 1917 г. не внесла никаких корректив в Положение о сельском самоуправлении.

Существовавшие на средства крестьян органы общественного управления до конца оставались на службе интересов царского правительства и верхних слоев населения.

§2. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

В 40-х — 50-х гг. XIX века стало очевидным, что старый сословный суд отстал от жизни, не соответствовал более новым веяниям эпохи. Осенью 1861 г. по поручению Александра II чиновники государственной канцелярии совместно с выдающимися юристами приступили к составлению Основных положений по новому судоустройству. Эти Положения легли в основу проекта нового судебного устава, который был утвержден царем 20 ноября 1864 г.

Судебный устав 1864 г. зиждился на буржуазных принципах, давно уже действовавших в передовых странах Европы и Америки. В результате проведенной реформы были упразднены старые сословные судебные учреждения. Были созданы единые для всех сословий и слоев населения судебные учреждения.

До реформы суд всецело зависел от правительства и полиции. Судей назначало правительство, и в расследовании решающую роль играли полицейские чины. В старом суде судопроизводство сильно тормозилось наличием множества инстанций. Разбор некоторых дел продолжался по десять, двадцать, а то и по пятьдесят лет. Одним из важнейших недостатков старого суда было тайное ведение расследования, на основе

⁴⁸⁶ По вопросу о переустройстве сельского общественного управления, с. 20—22.

⁴⁸⁷ Там же, с. 26—28

⁴⁸⁸ Там же, с. 32—33.

одних лишь документов. Судебного процесса как такового в большинстве случаев не было вовсе. Истец и ответчик, один в тюрьме, а другой, быть может, у себя дома, ждали постановления суда. При разборе уголовных преступлений решающим признавалась формальная сторона дела. Обвиняемый заслуживал наказания лишь в том случае, если он признавал себя виновным либо если документы, хранившиеся в деле, доказывали его виновность. Подобные методы расследования и решение дела давали возможность явным преступникам избегать возмездия и уходить от правосудия, а некоторые ни в чем неповинные люди оставались под сомнением всю жизнь.

Судебные учреждения, устроенные на основании нового устава, и самый характер делопроизводства существенным образом отличались от старых. Суд в сфере своего действия получал независимость. Правительственная администрация не должна была оказывать воздействие на правосудие, и полиция должна была полностью сложить с себя полномочия по расследованию и разбору дела. В губерниях во время делопроизводства в суды приглашались представители общественной совести—присяжных заседателей. Приговор, вынесенный с участием присяжных заседателей, по сути дела, не подлежал обжалованию. В иных же случаях обжалование происходило в судебной палате, чье решение считалось окончательным. Постановление судебной палаты можно было только кассировать, т. е. обжаловать лишь в том случае, если были факты нарушения установленного законом судопроизводства. Высшей кассационной инстанцией являлся сенат.

Выделение суда из правительственной администрации и обеспечение отныне независимости судей было гарантировано принципом незаменяемости последних. Это означало, что ни председателя, ни членов суда, ни мировых судей, ни следователей нельзя было снимать с должности в административном порядке. Была введена выборность судей. Судебные процессы происходили публично, причем прокурор должен был всесторонне обосновать выдвинутое им обвинение, а адвокат, в противовес ему, защищал обвиняемого.

Таким образом, формально новый суд вплотную подходил к осуществлению буржуазного принципа «равенства всех перед законом». Однако по сути дела новый суд стоял на страже интересов высших слоев. Несмотря на это, реформа суда имела большое значение, поскольку новый суд отвечал интересам капиталистического развития России.

На окраинах, в том числе и в Грузии, судебная реформа была проведена лишь частично. Организаторы пресловутой реформы объясняли это тем, что, во-первых, якобы население не было еще подготовлено к принятию нового суда и, во-вторых, — «специфическими особенностями края». На самом деле в этом оказалась колониальная политика царизма: правительство считало недопустимым малейшее ограничение всемогущества собственной администрации в колониях и переход судопроизводства в руки выборных от местного (хотя бы только из высших слоев) населения, судей и присяжных заседателей.

С 1 января 1868 г. в Грузии были упразднены сословные суды и выведены единые для всех социальных слоев общества судебные учреждения. В уездах были введены мировые суды отдельно с мировыми судьями во главе, которые представляли собой наиболее низшие инстанции судебных органов. В губерниях были учреждены областные суды. Судебной палате, являвшейся высшей судебной инстанцией края, подчинялись все судебные учреждения Закавказья. Приговоры судебной палаты подлежали обжалованию лишь в сенате.

В Грузии не был осуществлен ряд очень важных принципов буржуазного суда, а именно: не была введена выборность судей и отсутствовал институт присяжных заседателей. Судей по-прежнему назначало правительство, от которого они всецело зависели. Как видим, в Грузии вовсе не произошло отделения суда от административной власти. Вместо независимых, избираемых местным населением из местных же жителей судов были созданы лишь устроенные по новому образу царские, бюрократические суды,

призванные осуществлять волю его величества. Одним из главных недостатков этого суда, представлявших для народа самое большое неудобство, было то, что делопроизводство в них велось на русском, непонятном для большинства населения, языке.

Естественно, подобный суд вовсе не оправдал надежду ни народа, ни его передовых общественных деятелей. Поэтому и неудивительно, что на практике пресловутый новый суд не принес в Грузии должного положительного результата, по-прежнему вызывая в народе чувство ненависти к непонятному для него судопроизводству, что он и выражал по-своему, частыми выступлениями против «нового суда».

Новый суд стал с самого начала объектом критики и для реакционеров, и для прогрессивных общественных деятелей. Реакционеры, восхваляя старый суд, приписывали все недостатки лишь новому суду. Особенно резко нападали они на институт присяжных заседателей, указывая, что присяжные зачастую оправдывают явных виновников, создавая тем самым угрозу для общественного спокойствия. Реакционерам вовсе не импонировали принцип незаменимости судей и их выборность. Именно благодаря этому принципу суды держались весьма независимо, что, по их мнению, мешало осуществлению правосудия.

Правда, в Закавказье, как мы увидели выше, вовсе не был введен ни принцип выборности судей, ни институт присяжных заседателей. Но реакционеры все же ухитрились справа нападать на органы нового суда, восхваляя старые правила судопроизводства.

Прогрессивная же интеллигенция критиковала судебную реформу и новые судебные учреждения слева. Передовые общественные деятели упрекали реформаторов в их непоследовательности, указывая на факты постоянного нарушения со стороны администрации принципа независимости судей, на слишком частое, даже весьма широкое употребление административного наказания политических обвиняемых.

Особенное негодование передовой грузинской общественности вызывало то, что в крае судебная реформа была осуществлена в урезанном виде. Грузинская интеллигенция требовала введения независимости и выборности судей, а также института присяжных заседателей. Эти требования передовой грузинской общественности находили неизменную поддержку и прогрессивной русской интеллигенции.

В 1880 г. в центральной газете «Молва» была напечатана статья «Слово в пользу далекой окраины», которую редакция газеты «Дрозба» дословно перевела на грузинский язык и перепечатала на страницах своей газеты. По мнению редакции газеты «Молва», Кавказ, где нет земства и судебный устав 1864 г. проведен в весьма урезанном виде, непременно нуждается в реформах. Двенадцатилетняя практика новых судов со всей очевидностью доказала, что положение вещей в Закавказье в этом отношении отнюдь не является нормальным. Судьи, назначаемые правительством вместо выборных, совершенно незнакомы с обычаями и нравами местного населения, подчас выносят столь ошибочные постановления, что поневоле роняют авторитет правительства. Газета предлагала как весьма целесообразную меру вести делопроизводство в мировых судах Закавказья, обслуживающих непосредственно местное население, не владевшее русским языком, «на природном для жителей края языке». Газета «Дрозба», со своей стороны, добавляла, что судопроизводство на местных языках должно вестись не только в мировых судах, но и во всех судебных инстанциях края⁴⁸⁹. С гордостью напоминая царским властям о «вспыхнувших несколько лет тому назад в Сигнагском и Зугдидском уездах могучих народных возмущениях», газета предупреждала администрацию, что давно настало время обратить самое серьезное внимание на это обстоятельство и повернуть дело в сторону неукоснительного внедрения в жизнь требований единственно справедливого и истинного закона, выработанного человечеством, — закона соблюдения народного языка населения. В противном случае, как говорится, «что посеешь, то и пожнешь»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁹ Дрозба, 1880, № 191.

⁴⁹⁰ Там же, 1881, № 175.

В условиях Грузии и всего Закавказья поле деятельности было открыто лишь для самой низшей судебной инстанции — для института мировых судей. Согласно утверждению законодателей, это было якобы обусловлено тем, что «народы, населяющие Кавказский край по сию сторону гор, находясь на весьма низкой ступени общественного развития, мало способны приноравливаться к разнообразным законам о разделении подсудности и что поэтому необходимо среди самого населения устроить такой орган власти, к которому оно могло бы обращаться со всеми судебными нуждами»⁴⁹¹. Таким органом намечен был именно мировой суд. Однако вскоре оказалось, что практически совмещение огромного количества обязанностей, возложенных на мирового судью, в одном лице совершенно невозможно. «Невозможным оказалось, например, совмещение в одном лице обязанностей судьи и обязанностей следователя. Поэтому следственная часть была практически отделена от обязанностей мирового судьи и поручена... помощникам. Мало-помалу от мирового судьи отошли одна обязанность за другой, и он остался наконец при своих чисто судебных функциях, но с непомерно расширенной юрисдикцией»⁴⁹².

Мировая подсудность по гражданским делам в Закавказье в четыре с лишним раза превышала такую же во внутренних губерниях России, финансирование же раздутых штатов в закавказских мировых судах требовало все больше и больше средств. Поэтому правительство значительно увеличило пошлины в местных мировых судах. Например, если на ведение дела в 600 руб. истец в России платил 0,5%, т. е. 3 руб., то в Закавказье то же дело обходилось вдвое дороже — 6 руб.

В Закавказье широко распространилась практика наказания в административном порядке. В 1883 г. главноначальствующий получил право высылать из края сроком до 5 лет без судебного постановления всех сомнительных лиц. Правительство, оправдываясь, заявляло, что высылка не является, дескать, суровой мерой наказания, явно игнорируя тем, что для грузинского населения высылка за пределы родины являлась самой тяжелой мерой наказания. Этим законом весьма успешно пользовались полицейские чины. Под их давлением измученные нескончаемыми полицейскими экзекуциями сельские общества вынуждены были выносить решения на высылку из родного края тех лиц, на которых указывала полиция. Немного позднее главноначальствующий получил право передать на решение военного суда всех «разбойников», участников антиправительственных выступлений и волнений.

Административные репрессии, бюрократизм судебных органов и «несправедливый» суд, естественно, вызывали недовольство населения, поддерживаемое резкими выступлениями не только демократов, но и либералов, которые, указывая на то, что полицейские чины не гнушаются применять насилие во время следствия, заставляя «виновных» признавать свою «вину» (метод, к которому прибегает и судебный следователь, являющийся по сути дела агентом прокурора, а не помощником судьи), доказывали, что в Закавказских губерниях между народом и судом образовалась пропасть, обе стороны не понимают друг друга, хотя между ними еще существует возможность навести мосты. Таким мостом, по их мнению, могло быть, во-первых, изучение судьями языка и обычаев местного населения, а также введение института присяжных заседателей. Однако правительственные чиновники ополчились даже против этих предложений⁴⁹³.

В самом начале своего водворения в Грузии царизм, выражая определенное доверие к местной аристократии, даже назначал выходцев из ее рядов членами окружных судов, разрешая им занимать должность мировых судей и следователей. Однако начиная с 1883 г. назначение на судебные должности «туземцев» стало весьма ограниченным, поскольку правительство перестало доверять лицам нерусского происхождения, хотя в условиях, когда тяжущиеся стороны, с одной стороны, судьи, а с другой — обвиняемый и

⁴⁹¹ Новое обозрение, 1884, №275.

⁴⁹² Новое обозрение, 1884, №275.

⁴⁹³ Г у м а н о в Г. М. Разбой и реформа суда на Кавказе. Спб., 1903, с. 23,52—65

его свидетели, говорят на непонятном друг друга языке, естественно, что известную положительную роль должны играть присяжные заседатели, выбираемые из местного населения.

Необходимость введения института присяжных заседателей была признана и большинством дворянства. В 1898 г. дворянство Кутаисской губернии составило «Записку по поводу введения суда присяжных». В следующем году аналогичную «Записку» предъявило правительству и дворянство Тифлисской губернии. Ввиду того, писали дворяне, что «после 60-х гг. XIX века европейская образованность далеко шагнула вперед в крае и что в настоящее время вовсе нетрудно будет разыскать соответствующих присяжных заседателей», и что местное население «более всех нуждается в такой форме правосудия, которая была бы для него наиболее понятной и близкой... мы осмеливаемся возбудить ходатайство о введении в нашем крае суда присяжных».

Действительно, после этого местной общественностью были предприняты некоторые шаги для доказательства того, что население Грузии и Закавказских губерний вообще было вполне готово к введению у себя суда присяжных. Стали составляться списки грамотных людей, получивших высшее образование.

Вся эта деятельность прогрессивной грузинской интеллигенции в сфере улучшения организации суда и ведения правосудия не имела почти никакого результата. Правительство до конца отстаивало взятый им курс. Окраины, в том числе и Грузия, так и не получили до революции суда присяжных.

Существовавшие при царизме судебные учреждения, продолжая оставаться чужими и далекими для народа и не справляясь со своими задачами, естественно, внушали народу лишь ненависть и озлобление.

§ 3. ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА

В дореформенный период XIX века города Грузии, как и всего Закавказья, подчинялись полиции, которая для исполнения некоторых дел использовала депутатов, избранных от различных слоев населения.

Исключением из этих общих правил являлся лишь Тбилиси, где, как известно, еще в 1841 г. сложилось городское общественное управление в лице городского головы и шести гласных. Однако шестигласная дума имела право лишь раскладывать и собирать налоги, а городским хозяйством управляла все та же полиция.

К 60-м гг. XIX века тбилисская буржуазия настолько окрепла, что ее уже не могли удовлетворить ограниченные права городского самоуправления, укладывавшиеся в рамки Положения 1840 г. Поэтому кавказский наместник был вынужден поставить вопрос о расширении сферы деятельности городского представительства в крае. Известное восстание тбилисских амбаров и бедноты в 1865 г. лишь ускорило принятие мер в этом направлении.

В 1866 г. было выработано новое Положение, на основании которого шестигласная Тбилисская дума была заменена общим собранием ста гласных и к тому же была несколько расширена сфера действия городского общественного управления. Городской голова, общее собрание и вообще организованное на основе Положения 1866 г. общественное управление выражало и охраняло, с одной стороны, интересы деградирующего феодального сословия, а с другой — представляло соответствующее поле деятельности новоиспеченной буржуазии в решении вопросов городского хозяйства. Высокий имущественным ценз не разрешал бедняцким слоям городского населения участвовать в управлении городом. В 1866—1874 гг. тбилиское городское общественное

управление гораздо больше тратило на содержание военных частей и полиции, чем на непосредственные городские нужды. Подчиненное строгому административному контролю тбилисское общественное управление являлось лишь придатком бюрократического аппарата кавказского наместничества и использовалось им для охраны общегосударственных интересов.

Экономически усилившаяся русская буржуазия, а вслед за ней и заметно окрепшая тем временем на окраинах Российской империи местная буржуазия совместно с вышедшей из их недр буржуазной интеллигенцией требовали от царского самодержавия еще больших уступок. Царское правительство, вынужденное пойти навстречу этим претензиям, и в самом деле предоставило буржуазии некоторую свободу действий на главном поле ее деятельности — в городах, даровав ей ничтожное самоуправление.

Министерство внутренних дел России приступило к разработке нового Городового положения еще в 1862 г. Дело растянулось на несколько лет и лишь 16 июня 1870 г, Александр II подписал указ о реформе городского самоуправления.

Городовое положение 1870 г. носило буржуазный характер. Оно полностью игнорировало сословное деление городского населения, положив в основу избирательных разрядов не социальное происхождение граждан, а их экономическое положение. Гражданин имел право участвовать в выборах, если он удовлетворял следующим требованиям закона: 1) являлся подданным России, 2) если ему исполнилось 25 лет, 3) владел в городе недвижимостью и платил соответствующий за нее налог, либо владел торгово-промышленным заведением и получал ценное на то уведомление и если за ним не числились недоимки.

В соответствии с экономическими категориями населения в городах складывались три разряда, три избирательных собрания. В первой разряд входили крупные собственники (домовладельцы и торгово-промышленники); во второй — граждане среднего достатка, в третий — те мелкие собственники, которые платили известные налоги. Каждый разряд и избирательное собрание избирало треть гласных.

Распорядительным органом городского самоуправления являлась дума. Число гласных в думе в соответствии с величиной города колебалось от 42 до 150 представителей. В компетенцию думы входили выборы должностных лиц и определение им размера жалованья, утверждение городского бюджета при приходной и расходной смете, взятие в долг ссуд от имени города и принятие пожертвований в пользу города, рассмотрение вопросов коммунального хозяйства, возбуждение ходатайства перед высшими властями по различным вопросам, касающимся городского хозяйства, и др.

Дума избирала правление, обязанное отчитываться перед ней. Оно несло бремя исполнительских функций. В правление входило три члена, и оно действовало под председательством городского головы.

В связи с возникновением различных моментов, а также для руководства определенной сферой городского хозяйства дума выделяла из своих членов постоянно или временно действовавшие комиссии.

Думские гласные, городской голова и другие должностные лица избирались сроком на 4 года.

Главной функцией городского общественного управления являлось руководство городским коммунальным хозяйством. Оно должно было, кроме того, всемерно способствовать развитию торговли и промышленности города, открывать школы, библиотеки и читальни, больницы, филантропические общества и т. д., и т. п.

Городское общественное управление внутри рамок, определенных Положением, действовало самостоятельно, так что города формально получали самоуправление: однако самоуправление оказывалось сильно ущемленным в пользу администрации, подчинявшей их деятельность своему контролю. Для урегулирования отношений между городскими самоуправлениями и губернскими властями и для контроля над действиями самоуправлений учреждалось губернское по городским делам присутствие. Городское

самоуправление должно было вести переписку с высшими властями лишь через посредство губернатора. Все копии с постановлений городских самоуправлений немедленно направлялись к губернатору⁴⁹⁴.

Образование широкой сети городских самоуправлений безусловно имело положительное значение. Этим самым несколько ограничивалось самоуправство государственного бюрократического аппарата, создавалось поле действия для прогрессивных общественных сил. Самоуправление вдвойне было полезно и необходимо для окраин Российской империи.

30 октября 1874 г., согласно высочайшему повелению, наместнику кавказскому было предписано ввести в действие на месте Городовое положение 1870 г. частями, последовательно, в соответствии с местными условиями и по усмотрению наместника⁴⁹⁵.

Раньше всех городская реформа была проведена в Тбилиси. Выборы гласных в думу были назначены на 18 ноября 1874 г. Тбилисская общественность с большой надеждой ждала осуществления городской реформы: «Судя по новому уставу, — писал публицист-демократ С. С. Месхи, — городская управа во многих случаях является полной хозяйкой городских доходов и расходов, а также его имущества. Управа может всячески содействовать прогрессу города — ввести, например, такие учреждения, которые призваны удовлетворять необходимые потребности города, улучшать его благоустройство и вообще пойдут на пользу благосостояния его жителей. Вот выборы членов такого именно правления и назначены на будущее 18 ноября. Выбирайте таких людей, которые не пощадят своей собственной жизни на благо общества, таких лиц, которые понимают, чем и как можно содействовать общественным нуждам и стремлениям»⁴⁹⁶.

Однако не все социальные слои тогдашних жителей Тбилиси могли в одинаковой степени влиять на определение состава городской думы и работу самоуправления. Положение предоставляло решающее преимущество крупным владельцам недвижимости и торгово-промышленникам, входившим в I и II избирательные разряды.

При проведении реформы в Тбилиси правом голоса обладало 4494 человека (т. е. 4—5% населения). В списках избирателей первого разряда было 45 человек, второго — 221, в третьем разряде — 4228 избирателей⁴⁹⁷.

Избиратели первого и второго разрядов, которые составляли всего лишь 6% правомочных граждан, выбирали 48 гласных, избиратели же третьего разряда, 4228 человек (т. е. 94%), выбирали лишь 24 гласных.

В 1875—1876 гг. в Тбилисскую думу входили Г. Абесаломов, Н. Аргутинский, И. Багратион-Мухранский, И. Грузинский, И. Джакели, С. Зубалашвили, Н. Зубалашвили, А. Матинов, Г. Измайлов и др.

Не умевшая еще править тбилисская буржуазия поддержала инициативу привилегированного класса и избрала на пост городского головы лидера грузинского дворянства, выдающегося грузинского общественного деятеля Дмитрия Ивановича Кипиани⁴⁹⁸.

Дума избрала также и членов правления — постоянно действовавшего исполнительного органа. Были созданы также и управления отдельных социальных групп тбилисского населения. В функцию правления купцов, мещан и ремесленников входили вопросы внутреннего устройства социальных групп, выполнение ими государственных, городских и общественных обязательств, устный разбор незначительных опорных вопросов.

⁴⁹⁴ Городовое положение. Спб.. 1873, с. 7—138.

⁴⁹⁵ ЦГИА СССР, 13, оп. 24, д. 519, л. 1.

⁴⁹⁶ Дрозба, 1874, № 449

⁴⁹⁷ ЦГИА ГССР, ф. 192, оп. 5, д. 308, л. 1—62.

⁴⁹⁸ Дрозба, 1875, № 142, 144.

1875—1878 гг. представляют собой переходный период в истории тбилисского самоуправления. Именно в это время происходила отмена старых форм и методов управления и нарождение новых, происходило становление самоуправления.

В г. Кутаиси подготовка к проведению в жизнь нового Положения началась в 1874 г. Губернатор Левашов предложил гражданам избрать комиссию из 66 человек, которая бы обсудила нужды города и наметила пути введения самоуправления. Срок действия комиссии был определен в один год, и он должен был сыграть роль, вроде бы... подготовительной школы самоуправления! В этой связи интересно выступление публициста-демократа Д. Мевелэ (Д. Микеладзе) в газете «Дрозба»: «Итак,—пишет он,— лишь в будущем году удостоится наконец и Кутаиси своего самоуправления. И на том, как говорится, спасибо. Тем временем, т. е. в течение 12 месяцев, жители города будут усердно репетировать и, можно надеяться, настолько преуспеют в своем развитии на поприще гражданственности, что превзойдут все ожидания сильных мира сего»⁴⁹⁹. Потом уже, согласно обещанию господина губернатора, «Кутаиси получит право иметь собственный голос... И вот тогда он вышвырнет вон такие статьи городского расхода, которые не приносят никакой пользы жителям города. Он сумеет иметь городскую школу, баню, больницу, освещение и чистые улицы, и т. д. Словом, тогда он будет иметь возможность лучше управлять своей жизнью...»⁵⁰⁰

16 сентября 1875 г. были назначены выборы гласных в Кутаисскую думу. С. Месхи также с радостью приветствовал день рождения кутаисского самоуправления, сообщая читателям: «Хотя и не в полной мере, однако и Кутаиси дождался наконец исполнения своего заветного желания, город получил право управлять своими внутренними делами через посредство им же самим выбранных лиц»⁵⁰¹. Он советовал кутаисцам выбирать в качестве гласных честных, знающих и преданных общественным интересам лиц⁵⁰².

Состав. Кутаисской думы был определен властями в количестве 52 гласных. 12 сентября 1875 г. в качестве гласных были избраны: А. Пипинашвили, Г. Абашидзе, К. Харазов, И. Давыдов, К. Нижарадзе, Н. Гогоберидзе, И. Степанов, П. Туманишвили, Ант. Лордкипанидзе, К. Квариани, Г. Баиндулов, Г. Гогоберидзе, И. Лордкипанидзе, Н. Николадзе, Л. Асатиани, И. Месхи, Б. Хелтуплишвили, М. Рижинашвили, С. Гуладзе, Д. Алавидзе, Д. Чхеидзе, А. Пиралов, К. Эристави и др.

1 декабря 1875 г. в гостинице «Ливадия» в Кутаиси состоялось первое заседание кутаисской городской думы. После принятия присяги гласных, назначенный властями городской головой Н. С. Абашидзе объявил, что с сегодняшнего дня открывается кутаисское городское самоуправление и что необходимо сейчас же приступить к выборам членов правления и секретаря.

Однако большинство гласных потребовало сперва выяснить, какой доход имеет город, без этого невозможно было определить, какое назначить жалованье должностным лицам. Для изучения вопроса была выделена комиссия.

На втором заседании думы, имевшем место в доме Степана Акопашвили 4 декабря, комиссия предъявила свои соображения и сведения о жалованье для некоторых лиц.

Членами правления были избраны Ант. Лордкипанидзе и Ив. Джаиани, их кандидатами Б. Хелтуплишвили и Ст. Акопашвили, секретарем — У. Гуладзе⁵⁰³.

«Две недели тому назад, — писал С. Месхи, — в Кутаиси впервые состоялись выборы членов городского правления по новому уставу... Кто в курсе того, до какой степени запутаны, в каком плачевном состоянии находятся в Кутаиси городские дела, тот согласится с ними, как осмотрительно, с какой осторожностью и целеустремленностью,

⁴⁹⁹ Там же, 1877, № 406.

⁵⁰⁰ Дрозба, 1874, № 406.

⁵⁰¹ Там же, 1875, № 104.

⁵⁰² Там же, № 136.

⁵⁰³ Там же, № 143.

придется сейчас действовать и вести дела новому правлению, чтобы с честью выполнить возложенные на него обязанности»⁵⁰⁴.

В 1876 г. самоуправление получил и г. Гори. Еще в марте 1876 г. жителям города было объявлено, что для получения самоуправления необходимо, дескать, увеличить доходы города на 2500 руб. Депутаты прежнего городского сословного представительства, существовавшего при полицейском управлении города, решили распределить эту сумму на всех жителей города, что вызвало большое недовольство дворянства.

Правда, сбор этой дополнительной суммы в 2500 руб. затянулся на долгие месяцы, но все же выборы гласных в Горийскую городскую думу, состоялись. В ноябре 1876 г. было избрано 42 гласных.

На первом же заседании городской думы от 4 декабря 1876 г. был рассмотрен вопрос о регулировании городского дохода. Назначенный властями городской голова И. Элимирзов выразил недовольство в адрес налогоплательщиков — городское самоуправление уже открыто, а дополнительная сумма все еще не собрана. Дума постановила разложить эту пресловутую сумму в 2500 руб. среди всех имеющих ценз граждан города, а недоимки со всех существующих налогов непременно собрать, до февраля 1877 г.⁵⁰⁵.

Городу Гори вовсе не сразу, при проведении реформы, было предоставлено право выбирать себе городского голову. Первым городским головой, как мы уже отмечали выше, был назначен властями И. Элимирзов. В 1881 г. Горийская дума получила право выбирать своего мэра города, однако на эту должность вновь был избран И. Элимирзов. Из-за финансовых затруднений горийское самоуправление влачило жалкое существование.

В г. Ахалцихе органы самоуправления возникли лишь в июне 1876 г. Позднее всех самоуправление распространилось на г. Поти. Первым городским головой был избран ген.-майор Ив. Вахрамов. 21 ноября 1882 г. корреспондент газ. «Дрозба» сообщал из Поти: «После долгих лет ожидания и мы наконец получили городское самоуправление... В воскресенье священник Г. Маджаров отслужил молебен, привел гласных к присяге. После принесения присяги председатель (он же городской, голова) обратился к собранию с короткой речью». В этой речи Ив. Вахрамов выразил пожелание, чтобы дума и управа дружно и честно, рука об руку трудились бы на благо жителей и улучшение благосостояния города⁵⁰⁶.

После освобождения из-под турецкого господства г. Батуми стал быстро расти. Вскоре он превратился в один из крупнейших торгово-промышленных центров Грузии и всего Закавказья — в первоклассный порт. Однако царское правительство долгое время воздерживалось от предоставления этому недавно присоединенному к империи городу самоуправления. В 1885 г. верхушка городского населения обратилась с просьбой в Министерство внутренних дел по поводу предоставления их городу общественного самоуправления. Эта просьба батумцев вызвала волну сочувствия среди всей передовой грузинской общественности. Например, газета «Новое обозрение» писала по этому поводу: «Каковы бы ни были недостатки существующей системы городского общественного управления, на которые так часто делаются указания в печати, тем не менее нельзя не признать, что порядок управления городским хозяйством на основании Городового положения безмерно выше полицейского... Город Батуми ожидает такая блестящая будущность, что было бы грешно не дать ему всех средств к быстрому и прочному развитию»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁴ Дрозба, №136.

⁵⁰⁵ Там же, 1876, № 133.

⁵⁰⁶ П а ч к о р и я М.* Из прошлого Поти. Тбилиси, 1967, с. 110.

⁵⁰⁷ Новое обозрение, 1885, №530.

Однако царское правительство вовсе не торопилось с предоставлением г. Батуми самоуправления. Лишь в 1888 г. получил город самоуправление, благодаря чему и сделал заметный сдвиг в деле улучшения своего материального благосостояния.

Таким образом, хотя городская реформа и была предоставлена городам Грузии с некоторым запозданием, однако она была проведена почти в том же объеме и в той же форме, что и в центральных губерниях России. Самоуправление получили шесть грузинских городов: Тбилиси, Кутаиси, Поти, Батуми, Гори и Ахалцихе. Несмотря на узость компетенции и ограниченность власти, все же в условиях Грузии городское самоуправление имело положительное значение. Организованным в городские самоуправления местным общественным силам удавалось несколько ограничить произвол царского бюрократического аппарата и добиться некоторых успехов в улучшении материального положения городов. Однако Положение 1870 г. распространилось не на все города Грузии. Вплоть до 90-х гг. XIX века полицейскому управлению были подчинены города Телави, Сигнаги, Ахалкалаки, Душети, Сухуми, Озургети, а также все местечки края.

§ 4. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

При проведении городской реформы в Тбилиси правом голоса обладали лишь 4494 человека (т. е. 4—5% всего взрослого населения города). В первый разряд были внесены 45 выборщиков, во второй — 221, а в третий — 4228 человек⁵⁰⁸. Каждый разряд избирал по 24 гласных. Граждане первого разряда, обладавшие высоким имущественным цензом, выбирали в городскую думу из двух выборщиков одного гласного, члены второго разряда — одного гласного из 9 человек выборщиков, граждане же третьего разряда — одного гласного из 176 выборщиков.

Аналогичная картина была и в остальных городах Грузии — Кутаиси, Гори, Ахалцихе и др.

Различные слои городского населения находились в антагонистических взаимоотношениях. Каждый из них стремился занять господствующее в самоуправлении положение и использовать его в собственных интересах.

Городские самоуправления с течением времени стали играть все более заметную роль в общественно-политической жизни страны. В соответствии с этим стала все более разгораться борьба между различными слоями населения за господство в самоуправлении. Ввиду того, что городское население Грузии было многонациональным, то классовая и внутриклассовая борьба в них носила национальный оттенок.

В 1889 г. в прошении на имя главноуправляющего одна группа цензовых граждан г. Ахалцихе писала, что введение самоуправления ухудшило их материальное положение, так как всеми учреждениями в самоуправлении с самого начала овладела горстка крупных армянских купцов, которая самовольно распоряжается городской казной.

Довольно острыми были внутриклассовые и национальные противоречия и в г. Гори. В 80-х гг. XIX века армянская буржуазия стремилась воспрепятствовать избранию грузинских депутатов в городскую думу.

Особенно враждебно противостояли друг другу грузинская и армянская буржуазия в тбилисском городском самоуправлении⁵⁰⁹. На первых порах армянская буржуазия не проявляла антигрузинского настроения. Однако в 80-х гг. XIX века положение дел изменилось существенным образом, когда в городской думе и в ее управе господствующее положение заняли представители армянского капитала.

В 1890 г. предвыборная борьба в Тбилиси приняла исключительно ожесточенный характер. В борьбе участвовали в основном три группировки. Первую современники

⁵⁰⁸ ЦГИА ГССР, ф. 192, оп. 5, д. 308, л. 1—62.

⁵⁰⁹ Там же, ф. 12, оп. 7, д. 663, л. 4—7.

называли «управской партией», так как ее возглавляли городской голова Матинов и наиболее влиятельный член городской управы П. Измайлов. Вторую группировку окрестили названием «партией дворцовых номеров» (т. е. крупных армянских купцов). Третью же группировку составляло левое крыло думы, враждебно настроенное в отношении «партии дворцовых номеров», позднее занявшее оппозиционное положение и по отношению к управе. Эта группировка в прессе обычно именуется «оппозицией», или «грузинской партией».

Программы действия как партии «дворцовых номеров», так и «управской партии» почти ничем друг от друга не отличались. Социальной опорой этих группировок являлась крупная и отчасти средняя тбилисская буржуазия. Армянская буржуазия, занимавшая в городской экономике господствующее положение, стремилась удержать в своих руках бразды правления городом.

Борьба армянской и грузинской буржуазии в пределах одного и того же города носила внутрикласовый характер, однако их представители предпочли объявить свои узкокорыстные интересы общенациональными и втянуть тем самым в борьбу и другие социальные слои. Например, только что народившаяся грузинская буржуазия, взывая о помощи, обращалась не только к низшим слоям населения, откуда она сама происходила, но и к обуржуазившемуся грузинскому дворянству.

Грузинская прогрессивная интеллигенция, которая объективно выражала интересы возвышавшейся буржуазной демократии, выступая под лозунгом защиты интересов всей нации, не только поддерживала, но и руководила борьбой грузинских цензовых горожан за занятие ими соответствующих мест в городском самоуправлении.

Партии активно приступили к «обработке» выборщиков. Лидеры пресловутых «дворцовых номеров» и «управской партии» агитировали своих выборщиков, на устраиваемых ими в собственных домах и клубах предвыборных пышных банкетах, голосовать за их кандидатов. Оппозиция же вела пропаганду своей программы при помощи печати, требуя существенного преобразования состава Тбилисской думы, ее обновления путем ввода представителей демократической интеллигенции⁵¹⁰.

В предвыборную кампанию активно включилась также газета «Иверия». В одной из напечатанных на ее страницах статье высказано резкое осуждение практикуемого порядка выдвижения кандидатов, согласно которому этим правом самовольно завладела горстка богатейших тбилисских граждан (около 900 человек), лишив тем самым права трех тысяч человек выдвигать своих кандидатов.

Агитация различных партий привела к определенным результатам. Выборщики сгруппировались, в основном, по национальному признаку. Исключительной активностью на сей раз выделялась группа грузин-цензовиков. Из общего числа (500 человек) присутствовавших на собрании избирателей третьего разряда 220 было грузин.

Выборы состоялись в декабре 1890 г. Избиратели первых двух разрядов отдали свои голоса, в основном, кандидатам крупного армянского капитала. В выборах же третьего разряда победила оппозиция, которой удалось отстранить от должности прежнего городского голову А. Матинова и избрать на эту должность своего кандидата Н. Аргутинского-Долгорукого. Однако и в думе нового состава большинство принадлежало вовсе не интеллигенции, а промышленникам, купцам и банкирам.

Даже в Кутаисской думе, которая доминировала по количеству представленных в ней гласных-интеллигентов, отныне стали распоряжаться купцы, промышленники, всякого рода предприниматели, чиновники и дельцы.

Надо отметить и то, что городские самоуправления слабо занимались вопросами развития городов. Всем этим воспользовались реакционеры, требовавшие возврата к старым формам полицейского управления городами.

⁵¹⁰ Новое обозрение, 1890, № 2284.

Прогрессивная интеллигенция в лице С. Месхи, Н. Николадзе и др. также замечала все недостатки самоуправления, однако защищала саму идею самоуправления, считая его одним из залогов прогрессивного развития страны.

Передовая интеллигенция воочию убеждалась в том, что в городских самоуправлениях господствующее положение заняли имущие классы — дворянство, крупная и средняя буржуазия, проводившие своекорыстную классовую политику. Поэтому главной целью прогрессивной интеллигенции являлось укрепление роли демократических элементов в органах самоуправления и возвышение последних до уровня выразителей общих интересов всего населения. Однако новое городское Положение 1892 г., еще более ограничившее представительство демократических слоев, почти полностью отдало органы самоуправления в распоряжение купцов-предпринимателей и других крупных собственников.

Реорганизация городских самоуправлений Тбилиси, Батуми, Поти, Гори и Ахалцихе на основе нового Положения произошла в течение 1898—1894 гг. Новое Положение было распространено также и на ряд городов, ранее управлявшихся полицией. В течение 1894—1899 гг. самоуправление было предоставлено городам Телави, Сигнаги, Ахалкалаки, Сухуми и Озургети⁵¹¹.

Согласно новому Положению право участия в выборах было предоставлено каждому гражданину, являвшемуся подданным Российского государства и владевшего на территории города недвижимостью ценою не менее 1000—1500 руб. Правом голоса наделялись также купцы I и II гильдий.

В городах Ахалцихе, Гори, Телави, Сигнаги, Ахалкалаки и Озургети было введено упрощенное самоуправление. Тут вместо гласных избирались т. н. уполномоченные, а вместо городского головы — староста. Собрания уполномоченных и старост подвергали более строгому административному контролю.

В 1899 г. для городов Закавказья были введены т. н. Особые правила, в силу которых главноначальствующий наделялся правом отзывать из думы неблагонадежных, на его взгляд, лиц. Особые правила о самоуправляющихся закавказских городах были еще одним проявлением колонизаторской политики царизма.

Эффективность действий городского самоуправления в области коммунального хозяйства, образования, медицинского обслуживания населения, санитарного дела, в основном, зависела и от денежных средств, которыми оно располагало. Согласно действовавшему Положению городские самоуправления были весьма ограничены в своих бюджетно-финансовых правах. Лишь небольшая часть налогов, собирающаяся с населения, поступала в статью дохода городских бюджетов; большая же часть пополняла собой государственный бюджет.

Параллельно с ростом городов росли и бюджеты самоуправлений. В 1875 г. бюджет г. Тифлиса по статьям дохода равнялся 279037 руб., в 1883 г. — 531733 руб., в 1894 г. — 1059815 руб., в 1900 г. — 1361636 руб. Доход Кутаисского самоуправления составлял: в 1884 г. — 105000 руб., в 1900 г. — 236654 руб. Бюджет города Поти по статьям дохода составлял в 1880 г. — 35856 руб., в 1898 г. — 40592 руб., в 1895 г. — 555589 руб., в 1900 г. — 174163 руб. Батумский бюджет по статьям дохода составлял в 80-х гг. не больше 50—100 тыс. руб., а в 1900 г. — 500—600 тыс. руб. Довольно быстро рос доход и г. Сухуми. А доходы же городов Ахалцихе, Гори, Телави, Сигнаги, Ахалкалаки, Озургети и Душети росли весьма медленно.

Расходные статьи городских бюджетов подразделялись на две категории. По закону суммы, ассигнуемые на армию и полицию, считались обязательными статьями расходного бюджета. Выделение же средств на благоустройство городов и нужды населения не было обязательным. Большую часть бюджетов грузинских городов поглощали обязательные общегосударственные расходы. Доход тифлиского

⁵¹¹ ЦГИА ГССР, ф. 13, оп. 24, дело 519, л. 1, 14—45.

самоуправления в 1875 г. составлял 279037 руб. А из расходных статей только на содержание расположенных в Тбилиси войск было израсходовано 122462 руб. Из бюджета Кутаисского самоуправления (77261 руб.) на содержание полиции было предусмотрено 20629 руб., а на содержание войск — 22359 руб. Ахалцихское самоуправление, начиная с 1876 и по 1888 г., потратило на войска 165434 руб., на благоустройство города — 45 199 руб. и т. д.

Из-за огромных непроизводительных расходов городские самоуправления располагали очень незначительными средствами для удовлетворения своих насущных потребностей. Самоуправления были вынуждены брать займы. С разрешения властей тифлисское самоуправление выпустило в 1887 г. первый, а в 1888 г. — второй облигационный займы на сумму 1 550 тыс. руб. В 1886 г. тифлисский бюджет по части дохода равнялся 1 115907 руб., из коих 695974 руб. были получены в результате реализации облигационного займа⁵¹². Облигационные займы выпускались также батумским и потийским самоуправлениями.

Займы временно оздоравливали городской бюджет. Покрытие долгов и уплата 5—6%, причитавшихся с основной суммы, ложились тяжелым бременем на расходную часть бюджета: городские самоуправления вкладывали полученные ссуды в разного рода доходные предприятия, стремясь использовать чистую с них прибыль для погашения своих долгов. Тифлисское самоуправление, например, выстроив дворец городского муниципалитета, сдало в наем под различные лавки нижние этажи зданий, далее оно провело Авчальский водопровод — весьма прибыльное для себя предприятие, выстроило Верийский и др. мосты и т. д.

Потийское городское самоуправление, которое в 1894—1913 гг. возглавлял Н. Николадзе, выпустило на рубеже XIX—XX вв. облигационный заем в 5 млн. руб., гарантированный правительством. На эту сумму был выстроен замечательный потийский порт, значительно улучшилось коммунальное хозяйство: благоустроены городские улицы, площади, скверы, осветительная система и т. д.; построен марганцевый элеватор⁵¹³.

Доход городов в 90-х гг. XIX в. значительно вырос. Однако доходные статьи утвержденных бюджетов фактически почти никогда не выполнялись. Поскольку невыполнение доходного бюджета влекло за собой и невыполнение расходного, то городские бюджеты большей частью, были дефицитными.

Главной функцией городских самоуправлений являлось ведение коммунального хозяйства. Весьма медленно совершенствовался внешний облик городов. В главных городах постепенно росло количество асфальтированных и вымощенных улиц и площадей, умножались водопроводы, улучшалось городское освещение, керосиновые фонари вытеснялись газовыми и электрическими светильниками. Внедрялись новые виды массового городского транспорта. В 1883 г. в Тбилиси была построена т. н. «конка», а в 1904 г. в эксплуатацию введены электротрамвай и фуникулер. С начала XX в. «конка» стала действовать и в г. Поти.

Постепенно возрастала роль самоуправлений в области здравоохранения и народного просвещения.

В 1885 г. в ведение тбилисского самоуправления перешла городская центральная больница (на Михайловской улице). В 1898 г. в Тбилиси открылось два специальных пункта для инфекционных больных. Была основана также лечебница-приют для душевнобольных на 40 коек. В начале XX в. в Тбилиси был открыт родильный дом и больница с терапевтическим и хирургическим отделениями, всего на 120 коек. В это же время была выстроена и детская больница Зубалашвили на 80 мест.

К 1901 г. в штате медико-санитарного отдела тбилисского самоуправления числилось 130 человек. Из них было 16 врачей, 4 ветеринарных врача, два химика, 6

⁵¹² Б е н д и а н и ш в и л и А. С*. Тифлисское городское самоуправление 1875—1917 гг. Тбилиси, 1960, с. 49.

⁵¹³ П а ч к о р и я М. И. Из прошлого г. Поти. Тбилиси, 1967 с. 140—151.

фармацевтов, 29 фельдшеров и др. Тбилисское городское самоуправление постепенно выделяло все больше сумм на здравоохранение. В 1899 г. на медико-санитарное обслуживание было израсходовано 102925 руб., а в 1909 г. — 243726 руб., что составляло 13,3% расходного бюджета Тбилиси⁵¹⁴.

И другие городские самоуправления Грузии уделяли все больше внимания улучшению санитарно-гигиенического положения и медицинского обслуживания населения, однако эти города располагали гораздо меньшими денежными средствами. В 1900 г. кутаисское самоуправление израсходовало на медицинскую и санитарную службу 15086 руб. (7%), батумское — 21348 руб. (3,7%), потийское — 6100 руб. (3,5%)⁵¹⁵. В 1901 г. на те же нужды ахалкалакским самоуправлением было выделено 605 руб. (1%), ахалцихским — 647 руб. (1%), горийским — 7588 руб. (3,5%), телавским — 376 руб. (2,9%).

Постепенно расширялась деятельность самоуправлений в области народного просвещения и культуры.

В 1880 г. тбилисское самоуправление открыло ремесленное училище, в 1881 г. — 7 начальных школ. К началу XX века в 22 находившихся в ведении тбилисского самоуправления начальных школах насчитывалось 118 учителей и 3176 учащихся. Среди муниципальных деятелей созрела мысль о введении всеобщего начального образования, однако она осуществлялась на деле весьма медленно. К 1913 г. число тбилисских детей школьного возраста составляло 15—16 тысяч, а из них в начальных школах города обучалось лишь 5000 чел.⁵¹⁶

Тбилисское самоуправление неоднократно ходатайствовало перед правительством о разрешении открыть политехнический институт и университет. Однако самодержавие неизменно отвечало ему отказом.

Тбилисское самоуправление несколько расширило финансирование народного образования. В 1883 г. на эти нужды оно израсходовало 42845 руб., в 1900 г. — 116492 руб., в 1910 г. — 272270 руб., что составляло 13% общего расходного бюджета.

Самоуправления других городов Грузии играли сравнительно незначительную роль в области народного образования. В 1900 г., согласно бюджетному плану, на народное образование предусматривалось затратить: кутаисским самоуправлением — 21 776 руб. (9%), батумским — 30800 руб. (5%), потийским — 8091 руб. (5%), сухумским — 3140 руб. (6%), озургетским — 260 руб. (3%), ахалкалакским — 500 руб. (2%), ахалцихским — 999 руб. (1,4%), горийским — 1300 руб. (7,5%) и телавским — 160 руб. (1,6%)⁵¹⁷.

Таким образом, надеждам прогрессивной интеллигенции в области городского самоуправления суждено было осуществиться лишь частично. Положения 1870 г. и в особенности 1892 г. слишком ограничивали круг избирателей и компетенцию самоуправления.

В условиях царского режима дело расширения прав городских самоуправлений и их демократизации вовсе не пошло дальше предположений. Эти органы местного самоуправления до конца представляли собой бесправный, малокомпетентный придаток царского государственного аппарата.

§ 5. ВОПРОСЫ ВВЕДЕНИЯ ЗЕМСТВА

⁵¹⁴ Б е н д и а н и ш в и л и А. С. Указ. раб., с. 80—82.

⁵¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1267, оп. 28, д. 906, л. 6—9.

⁵¹⁶ ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 6, д. 133, л. 33—107.

⁵¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 28, д. 906, л. 5—9.

Проведение земских реформ было обусловлено теми же причинами, которые вынудили самодержавие обновить социально-политический фасад Российской империи в соответствии с духом времени.

Испокон веков в России (взимались двоякого рода налоги: 1. собственно царские, общегосударственные налоги и 2. местные сборы, которые предназначались для удовлетворения местных нужд. С течением времени второго рода налоги получили общее название «земских». Положение 1851 г. вместе с губернским земским сбором вводило также понятие государственного земского обора, что указывает на непоследовательность царского законодательства. Однако это было вызвано стремлением использовать земские средства на общегосударственные нужды.

Согласно закону 1851 г. «ведение земских сборов вменялось в обязанность особого комитета и собрания, в которые, наряду с правительственными чиновниками, входили дворянские уездные и губернские предводители, городские головы и сословные представители. Проект земского бюджета утверждал министр финансов. Практическое выполнение бюджета составляло обязанность общегосударственных органов»⁵¹⁸.

Долгий опыт привел царское правительство к выводу, что занятая исполнением своих непосредственных обязанностей администрация не в силах заведовать земскими поборами и отложениями. Поэтому было решено передать это дело в компетенцию местного общественного представительства. Однако фактически при проведении реформы вопрос о земском обязательстве вовсе не был главным. В условиях сложившейся в ту пору в стране революционной ситуации земская реформа вышла далеко за эти уготовленные ей правительством скромные рамки, выдвинув на передний план насущные вопросы экономической, общественно-политической и культурной жизни.

Царское правительство сохранило за собой монопольное право на подготовку реформы. В правительственные комиссии не допускались представители губернского дворянства. В 1862 г. были опубликованы Основные начала устройства земских учреждений, 1 января 1864 г. Александр II утвердил Положение об уездных и губернских земских учреждениях, содержание основных статей которого было следующее.

Для управления местными хозяйственными делами создавались губернские уездные учреждения. В функции земских учреждений входили: управление земским имуществом, капиталами и денежными обложениями, уход и ремонт наличных земских зданий и различных строений, забота о развитии торговли и промышленности, участие в деле организации народного просвещения и здравоохранения; изучение местного положения, соответствующих справок в правительство и возбуждение разного рода ходатайств; проведение земских выборов и выделение средств на содержание земских учреждений, ведение тех дел, которые в будущем могли быть переданы в функции земств.

Нарождалось двухступенчатое земство. Распорядительным органом уездных и губернских земств являлись собрания гласных, а постоянно действовавшими исполнительными органами — управы. Положение устанавливало довольно высокий избирательный ценз. Создавались три избирательные курии — уездных землевладельцев, а также городских и сельских обществ. Они выбирали гласных в уездные земские собрания. Гласных же в губернские земства выбирали из среды уездных земских гласных. Уездные земские управы состояли из 3 членов, а губернские земские управы — из 6 членов. Председателей правления утверждали губернатор и министр внутренних дел⁵¹⁹.

Сфера действий земств была весьма ограниченной, а предоставленная им власть — чрезвычайно слабой. Правда, в распоряжение земств были переданы денежные средства, собранные губернским земским обложением, однако правительство, учредило особое правило по расходованию бюджета, которое земские деятели не могли обойти. Земства в первую очередь должны были выделить средства на содержание стоявших в их районе

⁵¹⁸ В е с е л о в с к и й Б. История земства за сорок лет. Т. 2. Спб., 1908, с. 1—8.

⁵¹⁹ Земство. Политико-экономический сборник. Спб., 1864, с. 7—51.

войск. Затем на содержание гражданского управления и мирового суда, на проведение и ремонт особо важных дорог и др. государственные нужды.

Несмотря на то, что земства получили весьма ограниченное поле деятельности, все же проведение земской реформы являлось положительным событием. Земство, городские самоуправления по самому складу своей организации представляли явную противоположность старому социально-политическому зданию самодержавия. До сих пор русскому абсолютному монархическому государству было совершенно незнакомо учреждение, основанное на принципе выборности всесословных, представителей. А органы местных самоуправлений сложились именно на основании этого принципа.

По высочайшему указанию 1 января 1864 г. земства были введены в 35 губерниях Европейской России. Со стороны царизма это была некоторая уступка, политической целью которой являлось склонение на сторону правительства либеральных деятелей. Земская реформа была обрывком конституции, при помощи которого заставили замолчать борющихся за конституцию либералов и несколько укрепили положение самодержавия.

В. И. Ленин подчеркивал стремление царизма ослабить, ограничить, а затем заставить земские учреждения подчиниться правительственной администрации: «Земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию; земства не были связаны друг с другом, земства были сразу же поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его; всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его»⁵²⁰.

Несмотря на это, земства принесли несомненную пользу в некоторых сферах жизни. Они значительно умножили число начальных школ, гимназий и семинарий, открыли больницы, мелкие кредитные учреждения, содействовали сельскохозяйственному прогрессу.

Защищая свои права, земство почти всегда находилось в оппозиции к правительству. Это была буржуазно-либеральная, легальная оппозиция, однако она все же пугала правительство. С. Витте считал земство такой организацией, которая была несовместима с самодержавным строем и по своему характеру являлась конституционным учреждением. В. И. Ленин указывал на определенное положительное значение земской оппозиции, рассматривая ее как побочный фактор в борьбе против самодержавия.

Царское правительство сочло окраины Российской империи не готовыми к проведению земской реформы. Земство не получили Архангельская, Астраханская и Оренбургская губернии, ибо здесь почти что не было дворянства. Земская реформа не была проведена в Польше, Прибалтике, Белоруссии, Сибири, на Кавказе, в Казахстане, Средней Азии.

Прогрессивные силы Грузии хотя и замечали ограниченный характер земской реформы, однако они все же считали земские учреждения шагом вперед на пути прогрессивного развития по сравнению с существовавшим полицейским режимом.

После проведения земской реформы в 35 российских губерниях, распоряжения земскими денежными средствами изменились и в других частях страны. Согласно закону 1869 г. об управлении Кавказом было создано особое собрание земских обязанностей, которое вошло в качестве одного из учреждений при Главном управлении наместника Кавказа. Особое собрание имело лишь совещательные функции. На его заседаниях

⁵²⁰ Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

рассматривался вопрос о сборах земских платежей и высказывались соображения по поводу расходов поступивших сумм. Практическое осуществление земского бюджета было поручено департаменту Главного управления, губернским и земским начальникам⁵²¹.

В 80-х гг. XIX века кавказская администрация признала, что, ввиду своих прямых служебных обязанностей, она не в состоянии управлять еще и земским хозяйством. Она возбудила ходатайство о том, чтобы в Закавказье был создан Распорядительный комитет для управления земским хозяйством. Царское правительство, казалось, с сочувствием встретило эту идею. В 1888 г. в Министерстве финансов была составлена записка, согласно которой в работе губернских распорядительных комитетов, наряду с правительственными чиновниками, должны были участвовать и представители местных землевладельцев. На последних возлагалось рассмотрение проектов земских, бюджетов, вопросов перевода натуральных повинностей на денежное исчисление, участие при оценке недвижимого имущества. По мнению Министерства, участие представителей местного общества пошло бы лишь на пользу работе губернских комитетов — этих правительственных учреждений. Однако эта точка зрения Министерства финансов не получила одобрения. Губернские распорядительные комитеты не были основаны на Кавказе⁵²².

Было ясно, что царское правительство преднамеренно чинило препятствия делу проведения на окраинах даже ограниченного земского самоуправления. Грузинские дворянские и буржуазные либералы, зачастую поддерживаемые демократами, довольно энергично стремились вынудить царизм провести земскую реформу и в Грузии.

Еще в 1876 г. дворянское собрание Горийского уезда возбудило вопрос о введении земских учреждений в Тифлисской губ.⁵²³. Однако голос уездного дворянства оказался слишком слабым, чтобы привлечь к себе внимание. Следует отметить, что в целом дворянское сословие не только не требовало земства, но и весьма рьяно выступало против введения земских учреждений в Грузии, опасаясь налогового обложения их поместий. Этим и объясняется то обстоятельство, что сословная организация грузинского дворянства — Депутатское собрание не поддержало выступление горийских представителей.

Зато со страниц грузинской и местной русской демократической печати почти не сходили письма, в которых рассматривалась деятельность российских земских учреждений и высказывалось мнение о необходимости ввести аналогичные учреждения и в Грузии. Грузинские просветители-демократы во главе с Ильей Чавчавадзе боролись за введение в Грузии не фиктивного, а действительного местного самоуправления.

В 1882 г. на заседании Дворянского собрания Тифлисской губернии был рассмотрен вопрос о введении земства в Грузии. Составление обоснованного ходатайства перед правительством было поручено специальной комиссии. Однако вскоре стало известно, что правительство разрабатывает проект реорганизации земства, до выработки и утверждения которого не имело смысла возбуждение ходатайства.

В 1884 г. на одном из собраний тбилисского дворянства Г. Туманишвили поставил вопрос о введении земства на Кавказе. Он призвал грузинское дворянство возбудить ходатайство о введении земства в Грузии.

Изучение этого вопроса было возложено на особую комиссию, в которую вошли губернские и уездные предводители дворянства. Г. Туманишвили было поручено составить соответствующий проект. В феврале 1896 года Г. Туманишвили представил дворянскому собранию «Записку» о введении земских учреждений в Грузии.

1 июня 1897 г. Дворянское собрание Тифлисской губ. рассмотрело упомянутую записку. Часть депутатов не согласилась с мнением автора. И. Андроникашвили,

⁵²¹ ЦГИАГ, ф. 12, оп. 11, д. 243, л. 1—4.

⁵²² ЦГИА ГССР, ф. 13, оп. 10, д. 22, л. 6—8.

⁵²³ Там, же, л. 8—9.

Саванели, Джапаридзе и Орбелиани заявили, что в Грузии еще не созрели условия для введения земства⁵²⁴.

В обсуждении принял участие И. Чавчавадзе. «Вопрос, представленный на наше рассмотрение, — сказал он, — не так уж сложен. Решить его можем на этом же заседании. Нам предлагают распорядиться собственными же деньгами. Мы в настоящее время ежегодно вносим в земскую кассу свыше 600 тыс. руб. Почему мы сами не можем дать ход этим деньгам по нашему же собственному разумению, кто может выступить против этого?»⁵²⁵

Выступление Илья Чавчавадзе было встречено частью собрания бурными аплодисментами. Однако из-за противодействия части дворянства собрание не пришло к единому мнению. Вопрос был возвращен комиссии для более подробного изучения.

Вопрос о введении земства в Грузии стал предметом острой полемики на страницах грузинской и русской прессы.

Активным сторонником проведения земской реформы был Н. Николадзе. По его словам, земское Положение 1864 г. имело массу недостатков. Если б нам было предоставлено право, говорит он, разрешить вопрос по своему усмотрению, то нашлись бы люди, которые справились бы с делом гораздо лучше, однако государственные и общественные дела вовсе не расцениваются с этой точки зрения. Новое Положение 1890 г. о земских учреждениях, отмечает Н. Николадзе, еще более суживает сферу деятельности земств. И все же для нас имело бы положительное значение введение даже такого рода земских организаций⁵²⁶.

Против введения земства в Закавказье выступили лишь «Черноморский Вестник» и «Кавказ». Первый из них открыто заявил о неподготовленности края к принятию земства.

Сословная организация грузинского дворянства не могла не считаться с требованием широких слоев общества. 12 ноября 1897 г. Дворянское собрание Кутаисской губ. представило правительству проект введения земства. Несколько позднее дворянство Тифлисской губернии направило в Петербург свой проект земской реформы в Грузии.

Вопрос о проведении земской реформы неоднократно возбуждался местными обществами и учреждениями: Кавказским обществом сельского хозяйства (в 1899 и 1903 гг.), съездами виноделов, землевладельцев, молочных и кустарных промыслов (1901 г.), съездом хлопкоробов, Кавказским медицинским и Сухумским сельскохозяйственным обществами (1904 г.) и др.⁵²⁷

Под давлением революционных выступлений трудящихся высшая краевая власть на Кавказе выступила с инициативой введения земства, надеясь этой небольшой уступкой удовлетворить интересы либерально настроенных кругов, с тем чтобы использовать их в борьбе против революции.

Наместник царя, разослав специальные циркуляры губернаторам и уездным начальникам, обязал их создать земские совещания из выборных представителей различных слоев.

Трудящиеся массы объявили бойкот этим совещаниям, вследствие чего земская компания потерпела крах. До низвержения царизма земство в Грузии не было введено.

Г Л А В А IX

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ГРУЗИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1865—1900 гг.)

⁵²⁴ Записки и статьи о введении земских учреждений в Тифлисской губернии. Сост. Г. М. Туманишвили, Тифлис, 1897, с. 26—30.

⁵²⁵ Там же, с. 31—32.

⁵²⁶ Моамбе, 1897, №6, отд. II, с. 28—62.

⁵²⁷ ЦГИА ГССР, ф. 135, оп. 10, д. 22, л. 8.

§ 1. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕРЕВНЕ

Торговое земледелие. Аграрная реформа, в значительной мере уничтожившая противоречия между развивавшимися производительными силами и отжившими производственными отношениями, оказала благотворное влияние на дальнейший подъем сельского хозяйства. Начиная с 70-х гг. XIX в. наблюдается еще больший рост товарности старых отраслей сельского хозяйства и развития новых. Более интенсивно протекал и процесс отраслевой специализации сельского хозяйства. Природные условия Грузии обусловили исконное существование на ее территории различных естественно-хозяйственных зон. Особенно быстро хозяйственная специализация происходила в пореформенный период. Современники констатировали в 80-х гг. XIX в. существование на территории Грузии высокогорной, равнинной и плоскогорной (т. е. переходной) зон, характеризовавшихся своими специфическими хозяйственными отраслями.

Рынок. Торгово-денежные взаимоотношения оказывали огромное воздействие на самый процесс производства. Перед сельскими хозяевами со всей остротой возникла проблема повышения агротехнического уровня сельскохозяйственного производства. Более крупные хозяйства постепенно переходили от двух- и трехпольных систем к многопольной и вообще к правильному севообороту. Все более улучшался уход за виноградными, табачными и хлопковыми плантациями, с большой тщательностью происходила их обработка. В хозяйства внедрялись заводской плуг и простые сельскохозяйственные машины.

Среди разнообразных отраслей сельского хозяйства Грузии ведущими были зерновые культуры. В равнинной и плоскогорной зонах интенсивно росли площади под пашнями. В Восточной Грузии предпочтение отдавалось хлебу (пшенице) и ячменю, в Западной Грузии — кукурузе. Более или менее интенсивно сеяли также овес, рожь, фасоль, просо, полбу, рис и т. д.

В 1874 г. было получено 25 млн. пудов всех видов зерновых⁵²⁸. На рубеже 80-х—90-х гг. возделанные площади составляли 600—700 десятин, а средняя годовая урожайность — 40 млн. пудов (14 млн. пудов хлеба, 16 млн. пудов кукурузы, 5 млн. пудов ячменя)⁵²⁹.

В 70-х—80-х гг. XIX в. товарность зернового хозяйства проявляла тенденцию роста. Более четко выраженный товарный характер получило кукурузоводство. В 80-х же гг. XIX в. ежегодный экспорт кукурузы составил 5—7 млн. пудов. Западногрузинское население в это время поставляло на внутренний и внешний рынок 30—35% произведенной кукурузы⁵³⁰.

В Восточной Грузии товарность зерновых не превышала 15—20%. На внутреннем рынке реализовалось 2,5—3 млн. пудов, а на внешний рынок вывозилось от 0,5 до 1 млн. пудов хлеба и ячменя. Основную часть товарной продукции поставляли помещичьи и кулацкие хозяйства. Крестьяне же бедняки не только не располагали излишками зерновых, но и являлись одним из главных потребителей этого товара, покупавших его на внутреннем рынке.

Однако неблагоприятная рыночная конъюнктура (конкуренция американской продукции на западноевропейском рынке и ввоз из России хлеба в Грузию), складывавшаяся уже с конца 80-х гг. XIX в., стала серьезным препятствием для дальнейшего роста товарности зерновых хозяйств в Грузии. Как только производство зерна перестало быть доходной отраслью, помещичьи хозяйства устремили свое внимание на более рентабельные и традиционные культуры сельского хозяйства, для возделывания

⁵²⁸ ЦГИА СССР ф. 1268, оп. 20 д. 146, л. 131, 154.

⁵²⁹ Сборник статистических сведений по Закавказскому краю, п/р Е. Кондратенко, ч. 1, 1902, с. 168—169.

⁵³⁰ СМИБГКЗК, т. IV, ч. 2, с. 425—427; ЦГИА СССР, ф. 12, оп. 6, д. 4, л. 14—15.

которых имелись благоприятные природные условия. К том уже для сбыта продукции этих культур под рукой имелся емкий российский рынок, предъявлявший на них огромный спрос.

Одной из таких рентабельных отраслей явилось виноградарство с виноделием, товарность продукции которого неуклонно росла. В 70-х—80-х гг. прошлого века в географии виноградно-винодельческих хозяйств Грузии произошли некоторые изменения: болезнь виноградной лозы свела до минимума значение этой отрасли в Гурии и Мегрелии. Зато она получила свое развитие в Имерети, Картли, Кахетии, чьи вина стали завоевывать и всероссийские рынки.

В 70-х гг. XIX в. площадь под виноградниками в Кахети равнялась 14 тыс. дес., в Картли — 4 тыс. дес., в Имерети — 19 тыс. дес., в Рача-Лечхуми — 3 тыс. десятин. Во всей Грузии ежегодно производили 5—6 млн. ведер вина⁵³¹.

Товарность виноградно-винодельческих хозяйств Грузии накануне реформы составляла 35—40%, а в 80-х гг. XIX в. — 50—60%. Согласно несколько завышенным, на наш взгляд, данным 1893 г., на рынок поступило: из Западной Грузии — 2 362 000 ведер вина, из Внутренней Картли — 660 тысяч, из Тифлисского и Борчалинского уездов — 590 тысяч, а из Кахети — 1 500 тыс. ведер вина. Грузинские вина реализовывались не только на рынках Закавказья, но и в России. В 1883—1893 гг. из Грузии в Россию ежегодно вывозилось в среднем около 400—500 тыс. ведер вина. Это составляло 3,5—4,5% валовой продукции и 7—9% товарной⁵³². В дальнейшем вывоз вина из Грузии на российские рынки превзошел в среднем 1 млн. ведер в год.

В нагорной зоне Грузии ведущей отраслью сельского хозяйства являлось животноводство. По сведениям современников, развитие животноводства тормозилось отсутствием прочной кормовой базы. В 80-х гг. XIX в. площадь под сенокосами не превышала 100 тыс. дес., с которых в среднем ежегодно убирали лишь по 12—13 млн. пудов сена. Скармливали животным и отходы зернового хозяйства — около 60 млн. пудов соломы и самана. На фураж шли также ячмень и частично кукуруза. Но этого количества корма было недостаточно. Поэтому животноводством в широком масштабе занималось население тех районов, где была возможность использовать как летние, так и зимние пастбища.

К 80-м гг. XIX в. площадь под летними пастбищами составляла в Грузии 1125 тыс. дес., а под зимними лишь — 405 тыс. дес. Пастбища распределялись весьма неравномерно, большинство из них находились на труднодоступных горных склонах, что в значительной степени затрудняло их использование. Высоким уровнем развития животноводства и скотоводства отличались Тианетский, Душетский, Борчалинский, Сигнагский уезды, а также горная Рача, Сванети, Абхазия и Аджария.

В 70-х—80-х гг. XIX в. определенная часть населения Грузии 3 млн. голов, в 80-х гг. поголовье скота несколько выросло. Статистические данные показывают, что в земледельческих районах, где животноводство имело вспомогательное значение, поголовье скота уменьшалось, а в специализированных районах оно, наоборот, увеличивалось.

В 70-х—80-х гг. XIX в. определенная часть населения Грузии успешно разводила и тутовый шелкопряд. В долинах Западной Грузии этой отраслью занималось 14 тыс. крестьянских дымов. Шелководы Грузии собирали не менее 40—60 тыс. пудов шелковичных коконов, которые реализовывались в виде исходного сырья на внутреннем и внешнем рынках.

В 1877 г. на Закавказье была распространена имперская пошлина на импортный табак (14 руб. за пуд), что способствовало развитию в крае табаководства. В 70-х—80-х гг. ведущими районами табаководства стали Кахети, Имерети, Гурия и Абхазия. Табачные

⁵³¹Б а л л а с М. Виноделие в России, ч. III, с. 31; ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 24, д. 231, л. 75.

⁵³²Т и м о ф е е в . Сбыт кавказских вин. Тифлис, 1895, с. 7—53.

плантации ежегодно занимали и среднем по 1400 дес., с которых собирали по 60—100 тыс. пудов табаку. Продукция почти полностью поступала на рынок.

Площадь под хлопчатником резко возросла в Грузии и 60-х гг. XIX в. в связи с изменением внешнеполитической конъюнктуры, связанной с временным сокращением экспорта американского хлопка. Однако в последующие годы хлопководство в Имерети резко пало. В 80-х гг. здесь ежегодно собирали лишь по 8—12 тыс. пудов хлопка, который почти полностью вывозился в Россию.

В 70-х гг. XIX в. все более расширяется товарный характер овощеводства и плодоводства. В субтропических районах Грузии внедряются новые культуры: чай, бамбук, цитрусы и др. В 80-х гг. на рынок поступало продукции плодово-бахчевых культур на 3 млн. руб.

Таким образом, в 80-х гг. XIX в. в сельском хозяйств Грузии самым высоким был удельный вес зернового хозяйства, затем животноводства, виноградарства-виноделия, табаководства, плодово-овощных культур и т. д. Ежегодный валовой доход сельского хозяйства составлял от 70 до 75 млн. руб.

Основной производительной силой грузинской деревни являлось крестьянство. На долю крестьянских хозяйств приходилось приблизительно 70% садов и виноградников, 50% табачных и хлопковых плантаций. Около 65% всего сельскохозяйственного дохода приходилось на долю крестьянского (в том числе и кулацкого) хозяйства. Однако ввиду того, что в этот период крестьянство в основном обрабатывало надельную и арендованные им земли, выплачивая к тому же еще и земельную ренту, то в его руках оставалось всего лишь 45% валового продукта. Значительная часть создаваемой крестьянским трудом стоимости доставалась землевладельцам.

Параллельно с развитием торгового землевладения и углублением отраслевой специализации расширялся и внутренний рынок, росли обороты как от внутренней, так и от внешней торговли. Горные районы Грузии поставляли на рынок продукты животноводства, Кахети — в основном вино, Картли — зерно и плодовоовощные, Имерети — вино и шелк, Гурия с Мегрелией — кукурузу, шелк и продукты птицеводства, Абхазия — табак и кукурузу.

В условиях роста производства продукции и расширения товарооборота постепенно рос, пополнял свои ряды за счет выходцев из сельского населения слой торговцев, превративших старые и новые центры внутренней торговли в аренду для своих действий. Ввиду того, что мелкотоварное производство сохраняло за собой большой удельный вес, в Грузии и после победы капитализма сохранилась неэквивалентная торговля. Реализация товаров приносила прибыль в основном скупщикам что же касается мелких товаропроизводителей, то они находились в тяжелом положении.

Торговый и ростовщический капитал опутал не только мелкое крестьянство, но и большинство дворян. Лишь кулакам да помещикам-рационализаторам удавалось вести свои дела самостоятельно. Последние часто выступали в роли торговцев. 80-х гг. XIX в. крупными торговыми фирмами владели князя Джорджадзе, Вачнадзе, Андроникашвили, Шереметевы, Багратион-Мухранский, удельное ведомство и т. д.

Мелкие производители, будучи уже не в состоянии выступать на рынке самостоятельно, основывали по совету прогрессивной интеллигенции ссудосберегательные и торговые товарищества для борьбы против разрушающего воздействия ростовщического капитала. В 70-х—80-х гг. XIX в. кооперативное движение не получило широкого размаха. В сфере обращения еще господствовали ростовщико-лихоимцы.

Выкуп и купля-продажа земли. Классовая дифференциация крестьянства. Аграрная реформа заметно ускорила разложение феодальных отношений. Правда, большинство местных положений было составлено таким образом, что крестьянские земельные наделы продолжали оставаться в распоряжении помещиков, но были и исключения. Согласно Положению от 8 ноября 1870 г. абхазскому крестьянству были

утверждены наделные земли в полную собственность. Согласно положению, выкуп за личную свободу они погашали продлением своих старых обязанностей сроком на четыре года, по истечении которых они освобождались от обязанных отношений к бывшим помещикам. Таким образом, временнообязанные отношения в Абхазии были продлены на 4 года. Большинство крестьян этого края вместе с личной свободой получило в собственность и земельный надел размером от 8 до 5 дес. Приблизительно таким же образом был разрешен сословно-поземельный вопрос и в Дадешкелиановской Сванетии. Крестьяне этого края получили в собственность лишь по 1—1,5 дес. земли на дым⁵³³. Освобождение крестьян от тяжелого ярма временно-обязанных отношений безусловно было положительным явлением.

В основных районах Грузии аграрная реформа так и не сумела довести до конца дело освобождения крестьян. До выкупа земли временнообязанный крестьянин юридически продолжал оставаться в кабале у помещика. В 70-х гг. XIX в. временнообязанные крестьяне Грузии платили за пользование наделной землей по 9 руб. за дес. Естественно, что крестьяне стремились выкупить наделы и тем самым освободиться от помещичьей кабалы. Однако большая часть крестьян не в силах была выкупиться на волю, растягивая тем самым временнообязанные отношения на десятки лет.

В 1869—1890 гг. в Восточной Грузии 2775 крестьянских дымов сумели выкупить, с согласия помещиков, и при помощи правительственной ссуды, 12265 дес. наделной земли. За то же время 574 дыма выкупили 1214 дес. земли на собственные средства.

Еще быстрее осуществились выкупные операции в Западной Грузии. Здешние крестьяне отказались от освобождения невыгодной, по их мнению, правительственной ссуды. В течение 1868—1888 гг. 23407 временнообязанных крестьянских дымов выкупили 104 165 дес. наделной земли с отрезками⁵³⁴, уплатив помещикам 4,8 млн. руб.

Этот процесс продолжался и в последующие десятилетия. К концу XIX в. в Восточной Грузии только 31,5% временнообязанных крестьян выкупили свои наделы, а в Западной Грузии — 60%. По причине аграрной политики самодержавия, направленной на сохранение феодального землевладения, половина бывших помещичьих крестьян Грузии все еще оставалась на положении временнообязанных.

В торговый оборот в большом количестве поступала также и вне наделная земля. В процессе купли-продажи земли, принявшем в пореформенный период широкий размах, участвовали все социальные слои населения. Причем этот процесс сопровождался заметным сокращением дворянского землевладения и усилением тенденции роста земельного фонда выходцев из буржуазных слоев. Хотя правительство всячески препятствовало крестьянам в деле обзаведения их землей (например, государственным крестьянам было запрещено выкупать казенные земли, затрудняя тем самым им переход в категорию собственников), однако фонд собственной крестьянской земли значительно вырос. К 1890 г. в собственности грузинских крестьян находилось 400 тыс. дес. земли. В собственности же казны и помещиков все еще оставался 1 млн. дес. крестьянской, наделной земли.

Таким образом, в пореформенной Грузии одним из результатов развития товарно-денежных и капиталистически взаимоотношений и его выражением явилось рождение многочисленной категории крестьян-собственников. Распад феодальной собственности и переход к мелкокрестьянской собственности имел в ту пору положительное значение. При мелком производстве частная собственность на землю является, как известно, необходимым условием прогресса. «...Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства»⁵³⁵.

⁵³³ СХАО, IV, с. 522—537, 585—590.

⁵³⁴ ССДЗХЗК. Приложение II, с. 149—160.

⁵³⁵ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 25, ч. II. М., 1962, с. 371—372.

Крестьянин на собственной земле работал гораздо усерднее, прилагая всяческие усилия для улучшения своего хозяйства. Он был уверен, что земля, рано или поздно, воздаст со сторицей все его старания и затраты, которые он вложил в нее, чтобы поднять ее урожайность. Оставшиеся же в зависимости от бывших помещиков крестьяне лишены были этого стимула.

Развиваясь в условиях товарно-денежных и капиталистических взаимоотношений, крестьянский класс претерпевал процесс глубокой социальной дифференциации. Земля и другие средства производства концентрировались в руках кулачества, Разоренное же крестьянство пополняло собой ряды пролетариата.

В 80-х гг. XIX в. государственные крестьяне Восточной Грузии располагали в среднем на дым 14 дес. земли, из коих 6 дес. земли занимали виноградники и пашни. Распределение земельного фонда было неравномерным среди волостей и дымов. Добрая половина грузинского крестьянства была вынуждена довольствоваться земельным наделом, размеры которого равнялись от 0,5 — до 3 дес. Около 5% крестьянского населения страны владело наделом в размере от 20 до 50 дес. земли, и лишь один процент владел землей от 100 до 500 дес.⁵³⁶

В ту же пору государственные крестьяне в Западной Грузии владели в среднем земельным наделом не свыше 4 дес. Вовсе не имели земли 1,9% крестьян, 10% дымов владели лишь от 9,1— до 1 дес. земли, 22% — от до 2 дес., 36% — от 2 до 4 дес., 26% — от 4 до 10 дес. земли, 1 % владел от 20 до 154 дес.⁵³⁷

В Восточной Грузии переходить в категорию собственников могли лишь зажиточные крестьяне. Согласно имеющимся данным, к 1888 г. в Восточной Грузии числилось всего лишь 8363 крестьян-собственников, владевших 99 921 дес. земли, что в расчете на душу населения составляет в среднем 12 дес. Приблизительно в том же периоде в Борчалинском уезде было засвидетельствовано существование 796 крестьян-собственников со средним подымным наделом, в 27,2 дес. земли. В сел. Джадал-оглы 25 дымов владели, на правах собственности 712 дес. земли, а товарищество нескольких дымов в Шулавери — 2200 дес. земли⁵³⁸. В Кахети и Имерети проживали крестьяне, владевшие 5—8 дес. высокодоходных виноградных садов, не говоря уже об остальных принадлежавших им угодьях.

В руках богатых крестьян были сосредоточены как рабочий, так и продуктивный скот. В Кахети крестьянская верхушка (около 5%) владела 40% всего имевшегося в крае поголовья рабочего скота, в то время как 48% кахетинского крестьянства вообще не имело никакой тягловой силы. В западно-грузинских же уездах 50 тыс. крестьянских дымов были вовсе лишены рабочего скота.

Особенно сильной был кулацкий слой в районах, специализировавшихся на животноводстве. По данным 1885 г., в Цова-Тушети (нагорная Грузия) три крестьянских дыма владели отарами овец, каждая из которых насчитывала по 2 с лишним тыс. голов, 8 крестьянских дымов — 1—2 тыс. голов, 25 крестьянских дымов — от 500 до 1000 голов. В Душетском уезде отдельные крестьяне владели отарами овец свыше 10 тысяч голов. Среди владельцев этой категории были крестьяне Шио Циклаури, Шио Кайшаури, Герена Апциаури и др. Вместе с тем в горах было множество крестьян, у которых почти не было овец. Горцы-бедняки работали наемными чабанами⁵³⁹. Некоторые крупные животноводы нанимали 50—100 человек чабанов и подсобных рабочих.

По приблизительным подсчетам кулаки составляли 4—5% сельского населения, середняки — от 35 до 40% и бедняки — от 55 до 60%. Доходы кулаков на душу населения в 3—4 раза превышали доходы середняков и в 10—15 раз — доходы крестьян-бедняков. В отдельных случаях эти контрасты были еще сильнее. Но еще существеннее были эти

⁵³⁶ Антелава И. Г. Государственные крестьяне Грузии в XIX в., т. 2. Тбилиси. 1962, с. 78—79.

⁵³⁷ СМИБГКЗК, т. V, с. 157—158

⁵³⁸ ССДЗТКГ, с. 12—15; РТКЭЖДЭКО, с. 56—58.

⁵³⁹ МИЭБГКЗК, т. IV, ч. 2, с. 247—360.

различия в социальном отношении. Кулак, как правило, нанимая рабочих, эксплуатировал чужой труд. Середняк сравнительно редко выходил на заработок и еще реже нанимал себе сезонных рабочих. Крестьянин-бедняк из-за недостаточности своего земельного надела и отсутствия рабочего скота вел мизерное собственное хозяйство, доходов с которого не хватало на пропитание его семьи в течение года. Эта пролетарская и полупролетарская крестьянская масса была вынуждена искать себе сторонние заработки, уходя на работу по найму.

Во многих сельских районах Грузии рынок рабочей силы был весьма узок. Обнищавшие крестьяне были вынуждены искать в других краях средства к существованию.

Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства. Еще реформенную эпоху в Грузии отдельными помещиками принимались серьезные попытки усовершенствования и радиального переустройства барщинного хозяйства в капиталистическое. Буржуазная эволюция помещичьего хозяйства была значительно ускорена крестьянской реформой. В. И. Ленин анализируя условия развития капиталистического хозяйства в России, писал: «Барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права. Подорваны были все главные основания этой системы: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины...» Помещику предстояло «перейти к капиталистической системе хозяйства, покоящейся... на диаметрально противоположных основаниях»⁵⁴⁰.

Правда, при отмене крепостного права царское правительство сделало все возможное, чтобы максимально оградить интересы привилегированного сословия, однако переходный период все же характеризовался рядом трудностей, на устранение которых были в первую очередь направлены все усилия лидеров высшего сословия.

В 70-х гг. XIX в. возникли поземельные банки грузинского дворянства в Тбилиси и в Кутаиси. Большинство представителей высшего сословия рассматривало банки как благотворительные учреждения, призванные к жизни для врачевания язв помещичьего хозяйства. Председатель Тифлисского дворянского поземельного банка И. Г. Чавчавадзе предупреждал заблуждавшихся на этот счет землевладельцев, указывая, что кредит приносит пользу лишь тем землевладельцам, которые рационально используют для улучшения своего хозяйства взятые под залог земли ссуды. Что же касается легкомысленных дворянских транжир и расхитителей, то лишь ускоряют трагическую развязку. Однако эти предупреждения и увещания оставались не всегда понятными. Большинство грузинских помещиков использовало взятые ссуды на покрытие непроизводительных расходов, что в конечном счете приводило к потере заложенных ими в банке имений.

Монопольное владение землей позволяло грузинскому дворянству вести свое хозяйство большей частью по старинке. В условиях крестьянского малоземелья масса непосредственных производителей была вынуждена во все возрастающем размере прибегать к аренде помещичьей земли. Как указывал В.И. Ленин, для помещичьего хозяйства «сдача земли в аренду имеет противоположное значение: иногда это—передача другому лицу хозяйства за уплату ренты; иногда это — способ ведения своего хозяйства, способ обеспечения имения рабочими силами»⁵⁴¹.

Одна часть грузинских землевладельцев сдавала землю в аренду для получения денежной, либо продуктовой ренты, вторая — для обеспечения даровой рабочей силой своего хозяйства. Большинство же землевладельцев преследовало обе цели, сдавая свои земли в аренду. В имении кн. И. К. Багратион-Мухранского 74 дыма хизанов за пользование земли расплачивалось с землевладельцем как продуктами, так и выработками. Соответственно с количеством арендованной ими земли, они поставляли зерно на сумму от 10 до 53 руб. на дым. Кроме того, они работали на помещичьей земле,

⁵⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

⁵⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 194.

что в переводе на деньги составило от 16 до 77 руб. В зерновом хозяйстве (200 дес.) кн. Багратион-Мухранского трудом хизанов и арендаторов (отработками) выполнялось 42,6% пахоты, 70% по уборке урожая, 65% по стогованию соломы и обмолоту зерна и т. д. Остальные же работы выполнялись наемными рабочими. И. К. Багратион-Мухранский пользовался трудом и инвентарем обязанных крестьян. Однако и сам помещик располагал в достаточном количестве и рабочим скотом (61 лошадью, 68 быками и буйволами), и инвентарем (английскими плугами, молотилками, веялками и др. машинами). Один из наблюдателей, изучавших хозяйство кн. И. Мухранского, сделал вывод, что если бы можно было соединить труд временнообязанных крестьян с новейшими машинами, то вряд ли хозяйства с вольнонаемным трудом сумели бы оказать серьезную конкуренцию хозяйствам с даровым трудом»⁵⁴².

Такой же выгодной комбинацией факторов в большей или меньшей степени располагали и другие крупные грузинские помещики. Таким образом, переход от отработочной системы хозяйствования к капиталистической затруднялся вовсе не личными качествами грузинских помещиков — их «неумением» перейти к новейшим методам организации хозяйства, — как раз наоборот, все это тормозилось объективными факторами: помещичье-дворянской монополией земли, выгодностью аренды и рентабельностью отработочной системы. Поэтому и считал В. И. Ленин главным условием свободного и быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве революционное решение аграрного вопроса⁵⁴³.

Серьезные препятствия рациональному ведению хозяйства и преобразовательной деятельности помещиков-новаторов чинили существовавшие в Грузии формы родового владения землей, подчас полная её неразмежеванность среди членов аристократического клана. Многие инициативные помещики, лишённые необходимой юридической документации на землю, вынуждены были отказываться от своих деловых намерений. Подобное положение вещей затрудняло получение ипотечного кредита. Банки обычно отказывались выдавать ссуду помещикам, владевшим неразмежеванными земельными угодьями. Эти помещики были вынуждены пользоваться услугами гораздо более дорогого ростовщического кредита.

Несмотря на все трудности переходного периода, помещичьи хозяйства сравнительно легко приспосабливались к рыночным отношениям, принимая торговый характер. В 80-х гг. XIX в. грузинские помещики выносили на рынок по 3—4 млн. в зерна, т. е. 45—50% производимой ими продукции. Товарную продукцию поставляли, в основном крупные и средние помещики. В дальнейшем производить зерно на рынок стало невыгодным. Помещики стали больше внимания уделять производству винограда и вина, садоводству, табаководству и т. п. Именно в этих отраслях и стали возникать хозяйства капиталистического типа.

В 80-х—90-х гг. XIX в. около 24—26% всех виноградников Картли и Кахети принадлежали дворянству. В имениях многих помещиков под виноградники были отведены по 40—50 десятин земли. Хотя и в виноградарстве применялись отработки, однако крупные виноградари-виноделы в гораздо большей степени пользовались наемной рабочей силой. Кахетинские помещики на каждые четыре десятины своих виноградников нанимали по одному постоянному рабочему. В еще большем количестве применялся труд сезонных рабочих. В хозяйствах, основанных на наемном труде, расходы на одну десятину виноградника составляли 152 руб., а доход от них — от 400 до 500 руб.⁵⁴⁴.

⁵⁴² В е р м и ш е в Х. А. Очерк хозяйства ген.-лейт. кн. Ивана Константиновича Багратион-Мухранского. Тифлис, 1885, с. 27.

⁵⁴³ Л е н и н Б. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 269—270.

⁵⁴⁴ Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Вып. VII, 1896, с. 74—75.

Широко славились своими высококачественными винами хозяйства князя Чавчавадзе (Цинандали, Мукузани, Кварели), Абхази, Вачнадзе (Карданахи), Джандиери (Вачнадзиани), Вахваишвили (Курдгелаури), кн. Чолокашвили (Ахмета) и др.⁵⁴⁵

Вино в имениях вышеупомянутых помещиков производилось местным способом. Продукция сбывалась на местном рынке. Среди грузинских виноделов исключение составлял лишь кн. З. Джорджадзе, в имении которого, в с. Сабуе еще в 70-х гг. прошлого века вино производилось европейским способом. Он построил образцовый винный завод, вызвавший восхищение специалистов. «Кн. З. А. Джорджадзе первый приступил к выделке кахетинских вин по европейскому примеру, — писал М. Баллас, — ознакомив Россию с высоким качеством этих вин, получил целый ряд первоклассных наград на русских выставках в Москве и в Одессе, наконец, на последней Парижской выставке заставил Францию обратить серьезное внимание на кахетинские вина и сравнить их со своими бургундскими». По мнению М. Балласа, предприятия З. А. Джорджадзе и удельного ведомства по своей технической оснащенности не уступали наиболее крупным и лучшим винным заводам Европы⁵⁴⁶.

Одним из крупнейших виноделов Грузии являлся Д. А. Чавчавадзе. Его имениями (Цинандали, Мукузани, Напареули, Уриатубани и др.), занимавшими свыше 15 тыс. дес., управляли приглашенные из-за границы специалисты. Луга и пастбища, а также большая часть пахотной земли сдавалась в аренду. Виноградными плантациями (300 дес.) большей частью занимался сам помещик, применяя отработки крестьян, а также вольнонаемный труд. Хозяйство Д. А. Чавчавадзе располагало 11 «марани» (винный погреб), в которых было 15 давлений, 4371 «квеври» (винный кувшин, погребенный в землю). Ежегодно на винозаводах кн. Д. А. Чавчавадзе производилось от 20 до 30 тыс. ведер вина. Однако трудности переходного периода привели это крупнейшее помещичье хозяйство к краху. В 1886 г. опутанные долгами имения малолетних наследников Д. А. Чавчавадзе были приобретены удельным ведомством за 1 млн. руб.⁵⁴⁷

Одним из крупнейших грузинских помещиков был кн. И. К. Багратион-Мухранский. Раскинутые в различных уездах губернии его имения занимали площади в 25 тыс. дес. В 80-х гг. XIX в. в его имениях производилось 7—8 тыс. пудов зерна, 40—50 тыс. пудов сена; на фермах содержалось 147 коров, 7500 голов овец, 68 быков и буйволов и 61 лошадь. Ведущей отраслью в имениях И. К. Багратион-Мухранского было виноградарство с виноделием, организованное им как капиталистическое хозяйство. Под виноградники в имениях было отведено 430 дес. земли.

В 1876 г. Багратион-Мухранский пригласил к себе специалистов-виноделов из Франции и, выстроив в Мухрани отличный по тогдашнему времени завод на 100 тыс. ведер вина, приступил к производству грузинских вин европейским способом. В 1889 г. вина кн. Багратион-Мухранского удостоились на Московской выставке высшей награды. Доход Багратион-Мухранского от продажи вино-водочных изделий составлял 200—250 тыс. руб. в год. Однако ведение хозяйства на столь широкую ноту требовало и весьма внушительных расходов. Так, в 1886 г. общая сумма расходов составила 123 277 руб., в то время как чистый доход не превысил 121423 руб. Багратион-Мухранский решил еще более расширить свое хозяйство. Им уже были подготовлены соответствующие расчеты, намечены кандидатуры будущих надежных компаньонов. Однако престарелый помещик внезапно скончался, не дожив до осуществления своих планов. Его наследник, запутавшись в сложных хозяйственных расчетах, предпочел продать большую часть имения (вместе с винным заводом и хранившимися в нем 65 тыс. ведер вина) удельному ведомству за 745 тыс. руб.⁵⁴⁸

⁵⁴⁵ Баллас М. Указ. соч., ч. III. Спб., 1897, с. 27—28.

⁵⁴⁶ Баллас М. Указ. соч., с. 32, 55—108.

⁵⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 81, д. 968, л. 9—42; ЦГИА ГССР, ф. 17 д. 9888, л. 34—37.

⁵⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 515, оп. 44, д. 174, л. 1—6.

В деле капиталистического преобразования хозяйства заметных успехов достиг монастырь в Новом Афоне, владевший 3898 дес. земли. К концу XIX в. в монастырском хозяйстве виноградники занимали 147 дес. земли, огороды — 15 дес., пашни — 143 дес. и т. д. В нем ежегодно собирали от 3 до тыс. пудов винограда, от 3 до 4 тыс. пудов маслин, снимали большие урожаи мандаринов, лимонов, яблок и других фруктов. В образцовом порядке содержались животноводческие фермы. Здесь было 500 голов крупного рогатого скота и лошадей.

Хозяйство отличалось высокой технической оснащенностью. К его услугам была гидроэлектростанция в 165 л. с., узкоколейная железная дорога с паровозом и вагонами, воздушная канатная дорога, переведенная на электрическую тягу, и т. д. На Черном море монастырь располагал собственной гаванью и рыболовными судами. На Каспийском море монахи имели собственное рыболовецкое судно, снабжая рыбой и икрой многие города империи.

В монастырском хозяйстве ежегодно работало около 300 молельщиков, которые почти даром (за 10—20 коп. в день и за стол) обслуживали духовных отцов. Монастырь нанимал в большом количестве постоянных квалифицированных рабочих, которые обслуживали железную и канатную дороги, электростанцию, работали в производственных мастерских, промышляли на рыболовецких траулерах и т. д.⁵⁴⁹

Таким образом, спустя два десятилетия после отмены крепостного права, грузинская деревня претерпела заметные изменения, сделав значительный шаг вперед по пути поступательного движения. Правда, многочисленные пережитки крепостничества — помещичье землевладение, институт временнообязанных отношений, хианство, кабальная аренда, отработки и прочие формы полукрепостнических отношений — продолжали тормозить развитие производственных сил, однако, несмотря на это, сельское хозяйство Грузии (вслед за промышленностью) также устривалось по-капиталистически. Неуклонно шла капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства, усиливалась тенденция концентраций земель в руках купцов и промышленников, углублялось классовое разложение крестьянства. Параллельно с развитием торгового и капиталистического земледелия в грузинской деревне складывались новые классы капиталистической формации — буржуазия и пролетариат. В дальнейшем этот процесс пошел еще быстрее и развитие капиталистических отношений достигло еще более высокого уровня.

§ 2. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГРУЗИИ В 70-х—90-х гг. XIX в.

Обрабатывающая промышленность: эволюция мелкого товарного производства. В пореформенный период из-за ввоза из России и заграницы в широких масштабах фабрично-заводской продукции, главным образом текстильных изделий, а также развития местной капиталистической промышленности (например, хлопчатобумажного производства, изготовления изделий из металла и т. д.), соответствующие отрасли домашней промышленности приходят в упадок. По наблюдениям современников, т. н. «кустарные промыслы» (подразумеваются сельские промыслы) вообще и самое распространенное во второй половине XIX в. в Грузии ткачество шерсти в частности, как правило, осуществлялись для «удовлетворения домашних нужд» или для «домашнего употребления»⁵⁵⁰. Правда, определенная часть этих изделий шла и на продажу и даже находила спрос за пределами страны, однако способ их производства оставался крайне примитивным.

⁵⁴⁹ ЦГИА ГССР, ф. 1215, оп. 1, д. 1300, л. 2—4.

⁵⁵⁰ П и р л о в А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Спб., 1913, с. 37, 41; Х е л и м с к и й Г. О кустарной промышленности Закавказья. М, 1910, с. 21—26; ЦГИА СССР, ф. 20, от. 15, д. 109.

Переработка сырых материалов, в крестьянском хозяйстве в Грузии не выходила из рамок домашней промышленности, не превращалась в профессию в строгом смысле слова.

Развитие товарного производства на селе происходило в Грузии не столько путем перестройки домашней промышленности в капиталистическое предпринимательство, как путем развития сельского ремесла, проявляющего тенденцию к превращению его в мелкое товарное производство.

Несмотря на интенсивное развитие в пореформенный период товарного производства, процент мелких мастерских как в городах, так и на селе все еще был велик. К 1888 г. в городах Грузии насчитывалось свыше 4 тыс. ремесленных мастерских. Из них подавляющее большинство (более 3 тыс. — около 78%) были мельчайшими (без рабочих или с 1 рабочим); в остальных было занято 2—8 рабочих. Подавляющее большинство размещенных в сельских местах ремесленных заведений (около 1700 мастерских) были мелкими предприятиями.

Несмотря на значительный процент мелких мастерских в пореформенный период, в ремесленном производстве Грузии наблюдаются явные сдвиги — ремесленники все шире переходят к производству на рынок, т.е. делаются товаропроизводителями. Формула, применяемая в «Журналах генеральной поверки торговых и промышленных заведений» в отношении мелких производителей — «занимается ремеслом и торгует собственными изделиями из самой мастерской», — превращается почти в универсальную, не исключая и мельчайших мастерских, которые на этом основании следует отнести к категории разрозненного мелкого товарного производства.

Немаловажной была, по-видимому, и роль скупщиков в деле реализации ремесленной продукции, о чем свидетельствует наличие в городах даже специализированных лавок и магазинов, торговавших ремесленными изделиями.

Одновременно, в сельском ремесленном производстве во второй половине XIX в. наблюдается концентрация мастерских в более или менее крупных торгово-ремесленных селах и местечках, которые по масштабам развития мелкотоварного производства не уступали и некоторым городам⁵⁵¹.

Концентрация ремесленного производства в сравнительно крупных торгово-ремесленных селениях и местечках является показателем изменения характера сельского ремесла, существовавшего веками в виде дополнения к земледелию. Отныне сельский ремесленник, превращаясь в товаропроизводителя, обслуживает не одно селение, а работает на весь район, на целый уезд.

Средняя годовая производительность мелких товаропроизводителей колебалась в пределах примерно 100—300 руб., а прибыль составляла 50—100 руб. В отличие от средневекового мелкотоварного производства (ремесленники — работающие на рынок), в новых условиях мы имеем дело с качественно иным мелкотоварным производством, проявлявшим тенденцию к расширенному воспроизводству, превращению в капиталистическое производство.

Именно за счет подобных расширенных мастерских умножаются предприятия типа простой капиталистической кооперации.

О масштабах и динамике развития, мелкого товарного производства во второй половине XIX века по некоторым основным отраслям модно судить по нижеприведенной таблице⁵⁵².

⁵⁵¹ Х о ш т а р и а Э. В.* Развитие промышленности, и формирование рабочего класса в Грузии в XIX в. Тбилиси, 1966, с. 86—88.

⁵⁵² Данные о мелких капиталистических предприятиях середины 80-х гг. см.: ЦГИАГ, ф.204, д.654; ЦГИАЛ, ф.20, д.100; Г у л и ш а м б а р о в С. Обзор фабрик и заводов Тифлиской губернии...; данные 1900 г. см.; Г н е д и ч А. Обзор промышленности... —Ист.вест.,1. Тбилиси, 1945, Сборник статистических сведений по Закавказскому краю, ч.1. Тифлис, 1902; Кавказский календарь за 1899, 1900 гг.

Таблица 8

1885-86			1900		
кол-во предприятий	число рабочих	продукция, тыс.руб.	кол-во предприятий	число рабочих	продукция, тыс.руб.
359	1554	1237,2	1482	7046	3386,0

Здесь подразумеваются предприятия следующих отраслей производства: металлообрабатывающее, лесопильное, столярно-паркетное, кирпично-черепичное, кожевенное, сапожное, портняжное, водочное, пивоваренное, мыловаренное, маслособойное, свечное, кондитерское, хлебопекарное, полиграфическое и др.

К категории мелких предприятий нами отнесены мастерские в среднем с 4-5 рабочими; в более крупных из них работало даже 7-8 человек; продукция подобных предприятий колебалась примерно от 1 до 3-5 тыс.руб.

В вышеприведенной таблице обращает на себя внимание резкое увеличение мелкого товарного производства к 1900 г., однако это в значительной степени обусловлено тем, что к этому производству статистически отнесено большое количество водочных предприятий. Помимо того, с развитием городской жизни интенсивно развиваются некоторые отрасли (кирпичная, полиграфическая), либо возникают совершенно новые отрасли (напр., хлебопечение).

Словом, тенденция роста мелкой капиталистической промышленности в целом не вызывает сомнений. К 1900 г., по сравнению с серединой 80-х гг., количество мелких предприятий и число рабочих в них растет более чем в 4 раза, а объем продукции в 2,6 раза.

Следует отметить, что в общей массе мелких мастерских выделялись некоторые предприятия. В которых все же имело место применение технических усовершенствований (например, различные ручные станки в металлообрабатывающем и деревообрабатывающем производстве, несложная аппаратура и другое оборудование в пивоваренной, водочной промышленности, в производстве шипучих вод и т.д.). Иной раз встречаются водяные двигатели или же механизмы, приводимые в движение силой животных. В подобных предприятиях типа капиталистической простой кооперации, в связи с использованием разного рода специальных инструментов и усложнением технических условий труда, при наличии определенного минимума рабочей силы, предполагается введение широкого разделения труда и, следовательно, переход к мануфактурной форме производства, а то и к фабричной технике (при использовании механических и паровых двигателей в металлообрабатывающих мастерских, лесопильных и паркетно-мебельных предприятиях, каретных мастерских и др.).

Во второй половине XIX в. в Грузии было значительное количество мелких предприятий с небольшим числом рабочих (до 8-12 человек), однако имевших различные механические установки и даже паровые двигатели (например, в лесопильных). Подобные предприятия трудно причислить к какой-либо конкретной форме промышленности.

Однако основным критерием для разграничения подобных крупных мастерских типа капиталистической кооперации от мануфактуры, с одной стороны, и от фабрично-заводского производства – с другой (при наличии в мастерской парового двигателя), все же является масштаб рассматриваемых предприятий.

Всего крупных мастерских (металлообрабатывающих, лесопильных, кирпичных, полиграфических, мыловаренно-свечных, сапожных и др.) в 1900 г. насчитывалось более 60, в них было занято 640 рабочих, а производительность равнялась 700 тыс.руб.

Применение технических усовершенствований в сравнительно мелких мастерских, даже при наличии в них ограниченного количества рабочих (до 3-4 чел.), уже давало

возможность мастеру-хозяину отказаться от личного участия в производстве (пивоваренные «заводы», лесопильни, производство шипучих вод и др.), чего нельзя сказать о предприятиях с более значительным числом рабочих (до 8 чел.) с традиционной технологией производства (пекарни, сапожные и портняжные мастерские и др.).

Более крупные мастерские являлись заведениями типа капиталистической кооперации, дававшими хозяину-предпринимателю значительную прибыль.

Мануфактурное производство. В пореформенный период, несмотря на внедрение машинного производства, продолжают существовать и даже вновь возникают основанные на ручном труде мануфактурные предприятия. Тем не менее «сохранение ручного производства, как базиса мануфактуры», не исключало частного применения в нем и машинной техники, т. е. образования промежуточной формы — «мануфактуры, начинающей переходить в фабрику»⁵⁵³.

К подобным предприятиям относились, например, некоторые металлообрабатывающие предприятия Тбилиси, а также некоторые батумские ящично-жестяночные заводы, основанные к середине 80-х гг. с целью изготовления тары для экспорт через Батуми бакинской нефти.

На 5 батумских ящично-жестяночных заводах, возникших в середине 80-х гг. и основанных на ручном труде, работало от 25 до 70 человек. Эти предприятия в середине 80-х гг. изготавливали более 1 400 тыс. ящиков, бидонов и бочек (для экспорта нефти) стоимостью примерно в 1—1,5 млн. руб.⁵⁵⁴

К мануфактуре относятся существовавшие в середине 80-х гг. в Тбилиси 4 каретных заведения, где было занято от 15 до 65 рабочих и производительность которых колебалась от 12 до 75 тыс. руб. Большинство из указанных предприятий происходило от трех, существовавших еще в 60-х гг., более или менее крупных каретных мастерских.

В 1900 г. к сравнительно крупным каретным мастерским, существовавшим в Тбилиси, относились предприятия Агамова (рабочих — 30 чел., производительность — 20 тыс. руб.) и существовавшие ранее мастерские Кортини (рабочих — 37, произ. — 31 тыс. руб.) и Мадера (рабочих 15, произ. — 12 тыс. руб.).

Самую многочисленную группу мануфактурных предприятий в середине 80-х гг. составляли табачные «фабрики», основанные главным образом в 70-х гг. Лишь две из них, принадлежавшие Бозарджянцу и Энфианджяну, берут свое начало в 50-х гг. К середине 80-х гг. в первой работало 260 чел., производительность равнялась 250 тыс. руб., а во второй было занято 45 рабочих, сумма производимой продукции здесь составляла 40 тыс. руб. Обе эти «фабрики» находились в Тбилиси. Здесь же к тому времени существовали и другие аналогичные заведения. В Ахалцихе действовало предприятие Качабекова, в Батуми «фабрика» Бинят-оглы, в Кутаиси «фабрики» Пиралова, Меликова и Палашева.

Всего в 11 перечисленных заведениях работало 716 человек, стоимость произведенной продукции составляла 822,8 тыс.руб. В табачную промышленность постепенно внедряются технические усовершенствования в виде «ручных крошительных станков» и другого оборудования. О широком разделении труда в этих предприятиях свидетельствует специализация рабочих (сортировщики, крошительщики, укладчики, папиросники, мундштучники и др.). В 90-х гг. в табачную промышленность широко внедряется машинное производство, хотя ручной труд на некоторых фабриках все еще сохраняется.

Сравнительно крупные полиграфические предприятия в середине 80-х гг., в основном, носили мануфактурный характер. Таковыми были типографии: канцелярии главноуправляющего на Кавказе, Окружного штаба Кавказских войск, Козлова, Месхи др.

В середине 80-х гг. общее число рабочих на этих предприятиях составляло примерно 125 чел., а производительность равнялась — 70 тыс. руб. К мануфактурным заведениям, существовавшим в середине 80-х гг. в Грузии, относятся также пивоваренные

⁵⁵³ Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 127, 428, 519.

⁵⁵⁴ Х о ш т а р и а Э. В. Развитие промышленности., 1966, с. 167—168.

«заводы» Лордкипанидзе в Тбилиси (рабочих было 11, производительность труда составляла 56 тыс. руб.), шелкомотальная «фабрика» Сичинава в сел. Лесичине Зугдидского уезда (рабочих — 66 человек, производительность — 10 тыс. руб.), обувная мастерская Сафарова в Тбилиси (рабочих — 16) и др.

Всего в середине 80-х гг. в Грузии было около 30 мануфактурных предприятий, с числом рабочих до 2250 чел. и производительностью в 2,5 млн руб.⁵⁵⁵

В дальнейшем число мануфактур в некоторых отраслях и их производительность продолжают расти, хотя с развитием фабрично-заводского производства удельный вес мануфактуры в производстве падает.

К мануфактурным предприятиям, существовавшим к началу 900-х гг. в Тбилиси, относятся: художественно-строительная и механическая мастерская Гауфа (раб. — 25, произ. — 16 тыс. руб.).

В деревообрабатывающей промышленности в Тбилиси были основанные на ручном труде четыре мебельных заведения, паркетная мастерская, в которых число рабочих составляло 10—30 чел., а производительность равнялась 12—28 тыс. руб.

К мануфактуре относятся также 6 бондарных заведений в Батуми, изготовлявших тару для нефтепродуктов.

За исключением некоторых, возникших со второй половины 80-х гг., мануфактуры в основном были созданы в 90-х гг.

Сравнительно крупными шелкомотальными заведениями в начале 900-х гг. являлись «фабрика» Аниева в сел. Курдгелаури (Телавского уезда), в которой было занято 65 человек, а производительность составляла 32 тыс. руб. На «фабрике» производился шелк-сырец из коконов, для чего имелось 48 тазов («бассейнов»). Здесь же было шелкокрутильное отделение. Число всех крутильных веретен составляло 225. На фабрике действовал паровой котел (для подачи пара с целью размочки коконов). Здесь же имелись ручной насос, ручные станки и т. п. Сохранение ручного производства на данном предприятии является основанием для его причисления к мануфактуре. Аналогичными заведениями были «фабрика» Сориных в Телави (раб. — 51, произ. — 20 тыс. руб.), а также 3 шелкомотальных заведения в Кутаисской губернии, с общим числом рабочих — 150 чел. и производительностью в 100 тыс. руб. Одной из этих фабрик было предприятие Ильина в Самтредиа, превратившееся впоследствии в крупную фабрику.

Крупнейшими кондитерскими и кондитерскими заведениями мануфактурного типа в Тбилиси в 1900 г. являлись предприятия Гозалова и Придонова. Число рабочих на них в среднем составляло 35—45 человек, а производительность колебалась в пределах 50—60 тыс. руб. Были и более мелкие аналогичные заведения. Всего на 7 подобных предприятиях в Тбилиси работало 194 человека, производительность равнялась 245 тыс. руб.

Своей многочисленностью среди мануфактурных предприятий Тбилиси в 1900 г. выделялись и швейные заведения, где было занято по 15—20 рабочих, с производительностью 25—35 тыс. руб., и обмундированная мастерская, обслуживавшая железнодорожный персонал (раб. — 35, произ. — 120 тыс. руб.).

В Тбилиси в 1900 г. продолжали действовать 2 пивоваренных «завода», основанных на ручном труде и 2 заведения искусственных минеральных вод. Рабочих в них было занято по 15—20 чел., а производительность равнялась 30—50 тыс. руб. Более крупными заведениями являлись городская скотобойня (раб. — 130, произ. — 74 тыс. руб.) и обувная «фабрика» Парсаданова (раб. — 68, произ. — 92 тыс. руб.).

Всего в начале 900-х гг. в Грузии (преимущественно и Тбилиси) было 44 мануфактурных предприятия с 1320 рабочими с производительностью в 1545 тыс. руб.

Сопоставление суммарных данных 60-х, 80-х и начала 900-х гг. о мануфактурном производстве в Грузии свидетельствует, что количество основанных на ручном труде крупных предприятий во второй половине XIX в. растет.

⁵⁵⁵ Х о ш т а р и а Э. В. Указ. соч., с. 173.

Однако с ростом фабрично-заводского производства в 90-х гг. мануфактура продолжает развиваться лишь в некоторых, служивших в основном удовлетворению потребностей местного рынка, отраслях (деревообделочной, пищевой, шелкомотальной и др.) Господствующее положение с 90-х гг. приобретает машинное производство.

Фабрично-заводская промышленность. С ростом внутреннего рынка и со все более интенсивным включением Грузии в общероссийский рынок, в особенности же с 70-х—80-х гг., и связи с развернувшимся в стране широким железнодорожным строительством, машинное производство постепенно охватывает почти все ведущие отрасли обрабатывающей промышленности, вытесняя на второй план предшествовавшие ей формы — мелкое капиталистическое производство и мануфактуру.

Крупное фабрично-заводское производство в Грузии возникало, с одной стороны, путем укрупнения существовавших еще до реформы ряда промышленных предприятий, более широкого применения в них машинной техники с паровым двигателем, а с другой — основанием уже в пореформенный период в той иной отрасли фабричных предприятий.

В металлообрабатывающей промышленности, наряду с расширением некоторых старых мастерских (напр., завода Рукса, являющегося примером перехода от мелкого производства к крупному, от ручной к машинной технике), возникают и новые заводы. В середине 80-х гг., кроме механическо-слесарного завода Рукса, на котором в это время было занято 16 человек, а производительность равнялась 37 тыс. руб., в Тбилиси действовал чугунолитейный завод Ренквиста, основанный в 1881 г. (раб. — 120, произ. — 70 тыс. руб.). К концу XIX в. в Тбилиси было 4 крупных металлообрабатывающих завода (механический и чугунолитейный завод Яралова и К°, чугунолитейный завод Карапетова, Бережанова и Ананова; механический завод Поповича и механический и чугунолитейный завод Рукса), на которых работало более 300 человек, а продукция составляла около 316 тыс. руб. Сравнительно крупными металлообрабатывающими предприятиями в Батуми в начале 900-х гг. были два механических и чугунолитейных завода (Пасека и Каплана) с 125 рабочими и производительностью в 140 тыс. руб., а также гвоздильный завод, на котором работало 25 человек, с производительностью в 24 тыс. руб.

Кроме выпуска различных предметов из металла, употреблявшихся в строительстве и домашнем обиходе, вышеназванные заводы постепенно стали налаживать производство средств производства: изготовлялись разного рода сельскохозяйственные машины, насосы, котлы, металлообрабатывающие и деревообделочные станки, турбины, водяные двигатели и др. Здесь же производился ремонт фабрично-заводского оборудования, изготовлялись различные детали для машин.

Однако, несмотря на это, машиностроительное производство в Грузии все еще сильно отставало. Грузинская промышленность, в основном, пользовалась привозным фабрично-заводским оборудованием.

Крупными предприятиями, возникшими, в основном, во второй половине 80-х гг. в связи с организацией экспорта бакинской нефти через Батуми, были основанные здесь жестяночные и ящичные заводы крупных фирм: Каспийско-Черноморского общества, перешедшего в руки Ротшилада, Манташева, Сидеридиса, бр. Цовиновых и др. На этих заводах производилась жестяная тара (бидоны) для нефти и деревянные ящики для их упаковки. Из перечисленных заводов, некоторые (напр., Ротшильда) с самого же начала возникли как крупные фабричные предприятия, а в большей части этих предприятий сначала господствовал ручной труд. В середине 80-х гг., кроме завода Ротшильда, на котором в то время было занято 469 рабочих, машинное производство нефтяной тары было налажено на заводе Рихнера (раб. — 45). Продукция обоих заводов в это время составляла примерно 2,3 млн. руб.

К 1900 г. производство нефтяной тары в Батуми было полностью механизировано и сосредоточено в руках упомянутых выше пяти фирм. К концу XIX в. они изготовляли жестяночную тару примерно на 4, 8 млн. руб., а их общая производительность (с

деревянными ящиками) равнялась 7,4 млн. руб. Число рабочих на этих заводах превышало 2 тыс. человек, а в дальнейшем возросло еще больше.

На одном из крупнейших предприятий Грузии — Тифлиских Главных железнодорожных мастерских число рабочих к 900-м гг. составило до 2265 человек. В 90-х гг. происходит полная механизация производства и внедрение машинной техники на этом предприятии. В целом в металлообрабатывающей промышленности Грузии технический переворот можно считать завершенным уже в 90-х гг. XIX в.

В деревообрабатывающей промышленности возникновение крупных лесопильных предприятий с применением паровых двигателей в Тбилиси имело место уже с 70-х гг. Крупные лесопильные заводы были основаны в районах Восточной Грузии — Зеземана в сел. Атени и удельного ведомства в Гоми, где работало 25 чел., а производительность составляла 40 тыс. руб., на заводах фирмы Зеземана и Картвелишвили в сел. Хандиси и Атени Горийского уезда работало 50 человек, а производительность, по неполным данным, составляла 30 тыс. руб. В сел. Калдахвара Гудаутского участка иностранцу Кастенаку в середине 80-х гг. принадлежал крупный лесопильный завод, на котором число рабочих составляло около 100 чел., а производительность равнялась 40 тыс. руб. в год.

В 90-х гг. в Зап. Грузии было основано еще 2 крупных лесопильных завода — Серебрякова в сел. Марани Сенакского, уезда и Максимова в сел. Адзюбжа в Абхазии. В 90-х гг. лесопильный завод удельного ведомства из сел. Гоми был перенесен в окрестности Боржоми.

В середине 80-х гг. в Тбилиси действовали мебельное и паркетное механизированные заведения Зейтцера (раб. — 40, произ. — 40 тыс. руб.) и фанерный завод Егиазарова (раб. 10, произ. — 50 тыс. руб.). К 1900 г. последнее продолжало существовать примерно в тех же масштабах.

Одним из первых крупнейших фабричных предприятий в Грузии являлась хлопчатобумажная фабрика в Тбилиси, основанная в 1869 г. Мирзоевым, а впоследствии перешедшая к Читахову. В конце 90-х гг. на фабрике работало 450 рабочих, сумма производства составляла около 530 тыс. руб.

В кожевенной промышленности фабричное производство в широких масштабах внедряется с основанием в 1875 г. в Тбилиси кожевенного завода Адельханова. Число рабочих на этом предприятии в середине 80-х гг. составляло 170 чел., а производительность 652 тыс. руб.; к концу XIX в. число рабочих здесь уже превышало 200 человек, а сумма производства равнялась 750 тыс. руб. На втором крупном кожевенном заводе, основанном в Тбилиси в начале 90-х гг. Заргарянцем и Вартазарянцем, в 1900 г. работало 84 рабочих, его производительность составляла 130 тыс. руб.

Из коньячно-водочных заводов в Тбилиси крупнейший был основан Сараджишвили в 1885 г. В это время на заводе работало 15 чел., а производительность составляла 200 тыс. руб. К концу XIX в., кроме завода Сараджишвили, в Тбилиси существовали аналогичные предприятия Согомонова и Хубларова. На отмеченных предприятиях в 1900 г. было занято свыше 100 человек, а стоимость продукции составляла до 1300 тыс. руб. отсюда половина числа рабочих и продукции приходилась на предприятие Сараджишвили (раб. — 56, произ. — 729 тыс. руб.)

Крупное мыловаренное, свечное и маслобойное производство в Грузии было сосредоточено в Тбилиси на предприятиях Толле (осн. в 1872 г.), Таирова и Алиханова (осн. в 1889 г. на базе маслобойного предприятия Мгеброва). В середине 80-х гг. на предприятиях Толле и Мгеброва было занято 40 чел., производительность составляла 152 тыс. руб. К концу XIX в. на мыловаренном, свечном и маслобойном предприятии Толле было занято 30 рабочих, а производительность равнялась 152 тыс. руб. На предприятиях Таирова и Алиханова работало 57 чел., производительность же равнялась 299 тыс. руб.

В начале XX века, после объединения вышеупомянутых предприятий в одно акционерное об-во, на производстве было занято 125 рабочих, стоимость же продукции превышала 630 тыс. руб. К этому же времени в Тбилиси существовал епархиальный свечной завод (раб. — 23, произ. — 103 тыс. руб.). Это предприятие было основано в 60-х гг. в виде крупной мастерской.

Машинное производство постепенно проникает и в табачную промышленность, в которой ручной труд, в силу специфики производства, был вытеснен сравнительно поздно. К концу XIX в. начинается машинная выделка папирос. В Тбилиси 1900 г. было 7 крупнейших табачных предприятий, в которых было занято свыше 1200 человек. Сумма производства достигала 2500 тыс. руб.

К началу 900-х гг. в Тбилиси было 8 крупных типографий: общее число рабочих на этих предприятиях равнялось 440, а стоимость продукции — 382 тыс. руб. Крупнейшей была типография Джабадари и др. (раб. — 186, произ. — 203 тыс. руб.).

Среди сравнительно крупных фабрично-заводских заведений, существовавших в Грузии к концу XIX в., следует упомянуть также стекольные заводы Кученбаха в Борчалинском уезде (осн. в начале 80-х гг.) и братьев Бергман в Боржоме (осн. в 1897 г.). В 1900 г. на первом было занято до 70 рабочих, а производительность составляла 60 тыс. руб. (примерно такой же масштаб имело это предприятие и в середине 80-х гг.); на втором работало 75 рабочих, а производительность равнялась 112 тыс. руб.

Механизация постепенно проникает и в кирпичное производство, хотя основную массу кирпичных «заводов» все же составляли мелкие, полукустарные заведения. На 4 крупных кирпичных предприятиях Тбилиси и его окрестностей, в которых использовалась гофмановская печь, было занято свыше 100 человек, а сумма производства достигала 100 тыс. руб.

Крупными фабричными предприятиями были также войлочная фабрика Адельханова в Тбилиси (осн. в 1892 г.), на которой в конце XIX в. работало 170 рабочих, а продукция составляла 325 тыс. руб., его же обувная фабрика в Тбилиси с числом рабочих свыше 500 человек и продукцией в 936 тыс. руб., а также арендуемое Адельхановым у казны швейное (обмундировальное) предприятие, где работало 140 человек, а продукция равнялась 63 тыс. руб.

В середине 80-х гг. фабричным производством пива занимались фирмы Ветцеля и Мадера, предприятия которых были основаны еще в 50-х—60-х гг. На заводе Ветцеля в середине 80-х гг. работало 17 чел., производительность равнялась 34 тыс. руб. К 1900 г. число рабочих выросло до 51, производительность завода в это время превышала 150 тыс. руб. На заводе Мадера в середине 80-х гг. работало 16 рабочих, а производительность достигала 70 тыс. руб. По данным начала 900-х гг., здесь работало 33 чел., а производительность составляла 60 тыс. руб.

В 1900 г. в Тбилиси действовали различные фабричные заведения — шерстомойное, мукомольное заведение и хлебопекарня, каменотесный завод. За пределами Тбилиси находилась спичечная фабрика Гольдман (раб. — 150, произ. — 83 тыс. руб.), разливочная фабрика боржомских вод удельного ведомства (раб. — 42, произ. — 200 тыс. руб.) и др.

Значительным предприятием в начале 900-х гг. в Тбилиси была конно-железная дорога с ремонтными мастерскими (раб. — 60, произ. — 64 тыс. руб.).

Всего в середине 80-х гг. в Грузии фабрично-заводских предприятий было 28, на которых работало свыше 1700 чел., а производительность составляла 4,6 млн руб. К началу 900-х гг. число фабрично-заводских предприятий возросло до 67. Число рабочих на них составляло 9250 человек, а производительность равнялась 17,5 млн руб.

К 1900 г. фабричное производство по сравнению с серединой 80-х гг. возросло по количеству предприятий более чем в 2 раза, по числу рабочих — в 5 раз, а по объему продукции — в 3,5 раза.

К концу XIX в. фабрично-заводское производство внедряется в Грузии почти во все основные отрасли местного производства — в металлообрабатывающую, деревообрабатывающую промышленность, в переработку животных продуктов — кожевенное и мыловаренное производство, текстильную промышленность и производство строительных материалов, в частности в кирпичную промышленность, пищевую—табачную; коньячно-водочную промышленность в стекольное производство, изготовление обуви и одежды и т. д.

Правда, в некоторых из этих отраслей все еще определенную роль играли и мелкие капиталистические мастерские, а также сравнительно крупные, основанные на ручном труде мануфактурные предприятия, однако роль фабрично-заводской промышленности все возрастала.

Таблица 9

Формы промышленности	1865-66			1885-86			1900		
	кол-во предприятий	Число рабочих	продукция, тыс.руб.	кол-во предприятий	Число рабочих	продукция, тыс.руб.	кол-во предприятий	Число рабочих	продукция, тыс.руб.
Мелкое товарное производство	462	1921	722,2	359	1554	1237,2	1517	7230	3807,0
Крупные мастерские	—	—	—	—	—	—	62	640	700,0
Мануфактура	29	483	244,0	30	2250	2500,0	44	1320	1500,0
Фабрики и заводы	4	132	80,0	28	1712	4567,2	67	9250	17526,0
	495	2536	1046,2	417	5466	8304,4	1690	18440	23633,0

Динамика развития и соотношение различных форм в обрабатывающей промышленности Грузии пореформенного периода представлены в нижеприведенной таблице⁵⁵⁶.

Как уже отмечалось, применение машин в обрабатывающей промышленности Грузии имело место еще в дореформенный период, однако это были единичные случаи. Мануфактурное производство в Грузии развивалось, переплетаясь с машинным производством, и процесс перехода к машинному производству в различных отраслях промышленности здесь затянулся надолго, вплоть до 80-х—90-х гг. XIX в. Однако сравнительно широкое применение машинной техники наблюдается с 70-х гг., а с 80-х гг. достигает значительных масштабов не только в Тбилиси, но и в других промышленных центрах страны (Батуми и др.). Только в Тбилиси промышленных паровых котлов в середине 80-х гг. было около 36⁵⁵⁷, а в 1898 г. их число достигало 98⁵⁵⁸. По официальным данным за 1875—95 гг., число паровых машин в обрабатывающей промышленности Грузии увеличилось с 12 до 74, т. е. более чем в 6 раз, а их мощность — в 7,3 раза. Количество паровых котлов возросло с 18 (1875 г.) до 300 (1900 г.), т. е. увеличилось в 17 раз⁵⁵⁹. В конце 90-х гг. в Грузии фабрично-заводских котлов было: в Тифлисской губернии — 176, в Батумской области—70, в Кутаисской губернии — 46 и в Сухумском округе—12, всего —304. По данным других источников, к 1900 г. всего по Грузии в

⁵⁵⁶ Хоштариа Э. В. Указ. соч., с. 165.

⁵⁵⁷ Родоная Н. С.* Промышленность Тбилиси во второй половине XIX века. Тбилиси, 1961, с. 81—101.

⁵⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 15, д. 104, л. 136—188.

⁵⁵⁹ Бакардзе Г. К. Указ. соч., с. 69—70.

необложенной акцизом промышленности насчитывалось 114 паровых котлов, 95 паровых и 15 керосиновых, бензиновых и газовых двигателей, 9 водяных турбин и колес.

Приведенные выше общие данные о количестве паровых котлов и машин в промышленности Грузии подтверждают высказанное в литературе положение о переходе к машинной технике в более или менее ощутимых размерах уже с 70-х гг., а в широком масштабе в 80-х—90-х гг. К концу 90-х гг. XIX в. господствующей формой промышленности становится машинное производство.

Обрабатывающая промышленность Грузии конца XIX в. была многоотраслевой (металлообрабатывающая и деревообрабатывающая промышленность, текстильное производство, переработка животных продуктов, производство строительных материалов, пищевая промышленность, полиграфическая промышленность и др.). К тому же обрабатывающая промышленность Грузии производила продукцию как для внутреннего, так и для внешнего рынка. металлообрабатывающая промышленность, включая и чугуноплавильное производство (без ремонтных мастерских), дающая более 25% всей промышленности продукции страны, частично удовлетворяла нужды сельского хозяйства (сельскохозяйственные машины и пр.), местного фабрично-заводского производства станков, паровых котлов и т. п. и строительного дела (железные лестницы, перила, стропила и другие детали и части зданий)⁵⁶⁰, а главным образом производила жестяную тару для экспорта через Батуми бакинской нефти (из общей суммы производительности в 5,3 млн. руб. всех металлообрабатывающих заводов стоимость жестяной тары составляла, примерно 4,8 млн. руб.). Жесть для нефтяных бидонов поступала из-за границы.

Деревообрабатывающая промышленность, дающая продукцию более чем в 1,8 млн. руб. (9% от общей производительности), в основном служила для удовлетворения внутреннего рынка, за исключением бондарного производства в Батуми, изготовлявшего тару (на 270 тыс. руб.) для вывоза нефтепродуктов.

Лесопильные заводы производили, в основном, строительный лесоматериал, а некоторые из них выполняли заказы батумских нефтетарных заводов и железной дороги. Например, лесопильный завод удельного ведомства в Гоми в середине 80-х гг. изготовлял доски для Батумского нефтетарного завода, Ротшильда, а завод Зеземана и Картвелишвили в Атени изготовлял шпалы для Закавказской железной дороги. Позднее доски для батумских нефтетарных заводов, из-за дороговизны продукции местных лесопильных заводов, в основном, доставлялись морем из России и из-за границы.

Продукция ведущих отраслей пищевой промышленности (табачной и водочно-коньячной), составлявшая в общей сложности 3,8 млн. руб., т. е. 19% всей промышленной продукции находила спрос на местном рынке и частично вывозилась за пределы страны. Табачные изделия Грузии успешно конкурировали с изделиями фабрик Юга России, а грузинский коньяк пользовался широким спросом не только в России, но и шел на экспорт. Правда, в пореформенный период производство табачного листа и его вывоз за пределы страны растет, но тем не менее увеличивается и местная табачная промышленность, что вызывает уменьшение ввоза табака в обработанном виде из-за границы и из внутренних губерний России⁵⁶¹. В середине 80-х гг. тбилисские табачные фабрики потребляли от 1/3 до половины производимого в Западной Грузии табачного листа.

В связи с быстрым ростом торгового табаководства в Абхазии вывоз табачного листа во внутренние губернии России и за границу достигает значительных масштабов. Однако параллельно растет и производство и вывоз в Россию и за границу продукции местных (главным образом тбилисских) табачных фабрик, сырье для которых частично завозилось из России и Турции.

⁵⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 2, д. 2927.

⁵⁶¹ Ц и н ц а д з е Д. Н.* Развитие капиталистической промышленности в Грузии во второй половине XIX и начале XX в. (табачная промышленность). Тбилиси, 1969, с. 80.

В продукции легкой промышленности значительную статью составляли кожевенные изделия, в частности обувь и войлочные изделия. Общая стоимость продукции названных отраслей достигала 2,3 млн. руб., т. е. составляла около 12% всей промышленной продукции страны.

Если выделяемые кожи почти полностью поставлялись военному ведомству для войск Кавказского, военного округа в Закаспийской области, то готовая обувь в 90-х гг. частично, на 140 тыс. руб., шла на рынок и частично поставлялась военному ведомству (на 100—150 тыс. руб.). Рынками сбыта для производства кожевенного завода Адельханова являлись: Северный Кавказ, Закавказье и Закаспийская область, причем производительность завода далеко не удовлетворяла нужды населения. Большими партиями отправлялась в Россию и изготовляемая фабрикой легкая, удобная и дешевая азиатская обувь. Оборот фабрики готовой обуви Адельханова ежегодно расширялся ввиду громадного спроса на теплую войлочную, бурочную и азиатскую обувь (чувяки), начиная от Финляндии, Сибири и внутренних губерний России до Ташкента и Бухары, не считая Кавказа и Закаспийской области⁵⁶².

К началу 900-х гг. здесь предприятия Адельханова, по данным Варзара, изготовляли изделия на 553 тыс. руб., а по уточненным данным—на 937 тыс. руб. Для сравнения укажем, что производительность 4 крупнейших фабрик Варшавы этого периода составляла лишь 494 тыс. руб.⁵⁶³

Остальные виды местной промышленности, в основном легкой и пищевой, давали около 35% всей промышленной продукции страны. Из них наиболее значительными были хлопчатобумажное производство на фабрике Читахова (произ. 530 тыс. руб.) и шесть шелкомотальных фабрик, (произ. 277 тыс. руб.). Обе эти отрасли промышленности не выходили за рамки местного значения, а первая из них вовсе прекратила существование. Остальные виды производства, в том числе и довольно крупные (например, мыловаренно-свечные), имели также, в основном, местное значение.

Таким образом, в целом обрабатывающая промышленность Грузии не ограничивалась местным рынком, а в значительной степени производила продукцию и для вывоза не только в соседние области Закавказья, но и во внутренние губернии и даже за границу.

Несмотря на то, что Грузия являлась аграрной страной, производимое здесь сельскохозяйственное сырье шло не столько на внешний рынок, сколько на удовлетворение местной промышленности, стимулирующей со своей стороны развитие торгового земледелия. Следовательно, здесь имело место параллельное развитие сельского хозяйства и промышленности, что является показателем расширения внутреннего рынка как части общероссийского рынка.

§3. ГОРНОРУДНАЯ И ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Металлургическое производство в Чатахи. Основанный в начале 60-х гг. Чатахский чугуноплавильный завод, по-видимому, ввиду плохой организации дела и главным образом за неимением крупных заказов, не смог расширить свою деятельность. Не поправлялись и финансовые дела завода. После смерти Витте — одного из контрагентов, в ведении которого (вместе с иностранцем Бернули) на посессионном праве находился завод, кредиторы предприятия Шабуров и другие обратились в 1869г. к наместнику с просьбой о поддержании производства. В результате заводу были даны на льготных условиях казенные заказы в сумме 90 тыс. руб. Но и этого оказалось недостаточным. С 1871 по 1875 гг. заводу было предоставлено пособие от казны в виде заказов на изготовление изделий стоимостью в 150 тыс. руб. в год или же, в случае

⁵⁶² ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 4, л. 14, 21.

⁵⁶³ Статистические сведения о фабриках и заводах... Спб., 1903, с. 40.

отсутствия необходимости в таких заказах, выдавалась субсидия в 10 тыс. рублей вместо заказов на каждые 50 тыс. руб. С 1871 по 1875 г. заводу была выдана денежная субсидия на общую сумму в 104 тыс. руб.⁵⁶⁴.

По имеющимся данным, в 1872 г. на заводе было переплавлено чугуна в крошьях и плитках 16 тыс. пудов, отлито разных чугуновых изделий 8,5 тыс. пудов получено чугуна в крошьях и плитках 5 тыс. пудов, для приготовления железа употреблено 1100 пудов чугуна. Приготовлено железа на кричных горнах и переплавлено в изделия 861 пуд. На всем горнозаводском производстве в это время было занято 65 рабочих⁵⁶⁵.

В 1875 г. действие завода было приостановлено и назначена его продажа с торгов. Всего за 15 лет действия (с продолжительными перерывами на заводе было переплавлено 346 тыс. пудов руды, давших 120 тыс. пудов чугуна и 17 тыс. пудов кричного железа⁵⁶⁶.

Алавердские и Шамблугские медные разработки. С 70-х гг. организации Алавердских и Ахталских медных разработок происходят некоторые изменения.

С 70-х гг. земли, на которых находились Алавердские разработки, перешли к казне. Отныне греческие рудопромышленники на Алавердском и Шамблугском «заводах» владели ими на посессионных началах. С начала 70-х до конца 80-х гг. одновременно здесь работало 100—300 рабочих, выплавка составляла в среднем 2—5 тыс. пудов меди.

С 1888 г. Алавердские и Шамблугские разработки были заарендованы французской «Компанией Ахталских рудников», которую с 1900 г. сменило «Кавказское промышленное и металлургическое общество». С середины 80-х гг. начинается внедрение в производство машинной техники. В 1887 г. на разработках действовали 2 паровые машины и 1 турбина. Число рабочих в конце 80-х — начале 90-х гг. составляло примерно 50—100 чел.⁵⁶⁷ Значительно возросла как добыча руды, так и ее выплавка. В 1899 г. было добыто свыше 700 тыс. пудов, а выплавлено 12 780 пудов. Стоимость выплавленной меди составляла 97 тыс. руб. из расчета 7 руб. 50 коп. за пуд⁵⁶⁸. Число рабочих к этому времени достигало 500 чел.⁵⁶⁹

К концу XIX в. алавердские и шамблугские медные разработки постепенно приобрели характер крупного фабричного производства.

Ткибульская каменноугольная промышленность. В 1866 г. вступила в строй Ткибульско-Кутаисская железнодорожная ветка, целью проведения которой было облегчение транспортировки угля к местам назначения. Тем не менее широкое производство каменного угля из-за ряда причин (недостаток капиталов у предпринимателей, наличие в Закавказье дешевого древесного топлива и особенно нефти, конкуренция со стороны южнорусского и заграничного угля и т. п.) долго не налаживалось. В 90-х гг. увеличилась добыча каменного угля, что было вызвано ростом применения каменного угля на Черноморском флоте, на Закавказской железной дороге (для отопления помещений и в ж.-д. мастерских), в городском быту, а в особенности в растущей фабрично-заводской промышленности.

Разработки были сосредоточены, в основном, в руках двух фирм — Новосельского (осн. в начале 70-х гг.) и общества «Нахшира» (осн. в конце 80-х гг.).

О масштабах добычи каменного угля в 90-х гг. можно судить по таблице 10 (см. с. 287).

Стоимость добытого в 1899 г. каменного угля составляла 218 тыс. руб. (из расчета 10 коп. за пуд.).

⁵⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 434, л. 15—17.

⁵⁶⁵ Саисторио моамбе, 1956, т. 9, док. 19, с. 54.

⁵⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 67, д. 434, л. 15—17.

⁵⁶⁷ Г о г л а д з е Д. А.* Горнорудная, горнозаводская промышленность. Тбилиси, 1966, с. 60—64, 76.

⁵⁶⁸ Сборник статистических сведений по Закавказскому краю. 1. Тифлис, 1902, с. 210.

⁵⁶⁹ Г н е д и ч А. Обзор... — Саисторио моамбе, 1945, т. 1, с. 261; Сборник статистических сведений по Закавказскому краю, 1. Тифлис, 1902, с. 210.

Несмотря на значительные затраты, понесенные частично и казной, фирма Новосельского к середине 90-х гг. за неимением средств для завершения устройства рудников прекратила существование. Все ее имущество перешло к основанному в

Таблица 10

Год	Форма Новосельского		Об-во «Нахшира»		Всего	
	добыто, тыс.пуд.	рабочих	добыто, тыс.пуд.	рабочих	добыто, тыс.пуд.	рабочих
1890	297,1	160	160,0	76	457,1	236
1894	120,0	—	1515,4	—	1635,4	354
1899	—	—	2182,0	310	2182,0	310

1895 г. «Обществу Ткибульских каменноугольных копей и брикетного производства». Обществом в 1897 г. было добыто 585 тыс. пудов угля, изготовлено 208 тыс. пуда⁵⁷⁰ брикетов. Однако и это общество вследствие пожара на брикетной фабрике после 1897 г. прекратило производство. Правда, добыча угля производилась примитивным способом (киркой и лопатой), но дальнейшие операции были механизированы. В числе технических усовершенствований обращает на себя внимание бремсберг, устроенный Новосельским, длиной более 600 саж. и высотой 60 саж.

Уже в 1890 г. уголь из копий Новосельского перевозили в вагонетках по указанной дороге (в 450 саж.) прямо на бремсберг и в них же спускали по бремсбергу на нагрузочную станцию железнодорожной ветки. Там его спускали по наклонным грохотам в вагоны.

Брикетная фабрика должна была вступить в эксплуатацию с 1895 г. Оборудование фабрики было изготовлено во Франции. Она была рассчитана на 5 млн. пудов годичной продукции. Воздушный (канатный) путь протяжением более 600 саж, изготовленный в Германии, был предназначен для доставки угля от главной откаточной штольни к фабрикам и нагрузочной станции.⁵⁷¹ К концу XIX в. на Ткибульских каменноугольных промыслах действовали 4 паровых котла, что свидетельствует о довольно высоком уровне технического оснащения предприятия⁵⁷².

Марганцевая промышленность. Эксплуатация чиатурских марганцевых залежей, обнаруженных еще в середине 40-х гг., начинается с 1879 г. Интерес к чиатурскому марганцу был обусловлен ростом спроса на эту руду в связи с бурным развитием мировой металлургической промышленности.

Инициатором разработки чиатурского марганца был известный грузинский писатель и общественный деятель А. Р. Церетели, который практически первым приступил к мобилизации для этого местных средств и сил⁵⁷³. С начала 80-х гг. пришлые предприниматели путем аренды или закупки земли пытались прибрать к рукам участки с рудой, однако с самого же начала встретили сопротивление со стороны местных, большей частью мелких промышленников. Последним первоначально даже удалось вытеснить из сферы производства иностранных предпринимателей, которые нашли более выгодным ограничиться экспортом закупленной у местных промышленников руды.

Со временем в чиатурскую марганцевую промышленность все больше проникает крупный капитал в лице иностранных, русских и местных предпринимателей и представителей торговой буржуазии. Промышленники либо закупают, либо арендуют

⁵⁷⁰ Из отчета Кутаисского губернатора за 1897 г. — Саисторио моамбе, 1956, т. 9, с. 184.

⁵⁷¹ То же за 1835 г. — Там же, с. 164.

⁵⁷² Г н е д и ч А. Указ. раб., с. 270.

⁵⁷³ Об открытии и эксплуатации чиатурских марганцевых руд см. труды А. Кочлавашвили, В. Чанишвили, Н. Ткешелашвили, Г. Маргиани и др.

рудоносные участки у местных землевладельцев. Частично разработки производились и самими землевладельцами как из дворянского, так и из крестьянского сословия.

Согласно имеющимся данным, добыча руды в начале 80-х гг. превысила полмиллиона пудов. Разведки разработки марганцевых руд производились Петербургским торговым домом Вахтер и К°. Одновременно разработки велись Имеретинским товариществом марганцевой руды, состоявшим из промышленников — Чубинидзе, Мосешвили, Гамкрелидзе и др.⁵⁷⁴

Об объеме производства с начала 90-х гг. можно судить по нижеприведенной таблице.

Таблица 11

Год	Промысловых рабочих	Общая годовая добыча, тыс. пудов	Вывоз, тыс. пудов
1890	2605	10468,1	8400,4
1894	2186	11012,0	9599,5
1899	3250	34131,0	25073,4
1900	3701	40363,4	28698,3

Таким образом, к 1900 г., по сравнению с началом 90-х г добыча марганца возросла в 4 раза, вывоз более чем в 3 раз, а число промысловых рабочих увеличилось почти в 1,2 раза.

Стоимость руды в 1900 г. на месте достигала 3 млн. руб. (из расчета 9 коп. за пуд), а в Потю составляла свыше 9 млн. руб., из расчета 23 коп. за пуд⁵⁷⁵.

В 90-х гг. удельный вес чиатурской руды в мировом экспорте марганца составлял 40—50%.

Чиатурский марганец вывозился, в основном, в Англию, Голландию, США, Бельгию, Германию, Францию и др. страны, а также в сравнительно незначительном количестве и в Россию.

В увеличении масштаба разработок и вывоза руды огромную роль сыграла постройка и введение в эксплуатацию с 1895 г. узкоколейной железнодорожной ветки от ст. Шорапани до Чиатура.

Способ разработки руд долго оставался примитивным. Основным орудием производства в шахтах почти до конца XIX века и в дальнейшем были кирка и лопата. Откатка руды производилась либо ручными тачками, либо вагонетками на рельсах, приводимыми в движение рабочими, или же в ряде случаев посредством лошадей. Очистка добытой руды производилась, как правило, вручную. Лишь в конце XIX века некоторыми крупными фирмами вводятся механические способы обогащения руды. Доставка руды от разработок до железнодорожной станции производилась или вьючено на лошадях, или на арбах. К концу XIX века для спуска руды с рудников устраиваются канатные дороги и бремсберги.

Контингент рабочих, занятых непосредственно на разработках, состоял из забойщиков, откатчиков и сортировщиков руды. На очистке руды широко применялся труд женщин и детей. Помимо промысловых рабочих, значительное число составляли возчики, занимавшиеся перевозкой марганца с мест добычи к полотну железной дороги (к ст. Чиатура). На станции же выгрузка вагонов производилась специальными рабочими — погрузчиками, нанимаемыми арендаторами по погрузке вагонов.

Всего, по заключению официальной статистики, число возчиков приблизительно равнялось числу занятых на добыче руды промысловых рабочих. Следовательно, общее

⁵⁷⁴ Саисторио моамбе, 1956, т. 9, с.72—73.

⁵⁷⁵ Г н е д и ч А. Указ. раб., с. 270.

число рабочих к концу XIX и началу XX в. следует определить примерно в 6—7 тыс. чел.⁵⁷⁶

О составе марганцепромышленников, а также о распределении рабочих и годовой добычи руды по отдельным категориям и группам промышленников можно судить по нижеприведенной таблице (см. табл. 12).

К мелким нами отнесены промышленники, которые нанимали до 10 рабочих и добывали менее 50 тыс. пудов руды на сумму в 2,2 тыс. руб., к средним — нанимавшие от 10 до 50 рабочих и добывавшие от 50 до 250 тыс. пудов руды стоимостью от 2250 до 11,5 тыс. руб. и к крупным — нанимавшие более 50 рабочих и добывавшие свыше 250 тыс. пудов руды стоимостью более 11—12 тыс. руб.

Таблица 12

Категория промышленников	1894						1899			
	промышленников	%	Годовая добыча руды тыс.пуд.	%	рабочих	%	промышленников	%	Годовая добыча руды тыс.пуд.	%
Мелкие	162	69,8	2783,6	25,3	708	32,4	119	35,9	2150,7	6,3
Средние	64	27,6	5005,9	45,4	925	42,3	174	52,6	16050,9	47,0
Крупные	6	2,6	3222,5	29,3	553	25,3	38	11,5	15929,4	46,7
Всего	232		11012,0		2186		331		34131	

За пять лет с 1894 по 1899 г., значительно (почти на 30%) возросло число марганцепромышленников. Этот рост произошел в основном за счет увеличения числа средних и крупных промышленников. Что же касается мелких, то их число сократилось (почти на 27%).

Наблюдается также падение удельного веса в производстве мелких промышленников. Если в 1894 г. они составляли примерно 70% от общего количества, то в 1899 г. — лишь 36%. Соответственно уменьшилась и их доля в годовой добыче (с 25,3% в 1894 г. до 6,3% в 1899 г.).

Как было отмечено выше, постройка Чиатурской железнодорожной ветки в 1895 г. послужила огромным стимулом для дальнейшего увеличения масштабов производства. Результатом этого явился бурный рост производительности. В частности, при увеличении числа рабочих не более чем на 1/3 (2186 в 1894 г. и 2350 в 1899 г.) годовая добыча руды возросла в три раза (11 млн. пудов в 1894 г., 34 млн. пудов, в 1899 г.). В 1900 г. добыча руды достигла кульминационной точки — 40 млн. пудов; после же наступил временный спад, связанный с начавшимся в это время всеобщим кризисом.

Крупными местными марганцепромышленниками в 90-х гг. были Гедеван Чубинидзе, Николай Гогоберидзе, Самсон Абесадзе, Соломон Церетели, Нестор

⁵⁷⁶ М а р г а н и Г. Н. Горнорудная промышленность..., с. 157.

Какабадзе, Павел Мосешвили. Давид Бакрадзе, Петре Цулукидзе, Константин Гуриели и др.

Из пришлых крупных промышленников надо отметить Ивана Беляева, Густава Эмерика и др. С 1900 г. к производству приступило французское акционерное общество в Дарквети.

Некоторые промышленники отправляли руду только до Поти и Батуми, где продавали ее или сдавали на комиссионных началах другим фирмам, являвшимся экспортерами в собственном смысле. Крупными экспортерами руды были фирмы Маллар, Вастгаф и Блей, Пиллиди, бр. Форвуд, Саманджи, Карпозилос и Манолопуло, Авгерино, Шужц и Циммерман, Панасье, Г.Эмерик, местный промышленник П. Цулукидзе и др.⁵⁷⁷

С ростом спроса на руду в производство постепенно внедрялись технические усовершенствования. Еще в 1886 г. Н. Гогоберидзе первым устроил в своих коях в сел. Ргани рельсовый путь длиной в 120 м для откатки руды в вагонетках. Постепенно стал применяться способ спуска руды посредством бромобергов и желобов. На ст. Шорапани для разгрузки вагонов были устроены бункера. Анонимное общество в Дарквети приступило к строительству обогатительной фабрики.

В чаатурской марганцевой промышленности подавляющее большинство составляли местные предприниматели, которые самого же начала в борьбе с пришлыми капиталистами (русские и иностранные фирмы) организовали различные товарищества. Однако эти товарищества, являвшиеся по существу частными объединениями, не имея правительственной поддержки со стороны властей, не могли оградить интересы местных промышленников в условиях все большего возрастания масштабов и значения марганцевого дела.

Ввиду этого промышленники поставили перед правительством вопрос об учреждении съезда марганцепромышленников Шорапанского уезда, на что было получено согласие. Составление проекта положения о съезде возложили на видного общественного деятеля Г. Зданевича. После соответствующей подготовительной работы 15 апреля 1896 г. в Кутаиси был созван I съезд марганцепромышленников уезда. Он принял положение и рассмотрел ряд организационных вопросов.

Съезд избрал исполнительный орган — совет из 4 членов 3 кандидатов, председателем совета был избран Г. Зданевич.

Правом голоса на съезде пользовались промышленники, годовая добыча которых составляла 100 тыс. пудов, и экспортеры, вывозившие более 300 тыс. пудов руды. Число голосов увеличивалось по мере роста добычи и вывоза руды.

С учреждением съезда марганцепромышленников и его совета все вопросы, связанные с марганцевой промышленностью, стали предметом их заботы.

В проведении своей политики совет съезда руководствовался интересами крупных промышленников, что вызывало резкое сопротивление со стороны оппозиции представителей мелких и отчасти средних промышленников.

Развитие горнорудной промышленности в пореформенный период вначале характеризовалось сравнительно небольшими темпами, что объясняется узостью рынка на месте.

Только с 80-х—90-х гг. в условиях общего промышленного развития страны, главным образом в результате приложения к производству крупного капитала русскими и иностранными фирмами и акционерными обществами, стало возможным расширение рынка для указанных отраслей, в частности каменноугольного и медеплавильного производства, и тем самым создание необходимых условий для их дальнейшего развития. Что же касается железоплавильного производства, то оно, как было показано выше, за отсутствием надлежащих условий, замерло.

⁵⁷⁷ Статистика марганцевого дела. Кутаиси, 1902, с. 58 и прил. V.

Совершенно в исключительном положении оказалась чиатурская марганцевая промышленность, с самого начала ставшая дополнением к мировой металлургической промышленности и поэтому поставленная в зависимость от конъюнктуры на мировом рынке. Обеспеченным сбытом была обусловлена устойчивость мелких фирм в данной отрасли, наряду с развитием крупного производства.

Однако существование мелких промыслов, как и использование примитивной техники, вовсе не дает оснований для того, чтобы марганцевую промышленность в целом отнести к «мелкокустарному» производству. В действительности, мануфактурная форма в марганцевой промышленности встречается в значительном масштабе с самого же начала, наряду с мелким капиталистическим, а не «кустарным» (по крайней мере в большинстве случаев) производством. При оценке характера чиатурской марганцевой промышленности важным является то, что она, включая и самые мелкие промыслы, была связана с мировым рынком.

Общей закономерностью развития горнорудной и горнозаводской промышленности было постепенное укрупнение промыслов и внедрение фабричных форм производства, что с конца XIX — начала XX века привело к промышленному перевороту в этой отрасли.

Ниже приводятся общие данные о состоянии добывающей промышленности Грузии на 1899 г.⁵⁷⁸ (см. табл. 13).

Как видим, продукция горнорудной и горнозаводской промышленности в конце 90-х гг. превышала 3,5 млн руб., а число рабочих в этой отрасли промышленности, включая занятых на переноске руды в Чиатура рабочих (около 3 тыс. чел.), составляло 7—8 тыс. чел. К началу 900-х гг. горнорудная и горнозаводская промышленность Грузии, в особенности марганцевая и медеплавильная, еще больше расширяется.

Транспортное строительство и расширение связи*. В дореформенной Грузии XIX в., как и в Закавказье в целом, существовали только примитивные средства передвижения и связи. На окраине империи пути сообщения не были благоустроенными.

Таблица 13

Промысел		Промыслов (кол-во)	Рабочих	Добыча, тыс.пуд	Стоимость I пуда,р.к.	Всего на сумму, тыс.руб.
Тифлис.губ.	Медоплавильный	4 2(недейств.)	500	12,7	7,50	97,0
	Добыча нефти	11	55	39,0	25,30	11,0
	Строит.матер.	—	118	—	—	45,0
Кутаис. губ.	Добыча марган.руды	11	3282	34 млн.	0,94	2880,0
	Добыча кам.угля	2	310	2182,0	0,10	218,0
	Медоплавильный	3	143	19,0	0,15	285,0
	Строит.матер.	7	446	—	—	104,0
			4854			3640,0

⁵⁷⁸ Г н е д и ч А. Указ. раб.

* Подпараграф написан Г .Н. Маргиани. (См. его: Транспортное строительство и расширение связи, с. 1—7— Рукопись, хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР)

В Закавказье телеграф был построен только в 60-х гг. XIX века. В 1860 г. фирма «Сименс» осуществила прокладку телеграфной линии Тбилиси—Кутаиси—Поти (с веткой до Боржоми). В 1863 г. телеграф связал Тбилиси с Владикавказом и Ставрополем, что позволило Грузии обмениваться телеграммами с Москвой и Петербургом. С 1864 г. Тбилиси был связан телеграфными линиями с Ереваном, а затем с Джульфой. После этого Тбилиси стал обмениваться телеграммами и с Тегераном. В 1868 г. Вернер Сименс передал в эксплуатацию телеграфную линию Тбилиси—Баку. В 1870 г. он построил самую длинную в мире индоевропейскую телеграфную линию⁵⁷⁹.

В новых условиях Закавказье нуждалось в эффективных средствах передвижения и связи. Со своей стороны, метрополия стремившаяся не только к прочному утверждению в Грузии и Закавказье, но и к усилению экспансии на Ближнем Востоке, была кровно заинтересована в проведении к южным границам надежных транспортных дорог. Правительство в 60-х гг. XIX века широко развернуло работу по улучшению путей сообщения в Грузии и Закавказье в целом, в частности в деле прокладки железнодорожного полотна. Закавказье, щедро наделенное богатыми природными богатствами, должно было покрыться сетью железных дорог в течение 30—40 лет. «В настоящее время, — писал в 1857 г. наместник Бяратинский царю, — закавказские области связаны с империей только на географической карте; в сущности они составляют край во всех отношениях отделенный от прочей России. Чрезвычайное затруднение в сообщениях и огромные расстояния от пунктов, в которых сосредоточены главные силы государств, вполне разъединяют Закавказье с империей и в военном, и экономическом отношении». По определению Бяратинского, «железная дорога будет для Закавказья тем же, чем бывает вода для плодородных, но спаленных солнцем земель; она пробудит в нем производительную силу, вызовет на свет огромные богатства, в настоящее время зарытые под спудом»⁵⁸⁰. 70-е гг. XIX века были отмечены улучшением средств передвижения в Закавказье. Развернулось строительство государственных, транзитных шоссейных и гужевых дорог. До проведения железной дороги и позднее Закавказье было связано с внутренней Россией путями Тбилиси—Баку—Астрахань—Царицын (Каспийское море и Волга), Тбилиси—Владикавказ—Петровск, Тбилиси—Поти, Тбилиси—Батуми, Тбилиси—Сухуми. Все три порта края были связаны морскими путями с Новороссийском, Феодосией, Николаевым и Одессой. Однако эти средства сообщения и связи не удовлетворяли требованиям, предъявляемым новым временем.

Железнодорожное строительство в Закавказье началось с проведения линии Поти—Тифлис. К строительству этой дороги казна приступила в 1865 г. «Все работы по устройству земляного полотна, искусственных сооружений и др. были проведены военными батальонами»⁵⁸¹. В 1867 г. казна передала право на продолжение строительства указанной дороги по договору (концессии) т. н. «Частному обществу» английских капиталистов Перксинса и Пауэра, которое, закончив проведение железной дороги между Поти и Квирилой (Зестафони) в 1871 г., сдало дорогу в эксплуатацию. Строительство железной дороги Поти—Тифлис закончилось в 1872 г. (хотя окончательное открытие Сурамского тоннеля произошло лишь к 1 апреля 1890г.). Английская акционерная компания успешно продолжила железнодорожное строительство в Закавказье: были проложены Риони—Кутаисская (1875—1877) и Хашури—Сурамская (1877) ветви, в 1883 г. одновременно завершилось строительство железных дорог Самдтредиа—Батуми и Тбилиси—Баку, в 1883—1887 гг. были проведены железные дороги Кутаиси—Ткибули,

⁵⁷⁹ К а р б е л а ш в и л и А.* Немецкий изобретатель в Грузии. — Мецниереба да текника, 1974, №3, с. 43.

⁵⁸⁰ Цит. по: А р г у т и н с к и й -Д о л г о р у к о в А. История сооружения и эксплуатации Закавказской железной дороги за двадцать пять лет ее существования (1871—1896). Тифлис, 1896, с. 9—11.

⁵⁸¹ ЦГИА СССР. ф. 350, оп. 14, д. 3, л. 109.

Баку — Сабунчи — Сурахан, а также были проведены ж.-д. ветви к «нефтяным камням»⁵⁸².

Таким образом, Закавказье пересекла магистральная железная дорога, соединившая Черное и Каспийское моря. Несмотря на то, что в 80-х гг. XIX в. ЗЖД все еще не была соединена с внутренними ж. д. России, ее военно-стратегическое и хозяйственно-экономическое значение трудно было переоценить. Поэтому и решило российское правительство выкупить ЗЖД в 1889 г., после чего «Общество ЗЖД» было упразднено.

Царизм продолжил железнодорожное строительство в Закавказье, были проведены железнодорожные ветки Хашури—Боржом (1893 — 1894), Шорапани — Чиатура — Сачхере (1891—1894 —1904) и др. Уже в 1900 г. ЗЖД была непосредственно соединена ж.-д. сетью внутренней России. Она, вопреки экономической политике царизма, дала мощный толчок развитию в Грузии и Закавказье промышленного капитализма.

§4. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ГРУЗИИ

Систематическое применение вольнонаемного труда в различных отраслях производства имело место еще при господстве феодально-крепостнического строя. Однако это был период зарождения и эмбрионального развития рабочего класса. Контингент рабочих в дореформенный период складывался, в основном, из пришедших в промышленность государственных крестьян, связанных с землей и своим хозяйством, а то и из помещичьих крестьян, отпускаемых на заработки (крестьяне-отходники). Процесс высвобождения непосредственных производителей из феодальной зависимости и отрыв от средств производства, правда, имел место, однако шел замедленным темпом. Частично контингент наемных рабочих пополнялся за счет разорившихся представителей городских торгово-ремесленных слоев и пришлого из-за пределов страны населения. Основная масса рабочих была занята в мелкотоварном производстве. В середине 60-х гг. из 2500 рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, носящей капиталистический характер, лишь 600 чел. (т. е. 24%) приходилось на сравнительно крупные предприятия (мануфактура, фабричные заведения), а собственно в фабричных предприятиях было занято всего 5,3%.

В горнорудной промышленности к тому же времени было занято около 500 рабочих. Следовательно, в промышленности Грузии (включая мелкое капиталистическое производство) в середине 60-х гг. было занято всего 3 тыс. рабочих⁵⁸³. Это количество невелико, однако обращает на себя внимание состав рабочих. Как правило, это были «вольнонаемные работники», постоянно занятые в промышленности. Что же касается крестьян-отходников, они преимущественно выполняли сезонные работы, составляя контингент временных рабочих.

Крестьянская реформа, несмотря на ее половинчатый характер, внесла коренное изменение не только в социально-экономическое положение трудящихся масс, но и в их психику. Были порваны цепи, столетиями приковывавшие крестьян к их владельцам. Взаимоотношения работника с владельцем земли путем преодоления пережитков личной зависимости постепенно принимают характер свободного договора. «...Разнообразные формы кабалы и личной зависимости вытесняются безличными сделками по купле-продаже рабочей силы...»⁵⁸⁴

Как было показано в разделе о развитии промышленности Грузии, в пореформенный период рост рабочего класса выразился в следующих цифрах: в середине

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Здесь не учтены занятые в т. н. «кустарных» и «ремесленных» заведениях многочисленные работники, а также строительные рабочие. В 40-х гг. таковых в Грузии было около 6—7 тыс., а к середине 60-х гг. — не менее 8 тыс. человек. Включая последних, все рабочее население Грузии в середине 60-х гг. достигало 10—12 тыс. человек.

⁵⁸⁴ Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 315.

80-х гг. общее число занятых в обрабатывающей промышленности рабочих составляло примерно 5,5 тыс. человек, а к 1900 г. превысило 18 тыс. человек. Эта цифра включает рабочих как мелких заведений капиталистического характера, так и сравнительно крупных, преимущественно фабрично-заводских предприятий.

При установлении численности рабочего класса Грузии, как и вообще изучении промышленного развития страны, по мере возможности, в крупной промышленности учтены данные о каждом предприятии в отдельности, а имея дело с мелким капиталистическим производством, сопоставляются суммарные данные различных источников. Таким путем удается выделить различные формы производства и определить число занятых в них рабочих, установив и соотношение между ними⁵⁸⁵.

В Грузии, где фабричная промышленность в более или менее широких масштабах развивается с 70-х гг., в силу того, что мануфактура из-за ее относительно слабого развития не смогла подготовить в достаточной мере кадры квалифицированных рабочих, формирование основного контингента пролетариата происходило в процессе складывания самого фабрично-заводского производства. Рост процента занятых в фабрично-заводских предприятиях рабочих являлся показателем формирования пролетариата как класса буржуазного общества. Если в середине 60-х гг. в обрабатывающей промышленности в фабрично-заводском производстве было занято ничтожное число рабочих (5,3%), к середине 80-х гг. их удельный вес значительно растет, составляя 31%, (1700 чел. и 5500 чел.), а к 1900 г. они уже составляют половину всех рабочих (9 тыс. из 18000 чел.).

Одновременно происходит складывание контингента горнорудных рабочих, хотя в этой отрасли машинная техника прокладывает себе путь медленнее — с конца 90-х гг. По приблизительным подсчетам, в горнорудном производстве к концу 90-х гг. в механизированных предприятиях было занято около одной трети рабочих (примерно 2,5 тыс. из 7—8 тыс.).

Рабочие, занятые в обрабатывающей и добывающей промышленности, составляли ядро рабочего класса страны. Их общее число к концу XIX и в начале XX вв., по нашим подсчетам составляло 24—25 тыс. человек. Для установления общего количества рабочих к ним нужно прибавить число рабочих других родов занятий, учтенных переписью населения 1897 г.

Данные переписи о рабочих различных родов занятий, кроме обрабатывающей и добывающей промышленности⁵⁸⁶, представляются следующим образом.

Таблица 14

Занятие	Рабочих по губерниям		Всего
	Тифлис.	Кутаиси.	
Ремонтные строительные работы	5534	2197	7731
Обслуживание почты и телеграфа	64	38	101
Железнодорожная служба	1567	1324	2891
Легковой и ломовой извозный промысел	1277	400	1677

⁵⁸⁵ Хоштариа Э. В.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса Грузии XIX века. Кн. I—II. Тбилиси, 1966—1968.

⁵⁸⁶ Хоштариа Э. В. Очерки социально-экономической истории Грузии. Тбилиси, 1974, с. 184—185.

Конная железная дорога	38	—	138
Переноска тяжестей (на дрогах, подводах и др.)	634	474	1108
Содержание дорог, улиц, мостов	130	22	152
Обслуживание:			
торговых заведений	1280	795	2075
трактиров, гостиниц	1378	590	1968
Служба гигиены (бани, прачечные, цирюльни)	619	145	764
Итого	12 637	6763	19 400

Кроме этого, переписью населения 1897 г. в Грузии было учтено 1940 поденщиков и чернорабочих без определенной специальности (12494 — в Тифлисской губернии и 6903 — в Кутаисской губернии). Ввиду того, что перепись была произведена в зимний период (28 января), когда в сельском хозяйстве потребность в рабочих руках ощущается менее всего, думаем, значительная часть чернорабочих и поденщиков была занята в промышленности и вообще в городском хозяйстве. Даже та часть подсобных рабочих, которая была учтена в сельской местности (в Тифлисской губернии примерно 2/3, а в Кутаисской — около 1/3), думаем, преимущественно состояла из промысловых рабочих. Об этом говорит и тот факт, что сельскохозяйственные рабочие переписью отражены отдельно.

К рабочему классу относим мы и остальное трудовое население, учтенное переписью в качестве «прислуги», насчитывавшее 28 907 человек (17 223 в Тифлисской губернии, 11 684 — в Кутаисской губернии).

Если к числу рабочих обрабатывающей и добывающей промышленности (26 тыс. чел.) прибавим количество рабочих всех вышеприведенных категорий, то численность рабочего класса Грузии к концу XIX в. нам представится примерно в 90 тыс. человек, а вместе с сельскохозяйственными рабочими (свыше 30 тыс. чел.) в 120 тыс. человек (без сезонных рабочих). Следовательно, общее число рабочих (без сельскохозяйственных рабочих) по сравнению с 1865 г. выросло в 7 раз, а только промышленных рабочих — в 8 раз. Ядро рабочего класса составляли промышленные, в особенности фабрично-заводские рабочие, основной контингент которых складывается в 80-х—90-х гг. XIX в.

Состав рабочего класса в значительной степени зависел от источников его складывания и пополнения. В силу позднего развития фабричной промышленности в Грузии число постоянных рабочих здесь было незначительным. Наличие таковых можно предположить лишь в некоторых отраслях производства, берущих свое начало с 40-х—50-х гг. XIX в., первоначально основанных в виде мелких заведений, а впоследствии прошедших через мануфактурную форму к фабрике или сначала принявших фабричную форму (некоторые механические заведения, табачные фабрики, деревообрабатывающие предприятия и др.).

Одним из основных источников складывания и пополнения рабочего класса в Грузии было вытесненное из села крестьянское население, среди которого углубился процесс классовой дифференциации. Оно вливалось в состав городского населения и включалось в промышленную деятельность. Среди пришлых из деревень рабочих некоторые с самого же начала были оторваны от земли, но большинство сохраняло связь с селом.

Для Грузии, как и России, был характерным тип «рабочего с наделом». Правда, для развития капитализма в складывании пролетариата основной предпосылкой, как правило, было высвобождение непосредственного производителя от средств производства, однако этот процесс, выражавший основную тенденцию капитализма⁵⁸⁷, имел и своеобразные проявления. Там, где переход к капитализму происходил революционным путем, имело место более полное высвобождение непосредственных производителей от средств производства в широком масштабе, но если этот переход осуществлялся через половинчатую реформу, как это было в России, а следовательно, и в Грузии, рабочий был привязан к земле множеством нитей. Процесс отрыва непосредственных производителей от земли здесь продолжался и после реформы, по мере дальнейшего развития новых отношений. Беднейшие слои крестьянского населения, создающие контингент промышленных рабочих с наделом, фактически превращались в пролетариев. Большой процент последних в районах Западной Грузии дает нам основание говорить не о связи западнотурецких крестьян с землей, а в определенном смысле о стирании грани между городскими (например, батумскими) рабочими и сельским населением окружающих районов. В начале XX в. фабричный инспектор писал о батумских рабочих: «Значительное число рабочих этих — жители селений, расположенных по линиям закавказских железных дорог, во время забастовки они уезжают по домам и выжидают результатов, причем временем этим пользуются либо для отдыха, либо для хозяйственных дел в деревнях»⁵⁸⁸.

Стирание грани между промышленными рабочими и сельским жителем, превращение последнего в рабочего с наделом наблюдается и в Чиатурском промышленном районе. Изучение этнографического и другого материала показало, что «население района промыслов претерпевало серьезные изменения социального характера; с развитием марганцевого дела оно постепенно втягивалось в промыслы. Все более широкое вовлечение местного населения в промышленность и все более глубокое проникновение промышленности в сельскую жизнь... в условиях сохранения значительной частью промысловых рабочих постепенно слабеющей, но все еще постоянной связи с сельским хозяйством составляли ту основу, на которой протекал процесс формирования кадра производственных рабочих чиатурской марганцевой промышленности почти до начала XX в.»⁵⁸⁹

Как установлено, часть занятых непосредственно в рудниках по добыче марганца рабочих состояла из местных жителей, имевших свое хозяйство.

Сохранение связи с селом было характерно и для части рабочих Тбилиси. Большинство местных рабочих железнодорожных мастерских составляли выходцы из селений Западной Грузии и частично из Восточной. Они поддерживали связь с «родиной», куда обычно и ссылались активные участники забастовок. То же можно сказать и о рабочих других предприятий. Например, на обувной фабрике Адельханова уход рабочих в села в летний период рассматривался администрацией как обычное явление⁵⁹⁰.

Тем не менее, с ростом фабрично-заводской промышленности с увеличением удельного веса занятых в машинном производстве рабочих происходит и увеличение количества оторванных полностью от земли пролетариев.

О формировании кадровых рабочих, занятых на производстве в течение многих лет, имеются неоднократные прямые свидетельства источников. Например, касаясь забастовки рабочих завода Ротшильда в Батуми, фабричный инспектор по поводу решения администрации об увольнении 389 человек и о недовольстве среди рабочих писал: «Многие из рабочих прослужили на заводе 8—10—12—15 лет, совершенно

⁵⁸⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 1717.

⁵⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 30, д. 52, л. 226—230.

⁵⁸⁹ Р о б а к и д з е А. И.* Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности. Тбилиси, 1953, с. 24.

⁵⁹⁰ ЦГИАОР, ф. ДПОО, оп. 1890, д. 4, ч. 31, лит. А, л. 2—4.

порвали всякую связь с землей, привыкли к своему специальному труду, многие за это время получили увечья, стали почти калеками и в значительной степени потеряли свою трудоспособность и теперь увольняются администрацией и должны остаться без заработка и без куска хлеба»⁵⁹¹.

Рабочие того же завода в период подъема рабочего движения, в начале XX в., требовали возврата удержаний в виде штрафов и за брак за 14—16 лет. В частности, рабочие ящичного отделения завода потребовали возвращения удержанных с них денег с 1887 по 1901 г., а рабочие разливочного отделения—возмещения за выполняемые ими в течение 16 лет сверхурочные работы. Аналогичные требования были предъявлены рабочими и других заводов. Рабочие табачной фабрики Пиралова в Кутаиси, в основном местные жители, требовали повышения зарплаты на том основании, что «все они давно служат на фабрике и считают, что хозяин поэтому обязан увеличить, жалование». Еще в 1894 г. рабочие (100 чел.) табачной фабрики Бозарджанца в Тбилиси требовали возвращения им 1%-го удержания за 13 лет. Рабочие той же фабрики в 1900 г. заявили властям, что большинство их работало на этой фабрике более 10 лет, а многие даже свыше 20 лет. На кожевенном заводе Адельханова в 1899 г. из 555 рабочих со стажем до 5 лет было 239, от 5 до 10 лет — 77, от 10 до 15 лет — 16 и свыше 15 лет — 3 рабочих⁵⁹².

В 1900 г. из забастовавших 29 рабочих текстильной фабрики Читахова со стажем от 5 до 15 лет было 7, от 15 до 20 лет — 6, а со стажем свыше 20 лет — 3 рабочих. В том же году из 30 бастовавших рабочих швейной фабрики Адельханова со стажем от 5 до 15 лет было 5 человек, от 15 до 25—7 человек, а свыше 25 лет — 11 человек⁵⁹³.

Значительный процент составляли рабочие со стажем свыше 5 лет и в Главных мастерских Закавказской железной дороги. По приблизительным данным, отраженным в графике служащие и рабочие мастерских (около 2500 чел.) в 1895 г. по стажу делились следующим образом: со стажем до 5 лет было 73%, от 5 до 10 лет— 19%, от 10 до 15 лет — 6% и свыше 15 лет—2%⁵⁹⁴.

Одновременно наблюдается углубление отрыва непосредственных производителей от средств производства. Вопрос о необходимости предотвратить волнение рабочих текстильной фабрики Читахова, ожидаемое в связи с предстоящим закрытием фабрики, возник в начале 900-х гг. перед губернскими властями по той причине, что многие из рабочих фабрики, работая в ней долгое время, как это признавала сама администрация, освоились здесь со своей профессией и не могли найти себе применение на другой работе.

В заявлении рабочих этой фабрики на имя губернатора сказано: «Мы живем трудами рук своих. Никакой другой собственности, другого источника для поддержания жизни у нас нет. Поэтому, естественно, приостановка работ, хотя бы временно, на фабрике, где мы с малых лет начали и заканчиваем нашу печальную трудовую жизнь, означает в сущности приостановку нашего и наших семейств существования»⁵⁹⁵.

Знаменательным является неоднократное указание в источниках на то, что к концу XIX в. среди рабочих было много таких, кто работал на предприятии «с малолетства». Таковыми являются, например, и представители первого поколения профессиональных революционеров-рабочих Захарий и Миха Чодришвили и многие другие, попавшие в город из деревни и прошедшие трудный жизненный путь от ученика до квалифицированного рабочего.

Контингент постоянных рабочих складывается и в Чиатурском промышленном районе, где «на многочисленных примерах генеалогии и больших, и малых семей ясно прослеживается, длительный процесс образования потомственно-горняцких семей,

⁵⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 30, д. 52, л. 17—24.

⁵⁹² М е с т в и р и ш в и л и А. И. Формирование рабочего класса г. Тбилиси и первые шаги его революционного движения (1880—1900 гг.). Тбилиси, 1965, с. 10, 12.

⁵⁹³ ЦГИАГ, ф. 17, д. 4411, л. 4, 7.

⁵⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 273, оп. 17, д. 4.

⁵⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 17, д. 4411, л. 3, 22.

легших в основу формирования производственных рабочих чиатурской марганцевой промышленности. Этот процесс зарождается в семьях исключительно сельскохозяйственного типа, проходит стадию преимущественно извозного промысла, характеризующую непостоянной связью с производством и полным подчинением промысла интересам сельскохозяйственной семьи. В дальнейшем этот процесс вступает в стадию главным образом промышленного характера, причем связь с производством становится постоянной, а сельское хозяйство теряет главенствующее положение. На этой стадии и зарождается основная масса чиатурских горнопромышленных рабочих определенных производственных профессий⁵⁹⁶. Помимо этого, в Чиатура образуется и контингент рабочих, полностью оторванных от средств производства, по всей вероятности, преимущественно из пришлого из соседних районов и других областей населения. «Последние концентрировались, главным образом, в Чиатура, жили в бараках, работали на погрузочно-разгрузочных работах и раньше других оформились в промышленный пролетариат»⁵⁹⁷.

Качественные изменения в составе рабочего класса Грузии, в смысле складывания кадра постоянных рабочих, оторванных от средств производства или же сохранивших с селом лишь формальную связь, прослеживается и путем сравнения характеристики рабочих, данной в источниках середины 80-х гг. и конца XIX в. С. Гулишамбаров, касаясь вопроса о складывании контингента рабочих промышленных предприятий г. Тбилиси, в середине 80-х гг. писал: «Масса чернорабочих приходит сюда из Персии и из армянских провинций... Эти рабочие вовсе не знакомы с фабричной деятельностью, вследствие чего необходимо неустанно следить за ними и направлять их. Грузины идут на фабрики только в случае крайней нужды, и не только они, но даже армяне весьма плохие работники. Фабричная жизнь сама вырабатывает тип рабочего... Но эти соображения имеют место только в том случае, когда заводская работа является для человека единственным источником пропитания; когда же она принимает случайный характер, то рабочий не старается приспособиться к ней. При таких условиях продуктивность азиатского рабочего, для которого фабрика и завод — временный приют, значительно меньше продуктивности русского рабочего фабричного района»⁵⁹⁸.

К концу 90-х гг. картина, нарисованная С. Гулишамбаровым, как было показано выше, существенно изменилась. В корреспонденции газ. «Квали» («Борозда») за 1898 г. относительно батумских рабочих сказано, что в их среде за последние годы произошли заметные перемены, заключающиеся в том, что если раньше из деревень на работы шла в основном молодежь с целью подработать, то теперь в город хлынула масса вытесняемого из сел крестьянства, ставшего перед необходимостью прокормить семью работой в городе⁵⁹⁹.

В другой корреспонденции отмечалось, что в былые времена батумские заводчики искали рабочих, платили им больше — до двух рублей в день чернорабочему, однако последний и этим довольствовался, так как и вне завода было вдоволь работы — лучше оплачиваемой и не угрожавшей увечьем. Однако времена переменялись, теперь у заводских ворот собирается огромная толпа в ожидании работы, но напрасно. Земля больше не в состоянии вознаградить труды крестьянина. Горькая доля вытолкнула его (и не только его, а представителей и других сословий) из дому, заставила покинуть семью, родных, чтобы топтаться у заводских ворот. Здесь его встретили тысячи других, и если появляется работа, ее дают тем, кто соглашается на меньшее вознаграждение. Далее в корреспонденции говорится о снижении зарплаты, тяжелых условиях труда и жизни и

⁵⁹⁶ Р о б а к и д з е А. И. Указ. соч., с. 23, 26.

⁵⁹⁷ Там же, с. 26.

⁵⁹⁸ Г у л и ш а м б а р о в С. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. Тифлис, 1888, с. 232.

⁵⁹⁹ Квали, 1898, №7, с. 113.

опять о безработице как самом большом биче рабочих, усугублявшемся притоком рабочих в Батуми из внутренних губерний России, Турции, Ирана и др.⁶⁰⁰

В 90-х гг. в Грузии не только складывался контингент кадровых рабочих, всецело связанных с промышленностью, единственным или почти единственным источником существования которых была продажа рабочей силы, но и резервная армия безработных. Наличие маленького клочка земли или же семьи в деревне не меняло пролетарской сущности большинства рабочих Грузии. В напечатанной в газете «Квали» еще в 1895 г. статье, выражавшей кредо грузинских социал-демократов, С. Джибладзе писал: «Наш пролетариат представляет из себя смешанный организм. Здесь большинство обладает маленьким клочком земли, дающим его владельцу лишь имя собственника, на самом же деле он является разорившимся бедняком. Это рабочие, судьба которых зависит от рынка, как товара, так и рабочей силы. Они стоят на пути полной пролетаризации»⁶⁰¹.

К началу XX в. рабочие Грузии вполне сложились в класс, как в численном, так и в качественном отношении. Среди рабочих обрабатывающей и добывающей промышленности, ремонтных, строительных, транспортных рабочих, грузчиков, а также занятых в торговых предприятиях и учреждениях бытового обслуживания рабочих (примерно 37 тыс. чел.) женщин было 835, т. е. 2,2%, малолетних (до 15 лет) — 3731, т. е. 10%, а грамотных среди рабочих было 14 тыс., т. е. 38%⁶⁰².

В некоторых отраслях промышленности (например, табачной, пищевой, швейной, войлочной) женщины составляли около 15—20%, а в общем составе рабочих их было в среднем около 5%. Малолетние, занятые преимущественно в металлообрабатывающей, текстильной, полиграфической, пищевой промышленности, составляли в среднем 15% всего количества рабочих⁶⁰³.

Женский труд, как и труд малолетних и подростков, широко применялся и в горнорудной промышленности (в Чиатура и др.), при погрузочных работах на железнодорожных станциях и в портах. По данным переписи 1897 г., среди поденщиков и чернорабочих (19 405 чел.) женщин было 1084, т. е. 5,6%, а малолетних 970, т. е. 4,4%, а среди прислуги (28 907 чел.) женщин было 11 328 чел., т. е. 39%, а малолетних 6467 чел., т. е. 22,4%, средний показатель грамотности рабочих (без поденщиков, чернорабочих и прислуги) равнялся 38%. Столь высокий процент грамотности нужно отнести за счет рабочих обрабатывающей промышленности (44%), транспортных рабочих (34%), рабочих торговых заведений и бытового обслуживания (47,3%). Сравнительно низким был процент грамотных среди строительных рабочих (27%), горнорудных рабочих (24%), грузчиков (15%)⁶⁰⁴.

Рабочий класс Грузии отличался своей многонациональностью; корни этого явления уходят глубоко в недра феодального общества. В феодальной Грузии, коренное население которой было в основном земледельческим, городские торгово-ремесленные слои издревле в значительной степени состояли из негрузинского (главным образом армянского) элемента. Он тесно был связан еще с грузинским феодальным обществом, составляя его органическую часть как в функциональном, так и культурном (быт, язык) отношении. Принадлежность армян к григорианской церкви не являлась каким-либо препятствием в этом смысле.

Со временем положение меняется. С целью колонизации стран русские власти способствовали переселению в Грузию новых групп армянского населения (преимущественно из Турции). Последние в большом количестве селились в городах, и в особенности в Тбилиси. Сильной была также притягательная сила города Тбилиси как

⁶⁰⁰ Там же, №23, с. 468—469.

⁶⁰¹ Квали, 1895, № 14, с. 15.

⁶⁰² См.: Численность и состав рабочих..., т. II. Спб., 1906, табл. III.

⁶⁰³ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 2, д. 2926; ЦГИА Укр. ССР. Харьковский филиал, ф. 834, д. 408, л. 13—18.

⁶⁰⁴ Численность и состав рабочих..., табл. III.

важного торгово-промышленного центра всего края для населения соседних закавказских областей и даже внутренних губерний России.

В новых условиях совершенно иной облик обретает пришлое население, его быт и культура уже строятся не на «грузинский», а на «европейский» («русский») лад.

В условиях развития промышленности и роста потребности в свободной рабочей силе в качестве последней преимущественно выступало пришедшее из-за пределов края; а поэтому и не связанное с землей и крепостной зависимостью население. С другой стороны, тесная связь грузинского производительного общества с землей, при господстве крепостнических отношений, обуславливала сравнительно слабое вначале участие местного населения в торгово-промышленной деятельности, хотя острое малоземелье в Западной Грузии постепенно все больше и больше вынуждало крестьян прибегать к отходничеству, благодаря чему создавался в городах, главным образом в Тбилиси, контингент местных рабочих («имеретинцы»). С разложением феодального строя, а главным образом с развитием капитализма, в грузинской деревне в пореформенный период углубляется процесс «раскрестьянивания», происходит рост промышленного населения за счет земледельческого, в результате чего увеличивается удельный вес грузин среди городских рабочих, хотя приток рабочей силы из соседних областей, из России и из-за границы (Иран, Турция) по-прежнему был немалым.

Согласно данным переписи 1897 г. о распределении рабочих по месту рождения, из 118,6 тыс. человек, занятых во всех видах хозяйства Грузии, уроженцами Тифлисской и Кутаисской губерний было 85,6 тыс., т. е. 72,2%; других губерний империи — 19,8 тыс., т. е. 16,7%; за границей (главным образом Турции) родилось 13,2 тыс., т. е. 11,1%⁶⁰⁵.

Как видно, процент местных рабочих (преимущественно грузин) к этому времени уже был значительным. Рядом с грузинами бок о бок трудились представители разных национальностей. Общность классовых интересов сплотила их в мощный отряд рабочего класса, являющийся частью российского пролетариата.

§5. ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ

Если в течение первой половины XIX в. внешнеторговый баланс Грузии оставался пассивным, то уже с 70-х гг. наблюдается быстрый рост грузинского экспорта. В 80-е гг., когда начинается интенсивный вывоз кукурузы и марганца, внешнеторговый баланс Грузии приобретает активный характер, экспорт во многом превосходит импорт. Основанная на товарном хозяйстве отраслевая специализация, углубление общественного разделения труда, далеко зашедшее в крестьянскую среду социальное расслоение обусловили необходимость значительного расширения внутреннего рынка. Росла потребность населения в промышленных товарах — предметах личного потребления и средствах производства. Возросший спрос на предметы первой необходимости удовлетворялся в Грузии за счет товаров, ввозимых из России и европейских стран.

В 70-х гг. среднегодовая стоимость товаров, поступавших в тбилисскую таможенную из европейских стран, составляла 2 596 000 руб.⁶⁰⁶ В то же время в таможни Западной Грузии (Гудаута, Очамчире, Сухуми, Редут-Кале, Поты, Шекветили и Ахалцихе) ежегодно ввозили товаров на 1 843 032 руб.

В 80-х гг. среднегодовая стоимость ввозимых из европейских стран товаров колебалась в пределах 1—2 млн руб. В 90-х гг. эта цифра возросла до 6 464 688 руб. Резкий подъем торговых операций вызван, с одной стороны, развитием горнорудной и обрабатывающей промышленности Грузии и, с другой стороны, сравнительно слабым развитием тяжелой промышленности в самой России. 45% стоимости ввозимых из стран Европы товаров приходилось на долю жестяных листов, предназначавшихся для нефтяной тары на вывозимую из Батуми нефть. В частности, из 9 043 492 руб. стоимости ввезенных

⁶⁰⁵ Распределение рабочих и прислуги...Спб., 1905, табл. II.

⁶⁰⁶ ЦГИАГ, ф. 378, оп. 1, д. 11544.

в 1896 г. европейских товаров 4 167 960 руб. приходилось только на жестяные листы. Для тех же целей употреблялось олово стоимостью в 290 073 руб., свинец — 96 643 руб., цинк — 2 907 руб., проволока — 139 656 руб.⁶⁰⁷ и др. В том же году было приобретено сельскохозяйственного инвентаря, паровых двигателей, вообще машин всех видов на 670 605 руб. Текстильные товары и сахар почти уже не поступали из Европы. Возросший спрос на эти товары удовлетворяла русская промышленность.

В 70-х гг. в порты Западной Грузии каботажными путями из внутренних губерний России было завезено товаров стоимостью на 4 393 526 руб. Из них 1 101 121 руб. составляла стоимость текстильных изделий, остальное приходилось на сахар, зерно, галантерейные товары, спирт, чугунные и железо-скобяные изделия, посуду, мыло, медикаменты, лес, мебель и др.

В конце 70-х гг. стоимость товаров, ввозимых речными путями, выросла вчетверо и равнялась 16 666 447 руб. К концу же 80-х гг. — 22 425 950 руб. Часть привезенных из России товаров предназначалась для вывоза в Персию, куда отправлялось муки на 1 800 000 руб. и железа на 2 300 000 руб.

Грузия, со своей стороны, поставляла на внутренние и внешние рынки все больше товаров местного производства. Все районы Грузии принимали участие в торговле на внутренних и внешних рынках, поставляя товары, характерные для их хозяйств. Кахети снабжала рынки вином, Картли — зерном, фруктами, овощами и вином, Имерети — вином, шелковичными коконами, продуктами птицеводства; Гурия и Мегрелия — кукурузой и шелковичными коконами, Абхазия — табаком и кукурузой; а горцы — продуктами животноводства. К концу XIX в. одна лишь Кутаисская губ. поставляла на рынок товаров на 11 млн. руб. (зерно, вино, шелк, коконы, табак и др.). Впрочем, примерно столько же получала Восточная Грузия от реализации только вина и винограда, не говоря уж об остальной сельскохозяйственной продукции. Особое значение придавалось в Грузии торговле вином. Производство вина, которое носило в течение почти всего XIX в. товарный характер, начиная с 70-х гг., с появлением железных дорог и удобных путей сообщения, стало самой доходной отраслью.

В 70-х—90-х гг. в Москве, Петербурге, Ставрополе, Владикавказе, Одессе и др. городах России в большом количестве реализовывались грузинские вина. Активную деятельность развернули винные склады торговых домов «Кн. Мухранского и компании», «Захария Джорджадзе и компании» и др. Удельное ведомство изготовляло 1,5 млн. бутылок вина, предназначенных, в основном, для реализации в городах России. Следует отметить, что производимая в Грузии товарная продукция вина сбывалась, в основном, на внутреннем рынке. В 1894 г. в Западной Грузии (в основном в Кутаисском и Шорапанском уездах) было изготовлено 4 800 000 ведер вина, из коих 2 362 000 ведер вывезли на рынок. В 1894 г. в Восточной Грузии было произведено 5 837 445 ведер вина, на рынок было поставлено 3 253 797 ведер, доход от продажи вина составил 5 331 051 руб.⁶⁰⁸

В 80-е—90-е гг. в зерноводческом хозяйстве Грузии особое место занимала торговля кукурузой. В 1881 г. из Западной Грузии в европейские страны вывезли 858 008 пудов кукурузы, в 1882 г. — 1 806 000 пудов, в 1883 г. — 1 651 000 пудов, в 1884 г. — 5 113 000 пудов. В последующие годы среднегодовой экспорт кукурузы достигал 5—6 млн пудов, доход от продажи кукурузы составлял в среднем 3—4 млн руб. в год.

В конце 90-х гг. экспорт кукурузы значительно сокращается. Причиной тому было появление на мировом рынке дешевой американской кукурузы.

Вместе с сокращением экспорта кукурузы наблюдается рост спроса этого продукта внутри страны. Быстрое развитие птицеводства требовало большого количества зерна.

В горных районах Восточной Грузии развивалось животноводство. Его продукты продавались как на внутреннем, так и на внешнем рынках. С установлением

⁶⁰⁷ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 9625.

⁶⁰⁸ ЦГИАГ, ф. 17, оп. 1, д. 1460.

железнодорожного сообщения из Закавказья за границу стали вывозить в большом количестве шерсть. В 1870 г. из Потийского порта вывезли 58 586 пудов шерсти на 413 307 руб., в 1871 г. — 111 948 пудов на 977 200 руб., в 1872 г. — 114762 пудов на 807 742 руб.⁶⁰⁹ К концу 70-х гг. ежегодные доходы от продажи шерсти составляли 1 300 000 руб.⁶¹⁰ В 80-х—90-х гг. среднегодовой вывоз шерсти из Закавказья достиг 170—200 тыс. пудов, 1/3 всей вывозимой из Закавказья шерсти приходилась на Тифлисскую губернию.

К концу 90-х гг. значительное количество шерсти продавалось и на внутреннем рынке.

Сигнагский, Тианетский, Душетский, Борчалинский и Ахалкалакский уезды снабжали внутренние, главным образом тбилисский, рынки и другими продуктами животноводства. Из Борчалинского уезда ежегодно вывозили на продажу 6220 пудов швейцарского сыра, 935 пудов сливочного масла, 10 000 пудов овечьего сыра, 15 000 пудов топленого масла, 15 000 голов крупного рогатого скота и 30 000 овец⁶¹¹. Из Ахалкалакского уезда на рынок привозили мясопродукты общей стоимостью на 62 000 руб.⁶¹² Тианетский уезд реализовывал на тбилисском рынке сыр и масло на 100 000 руб. и др. Тбилиси ежегодно употреблял 300—350 тыс. голов домашних животных⁶¹³.

С 1891 г. Грузия начинает вывозить в большом количестве в западноевропейские и портовые города России продукты птицеводства, в частности яйца. К концу 90-х гг. среднегодовой доход от реализации яиц в Кутаисской губ. достиг 1,2 млн руб.⁶¹⁴ С 1898 г. в Батуми и Гори были основаны иностранные фирмы по закупке яиц, которые продавали их на рынках Лондона, Гамбурга, Берлина и Парижа. Птица же распродавалась в городах Грузии и всего Закавказья.

В связи с повышением таможенного тарифа на иностранный табак, с 70-х гг. XIX века в Грузии быстро начинает развиваться табаководство, продукция которого почти целиком шла рынок. Половина выращенного в Западной Грузии табака обрабатывалась на местных фабриках, остальная часть посылалась в города России. В 1898 г. из 17 647 пудов выращенного в Абхазии табака 102 908 пудов, почти 2/3 всего урожая, было вывезено на рынки России.

Одним из экспортируемых товаров Закавказья был шелк-сырец. Его вывозили за границу и в Россию. Участие Грузии в экспорте шелка из-за болезни шелколичных червей в 70-х—80-х гг. было незначительным. В 90-х гг. в связи с распространением здоровых семян шелколичных червей в Грузии (в Сенакском, Зугдидском, Озургетском и Кутаисском уездах) происходит быстрый рост товарного производства шелка-сырца. Уже в 1895 г. из заготовленных в Кутаисской губ. 2800 пудов шелколичных коконов было продано 5210 пудов коконов и 1200 пудов шелковой пряжи. В 1899 гг. из Кутаисской губ. было продано 61 600 пудов шелковых коконов. В начале 900-х гг. Кутаисская губ. поставляла на рынок в среднем 50 000 пудов шелколичного кокона стоимостью в 1,3 млн руб.

Плоды и овощи почти целиком продавались на внутренних рынках. Города Грузии потребляли постепенно все большее количество плодов и овощей. На первых порах торговое плодовоовощеводство развивалось в предместьях крупных городов — Тбилиси, Кутаиси, Батуми и др. Проведение железных дорог способствовало развитию плодовоовощеводства и в дальних районах Грузии.

В 1894 г. в Восточной Грузии фруктовые сады занимала площадь 5202 дес., урожай фруктов составил 248 898 пудов, из них продано было 167 835 пудов на 120 987 руб.⁶¹⁵

⁶⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 378, оп. 1, д. 1154, л. 146, 149.

⁶¹⁰ Там же, д. 12108, л. 3.

⁶¹¹ РТКЭЖДК, с. 112, 185.

⁶¹² ЦГИАГ, ф. 17, оп. 1, д. 669.

⁶¹³ Там же, д. 3734, 1712.

⁶¹⁴ Г у г у ш в и л и П. В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX в., т. III. Тбилиси, 1959, с. 634, 636—637.

⁶¹⁵ ЦГИАГ, ф. 17, оп. I, д. 1460, л. 24.

Поставщиками фруктов на рынки были, в основном, Горийский, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды.

В Западной Грузии торговым плодоводством занимались в основном, в Кутаисском уезде и во вновь присоединенных Артвинском и Батумском округах. В 1894 г. в Кутаисском уезде доход от продажи фруктов равнялся 93 765 руб., в Артвинской области — 58 600 руб., в Батумской области — 19 400 руб.⁶¹⁶

Поставщиками овощей — картофеля, капусты, лука, огурцов, фасоли и др. — были Борчалинский, Горийский и Тбилисский уезды. Отсюда овощи вывозили в города Западной Грузии.

В 1894 г. в Восточной Грузии было произведено 987 661 пудов овощей, от продажи которых было выручено 339 645 руб.

В конце XIX в. во внешней торговле Грузии значительное место занимал вывоз чиатурского марганца, в 1897—1900-х гг. за границей было продано 102 808 823 пудов марганца. К этому времени чиатурский марганец уже занимал на мировом рынке господствующее положение.

В течение 80-х гг. добыча чиатурского марганца находилась в руках грузинских промышленников, вывоз же его производился через посредство иностранных экспортеров.

Значительное место во внутренней торговле Грузии занимали и товары местного фабрично-заводского и ремесленного производства. К концу 80-х гг. на местных фабриках, заводах и мастерских производили товара на 5 938 000 руб., который реализовывался в пределах самой Грузии. К концу 90-х гг. товары, изготовленные на местных фабриках и заводах, в значительном количестве начали вывозить в различные области России.

Товарооборот на ярмарках Восточной и Западной Грузии не соответствовал масштабу внутренней торговли Грузии. В Восточной Грузии ярмарки устраивались в Горийском (Сурами, Цхинвали, Арбо, Ахалкалаки, Меджврисхеви, Руиси, Эртацминда) и Телавском (Алаверди, Шуамта) уездах. В Западной Грузии ярмарки были в Сенакском, Зугдидском, Озургетском и др. уездах. На этих ярмарках продавались местный и привозной товар. К концу 80-х гг. годовой товарооборот ярмарок в Грузии составлял приблизительно 300 000 руб.

Строительство железных дорог в Грузии и установление прочных торговых отношений между отдельными районами способствовали сближению города с деревней. Примитивные деревенские ярмарки теряли свое значение. Их место занимала капиталистическая постоянная торговля. К концу XIX в. во всех городах Грузии и в более или менее крупных деревнях было много промтоварных и продовольственных магазинов и лавок, производивших постоянную торговлю. Годовой товарооборот одних лишь текстильных магазинов в Тбилиси достигал 3 162 800 руб., в Батуми товарооборот продовольственных и промтоварных магазинов и складов составлял 5 985 600 руб., в Поти — 668 400 руб., в Сухуми — 279 700 руб., в Сигнаги — 468 000 руб., в Телави — 433 000 руб., в Ахалцихе — 366 000 руб., в Гори — 198 100 руб. и т. д.

В послереформенный период возникло много маленьких городов, торговые операции которых выглядят довольно внушительно. Таковы были города: Квирила, товарооборот которого составлял 10 071 500 руб., Чиатура, товарооборот — 397 600 руб., Зугдиди — 129 400 руб., Сачхере — 126 000 руб., Абаша — 155 900 руб., Новый Сенаки — 145 000 руб., Чхари — 74 500 руб., Цхинвали — 53 500 руб., Хашури — 68 100 руб. и др.

В торговых центрах, городах, деревнях и селах обосновались торговцы-скупщики, посредством которых производилась торговля винодельческой, шелковой, животноводческой продукцией.

⁶¹⁶ Там же. ф. 12, оп. 1, д. 1461.

В 70-х—80-х гг. почти вся торговля вином находилась в руках торговцев-скупщиков, которые навязывали непосредственным производителям выгодные для себя цены. То же самое происходило и в торговле шелковичным сырьем. Торговцы заведомо задерживали скупку у крестьян сырья, чтобы затем приобрести его по низкой цене. Приблизительно такое же положение было и в других сферах торговли сельскохозяйственными продуктами домашнего промысла.

Начиная с 90-х гг. возникают тенденции сокращения посреднической роли торговцев-скупщиков во внутренней торговле Грузии. Производители стараются отныне гарантировать реализацию своих товаров.

К 80-м гг. крупные помещики сами стали заниматься вопросами реализации вина. В Тбилиси открылись торговые дома по продаже грузинских вин. Существовало товарищество, куда входили помещики З. Джорджадзе, Багратион-Мухранский и др. Они продавали вина как собственного производства, так и скупленные ими у других виноделов.

В 90-х гг. вышеперечисленные и др. помещики значительно расширяют свои торговые операции. Кроме того, князя Н. Чолокашвили, Вахвашишвили и др. основывают крупную фирму по продаже вина под названием «Кахети». Товарищество было организовано на основе акционерного паевого капитала. В 900-х гг. общество имело свои отделения в Москве, Петербурге, Баку, Ашхабаде и Ташкенте.

В середине 90-х гг. наметились определенные сдвиги и в торговле шелком-сырцом. В 1894 г. в г. Хони (Кутаисский уезд) было создано «Первое товарищество шелководов Кутаисской губернии». И это товарищество было организовано на основе акционерного капитала. Задачей общества была скупка и реализация шелковичного кокона. В 1897 г. возникло товарищество такого же типа под названием «Посредник». Товарищества шелководов были созданы в городах Кутаиси и Сенаки. Эти объединения успешно конкурировали со скупщиками коконов, не давая им возможности снижать цены.

На рубеже XIX—XX вв. в Тбилиси существовали промышленно-акционерные общества, занятые не только производством, но и реализацией товаров. «Акционерное общество кожевенного и комвольного производства» ежегодно выпускало продукцию на 2 083 760 руб.⁶¹⁷ Общество имело в городах торговые учреждения для оптовой и розничной торговли, большой склад и три подвала. В Тбилиси существовало также акционерное общество по производству постного масла, мыла с свечей с основным капиталом в 500 000 руб. Общество ежегодно продавало готовую продукцию на 570 549 руб. Акционеров общество табачной фабрики под названием «Мир» продавало ежегодно продукцию на 520 740 руб. Акционерные общества, основанные виноделами, шелководами и др. промышленниками, указывали на то, что торговый капитал, теряя вою независимость, превращался в агента промышленного капитала. Победа капиталистического способа производства была связана с объединением в руках промышленного капитала функций производства с функциями торговли.

Промышленные и торговые капиталисты Грузии в целях ускорения производственного оборота и реализации продукции прибегали к безналичному расчету. Векселя участвовали в обороте наравне с деньгами. Но для расширенного капиталистического воспроизводства недостаточно было наличие коммерческого кредита. Все более остро чувствовалась необходимость банковского кредита.

В 1866 г. в Тбилиси открылось отделение Государственного банка. В 1871 г. был основан Тифлисский коммерческий банк, в 1873 г. — Общество взаимного кредита, в 1874 г. — Тифлисский дворянский поземельный банк. В 1875 г. приступил к операциям Кутаисский дворянский поземельный банк.

В 80-х—90-х гг. постепенно росло число кредитных учреждений. Отделения Государственного банка открылись в Батуми и Кутаиси. Общества взаимного кредита

⁶¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 4, д. 429.

были основаны в Поти, Кутаиси, Чиатура и во многих других городах и селах Грузии. В деревнях возникали ссудо-сберегательные товарищества. Поле действия ростовщического капитала постепенно сужалось. Крупные купцы-ростовщики были вынуждены примириться с новыми условиями, перестроить свою деятельность на капиталистический лад. В 80-х гг. XIX в. только в Тбилиси действовало 7 торговых домов капиталистического типа и 5 вексельных бюро, оборот которых составлял 17 млн руб.

Особенно широкую и активную деятельность развернули тбилисские кредитные учреждения. Среди них выделялся Тифлисский коммерческий банк, основанный известными во всем Закавказье крупными тбилискими купцами, промышленниками и предпринимателями. Основным капиталом банка составлял 500 000 руб. В последующие годы правление банка выпустило дополнительные акции и повысило основной капитал до 1 млн руб. С 1872 г. по 1896 г. операции Тифлисского коммерческого банка по дебету и кредиту с 15 млн руб. возросли до 157 млн руб. Банк производил дисконт векселей, прием вкладов, выдачу ссуд и др. операции. В 1874 г. выданные банком ссуды составили 1,4 млн руб., в 1896 г. — 16 млн руб. В 1886 г. Тифлисский коммерческий банк открыл отделение в Баку, а в 1890 г. — в Батуми⁶¹⁸.

В начале деятельности поземельного банка целью его была выдача сельскохозяйственных кредитов. Но в условиях подъема торговли и промышленности и роста городов он взял на себя некоторые функции коммунальных и коммерческих банков. С 1875 г. по 1900 г. Тифлисский земельный банк выдал на 45 млн руб. долгосрочных и на 5 млн руб. краткосрочных, ссуд, 80% которых приходилось на городских жителей. В тот же период Кутаисский земельный банк под залог имений выдал ссуду на 2,5 млн руб., а под залог имущества городских жителей — 7,2 млн руб.⁶¹⁹

Грузинские кредитные учреждения выполняли значительную роль в системе капиталистического хозяйства. Они выполняли посреднические и другие расчетные операции между различными группами капиталистов. Интересы промышленных, торговых и банковских капиталистов совпадали. Все вместе занимались эксплуатацией трудового народа, деля между собой прибавочную стоимость, созданную неоплаченным трудом рабочих.

§ 6. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ МЕСТЕЧЕК

После буржуазных реформ развитие городов Грузии, по сравнению с предыдущим периодом, происходит на совершенно новой экономической основе. Главной характерной чертой городов капиталистической эпохи становится развитие в них крупной промышленности и концентрация широкомасштабной торгово-коммерческой деятельности, на основе чего формируются основные классы капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. В этот же период отмечается возникновение крупных местечек и сел, которые превращаются в места преимущественно посреднической торговли и мелкого товарного производства, проявляющего тенденцию капиталистического развития.

О росте городского населения в пореформенной Грузии можно судить по нижеприведенной таблице 15 (см. с. 314)⁶²⁰.

Данные таблицы свидетельствуют, что по сравнению с 1865 г. население городов Восточной Грузии (исключая Тбилиси) растет сравнительно быстрым темпом. Однако, ввиду

Таблица 15

⁶¹⁸ Г у г у ш в и л и П. В.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья, т. II. Тбилиси, 1956, с. 366—375.

⁶¹⁹ Ш в е л и д з е Н.* Из истории социально-экономического развития Грузии. Тбилиси, 1967, с. 83—84.

⁶²⁰ Х о ш т а р и а Э. В. Очерки социально-экономической истории Грузии, Тбилиси, 1974, с. 174.

Город	Число жителей		Рост по сравнению с 1865 г., %	Число жителей в 1897 г.	Рост по сравнению с 1866 г., %
	1865	1886			
Тбилиси	67 770	78 445	15,7	159,590	103,0
Гори, Телави, Сигнахи, Душети, Ахалцихе, Ахалкалаки (Вост. Грузия)	38 443	51 507	33,9	56,555	9,8
Кутаиси, Батуми, Зугдиди, Поти, Озургети (Зап. Грузия)	14 728	45 117	206,7	84,445	87,4
Всего	120 941	175 069	44,7	300 590	71,7

немногочисленности этих городов, рост заметно не отражается на общей численности городского населения. Что же касается г. Тбилиси, то за два пореформенные десятилетия темп его роста был сравнительно низким, хотя в количественном отношении население города заметно росло.

Ввиду создавшегося в Западной Грузии особого положения (присоединение г. Батуми и его быстрое развитие, рост значения губернского города Кутаиси и уездных городов Зугдиди и Озургети, а также портового города Поти), заметно увеличивается ее городское население, за исключением г. Сухуми, который сравнительно позднее оправился от последствий русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Рост городов Грузии непосредственно в пореформенный период был обусловлен не столько развитием крупной промышленности, сколько некоторым расширением мелкотоварного производства, что и сказывается на сравнительно низком темпе роста городского населения в целом за этот период.

Существенно меняется картина развития городской жизни Грузии в последующем десятилетии (1887—1897 гг.). Несмотря на то, что этот период в два раза короче предыдущего, он был отмечен бурным ростом крупных промышленных центров страны — городов Тбилиси и Батуми. В частности, за 10—11 лет население г. Тбилиси увеличилось вдвое. То же самое наблюдается и в г. Батуми, население которого возросло на 22,5%.

Что же касается городов Восточной Грузии, темп роста их населения значительно падает. Это было вызвано тем, что они, в основном, застыли на уровне развития мелкого товарного производства, а их роль в торговле ограничилась коммерческими операциями местного значения.

Правда, и в городах Западной Грузии, за исключением Батуми, также не наблюдалось сколько-нибудь значительной фабрично-заводской промышленности, тем не менее общее экономическое оживление в крае в связи с развитием батумской промышленности, и в особенности с ростом добычи и экспорта чиагурского марганца, повлекшем за собой открытие различных коммерческих, экспортных и транспортных контор и агентств, вызвало и некоторый рост городского населения в крае.

В целом по Грузии, если городское население к 1886 г. по сравнению с 1865 г. увеличилось почти наполовину, только за десятилетие, с 1886 по 1897 г., оно выросло почти на две трети.

Городское население Грузии пореформенного периода растет гораздо быстрее, чем все население страны, о чем наглядно свидетельствует нижеприведенная таблица.

Таблица 16

Год	Население обоого пола	Городское население обоого пола	%
1865	1 190 000	120 904	10,1
1866	1 679 015	175 069	10,4
1897	1 968 909	300 590	15,3

Следовательно, если непосредственно после реформы городское население растет почти одновременно с ростом всего населения (за 1865—1886 гг. городское население выросло на 44,7%, а все население Грузии на 49,5%), то в дальнейшем темп роста городского населения значительно повышается. Если в 1887—1897 гг. все население выросло на 17,1%, то городское население увеличилось на 71,7%.

В пореформенный период, в связи с развитием буржуазных отношений на селе, углублением социальной дифференциации крестьянства, растет процесс притока сельского населения в города.

Данные переписи 1897 г. о делении городского населения по месту рождения предоставляют нам возможность воспроизвести примерную картину соотношения местного и пришлого населения в городах, а также установить, преимущественно из каких районов пополнялось городское население Грузии⁶²¹

На вышеотмеченные вопросы дает ответ следующая таблица.

Таблица 17

⁶²¹ Хоштариа Э. В. Указ. соч., с. 176 и др.

Город	Рожденные в городах	Рожденные с селами той же губ.	Рожденные в сосед. губ. Грузии	Рожденные в других губерниях		Рожденные за границей		Всего населения в городах
				Кавказ	Россия	Иран	Турция	
Тбилиси	69 686	27 539	9840	14 717	29 527	7215	1066	159 590
Гори, Телави, Сигнаги, Душети, Ахалцихе, Ахалкалаки (Тиф. губ.)	44 741	3542	1797	2161	3490	867	17	56 555
Кутаиси, Батуми, Зугдиди, Озургети, Поти, Сухуми (Кутаис. губ.)	19 093	34 990	3086	3969	12 111	10 835	841	84 445
Всего	133 520	66 071	14 723	20 807	45 128	18 417	1924	300 590
% ко всему населению городов	44,4	22	4,7	7	15	6,2	0,7	100

Из данной таблицы явствует, что среди городского населения выходцы из сельских мест (сельские уроженцы) собственно Грузии (как Западной, так и Восточной) составляли 27% всего городского населения, т. е. гораздо больше половины уроженцев собственно городов (44,4%), почти столько же, сколько было пришельцев из других губерний и стран (29%). Особенно сильным был приток сельского населения в г. Тбилиси и в города Западной Грузии. Проживавшие в г. Тбилиси сельские уроженцы составляли 23,4% всего населения города, более половины количества рожденных в самом городе (43,6%) и немногим меньше, чем пришельцы, из других мест (32,9%). В городах Западной Грузии рожденные в селениях жители составляли 41,4%, почти вдвое превышая городских уроженцев (22,6%), а также в значительной степени преобладали над пришельцами из других мест (32,3%).

Таким образом, не вызывает сомнения, что население городов Грузии пореформенного периода в значительной степени росло за счет собственного сельского населения, затем следуют выходцы из России, Ирана и Турции и соседних кавказских областей.

Как уже было отмечено выше, рост населения городов в пореформенный период соответствовал их промышленному и торговому значению в хозяйственной жизни. Если Тбилиси, Батуми и частично Кутаиси превратились в крупные промышленные и торговые центры, а г. Поти приобретает значение важного портового города, остальные города как Восточной, так и Западной Грузии (Гори, Телави, Сигнаги, Ахалцихе, Ахалкалаки, Зугдиди, Озургети, Сухуми) оставались, в основном, уездными административными центрами, в которых господствовало мелкое товарное производство и посредническая торговля небольшого масштаба.

По числу магазинов и мелких мастерских выделялся г. Тбилиси. Здесь только промышленными товарами (мануфактура, галантерея, одежда, обувь, ковры, мебель, железо-скобяные изделия, ювелирные изделия и т. п.) торговали около 370 заведений, с

общим годовым оборотом свыше 7 млн. руб. Среди них были и такие, оборот которых составлял от 100 тыс. до полумиллиона руб. Если учесть и существовавшие в Тбилиси многочисленные продовольственные магазины и питейные заведения, а также до 700 лавок мелочников, торговавших в некоторых случаях на сумму до 5 тыс. руб., годовой оборот торговли в Тбилиси составлял 10—12 млн. руб. Эти данные, хотя и несколько заниженные, тем не менее создают некоторое представление о торговом значении города с 78-тысячным населением, где на душу приходилось товаров более чем на 150 руб.

В 1888 г. в Тбилиси было учтено 2175 мелких мастерских (портняжных, шапочных, обувных, кузнечных и т. п.), которые удовлетворяли спрос местных жителей на эти товары, которые, как правило, не ввозились извне и не изготовлялись на месте фабричным способом, либо были недоступны для широких слоев населения.

По количеству торговых заведений и мелких промышленных предприятий за Тбилиси следовал г. Батуми, хотя разница между ними была значительной. Годовой оборот 104 сравнительно крупных торговых заведений г. Батуми равнялся примерно, 2 млн руб.; количество мелких предприятий здесь достигало 300. В Кутаиси оборот 147 торговых заведений составлял 1,5 млн. руб., число мелких заведений не превышало 300.

В городах Тбилиси, Батуми, Кутаиси были сосредоточены различные банки и их отделения, конторы и агентства торговых обществ и компаний, обороты которых составляли миллионы руб. Подобные учреждения особенно были характерны для г. Поти, через который преимущественно вывозилась чиатурская марганцевая руда, хотя сам город не отличался промышленным развитием и значительной торговлей.

В остальных городах Грузии насчитывалось 30—50 торговых заведений с годовым оборотом в 200—300 тыс. руб. Количество мелких промышленных предприятий здесь составляло 100—200. Этим и ограничивалось их торгово-промышленное значение.

Для экономического развития Грузии пореформенного периода было характерно возникновение и развитие торгово-промышленных местечек и сел, расположенных в центре наиболее развитых сельскохозяйственных районов, либо на перекрестках дорог и вдоль железнодорожных путей и т. д., обслуживавших определенную область. Их общее число не превышало 100. Некоторые из этих местечек и сел (Квирила, Самтредиа, Ахали-Сенаки, Абаша, Сурами, Цхинвали, Гудаута, Очамчире и др.) приравнивались по своему экономическому и культурному значению к уездным городам.

Постоянная торговля не только в городе, но и на селе вытесняет ярмарочную торговлю — пережиток феодального строя.

В пореформенный период, в связи с буржуазным развитием страны, значительные изменения происходят в социальном составе городского населения. В то время как в крупных промышленных и торговых центрах — Тбилиси, Батуми и отчасти в Кутаиси, а также в Чиатурском промышленном районе имело место формирование крупной буржуазии и промышленного пролетариата, в остальных городах и торгово-промышленных местечках и селах, где господствовало мелкое товарное производство и небольших масштабов торговля, ведущую роль играли мелкобуржуазные слои, хотя они были характерны и для промышленных городов, в том числе и для Тбилиси. Мелкобуржуазный слой населения в г. Тбилиси складывался из многочисленных мелких товаропроизводителей — «кустарей» и «ремесленников», и мелких торговцев, причисляемых к сословию «мещан» или вообще «горожан». Что же касается т. н. «крестьянского» населения городов, оно в пореформенный период окончательно теряет присущие для феодального сословия признаки и превращается в резерв пополнения либо городского мелкобуржуазного слоя (вышедшие из крестьян торговцы и ремесленники), либо городской бедноты — пролетарского и полупролетарского слоя.

Под проживавшими в городах «крестьянами» подразумевались в основном недавние выходцы из сельских мест, пока не причисленные к горожанам. Проживавшие в Тбилиси «крестьяне» (26 683 души) по своему первоначальному местожительству делились следующим образом: пришельцев из Кутаисской губернии было 2754 души (в

том числе 329 женского пола), собственно из Тифлисской губернии—11 715 душ (в том числе 5286 женского пола). Из других закавказских губерний и из России — 11 614 душ.

Таким образом, в городах Грузии пореформенного периода имел место интенсивный процесс формирования классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата. Городская буржуазия состояла из крупных и средних промышленников и купцов (потомственные и личные почетные граждане, гильдейское купечество), а также и из мелкобуржуазных элементов (владельцы лавок и мелких промышленных предприятий, обладающие средствами производства «ремесленники»). Последние фактически стояли на грани между буржуазным слоем и пролетариатом. Промышленный пролетариат состоял из фабрично-заводских рабочих и прочего рабочего люда — лишенных средств производства ремесленников (подмастерьев и учеников), поденщиков и чернорабочих, транспортных рабочих, занятых в торговых предприятиях работников и т.д., существовавших за счет продажи своей рабочей силы.

Г Л А В А X

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877 — 1878 гг. И ГРУЗИЯ

В 70-х гг. XIX в. Восточный вопрос снова оказался в центре международных отношений. С новой силой разгорелась борьба европейских государств за раздел турецкого наследства. Австро-Венгрия, стремившаяся к захвату Боснии и Герцеговины, опасалась роста влияния России на Балканах. Господствовавшая на турецких рынках Англия всеми силами противилась стремлению России захватить проливы Босфор и Дарданеллы. Германия всячески содействовала обострению Восточного вопроса, так как это предоставляло ей свободу действия в Центральной Европе.

В 1875 г. в Боснии и Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Вскоре к восстанию присоединились Болгария, Сербия и Черногория. Это движение южнославянских народов против своих поработителей имело национально-освободительный характер и было враждебно встречено Англией и Австро-Венгрией, стремившихся всеми силами помешать созданию самостоятельных славянских государств на Балканах, придерживавшихся русской ориентации. Англия совместно с Австро-Венгрией всячески помогала Турции в подавлении восстания.

Совершенно противоположную позицию в отношении славянского национально-освободительного движения заняла Россия. Как только в России стало известно о восстании балканских славян, идея оказания помощи братьям-славянам охватила широкие слои русского общества. На Балканы через посредство организованного в Москве Славянского комитета были направлены отряды добровольцев, а также многочисленные денежные пожертвования. Царское правительство не решалось вначале открыто вмешиваться в балканские дела. Но, вместе с тем, оно не препятствовало усиливавшемуся добровольческому движению жителей империи по оказанию помощи восставшим славянам. В то же время правящие круги России опасались, как бы это невиданное дотоле единодушие народных масс не пришло в конфликт с правительственной позицией. Поэтому правительство не могло не считаться с общественным мнением, сложившимся в России по поводу балканских событий. Самодержавие втайне стремилось к изгнанию турок с Балканского полуострова и к захвату проливов. Поэтому после провала попытки великих держав закончить кризис мирным путем Россия объявила 24 апреля 1877 г. войну Турции.

Грузинский народ с сочувствием встретил весть об объявлении войны Турции, ибо надеялся, что она повлечет за собой освобождение Юго-Западной Грузии от турецкого ига. Идея восстановления исторических границ Грузии при содействии России имела глубокие корни в грузинской общественности.

С первых же дней войны грузинские патриоты стали налаживать связи с т. н. Турецкой Грузией. Накануне войны Юго-Западную Грузию посетили известные общественные деятели — Д. Бакрадзе, Г. Казбеги, М. Гуриели, А. Мепишавили, И. Кереселидзе, Г. Церетели и др. И. Кереселидзе имел свидание с выдающимся деятелем Аджарии Шериф-беком Химшиашвили, мечтавшим о воссоединении Юго-Западной Грузии с матерью-родиной. Он только выжидал удобного момента для начала всеобщего восстания против турок.

В 1878 г. турецкое правительство потребовало от жителей Аджарии вступления в турецкую армию и участия в подавлении герцеговинского восстания. Аджарцы, давно томившиеся под тяжелым турецким игом, решительно отказались от выполнения султанского приказа. Так началось восстание турецких грузин⁶²². В связи с этими событиями корреспондент газеты «Дрозба» писал, что высшие оттоманские власти послали судью Ибрагима Ага для выяснения причины восстания, однако народ отказался от встречи с ним, заявив, что, они «не желают являться в такой суд, где кроме несправедливости и взяток ничего найти нельзя и что судья может поэтому убраться восвояси»⁶²³. Известие об антитурецком восстании аджарцев, было встречено с глубоким удовлетворением грузинской общественностью. Сергей Месхи писал Ек. Меликишвили за границу: «Как ты находишь восстание турецких грузин в Кобулети? ...хотя бы у них что-нибудь вышло. Можно лишь мечтать о том, чтобы Турция распалась, и тогда эти наши грузины, которых там столько же, сколько и в Российской Грузии (т. е. свыше одного миллиона), снова воссоединились бы с нами»⁶²⁴.

Илья Чавчавадзе, пристально следивший за разворачиванием событий в Турции, признавал вполне возможным воссоединение юго-западных грузинских земель с матерью-родиной: «Нас вовсе не смущает... то обстоятельство, что наши братья, живущие в Турецкой Грузии, сегодня исповедуют мусульманскую веру. Лишь бы поскорее настал тот счастливый день, когда мы снова, соединимые воедино... и грузин снова по-братски примет в свои объятия давно потерянного своего брата. Он с радостью возвратит его в лоно наших общих отцов и дедов. И если необходимо, чтобы слезам радости, вызванным этим обстоятельством, предшествовало бы пролитие крови во имя освобождения угнетенных наших братьев, то разве найдется среди нас хоть один человек, который бы дрогнул перед необходимостью пожертвовать жизнью за то, во имя чего наши прославленные отцы и деды проливали свою кровь каплю за каплей в течение более чем двух тысяч лет»⁶²⁵.

Для восстановления исторических границ Грузии действительно стало необходимым пролитие крови. К войне против Турции шли приготовления не только в частях регулярной русской армии, но и среди грузинских ополченцев.

Правительство России возлагало большие надежды на местное население. Когда командование приступило к формированию грузинского ополчения (милиционеров), то значительная часть жителей по собственному желанию записывалась в отряды добровольцев. Газета «Дрозба» сообщала, что в Шорапанском уезде число желающих поступить в ополчение было больше, чем того требовали власти. Особенное воодушевление охватило жителей Гурии — непосредственных соседей Турецкой Грузии, которые с энтузиазмом записывались в ополчение. Участник этой войны И. Макашвили, посвятивший специальный труд боевым действиям гурийской милиции, сообщает, что молодежь со слезами на глазах умоляла записать их в ополчение и послать на поле брани.

В условиях подобного воодушевления населения формирование частей милиции происходило без всяких препятствий. К началу войны в Закавказье уже было создано 8

⁶²² А х в л е д и а н и Х. А.* Из истории народно-освободительной борьбы в Южной Грузии. Батуми, 1957, с. 116, 123 и др.

⁶²³ Дрозба, 1875, № 120.

⁶²⁴ М е с х и С. С.* Письма. Сухуми, 1950, с. 196.

⁶²⁵ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. 2, 1941, с. 312.

пеших и 3 конных полка, 6 пешехотных отрядов, 4 конных дивизиона и 3 пешие сотни. Отсюда грузинскими ополченцами были скомплектованы 6 пешехотных отрядов, 1 конный полк, 2 дивизиона и 2 сотни. На театр военных действий были отправлены приблизительно 30 тыс. грузинских ополченцев⁶²⁶.

К началу войны русская армия на Кавказе насчитывала 180 тыс. солдат и 400 орудий. На Кавказско-Малоазиатский театр войны были направлены 60 тыс. солдат и офицеров. В военных операциях регулярной армии активно участвовали грузинские, армянские и азербайджанские милиционеры.

Согласно плану наступления, действующий корпус Кавказской армии был разделен на четыре части: одна выступила в поход по направлению Озургети—Батуми, другая—Ахалцихе—Ардаган, третья—Александрополь—Карс и четвертая—Ереван—Баязет. Во главе озургетской части войск был поставлен ген. Оклобжио, ахалцихской—ген. Девель, александропольско-карсской—ген. Гейман и эриванской—ген. Тер-Гукасов. Главнокомандующим действующим корпусом был назначен ген. Лорис-Меликов⁶²⁷.

Турция была довольно хорошо подготовлена к войне. В четвертом корпусе турецкой армии, который был размещен в сильных крепостях Анатолии, насчитывалось около 60 тысяч человек и множество орудий. Армия была оснащена орудиями крупновесной фирмы и ружьями новейшего образца.

С самого начала войны русская армия и закавказские милиционеры начали военные действия непосредственно на территории Турции. Командование русской армии прилагало все усилия к тому, чтобы, во-первых, расположить к себе грузинское и армянское население Турции с тем, чтобы поднять их на борьбу против врага.

Генерал Оклобжио призывал своих солдат, вступивших в Аджарию, не нарушать традиционных обычаев населения и с уважением относиться к народу: «Помните, — говорил он, что перед вами раскинулись долины и горы древней христианской Грузии, тысячи милиционеров и ополченцев которой стоят в настоящее время в наших рядах и воюют против общего врага»⁶²⁸.

Наступление русской армии на левом фланге началось довольно успешно. Через 6 дней после объявления войны, 31 апреля 1877 г. части ген. Тер-Гукасова заняли г. Баязет и прилегающую к нему низменность. 10 мая две колонны русской армии во главе с генералами Геманом и Девелем окружили г. Ардаган. На укрепление этого города-крепости, расположенного в верхнем течении р. Куры, турки обратили особое внимание еще со времен Крымской войны. Под руководством европейских инженеров были возведены новые укрепления, где было установлено 95 крупнокалиберных пушек новейшей системы. Ардаган защищал 8-тысячный гарнизон. 16 мая 1877 г. залпы артиллерийской дивизии подполковника Мухелишвили возвестили об общем наступлении русских войск. Елисаветпольский полк под командованием Амиеджелиби, разгромив в кровопролитных боях вражеский лагерь, расположенный на Гелиавердской горе, расчистил тем самым путь к городу для наступавшей русской армии. 17 мая после 2-часового ожесточенного штурма русская армия овладела Ардаганом. Турки оставили на поле боя 2000 трупов, 1000 вражеских солдат утонула в реке и 300 человек были взяты в плен. Взятие Ардагана было важной победой русских войск в войне 1877—1878 гг.⁶²⁹.

После взятия Ардагана через Артануджи и Артвин открывался путь на Батуми, однако русское командование недооценило выгодность этого направления, начав наступление на Батуми из м. Озургети, а части, одержавшие победу под Ардаганом, направив к Карсу.

Карсская крепость считалась неприступной. Она была расположена на возвышенности, представляя собой комплекс естественных и искусственных укреплений.

⁶²⁶ М е г р е л и д з е Ш. В. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., Тбилиси, 1955, с. 47.

⁶²⁷ Война 1877—1878 гг., т. III. Война в Азиатской Турции. Под ред. Зыкова. Спб., 1881, с. 9—10.

⁶²⁸ М е г р е л и д з е Ш. В. Из истории Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1963, с. 116, 125.

⁶²⁹ Война 1877—1878 гг., т. III. Под ред. Зыкова. Спб., 1881, с. 54—57.

Русская армия, окружившая крепость, в силу топографических особенностей местности, оказалась лишенной возможности расположить вокруг нее артиллерийские батареи, поэтому штурм крепости должен был быть осуществлен при открытой позиции, игравшей на руку турецкому гарнизону. В ночь с 13 на 14 июня части ген. Давеля предприняли попытку незаметно приблизиться к Карсской крепости и расположить вокруг нее артиллерийские батареи. С другой стороны на крепость были двинуты и части ген. Геймана. Однако это наступление русской армии окончилось неудачей⁶³⁰. Русское командование поняло, что осада Карсской крепости была ошибкой, ибо даже овладение ею вовсе не решало стратегической задачи. Было принято решение овладеть Эрзерумом. Однако время для осуществления этого плана было упущено.

В то время, как основные силы русской армии были заняты осадой Карсской крепости, главнокомандующий Анатолийским корпусом Мухтар-паша сосредоточил свои силы в районе Зивина, представлявшем собой важный стратегический пункт, где скрещивались пути, ведущие на Карс, Олтис и Алашкерт.

10 июня Мухтар-паша начал контрнаступление. В битве в Даркарском ущелье его части потерпели жестокое поражение и начали в панике отступать к Эрзеруму. Несмотря на это, положение эриванского отряда оказалось критическим, т. к. противник в три с лишним раза превосходил его численно.

С целью отвлечения внимания турок от эриванского отряда ген. Лорис-Меликов начал наступление на зивинские позиции. Враг действительно оставил Даркарское ущелье, сосредоточив свои войска в районе Зивина. Хотя опасность, нависшая над эриванским отрядом, миновала, однако теперь в тяжелом положении оказались основные силы русской армии, глубоко проникшей на территорию врага и оторванной своих тылов.

Зивинский бой произошел 25 июля. Благодаря своему численному превосходству турки достигли успеха. Центр и правый фланг русских войск были вынуждены отступить. Окрыленные успехом турки вскоре перешли в наступление и постепенно возвратили себе всю территорию, занятую русскими войсками в первый же месяц войны, а также оккупировали часть Эриванской губ.

Таким образом, начиная с июня и до конца сентября 1877 г. положение русской армии на фронте оставалось критическим. Причиной создавшегося положения были признаны разобщенные действия русской армии, разделенной на три колонны и дававшей тем самым врагу возможность маневрирования⁶³¹.

Русская армия терпела неудачи также и на Кавказском побережье Черного моря. Правда, части русской армии при помощи грузинских ополченцев, наступая на Батуми, захватили бывшие в турецкой неволе грузинские села Мухаэстате и Хецубани, однако вообще наступление в Аджарии не принесло ожидаемого успеха. Это объясняется отсутствием у русской армии военного флота на Черном море. Турецкие военные корабли бомбили прибрежные русские крепости и беспрепятственно перебрасывали морем на поле боя свежие резервы, необходимые боеприпасы, вооружение и продовольствие. В таких условиях ведение наступательных действий с берегов Черного моря было ошибкой русского командования, однако оно продолжало настаивать на взятии Батуми.

В июне 1877 г. произошел бой у местечка Цихисдзири. Эта крепость считалась неприступной, и ее можно было отстоять даже небольшими силами. Однако турецкое командование направило на защиту Цихисдзири еще 35 тысяч человек. В русском отряде, наступавшем на Цихисдзири, насчитывалось всего 25 тысяч человек. В условиях такого соотношения сил русская армия, естественно, не сумела взять крепость и отступила назад.

11 мая 1877 г. турки, высадив десант близ Гудауты, направили его в сторону Сухуми. Начальник сухумского гарнизона ген. Кравченко действовал нерешительно. Не рискуя вступить в бой с превосходящими силами противника, он сдал город. Турки

⁶³⁰ Там же, с. 81—91.

⁶³¹ Война 1877—1878 гг. Под ред. Зыкова. Спб., с. 220—228.

оккупировали значительную часть Абхазии, спровоцировав «восстание» абхазов против России.

На помощь частям генерала Кравченко был послан ген. Алхазисвили. Решающий бой произошел у местечка Окуми. Враг был разбит и вынужден начать отступление. 1 августа турки оставили Очамчире, а 2 сентября русские войска заняли Сухуми. Вскоре вся территория Абхазии была очищена от оккупантов⁶³².

Между тем русское командование готовилось к контрнаступлению на Малоазиатском театре войны. Накануне решающего боя на главном участке Кавказско-Малоазиатского театра войны (по направлению Малая Янга—Аладжинские высоты—Кызыл-Тала) русское командование сосредоточило 50 тысяч человек, турки — 37 тысяч.

Генеральное сражение началось 2 октября в районе Аваляра. Бой проходил с переменным успехом. Позиции переходили из рук в руки. На третий день русская армия даже отступила к исходным позициям. Турки, деморализованные огромными потерями и яростными атаками русских, не сумели развернуть активных действий, постепенно уступая инициативу. 14 октября 1877 г. русская армия одержала новую блестящую победу. Решающая же была достигнута 15 октября, в сражении на Аладжинских высотах, в котором были разбиты основные силы турок. В битве турки потеряли ранеными и убитыми 13 тысяч человек. В плен было взято 7 турецких пашей, 250 офицеров и 7 тысяч солдат. С точки зрения военного искусства бои 2—4 и 14—15 октября являлись двумя этапами одной операции, окончившейся полным разгромом т. н. Анатолийского корпуса турок. Русские войска вновь заняли всю территорию до Соганлугских высот⁶³³.

Остатки разгромленного турецкого корпуса во главе с Мухтар-пашой укрылись в Карсской крепости. Мухтар-паша стал спешно собирать войска, чтобы остановить наступление Кавказской армии, которая повела наступление на Эрзерум. Ценой невероятных усилий Мухтар-паше удалось сосредоточить свои войска в районе Деве-Бойнской горы (20 тыс. человек). 5 ноября 1877 г. русские войска разгромили военные силы турок.

Бой под Деве-Бойном был последним препятствием на пути к Эрзеруму. 10 ноября части русской армии, подойдя к главному городу Анатолии, сделали попытку взять его с ходу. Однако этот штурм, проведенный без соответствующей подготовки, не был успешным.

В то время как одна часть русской армии, преследуя побежденного врага, приближалась к Эрзеруму, вторая — постепенно суживала кольцо вокруг Карса. Правда, войска, наступавшие на Карсскую крепость, несли большие потери, подвергаясь обстрелу из 300 крепостных орудий, однако русские и грузинские воины шли вперед. 18 ноября Карс был взят штурмом⁶³⁴.

Само по себе взятие Карса имело большое стратегическое значение. После взятия Карса части русских войск были переброшены на другие участки войны, усилив тем самым свою наступательную способность.

Война на данном театре близилась к концу. Однако эти успехи вовсе, не умножились успехами русских войск, наступавших в Аджарии. Русское командование, стремясь исправить положение, составляло планы взятия Батуми. 24 ноября 1877 г. Святополк-Мирский писал царскому наместнику в Тбилиси, что наиболее желанным результатом данной войны является присоединение Батуми и если мы хотим, чтобы во время мирных переговоров Батуми остался бы за нами, то мы обязаны взять его с боя. Ясно представляя себе трудности наступления на Батуми, ген. Святополк-Мирский советовал русскому командованию двинуть армию одновременно из различных пунктов — из Ардагана, Ахалкалаки и Кобулети.

⁶³² Война 1877—1878 гг. Под ред. Зыкова. Спб., с. 189—227.

⁶³³ Там же, с. 325—360.

⁶³⁴ Война 1877—1878 гг. Под ред. Зыкова. Спб., с. 410—416.

14 декабря 1877 г. Ардаганский отряд, ворвавшись в Шавшети, занял селения Хеви и Хертвиси. 16 декабря русская армия, при помощи населения, освободила г. Артануджи и селе Бацу, вышла на дорогу, ведущую в Батуми. К январю 1878 г. вся Шавшети была занята русскими войсками.

В период боев за Батуми немаловажное значение приобретала позиция местных, аджарских, беков. Самый влиятельный среди них Шериф-бек Химшиашвили, твердо придерживавшийся русской ориентации, выступал за безусловное воссоединение Аджарии с матерью-Грузией. По настоянию Шериф-бека Химшиашвили русские войска перешли в наступление по направлению Ахалцихе—Батуми. Деморализованная турецкая армия потерпела поражение.

Город-крепость Эрзерум оставался единственной надеждой Мухтар-паши. Он сумел несколько усилить свой гарнизон однако русские войска, осаждавшие город, были и многочисленнее турецких и гораздо лучше них вооружены. Три пехотные дивизии и кавалерийские части русских совершенно отрезали 30-тысячный гарнизон и 60 тысяч жителей города от внешнего мира. Несмотря на недостаток в теплой одежде и продовольствии, который испытывали русские войска, а также трудности в связи с вспыхнувшей эпидемией тифа, русское командование готовилось к решающему штурму.

Русская армия добилась выдающихся успехов на Кавказско-Малоазиатском театре войны, однако решающие операции развернулись на Балканах. 10 декабря 1877 г. русская армия сумела взять сильную крепость Плевну, разгромив и уничтожив 50-тысячную армию противника. Сопrotивление турок было сломлено. 20 января 1878 г. русская армия, без боя взяла Адрианополь, начав наступление на Константинополь. Турецкий султан был вынужден запросить мир. 31 января было заключено перемирие, а 3 марта подписан Сан-Стефанский мирный договор.

Согласно Сан-Стефанскому мирному договору, независимость получали Болгария, Черногория, Румыния; Россия должна была получить в Европе Бессарабию, в Азии—территорию Юго-Западной Грузии и большую часть Западной Армении вплоть до Сoganлугских высот.

В победе России значительную роль сыграл грузинский народ. Он активно участвовал в этой народно-освободительной войне, помогая русской армии как в тылу, так и на театре военных действий. В ходе войны множество грузинских солдат и офицеров показали пример мужества и самоотверженности. Части грузинского ополчения (милиция) героически сражались на фронте бок о бок с регулярными частями русской армии. В длительных и тяжелых боях по направлению к Батуми покрыли себя славой 1-й и 2-й пешие грузинские полки. Со стороны Абхазии во время наступления турецкого десанта героически сражались 1-й и 2-й пехотные полки и регулярный конный полк. Ополченцы отличились в боях за Ардаган и Карс.

Мужество, воинская доблесть и высокие личные качества воинов грузинских ополченцев постоянно заслуживали высокой оценки, восхищения и одобрения русского командования. В этой связи следует привести слова генерала Колюбакина, командовавшего Кобулетским отрядом, действовавшим в боях на Аджарском направлении. «Форсировав довольно стремительную речку Кинтриши и преодолев нескончаемые препятствия, — писал он, — храбрые грузинские воины вели непрерывные ожесточенные бои, предпринимая все новые и новые атаки, и несмотря на то, что враг наносил им значительный урон, они успешно рвались вперед».

Тот же самый генерал писал о 1-м Гурийском отряде, возглавляемом штабс-капитаном Ясеем (Евсеем) Гуриели: «Все воздают должное незабываемому героизму Гурийского отряда, который в эти дни, постоянно находясь на передовой в качестве нашей легкой пехотной части, лучше знакомой с местностью, вынес на своих плечах все тяготы войны»⁶³⁵.

⁶³⁵ История Грузии. Учебное пособие, т. II. Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1962, с. 87 — 88.

История не забудет героизма и самоотверженности шестнадцати грузинских крестьян из селения Лихаури, которые, записавшись в добровольцы в первый же день объявления войны, в течение 5 месяцев доблестно сражались за воссоединение Аджарии с матерью-Грузией. Они героически погибли 23 октября 1877 г. при исполнении особо сложной операции в боях на подступах к Батуми.

В войне покрыли себя неувядаемой славой генералы и офицеры русской армии: Захарий Чавчавадзе—командир конницы действующего корпуса, Алексей Кавтарадзе — командир 154-го пехотного Дербентского полка, Михаил Амiredжиби — командир Елисаветпольского полка, показавший чудеса беспримерной храбрости, а также незаурядный полководческий талант в боях за город Ардаган и на Аладжинской высоте. Отличились также грузины-офицеры частей кн. Амилахвари, Микеладзе, Квинитадзе, Иоселиани, Чавчавадзе, Орбелиани, Панчулидзе и др.

Однако вклад грузинского народа в русско-турецкую войну вовсе не исчерпывается активным участием его в военных операциях. Ввиду того, что театр военных действий был очень близок, а иногда бои происходили и в самой Грузии, то она фактически представляла собой военный лагерь и в войне участвовал весь грузинский народ, который оказал действующей армии огромную помощь продовольствием, фуражом, топливом, перевозками и т. д. Бесперебойное снабжение армии военными материалами и продовольствием требовало величайшего напряжения сил.

Таким образом, грузинский народ, несмотря на то, что царизм являлся его заклятым врагом, единодушно поддержал Россию в этой войне, ибо он ясно понимал, что победа России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. объективно помогла бы ему в осуществлении его собственных национальных интересов и обеспечила бы возвращение исконной грузинской территории, захваченной Турцией.

Успехи России, благоприятные для нее условия Сан-Стефанского мирного договора вызвали сильную тревогу у европейских держав, и в особенности у Англии. Эти государства открыто встали на сторону Турции, что ободрило последнюю и придало ей силы для возобновления бряцания оружием. В целях оказания воздействия на Россию английский флот вошел в Черное море. Англо-турецкие агенты стали призывать жителей Закавказья и Малой Азии к борьбе против России

Эмиссары султана требовали особой активности от грузин-магометан. Дервиш-паша, раздав оружие аджарцам, потребовал от них выступления против России. Такой же приказ получил и Шериф-бек Химшиашвили. Ввиду того, что Шериф не выполнил этого требования, в Аджарию был направлен карательный отряд турок, сравнявший с землей княжеский дворец Шерифа в Схалта. Шериф-бек Химшиашвили перешел в Ахалцихе, поступив на службу к русскому правительству.

Однако Сан-Стефанский договор оказался недолговечным ввиду того, что сильнейшие государства Европы открыто заняли враждебную России позицию, а Англия с Турцией стали готовиться к новой войне. Россия была вынуждена согласиться на созыв в Берлине конгресса европейских государств для пересмотра Сан-Стефанского мирного договора.

Берлинский конгресс, в работе которого участвовали премьер-министры и другие представители великих держав Европы, начал свои заседания 13 июня 1878 г. В процессе работы конгресса укрепился Австро-Германский союз и обнаружилась тенденция к сближению Австрии и Германии, царская же Россия оказалась изолированной. Особенно остро стояли на конгрессе вопросы политического устройства на Балканах и русско-турецкой границы в Азии. Большие прения развернулись вокруг батумского вопроса.

России, правда, пришлось несколько уступить по всем этим кардинальным вопросам, однако она сумела, в основном, удержать за собой плоды своей победы.

Согласно Берлинскому трактату, подписанному сторонами 13 июля 1878 г., к России перешли Аджария, Шавшети, Кларджети, Имерхеви, Кола, Артануджи и Олтиси.

Из-под длительного турецкого ига освобождалась также значительная часть Западной Армении.

Большая часть упомянутых территорий в момент подписания Берлинского трактата была в руках русской армии. Лишь в Аджарии (включая и Батуми) оставалась турецкая армия. Османское правительство не торопилось с передачей России Аджарии. Турецкие агенты всячески старались вызвать конфликт между местным населением и русской армией. Турецкие власти призывали «правоверных» переселиться во внутренние провинции Турции. Русское правительство категорически потребовало вывода турецких войск из г. Батуми и Аджарии вообще. В конце концов было достигнуто соглашение, по которому города и села Аджарии переходили под власть новой администрации с 16 до 25 августа. Надежды турецких агентов не оправдались. Громадное большинство местного населения радушно встречало русские войска. 25 августа 1878 г. русские военные части вошли в г. Батуми. Население города встретило своих освободителей с хлебом и солью. В тот же день в Батумский порт вошел русский флот. Это свидетельствовало о том, что завершилось многовековое турецкое господство в Аджарии, что этот край вернулся к своей родине — Грузии.

Грузинский народ, передовая общественность с величайшим ликованием встретили историческое событие — освобождение Юго-Западной Грузии от турецкого ига. Якоб Гогешвили писал: «Берлинский договор принес нам одно величайшее благо... Наши братья, кровь от крови и плоть от плоти нашей, наша древняя Грузия, неизменно борющаяся вместе с нами против «ударов нашей злой судьбы», гнездо наших чудобогатырей, колыбель нашего большого учения и просвещения — наша древняя Грузия наконец-то воссоединилась с нами сегодня»⁶³⁶.

Подстрекаемые правительством турецкие эмиссары все же не унимались: они создавали террористические организации, предпринимавшие вооруженные нападения на воинские отряды, поджигали дома и магазины с продовольствием, призывали население к борьбе против России. Турецким эмиссарам даже удалось поднять мятеж в нескольких селах. Некоторые представители русской администрации требовали строгого наказания восставших, другие считали более целесообразным склонить население на сторону русского правительства путем переговоров. «Наше мнение по этому поводу таково, — писал специальный корреспондент газеты «Дрозба», — что использование войны или вообще применение всякого насилия может иметь результатом лишь то, что все аджарцы-грузины возьмут да уйдут в Турцию, а это вряд ли может быть желательно для кого-либо из нас. Достаточно разыскать толкового начальника для края, умного, рассудительного, хорошо знающего обычаи и законы местного населения, и он бы, несомненно, принес гораздо больше пользы при подобных обстоятельствах, успешнее справился бы со своими задачами и утихомирил бы народ, чем несколько батальонов войска»⁶³⁷.

Действительно, для ведения переговоров с повстанцами в Аджарию был послан полковник Иоселиани с небольшим отрядом. Он прибыл в селение Дандало, где было сосредоточено несколько тысяч человек-повстанцев и произнес там свою речь. Его слова убедили жителей в бесплодности их восстания и в целесообразности нормализации отношений с Россией⁶³⁸. Агентам турецкого султана, однако, удалось спровоцировать выселение части грузин-магометан в Турцию.

Чтобы рассеять недоверие и установить более тесные контакты с населением Аджарии, часть передовых грузинских деятелей пригласила депутацию этого края в Тбилиси.

И. Г. Чавчавадзе призвал грузинский народ протянуть руку помощи только что освобожденным и испытавшим множество лишений грузинским мусульманам. «Теперь,

⁶³⁶ Г о г е б а ш в и л и Я. С.* Избр. произведения, т. II, 1940, с. 52.

⁶³⁷ Дрозба, 1878, № 164.

⁶³⁸ Иверия, 1879, № 9.

грузины, за вами открыть себя своим только что присоединенным братьям! Теперь от вас самих зависит доказать на деле народную поговорку: братья познаются в беде»⁶³⁹.

Этот призыв великого грузинского шестидесятника И. Г. Чавчавадзе был подхвачен всей Грузией. С помощью всего грузинского народа население Юго-Западной Грузии в короткие сроки залечило раны, нанесенные ему многовековым господством турок и войной, став на путь прогресса и мирного развития.

Г Л А В А XI

ГРУЗИНСКАЯ НАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНО- И СОЦИАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРУЗИИ В XIX в.

§1. ГРУЗИНСКАЯ НАЦИЯ

Процесс формирования грузинской нации. Формирование грузинского народа в нацию являлось длительным историческим процессом⁶⁴⁰. Этот процесс, по существу, завершился в эпоху капитализма, однако постепенное образование нации и ее главных признаков — общности языка, территории, экономической жизни и культуры — началось еще до победы капитализма.

Грузинский язык уже с VIII века считался государственным языком всей Грузии. Общность грузинского языка для всех этнических групп грузинского народа еще более отчетливо видна с XII века, когда зародился новогрузинский литературный язык⁶⁴¹.

Территориальная общность грузинского народа также имеет многовековую историю. Особенно высокой степени создание этой общности достигло в период государственного единения и могущества Грузии. Так было в XII веке, когда наша родина стала называться Сакартвело (Georgia).

Общность экономической жизни грузинского народа также создавалась постепенно. Еще в XII веке в результате общественного разделения труда в Грузии быстро стала развиваться экономическая жизнь, в частности ремесло, внутренняя и внешняя торговля, возникали новые города и внутренний рынок, и тем самым создавались условия для зарождения и развития в недрах старых производственных отношений новых и укрепления общности экономической жизни, что должно было стать самым значительным фактором для начала формирования нации. Многочисленные вражеские нашествия помешали превращению этой возможности в действительность, стали препятствием на пути создания новой общности грузинского народа.

Длительную историю формирования прошел психический склад грузинского народа — черты его характера, обычаи, традиции, культура, всегда богатые и разнообразные, основное содержание которых уже в средние века было одинаковым для всего грузинского народа, хотя в этой общности всегда прослеживался антагонизм противоположных классов. Смелость, мудрость, живость и жизнерадостность, любовь к свободе и ненависть к врагам, щедрость и гостеприимство, остроумие и образность речи — эти лучшие черты народного характера с древнейших времен ценились во всех уголках Грузии, несмотря на различие их географических и этнографических особенностей, влиявших в определенной степени на склад характера грузин. Разносторонним, оригинальным, но вместе с тем общим, единым духом народа проникнуты многовековая грузинская литература, искусство, общественная мысль, питавшиеся не только соками

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Бердзенишвили Н., Дондуа В., Думбадзе М., Меликишвили Г., Месхиа Ш., Ратиани П.* История Грузии, т. 1. Тбилиси, 1958, с. 94—100, 523—526.

⁶⁴¹ Чикобава А.* Илья Чавчавадзе о языке. Тбилиси, 1938, с. 3, 7; Общая характеристика грузинского языка. — Толковый словарь грузинского языка, т. I. Тбилиси, 1950, с. 018—019, 008.

родной почвы, но и общественно-экономическими и идейно-культурными достижениями передовых народов мира.

Из сказанного явствует, что задолго до эпохи капитализма в многовековой общественной жизни грузинского народа постепенно зарождались элементы характерных признаков нации⁶⁴². Процесс формирования грузин в нацию начался рано. Однако в результате опустошительных нашествий и господства феодального партикуляризма внутри страны не смогли развиваться общественные силы, которые сумели бы довести зачатки этого процесса до конца путем ликвидации устаревших производственных отношений и утверждения новых. Грузинская народность не превратилась в нацию в докапиталистическую эпоху.

Тем не менее это было исторической необходимостью. Не позднее середины XVIII века в Грузии вновь возникла общественная потребность в развитии новых производственных отношений в недрах феодализма и, соответственно с этим, в национальной консолидации. Зарождение новой общественной жизни, уже осуществившееся в ряде стран Европы, становится маяком и для тех народов, которые на протяжении веков боролись за освобождение от ига врагов внешних и внутренних — феодалов. Таким образом, процесс формирования грузинского народа в нацию снова возродился со второй половины XVIII века, и особенно после присоединения Грузии к России.

Грузинская нация. В результате развития и победы капитализма в XIX веке грузинская народность превратилась в нацию. К тому времени грузины уже представляли собой исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности языка, территории, экономической жизни психического склада (культуры)⁶⁴³. Экономической основой грузинской нации являлись буржуазные производственные отношения, в конечном счете — капиталистическая система хозяйства. Дальнейшее развитие общественного, разделение труда строительство новых путей сообщения, расширение торговли и рост торговых центров, особенно после отмены крепостного права, способствовали сравнительно быстрому развитию капитализма, покончили с феодальной замкнутостью отдельных районов Грузии, дали возможность установления экономических связей с Россией и с Западной Европой. Это обстоятельство сыграло решающую роль в деле консолидации грузинской народности и ее превращения в нацию.

На основе общности экономической жизни была создана настоящая территориальная общность Грузии. Развитие путей сообщения, уничтожившее замкнутость отдельных областей и расширение территории Грузии путем возвращения исконных грузинских земель, завоеванных в победоносных войнах России против Ирана и Турции, вызвали рост численности ее населения⁶⁴⁴.

Новые общественно-экономические потребности дали новую окраску духовному облику, психическому складу, национальному характеру, культуре, быту грузинского народа. Достоинство человека стало измеряться результатами преуспевания его в труде и борьбе. Становилась массовой народной мечта о лучшей жизни, о всеобщем благоденствии, средством для достижения чего, по мнению передовых людей тогдашней Грузии, было прежде всего национальное единство. Эти явления нашли яркое отражение в грузинской культуре XIX века — в литературе, искусстве, в общественной мысли.

О завершении процесса возникновения грузинской нации отчетливее всего свидетельствовало окончательное утверждение нового общенародного грузинского языка во второй половине XIX века. Первым существенным признаком нации, как считалось

⁶⁴² Д ж а н а ш и а С. Возникновение грузинской нации в свете учения И. В. Сталина о нации. — Заря Востока, 1945, №2; см. также: К а ч а р а Ю.* Историографические этюды. Тбилиси, 1977, с. 265—268.

⁶⁴³ С т а л и н И. В. Марксизм и национальный вопрос — Соч., т.2 с. 296.

⁶⁴⁴ Е го же. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. — Там же, т. 1, 1951, с. 33.

тогда, являлась общность языка⁶⁴⁵, и поэтому нельзя считать случайностью, что процесс формирования грузинской народности в нацию закончился решительным, боем за превращение обновленного грузинского языка в общий язык всего народа. Под руководством И. Чавчавадзе, А. Церетели и Я. Гогешвили — достойных наследников Ш. Руставели, С. С. Орбелиани, Д. Гурамишвили и Н. Бараташвили — было упрочено основное направление естественного развития грузинского литературного языка.

Состав грузинской нации. Грузинская нация возникла из этнических элементов как грузинского (картвельского), так и негрузинского происхождения в результате их взаимодействия в многовековом процессе общей исторической жизни, труда и борьбы. Основным ядром грузинской нации была грузинская (картвельская) народность в лице картов (картлийцы, кахетинцы, имеретинцы, месхи, гурийцы, аджарцы, рачинцы, лечхумцы, пшавы, хевсуры, горцы-гудамарцы, мохевы-горцы, кизики, тушинцы, ингилой), мегрелов, лазов и сванов. Они являлись с древнейших времен подавляющим большинством населения Грузии. В состав грузинской нации вошли некоторые группы народов негрузинского происхождения, которые еще с древних времен переселились в Грузию, связав свою жизнь с историко-культурной жизнью грузинской народности. В Грузии жили значительные группы людей негрузинского происхождения, представлявшие компактное большинство на той или иной ее территории и формировавшиеся в самостоятельные народности (абхазы, осетины) в процессе утверждения капитализма.

§ 2. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Колониальная политика царизма и начало национально-освободительного движения в Грузии. Процесс социально-экономического возрождения Грузии и превращения грузинской народности в нацию усилился, когда Грузия стала составной частью Российской империи. Поэтому присоединение Грузии к России объективно имело прогрессивное значение для исторической жизни грузинского народа. «История ставила перед грузинским народом, как и перед другими народами, задачу овладения достижениями мировой цивилизации, науки и искусства, имевшую жизненно важное значение для существования нации. Путь к этим духовным сокровищам, как и предполагали наши дальновидные предки, можно было пройти лишь с помощью России... Незабываема прогрессивная роль России в судьбах народов Кавказа и прилегающего к нему региона. Здесь надолго воцарился долгожданный мир. Мы законно гордимся тем, что грузины с честью выполнили миссию дружбы и братства, которую возложила на них история... Мы хорошо помним историческую роль русского народа в формировании и становлении грузинской нации, в объединении раздробленной, разрушенной, стоявшей на грани вымирания Грузии»⁶⁴⁶.

Однако царская Россия, типичное многонациональное монархическое государство Восточной Европы, во главе которого стояла сильная и организованная дворянская военная бюрократия, являлась тюрьмой народов, в которой господствовала колониальная политика угнетения, притеснения и насильственной ассимиляции нерусских народов. Такова была царская национальная политика и в Грузии.

Царское самодержавие политически завоевало Грузию в первой половине XIX века⁶⁴⁷, уничтожив всякие признаки ее государственного суверенитета и превратив в две обыкновенные губернии Российской империи. Однако в то время позиции царизма на Кавказе пока еще не были окончательно укреплены, и царизм был вынужден

⁶⁴⁵ Ч а в ч а в а д з е И.* Письма о грузинской литературе. — Полн. собр. соч., т. III. Под ред. П. Ингоркв. Тбилиси, 1953, с. 206.

⁶⁴⁶ Ш е в а р д н а д з е Э. А. Интернационалистическое воспитание масс. Коммунист, 1977, № 13, с. 46 — 47.

⁶⁴⁷ Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 593.

сравнительно осторожно осуществлять колониальную политику⁶⁴⁸. Ко второй половине XIX века царская Россия завершила политическое завоевание Грузии и Кавказа, приступив к их экономическому завоеванию⁶⁴⁹, практическому осуществлению очередной задачи окончательного превращения всего Кавказа, в том числе Грузии, в колонию царизма.

В экономической области целью колониальной политики царизма являлось превращение Грузии в простой придаток русской промышленности, рынок сбыта товаров и источник сырья⁶⁵⁰. Отсталая в технико-экономическом отношении, по сравнению с развитыми капиталистическими странами Европы, царская Россия пыталась достичь этой цели и с помощью иностранных капиталистов, которые овладели природными богатствами Грузии и вели хищническую эксплуатацию ее природных богатств. Царизм большими массами селил в Грузии немецких и других колонизаторов, наделяя их лучшими землями и предоставляя им ряд привилегий за счет ущемления интересов местного населения.

В целях экономического завоевания Грузии, превращения русского капитала в единственного хозяина ее природных богатств, царское правительство осуществляло не только экономические, но и политические акции. Царизм сознательно разжигал национальную рознь между народами России. Он всячески ограничивал права наций как в области правления, так и в сфере образования. Управление было сосредоточено в руках полицейского аппарата. Царизм не дал грузинскому народу даже земства — этого пятого колеса государственной телеги Российской империи. Грузинский народ был лишен права делопроизводства в государственных учреждениях на родном языке. С 60-х гг. царизм всячески ограничивал изучение грузинского языка в школах, а в 90-х гг. запретил не только обучать, но и разговаривать на грузинском языке. Преследованиям подвергалась вся грузинская демократическая культура, которую самодержавие обвиняло в разжигании «национальных чувств». В 1882 г. было официально запрещено публичное упоминание слова «Грузия». Колониальное угнетение народа достигло своей высшей точки в 80-х—90-х гг. XIX века. Волны самодержавного шовинизма грозились полностью затопить «инородцев». Реакционное правительство Александра III открыто встало на путь полной насильственной русификации грузинского народа и окончательного уничтожения грузинской культуры.

Свободолюбивый и трудолюбивый грузинский народ, вместе с другими народами Российской империи, никогда не мирился с царской политикой социального и национально-колониального угнетения и насилия⁶⁵¹. Правда, национально-освободительная борьба, против царизма развернулась в полную силу только тогда, когда она стала частью освободительной классовой борьбы многонационального российского пролетариата, однако грузинский народ на всем протяжении XIX века вел борьбу против политики самодержавия.

В национально-освободительном движении Грузии, так же как в движении других угнетенных народов России, Западной Европы и вообще всех многонациональных стран, участвовали так или иначе почти все социальные слои. оплакивало свою судьбу консервативное грузинское дворянство, потерявшее «старое величие и славу», протестовали либеральные слои дворянства, к слабому протесту которых присоединялись нарождавшиеся либерально-буржуазные элементы, стихийно боролись против социального и национального угнетения широкие массы крестьянства.

На первых порах консервативное грузинское дворянство, недовольное социально-экономическими и политическими мероприятиями самодержавия, приняло активное участие в антиколониальном движении. Однако, убедившись в том, что самодержавие

⁶⁴⁸ История Грузии, т. II. Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1962, с. 100—102.

⁶⁴⁹ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 593 — 594.

⁶⁵⁰ К и к в и д з е А. Я.* История Грузии. Тбилиси, 1954, с. 214 — 216.

⁶⁵¹ Ш е в а р д н а д з е Э. А. Указ. раб., с. 47.

способствовало более «рациональной» эксплуатации трудящихся, грузинские консервативные аристократы отказались от борьбы, направив все силы на служение престолу. Грузинское дворянство высказало европейскому жандарму Николаю I свою готовность оказать помощь в подавлении революционного движения народов Европы: «Каждый из нас, — писали они ему в 1848 году, — чувствует любовь и искреннюю преданность к русскому нашему самодержавному монарху... Желаем, чтобы, во изъявлении таковых наших чувств, потребована была от нас служба и вне нашего края, в каких бы то ни было пределах, или за пределами государства... если бы беспорядки, волнующие Запад Европы, могли дойти до покушения против благосостояния государства, которому Грузия наша имеет честь принадлежать...»⁶⁵²

Это был грузинский феодально-монархический национализм, последователи которого — крупные реакционные феодалы, и после присоединения Грузии к России претендовали на главенство над грузинским народом, пытаясь всеми средствами — вначале путем борьбы, а потом путем примирения с царизмом — сохранить за собой былое право безраздельного господства над крестьянством, право его неограниченной эксплуатации. Конкуренцией царизма в эксплуатации крестьян были ущемлены «национальные интересы» крупных грузинских феодалов. Ранее, в пору феодальной раздробленности Грузии крупный феодал сам был самодержцем в своем владении. Сильная и хорошо организованная русская дворянская бюрократия во главе с царем-самодержцем не могла терпеть подобного самоуправства. Со своей стороны, не привыкшие к централизованной власти грузинские феодалы сразу не смогли примириться с потерей своих старых привилегий и попытались вначале «восстановить» утерянную «независимость» Грузинского царства и укрепиться в собственных крепостях против нового царя, а потом, когда это оказалось невозможным, найти общий язык с царизмом в деле проведения его русификаторской политики в крае. Позднее некоторые реакционные представители феодально-монархического национализма под видом «защиты» национальных интересов народа начали теоретически обосновывать необходимость слияния малых наций с большими⁶⁵³.

Кроме крупных реакционных феодалов в грузинском национально-освободительном движении участвовали средние и мелкие слои дворянства, просвещенные представители которых были настроены либерально. Они чувствовали новые веяния, исходящие из России и Западной Европы, протестовали против национального и социального угнетения народа, оплакивали потерянную свободу, однако не понимали действительных интересов народа и, оторванные от него, довольствовались культурной деятельностью. Патриотическая позиция отдельных просвещенных представителей либерального дворянства оставалась слабой и нерешительной, и оно не поднялось до понимания задачи общенациональной борьбы против крепостничества. Несмотря на это, из среды либерального дворянства вышла прогрессивная часть новой грузинской интеллигенции XIX века, национально-культурная деятельность которой способствовала дальнейшему развитию грузинского языка, литературы, общественной мысли.

В то время, когда большая часть грузинского дворянства мечтала о восстановлении своего «старого величия», замученному тяжестью двойного ига, классового и национального угнетения, грузинскому крестьянству с трудом удавалось сохранить для себя элементарные условия существования. Стихийная классовая борьба крестьянства за социальную и национальную свободу не прекращалась на протяжении всей первой половины XIX века.

⁶⁵² Акт грузинского дворянства 24-го апреля 1848 года с резолюцией Николая I: «Душевно благодарить за благородные чувства». — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Под ред. Ад. Берже, т. X. Тифлис, 1885, с. 26.

⁶⁵³ М у х р а н с к и й Г. О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. Тифлис. 1872

Невыносимо тяжелой жизни крестьянин предпочитал смерть в борьбе против эксплуататоров. Но в то время он глубоко верил в святость божьего креста, в доброту государя и в вечность крепостного права. Широкие массы крестьянства были одержимы царистскими иллюзиями. И все-таки на всем протяжении XIX века крестьянское движение, несмотря на свою стихийность, являлось главной массовой силой, противостоявшей колониальной политике царизма в Грузии.

Против колониального угнетения с самого начала выступала и грузинская интеллигенция. Если крестьянство пыталось с оружием в руках преодолеть двойную эксплуатацию, интеллигенция применяла преимущественно идейные средства борьбы, удовлетворяясь главным образом просветительской деятельностью. Крестьяне думали устранить несправедливость истреблением «плохих» чиновников, а интеллигенты возлагали надежду восстановить справедливость главным образом средствами просвещения. Крестьянское движение приобрело сознательный характер только после начала пролетарского этапа освободительного движения, а патриотическая борьба интеллигенции до конца сохранила свой интеллигентский дух. Слов нет, идейное движение передовой грузинской интеллигенции являлось отражением социальной и национальной (анти-крепостнической и патриотической) борьбы подавляющего большинства грузинского народа — крестьянства, но теоретико-интеллигентские и стихийно-крестьянские потоки национально-освободительного движения Грузии в XIX веке, по существу, практически остались оторванными друг от друга, и интеллигентская национальная программа так и не превратилась в конкретный план борьбы крестьянских масс.

Охарактеризованные выше общественные силы национально-освободительного движения Грузии XIX века более и менее проявили себя в заговоре 1832 г. Этот заговор, в основном, выражал классовые стремления как консервативных, так и либеральных слоев грузинского дворянства, однако он откликался также на справедливую борьбу грузинского народа, в частности крестьянства, против самодержавия, игравшего ту пору роль всероссийского и европейского жандарма народов. Несмотря на поражение этого движения, патриотическая идея его участников о возрождении грузинской государственности и культуры нашла широкое распространение еще в первый, дворянский, период (1802—1864 гг.) национально-освободительного движения в Грузии. Духом прогрессивного либерально-дворянского патриотизма было пронизано творчество и мировоззрение Иоана Багратиони и Александра Чавчавадзе, Соломона Додашвили и Григола Орбелиани, Георгия Эристави и Николоза Бараташвили⁶⁵⁴.

Абстрактное требование национальной свободы казалось достаточным в то время, когда большая часть общества — крестьянство, то примыкала, к дворянству, надеясь освободиться от царского ига с его помощью, то мечтала об освобождении от крепостного ига с помощью царских законов⁶⁵⁵.

Положение существенно изменилось тогда, когда выявилась утопичность этой мечты, ввиду ускорения экономического и социального развития Грузии и усиления колониальной политики царизма. Это произошло в течение второго, буржуазно-демократического периода (1864—1895 гг.) национально-освободительного движения в Грузии, особенно в годы подготовки и проведения буржуазных реформ, когда на арену классовой борьбы вышли новые общественные силы.

Усиление национально-освободительного движения. 60-е прошлого века в Грузии начались столкновения старого и нового поколений, по существу, либералов и консерваторов, с одной стороны, и демократов — с другой. Внешне дискуссия проходила по вопросам грузинского языка и литературы, однако в сущности борьба носила не только литературный и национальный, но и социально-классовый характер. Борьба поколений

⁶⁵⁴ Гаприндашвили М.* Очерки истории грузинской общественной мысли, т. I. Тбилиси, 1959, с. 41—46; т. II, 1976, с. 320—332.

⁶⁵⁵ История Грузии, т. II. Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1962, с. 112.

являлась отражением противоречий сторонников и противников крепостного права. Необходимость отмены крепостного права была признана самодержавием, и грузинское дворянство не имело ни прав, ни средств открыто выступить против «воли» царя. Старое поколение, защищавшее интересы консервативных и либеральных слоев грузинского дворянства, и без того давно чувствовало необходимость преобразования или отмены крепостничества. В 60-х гг. возникла ожесточенная дискуссия по поводу того, в чью пользу должны были осуществиться эти изменения — в пользу землевладельческого, имевшего все права дворянства или же безземельного и бесправного народа. Консерваторы и либералы встали на сторону дворянства, а демократы — на сторону народа, и прежде всего — крестьянства.

Однако то, что в колонии царизма классово-политическая борьба за замену старого строя новым происходила в национальной форме, объясняется усилением национально-освободительного движения и двумя основными особенностями борющихся сил: во-первых, демократы — зачинатели этой борьбы, считали национальное освобождение грузинского народа предпосылкой его социального освобождения. По их мнению, из всех форм угнетения народа самым главным и тяжелым являлось национальное угнетение и его устранение облегчило бы установление социально-экономического строя, основанного на принципах справедливости. Об этом свидетельствовало то, что в Грузии XIX века всякий протест против социальной несправедливости, начиная от крестьянских бунтов и кончая культурной деятельностью интеллигенции, принимал форму национальной борьбы против царского самодержавия. Однако царское самодержавие в Грузии, как и во всей царской России, защищало интересы не только русских капиталистов и помещиков, но и грузинских крепостников. Поэтому те, кто выступал против царского самодержавия, должны были выступать и против крепостников, консервативных дворян — основной опоры царизма в колониальной стране. Попытки тогдашних патриотов-демократов отделить национальные интересы грузинского народа от его социальных интересов почти всегда были безуспешными. Их патриотизм наполнялся классовым содержанием, и борьба за освобождение грузинской нации сливалась со всероссийским революционно-освободительным движением за волю и землю для крепостных⁶⁵⁶.

С другой стороны, те, кто объявили себя защитниками национальных интересов грузинского народа, его свободы и демократии, естественно, должны были стать прежде всего защитниками грузинского языка, тем более, что к началу XIX в. он, единственный, в урагане времен больше всего сохранил себя из всего наследия грузинской цивилизации. При царизме от ранней грузинской национальной государственности осталось лишь воспоминание, и последним убежищем защитников грузинской нации стал грузинский язык. «Первый признак сущности нации—это язык,— писал И. Г. Чавчавадзе,— и вот именно он начал развиваться у нас первым, после долгого, молчания. При этом нашему деянию, ходу наших мыслей, нашим заботам и думам принадлежал лишь малейший уголок, из всей по своей природе сложной арены жизни. Ввиду исторических обстоятельств, для людей, подвизавшихся за прогресс нашей жизни, стало возможным проявить себя только лишь в этом маленьком уголке... Тот стал убежищем для нашего хода мыслей, направления, деятельности»⁶⁵⁷.

Язык и литература, «потерявшие былое величие ввиду неумолимого хода времен», явились основной ареной деятельности и для старого поколения, для либералов и консерваторов, поскольку и они служили делу развития национального осознания грузинского народа. Однако для патриотов-демократов язык являлся не только первым признаком нации и национальной государственности, но и оружием просвещения народа и социальной борьбы. Дворянские заговоры они не считали достаточными для национального освобождения грузинского народа. Широкие народные массы сами

⁶⁵⁶ Г а п р и н д а ш в и л и М.* Мировоззрение Георгия Церетели. Тбилиси, 1955, с. 26—31.

⁶⁵⁷ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Письма о грузинской литературе. — Полн. собр. соч., т. III. Под ред. П. Ингорюкв. Тбилиси, 1958, с. 206.

должны были бороться за свое освобождение. Однако забитый и подавленный самодержавием и крепостничеством непросвещенный народ смог бы приобрести свободу только в том случае, если бы получил с помощью родного языка просвещение и обрел национальное и классовое самосознание. А для народа были непонятны искусственно усложненные нормы древнегрузинского языка Иоанна Петрици и католикаса Антона. Становилось неотложной необходимостью проведение реформы языка, восстановление и завершение магистральной линии многовекового развития грузинского литературного языка путем приближения его к разговорному и окончательное утверждение нового грузинского языка, литературы и мышления. Осуществление этой исторической задачи явилось главным результатом национально-освободительного движения в Грузии во второй половине XIX века.

Показателем возрастания национального движения являлось и то, что национальный вопрос увязывался с аграрным вопросом, хотя результаты демократической борьбы за решение аграрного вопроса в пользу крестьянства были не так ощутимы, как борьба, проводимая за новый язык и общественную мысль. Либералы и консерваторы, потерпевшие поражение в решении национального вопроса, могли бы торжествовать победу в аграрном вопросе: царское правительство осуществило крестьянскую реформу в их интересах. Земля фактически осталась в руках помещиков и богатых купцов, а юридически свободным, но безземельным или малоземельным крестьянам приходилось жить в не менее тяжелых условиях экономического и политического угнетения, чем в дореформенный период. Поэтому аграрное движение, которое в колониальной Грузии сливалось с национальным, не прекращалось весь пореформенный период.

Несмотря на наличие феодально-крепостнических черт, реформы, осуществленные правительством во второй половине XIX в., носили буржуазный характер, поскольку в конечном счете они способствовали победе новых капиталистических отношений в стране. Консервативное дворянство, вынужденное встать на путь буржуазного развития, стремилось с помощью царизма усилить эксплуатацию крестьян, приспособить свое хозяйство к новой обстановке, с тем чтобы сохранить за собой и экономическое господство в пореформенное время.

Во второй половине XIX в. из числа либерально-просвещенного дворянства и купеческих слоев формировался самостоятельный класс национальной буржуазии, которая постепенно противопоставила себя не только трудящимся, но и дворянству и иностранной буржуазии. Усилился процесс разложения крестьянства, в результате чего возник городской и деревенский пролетариат. Окрепла грузинская либеральная и демократическая интеллигенция. Прогрессивные дворянско-буржуазные слои предполагали укрепить свое господствующее положение путем основания сельскохозяйственных и промышленных банков и завоевания городского самоуправления, часть крестьянства стремилась обогатиться путем торговли и создания кооперативных товариществ. Интеллигенция создала национальную прессу, школу, театр, общество по распространению грамотности среди населения и этим путем пыталась приблизить всеобщее благоденствие.

В этой ожесточенной классовой борьбе за существование и главенство в обществе, принимавшей национальный характер, ясно была видна противоположность между поднимающейся буржуазной демократией третьего сословия (крестьянства, ремесленников, пролетариев, мелких торговцев, мелких дворян, национальной буржуазии)⁶⁵⁸ и крепостничеством с его пережитками (самодержавие, крупное помещичье землевладение, консервативное дворянство). Третье сословие было единым и солидарным, поскольку крепостничество более или менее одинаково притесняло всех его представителей — и крепостного, накопившего деньги и желавшего лучше жить, и

⁶⁵⁸ История Грузии, т. II, Под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1962.

расчетливого крестьянина, ненавидевшего помещика, взымавшего у него оброк и принуждавшего отбывать барщину, и пролетария—дворового и обедневшего крестьянина, являвшихся рабами помещиков или купцов. Крепостничеством были замучены мелкий торговец и предприниматель, рабочий и кустарь, ремесленник и интеллигент. Как говорил В. И. Ленин, «между всеми людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»⁶⁵⁹.

Солидарность третьего сословия колониальной Грузии основывалась и на том обстоятельстве, что помещичья буржуазная монархия угнетала все прогрессивные классы и социальные слои: безземельное и малоземельное, дворянство и национальную буржуазию, крестьянство и интеллигенцию. Это создавало иллюзию возможности объединения в одном лагере всех, кто не мирился с царской колониальной политикой и требовал восстановления и защиты территориальной целостности Грузии, ее экономического возрождения и политической демократизации, признания национального равноправия грузинского народа с другими народами и права местного областного самоуправления, введения в школах и учреждениях грузинского языка, защиты и беспрепятственного развития грузинской культуры. Это были основные программные требования национально-освободительного движения Грузии во второй половине XIX века.

Такую программу уже явно не разделяло консервативное грузинское дворянство, окончательно перешедшее на сторону самодержавия. Прогрессивное дворянство все еще так или иначе участвовало в национально-освободительном движении, было оппозиционно настроено в отношении гражданской и духовной бюрократии самодержавия, хотя его оппозиционность даже в период реакции 80-х гг. не выходила за рамки либерализма. В условиях сравнительно широкого развития капитализма, путем медленной ликвидации остатков феодализма, либерализм не был чуждым и для самого угнетенного третьего сословия, крестьянский демократизм которого ввиду отсутствия революционной буржуазии и классовой неформальности пролетарских слоев, до начала XX века оставался в рамках идейной и литературной мечты и стихийных бунтов. Мечта и действительность, теория и практика все более приближались друг к другу по мере развития общественной жизни и обострения классовой борьбы, особенно в обстановке первой и второй революционной ситуации в России (1859—1861 и 1879—1880 гг.) Национальное и социальное движение Грузии и во второй половине XIX века носило главным образом просветительский характер. Просветительство в Грузии, так же как и всюду, смогло только идейно подготовить почву для уничтожения феодализма и его остатков.

§3. ИДЕЙНЫЕ ТЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- И СОЦИАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Национально- и социально-освободительное движение Грузии XIX века являлось составной частью российского революционно-демократического движения и посредством него — мирового революционного процесса⁶⁶⁰. Такие значительные явления этого процесса, каковыми были, например, Великая французская революция, декабристское и народническое движение в России, национальные восстания в Польше, Венгрии, Италии и ряде других стран Европы, Азии, Африки и Америки, с самого начала находили отклик⁶⁶¹

⁶⁵⁹ Л е н и н В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. I, с. 306.

⁶⁶⁰ Н и к о л а д з е Н. Я. Освобождение крестьян в Грузии. — Соч., т. I. Под ред. Д. Гамезардашвили. Тбилиси, 1962, с. 259—265.

⁶⁶¹ Д о н а д з е В.* Исторические взгляды Нико Николадзе. Тбилиси, 1962.

и, особенно со второй половины XIX века, оказывали значительное воздействие на национально- и социально-освободительное движение Грузии.

Основным содержанием мирового революционного движения XVIII—XIX веков был переход от феодализма к капитализму. Этот факт нашел отражение в идейно-политических движениях всех более или менее развитых стран, перед которыми стояла прежде всего задача идеологической подготовки буржуазно-демократического переворота. Осуществление этой задачи почти везде выпало на долю просветительства, которое, как известно, наряду с предшествовавшим ему ренессансным гуманизмом и последующим утопическим социализмом, явилось одним из величайших общественных и культурных движений. Возникшее в Европе в эпоху ранних буржуазных революций и направленное против феодализма просветительское движение в XVIII—XIX веках широко распространилось во всем цивилизованном мире — от Голландии, Англии и Германии до родины Ренессанса — Италии, от буржуазных Соединенных Штатов Америки до царской России, Китая и Японии. Классической страной Просвещения была Франция. Великие французские просветители были властителями дум мыслителей нового времени, смело выступавших против феодализма и его пережитков во всех сферах общественной жизни⁶⁶².

Просветительство было многосторонним, многогранным идейным движением. В нем выделялись либеральное, радикальное, демократическое и даже утопическо-социалистическое течения, хотя их общее содержание выражало интересы борющегося против феодализма третьего сословия. Просветительство имело свое философское и экономическое учение, свою политическую и эстетическую теорию. На плечах Просвещения выросли немецкая классическая философия, английская политическая экономия и французский социализм, на основе творческой и критической переработки которых в 40-х гг. XIX века в Германии возник марксистский социализм. Его идеология по своему содержанию представляла собой результат наблюдения за экономической жизнью передовых западноевропейских капиталистических стран и анализа классовых противоречий капитализма. По своей теоретической форме марксистский социализм являлся «дальнейшим, как бы более последовательным развитием принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века»⁶⁶³.

Идеи великих людей, считавших мыслящий разум единственной судьей всего существующего и подготавливавших народное сознание для приближающейся революции во Франции, должны были сыграть еще большую роль в идейно-политическом движении экономически отсталых стран, в которых и в XIX веке противоречия, возникавшие между феодальными и буржуазными производственными отношениями, являлись почти такими же несозревшими и невыявившимися, как и в передовых западноевропейских странах в XVIII веке. Сходные материальные условия должны были порождать одинаковые духовные потребности и идейно-политические задачи. Совершенно естественно, что все XIX столетие проходило под влиянием Великой французской буржуазной революции и французской просветительской идеологии и утопического социализма в экономически отсталых странах.

С другой стороны, в XIX веке обнаружилось, что победа «большинства нации» над «меньшинством» во Французской «буржуазной революции» в действительности означала победу крупной буржуазии, малочисленной верхушки третьего сословия. Царство разума оказалось идеализированным буржуазным обществом. Поэтому в XIX веке из просветительства окончательно выделился утопический социализм (Сен-Симон, Фурье, Оуэн и др.), который выдвинул требование о создании нового, действительного царства всеобщего благоденствия. При этом единственным судьей всего существующего

⁶⁶² Всемирная история в 10 томах, т. V. Под ред. Я. Зутиса и др. М., 1958, с. 420—421, 498, 514—515, 555—570, 582, 632, 665.

⁶⁶³ Э н г е л ь с Ф. Развитие социализма от утопии к науке.—М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2-е. т. 19, с. 189.

утопический социализм считал главным образом разум и пропагандировал неосуществимую в тогдашних условиях задачу — освободить все угнетенное человечество путем осуществления ряда разумных мероприятий⁶⁶⁴.

С 40-х гг. XIX века действительные интересы угнетенных стал выражать пролетарский социализм, созданный К. Марксом и Ф. Энгельсом, однако мировоззрение просветителей и социалистов-утопистов господствовало еще долго в тех странах, где «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостничеством и его остатками»⁶⁶⁵.

Одной из таких стран являлась Российская империя, где просветительская и революционно-демократическая мысль развивалась в течение длительного времени, однако, обогащенная опытом западноевропейской мысли, пытаясь перегнать, свою предшественницу — западную просветительскую мысль, все с большей сознательностью боролась одновременно и за демократию, и за социализм. Так было на этапе высшего подъема русской просветительской революционно-демократической и утопической социалистической мысли 40-х—70-х гг. XIX века, когда она наглядно показывала нераздельное единство материализма, реализма, революционного демократизма и утопического социализма, оставаясь все-таки в пределах домарксистского, крестьянско-буржуазно-демократического мировоззрения⁶⁶⁶.

Как западноевропейские просветители XVIII века, так и великие русские просветители XIX века были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» — это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому... Просветители не выделяли как предмет своего особенного внимания ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще»⁶⁶⁷.

Русские народники, являвшиеся наследниками русских просветителей, попытались выделить из всей нации крестьянство и провозглашали своей главнейшей целью установление всеобщего благоденствия путем его освобождения. Однако потерпели поражение, не сумев поднять крестьянство на революционную борьбу. Они были вынуждены возвратиться к просветительскому утопическому идеалу установления всеобщего благосостояния путем просвещения и обогащения всего народа, исполняя по существу роль представителей радикальной демократии.

В тесном единстве с русской просветительской революционно-демократической и утопической социалистической мыслью, и главным образом через нее, с западноевропейским просветительством и утопическим социализмом развивалась просветительно-социалистическая мысль народов, входивших в Российскую империю, в том числе и грузинского народа. Грузинское просветительское движение было частью русского и мирового просветительства. Теоретическими источниками грузинского просветительства являлись западноевропейская и особенно русская передовая мысль. Великие русские революционные просветители — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, являвшиеся материалистами в философии,

⁶⁶⁴ Там же, с. 189—192.

⁶⁶⁵ Л е н и н В. И. От какого наследства мы отказываемся. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

⁶⁶⁶ Подробно см.: Г а п р и н д а ш в и л и М.* Очерки истории грузинской общественной мысли, т. 1. Тбилиси, 1959, с. 346—372; т. II, 1976; т. III, 1988; Н. Г. Чернышевский в общественной мысли народов СССР. Под ред. В. Ф. Пустарнакова. М., 1984.

⁶⁶⁷ Л е н и н В. И. От какого наследства мы отказываемся. — Полн. собр. соч., т. 2, с. 519—520, 540; его же. Письмо Потросову. — Там же, т. 46, с. 18—19; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Отв. ред. Ш. М. Левин. Л., 1969, с. 120—123, 142—159.

революционерами-демократами в политике, реалистами в литературе, патриотами-интернационалистами в области межнациональных отношений, были учителями грузинских просветителей-демократов. На грузинское просветительство оказало влияние и западное просветительство, которому также не были чужды революционный дух материализма, реализма, демократизма и патриотизма.

Отсталость экономической жизни в Грузии не создавала благоприятных условий для широкого распространения просветительских идей, хотя мировая история знает не один пример, когда культурное развитие той или иной страны не следовало автоматически за ее экономическим развитием. Именно экономические и политические трудности Грузии побуждали ранних грузинских просветителей со второй половины XVIII века искать пути возрождения родины, тем более что такие поиски велись в соседней России, общественная мысль которой, несмотря на национальные особенности, развивалась по примеру французского просветительства, являвшегося антифеодальной, буржуазно-демократической идеологией. В конечном счете такое же содержание выражали отдельные просветительские идеи, распространявшиеся в Грузии уже с середины XVIII века⁶⁶⁸. Таким образом, грузинское просветительство как результат идейного отражения экономического и политического положения зародилось еще во второй половине XVIII и первой половине XIX века. Это было раннее грузинское просветительство, содержащее отдельные элементы либерального и демократического патриотизма, чаще всего вместе с консервативными идеями прогрессивного слоя дворянства и широких народных масс. Самыми выдающимися представителями начального этапа раннего грузинского просветительства были Вахушти Багратиони, Антон Багратиони, Александр Амилахвари и Давид Гурамишвили, среднего этапа — Иоанн Багратиони, Давид Багратиони и Александр Чавчавадзе, а конечного этапа — Соломон Додашвили, Николоз Бараташвили, Григол Орбелиани, Георгий Эристави и Димитрий Кипиани. Со своей стороны, раннее грузинское просветительство было наследником многовековых гуманистических традиций грузинской общественной мысли от Шота Руставели и Иоанна Петрици до Арчила Багратиони и Сулхан-Саба Орбелиани. Недостаточность социально-экономической основы грузинского просветительства ко времени его зарождения восполнялась богатыми гуманистическими традициями прошлого.

В результате развития экономической и политической жизни, обострения классовой борьбы и расширения национально-освободительного движения в Грузии в 50-х—70-х гг. XIX века сильно развились революционно-демократические тенденции просветительской идеологии, которые были направлены не только против реакционного царизма и феодального дворянства, но и обыкновенного либерализма. К этому времени в просветительской идеологии национально-революционного движения постепенно формируются гуманистическо-демократическое, радикально-демократическое, народническо-демократическое идейные течения («Даси»). Это был классический период грузинского просветительства, когда идеология национально-освободительного движения все еще не была окончательно расколота и зародившиеся в ней идейные течения выражали интересы более или менее единого третьего сословия (крестьянства,

⁶⁶⁸ Ср.: Ш и п а н о в И. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII века. М., 1953; О р л о в В. Русские просветители. М., 1953; Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М., 1961; Проблемы просвещения в мировой литературе, М., 1970; Советская историческая энциклопедия, т. II, 1968; Большая советская энциклопедия, т. 21, 1975; О р б е л и Р. Некоторые вопросы истории грузинского просвещения. — История, культура, языки народов Востока. Л., 1970, с. 109—115; Г а п р и н д а ш в и л и М. Грузинское просветительство. Тбилиси, 1977; А н т е л а в а И. Г.* К вопросу о характере социально-экономического развития Грузии в XVIII веке. Тбилиси, 1977, с. 216—219, 223, 225; М о р я к о в В. Я. Изучение русского просветительства XVIII — начала XIX века в советской историографии. — История СССР, 1986, № 2; Е й м о н т о в а Р. Г. К спорам о просветительстве. — Там же, 1988, № 6.

ремесленников, полупролетариев, мелких торговцев, мелкой буржуазии и обнищавших дворян). По существу в революционно-демократической к тому времени национальной и социальной программе просветителей, которая была рассчитана на основание общества всеобщего благосостояния вместо отжившего крепостничества, нередко проявлялся наряду с демократизмом, не отделенным от социализма, и либерализм, а сами либералы боролись против реакционной национальной политики царизма в союзе с демократами.

В 80-х—90-х гг. XIX века настал конечный период просветительского идейно-политического движения, когда, ввиду сравнительно быстрого развития капитализма и дальнейшего усиления процесса возникновения новых общественных классов, происходит новое перераспределение идейных сил. Либералы и бывшие народники объединяются с гуманистами радикал-демократами, а как их противоположность на общественной арене появляются социал-демократы. Этот процесс дифференциации и консолидации идейных течений национально-освободительного движения Грузии, начавшийся в 90-х гг., завершается созданием политических партий национальной буржуазии и пролетариата к началу XX века, когда организационно оформились социал-федералисты и социал-демократы. Это явление было показателем того, что в Грузии начался новый, пролетарский период классовой и национальной борьбы, когда демократическое преобразование общества, низвержение царизма и полное искоренение остатков крепостничества путем народной революции стали из абстрактных мечтаний интеллигентов, непосредственными практическими вопросами живого движения широких народных масс.

В новых условиях развитой классовой борьбы, когда окончательно было нарушено раннее единство третьего сословия и социализм отделился от демократизма, когда на месте просветительского революционного демократизма и крестьянского радикализма встал, прежде всего, революционный социал-демократизм, программа гуманистического и радикального идейных течений грузинского просветительства казалась как бы умеренно-либеральной, но по существу она сохраняла демократическое содержание, поскольку представляла собой национально-освободительную идеологию, направленную против царизма и остатков крепостничества.

Демократы-гуманисты, демократы-радикалы и демократы-народники отличались друг от друга не классовым содержанием своего мировоззрения, а радикальностью своих общественно-политических взглядов. Все, что было революционным и демократическим в мировоззрении просветителей — представителей всех трех идейных течений национально-освободительного движения Грузии второй половины XIX века, объективно выражало интересы третьего сословия, буржуазной демократии, трудящихся собственников города и деревни в борьбе против самодержавия, крепостничества и капитализма.

Гуманистическо-демократическое течение. Первое идейно-литературное течение («Пирвели даси» — «Первая группа») грузинской революционно-демократической просветительской мысли второй половины XIX века сложилось в 1861 г. в идейных столкновениях между представителями старого и нового поколений на страницах журнала «Цискари» («Заря») по вопросам грузинского языка и литературы, а по существу, по общественно-политическим вопросам отношения к крепостному праву. Новое поколение составляла передовая часть грузинской молодежи, «испившая воду Терека», т. е. получившая образование в России, и названная по-грузински «тергдалеулни». Это были грузинские просветители-шестидесятники, широко развернувшие идейную борьбу против крепостнического и колониального гнета, продолжившие и развившие патриотические и демократические традиции ранних грузинских гуманистов и просветителей. Первый литературный орган этого течения «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») непосредственно развил дальше ранние просветительские идеи, зародившиеся сначала в журнале Соломона Додашвили «Литературные части Тифлиских Ведомостей» (1832), а потом расширившиеся в

журнале «Цискари» Георгия Эристави и Иванэ Кереселидзе. Со второй половины 60-х и до второй половины 70-х гг. главные представители «Пирвели даси» сотрудничали в газете «Дроэба» («Время») и журнале «Кребули» («Сборник»). С 1877 г. органом гуманистическо-демократического направления был журнал (с 1886 г. газета) «Иверия» («Грузия»), который защищал будто бы сравнительно умеренную, но по существу революционную, антикрепостническую и антикапиталистическую, патриотическо-демократическую и гуманистическо-просветительскую программу общественных преобразований.

Социальной основой «Пирвели даси» было сельское население Грузии без различия сословий (классов), главным образом третье сословие, крестьянство, противостоявшее царизму, консервативному дворянству и иностранной буржуазии. «Пирвели даси» признавала необходимость развития промышленности в Грузии, однако считала, что способствовать этому могут передовые представители землевладельческого дворянства. Классовую борьбу за национальное и социальное освобождение народа она считала нежелательной, а надежду на восстановление национальной государственности возлагала на демократизацию русского общества и на равноправный братский союз между русским и грузинским народами. Ее идеалом было свободное от социального и национального угнетения «справедливое общество», в котором все бы трудились на благо личного и общественного благосостояния. Она не требовала немедленного упразднения частной собственности и классов, несмотря на то, что выступала сторонником всеобщего национального благоденствия, т. е. социализма, и надеялась, что на благо всей нации можно использовать даже классовые учреждения прогрессивного дворянства. В патриотическо-демократическом мировоззрении представителей «Пирвели даси» сочетались национально-революционный демократизм и абстрактный гуманизм, критическо-материалистический реализм идеализм, утопизм и либерализм. Потому-то эта группа и названа гуманистическо-демократическим идейным течением грузинского революционного просветительства. Гуманистическо-просветительская, казалось бы умеренно-либеральная, программа этой группы по существу имела революционное, патриотическо-демократическое содержание. В буржуазно-демократический период (1864—1895 гг.) национально-освободительного движения Грузии она объективно отражала потребности демократического национального развития страны.

Главой гуманистическо-демократической «Пирвели даси» был И. Г. Чавчавадзе, к которому по мировоззрению ближе всех стояли А. Р. Церетели, Я. С. Гогебашвили, позднее — А. М. Казбеги и Важа-Пшавела.

Илья Чавчавадзе. В славной когорте выдающихся грузинских общественно-литературных деятелей второй половины XIX века яркой фигурой является Илья Григорьевич Чавчавадзе (1837—1907) — идейный руководитель национально-освободительного движения, пламенный борец против крепостничества, мечтавший о всеобщем труде, свободе и равенстве.

Родился И. Чавчавадзе в Кахети, в одном из живописных уголков Грузии, с. Кварели (ныне районный центр Грузинской ССР). Начальное образование получил в родном селе у деревенского священника, который учил его вместе с крестьянскими детьми. В 1848 г. мальчика привезли в Тбилиси и определили в частный пансион. С 1852 г. он ученик Тбилисской гимназии. С 1857 г. по 1861 г. И. Чавчавадзе являлся студент юридического факультета Петербургского университета. Патриотическая искра, горевшая в сердце будущего поэта еще на родине, разгорелась в пламя после глубокого изучения им передовой общественно-политической и эстетическо-философской мысли России и Западной Европы. В Петербурге завершилось формирование его гуманистическо-демократического мировоззрения. Во времена студенчества и сгруппировалась вокруг Ильи Чавчавадзе та часть передовой грузинской молодежи, которая подняла знамя идейно-литературной борьбы против консервативного течения грузинской общественной

мысли (1861 г.) на страницах «Цискари», а затем, после возвращения на родину, «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии») — 1863 г.

В 1864—1873 гг. Илья Чавчавадзе работал мировым посредником и судьей в Душети. В то же время он глубже знакомится с жизнью родного народа, собирает многочисленные образцы устного народного творчества, заканчивает и публикует свои ранее начатые крупные художественные полотна, продолжая бороться против своих идейных и литературных противников-консерваторов.

В 1873 г. И. Чавчавадзе оставляет государственную службу и возвращается в Тбилиси. В 1875 г. он возглавляет нарождавшееся в Грузии первое общественное кредитное учреждение — дворянский поземельный банк Тифлисской губ., стремясь использовать его для возрождения национальной экономики и финансирования культурных учреждений. В 1877 г. И. Чавчавадзе основал газету гуманистическо-демократического направления — «Иверия», принимал самое активное участие в создании и деятельности почти всех нарождавшихся в ту пору национальных культурных и экономических учреждений (общество по распространению грамотности среди грузин, грузинский театр, народные школы, банк и т. д.). С этой поры гуманист-демократ ведет острые споры по вопросам общественно-политической программы национально-освободительного движения Грузии сначала с либералами и радикал-демократами, а затем с народниками, борясь в то же время вместе с ними против защитников колониальной политики самодержавия (Катков, Яновский). В 80-х гг. И. Чавчавадзе создает выдающиеся художественные и публицистические произведения, проникнутые духом патриотизма, гуманизма и революционного демократизма. Демократическую программу защищал он и в 90-е гг., ведя ожесточенную полемику как против, старшего поколения общественных деятелей, в частности радикал-демократов, так и против молодых публицистов, объявивших себя социал-демократами. Ту же программу продолжал защищать он и в бурные годы первой русской революции, являясь членом Государственного совета. В годы спада революции Илья Чавчавадзе страстно защищал проект отмены смертной казни.⁶⁶⁹

Воспитанный на передовых воззрениях грузинских, русских и западноевропейских писателей старого и нового времени, Илья Чавчавадзе в течение полувека боролся во имя свободы родного народа, во имя всеобщего блага. Он был и остался до конца дней своих великим демократом, просветителем-борцом, выражавшим интересы широких народных масс, людей труда. С именем И. Чавчавадзе связан прежде всего идейный переворот в идеологии национально-освободительного движения Грузии второй половины XIX века. Он был великим революционером, который вместе с другими просветителями идейно подготавливал народ к приближающейся демократической революции. Однако И. Чавчавадзе был писателем-просветителем, который вел пропаганду прогрессивных, национально-революционных и демократических идей, а не руководителем организационно и политически уже сложившейся революционной партии, теоретически и практически возглавлявшей борьбу народа. Главным оружием просветителей были слово и идея. Как говорил В. И. Ленин, слово также является делом в ту эпоху, когда нет открытого политического выступления масс⁶⁷⁰. Этим и объясняется, что И. Чавчавадзе свойственно колебание между либерализмом и демократизмом, хотя от его творчества веет духом классовой борьбы и, в конечном счете, в нем демократ берет верх над либералом, материалист — над идеалистом.

В творчестве И. Чавчавадзе дана революционно-демократическая критика крепостничества и вообще всякого несправедливого общества, показана необходимость

⁶⁶⁹ К и п ш и д з е Г. И. Чавчавадзе. Тбилиси, 1914; И н г о р о к в а П. И. Чавчавадзе. Тбилиси, 1957; Д ж и б л а д з е Г. И. Чавчавадзе. Тбилиси, 1966; Г а г о и д з е В. Мироззрение И. Чавчавадзе. Тбилиси, 1962; Г а п р и н д а ш в и л и М. Национальное и классовое в мироззрении И. Г. Чавчавадзе. Тбилиси, 1987.

⁶⁷⁰ См.: Л е н и н В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 53.

его упразднения или же свержения. И. Чавчавадзе объективно воспитывал революционный «класс», который впервые проявил всю силу в эпоху революции 1905 года. Следует отметить, что и субъективно И. Чавчавадзе не был противником революции как крайнего средства восстановления общественной справедливости и достижения народной свободы, а факты борьбы между эксплуатируемыми и эксплуататорами сам же превосходно отразил в своих произведениях. Но в условиях колониальной Грузии великому просветителю казалось практически неизбежным медленное и постепенное преобразование общественной жизни мирным путем.

Однако эти будто бы умеренные с политической точки зрения взгляды не мешали гуманисту и просветителю мечтать о благоденствии всей нации, всего человечества, о том справедливом обществе, в котором осуществился бы великий лозунг «братства, единства, свободы и равенства» трудящегося люда. Об этом мечтал молодой Илья Чавчавадзе в 60-х гг., считая главными условиями установления справедливого общества, основанного на всеобщем труде и частной собственности, уничтожение крепостничества, «освобождение труда» и выражая тем самым революционно-демократические, т. е. по существу буржуазно-демократические, стремления и социалистические мечты передовых сил нации, трудового народа. Об этом мечтал стоявший у порога XX века уже немолодой И. Чавчавадзе, который, казалось, все больше убеждался в том, что идеальное общество будущего должно быть социалистическим, что означает «упразднение неравномерного распределения имущества и доходов между людьми, устранение всякого классового господства и, по мере возможности, всяких классовых различий, возвышение трудовых классов и содействие их успехам».

Так сочетались в мировоззрении Ильи Чавчавадзе революционно-демократические стремления и либеральные, утопическо-социалистические мечты, выражавшие интересы третьего сословия — широких народных масс. Однако главным в его творчестве и мировоззрении все же является вопрос о национальной и социальной свободе. Изучая коренные проблемы тогдашней общественной жизни Грузии, И. Чавчавадзе постоянно думал об угнетенном народе, превыше всего ставил борьбу за его освобождение. Великий гуманист и демократ являлся прежде всего идеологом национального революционного движения Грузии. Как говорил он сам, его «с юношеских лет увлекала дума о судьбах и счастье Грузии», и всю свою сознательную жизнь он посвятил защите интересов Грузии и ее народа. Еще во время своего пребывания в стенах Петербургского университета он писал: «Повсюду и всегда я, Грузия, с тобой! Я — твой бессмертный дух, я — спутник твой скорбящий. И сердце я омыл в крови твоей живой, и в жребий твой проник — былой и настоящий».

Счастья родины искал он в борьбе против консерваторов в начале 60-х гг., когда во имя народа приступил к ломке архаических норм литературного грузинского языка, за новую литературу, совершая тем самым переворот в общественной мысли. От имени народа провозгласил он эпохальный лозунг — «наша родина должна принадлежать нам самим»⁶⁷¹, который также выражал интересы третьего сословия, трудящегося большинства нации, национальной демократии.

Илья Чавчавадзе — великий писатель, бессмертные художественные творения которого — «Грузинская мать», «Пахарь», «День падения Коммуны», «Базалетское озеро», «Видение», «Записки путника», «Разбойник Како», «И это человек?!», «Рассказ нищего», «Отарова вдова», «Отшельник», «О Вестнике Грузии», «Кое-что кое о чем», «Внутренние обозрения», «По поводу письма г-на Яновского», «Частное и общественное землевладение», «Жизнь и закон», «Ну и история!», «Что рассказать, чем вас порадовать?!», «Девятнадцатое столетие» и др. — воспитали грузинский народ в духе патриотизма, демократизма, гуманизма, развивая в нем идеалы свободы, равноправия и справедливости. Борьба народа против царизма и социальная борьба трудящихся против

⁶⁷¹ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Призрак. — Полн. собр. соч., т. I, с. 12; Записки путника. — Там же, т. II, с. 28—30.

крепостничества и капитализма — таковы два основных мотива, пронизывающих все творчество и мировоззрение И. Чавчавадзе, который отстоял, защитил и утвердил реалистическую теорию искусства и литературы, сформулированные им в стройную систему мировоззрения.

И. Чавчавадзе был величайшим в плеяде великих грузинских мыслителей XIX века. Эстетические, этические и общественно-политические воззрения И. Чавчавадзе зиждятся на глубокой философской основе. Философия И. Чавчавадзе представляет собой обобщение, в соответствии с конкретными задачами теории освободительного движения Грузии XIX века, передовых эстетико-философских, политико-экономических и естественнонаучных идей нового времени. В его публицистическом и художественном творчестве дано научное материалистическое объяснение многих явлений природы и общества, обоснованы значительные моменты диалектического понимания развития. Однако его мировоззрению не был чужд и идеализм, особенно отчетливо проявившийся в этике и в философии религии, в понимании и оценке им роли классовой борьбы в жизни общества. Идеи необходимости объединения прогрессивных сил освободительного движения и философского обоснования идеалов всеобщей любви и единения людей, утверждения свободного труда на свободной земле, преодоления зла и восторжествования добра посредством просвещения, посредством возвышения человека до бога и низведения бога до человека, что способствовало бы формированию совершенного человека, окутывали демократическое мировоззрение великого грузинского просветителя туманом абстрактного, внеклассового, утопического гуманизма и социализма⁶⁷².

Акакий Церетели. Великим гуманистом и демократом являлся также другой идейный предводитель национально-освободительного движения Грузии, талантливейший поэт и мыслитель-просветитель Акакий Ростомович Церетели (1840—1915).

Родился Акакий Церетели в Имерети, в с. Схвители (нын. Сачхерский район Грузинской ССР). Будущий великий поэт до шести лет воспитывался вместе с крестьянскими детьми в соседнем селении Саване. Впоследствии он с гордостью вспоминал: «Если что-нибудь и есть во мне хорошего и доброго, то этим главным образом я обязан тому, что рос в деревне, вместе с сыновьями крестьян»⁶⁷³.

С 1850 г. Акакий Церетели учился в Кутаисской гимназии. Из этого училища, где царил дух деспотизма, он вместо аттестата вынес жгучую ненависть к угнетателям и горячую любовь к угнетенным. В 1859—1962 гг. А. Церетели был вольным слушателем факультета восточных языков Петербургского университета. В стенах университета юношеские патриотические увлечения А. Церетели превратились в стройное гуманистическое, демократическое мировоззрение⁶⁷⁴. Еще в студенческие годы он начал бороться против консервативного и либерального патриотизма, царизма и феодализма. «Восстань, отечество!» — провозглашал А. Церетели еще в 1859 г., а во время столкновения демократов с консерваторами он разъяснял, что под понятием отчизны подразумевается не старшая дворянская Грузия, не ее «сыновья без нутра» — старые и новые помещики, а крестьянство, «простые грузинские люди — грузины с сердцем и душой». На протяжении почти 60-летней деятельности заветной мечтой великого поэта и мыслителя являлся идеальный человек без сословных отличий, «человечный человек».

Возвратившись из Петербурга на родину в 1862 г., А. Церетели не примыкает формально ни к одной из тогдашних общественных группировок. Он становится профессиональным писателем и до конца своей жизни в борьбе против царизма, феодализма и капитализма выступает защитником «низшего сословия» нации. До 70-х гг.

⁶⁷² Ч а в ч а в а д з е И.* Избранные стихи и поэмы. М., 1949. — Избр. произ. М., 1950.

⁶⁷³ Ц е р е т е л и А.* Пережитое. — Полн. собр. соч., т. 15. Под ред. Р. Абзианидзе, И. Гришашвили, А. Асатиани, П. Ингорюк, Ш. Радиани, Тбилиси, 1950—1963, т. VII, с. 10.

⁶⁷⁴ Ц е р е т е л и А.* Привет из Картли. — Там же. т. I, с. 70; Капризный листок. — Там же, т. IX, с. 15—16.

А. Церетели продолжал защищать своеобразную, но по существу демократическую, национальную программу в журнале «Цискари», потом сотрудничал в газетах «Дрозба» и «Тифлисском вестнике», не во всем соглашаясь, однако, с руководившими этими органами радикал-демократами. В 80-х гг. он продолжал борьбу за национальное и социальное освобождение «низшего сословия» путем его просвещения на страницах гуманистической («Иверия») и народнической («Шрома» — «Труд» и «Имеди» — «Надежда») прессы. В 90-х гг. А. Церетели критиковал отрыв интеллигентно-руководителей от простого народа в радикально-демократической газете «Квали» («Борозда»), а надежду на освобождение всей нации, и в частности «низшего сословия», путем низвержения царизма возлагал на революционную деятельность социал-демократов и социал-федералистов. На протяжении многих десятилетий он неустанно боролся за возрождение грузинской прессы, театра, всей грузинской культуры.⁶⁷⁵

Великий грузинский революционный просветитель Акакий Церетели последовательно и до конца выступал непримиримым врагом царизма, крепостничества и капитализма. С восхищением встретил он освобождение крестьян в Грузии в 1864 г., но, противник крепостного права, демократ, защищавший крестьянство, Церетели остался неудовлетворенным царской реформой, которая, по его словам, «была хорошей только по форме, а по содержанию — негодной». «Крепостническая зависимость пала, — писал А. Церетели, — но не так, как надобно было. Помещики уже не владели душами крепостных как животных, но крестьянство осталось без земли». Он был сторонником полного уничтожения остатков крепостничества и действительного освобождения крестьян. И хотя в годы, последовавшие за крестьянской реформой, это не осуществилось, он считал «приятным то обстоятельство», что «земля от высшего сословия постепенно переходила в руки трудящихся»⁶⁷⁶.

Акакий Церетели видел и то, что после реформы земель подчас овладевали нетрудящиеся элементы в лице богатых купцов, постепенно становившихся угнетателями народа. Он не поддерживал радикал-демократов, которые, правда, критиковали отрицательные стороны торгового капитала, но считали прогрессивным любой труд, в том числе и «купеческую ловкость», поскольку она способствовала усилению нации. А. Церетели считал торговый класс, так же как и дворянство, эксплуататором и угнетателем «бедного трудового народа». По его мнению, полезный для народа труд — это земледелие, свободный крестьянский труд на своей, свободной, собственной земле. С позиций именно таких трудящихся критикует он и обюрокротившееся дворянство, и обуржуазившихся купцов. «Если исключить всех этих эксплуататоров, — говорит он, — у нас останется наш трудящийся, земледельческий народ, и к нему должно быть обращено наше полное сочувствие. Мы должны гордиться им и бороться за его благосостояние, помогать ему и давать советы, причем с такой предусмотрительностью и так обдуманно, чтобы не принести вместо пользы вреда»⁶⁷⁷. С этой точки зрения мировоззрение А. Церетели перекликалось с мировоззрением всех просветителей и демократов, в том числе и народников. Однако А. Церетели во многом не соглашался с народниками, этими, по его выражению, «новыми патриотами», «сыновьями дьяконов», «влюбленными в невоспитанных мужиков», которые вначале нигилистически относились к предшествующему демократическому поколению, полностью отрицали положительную роль даже руководителей национально-освободительного движения, вышедших из дворянства, признавая нацией и единственной движущей силой общественно-политической жизни отсталое крестьянство. По мнению А. Церетели, неоспоримым фактом являлось то, что между бездеятельным высшим сословием и трудовым низшим сословием существовала противоположность интересов и на этой основе неизбежно

⁶⁷⁵ А с а т а н и Л. Жизнь Акакия Церетели. Тбилиси, 1940.

⁶⁷⁶ Ц е р е т е л и А. Из писем Харлампия Могонака. — Полн. собр. соч., т. XI, с. 354; Пережитое. — Там же, т. VII, с. 100.

⁶⁷⁷ Е го же. Как приблизить народ. — Там же, т. XI, с. 403.

возникало расчленение нации и ее передовых сил. Однако первой задачей всех национальных сил, по его мнению, должна была быть объединенная борьба против общего врага. «Высшее сословие, — пишет он, — имевшее когда-то свое назначение, сегодня не приносит никакой пользы, и было бы лучше, если бы этих бездельников совсем не было в нашей стране, однако, пока у нас господствует и постоянно угрожает смертью и уничтожением внешний враг, нужно, чтобы усиливались оба сословия, как высшее, так и низшее, и объединенными усилиями противостояли ему, тем более, что ненависть к врагу сильнее у высшего сословия, которое считает себя угнетенным им и потому не может примириться с ним»⁶⁷⁸. Так сливались в творчестве и мировоззрении А. Церетели демократизм с патриотизмом и утопизмом.

Художественные произведения Акакия Церетели являются классическими образцами идейности и народности. Его «Песня рабочих», «Имеретинская колыбельная», «Кинжал», «Желание», «Цицинатела», «Сулико», «Рассвет», «Чонгури», «Тарнике Эристави», «Натэла», «Баграг Великий», «Воспитатель», «Маленький Кахи», «Баши-Ачуки» и др. воспитывали и утверждали в грузинском народе гуманистические, демократические, интернационалистические и патриотические идеалы.

Яркое революционно-демократическое содержание патриотического гуманизма Акакия Церетели всесторонне развивалось в бурные годы первой революции, когда великий грузинский просветитель смело встал бок о бок с восставшим против самодержавного деспотизма «рабочим народом», революционной демократией. Поэт во всеуслышание заявил, что его поколение в течение полувека ожидало революцию и что его сторонники — грузинские просветители — были предвестниками и вдохновителями народной революции, которая должна была освободить народ от национального и социального гнета. И действительно, великий поэт мечтал о революции и призывал к ней народных героев в период проведения крестьянской реформы и после нее. «Лучше живого раба мертвый искатель свободы» — писал он в 1875 г. «Довольно быть рабами! Терпение переполнено! Уже наступило время, чтобы восстал весь народ. Или умереть на поле боя, или мужественно обороняться от вражеского нашествия!» — призывал он в 1890 г.⁶⁷⁹ Как логическое следствие мировоззрения великого грузинского поэта-просветителя и вообще просветительской идеологии национально-освободительного движения Грузии было идейное участие Акакия Церетели в революции 1905 г. на стороне восставшего против самодержавия народа. Социализм и теперь казался утопической мечтой великому просветителю, «избраннику нашего народа, лучшему воину за счастье нашей страны», который в течение полувека «успокаивал слух грузин, пробуждал их разум, направлял их сердце в любви к Грузии»⁶⁸⁰. Патриотическо-интернационалистическое и демократическое мировоззрение Акакия Церетели идейно подготавливало борцов за демократию, за что царские власти постоянно преследовали, а иногда даже заключали в тюрьму великого поэта-просветителя.

Акакий Церетели был не только великим поэтом, но и великим мыслителем. Его гуманистическая философия, реалистическая эстетика и демократическая социология сильными и оригинальными потоками вливаются в просветительскую мысль освободительного движения Грузии. Его гуманистическая точка зрения об единстве духовного и светского, небесного и земного, о преимуществе национального и человеческого по сравнению с групповыми и классовыми явлениями была его мерилем ценности общественных явлений. Его гуманизм имеет материалистическую основу, однако ему не всегда чужды и идеалистические воззрения. По его мнению, проявлением нераздельного единства небесного и земного является, в частности, художественное

⁶⁷⁸ Церетели А. Из писем Харлампия Могонака. — Там же, т. XI, с. 354.

⁶⁷⁹ Его же. Молодежи! Желание. — Там же, т. III, с. 146, 158; Баграг Великий. — Там же, т. V, с. 10; Седина. — Там же, т. II; с. 175; Маленький Кахи. — Там же, т. VI, с. 100.

⁶⁸⁰ Чавчавадзе И. Г. Письмо к Акакию Церетели. — Полн. собр. соч., т. X, 1961, с. 114; Внутреннее обозрение. — Там же, т. V, 1955, с. 186.

творчество, «сильнейшее и вернейшее оружие, которое должно натачиваться правдой жизни и неослаблено утверждаться и употребляться на благо родины», помогать угнетенным в борьбе против угнетателей⁶⁸¹. Акакий Церетели был певцом и просветителем трудящейся, борющейся части угнетенной нации, угнетенного народа. С его именем нераздельно связана полувековая история национально-освободительного движения грузинского народа, его стремления и мечты, его патриотическое, интернационалистическое и революционно-демократическое просвещение.

Якоб Гогешашвили. Одним из руководителей гуманистическо-демократического течения в грузинском просветительстве был Якоб Семенович Гогешашвили (1840—1912), великий педагог и мыслитель, один из основателей новой грузинской педагогики.

Якоб Гогешашвили родился в Картли, в селе Вариани (нынешнем Горийском районе Грузинской ССР), в семье священника. До девяти лет получал домашнее воспитание под руководством отца. С 1849 г. учился в Тбилисском духовном училище, в 1861 г. окончил Тбилисскую духовную семинарию, в стенах которой познакомился с передовыми русскими и западноевропейскими идеями, с особым увлечением изучал грузинскую литературу и историю Грузии.

В 1861—1863 гг. Якоб Гогешашвили учился в Киевской духовной академии. В этот период завершилось формирование его патриотического, демократического и гуманистического мировоззрения. В 1863 г. он оставил духовную академию по болезни и возвратился в Тбилиси. Работал в духовном училище преподавателем, а с 1868 г. инспектором. Замечательный педагог и великий патриот-демократ быстро завоевал искреннюю любовь передовой грузинской общественности и, конечно, восстановил против себя царских сатрапов, проводивших в жизнь самодержавную политику насильственного обрусения народа. В 1874 г. Якоб Гогешашвили был освобожден от занимаемой должности инспектора. Его обвинили в политическом двурушничестве, сепаратизме и пропаганде среди учащихся атеизма, либерализма и радикализма.

Я. Гогешашвили был одним из выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Грузии. Он один из создателей и руководителей Общества по распространению грамотности среди грузин — своеобразного штаба патриотических сил Грузии.

Якоб Гогешашвили был выдающимся публицистом и детским писателем. Первая его публицистическая статья была опубликована в 1866 г. в газете «Дрозба», а последняя в 1912 г. в журнале «Ганатлеба» («Просвещение»). Он сотрудничал также в «Тифлисском вестнике», «Кавказе», «Джеджили» («Нива») и особенно в «Иверии». Его замечательные публицистические статьи и детские повести («Кем мы были вчера?», «Внутреннее обозрение 1882 года», «Рассвет в Ирландии», «Сегодняшнее яйцо и завтрашняя курица», «Грузинское направление», «Что сделала колыбельная песня?», «Царь Ираклий и грузинка-ингило» и др.) пронизаны духом патриотизма, интернационализма, демократизма и гуманизма.

Якоб Гогешашвили — основатель новой грузинской педагогики. Его классические учебники, составленные на, принципах передовой теории и методики, воспитывали многие поколения грузинской молодежи. Еще в 1865 г. Я. Гогешашвили издал «Грузинскую азбуку и книгу для первоначального чтения». В 1868 г. вышло в свет его «Окно в природу», в 1876 г. — «Родное слово», в 1887 г. — «Русское слово».

Из актуальных общественных проблем своей эпохи Якоб Гогешашвили считал первостепенной национальную проблему. Как он сам говорил, «это объясняется тем обстоятельством, что наше национальное положение более опасно, чем экономическое. Национальная сторона нашего существования была болезненной и беспокоила нас

⁶⁸¹ Церетели А. Р. Без искры нет огня. — Полн. собр. соч., т. XII, с. 233 — 234; его же. Избранное. М., 1940; Стихотворения. Тбилиси, 1940.

сильнее, чем социальная»⁶⁸². По его мнению, первой целью освободительного движения в Грузии было восстановление национального равноправия грузинского народа с другими, свободными от угнетения народами путем укрепления дружбы «с левой Россией». Он писал: «Политическое единство, нерушимый союз с Россией были и будут для нас драгоценными сокровищами», так как «сближение с великим русским народом обеспечит грузинскому народу великое будущее и другую, лучшую, более широкую и светлую жизнь». Я. Гогешвили считал святой обязанностью грузинских педагогов укрепление русско-грузинской дружбы, внедрение среди учащихся, молодежи «любви к Грузии и к России, к грузинскому языку и к русскому государству, к грузинской литературе и истории, а также русской литературе и истории»⁶⁸³. Идеалом великого грузинского педагога являлось сильное многонациональное демократическое государство, в котором на основе равноправия объединились бы все нации тогдашней России, большие и малые. Основную силу, которая смогла бы осуществить этот идеал, Я. Гогешвили видел в народе, идеологически подготовленном прогрессивной интеллигенцией к освободительной борьбе против самодержавного деспотизма⁶⁸⁴.

Обобщив взгляды своих великих соратников — Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, Якоб Гогешвили дал определение нации и характеристику особенностей освободительного движения Грузии XIX века. Национальностью он называл историческую общность людей, имеющих общий язык, территорию, культуру и религию. Главными задачами патриотического движения грузинской интеллигенции он считал борьбу за свободу нации и благосостояние ее трудящегося большинства. «В этом смысле наша цель та же самая, что и цель великих русских патриотов — А. Герцена, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова», — разъяснял Я. Гогешвили.

Выдвигая национальный вопрос на передний план, Якоб Гогешвили связывал его решение с вопросом социального и экономического освобождения трудового народа. «Очень хорошо установить национальный принцип во всех сферах жизни, — писал он. — Однако одного лишь этого недостаточно для продвижения страны по пути прогресса и счастья. Нужно заботиться, если не больше, то хоть столько же, о социальных изменениях, об улучшении экономического положения народа... Экономический расцвет страны становится незыблемой опорой ее национального возрождения». Под социальными изменениями Я. Гогешвили подразумевал полное искоренение остатков крепостничества, и в частности передачу земли — основы национального благосостояния — в собственность тех, кто ее обрабатывает, т. е. трудящихся. В этих целях он считал необходимым выкуп земли государством или же, в худшем случае, самими крестьянами у помещиков. По его мнению, если бы все стали трудящимися собственниками, было бы ликвидировано «безмерное имущественное неравенство», коренным образом изменился бы существовавший в его время общественный строй и восторжествовало справедливое общество, основанное на мелкой или средней собственности и обеспечивающее всеобщее благоденствие. Излагая и защищая по этому вопросу точку зрения Ильи Чавчавадзе, Я. Гогешвили писал: «Лично мы на протяжении всей нашей жизни были искренними сторонниками равенства, ненавидели и боролись против всякого крепостничества: ненавидели господство дворянства, бюрократии, буржуазии... А полного освобождения народа нам хотелось искренне, и помогали ему, как могли. Еще 25 лет тому назад мы напечатали в газете «Дроэба» («Время») две передовые статьи, в которых проводили ту мысль, что до полного перехода земли в руки земледельцев, а заводов и фабрик в руки

⁶⁸² Г о г е б а ш в и л и Я. С.* Внутреннее обозрение — Соч. в 10 томах, т. I. Под ред. Г. Тавизишвили, Д. Лорткипанидзе, З. Кикнадзе, В. Каджая. Тбилиси, 1952—1965, с. 391.

⁶⁸³ Его же. Кем мы были вчера? — Там же, с. 364; Политиканство или учительство. — Там же, т. IV, с. 472.

⁶⁸⁴ Его же. Внутреннее обозрение. — Там же, т. I, с. 370—375, 391.

рабочих общество не может достичь ни всеобщего благосостояния, ни равенства, ни свободы»⁶⁸⁵.

Называя всех трудящихся «четвертым сословием», объединившим «всю нашу нацию, главным же образом крестьян и рабочих», Якоб Гогешавили с уверенностью смотрел на будущее «не грузинской аристократии, которая, по его словам, быстро деградирует и катится к пропасти, не грузинской буржуазии, которая, подобно недоношенному ребенку, разжижается в утробе матери, а грузинского трудового народа»⁶⁸⁶. Такой взгляд казался Якобу Гогешавили свидетельством его перехода на позиции социализма, поскольку он не замечал, что подобный социализм в действительности означал лишь протест против национального угнетения народа и социального неравенства третьего сословия, абстрактный призыв к идеалу всеобщего национального и интернационального братства, единства, равенства и благоденствия, которые осуществились бы не путем классово-борьбы и скачка, а путем ускоренной эволюции.

И все-таки этот эволюционный взгляд Якоба Гогешавили и его соратников — просветителей-гуманистов в предреволюционный период объективно играл революционную роль, поскольку он способствовал ускорению приближения революционного периода общественного развития⁶⁸⁷.

То же самое можно сказать о позднем гуманистическом просветительстве, выдающимися представителями которого являлись Александр Казбеги и Важа-Пшавела.

Александр Казбеги. Александр (Сандро) Михайлович Казбеги (1848—1893) родился в с. Степанцминда (нын. Казбегский район Грузинской ССР). До двенадцати лет он воспитывался под руководством гувернеров. Среди его воспитательниц были и крестьянки-грузинки, труд которых будущий великий писатель оценил очень высоко. Одной из воспитательниц-крестьянок он писал: «В то время, когда обо мне заботились как о царевиче, и воспитывали во мне высокомерие, зависть и ненависть, ты участвовала в движении моих чувств, моей души... После твоих слов о положении крепостных и слуг много раз проливал я горячие слезы, твои слова вызывали у меня сочувствие к несправедливо угнетенному народу. И я могу гордо сказать тебе: если в твоём воспитаннике есть что-нибудь порядочное, причиной тому являешься ты»⁶⁸⁸.

В 1860 г. 12-летнего Сандро привезли в Тбилиси и отдали в частный пансион. В 1866 г. умер его отец, который оказался настолько разоренным, что в доме не оказалось денег на его похороны. Некогда богатая семья стала испытывать острую материальную нужду. С помощью матери Александру Казбеги все же удалось поехать в Москву для продолжения учебы. Поступив вольнослушателем в сельскохозяйственную академию, он учился очень прилежно, с увлечением, читал много книг на русском и французском языках. Юноша мечтал о том времени, когда получит высшее образование и «войдет со славой в ворота Грузии — Дарьял». Однако исполнению этой мечты воспрепятствовала непосильная для студенческого кармана расточительность, которую А. Казбеги проявил в светских салонах Москвы. Вскоре он убедился в том, что одни только развлечения не являются еще полной свободой, а тем более настоящим счастьем. В 1870 г. Александр Казбеги вернулся на родину больной от беспорядочной жизни.

В первой половине 70-х гг. Александр Казбеги, став пастухом, прошел большую трудовую школу. А во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он снабжал русскую армию товарами по подряду. Однако подрядчиком он оказался плохим. Для покрытия

⁶⁸⁵ Г о г е б а ш в и л и Я. Маленькое разъяснение. — Там же, т. IV. с. 185—186.

⁶⁸⁶ Е го ж е. По поводу фонда им. И. Чавчавадзе, — Там же, с. 218; Примеры двух превратностей в народном просвещении. — Там же, с. 521.

⁶⁸⁷ Г а п р и н д а ш в и л и М.* Я. Гогешавили. Очерки истории грузинской общественной мысли, т. I. Тбилиси, 1959, с. 436—469.

⁶⁸⁸ Цит. по: К и к о д з е Г.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Избр. соч., т. III. Тбилиси, 1965, с. 335.

растраченного аванса он продал почти все имущество, оставшееся от отца. Не смог он осуществить и намерения открыть в Тбилиси частную типографию. В конце 70-х гг. он стал актером грузинской драматической труппы и в течение двух лет написал и перевел на грузинский язык до 25 пьес. Однако ни сцена, ни драматургия не принесли ему славы. Славный период его жизни начинается с 1880 г. и продолжается до 1885-го, когда он публикует в газете «Дрозба» свои бессмертные повести и романы: «Элгуджа» и «Хевисбери Гоча», «Священник» и «Циция», «Элисо» и «Цико», «Воспоминания бывшего пастуха» и «Отверженный». От материальной нужды, творческого горения и неустроенной жизни он рано состарился и умер⁶⁸⁹.

В реалистично-романтическом творчестве Александра Казбеги проявилась патриотическая и гуманистическая идеология национально-освободительного движения в Грузии⁶⁹⁰. Пишет ли он о любви или о дружбе, рисует ли природу или общество, творения замечательного писателя напоминают социологическо-психологические этюды, в которых свобода и человеческое достоинство, патриотизм и гуманизм, объявлены первыми и высшими началами. Его идеал — свободная родина и счастливое общество. Этот идеал Александр Казбеги противопоставляет действительности, в которой видит царство угнетения и несчастья. В прошлом, по его представлениям, народ в лице общины был своего рода единством, которое стояло близко к природе, было так же чисто и сильно, как природа. В те времена народу многого не хватало, однако он обладал целым рядом достоинств, знал возвышенную любовь и бескорыстную дружбу, и ненависть, и героическое самопожертвование. В новое время все это уничтожается цивилизацией, общинность разрушается, общество разделяется на два вражеских лагеря, «просвещенные европейцы» пытаются искоренить «азиатскую непросвещенность» с помощью сверкающего золота и оружия, бесчеловечный и несправедливый мир борется против человечности и справедливого мира, сильное господствующее меньшинство завоевывает и угнетает подчиненное большинство.

Александр Казбеги безо всяких колебаний встал на сторону угнетенных в борьбе против внутренних и внешних угнетателей. Борьба эта в его творчестве и мировоззрении представлена в форме противоположности добра и зла. Для него всякий угнетатель — злая сила, всякий угнетенный — добрая. Выступая от имени народа против остатков крепостничества; он с гордостью писал: «Я горец, воспитанный в народе, рожденный там, где закрепощение человека испокон веков считалось постыдным явлением, где слово «крепостничество» никогда не было в употреблении и где каждый почитал уважение к другому честью и достоинством для себя». А. Казбеги боролся против угнетения, наставляя народ: «Не забудь, что у тебя хотят отнять ту землю, где родились и где похоронены твои предки, их кости, и не отдавай ее!»⁶⁹¹. Смело вскрывая крепостнический характер «освобождения крестьян», он мечтал о братстве и равенстве: «Придет пора, и облака рассеются у нас, выглянет солнышко, времена изменятся, выздоровеет больной, брат увидит брата»⁶⁹². Он порицал индивидуализм буржуазного общества: «Община и ее дело, мол, стоит выше и тебя, и меня». Он мечтал об обществе, где был бы осуществлен принцип «все за одного, один за всех»⁶⁹³. В борьбе за национальный, личный и человеческий идеалы жертвуют собой хмурые, редко улыбающиеся, но умные, возвышенные, облагороженные гуманными чувствами естественной любви, беззаветной дружбы, невиданного мужества и незапятнанной моральной чистоты герои Александра Казбеги. На этих идеалах воспитывались многие поколения народа, закалялись его

⁶⁸⁹ К и к о д з е Г.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Избр. соч., т. III. Тбилиси, 1965, с. 357.

⁶⁹⁰ А б а ш и д з е К.* Этюды из истории грузинской литературы. Под ред. Д. Гамезардашвили. Тбилиси, 1962, с. 357; К о т е т и ш в и л и В.* История грузинской литературы. Под ред. Д. Гамезардашвили. Тбилиси, 1959, с. 554—555.

⁶⁹¹ К а з б е г и А. М.* Хевисбери Гоча. — Избр. произ. Тбилиси, 1939, с. 737; соч., т. 4. Тбилиси, 1949, с. 89.

⁶⁹² Его же. Элгуджа. — Там же, с. 44—45.

⁶⁹³ Его же. Хевисбери Гоча. — Там же, с. 735.

характер и революционно-демократический дух. Эти же идеалы писатель-просветитель противопоставлял уродливым типам самодержавно-дворянско-буржуазной действительности, которые огнем и мечом, насилием и подкупом пытались подавить патриотические и гуманистические чувства народа. Для Александра Казбеги не существует середины в борьбе, развязанной между добром и злом. Он был самым тенденциозным художником своего времени, в произведениях которого хорошее хорошо до конца и достойно подражания, а плохое — плохо до конца и достойно порицания. Он был противником пассивного, созерцательного отражения действительности и сознательно разделял научную точку зрения тенденциозности искусства. «В этой повести, — писал он в одном из своих произведений, — я рисую идеального священника, который при молитве и исполнении высокого долга не думает о деньгах, ожидаемых от творящих молитву людей. Мой священник жертвует собой ради народа и страны, он воспитан под влиянием высочайших нравственных принципов... Эти принципы настолько тенденциозны, что моего священника нельзя нарисовать иначе, как, не идеальным, тенденциозным творением».

Александр Казбеги, конечно, знает, что человек является продуктом среды, сыном природы. Однако он не верит в неизменность среды, которая была бы фотографически отражена в сознании человека или в искусстве. Даже всемогущая природа в его произведениях исполняет роль слуги человека, меняясь в соответствии с движением его чувств и разума. Настоящее искусство — это не барометрическое описание «поминутных изменений природы, а творческий рисунок возвышенных мыслей и переживаний, движения человеческой души». Он отрицает набрасывание «бездушных картин, без проводящихся в них мыслей»; для него неприемлемо простое описание явлений, и в то же время он не считает настоящими творениями искусства перегруженные голыми мыслями и тенденциями произведения. «В каждом описании безусловно должна быть мысль», — говорил он, однако настоящее произведение искусства создается лишь тогда, «когда мысль и художественность правильно сочетаются друг с другом»⁶⁹⁴.

Все творчество и мировоззрение Александра Казбеги представляют собой дальнейшее развитие идеологии национально-освободительного движения Грузии в поздний период грузинской просветительской общественной мысли.

Важа-Пшавела. Другим великим представителем позднего грузинского просветительства был Важа-Пшавела (Лука Разикашвили) (1861—1915). Родился он в Пшави, в с. Чаргали (нын. Душетский район Грузинской ССР). В семь лет его отдали в Телавское духовное училище, после окончания которого он поступил в училище при Тбилисском учительском институте. В 1882 г. Важа-Пшавела закончил Горийскую учительскую семинарию, где преподавали последователи К. Ушинского и Я. Гогешашвили. В семинарии большое внимание уделялось изучению грузинского языка и литературы. Революционно-демократически настроенные педагоги Горийской семинарии (Д. Семенов, М. Кипиани) помогали учащимся приобретать знания и самостоятельно читать внеклассную художественную и политическую литературу. В этот период будущий великий поэт основательно знакомится с творениями грузинских, русских и западных писателей и мыслителей. В этот же период Важа-Пшавела устанавливает связь с нелегальным кружком горийских народников; однако интерес его больше склоняется к художественной литературе, нежели к политической деятельности, а в народничество он верит, поскольку оно содействует делу освобождения нации, т. е. главным образом крестьянства. В Гори Важа-Пшавела начал писать стихи и корреспонденции.

После окончания Горийской учительской семинарии Важа-Пшавела работал преподавателем в сельской школе в Амтнисхеви, но вскоре был вынужден оставить ее в связи со столкновениями с местными землевладельцами и царскими чиновниками.

⁶⁹⁴ К а з б е г и А. М. Избр. произ., с. 735.

В 1883 году Важа-Пшавела уезжает в Петербург, где слушает лекции на юридическом факультете Университета. Из-за нужды и безразличного отношения к официальной науке он оставил Университет, вернулся на родину и снова стал учителем сначала в семье Амилахвари, а позже — в селе Диди-Тонети, откуда также был уволен после столкновения с местной администрацией.

В 1888 г. он поселился на постоянное жительство в родном селе Чаргали, где занимался сельским хозяйством и создавал свои гениальные произведения. Тяжелый труд и постоянная нужда рано сломили великого поэта.

Краеугольными камнями творчества и мировоззрения Важа-Пшавела являются патриотизм, демократизм, гуманизм. Его лирика, проза и эпос пронизаны любовью к народу и человечеству. Идеалы мужества и героизма, человеколюбия и солидарности, равенства и свободы воспитывали в сознании современных и будущих поколений творения Важа-Пшавела — «Гость и хозяин», «Бахтриони», «Рассказ косуленка», «Гоготур и Апшина», «Алуда Кетелаури», «Змеед», «Космополитизм», «Что такое свобода?», «Талантливый писатель» и др.

Основным содержанием гуманистическо-просветительского мировоззрения Важа-Пшавела является определение сущности природы и истории, его своеобразной частицы — человеческого общества. Но, по его мнению, «необходимым условием развития всего человечества должно быть развитие отдельных наций», и поэтому свой гуманизм он строит прежде всего на основе патриотизма. «Науки и гениальные люди открывают нам дорогу к космополитизму, — писал он, — однако только через патриотизм... Дайте каждой нации развиться до того, чтоб она хорошо понимала свое экономическое и социальное положение, свои недостатки и достоинства, уничтожьте сегодняшние экономические превратности, и тогда, несомненно, будут устранены стремление одного поглотить другого, взаимное разорение, войны, которые сегодня господствуют на земле... Патриотизм является больше делом чувств, чем разума... космополитизм же — плод ума... он представляет собой средство предотвращения несчастья, которое до сих пор угрожает всему человечеству. Поэтому космополитизм мы должны понимать так: люби свою нацию, свою страну, любя также другие нации; не смотри с завистью, не мешай другим в осуществлении своих стремлений к счастью и старайся, чтобы никто не мог угнетать твою родину, чтобы она тоже сделалась равной передовым нациям»⁶⁹⁵.

Такова основа мировоззрения Важа-Пшавела. С этой точки зрения великий гуманист и просветитель подходил к оценке всех общественных явлений, были ли они социально-экономическими или идейно-литературными, считая такой подход выражением интересов трудящегося большинства нации. По его словам, нация «требовала одного определенного, национального, народного, общественного учения», которое должно было быть полезным для большинства. Своим идеалом Важа-Пшавела считал свободный народ как своеобразную часть передового человечества, а первейшим средством осуществления этого идеала — научное, реалистически-материалистическое просвещение трудящихся⁶⁹⁶. Гениальный грузинский поэт был и великим мыслителем-просветителем. «Пусть будет основано самое демократическое правление, непросвещенный, невоспитанный народ все же останется игрушкой в руках правителей», — писал он. Важа-Пшавела считал, что революция 1905 г. выявила неподготовленность и темноту народа и тем самым создала возможность устранения этой неподготовленности путем мирной культурной работы⁶⁹⁷.

Как личность и творец Важа-Пшавела был гордым и стойким, негибким человеком. Он не подчинялся помещичье-буржуазному режиму, отрицая господствовавшие в его время, как дворянскую расточительность, так и мещанско-

⁶⁹⁵ В а ж а - П ш а в е л а . * Космополитизм и патриотизм. — Полн. собр. соч. в 5 томах, т. V. Под ред. Э. Шарашенидзе. Тбилиси, 1961, с. 213—215.

⁶⁹⁶ Его же. Невзгоды и радости Пшав-Хевсурети. — Там же, с. 226.

⁶⁹⁷ Его же. Между прочим. — Там же, с. 255.

купеческий, эгоистический дух, от которого человек терял достоинство, разменивая мужество на аршин, а честь на деньги. Важа-Пшавела выступал защитником «земледельческого народа», однако не считал идеальным его патриархально-общинный уклад и буржуазный прогресс, основанный на господстве денег, который вместе с тем не казался ему явлением, достойным безоговорочного отрицания, с точки зрения прогрессивного развития того же «земледельческого народа». «Грузинская нация с незапамятных времен является земледельческой, — писал он, — сила ее зависела от хлеба, вина и земли, дающей их. И действительно, земля — это великое сокровище для нации. Без нее, без территории нация не существует... Однако в наше время возвысились, обнаглели и деньги. Владеющие деньгами сами установили таксу на продукты земли. Наш народ долго наблюдал такое положение... решив в конце концов, что деньги являются силой, которая делает в своих руках игрушками и земледельцев, и их продукты. Значит, и нам надлежит приобрести эту силу для нас... Мы должны разбогатеть... Без этого нет спасения!... Богатство породило прогресс, а сам прогресс выдвинул идеи добра, братства, единства, согласия и любви, в этом деле бедность бессильна»⁶⁹⁸. Важа-Пшавела выступает против «извращения национального идеала», против доведения его до голого расчета. Он не согласен и с тем, чтобы с целью обогащения крестьянства обеднело передовое дворянство, так как, рассуждает он, «дворянство — это наша буржуазия» (т. е. передовая часть общества) и «обеднение этой культурной части нашей нации мы пока что должны считать вредным». Кроме того, «нуждается ли наше и без того бедное и ничем не владеющее дворянство в обеднении? Разве это сословие представляет опасность для кого-нибудь?» Непросвещенное, «оставленное без культуры крестьянство не вносит ничего» в дело борьбы на национальное освобождение народа. «Пройдет много времени, пока оно будет вовлечено в общий хоровод, в котором уже участвует городская мелкая буржуазия, духовенство и обедневшее дворянство». А до вовлечения крестьянства в национальный «хоровод» внесение аграрного вопроса в программу освободительного движения разрушает «единство и солидарность между различными грузинскими сословиями», принося вред освобождению народа в колониальной стране⁶⁹⁹.

Важа-Пшавела видит, что основной чертой его времени является классовая борьба; угнетенная «часть (класс) общества, у которой отняли счастье, ведет борьбу против другой части, которая присвоила счастье, свободу и имущество первой». Борьба эта необходима и справедлива, так как «свобода должна быть всеобщей, а не частной принадлежностью нескольких людей, как это бывает сегодня», — говорил он. Свобода одной личности не должна препятствовать свободному действию другой личности и всего общества, если это действие направлено «к общественному счастью» народа. Свобода должна давать трудящемуся все плоды его труда. Чтобы достичь такого положения, «должно быть свободным не одно из сословий, а вся нация. Страна будет счастливой только тогда, когда уничтожатся сословные преимущества и все сословия будут свободными, т. е. счастливыми... Не ищите свободы там, где в основу жизни положены сословные различия, где не всем без сословных и родовых различий дается возможность честным трудом добыть хлеб насущный, где труд не ценится по достоинству, где неравномерно распределены знания, имущество»⁷⁰⁰. Важа-Пшавела не соглашался ни с народниками, ни с радикал-демократами, которые в борьбе за всеобщее благосостояние нации отдавали преимущественную роль только одному из сословий. Возникновение в национально-освободительном движении Грузии различных идейных течений он оценивал положительно. Однако самым верным считал патриотические, гуманистические и демократические взгляды того идейного течения, которое было представлено И. Чавчавадзе, А. Церетели, Я. Гогебашвили. Илью Чавчавадзе он называл «идеологом всей

⁶⁹⁸ В а ж а - П ш а в е л а . О некоторых невзгодах и радостях нашей жизни . — Там же, с. 424—425.

⁶⁹⁹ Его же. Вороны вокруг тени Ильи Чавчавадзе. — Там же с. 241 —243.

⁷⁰⁰ В а ж а - П ш а в е л а . Что такое свобода? Что называть свободой? — Там же. с. 413—419.

грузинской нации, поставившим на твердую почву национальный вопрос». А после убийства Ильи Чавчавадзе Важа-Пшавела давал ему клятву: «Еще выше поднимем развернутое тобой знамя, верно будем служить завещанным тобой идеалам «братства, единства, свободы и любви». Все творчество и мировоззрение Важа-Пшавела — исполнение этой клятвы. Он был таким же умеренным реалистом в политике, как и его великий предшественник. Так же как И. Чавчавадзе, Важа-Пшавела говорил с «богом» о благе человека, нации, человечества. Поэт, в его понимании, это «гений, одаренный божественным умом, великими чувствами и знаниями, который любит людей и в котором кипит... бессмертная истина, вечная красота, порожденные жизнью и переработанные гениальным разумом для улучшения жизни»⁷⁰¹.

Мировоззрение и творчество Важа-Пшавела пронизаны анимистической верой в одухотворенность всех предметов и материалистическими воззрениями, пропитанными пантеистическо-антропологическим пониманием божественности всей природы. Важа-Пшавела не интересуется ни богом, ни отвлеченной природой. Его главная забота — человек, а основным вопросом его философских воззрений являются отношения между человеком и природой. Он ищет не мира в боге или в человеке, а место человека в мире. Главный результат его поисков состоит в том, что он проникает в глубь гармонических отношений, существующих между человеком и природой, открывая человеческое в природе и природное в человеке. Слов нет, человек, как мыслящее и говорящее существо, отличается от «бессловесно-безличной природы», однако он все же представляет собой часть природы, и поэтому «жить по законам природы» является его первейшим призванием. Природа всеильна, но ее могущество есть результат не внешних сил, а внутреннего ее «порядка». Природный порядок—разумный, поэтому разумность должна быть положена в основу жизни ее высшего творения — человека. Смысл существования природы, как и человека, — это стремление к жизни. Объективно существующая прекрасная природа многообразна и едина. Она творит как добро, так и зло. Она содержит в себе «угнетенную справедливость» крохотного цветочка и высокомерие великих гор. Человек и человеческое общество похожи на свою мать — природу. И тут наглядно видна противоположность добра и зла, но дитя природы, великое существо, человек, имеющий все достоинства и недостатки матери, в отличие от нее, имеет силу, необходимую для победы добра над злом и утверждения на земле искомого до сих пор на небесах Царства истины, красоты, единства, любви, свободы, труда, равенства и счастья⁷⁰². В этом и видит великий грузинский гуманист и просветитель высшее назначение человека, нации, человечества. Мировоззрение Важа-Пшавела представляет собой венец гуманистическо-демократического течения грузинской просветительской общественной мысли⁷⁰³.

Радикально-демократическое течение. Гуманистическое понимание теории единой нации и человечества не было чуждо и представителям «Второго течения» («Меоре даси» — «Вторая группа») грузинской просветительской мысли второй половины XIX века.

Социальная основа и теоретические источники этого течения в основном были те же, что и «Первого течения», но его представители выступали более радикальными выразителями требований третьего сословия, причем преимущественно его городских слоев, и защищали просветительно-утопическо-социалистические идеи гораздо более последовательно. Наряду с абстрактным пониманием вечно, во все времена существующей, но постоянно изменяющейся нации, представители «Второго течения» были сторонниками сравнительно более конкретного понимания сущности нации

⁷⁰¹ Его же. Слово у могилы И. Чавчавадзе. — Там же, с. 231—232, 262, 427; см. также: К и к о д з е Г. Избр. соч., т. III, с. 352.

⁷⁰² См.: К у т е л и я А.* Важа-Пшавела. Тбилиси, 1947, с. 30; К в е с е л а в а М.* Фаустовские парадигмы, т. II. Тбилиси, 1961, с. 109—111; Л о м а ш в и л и Дж.* Общественно-политические взгляды Важа-Пшавела. Тбилиси, 1986.

⁷⁰³ См.: В а ж а - П ш а в е л а . * Поэмы. Тбилиси, 1951; его же. Избр. произ. Тбилиси, 1938.

современной им эпохи перехода от феодализма к капитализму, нации, находящейся в противоречивом процессе объединения и разъединения. Наряду с гуманистическим материализмом и критическим, приукрашенным, по их мнению, реализмом, они защищали и принципы естественнонаучного материализма и не приукрашенного реализма, признавая возможность использования в интересах нации имущества и учреждений дворянства и вместе с тем решительно отрицая главенство его в строительстве новой Грузии. Строителями и хозяевами свободной от национального и социального гнета самостоятельной Грузии они считали трудящихся, возрождающихся, объединяющихся в ассоциации мелких собственников. Радикальные просветители-демократы смело выступали против пережитков крепостничества, ратовали за ускоренное развитие страны, прежде всего путем создания национальной промышленности и развертывания торговли; они критиковали отрицательные стороны новых производственных отношений, но признавали их прогрессивными, боролись за полную демократизацию общества, защищали третье сословие, особенно интересы тех «трудящихся собственников», которые, по причине малоземелья или безземелья, оставили деревню и подались в город, в поисках средств на приобретение хлеба и земли, предпочитая тяжелую работу в торговле и промышленности неравной борьбе против крупных помещиков и царских чиновников.

Революционно-демократическое содержание радикальной программы «Второго течения» грузинского просветительства, а также утопическо-социалистические идеалы его представителей объективно отражали прогрессивные потребности ускоренного буржуазно-демократического развития Грузии второй половины XIX века.

Идейными литературными органами радикально-демократического течения являлись «Дрозба» («Время», 1866—1885), «Сасопло газеты» («Сельская газета», 1868—1874), «Кребули» («Сборник», 1871—1873), «Тифлисский вестник» (1871—1880), «Обзор» (1878—1880), «Новое обозрение» (1886—1899), «Моамбе» («Вестник», 1894—1897), «Квали» («Борозда», 1893—1903). Эти радикально-демократические газеты и журналы, наряду с гуманистическо-демократическими «Сакартвелос моамбе» и «Иверией», сыграли большую роль в распространении национально-революционных, утопическо-социалистических и материалистических идей, в утверждении реалистической литературы и демократической мысли.

Идейными вдохновителями радикально-демократического «Меоре даси» были Г. Церетели, С. Месхи и Н. Николадзе.

Георгий Церетели. Одним из основателей и идеологов «Второго течения» был Георгий Ефимович Церетели (1842—1900) — великий просветитель-демократ, патриот, выдающийся деятель национально-освободительного движения и реалист своего времени. Родился он в селе Гориса (нын. Сачхерский район Грузинской ССР). Начальное образование получил дома под руководством отца. С 1851 г. учился в Кутаисской гимназии. Крепостническая действительность, колониальная система с юношеских лет будили протестантский дух будущего радикального демократа и просветителя, ставшего одним из выдающихся руководителей национально-революционного движения Грузии второй половины XIX века. Глубокое самостоятельное изучение многовековой родной литературы, истории и общественной мысли усилило его патриотические устремления.

В 1861—1863 гг. Г. Церетели учился на естественном факультете Петербургского университета. В это время и произошло его революционное крещение. Здесь познакомился он с западноевропейскими и русскими просветительскими революционно-демократическими и утопическими социалистическими идеями. В Петербурге он оказался под благотворным влиянием русских, польских и грузинских последователей великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Г. Церетели, активно участвовал в антиправительственных студенческих демонстрациях, за что был на несколько месяцев заточен в казематы Петропавловской крепости. Выйдя из нее, Г.

Церетели принимается за глубокое изучение западной и русской просветительно-революционно-демократической и утопическо-социалистической литературы.

В 1863 г. в журнале «Сакартвелос моамбе» была опубликована большая статья Г. Церетели, в которой прекрасно сочетаются хорошее знание материалистического мировоззрения того времени с изложением революционно-демократической программы преобразования общества.

В 1864 г. Г. Церетели возвращается в Грузию, открывает в родном селении домашнюю школу для крестьянских детей, а среди самого крестьянства ведет антикрепостническую агитацию.

В 1866 г. под редакцией Г. Церетели стал выходить орган радикально-демократического течения национально-освободительного движения Грузии—газета «Дрозба». С 1868 г. он начал издавать «Сасопло газети» для грузинского крестьянства. В 1871 — 1873 гг. редактировал журнал «Кребули». Активно сотрудничал почти во всех тбилисских грузинских и русских и некоторых петербургских газетах. Под его редакцией были изданы многие древние памятники грузинской культуры.

1873—1877 гг. жизни Г. Церетели связаны с пребыванием в странах Западной Европы. В 1874 г. под его председательством проводится конгресс грузинских, армянских, азербайджанских и дагестанских деятелей, провозгласивший идею создания Закавказской Федеративной Республики.

В 1877—1878 гг. Г. Церетели — корреспондент петербургской газеты «Голос». Приветствуя победу русской армии в войне против турок, в результате которой с Грузией были воссоединены ее южные области, Г. Церетели, в рядах русской армии, вступает на освобожденные от турок земли, продолжая возможными средствами бороться против колониальной политики царизма.

Пытаясь способствовать экономическому возрождению родины, Г. Церетели в 80-х гг. втянулся в промышленную деятельность, но потерпел неудачу. В 90-х гг. сблизился с марксистской молодежью, связав с ней свою надежду на восстановление местного самоуправления и создание экономически сильного и политически свободного общества во главе с рабочим классом и его марксистской партией. В 1893 г. начал издавать газету радикально-демократического направления — «Квали», на страницах которой печатал произведения первых грузинских марксистов, представителей названной им «Месаме даси» — первой грузинской социал-демократической организации, считая ее непосредственной продолжательницей и наследницей радикально-демократического течения «Меоре даси».

Творчество и деятельность Г. Церетели многосторонни. Он являлся одним из популярнейших беллетристов и публицистов своего времени, драматургом и поэтом, промышленником, историком и археологом, естествоведом. В его публицистических статьях и художественных произведениях («За что крикнул «Дискари»?», «Несколько мыслей о нашей жизни», «Движение нашего времени», «Трудолюбие — большая сила», «Какие выводы должен был сделать слушатель из лекций г-на И. Тархнишвили?», «Мы и наша «Дрозба», «Лучшее знание», «Политическая жизнь Грузии в древнейшие времена», «Рисунки Гуго Габашвили», «Кита Абашидзе и наша молодежь», «Письма путешественника», «Серый волк», «Тетушка Аснат», «Цветок нашей жизни», «Первый шаг», «Гулкан» и др.) правдиво, отражены особенности национально-освободительного движения и проблемы переходного периода от феодализма к капитализму в Грузии.

По своему мировоззрению Г. Церетели — выдающийся представитель и руководитель радикально-демократического течения грузинского просветительства⁷⁰⁴. Патриотизм, борьба за национальную свободу и равноправие народа являются первой составной частью его просветительского мировоззрения. По мнению Г. Церетели, одной из главнейших целей революционно-демократического и даже социалистического

⁷⁰⁴ Х у н д а д з е С. Г.* Г. Церетели. Тбилиси, 1931; Г а п р и н д а ш в и л и М.* Мировоззрение Г. Церетели. Тбилиси, 1955.

движения угнетенной нации должно стать сначала достижение национальной свободы, а затем преодоление социального неравенства⁷⁰⁵. Он признавал прогрессивность присоединения Грузии к России, высоко оценивал дружбу с русским и другими народами, однако был противником царской политики национального угнетения. «Одной рукой получай ты от меня свет, а другой пусть будет он уничтожен страшной темнотой» — так характеризовал Г. Церетели политику царизма. Солидарность всех прогрессивных социальных слоев для завоевания национального равноправия и социальной свободы, а также создание единого фронта всех угнетенных для борьбы против царизма — таково было основное требование Г. Церетели. Он выступал сторонником объединения Грузии с Россией на двух принципах: «во внутренних делах — полная свобода и самоуправление для обоих народов, а во внешних делах — взаимопомощь и общий труд для всего государства, защита и укрепление его общими силами»⁷⁰⁶.

Г. Церетели был великим демократом своего времени. Борьба за восстановление государственности Грузии, «признание и осуществление подлинно национального принципа» означало, по его мнению, полную ликвидацию феодально-крепостнической отсталости, «образа жизни тысячелетней давности», который обуславливал с древнейших времен неограниченное угнетение «бедных трудящихся-крестьян» дворянством, «злым сословием», которое погубило самостоятельную государственность Грузии и обусловило возникновение всех национальных и социальных бед грузинского народа. «О, какими мы были бы счастливыми и сильными... какое у нас было бы единение, если бы один человек не мог угнетать другого!»⁷⁰⁷

Одним из первых среди грузинских просветителей Г. Церетели дал достаточно яркий анализ общественной жизни до- и пореформенной Грузии, осознал дворянско-буржуазное содержание крестьянской реформы, раскритиковал с революционно-демократической точки зрения соглашательство либералов и консерваторов и сформулировал революционный наказ как бороться против крепостничества. Однако из-за слабости революционных сил быстрая перестройка старого общества в 60-е годы оказалась невозможной, и радикальный просветитель возложил надежду искоренения существовавших и после реформы пережитков крепостничества на постепенное просвещение и усиление мелких собственников. Чего не смог добиться «рабочий народ», «низшее сословие» борьбой, должно было быть завоевано трудом. «Испорченное и обессиленное наше дворянство» не может, по мнению Г. Церетели, приспособиться к новому времени, когда «крепостничество, основанное на земле, сменилось крепостничеством, основанным на деньгах». Опорой и ведущей силой новых общественных отношений Г. Церетели считал «закаленный в нужде и труде, разумный, справедливый, но угнетенный несправедливостью рабочий народ», который, по его мнению, и в полузависимом положении смог бы возглавить новую жизнь, трудиться, приобрести капитал и землю посредством торговли, стать свободным, независимым, культурным хозяйственником путем создания рационального хозяйства и, таким образом, вывести отсталую крепостническую Грузию на широкий путь развития промышленного и сельскохозяйственного производства⁷⁰⁸.

Георгий Церетели не идеализировал развивавшиеся после реформы капиталистические отношения. Он хорошо видел и отрицательно относился к эксплуататорскому характеру «нового крепостничества», замечал, что торговый и ростовщический капитал Грузии, притом преимущественно не местного происхождения,

⁷⁰⁵ Церетели Г.* Письмо к Э. Ниношвили. — Ниношвили Э. Соч., т. III. Под ред. С. Хундадзе. Тбилиси. 1930, с. 146—157.

⁷⁰⁶ Церетели Г.* Канцлер Австрийской империи Баден. — Квали, 1895, № 49.

⁷⁰⁷ Его же*. Г-н Лали и «Иверия». — Квали, 1895. №6; его же. Исповедь Матусалы. — Полн. собр. соч., т. I. Под ред. С. Хундадзе, Тбилиси, 1931, с. 31.

⁷⁰⁸ Церетели Г. Обстановка в настоящее время. — Кребули, 1872, № 19; его же. Обстановка в нашем веке. — Квали, 1897, № 1.

развивался путем эксплуатации трудящегося большинства нации и что «петушиный крик нового времени» в Грузии также вызывал обогащение меньшинства, обеднение и «впадение в пролетарианство» большинства трудящихся⁷⁰⁹. Однако радикальному просветителю были чужды мелкобуржуазный плач и простое отрицание капитализма. Он признавал прогрессивность новых общественных отношений по сравнению с крепостничеством, призывал «трудовой народ» всемерно развивать торговлю, промышленность, сельское хозяйство; в то же время он строго критиковал европейский и местный капитализм, который «сосал мозги у нации» и вместо всеобщего национального благоденствия устанавливал всеобщее угнетение и «порчу нравов», заботясь лишь о победе в беспощадной борьбе за существование и умножение богатства сильных мира сего⁷¹⁰.

Идеалом Г. Церетели было общество трудящихся, экономической основой которого являлись бы мелкая частная собственность и общий коллективный труд объединенных, в одно и то же время производящих, потребляющих и сбывающих свою продукцию в товариществах людей и политической формой—национальная власть, избранная всем народом, всеми трудящимися. Условиями, обеспечивающими в таком обществе равноправие, свободу и счастье трудящихся, а на этой базе и благосостояние всей нации, должны были стать всемерно развитые личности, дружеская взаимопомощь всех членов общества, всеобщий труд. Так сливались в общественно-политической программе радикального просветителя по форме социалистические и по объективному содержанию буржуазно-демократические идеалы⁷¹¹.

Необходимость радикального преобразования общества Г. Церетели рассматривал, основываясь на реалистической, материалистической философии. «Многообразную природу» или «материю и существующую с ней силу», находящиеся в процессе вечного движения и развития, он считал началом, субстанцией всех материальных и духовных явлений⁷¹². По его мнению, человек — это часть природы, а главнейшими природными потребностями человека являются чувство «самолюбия и самозащиты» и стремление к свободе и счастью через познание природы. Естествознание — это средство, которое человеку возмозжность «подняться до того яркого и высокого самосознания, откуда он увидит первые солнечные лучи, отражающие блистательное будущее нового мира, где будет царствовать разум, справедливость и добро»⁷¹³. Радикальный просветитель враждебно относился к отвлеченному, особенно идеалистическому пониманию первоначала мира. Для него философия природы и общества — это естественнонаучные знания, обобщающие практические задачи, стоящие перед обществом, в частности грузинским, и его национально-освободительным и социальным движением. Знания эти в мировоззрении Г. Церетели содержат не только материалистическое понимание природы и человека, но и зачатки диалектического мышления, однако материализм почти позитивистского толка и особенно диалектика в мировоззрении Г. Церетели не имеют научно завершенного вида. Причинами возникновения тех или иных общественных явлений он считает обстоятельства и потребности общества, роль личности видит в познании этих потребностей, даже признает необходимость классовой борьбы и революции, но главным средством установления всеобщего национального и социального благоденствия все-таки считает мирную эволюцию общества, обеспечиваемую просвещением. Он называл марксизм «последним выводом научной социологии», однако вместо пролетарского социализма руководствовался на практике просветительско-утопической концепцией национально-демократического социализма.

⁷⁰⁹ Его же. Общинное положение Млетского сельского общества. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 61.

⁷¹⁰ Его же. Мы и наша «Дрозба». — Дрозба, 1879, № 16.

⁷¹¹ Гаприндашвили М.* Грузинское просветительство. Тбилиси, 1966, с. 82—93.

⁷¹² Церетели Г.* Молешотт. — Квали. 1893, №25.

⁷¹³ Его же. Несколько мыслей о нашей жизни. — Полн. собр. соч., т. I, с. 130.

На естественнонаучном материализме и политическом радикализме основывалась и эстетическая теория Г. Церетели, его «неприукрашенный реализм», согласно которому искусство должно быть народным и служить, народу, однако оно должно быть создано не столько посредством творческой, фантазии, сколько путем научного наблюдения над жизнью, неприукрашенным, крайне точным отражением реальной действительности. Искусство не должно быть тенденциозным, так как жизнь и мышление — одного и того же порядка, то точное научное отображение реальной жизни само собой означает и идейность произведений искусства. Несмотря на такой «объективизм», в художественном творчестве Г. Церетели «тенденциозно», т. е. в основном в критическо-реалистическом духе, отражены главные тенденции развития общественной жизни его времени⁷¹⁴.

Мировоззрение Г. Церетели, выразителя радикально-демократических стремлений грузинского третьего сословия второй половины XIX века, с характерной для него определенной теоретико-классовой ограниченностью, тем не менее сыграло значительную роль в усилении национально-революционного духа и «подготовке народа к борьбе против всяких невзгод» тогдашней жизни⁷¹⁵.

Сергей Месхи. Другим руководителем радикально-демократического течения в национально-освободительном движении был Сергей Семенович Месхи (1845—1883). Он родился в г. Кутаиси. В 1863 г. окончил Кутаисскую гимназию, а в 1867 г. — естественный факультет Петербургского университета. Формирование патриотического и демократического мировоззрения будущего журналиста началось еще в ученический период. За годы обучения в университете С. Месхи глубоко проникся просветительскими идеями революционных демократов и утопистов-социалистов Западной Европы и России.

В 1867 г. вернувшийся в Грузию Сергей Месхи поступил на государственную службу, но, считая работу чиновника в канцеляриях царских учреждений несовместимой со служением народу, вскоре оставил ее. Уже в это время он писал, что «идеалом и назначением жизни всех людей должно быть служение своему бедному, угнетенному и несчастному отечеству»⁷¹⁶.

В 1869 г. руководители радикально-демократической «новой молодежи» решил издавать журнал «Кребули», редактором которого предполагался Г. Церетели. В связи с этим встал вопрос о замене редактора газеты «Дрозба». По предложению Нико Николадзе, редактором «Дрозба» был приглашен Сергей Месхи. В течение 14 лет, с 1869 по 1883 гг., С. Месхи, этот неутомимый человек, по характеристике Г. Церетели, «бескорыстный служитель справедливости и истины», благодаря своему неустанному труду, держал в руках знамя грузинской литературы и общественной мысли⁷¹⁷. В период редакторства С. Месхи «Дрозба» была, по существу, органом радикально-демократического течения национально-освободительного движения в Грузии.

В 1873—1874 гг. Сергей Месхи совершенствовал свои знания в странах Западной Европы. Строго критикуя западный капиталистический строй, он восхвалял национально-революционную идеологию Запада и считал необходимым для Грузии пройти «западноевропейский путь»⁷¹⁸.

Находясь в Европе, Сергей Месхи продолжал руководить газетой «Дрозба». После возвращения на родину, особенно в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Сергей Месхи вел политическую агитацию против царизма, пропагандируя идею революционной войны. Целью такой войны, по мнению С. Месхи, должно было быть создание новой

⁷¹⁴ Г а п р и н д а ш в и л и М.* Мировоззрение Г. Церетели. Тбилиси, 1955, с. 251—271; В а х а н и я В.* К пониманию «неприукрашенного реализма». Тбилиси, 1966, с. 3—47.

⁷¹⁵ Ц е р е т е л и Г.* Письма путешественника. — Избр. Произ., т. I. Тбилиси, 1947, с. 178; его же. Избр. произ., т. 1—2. Тбилиси, с. 190 — 195.

⁷¹⁶ М е с х и С. С.* Письмо к Ек. Меликишвили. — Письма. Под ред. И. Боцвадзе. Тбилиси, 1950, с. 1 — 2.

⁷¹⁷ Ц е р е т е л и Г.* Слово на похоронах С. Месхи — Дрозба, 1883, № 145.

⁷¹⁸ М е с х и С. С.* Новое направление нашего нового поколения. — Соч., т. I. Под ред. И. Боцвадзе. Тбилиси, 1962, с. 271.

Грузии, неразрывно связанной со свободной и демократической Россией, равноправной с ней и независимой во внутренних делах. Борьбу за эту цель он считал первейшим долгом «всей грузинской нации», выступая за создание объединенного фронта против царизма, в который вошли бы все классы и социальные прослойки. Критикуя консервативное грузинское дворянство и духовенство, он боролся против крупного купечества. Основной силой национально-освободительного движения Сергей Месхи считал «трудовое сословие», прежде всего просвещенное и окрепшее крестьянство, однако ему казалось возможным объединение всей нации, для осуществления радикально-демократической национальной программы, под идейным руководством «молодежной партии». Главным идейным средством подготовки народа для осуществления указанной программы Сергей Месхи считал печатную пропаганду, в частности прессу. Он старался превратить газету «Дрозба» в инициатора и главу всех прогрессивных начинаний. Он выступал от имени всего народа, защищая все третье сословие, т. е., по существу, всю буржуазную демократию, и газету «Дрозба» объявлял демократическим органом всей нации. «Наша газета, — писал он, — не имеет в виду ни крупного, ни мелкого дворянина, ни крестьянина и ни чиновника, ни торговца, ни промышленника, она имеет в виду... среднего читателя-грузина... такого среднего грузина, для которого всякая новая мысль, всякое новое сообщение о его родине — Грузии должно быть интересным и полезным»⁷¹⁹.

Теоретически Сергей Месхи национальное, казалось бы ставил выше классового, но практически его патриотические идеи всегда наполнялись демократическим социальным содержанием. Его идеалом было основанное на свободном труде и всеобщем равенстве общество, созданное путем полной ликвидации крепостничества, от которого погибало «преимущественно крестьянство», однако оно представляло собой общенациональное несчастье, «главную болезнь и причину, препятствующую успехам всей страны». И после реформы 1864 г. «следы крепостничества» в Грузии не были уничтожены полностью. Формально свободное крестьянство фактически являлось сословием угнетенным, которое эксплуатировалось не только бывшими крепостниками, но и купцами, пришедшими в движение в связи с превращением денег в главный элемент производства и начавших «искать золото даже в простой красной земле»⁷²⁰.

Сергей Месхи признавал, что капиталистические производственные отношения способствовали технико-экономическому развитию страны, но в то же время критиковал их эксплуататорский характер. В Грузии 60-х—70-х гг. XIX века он не видел крупного капиталистического производства; крупные буржуа и совершенно безземельный пролетариат также казались ему редкостным явлением. «У нас борются между собой преимущественно городской народ и деревенский народ», — говорил он. Однако Сергей Месхи знал, что купцы богатеют за счет эксплуатации простого народа, и считал необходимым освобождение своего народа «от деревенских пиявок, которых называют ростовщиками-купцами и которые сосут последние капли крови и сдирают шкуру с народа»⁷²¹.

В новых условиях пореформенного развития радикальный демократ предполагал, что путем установления общего благоденствия крестьяне приобретут землю и деньги, осуществится всеобщее просвещение, трудящиеся собственники превратятся в одно и то же время в производящих, потребляющих и сбывающих культурных хозяйственников, некапиталистическое развитие вновь вышедшего из феодализма общества в конечном счете приведет к созданию такого общества трудящихся, где «имущества и знания будут равно распределены, человеческое общество не будет разделено на два враждебных друг другу лагеря, не будет богатых и бедных», во главе же национального прогресса станет демократическая власть, единства общества и всестороннее развитие личности будут основой их свободы, равенства и счастья и будет царствовать не эксплуатация, насилие и

⁷¹⁹ Его же. Читатели «Дрозба». — Соч., т. II, с. 50.

⁷²⁰ М е с х и С. С. Произведения. Под ред. С. Пирцхалава. Тбилиси, 1903. с. 404—405.

⁷²¹ Там же, с. 149, 531

угнетение, а труд, разум, любовь и единение. Сергей Месхи искренне верил в установление этого царства всеобщего благоденствия, мечтая о нем и порицая общество, в котором «вместе, в одно и то же время, в одном и том же человеке совмещались прекрасные принципы с подлыми делами»⁷²².

Однако наступление всеобщего благоденствия он видел в далеком будущем, невысказанном без революционного насилия, требующего жертв. Он приветствовал восставших против царизма и дворян грузинских крестьян, а также парижских коммунаров и болгарских патриотов. Угнетенный трудолюбивый народ, писал он, «показывает свою настоящую силу и желания сердца во время революции», несмотря на то, что после всех осуществленных революций «участь народа опять оказывается в руках врагов народа, реакционеров»⁷²³. Сергей Месхи считал «крайне нужной» пропаганду идей Великой французской буржуазной революции в Грузии. «Этот величайший и замечательнейший эпизод мировой истории, — писал он, — является тем источником, от которого происходят все наши ценнейшие принципы, убеждения и мысли». Однако, мечтая о народной революции, которая привела бы народ в движение против царизма, в конкретно-исторических условиях. В Грузии 60-х—70-х гг. XIX века он не видел революционной силы, которая призвала бы к восстанию малочисленный, экономически слабый и политически неподготовленный грузинский народ, считая такой призыв авантюристическим. Даже самые массовые стихийные восстания грузинских крестьян он считал лишь средством подготовки народа к будущей революции⁷²⁴. В тогдашних условиях, по его мнению, было необходимо отстаивание нации от перерождения, ее подготовка, объединение, «составление программы», распространение «идей освобождения».

Сергей Месхи руководствовался известным материалистическим положением о том, что все зависит от обстоятельств, места и времени, что общественная жизнь постоянно и всесторонне изменяется и что задача выдающихся исторических личностей состоит в познании общественных потребностей и в подготовке народа к его осуществлению. Вообще не имеющее границ историческое развитие общества представляется ему в виде борьбы между добром и злом, конкретными проявлениями которой он считает национальную борьбу угнетенных народов против своих угнетателей и социальную борьбу бедных против богатых. Основу этой борьбы он усматривает в противоположности общественных, в частности имущественных, интересов, однако противоположность эту считает причиной, препятствующей прогрессу человечества, предполагая, что средством всеобщего благоденствия должно быть просвещение. «Для нашего народа, как и вообще для всех, первейшее средство улучшения жизни — это просвещение», — говорит С. Месхи. Для образования, просвещения «низкого люда» своего времени он считал излишним как отвлеченную философию, так и чистую науку. По мнению С. Месхи, главнейшими средствами культурного и патриотическо-политического воспитания народа являются доступные ему знания по истории, политической экономии и литературе. Знание отечественной и всемирной истории должно вселять в народ надежду на лучшее будущее. Политэкономия должна обосновать необходимость такого общественно-политического строя, в котором «один человек не заедал бы труд другого, чтобы каждый пользовался результатом своего труда»⁷²⁵. Этой же задаче должна служить национальная литература, которая, подобно зеркалу, должна отражать «действительную жизнь грузинского народа», указывая ему «путь к будущему,

⁷²² Месхи С. С. Соч., т. I, с. 279—280; Письма, с. 60—62.

⁷²³ Там же, с. 73, 197.

⁷²⁴ Его же. Письма к Ек. Меликишвили. — Письма, с. 73, 103, 112; см., также: Гаприндашвили М.* Очерки истории грузинской общественной мысли, т. I, 1959, с. 181—310.

⁷²⁵ Месхи С. С. Письма к Ек. Меликишвили. — Там же, с. 62.

лучшему образу жизни», быть «воспитателем и наставником народа, показывающим правильный путь»⁷²⁶.

Нико Николадзе. Одним из основателей и руководителей радикально-демократического течения национально-освободительного движения в Грузии второй половины XIX века был Николай (Нико) Яковлевич Николадзе (1843 — 1928). Родился он в г. Кутаиси. С малых лет под руководством материзнакомился со старой и новой грузинской литературой и историей.

В 1861 г. Нико Николадзе поступил на юридический факультет Петербургского университета. 18-летний первокурсник, воспитанный на революционно-демократических идеях «Современника», принял активное участие в студенческих демонстрациях. Вместе с другими 282 участниками волнений, Нико Николадзе был арестован и на несколько месяцев заточен в Петропавловскую крепость.

После освобождения Нико Николадзе сблизился с Н. Г. Чернышевским. Он стал частым гостем его семьи и сотрудником «Современника», со страниц которого 20-летний публицист смело критиковал тогдашних западноевропейских ученых и давал оригинальную характеристику самого русского просветительства, революционного демократизма и утопического социализма.

После ареста Н. Г. Чернышевского Нико Николадзе, убедившись в невозможности «никакой революции» в России 60-х гг., вернулся в Грузию, как он говорил, «вооруженный светлыми идеями»⁷²⁷. Позже он безуспешно пытался продолжить учебу в Казанском университете. В 1862 — 1864 гг. Нико Николадзе сотрудничает в «Искре», «Народном богатстве» и «Современнике». В 1864 г. он едет в Париж, где продолжает прерванную в Петербурге учебу и, наряду с механикой и технологией, критически изучает теории французских утопических социалистов и английских экономистов.

В 1865 г. Нико Николадзе познакомился с А. И. Герценом и начал сотрудничество в «Колоколе». С радикально-демократической критикой крепостничества и крестьянской реформы связывал основную идею русского просветительского и народнического социализма — признание преимущества «социалистической» общины перед буржуазным индивидуализмом. О реформе 1861 г. он писал: «Так как было невозможно оставление крепостничества неизменным, русское правительство... завершило решение крестьянского вопроса тем, что переименовало крепостных крестьян и назвало их крестьянами, поселенными на землях дворян... Что же касается земли, ее отдали дворянству и она остается в его руках... Типографские чернила выдержали и не покраснели, когда выносили на дневной свет узаконение грабежа и разбоя, фальши и преступности»⁷²⁸.

Национальное движение грузинского народа Нико Николадзе считал подчиненным социальному движению. Он строго критиковал политику национального угнетения и насильственного обрусения, проводимую царским самодержавием. «О чем должно заботиться правительство, о том, чтобы просвещать, или же о том, чтобы затемнять присоединенные нации?» — спрашивал он и отвечал: «Если в Закавказский край Россия внесла теперешнюю цивилизацию, это еще не означает, что там русские должны быть господами, а местные жители рабами»⁷²⁹.

Ввиду идейного разногласия с А. И. Герценом, Нико Николадзе прекратил сотрудничество в «Колоколе» и для продолжения учебы переехал из Парижа в Женеву. В 1866 г., после неудачного выстрела Каракозова в Александра II, Нико Николадзе опубликовал в Женеве на русском языке брошюру «Правительство и молодое поколение»,

⁷²⁶ Его же. Вторая книга «Сборника». — Дрозба, 1871, №10; его же. Приостановление. — Дрозба, 1880, № 134.

⁷²⁷ Н и к о л а д з е Н. Я.* Воспоминания о 60-х годах. — Избр. произ., т. I. Под ред. С. Хундадзе. Тбилиси, 1931, с. 144.

⁷²⁸ Его же. Освобождение крестьян в Грузии. — Соч., т. I. Под ред. Д. Гамезардашвили. Тбилиси, 1962, с. 268, 271.

⁷²⁹ Его же. Из Грузии. — Там же, с. 310.

в которой подверг критике реакционную политику царизма, террористическую тактику народников, сформулировал радикально-демократическую и утопическо-социалистическую программу нового поколения. Его идеалом он объявил всеобщее благоденствие, основанное на труде и равенстве свободных трудящихся собственников и установленное путем экономического усиления и умственного развития народа, крестьянства⁷³⁰. Эти просветительско-демократические положения он развивал в статьях, напечатанных в журнале «Современность», издававшемся им в 1868 г. совместно с Л. Мечниковым. Нико Николадзе критиковал либерально-анархистскую идею «о невмешательстве государства в экономические дела и о неограниченной личной свободе отдельных членов общества». Он отвергал анархистскую теорию о возможности немедленного низвержения существующего строя. Противопоставляя взглядам анархистов и народников просветительскую революционно-демократическую концепцию Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Нико Николадзе считал нужным «обогащение» просветительского мировоззрения материалистическим позитивизмом⁷³¹.

Такова была просветительско-демократическая программа Нико Николадзе, когда он к началу 1870 г. вернулся в Грузию и продолжил пропаганду своих радикально-социалистических идей на страницах газеты «Дрозба». Еще в бытность в Европе он прислал в эту газету несколько статей, а после возвращения на родину испрашивал у правительства разрешения издать в Тбилиси русскую газету. Однако цензурный комитет отказал ему как лицу, находящемуся под полицейским надзором. Под видом приложения к газете «Дрозба» Г. Церетели начал издавать журнал «Кребули». Одним из руководителей обоих органов радикально-демократического течения стал Нико Николадзе⁷³².

Главной задачей в пореформенной Грузии Нико Николадзе считал быстрое развитие торговли, промышленности и сельского хозяйства в форме ассоциаций и с помощью народных кредитных учреждений. Он мечтал о таком обществе, где царствуют «братство, единство, свобода, где все стараются помогать друг другу, дружески подавать руку, чтобы жизнь стала легче»⁷³³. После поражения Парижской коммуны во Франции в мировоззрении Нико Николадзе еще отчетливее проявляется стремление к «экономическому республиканству». По его мнению, «пробуждение народа должно быть начато с такими изменениями, чтобы народ принял свое отечество не мачехой, а заботливой и любимой матерью и чтобы каждое частное лицо видело в своем собрате не противника и врага, а верного сторонника и сотрудника». С искренним восхищением писал он о героизме парижских коммунаров, однако считал классовую войну внутри народа «величайшим несчастьем», от которого, по его мнению, в старое время ослабела Грузия, а в новое время гибнет Франция.⁷³⁴

В 1873 г. Нико Николадзе вновь во Франции. Здесь, совместно с Д. Микеладзе и П. Измайловым, он издает печатавшуюся на пектографе грузинскую социалистическую газету «Дроша» («Знамя»), на страницах которой разъясняет значение революционного насилия в обостренной борьбе между трудом и капиталом и ратует за обязательное объединение демократов на основе единой партийной дисциплины. «Не только в Европе, но и у нас очень своеобразно и отчетливо рисуются действия партий, партийная жизнь», — говорил приехавши из Европы в Грузию Н. Николадзе. Консервативной партией в Грузии он считал старое поколение и в его лице перечеркивал всю старую Грузию. Прогрессивной партией называл новое поколение — знаменосец лучшего будущего Грузии. Однако и в новом поколении он видел два: прежнее поселение, или шестидесятников, и «новую молодежь», или семидесятников. Новая молодежь, по мнению

⁷³⁰ Н и к о л а д з е Н. Я. Правительство и молодое поколение. — Там же, с. 317 — 364.

⁷³¹ Г а п р и н д а ш в и л и М. Грузинское просветительство. Тбилиси, 1966, с. 272 — 274.

⁷³² Г а м е з а р д а ш в и л и Д.* Нико Николадзе. — Н и к о л а д з е Н. Я.* Соч., т. I, с. 32.

⁷³³ Н и к о л а д з е Н. Я.* Пешком и железной дорогой. — Соч., с. 496.

⁷³⁴ Н и к о л а д з е Н. Я. Парижская революция. Из моей памятной книги. — Там же, с. 191, 311, 312.

Нико Николадзе, должна осуществить задачу идейного поражения старого поколения, радикального практического преобразования старой жизни, всестороннего развития грузинского общества на научной основе и с этой целью объединения всех прогрессивных сил⁷³⁵. Так сформулировал Нико Николадзе общественно-политическую программу «Меоре даси», радикально-демократического течения национально-освободительного движения в Грузии второй половины XIX века. Духом радикализма веет и от эстетической концепции, согласно которой «в литературе неприукрашенно и правильно должна быть отражена современная жизнь» и «идеал лучшей жизни и строя»⁷³⁶.

При обосновании радикально-демократической общественной программы долгое время бок о бок с Н. Николадзе стояли Г. Церетели и С. Месхи, но организационно сплотить второе идейное течение («Меоре даси») и тем более объединить всех демократов вокруг этого течения Нико Николадзе не смог, главным образом потому, что большинство грузинских просветителей-демократов, как гуманистов, так и радикалов, считали первейшей задачей борьбу за национальную свободу путем защиты и развития грузинского языка и культуры, а по мнению Н. Николадзе, национальное освобождение народа невозможно, если он не освободится прежде всего социально-экономически. «Действительное объединение народа произойдет лишь тогда, когда выровняется его экономическая жизнь, когда народ экономически освободится и привыкнет к соединенному труду»⁷³⁷, — говорил он.

В 1873 г. Н. Николадзе оставил газету «Дрозба» и начал сотрудничать в «Тифлисском вестнике», на страницах которого вел дискуссию с И. Чавчавадзе по вопросам устройства грузинского дворянского банка. По его мнению, И. Чавчавадзе являлся в то время представителем «буржуазного направления» и «узкого патриотизма», себя же он считал представителем «общественного», т. е. социалистического, направления.⁷³⁸ В 1876 г. он еще раз вернулся в редакцию «Дрозба», обратившись к грузинской общественности с горячим патриотическим признанием. Целью всей моей деятельности в Грузии, России и Европе, писал Нико Николадзе, являлись «подготовка во имя тебя, служение и принесение пользы во имя тебя»⁷³⁹.

В 1878 г. Нико Николадзе окончательно оставил «Дрозба» и основал газету «Обзор». В этом радикально-демократическом органе он смело критиковал существующий самодержавно-помещичий и буржуазный строй, продолжая считать главной задачей Грузии ее экономическое возрождение. В 1880 г. царское правительство закрыло газету «Обзор», а непокорного редактора выслало в Ставрополь. Будучи в ссылке, Н. Николадзе продолжал сотрудничать в петербургской газете «Голос». После получения разрешения на проживание в Петербурге в 1881 г. Нико Николадзе стал сотрудником журнала «Устой», а позднее руководителем отдела критики «Отечественных записок» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Одной из причин закрытия царским правительством этого журнала являлась пропаганда в нем радикально-демократических идей Н. Николадзе и другими публицистами-демократами. Просветительская наивность явилась одной из причин того, что радикальный демократ Н. Николадзе принял на себя «странную и бесплодную» роль посредника в переговорах, проходивших в 1882 г. между царским правительством и революционерами-народниками. В результате этих переговоров «Народная воля» отказалась от террористических актов, а царь разрешил Н. Г. Чернышевскому переселиться из Вилюйска в Астрахань. Нико Николадзе на долгие годы оказался под строгим полицейским надзором.⁷⁴⁰

⁷³⁵ Его же. Новая молодежь. — Там же, т. 3, с. 219—221.

⁷³⁶ Его же. Наша литература. «Рассказ нищего» — повесть Ильи Чавчавадзе. — Там же, с. 56, 64, 378—382.

⁷³⁷ Н и к о л а д з е Н. Я. Произведения, т. II, 1914, с. 118—119.

⁷³⁸ Его же. Ответ г-ну И. Чавчавадзе. — Соч., т. 4, с. 419—421.

⁷³⁹ Его же. Приветствия. — Там же, с. 361—364.

⁷⁴⁰ Его же. Переговоры «Священной дружины» с партией «Народной воли» в 1882 году, 1917, с. 4—5, 9—13.

В 1887 — 1892 гг. Нико Николадзе редактировал тбилисскую либерально-демократическую газету «Новое обозрение», а в 1894 — 1897 гг. сотрудничал в газете «Кавказ» и в журнале «Моамбе» («Вестник»), продолжая защищать радикально-демократический патриотизм. В 1894 г. его избрали городским головой г. Поти, где он практически пытался осуществлять свою грандиозную экономическую программу до тех пор, пока царское правительство не изгнало непослушного городского голову и радикального просветителя и из Поти.

В период первой буржуазно-демократической революции в России Нико Николадзе снова и снова повторял старые просветительские лозунги о единстве, свободе, равенстве и братстве, пытаясь отстаивать интересы радикальной национальной демократии путем учреждения автономного самоуправления Грузии, укрепления городского и земского самоуправления, всестороннего развития экономики и культуры. По его мнению, «Только это... дало бы нашей стране и всем входящим в нее нациям свободу, равенство и братство». При этом и революционная классовая борьба, и предреволюционное просветительское общедемократическое национальное движение казались радикальному демократу «очень отвлеченными» от жизни, и он пытался основать на «жизненном содержании» и на «новой научной философии» «общие формулы и теоретические принципы» как просветителей и социалистов XVIII — XIX веков, так и революционеров XX столетия.

Всегда выступая от имени всей нации, Н. Николадзе, как и все просветители и утописты, считал идеальным такое общество, в котором царствовали бы всеобщий труд, равенство, свобода и счастье. По его мнению, этому идеалу не отвечало не только отсталое общество Грузии второй половины XIX века, но и развитое капиталистическое общество Запада, являвшееся по сравнению с феодальным обществом прогрессивным, однако представлявшее собой арену непрекращающейся борьбы угнетенного большинства против господствующего меньшинства. Он верил в то, что общество, основанное на угнетении бедных богатыми в конце концов должно преобразоваться в общество, основанное на равенстве и свободе. Но гармоническое общество, говорил он, не может быть создано ни путем экономических реформ, ни путем политических революций до тех пор, пока существующее общество не будет преобразовано в нравственном и образовательном отношении, пока собственниками средств производства не станут образованные трудящиеся, которые вместе с просвещенным дворянством и буржуазией полностью сольются с трудовым народом. Для этого нужно не восстание, а воспитание народа и постепенный переход в царство общего благоденствия (социализм), где не будет ни социальной эксплуатации, ни возникшего на ее основе национального угнетения.

Такова вкратце радикально-просветительская и утопическо-социалистическая концепция Н. Николадзе, Г. Церетели и С. Месхи, которая, несмотря на утопичность, воспитывала в революционном духе молодежь 60-х—70-х гг., начинавшую свою народническую деятельность в рядах освободительного движения.

Народническо-демократическое течение. В национально-и социально-освободительном движении Грузии с самого начала появились идеи социальной свободы, сформулированные в период подготовки и проведения крестьянской реформы просветителями-гуманистами и радикалами в целостную программу антикрепостнических стремлений всего народа, всего третьего сословия. В те времена основной частью третьего сословия являлось крестьянство, и антикрепостническая и патриотическая программа просветителей создавалась прежде всего для освобождения крестьянских масс. Однако большинство гуманистов и радикалов часто подчиняло требование социального освобождения крестьянства требованию освобождения всего народа. В то же время уже в 50-х—60-х гг. в социальном и национально-освободительном движении Грузии возникли идеи, которые отразили и требования, подразумевавшие национальное освобождение не всего народа, а социальное освобождение только угнетенного крестьянства. Это было идейное течение, которое окончательно оформилось к началу 70-х гг. и представители

которого считали себя членами «социально-революционной» народнической партии, отрицая прогрессивную роль дворянства, а частично — буржуазии и интеллигенции. Грузинские народники («халхоснеби») связывали надежду на установление всеобщего благоденствия или социализма сначала с крестьянским восстанием, а в дальнейшем с просвещением и экономическим преуспеванием крестьянства. По существу народническое течение выражало бунтарские настроения безземельных, недовольных наличием пережитков крепостничества крестьян в их борьбе против богатых грузинских землевладельцев и царских чиновников. Оно требовало полного упразднения дворянской собственности, безвозмездной передачи крестьянам земли и демократизации политической власти с тем, чтобы единственными полноправными хозяевами нового общества были лишь деревенские трудящиеся собственники.

В начале своей деятельности грузинские народники выступали от имени одного крестьянства и главной задачей революционного движения считали его социальное освобождение. Такая постановка вопроса уже чувствуется в антикрепостнических взглядах непосредственного предшественника грузинских народников — Д. Чонкадзе. Эта идея более отчетливо была высказана некоторыми грузинскими просветителями (например, Н. Николадзе), а в 70-е гг. народники сделали ее руководством к своей деятельности.

После разгрома самодержавием народнических организаций, приблизительно со второй половины 80-х гг. большинство грузинских народников примкнуло к гуманистическому течению грузинского просветительства, главным пунктом программы которого было национальное освобождение всей грузинской нации путем усиления прежде всего ее трудящегося большинства совместно с просвещенным дворянством.

Объективно грузинское народничество и ранее являлось одним из течений национально-освободительного движения в Грузии, несмотря на то, что сами грузинские народники считали себя непосредственными представителями общерусской народнической, социально-революционной организации, ждали социального освобождения грузинского крестьянства от крестьянской революции в России, поначалу не очень считаясь со специфическими задачами грузинского национально-освободительного движения и отрицательно относясь к идеалу восстановления самостоятельной грузинской государственности.

Правда, русские народники, в организации которых входили многие грузинские интеллигенты, оказывали практическую и идейную помощь своим соратникам в Грузии, однако грузинские народники были воспитаны на идеях не только крестьянского революционного демократизма Н. Г. Чернышевского и П. И. Лаврова, но и национально-революционного патриотизма И. Г. Чавчавадзе, Я. С. Гогешвили, Н. Я. Николадзе и других грузинских просветителей. Они боролись прежде всего за социальное равноправие крестьянства, но не отрицали и национального равноправия народов; своим идеалом они считали социализм, но усматривали прогрессивные черты и в капитализме. По их мнению, главным средством установления социалистического строя являлось крестьянское восстание, но они были противниками восстания грузинских крестьян вне связи с аналогичными выступлениями в России. Грузинские народники видели недостатки русской общины, почти не переоценивали роль отдельных героев и тактику индивидуального террора; им не были чужды утопические идеи о всемогуществе просвещения и общности интересов различных классов угнетенной нации.

Словом, грузинское народничество было не только организацией русского социального движения, но и одним из течений грузинского национально- и социально-освободительного движения, которое, со своей стороны, можно считать и «народническим», поскольку и оно защищало общедемократические интересы основной части грузинского третьего сословия — крестьянства. Просветители-гуманисты и радикалы пытались защитить крестьянство, отстаивая нацию, а народники пытались защитить нацию, отстаивая крестьянство. Выдвинув на передний план социальный вопрос

и начав, хоть и безуспешно, практическую революционную работу, народническо-демократическое течение, наряду с гуманистическо-демократическим и радикально-демократическим течениями национально-освободительного движения и его идеологии — национально-революционно-демократического просветительства, сыграло большую роль в пробуждении и революционном воспитании народных масс в Грузии второй половины XIX века.

Идейно-литературными органами грузинских народников главным образом были журналы «Мнатоби» («Светоч», 1869— 1872 гг.), «Имеди» («Надежда») и «Шрома» («Труд», 1881 — 1883 гг.), на страницах которых они пропагандировали идеи утопического крестьянского социализма.

Своеобразными выразителями народнических идей в грузинской общественной мысли являлись Д. Чонкадзе, А. Пурцеладзе, Н. Инашвили, Г. Маиашвили, С. Чрелашвили, Э. Бослевели и другие.

Даниэл Чонкадзе. Писатель-просветитель, непосредственный предшественник грузинских народников Даниэл Георгиевич Чонкадзе (1830—1860) родился в с. Квавили (нын. Душетский район Грузинской ССР). Начальное образование получил дома. Девяти лет его отдали во Владикавказское духовное училище. В 1845—1851 гг. он учился в Тбилисской духовной семинарии, после окончания которой в течение четырех лет преподавал осетинский язык во Владикавказском духовном училище. С этого же времени вел и научную работу в области филологии по поручению Российской Академии наук. В 1855 г. Д. Чонкадзе переселяется в Тбилиси и начинает работать преподавателем в духовной семинарии. С 1858 г. служит также в Грузинской синодальной конторе столоначальником. В это же время вокруг Д. Чонкадзе организовывается небольшой кружок тбилисских интеллигентов, сотрудников журнала «Цискари», изучающих и распространяющих просветительно-демократические идеи. Преждевременная смерть не дала ему возможности довести до конца дело развития и формирования в систему отдельных антикрепостнических идей. В его мировоззрении не выражены в завершенном виде ни идеи просветительства, ни тем более народничества, однако в своей известной повести «Сурамская крепость» он все же смог с достаточной полнотой запечатлеть такие значительные моменты кризиса крепостнических и развития новых общественных отношений, как нечеловеческое угнетение крепостных и неизбежность падения крепостничества, развитие торговли и классовую дифференциацию общества, стихийное стремление крестьян к свободе и их борьбу против помещиков, существование солидарности между господствующими сословиями, с одной стороны, и между угнетенными классами, с другой, нераздельное господство религии и эксплуататорский характер новых общественных отношений, первичность социального вопроса по отношению к национальному вопросу и др.

По характеристике Д. Чонкадзе, крепостничество предоставляет собой «общественную гадость», основанную на всестороннем угнетении крестьян, которую следует преобразовать, или уничтожить. Для жестокого помещика крепостной является лишь животным, в лучшем случае полезным товаром, у которого нет ни человеческих чувств, ни прав. Пока у нас не будет «личной свободы и средств на жизнь», «пока мы являемся крепостными помещиков, мы не сможем быть счастливыми», — говорит крестьянин из «Сурамской крепости»⁷⁴¹.

Даниэл Чонкадзе нарисовал реалистическую картину крестьянской борьбы против помещиков, несмотря на то, что у него отсутствует научное понимание ее. Он думает, что кроме угнетающих крестьян жестоких помещиков существуют и добрые помещики, освобождающие крестьян своей «доброй волей». В соответствии с этим уничтожение крепостничества, приобретение крестьянами «личной свободы и средств на жизнь» может осуществиться двумя путями: «с кровью или без крови». В обоих случаях Д. Чонкадзе

⁷⁴¹ Ч о н к а д з е Д. Г.* Сурамская крепость. Под ред. М. Зандукели. Тбилиси, 1932, с. 21, 23—24, 35, 42.

стоит на стороне крепостных крестьян, но он верит в возможность мирного, «бескровного» освобождения крестьян, предпочитая мирный путь немирному. И ему не чужды наивный крестьянский демократизм и абстрактный гуманизм, от которых не были свободны самые радикальные мыслители его времени. Это и понятно, так как просветители-демократы, выступившие против крепостничества, рассматривали старое и новое общество как противоположность абстрактных зла и добра, а не как определенные классово-экономические явления, не зависящие от воли и желания людей. Вместе с тем, по представлению Д. Чонкадзе, основой действий людей и их взаимоотношений являются божественная воля и судьба. Он, как и все его персонажи, положительные и отрицательные, верит в бога, в божественное предопределение и существование загробного, потустороннего мира, по сравнению с которым этот мир не имеет высокой ценности⁷⁴².

Несмотря на идеалистический взгляд на мир, Д. Чонкадзе дал реалистическое понимание потребностей общественной жизни своей эпохи. Он понял неизбежность гибели феодализма и развития капитализма, заклеил крепостничество, провозгласил основным средством экономического возрождения крестьянства вовлечение его в торговлю, увидел грабительский характер «несправедливых» купцов. Обогащение путем торговли освобожденных «с кровью или без крови» от помещиков крестьян Д. Чонкадзе рассматривает как положительное явление. Он не считает большой бедой и то, что бывшие крестьяне, обратившиеся в купцов и овладевшие «крепостными и хозяйством» обедневших дворян, пытаются присвоить и правовые привилегии высшего сословия. Однако Д. Чонкадзе критически относится и осуждает развивающуюся буржуазию, измеряющую «мерилом денег и аршина все человеческое — любовь и ненависть, родное и иноземное, войну и мир». «Он любил только богатство и самоуважение, почести, — писал он о купце, — и добыванию их пожертвовал все добрые чувства сердца. Зачем ему любовь, если исполнится его мечта — он станет богатым, уважаемым и самостоятельным. За какую цену покупал он все это добро, об этом не удосуживался спросить. И вот, человек, мужчина, продает себя ради богатства, как какая-нибудь куртизанка»⁷⁴³.

С большой симпатией относился Д. Чонкадзе к трудящемуся, несправедливо угнетенному крестьянству. Крестьянский вопрос он считал главным в общественной жизни Грузии своей эпохи. Он видел, что «пробуждалось и национальное чувство». В его повести упоминается и «судьба бедной Грузии». Но в «Сурамской крепости» патриотическая идея не находит своего развития, национальный вопрос в ней подчинен социальному, поэтому и переделана в повести на социальный лад высокоидейная историко-патриотическая легенда.

Подобное игнорирование национального вопроса не разделили просветители-гуманисты и радикалы, хотя они давали высокую оценку крестьянскому демократизму Д. Чонкадзе.

Н. Инашвили пропагандировал утопическо-социалистические взгляды А. Сен-Симона и Р. Оуэна в журнале «Мнатоби» («Светоч») в 1869—1871 гг. Он первым в истории грузинской общественной мысли дал определение понятия «социализма», объявив его сторонниками всех, кто боролся за равенство людей, в том числе женщин, равное распределение между ними добытых их общим трудом продуктов, и на этой основе за установление «всеобщего счастья»⁷⁴⁴.

Антон Пурцеладзе. Один из основателей и видных теоретиков народнического идейного течения национально-и социально-освободительного движения Грузии Антон Николаевич Пурцеладзе (1843—1913) родился в с. Мерети (нын. Горийский район

⁷⁴² Там же, с. 38, 56, 279.

⁷⁴³ Ч о н к а д з е Д. Г.* Указ. соч., с. 57, 63, 66, 81, 282, 285.

⁷⁴⁴ Х у н д а д з е С.* К истории социализма в Грузии, т. II. Тбилиси, 1926, с. 135; Г о р г и л а д з е Л.* Из истории социализма, т. I. Тбилиси, 1967, с. 337.

Грузинской ССР). Начальное образование он получил под руководством матери. В 11-летнем возрасте его зачислили в Орловский кадетский корпус. Многие педагоги этого военного училища были настроены либерально и сыграли значительную роль в формировании демократического мировоззрения Пурцеладзе. В 1854 г. А. Пурцеладзе получил травму — перелом ноги, и оставил офицерскую школу. После возвращения на родину он живет в деревне и путем самообразования усердно овладевает науками и литературой. В 1858 г. переселяется в Тбилиси и начинает служить в должности писаря. В 60-е гг. организовывает молодежный демократический кружок, формирует группу любителей сцены, начинает сотрудничать в журнале «Цискари», поматает Димитрию Кипиани в основании дворянского банка. В это время он глубже изучает литературу и историю Грузии, русские и западноевропейские просветительско-революционно-демократические и утопическо-социалистические идеи. Наряду с творчеством Белинского, Чернышевского, Писарева и Лаврова, он хорошо изучит Сен-Симона, Фейербаха, Оуэна, Бокля, Дарвина, Дреппера, а с 80-х гг. — Карла Маркса.

Во время столкновения двух поколений в начале 60-х гг. Антон Пурцеладзе боролся против консерваторов с позиций нового поколения, одновременно критикуя его. В 1862—1863 гг. и 1866—1867 гг. он попытался преобразовать журнал «Цискари» («Заря») в демократический орган и противопоставить свою крайне нигилистическую и социалистическую позицию сначала гуманистическому, а потом и радикальному течению, но безуспешно. Ему не удалось укрепить позиций в лагере старого поколения, а в лагере нового поколения его считали нежелательным гостем. В 1864 г. А. Пурцеладзе сотрудничал в газ. «Кавказ» и в журнале «Литературный листок». С 1867 г. служил следователем в суде в Зугдиди, а в 1869 г. вернулся в Тбилиси и вместе с Н. Авалишвили основал журнал народнического толка «Мнатоби» («Светоч»), на страницах которого вел острую полемику с представителями «Меоре даси» («Второй группы»).

Антон Пурцеладзе был «душой горийского народнического кружка»⁷⁴⁵ в 1873 г. В это время он служил юрисконсультom по вопросам государственного имущества и частным адвокатом, ему приходилось бывать в деревнях Картли, где он распространял народнические идеи среди крестьян и ремесленников. Раньше он использовал в этих же целях журнал «Мнатоби» («Светоч»), а с 1873 г. возглавил и другой журнал — «Гутнис деда» («Пахарь»), превратив его в орган бедного сельского населения и развернув на его страницах пропаганду народнической идеи «об общем владении землей».

В 1881—1883 гг. А. Пурцеладзе активно сотрудничал в журнале «Имеди» («Надежда»), а потом в газете «Иверия» («Грузия»). С 80-х гг. служил оценщиком в дворянском банке. В 1905 г. его избрали председателем банка.

А. Пурцеладзе с воодушевлением встретил первую революцию в России и Грузии. «За свою жизнь я был свидетелем очень приятных явлений, — писал он, — первым было освобождение крестьян от крепостнического ига, а вторым — революция 1905 года».

Мировоззрение Антона Пурцеладзе является и просветительским, и народническим⁷⁴⁶. Он был воспитан на принципах естественно-материалистической философии и реалистическо-утилитаристической эстетики. С позиций русского народнического и западноевропейского утопического социализма этот радикальный защитник крестьянства осуждал как крепостничество, так и капитализм, как дворянство, так и буржуазию. Беспощадную критику грузинского феодализма он довел до сатирических выпадов против национального царского рода и назвал 800-летнее господство династии Багратионов, кроме правления двух царей, наряду с распущенностью крупных феодалов, причиной падения и гибели грузинской государственности. В феодальной Грузии он видел и примеры самоотверженной борьбы за родину, однако

⁷⁴⁵ М г а л о б л и ш в и л и С.* Воспоминания. Тбилиси, 1938, с. 35.

⁷⁴⁶ В а х а н и я В.* Мировоззрение Антона Пурцеладзе. Тбилиси, 1958.

героями патриотических войн считал народ, а не феодалов, «Нашу родину защитило крестьянство и погубили ее феодалы»⁷⁴⁷, — говорил он.

Причиной всех бедствий народа А. Пурцеладзе считал всестороннее угнетение крестьян помещиками. Возлагая надежду на полное уничтожение крепостного права и установление всеобщего благоденствия трудящихся после крестьянской реформы, он еще в 1862 г. в острой публицистической форме и с крайне радикальной смелостью выступил против, либералов и консерваторов. Чувствуя, что реформа не сможет полностью упразднить крепостничества, он с самого начала ратовал за «групповые, объединенные» выступления крестьян против помещиков. Убедившись, что идея не осуществлена и реформа ограбила бывших крепостных, А. Пурцеладзе писал: «После реформы остались без земли крепостные тех помещиков, которые сами имели мало земли... И другие крестьяне, которым дали наделы, остаются без земли, так как не могут покрыть долгов, взятых ими для выкупа наделов»⁷⁴⁸. Ввиду этого за реформой последовало не всеобщее благоденствие, а господство над безземельным, простым народом помещиков и буржуазии, владевших землей или деньгами. «Теперешний век принадлежит деньгам, — говорил А. Пурцеладзе, — люди, богатые ими и имеющие все права, установили такой порядок, который превзошел и рабство, и крепостничество; этот порядок означает господство имущества, или капитала»⁷⁴⁹. К капитализму А. Пурцеладзе относился бескомпромиссно, всесторонне критикуя и осуждая его. В то же время он горячо пропагандировал развитие в Грузии некапиталистическим путем промышленного и сельскохозяйственного производства, считая экономическими, политическими и социальными основами такого развития общее владение землей и заводами, свободные крестьянские общины и рабочие ассоциации как основные производственные ячейки, обеспечивающие всеобщее равенство и благосостояние. В своих главных публицистических и художественных произведениях («Ушло то время», «Сурамская крепость» Даниэла Чонкадзе, «Грузинская литература», «Человек ли он?!» — повесть М. Джимшеридзе, «Письма мясника Гаго к Апракуне», «Наша мечта», «Общее владение землей», «О нашей литературе и печати», «Сельские письма», «Георгий Саакадзе», «Человечество и народность», «Меч и индустрия», «Разбойники», «Мацхетия») А. Пурцеладзе с революционно-демократической критикой крепостничества и капитализма соединяет открытую пропаганду социалистических идеалов. При этом он не всегда ограничивается лишь пропагандой: теоретически признавая неизбежность революционной борьбы, он практически участвует в революционно-народническом движении. Однако самыми реальными средствами преобразования современного ему общества он считал постепенное экономическое усиление и политическое воспитание народа. Преимущественно этой цели служила его идейно-литературная и практическо-политическая деятельность. По его мнению, «прогресс народа основан на науке, знаниях, опыте, понимании и утверждении идеи равенства, одним словом, на разуме, который зиждется на знаниях и опыте»⁷⁵⁰. Считая народ основной движущей силой истории, А. Пурцеладзе, однако, увязывал осуществление социалистических идеалов не с борьбой определенного класса, а с интеллигенцией, с просвещенным разумом всего общества. Высоко оценивая роль грузинской литературы и общественной мысли в преобразовании тогдашнего общества, он говорил, что «они только тем и занимались, чтобы умножить насколько возможно интеллигенцию, превратить, если возможно, всю нацию в интеллигенцию»⁷⁵¹.

⁷⁴⁷ П у р ц е л а д з е А.* Слава Багратионов. — Иверия, 1881, №8; см.; его же. О нашей литературе и печати. — Цискари, 1867, № 1; Язык. — Архив Литературного музея им. Г. Леонидзе, д. №5912 (49).

⁷⁴⁸ П у р ц е л а д з е А.* Сельские письма. — Гутнис деда, 1873, № 14.

⁷⁴⁹ П у р ц е л а д з е А.* Общее владение землей. Тбилиси, 1904, с. 9.

⁷⁵⁰ Его же. Несколько слов о майском внутреннем обозрении «Иверии». — Имеди, 1882, №7—8.

⁷⁵¹ Его же. Язык. — Лит. музей, д. № 5912(49).

А. Пурцеладзе не забывал и об экономическом факторе, развитие и преобразование которого считал краеугольным камнем национальной, политической и умственной свободы. «Знания, сохранение национальности, политическая сила и свобода человеку нужны для экономического благополучия... Усиление всех этих факторов зависит от экономического положения наций»⁷⁵², — писал он. Народник-просветитель не понял ни истинной сущности экономики, ни реальных путей социалистической революции; он не смог осознать того парадоксального явления, что осуществление его программы объективно могло бы только способствовать быстрому развитию именно того капитализма, против которого субъективно он выступал. Несмотря на это, его демократические и утопические идеи оказывали большое влияние на молодежь 60-х—80-х гг., вслед за А. Пурцеладзе и его соратниками молодые «нигилисты» считали себя «бунтовщиками и после бунта ожидали республику». Они воспитывались на идеях отрицания всей тогдашней общественной жизни, пропаганду которых вел А. Пурцеладзе. «Наблюдая нашу жизнь, мы не найдем многого, чтобы не надо было отрицать и уничтожить. Что мы не можем не отрицать: общественный строй, религию, государственный строй, законы, экономический строй, обычай, семью, брак, учебу, искусство? Одним словом, вы не покажете ничего такого, чего не следовало бы отрицать и заменить?»⁷⁵³.

В этих словах А. Пурцеладзе намечает целую программу, осуществить которую народники пытались сначала преимущественно политическими бунтами, а потом мирными экономическими средствами. Например, Георгий Маиашвили в 1882 г. утверждал, что единственной силой, определяющей характер национальной жизни общества, является, мол, экономический строй, и поэтому вместо национально-политической борьбы нужно вести экономическую борьбу. Не все народники и просветители соглашались с этим положением, однако, особенно с 80-х гг., практически многие из них действительно считали, главным средством освобождения нации и ее трудящегося большинства улучшение экономического положения народных масс⁷⁵⁴.

Эстате Бослевели-Мчедлидзе (1854—1885), наоборот, предполагал, что ни экономического благосостояния, ни национального освобождения нельзя добиться без политической борьбы и захвата политической власти, хотя и он не отрицал, что развитие общества зависит прежде всего от экономического прогресса. Такая постановка вопроса народником, воспитанным на идеях русского, грузинского и западноевропейского революционного просветительства, свидетельствовала о том, что Бослевели испытывал на себе влияние марксистских идей и, отходя от народничества, приближался к научному решению вопроса о соотношении экономики и политики. Однако, расставаясь с народническим социализмом, он не смог подняться, до пролетарского социализма⁷⁵⁵.

С другой стороны, в конце 80-х гг. большинство народников признает просветительскую точку зрения о преимущественной роли национального вопроса в колониальной стране. Характерным в этом отношении является мировоззрение народника Степана Чрелашвили, который в 70-е гг. осуждал просветителей-гуманистов и радикалов за такую «превратную» постановку вопроса, а со второй половины 80-х гг. защищал и обосновывал те же «превратные» просветительские идеи.

Степан Чрелашвили. Видный представитель народнического течения национально-освободительного движения в Грузии второй половины XIX века Степан Федорович Чрелашвили (1856—1917) родился в с. Магаро (нын. Сигнагский район Грузинской ССР). Получив домашнее образование, он продолжил учебу в Сигнагском городском училище, после окончания которого, будучи студентом Тбилисской духовной

⁷⁵² П у р ц е л а д з е А.* Несколько слов... — Имени, 1882, №7—8.

⁷⁵³ Его же. Человечество я нация. Тбилиси, 1906, с. 16.

⁷⁵⁴ М а и а ш в и л и Г.* Письмо нашим общественным деятелям. — Иверия, 1882, №8.

⁷⁵⁵ Х у н д а д з е С.* К истории социализма в Грузии, т. II. Тбилиси, 1927, с. 131; Г о р г и л а д з е Л.* Из истории социализма, т. I. Тбилиси, 1967, с. 344—352; М а р г и а н и Г.* Бослевели. Тбилиси, 1986.

семинарии, под влиянием Я. Гогешашвили и других прогрессивных педагогов, познакомился с идеями грузинских просветителей, русских и западноевропейских утопистов. В 1873 г. совместно с Д. Казели С. Чрелашвили руководил нелегальным кружком семинаристов, за что понес наказание. Вынужденный оставить семинарию, вернулся в родное село. В 1875 г. начал сотрудничать в «Дрозба». В 1876 г. слушал лекции в Петербургском Университете. Определенный период жил в Москве, где стал членом народнической организации. В 1878 г., будучи арестованным, С. Чрелашвили, три месяца провел в тюрьме. После освобождения продолжал нелегальную работу в Тбилиси. В 1881—1883 гг. был одним из руководителей журнала «Имеди». За участие в работе народнического кружка был выслан 1883 г. в Усть-Каменогорск. Возвратившись из ссылки в 1887 г. сотрудничал в «Иверии», «Кавказе» и «Возрождении». В 1894—1907 гг. служил секретарем тбилисского городского самоуправления. С. Чрелашвили с воодушевлением встретил революцию 1905 г.

Мировоззрение С. Чрелашвили объективно выражало сначала бунтарские настроения крестьянства, а в дальнейшем— имущих крестьян и просвещенных дворян, однако он всегда старался всеми средствами защитить трудовое большинство нации, начиная от пропаганды радикально-социалистических идей до террористических актов и «бунтов». В 1882г. он критиковал просветительские взгляды И. Чавчавадзе на общность сословий грузинского общества, отрицая первичность национального вопроса относительно социального. С 1888 г. С. Чрелашвили разделял просветительские взгляды о национальном единстве и классовой нераздельности «экономически усиленного и умственно просвещенного сельского народа». Совместно с И. Чавчавадзе он боролся против своих бывших соратников, как то: народника М. Джабадари и др.

С. Чрелашвили теоретически всегда выступал непримиримым противником остатков крепостничества, самодержавия и всех угнетателей крестьянства и нации. Он старался решить аграрный вопрос «если не полностью, то хотя бы наполовину» в пользу всех сословий, и прежде всего крестьянства. С. Чрелашвили осуждал как великодержавный «реакционный патриотизм», так и местный «узкий патриотизм», считая «прогрессивным патриотизмом» главным образом крестьянскую любовь к своему отечеству⁷⁵⁶. Он мечтал о том времени, когда осуществится справедливый принцип: все должно принадлежать тому, кем оно сделано. По мнению С. Чрелашвили, «каждый человек должен иметь равное право использовать природу своей страны так, чтобы привилегии одного не мешали благополучию другого, чтобы орудия труда принадлежали тому, кто трудится, при этом плоды труда полностью принадлежали трудящемуся, чтобы он мог использовать их так, как этого требует его собственная и общественная нужда»⁷⁵⁷.

С. Чрелашвили полагал, что на таком всеобщем равенстве была построена община, «это высокое учреждение», которое «существовало у нас, на нашей родной земле, причем несколько десятков лет тому назад, а не за тридевять земель, где-то в не представляемой умом стране». В общинном строе С. Чрелашвили привлекают такие его черты, как равенство и самоуправление. Для преодоления технико-экономической отсталости общинного хозяйства он предлагает добывание денег путем торговли и развития промышленности внутри общины. На капитализм он смотрит глазами трудящегося бедного крестьянина, осуждая капиталистическое угнетение трудящихся, однако представляя «действительным идеалом всего народа» обогащение беднейшей его части путем вовлечения ее в торговлю⁷⁵⁸.

Признав развитие капитализма в Грузии фактом, а рабочий вопрос — актуальным, С. Чрелашвили не понял ни действительной сущности капитализма как особой

⁷⁵⁶ Ч р е л а ш в и л и С.* Политика. — Имеди, 1881, №2; его же. Разбитые мечты. — Имеди, 1882, №3; его же. Патриот. — Имеди, 1881, №10—12.

⁷⁵⁷ Его же. Политика. Старое и новое поколение. — Иверия, 1888, № 229.

⁷⁵⁸ Его же. Наш горский народ. — Иверия, 1891, №95; его же. Подлинный сын нашей жизни. — Имеди, 1881, №4.

общественно-экономической формации ни значения классовой борьбы всемирно-исторической роли пролетариата. Тем не менее видный грузинский народник всегда симпатизировал пролетарскому мировоззрению, с должным уважением упоминая учение Карла Маркса и обходя молчанием критику грузинскими марксистами народнических и просветительских идей его времени. Начиная с 1894 г., когда первые грузинские марксисты «Месаме даси» начали атаку против просветительно-народнической идеологии национально-освободительного движения, вплоть до начала XX века, С. Чрелашвили не напечатал на страницах прессы ни одной статьи. Только в 1902 г., когда уже чувствовалось дыхание назревающей революции, он снова стал выступать с публицистическими статьями. Теоретическая и практическая деятельность С. Чрелашвили, боровшегося и мечтавшего о свободе крестьянства и нации, в годы революции 1905—1907 гг. не пошла дальше старой, общедемократической точки зрения о просвещении и экономическом усилении народа. Хотя и в предшествовавший 1905 г. период она играла прогрессивную роль, поскольку объективно способствовала уничтожению остатков крепостничества, капиталистическому развитию страны и улучшению положения трудящихся, пробуждая их сознание, однако народническая программа, почти так же как и просветительская программа, основным содержанием и результатом которой являлась идеологическая подготовка к будущей буржуазной демократической революции, была в то же время и консервативной, поскольку в период непосредственной подготовки и проведения революции ограничивалась абстрактным, утопическим и либеральным требованием о всеобщем благоденствии нации, без различия классов⁷⁵⁹.

Идейные наследники грузинских просветителей и народников — социал-федералисты (национал-демократы) и социал-демократы (представители первой грузинской марксистской организации — «Месаме даси»), отвергнув консервативную в условиях 90-х гг. XIX века сторону национальной и социальной программы предшествовавшего им социального и национально-освободительного движения, восприняли революционно-демократические и социалистические идеалы его программы, чтобы обосновать и осуществлять их «точнее, глубже и шире»⁷⁶⁰.

В этом смысле деятели социально- и национально-освободительного движения Грузии во второй половине XIX века, национально-революционные просветители и социально-революционные народники, явились идейными предшественниками тех, которые позднее попытались осуществить мечту грузинского народа о национальной и социальной свободе.

Г Л А В А XII

НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ГРУЗИИ В 70-х—80-х гг.

Народничество, по В. И. Ленину, это система взглядов, которая характеризуется следующими тремя чертами: «1. Признание капитализма в России упадком, регрессом, 2. Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности... 3. Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами общественных

⁷⁵⁹ Характеристику практической (организационной) деятельности народнического движения см. в XII главе настоящей книги.

⁷⁶⁰ Л е н и н В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 482.

классов»⁷⁶¹. Народничество — «идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России»; «крестьянская демократия — вот реальное содержание и общественное значение народничества»⁷⁶². Именно то обстоятельство, что революционные народники представляли собой боевое ядро крестьянской демократии, дало В. И. Ленину основание сравнительно высоко оценить их практическую деятельность. Критикуя реакционные стороны народничества, В. И. Ленин высоко ценил революционных народников 70-х гг. наряду с Герценом, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым. Черты русского народничества были характерны для этого течения и в Грузии, но с некоторым отличием. Грузинские народники, не будучи приверженцами капитализма, тем не менее полностью не отрицали его, рассматривая капитализм как более прогрессивный строй, нежели феодализм. Общине они придавали большое значение в деле построения будущего справедливого общества, но не допускали переоценки и идеализации ее роли. Специфика грузинских народников состояла также в том, что они уделяли сравнительно больше внимания национальному вопросу, террористическую тактику они отодвигали на задний план, не полностью отрицая ее. Наиболее успешной была их пропагандистская деятельность среди крестьянских масс и т. д.⁷⁶³

Возникновение народнических организаций в Грузии было обусловлено как влиянием русского революционного движения, так и местными условиями — наличием значительных пережитков феодально-крепостнических отношений в пореформенный период, вытекавшим из этого сравнительно медленным темпом развития торговли, промышленности, городов и городской жизни, тяжелыми условиями быта и труда сельской и городской бедноты, обострением на этой почве классовой борьбы, революционно-просветительским идейно-литературным движением «тергдалеулни» и их деятельностью.

Создание тайных организаций. Первая тайная народническая организация возникла в Грузии в 1873—1874 гг.⁷⁶⁴ Особую роль в возникновении и развитии народнического движения сыграли молодые люди, получившие образование в высших учебных заведениях России и возвратившиеся на родину для практической деятельности. Оформление подпольных организаций связывается с приездом из Петербурга в Грузию студента Медико-хирургической академии Исидоре Кикодзе⁷⁶⁵. Именно в это время начинается интенсивная пропаганда народнических идей и организационное оформление народнических кружков.

Деятельность народников протекала в Тбилиси, Кутаиси, Телави, Озургети и т. д. Наиболее многочисленной (200 человек) была тбилисская организация. В ней состояли Э. Иоселиани, Д. Тархнишвили, И. Бакрадзе, С. Чрелашвили, Д. Кезели, А. Каландадзе и др. Много видных деятелей объединял и горийский кружок, среди них можно назвать В. Деканозишвили, М. Кереселидзе, К. Пурцеладзе, А. Пурцеладзе, К. Павленишвили, С. Мгалоблишвили, Ш. Давиташвили и др.

Цели и задачи организации. Члены подпольных кружков ставили перед собой задачу свержения существовавшего в то время несправедливого социально-политического строя и установление порядков, основанных на свободе личности и равноправии. Цель сообщества состояла в том, чтобы «по полученному сигналу» организовать крестьянское восстание и уничтожить «служащих, духовенство и помещиков». Члены тайных кружков старались внушить всем уверенность, что «с уничтожением монархической власти все будут равно пользоваться одинаковым состоянием, избавятся от всяких натуральных и

⁷⁶¹ Л е н и н В.И. Перлы народнического прожектерства—Полн.собр.соч.,т.2,с.481.

⁷⁶² Л е н и н В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г.Струве.— Полн. собр.соч.,т.1,с.347—535.

⁷⁶³ См.: Ш в е л и д з е З.*Из истории революционно-народнического движения в Закавказье. Тбилиси,1964,с.43—46.

⁷⁶⁴ М г а л о б л и ш в и л и С.* Воспоминания. Тбилиси, 1936, с. 71.

⁷⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 153, д. 35. л. 29.

денежных повинностей, земля и плоды труда будут принадлежать самим трудящимся и никто не посмеет их у них отнять»⁷⁶⁶.

О характере и содержании пропаганды, которую вел в народе и в воинских частях бывший слушатель Тбилисской духовной семинарии Александр Иоакимов, сообщил следствию некий Николай Алексеев. «Александр Иоакимов, встретившись со мной и Феодором Заманопуло, — показал он следователям, — при разговоре продекламировал стихи, в которых говорилось: «Возьмите топоры и пойдем на врага, всех попов, всех чиновных подлецов, все законы, все судейские дела мы сожжем дотла». При этом Иоакимов говорил о свободе, равенстве и братстве и рассказал, что во Франции революция и все восстали против правительства, и объяснил, каким образом парижане сражаются в этом случае. Кроме этого, он... говорил солдатам, зачем идти сражаться за царя... и т. д.»⁷⁶⁷

Средства и методы борьбы. Осуществление поставленной цели грузинские революционные народники представляли себе лишь путем насильственного переворота. Главной боевой силой они считали крестьянство. Оно должно было сыграть решающую роль в грядущей борьбе за социальное освобождение. Но крестьянство нуждалось в руководстве. Задача молодого поколения, передовой интеллигенции, по мнению народников, как раз в том и состояла, чтобы, используя различные средства пропаганды, подготовить сельское трудовое население к восстанию и свергнуть таким путем общественно-политический строй. Причем это восстание должно было начаться одновременно с выступлением русских крестьян. «Мы, местные революционеры, — пишет в своих воспоминаниях Ш. Давиташвили, — преследовали цель подготовить все население Кавказа, независимо от национальной принадлежности, к общему восстанию, начав его, как только пробьет час борьбы в России»⁷⁶⁸.

Среди различных форм пропаганды (устная беседа, постановка спектаклей и т. д.) видное место занимало распространение антиправительственных прокламаций и нелегальной литературы. Документы первой категории составлялись, преимущественно, на месте, а подпольная литература провозилась и переводилась на грузинский язык. К числу последней принадлежит «История крестьянина», «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Бог-то бог, да сам не будь плох» и др.⁷⁶⁹ Все они содержали призыв к борьбе за землю и свободу, за установление полного равноправия среди людей.

Отношение крестьян к пропаганде народников. Как встретило грузинское крестьянство пропаганду народников, как оно восприняло их идеи? По данным современников, сельские труженики в большинстве случаев настороженно относились к деятельности и пропаганде народников. По свидетельству известного деятеля народнического движения С. Мгалоблишвили, его антиправительственные призывы, обращенные к крестьянам, вызвали отрицательную реакцию в их среде. «...Как можно быть вероломным к царю, — заявили ему в ответ односельчане, — ведь он богом избранное лицо, разве не он отменил вчера крепостное право? Правда, — продолжали они далее, — нет у нас земли, но что делать, как-нибудь выкупим ее. Нет, браток, изменить царю мы не можем!»⁷⁷⁰. То же самое подтверждает и Ш. Давиташвили: «Хотя наши слова о конфискации помещичьих земель и вызвали живейший интерес крестьян, но установить с ними тесный контакт нам так и не удалось»⁷⁷¹.

Широкие массы народа все же не были полностью безразличны к проповеди народников. Это подтверждает и Я. Мансветашвили. «Каждое наше слово, сказанное от

⁷⁶⁶ Записка, составленная из собранных сведений о социально-революционном обществе, образовавшемся в пределах Закавказского края. — ЦГИАГ, ф. 153, д. 35, л. 29—41; ИВ, т. 29—30, с. 40—52.

⁷⁶⁷ ЦГИАГ, ф. 153, д. 2504, л. 13—14.

⁷⁶⁸ Д а в и т а ш в и л и Ш.* Народническое движение в Грузии, с. 40.

⁷⁶⁹ А н т е л а в а И. Г.* Очерки из истории общественно-политического движения и общественной мысли Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1974, с. 41.

⁷⁷⁰ М г а л о б л и ш в и л и С. Воспоминания, с. 83.

⁷⁷¹ Д а в и т а ш в и л и Ш. Народническое движение в Грузии, с. 30.

души и с юношеским увлечением, — вспоминает он, — легко пробивало себе дорогу к сердцам и душам слушателей, и они начинали с доверием относиться к нам»⁷⁷².

Вполне согласно с этим свидетельством и донесение агента И. Иоселиани. В одном из его «рапортов» говорится об успехах, достигнутых членом подпольного кружка Платоном Габичвадзе среди жителей Рачи. Он, по словам документа, сумел расположить к себе крестьян селений Сорушо, Садмели и Хванчкара и подготовить их к восстанию⁷⁷³. То же самое можно сказать о гурийских крестьянах. И они с большим вниманием отнеслись, оказывается, к деятельности народников и заявили о своей готовности участвовать в антиправительственном движении. Аналогичную позицию занимали и жители Кахети. По сообщению сельских учителей Ростомашвили и Нацвлишвили, жители этой области сочувственно встретили пропагандистов и дали им свое согласие стать в ряды борцов за социальное освобождение⁷⁷⁴.

Наконец, в пользу положения о небезуспешности народнической пропаганды, о ее роли в углублении классовой борьбы в пореформенной грузинской деревне можно привести одну выдержку из отчета кутаисского губернатора за 1876 г. «Из разговоров с крестьянами, — писал губернатор, — я пришел к полному убеждению, что они действовали под влиянием теории о праве поземельной собственности, проникшей к ним из чужой среды. Многие крестьяне высказывались по этому предмету не только в одинаковом смысле, но и в тождественных выражениях с распространителями социально-революционной пропаганды...» По мнению кутаисской губернской администрации, деятельность, народников не только оставила определенный след, но и ускорила выступления крестьян Мегрелии в 1874 и 1876 гг.⁷⁷⁵

Лавристы и бакунисты среди грузинских народников. Грузинские народники, как уже было отмечено выше, старались подготовить народ к восстанию. Они не думали, подобно бакунистам, что сельское трудовое население уже готово к выступлению и излишне вести в его среде пропагандистскую работу. Народ, по мнению Бакунина, не имел ни желаний, ни времени для слушания проповеди новых идей. Грузинские же народники не разделяли подобного взгляда русских анархистов и организацию народного восстания не считали легкой задачей. Они верили, что поднять народ, бывший веками в рабстве, возможно только путем систематической пропагандистской и разъяснительной работы. Именно этим и объясняется то исключительное внимание, которое грузинские народники уделяли распространению революционных идей. Перевод и размножение радикальной литературы, устройство печатного станка в селении Тквиави, попытка получения из-за границы более усовершенствованных машин для организации типографии и т. п. свидетельствуют о том, что подпольный центр планировал свою работу на сравнительно продолжительное время. Его руководители считали, что только хорошо подготовленное общее восстание, а не отдельные и случайные вспышки, может быть эффективным. Именно поэтому они не поддержали восстание крестьян 1876 г. в Мегрелии, в вызревании которого, можно сказать, их роль была значительна. «Оно пока что преждевременно, и отложите его начало», — писал Михаил Кипиани народнику Апакидзе⁷⁷⁶.

Необходимо вместе с тем отменить, что грузинские народники, придерживаясь лавристской тактики систематической и продолжительной пропаганды среди народа, все же не были типичными и последовательными лавристами. Правда, организацию единовременного выступления крестьян они не считали делом сегодняшнего дня, но и не откладывали ее на неопределенное время, рассматривая в качестве задачи, решение

⁷⁷² М а н с в е т а ш в и л и Я. Воспоминания, с. 3—4.

⁷⁷³ ЦГИАГ, ф. 153, д. 34, л. 318.

⁷⁷⁴ Там же, л. 38—39.

⁷⁷⁵ ЦГИАГ, ф. 5, д. 3974, л. 1—8; ЦГИАМ, ф. III, отд. 3 экз., д. 33, л. 6.

⁷⁷⁶ М е г р е л и ш в и л и Г. И. Указ. соч., т. 11, с. 504.

которой возможно лишь в результате продолжительной разъяснительной и подготовительной работы.

Среди грузинских и закавказских народников, как видно, были противники даже частичной пропаганды в народе. Они считали, что народ уже готов к революции и предлагали быстрее переходить от слов к делу. К числу последних принадлежал, например, упомянутый выше Александр Иоакимов. То же самое нужно сказать и о преподавателе Елисаветпольского реального училища П. Долинском, в письме которого к Михаилу Кипиани говорилось следующее: «Подготовка народа к восстанию посредством раздачи книг и пропаганды идет трудно... Следует сосредоточить деятельность на постоянной поддержке народных вспышек, пользоваться случаем для возбуждения... страстей и раздувать их по мере сил»⁷⁷⁷.

Связь грузинских народников с русскими подпольными кружками. Грузинские народники тесно были связаны с русскими и находившимися в России грузинскими деятелями — И. Джабадари, Г. Здачовичем-Маиашвили, М. Чикоидзе, А. Цицишвили, А. Гамкрелидзе.

Эти связи прежде всего выражались в снабжении кавказской молодежи пропагандистской литературой. По свидетельству Я. Иоселиани, открытие в 1874 г. во Владикавказе (ныне Орджоникидзе) библиотеки было достигнуто при непосредственном участии русских революционных кружков. Подобная помощь практиковалась и в дальнейшем. Видный представитель организации «москвичей» Георгий Зданович (Маиашвили) одному из своих грузинских друзей писал: «Посылаем книги и револьверы, разверните работу, истребите врагов»⁷⁷⁸. Согласно же докладу Христофорова, студент Петербургского университета Груховский, прибывший в Кутаиси в августе 1876 г., привез, по поручению пропагандистских кружков, следующую запрещенную литературу: «История развития Интернационала», «Задачи революционной пропаганды в России», «Что нужно народу?», «К офицерам русской армии» и т. д.

Российский подпольный центр оказывал и материальную помощь. Студент Ратиев, например, привез из Москвы 40 руб. и через посредство Арсения Каландадзе передал их Эгнатэ Иоселиани. Наконец, по сведениям, собранным жандармерией, грузинскими народниками было принято решение «избрать из своей среды одно лицо, которое отправится в Москву с поручением занять от тамошнего кружка две тыс. рублей и на эти деньги привезти (печатный) станок».

В развертывании антиправительственной деятельности грузинских народников немаловажную роль играли приезжавшие в Грузию на короткое время русские революционеры. Один из них — студент Петербургского лесного института Виктор Данилов. Он, оказывается, в 1874 г. прибыл в Тбилиси и под видом подготовки учеников вел пропагандистскую работу. Скоро Данилов перебрался в селение Воронцовка (около Манглиси), которое было заселено духоборами. Он стал внушать жителям селения идеи, направленные против правительства, религии и частной собственности⁷⁷⁹. Однако деятельность Данилова продолжалась недолго: жандармерия выследила и арестовала русского народника. Через полтора года Данилова переправили в Россию и в 1877 г. судили по «Процессу 193-х». Он обвинялся в создании общества, цель которого состояла в насильственном свержении существующего строя⁷⁸⁰.

В воспоминаниях Э. Иоселиани говорится о некоем Юрии Богдановиче, прибывшем в 1881 г. в Тбилиси с целью взрыва не названного в источнике объекта⁷⁸¹. Подпольную пропагандистскую работу вел академик И. С. Швецов, приехавший в Грузию

⁷⁷⁷ ЦГИАГ, ф. 7, оп. 3, д. 2506, с. 16.

⁷⁷⁸ М е г р е л и ш в и л и Г. И, Указ. соч., т. I, с. 465.

⁷⁷⁹ Ш в е л и д з е З. Революционно-народническое движение в Грузии. с. 74.

⁷⁸⁰ И о с е л и а н и Э. Из прошлого. — Литературный музей Грузии, ф. Э. Иоселиани, д. 2855/31.

⁷⁸¹ Ш в е л и д з е З. Указ. раб., с. 74.

в 1876 г. Однако в том же 1876 г. он был арестован при обыске квартиры Эгнатэ Иоселиани⁷⁸².

Провал тайной организации. Жандармерия довольно продолжительное время следила за деятельностью подпольщиков и с помощью агентов Ягора Иоселиани, Габриела Бакрадзе и Симона Гоголадзе собирала о них материалы, на основании которых помощник начальника Тифлисского губернского жандармского управления штабс-капитан Христофоров в начале сентября 1876 г. составил и представил властям пространную докладную записку о практической деятельности организации. В октябре того же года произошли массовые аресты. В числе арестованных были: Эгнатэ Иоселиани, Ягор Иоселиани, Мелитон Накашидзе, Арсен Каландадзе, Михаил Кипиани, Василий Самадшвили, Василий Деканоцишвили, Роман Павленишвили, Леван Черкезишвили, Александр Макашвили, Варлаам Габичвадзе, Софром Мгалоблишвили и др. Всего—более 80 человек. Некоторые из них, а именно Христинэ Рарок, Ардасианов, Сохийев Филиппов, Писарев, Прохоров и Попов были представителями из Владикавказа, и жандармерия арестовала их на основании найденной при обыске квартиры Э. Иоселиани переписки, доказывавшей связь руководителя грузинских народников с владикавказским кружком⁷⁸³.

Судьба арестованных и привлеченных к следствию 82 человек сложилась следующим образом. Тридцать восемь заключенных были освобождены за недоказанностью обвинения. Так же поступили и в отношении агентов охраны Мелитона Накашидзе и Ягора Иоселиани. За смертью Романа Павленишвили и Василия Деканоцишвили дело о них производством было прекращено. Материалы о Сергее и Алексее Шведовых и Алексее Ардасианове были пересланы Петербургскому и Московскому жандармским управлениям, которые вели следствие о прежней их «преступной» деятельности. Дела скрывшихся Исидора Кикодзе, Константина Бакрадзе и Платона Габичвадзе отложили. Что же касается священника Георгия Кикодзе (отца Исидора), то его освободили от дальнейшей ответственности, уведомив при этом епархиальное начальство о необходимости строгого внушения священнику о том, что в его звании следовало «обращать больше внимания на поведение сына»⁷⁸⁴.

Остальные 34 человека были приговорены к различным наказаниям. Благодаря стойкому поведению заключенных следственным органам не удалось доказать их виновность.

Возрождение народнических организаций в Грузии началось с 80-х гг. После поражения 1876 г., по справедливому замечанию С. Хундадзе, прошло немного времени, как народническая интеллигенция вновь развернула свою работу. В конце 70-х — начале 80-х гг. в Грузии появилось новое поколение народнически мыслящих людей, которые, с одной стороны, взялись за литературный труд, за литературное оформление своей идеологии и программы, а с другой стороны, задумали продолжить революционно-практическую деятельность, обратив особое внимание на учащуюся молодежь и рабочих ремесленников⁷⁸⁵.

По свидетельству Ш. Давиташвили, именно после провала тайной организации и была предпринята первая попытка вести работу среди тбилисских рабочих и ремесленников. Пропагандистская работа продолжалась и в кругу железнодорожных рабочих. Избежавшие ареста народники, разумеется, не забыли и сельских жителей. Эту работу вели учителя. Наряду с занятиями в школах, они много времени уделяли пропаганде передовых идей среди крестьянского населения⁷⁸⁶.

⁷⁸² И о с е л и а н и Э. Указ. раб.

⁷⁸³ Д а в и т а ш в и л и Ш. Народническое движение в Грузии, с. 55—56.

⁷⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 7, оп. 3, д. 2506, л. 114—119.

⁷⁸⁵ Х у н д а д з е С. И.* К истории социализма в Грузии, т. II. Тбилиси, 1928, с. 47; см. также:

М е г р е л и ш в и л и Г. Указ. соч., т. II, с. 5; Г о з а л и ш в и л и Ш.* Революционно-народническое движение в Грузии. Тбилиси, 1960, с. 169—170.

⁷⁸⁶ Д а в и т а ш в и л и Ш. Народническое движение в Грузии, с. 60—65, 79.

Народнические кружки в Тбилиси. Несмотря на мероприятия правительства, направленные на восстановление «порядка» и спокойствия в крае, общественно-политическое движение не только не утихло, но и приняло угрожающий размер, в особенности в 80-х гг. Тяжелое социально-экономическое и политическое положение трудового народа, героические дела русских народников, убийство Александра II в 1881 г., усиление реакции и национального гнета питали радикальное настроение и грузинской передовой интеллигенции.

Во многих местах страны возникли тайные кружки, членами которых были последователи народолюбцев, разделившие их программу. Это течение, по признанию современников, пользовалось уважением среди грузинских народников⁷⁸⁷.

Один из подпольных кружков был создан в Тбилиси в 16-м Мингрельском полку в августе-сентябре 1881 г., осенью следующего года выданный одним из его членов поручиком Анисимовым, который таким путем предполагал искупить свою вину, выразившуюся в растрате полковых денег. Членами кружка являлись: Манухин, И. Липпоман, Александр Антонов, Николай Алиханов, Арчил Цицишвили, Владимир Держановский, Митник, а также гражданские чины — Александр Элиозашвили, Павел Якимов, лесничий Виктор Меленчук, Александр Нанейшвили, Мариам Шарвашидзе, Степан Чрелашвили и др.

В организации тайного общества активно участвовала известная революционерка Анна Прибылева-Корба, приехавшая в Тбилиси по поручению Исполнительного комитета «Народной воли» весной 1881 г. При посредничестве С. Чрелашвили она познакомилась с поручиком А. Антоновым и предложила ему создать тайный кружок. Антонов, принявший предложение, открылся близким друзьям, и скоро оформилось подпольное общество. Члены его по возможности собирались и обсуждали вопросы, связанные с практической деятельностью. На одном из таких собраний, в присутствии предателя Анисимова, рассматривались вопросы будущего устава организации и приема новых членов. Выступивший на собрании Александр Антонов между прочим заявил, что он связан с одной прибывшей из России барышней, от которой получает запрещенную литературу, в частности пламенные листы «Народной воли». В постановлении, принятом участниками собрания, подчеркивалась необходимость установить более тесный контакт с офицерами и солдатами полка с тем, чтобы внушить им ненависть к самодержавному строю и воспитать их в «социалистическом духе».

Присутствовавшая на втором собрании кружка Анна Прибылева-Корба выступила с речью, в которой, охарактеризовав пропагандистскую деятельность и дав ей положительную оценку, выразила сомнение по поводу весьма ограниченных материальных возможностей организации. Она обратилась к участникам собрания с просьбой собрать деньги, что было принято, с большой охотой.

Собранная сумма, по показаниям Анисимова, была использована для устройства типографии, руководство которой взял на себя человек «крайнего направления» Виктор Меленчук. Все необходимое для типографии было приобретено, но печатное дело все же не удалось наладить, так как в обществе стали распространяться слухи об открытии в ближайшем будущем типографии⁷⁸⁸.

Организация, руководителем которой источники, наряду с Прибылевой-Корба, называют и члена Центрального комитета «Народной воли» Сергея Дегаева, ставшего потом предателем, преследовала целью свержение существовавшего социально-политического строя и установление нового.

Общество, как видно, практически почти ничего не сумело сделать, так как оно было выдано в момент его зарождения и организационного оформления⁷⁸⁹. В начале 1883 г. жандармерия арестовала многих подпольщиков, в том числе Манухина. Александра

⁷⁸⁷ Там же, с. 86—87.

⁷⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 153. д. 64, л. 13—15.

⁷⁸⁹ Там же, л. 22—23.

Антонова, Виктора Меленчука, Арчила Цицишвили, Вачнадзе, Степана Чрелашвили, Александра Нанейшвили, Эгнатэ Иоселиани, Мариам Шарвашидзе, Николая Алиханова и др. Некоторые из них отделались сравнительно легко, некоторые же, наоборот, понесли суровое наказание. В числе последних были М. Шарвашидзе, Э. Иоселиани, С. Чрелашвили и Александр Нанейшвили.

В марте 1882 г. к исполняющему обязанности тифлисского полицмейстера явился служащий 4-го стрелкового батальона, вольнонаемный Николай Трухачев и передал ему важные документы о революционной деятельности тбилисской молодежи. Он написал, в частности, донос на слушателя второго курса Александровского учительского института Давида Кадагидзе и его товарищей. Трухачев представил полиции листы «Народной воли», прокламацию «Русскому рабочему народу» и письма членов тайной организации «Камчатка» Ф. Султанова, Д. Кадагидзе, Н. Джакели, Э. Такайшвили, Б. Горгаслидзе и Тер-Погосова к некоему Александру Беридзе, украденные им у Д. Кадагидзе. Помимо перечисленных документов Трухачев дал полиции, много письменных и устных сведений о действиях означенных лиц. Он сообщил, что у Кадагидзе часто собираются товарищи, которые ведут длительные диспуты, прекращаемые с его появлением. Кадагидзе, по словам информатора, с восторгом встретил весть об убийстве Александра II и с величайшей похвалой отозвался об исполнителях этого акта — Перовской, Желябове и Кибальчиче. Возмущенный их казнью, Кадагидзе, забыв о необходимости соблюдения конспирации, в разговоре с Трухачевым сказал: «Подлость и мерзость поступать таким образом с такими людьми: не их, а тех, которые их судили, следовало бы повесить». По мнению Кадагидзе, существовавший в то время строй был совершенно негодным, антинародным, заслуживающим свержения. Новые общественные отношения должны строиться на социалистических началах.

Арестованный 8 марта 1882 г. Д. Кадагидзе обвинялся в распространении запрещенной литературы, в антиправительственной пропаганде, в созыве подпольных собраний, в одобрении царевбийства и т. д. Следствие требовало ответа на все эти обвинения. Д. Кадагидзе наотрез отказался от предъявленных обвинений⁷⁹⁰. На высоте оказались и другие члены кружка. И они не признали ни одного пункта обвинительного заключения. Это и обусловило относительную мягкость наказания. «Я полагал бы полезным, — писал прокурор, — не давать этому делу хода в судебном порядке; воспитанников Александровского учительского института Давида Николаева Кадагидзе и Фараджа бек Султанова, выдержав под арестом две недели, отдать затем под надзор полиции на один год»⁷⁹¹.

В марте 1883 г. жандармерия произвела новые массовые аресты и выслала многих борцов за социальное освобождение в отдаленные губернии России. Но эти жестокие меры, видимо, не дали желаемых результатов. Правительству так и не удалось восстановить «порядок». В числе нарушителей покоя был опять Александровский учительский институт. Его ученики при помощи своих передовых педагогов составили и в ноябре 1883 г. распространили в городе прокламацию «От учащихся к обществу». Описав жуткие условия жизни и учебы в институте, (начальство которого стремилось воспитать верноподданных граждан), авторы воззвания писали, что если общество не заступится за них и не оградит от произвола деспотов, то тогда они возьмутся за дело своего освобождения. И пусть, заявляли они, величавые образы Перовской и Засулич, Рысакова и Желябова «будут нам путеводными звездами на пути чести и свободы»⁷⁹².

В связи с этим воззванием карательные органы арестовали двух слушателей института — Михаила Буслаева и Василия Плохотникова, обыскали квартиру ученицы восьмого класса тифлисской женской гимназии Авдотьи Карпуховой и поставили под надзор учительницу училища св. Нины Политаеву. При обыске у Буслаева нашли тетради,

⁷⁹⁰ Там же, ф. 39, д. 137, л. 6—9.

⁷⁹¹ Там же, л. 14.

⁷⁹² Там же, ф. 153, д. 72, л. 5.

заполненные различными текстами, свидетельствующими о «вредном направлении» их автора. Вот одно место из изъятого документа: «Первым деятелем при Екатерине II был Радищев, а вторым — Новиков, председатель масонских лож, основатель частной типографии, узник Петропавловской крепости. Воспитатель Александра I Лагарп был республиканцем. Основанный в 1818 г. «Союз Благоденствия» впоследствии, в 20-х гг., перерос в декабризм. В 1861 г. М. Михайлова сослали на каторгу, где он умер в 1867 г. В 1863 г. был убит А. Потебня, в лице которого партия «Земля и воля» понесла огромную потерю. Отправили в Сибирь Каракозова и товарищей Страдена, Юрасова, Николаева и Худякова. После Нечаева, в 1869 г. появился учитель Сергей Нечаев, а потом — Долгушин и слесарь Малиновский. В 1861г. начали печатание «Великоруса». А.Герцен и Н.Огарев издавали в Лондоне «Колокол» и «Полярную звезду». Они считали, что народу необходима свобода слова, совести и действия. Чернышевский без компрометирующих документов был осужден на 14 лет⁷⁹³.

В записках Буслаева, по словам жандарма Пекарского, много внимания было уделено рассуждению о православном христианстве, его разоблачению. Автор говорил также о развитии социалистических идей, начиная с XVI века.

Найденные во время обыска материалы были достаточно красноречивы, но властям этого было мало, так как преследовалась более конкретная цель — установить личность автора прокламации и обстановку написания. Допрос Буслаева не дал ничего — последний категорически опроверг свое участие в этом деле. Не принес желаемых результатов и допрос Плохотникова, который, как видно, успел уничтожить все вещественные доказательства своей подпольной деятельности.

Итак, охранка не сумела доказать арестованным предъявленные обвинения. Тем не менее она глубоко была уверена в «преступной» деятельности Буслаева, Плохотникова и других слушателей Учительского института. Поэтому Тифлисское губернское жандармское управление ходатайствовало о выселении из Грузии в административном порядке Михаила Буслаева и Василия Плохотникова. Однако это предложение не получило поддержки губернатора, по мнению которого осуждение людей без доказательства предъявленных обвинений могло вызвать большое неудовольствие среди молодого поколения и вместо пользы принести вред⁷⁹⁴.

Народовольческие кружки в Гори. Вторым центром народнического движения в 80-х гг. был г. Гори. Антиправительственная деятельность в этом городе особенно развернулась с 1881 г., когда из ссылки на родину возвратился Михаил Кипиани. Он с семьей поселился в Гори и стал преподавателем грузинского языка в местной семинарии. Одна группа горийских народников, в составе С. Мгалоблишвили, Н. Мгалоблишвили, Алало Тулашвили, Ш. Давиташвили, Ш. Гулисашвили, С. Магалашвили, М. Иванишвили, Демурия и др., вела преимущественно легальную, по существу очень полезную работу. Их члены, по свидетельству современников, устраивали спектакли, литературные вечера, выступали в защиту интересов крестьян, возбуждали ходатайства об открытии тех или иных учреждений и т. д. По инициативе этой группы был, например, поднят вопрос о введении института присяжных заседателей, об обложении повинностями зажиточной части населения с целью использования поступившей суммы на нужды народного образования, о полном или частичном освобождении хизанов и т. д.

В г. Гори действовала и конспиративная группа народников. Ее возглавляли М. Кипиани, Е. Шарвашидзе (супруга Кипиани), К. Гварамадзе (учитель), Л. Григолашвили (учитель), Ш. Давиташвили, И. Мачавариани⁷⁹⁵. Группа была связана с русскими народовольцами, пользовавшимися, как сказано выше, большим уважением среди грузинских народников. Подпольный кружок установил контакты с воинской частью,

⁷⁹³ ЦГИАГ, ф. 153, д. 71, л. 40—41.

⁷⁹⁴ Там же, л. 44, 48—49.

⁷⁹⁵ Д а в и т а ш в и л и Ш. Народническое движение в Грузии, с. 75, 82—83, 86.

расположенной в сел. Хидистави. Командный состав этой части, по словам С. Мгалоблишвили, сочувствовал революционному движению⁷⁹⁶.

С целью усиления финансовых возможностей организации конспиративный комитет, с согласия народовольческого центра России, решил похитить деньги из горийского казначейства, но осуществить намерение не удалось. Жандармерия, своевременно поставленная в известность информатором, сорвала операцию.

Карательные органы напали на след. Начались аресты, судебные процессы. Руководитель горийских народников был выслан в Семипалатинск сроком на три года.

После разгрома организации в 1883 г. деятельность горийских народников ослабла. И это произошло не только потому, что власти арестовали и выслали руководителей подпольных кружков, но и потому, что свирепствовавшая во всей империи реакция очень осложнила работу молодого поколения. В Гори и уезде установился настолько жестокий режим, что, по свидетельству очевидцев, даже простая встреча знакомых считалась рискованной. В такой ситуации, конечно, противоправительственная деятельность значительно осложнилась, хотя и не прекратилась. Избежавшие ареста горийские народники снова составили кружок, в который, по данным жандармского управления от 28 июня 1884 г., входили: С. Мгалоблишвили, Л. Кереселидзе, Ш. Шиукашвили, Л. Григолашвили, Н. Ломоури, А. Пурцеладзе, К. Гварамадзе, Н. Бериашвили и др. Кружок объединял людей различных взглядов и убеждений. В нем, наряду с С. Мгалоблишвили, который два года тому назад числится в группе легально действовавших народников, были и такие видные преставители народовольцев и их конспиративного комитета, как А. Григолашвили и К. Гварамадзе. К сожалению, трудно установить, на какой почве произошло их объединение, но ясно то, что кружок далек был от либеральных иллюзий, и что он стоял на позициях борьбы против существовавшего строя. Это подтверждает вышеупомянутый доклад Тифлисского губернского жандармского управления. В нем об одном из руководителей кружка, Антоне Кереселидзе, сказано, что он ярый противник самодержавия и пламенный республиканец. Секретарь горийского уездного управления Бычков, читаем там, близкий товарищ Антона Кереселидзе, заявил, что он, Кереселидзе, при каждой встрече непременно заводил разговор о монархическом строе России и рисовал его в черных красках. Одновременно он восхвалял республиканскую систему. Тот же Бычков назвал случай непочтительного отношения его к императорской особе. Во время обеда с товарищами в горийской гостинице «Варшава» Кереселидзе отказался выпить предложенный Бычковым тост за здоровье государя. Более того, на замечание Бычкова, почему он воздержался от тоста, Кереселидзе позволил себе высказать нецензурные слова в адрес императора.

Согласно данным охранки, на квартире Кереселидзе, кроме вышеперечисленных лиц, собирались и другие представители передовой молодежи, читавшие запрещенную литературу. То же самое происходило, оказывается, и в доме С. Мгалоблишвили. У него, по словам доносчика, «собирались целые группы... после полуночи и оставались до утра, безо всяких естественных поводов».

Жандармерия ходатайствовала о выдворении из г. Гори ненадежных людей, в частности Кереселидзе и Мгалоблишвили, как людей порочных в политическом отношении⁷⁹⁷.

Народовольцы в Кахети. Народовольческие идеи были популярны и в Кахети. Источники называют Симона Майсурадзе, проповедовавшего в мае 1881 г. социалистические идеи и восстановившего крестьян против помещиков. Он убеждал сельских тружеников, что скоро наступит время, когда ныне взимаемые подати будут упразднены, а земли — равномерно распределены. Майсурадзе не скрывал своей ненависти к самодержавному строю, к императору. В феврале 1880 г. на обеде, устроенном в доме соседа, он отказался выпить за здоровье государя-императора и

⁷⁹⁶ Мгалоблишвили С. Воспоминания, с. 93.

⁷⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 153, д. 76, л. 4—7.

предложил тост в честь конституции. Майсурадзе к тому же сказал присутствовавшим, что он состоит в переписке с социалистами, посылает им деньги и что 3 или 5 марта 1880 г. произойдет взрыв в Зимнем дворце.

Обвинения, предъявленные Майсурадзе, подтвердили свидетели. Свидетель Александр Андроникашвили показал, например, что обвиняемый действительно говорил о предстоящем взрыве в Зимнем дворце. Такое же показание дал и второй свидетель — Симон Абашидзе. Что же касается Копадзе и учителя Полиевкта Карбелашвили, то они поддержали Майсурадзе, показав, что на упомянутом обеде им ничего подобного не было сказано⁷⁹⁸.

Сам Майсурадзе, категорически отказался от предъявленных обвинений. При этом он добавил, что дело было состряпано против него старостой и князьями Андроникашвили и Абашидзе, недовольными действиями Майсурадзе в связи с его опекой каких-то имений.

Обвиняемый легко отделался. Нельзя думать, что Майсурадзе в Кахети был единственным народником. Он, очевидно, имел своих единомышленников, которые вместе с ним и под его руководством вели пропагандистскую работу. Не исключена возможность, что учитель Константин Багашвили, которого охранка заподозрила в составлении 10 февраля 1880 г. в Сигнаги молодежной прокламации, был членом именно кружка Майсурадзе.

Г Л А В А XIII

РЕАКЦИЯ 80-х гг. И ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ ГРУЗИИ

§ 1. УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ

Революционная ситуация, сложившаяся в 1879—1881 гг. в России, была обусловлена наличием в стране пережитков крепостничества и развитием новых капиталистических отношений.

Обострение классовой борьбы и усиление колониального угнетения «инородцев» определяли то общедемократическое движение, которое было направлено против помещичье-буржуазного строя и которое выразилось в активизации действий народническо-революционной и других политических партий. Бессилие самодержавия и «кризис верхов», со всей очевидностью обнаружившиеся на рубеже 70-х—80-х гг., толкали правительство на сплочение вокруг себя всех реакционных элементов. В силу сложившихся исторических условий революционная ситуация и на этот раз не переросла в революцию: чтобы выйти из положения, царизм использовал свое излюбленное средство—приступил к проведению реформ. Члены правительства, в том числе министры, и даже сам царь изыскивали всякие средства для упрочения своего положения.

В целях установления порядка в стране правительством было принято решение об учреждении т. н. «Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с графом М. Т. Лорис-Меликовым.

Той же цели служил и разработанный графом Лорис-Меликовым либеральный проект создания временных думских комиссий, который в начале 1880 г. был представлен им на рассмотрение императору Александру II. В этой связи следует отметить, что группа заискивавших перед всемогущим царским, министром либеральных чиновников не только не могла нахвалиться проектом Лорис-Меликова, но даже называла его конституцией. И хотя эти господа явно преувеличивали значение проекта, тем не менее, как указывал В. И. Ленин, при известных условиях осуществление лорис-меликовского проекта могло

⁷⁹⁸ ЦГИАГ, ф. 7, оп. 3, д. 2745, л. 8—9.

явиться шагом к созданию конституции. Однако, как известно, на самом деле этого не произошло. После убийства Александра II народолюбцами 1 марта 1881 г. в России началась эпоха «черной реакции». Реакционеры отвергли и либеральный проект Лорис-Меликова, который вместе со своими ближайшими сподручными был вынужден уйти в отставку.

Новый император Александр III предоставлял высшие государственные посты лишь самым крайним реакционерам. Признанным вдохновителем реакции стал один из воспитателей Александра III, в бытность его цесаревичем, обер-прокурор синода Победоносцев. Совместно с графом Д. Толстым, Н. Игнатьевым, А. Пазухиным, М. Катковым и иже с ними Победоносцев начал рьяно осуществлять курс, направленный на укрепление устоев самодержавия.

Таким образом, со вступлением Александра III на российский престол в стране началась эпоха политической реакции, которая не прекращалась на протяжении всего периода его царствования (1881 — 1894). Реакция выразилась прежде всего в разгроме национально-освободительного движения, в усилении колониального гнета, а также в попытке восстановить феодальную сословность, подвергшуюся серьезным сотрясениям в результате проведенной крестьянской реформы. Возглавлял начавшуюся в стране политическую реакцию сам император Александр III.

В апреле 1881 г. был официально опубликован составленный Победоносцевым т. н. Манифест, отвергавший буржуазные реформы и восстанавливавший обветшалые самодержавные формы государственного управления.

Для разгрома и полного искоренения революционных и либерально-прогрессивных элементов, а также для осуществления репрессивных мер против «неблагонадежных» были реорганизованы государственные охранительные и карательные органы, заменен весь их личный состав.

В мае 1881 г. вместе с назначением Д. Толстого министром внутренних дел был положен конец конституционным колебаниям. В России, говоря словами В. И. Ленина, «наступила пора... разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции». М. Катков — один из идеологов реакции, приветствовал назначение Д. Толстого специально написанной по этому поводу статьей.

Третий отдел императорской канцелярии был упразднен, но вместо него в системе Министерства внутренних дел был сформирован департамент полиции, а также местные политические управления. Отныне и местные органы власти имели право на арест, лишение имущества или наложение высоких денежных штрафов на т. н. «неблагонадежных лиц». Полиция и жандармерия были наделены правом, по своему усмотрению подвергать аресту и ссылке на каторгу неугодных им лиц.

Вскоре начальнику сыскных органов полиции Судейкину удалось через посредство известного шпиона Дегаева выследить местопребывание исполнительного комитета «Народной воли», а затем и арестовать почти всех его членов.

Гонению подвергалась прогрессивно-демократическая печать, усилился цензурный гнет. В 1882 г. были введены т. н. «временные правила» и «карательная цензура», согласно которым воспрещались разоблачения в печати каких-либо отрицательных сторон царизма и дворянства. Были закрыты либеральные и радикальные органы печати: «Голос», «Дело», «Отечественные записки» и т. д.

Оплотом реакционных сил, идеологическим вдохновителем и рупором их взглядов становится газета «Московские ведомости». Именно редактора этой газеты М. Н. Каткова называли сторожевым псом самодержавия (впрочем, он сам себя так назвал раньше других). В тех же целях (оказания всемерной помощи реакционным силам) была создана в 1881 г. т. н. «Священная дружина», возглавляемая политическими авантюристами Воронцовым-Дашковым и Шуваловым. Посредством шантажа и провокаций они якобы обнаруживали факты проявления свободомыслия, прибегая при этом к наиболее зверским и недостойным методам выслеживания и преследования прогрессивных сил. Эти же

действия поощрял и одержимый манией преследования, смертельно запуганный судьбой своего отца Александр III.

Подобными методами царизму удалось предотвратить революционный взрыв в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX века: реформы 60-х гг. были объявлены «роковой ошибкой», а выстрел 1 марта 1881 г. — «непосредственным следствием демократических уступок». Теперь правительство пыталось наверстать упущенное и целым рядом новых законодательных актов несколько исправить «ошибки», в результате которых было подорвано могущество помещиков. Вслед за этим царизм приступил к непосредственному проведению контрреформ. Например, в деревне была введена должность земского начальника, которая целиком и полностью свела на нет местные крестьянские самоуправления, т. к. на эту должность назначались лишь лица дворянского происхождения. Это мероприятие в некоторой степени восстанавливало в правах бывлой помещичий произвол. Усиливается строгий надзор правительственных органов над деятельностью земских учреждений, над институтом присяжных заседателей. Реакционная пресса объявила суд присяжных «судом улицы» и открыла против него травлю⁷⁹⁹.

В области просвещения издаются новые правила, усиливающие сословный принцип в деле народного образования. Увеличилось количество школ, подведомственных Синоду. С 1884 г. упраздняется автономия университетов. В 1885 г. правительство подтверждает «Жалованную грамоту» Екатерины II, дарованную российскому дворянству в 1785 г., и шумно отмечает ее столетний юбилей. Александр III писал: «Для благоденствия государства нашего сочли мы нужным сохранить, как прежде, так и сейчас, за российским дворянством главенствующее положение в военном командовании, местном самоуправлении и в суде».

В 1885 г. был основан «Дворянский поземельный государственный банк», который ставил себе целью сохранение дворянского землевладения и оказание ему всемерного содействия в восстановлении хозяйственного потенциала дворян-помещиков. Этот банк в первый же год своего существования выдал дворянству ссуду в размере 69 млн руб., а спустя три года целиком списал с него долг в 10,5 млн руб.

Однако вышеуказанные, как и другие меры не могли остановить экономическую деградацию и оскудение грузинского дворянства, постепенно превратившегося в злокачественный общественный нарост⁸⁰⁰.

Рубеж 70-х—80-х гг. XIX в. характеризовался в Грузии активизацией крестьянских восстаний, а также национально-освободительного и народнического революционных движений. В условиях тяжелого колониального гнета царизма гвоздем общественно-политического движения Грузии становятся крестьянские восстания, прокатившиеся по всей грузинской земле в этот короткий исторический промежуток времени. Это было восстание крестьян в Сванети в 1875—1876 гг., в Мегрелии в 1876 г., в Сигнагском уезде, Кахети, в 1878 г. и в Гурии в 1881—1882 гг. Отмеченные, как и другие, крестьянские выступления, стихийные и неорганизованные, были обречены на поражение.

Под влиянием народовольцев и революционно настроенных элементов антиправительственные выступления и настроения усиливаются по всей Грузии.

День ото дня все более и более нарастает недовольство народа. Например, 10 октября 1879 г. мировые судьи Сигнагского уезда Гуго Гарсиашвили и Гуго Зурабишвили публично оскорбили императора⁸⁰¹, а староста села Ахашени Абрам Мебагишвили, публично сорвав с себя старостинскую цепь, изверг целый поток бранных слов в адрес

⁷⁹⁹ Ленин В. И. Случайные заметки. — Полн. собр. соч., т. 4, с. 406.

⁸⁰⁰ Иверия, 1884, №3

⁸⁰¹ ЦГИА ГССР, ф. 7, д. 2601.

императора⁸⁰². В июне 1880 г. сигнагский гражданин Артем Нубаев был очевидцем приклеенных к городской стене и разбросанных на улицах листовок в прокламаций⁸⁰³.

В донесении Тифлисского жандармского управления говорилось, что в ночь на 5 ноября 1881 г. на улицах города в огромном количестве были распространены антиправительственные прокламации, которые появились затем и в Кутаиси, и в других городах Грузии.

В то время как рабочий класс еще не успел сложиться в ведущую революционную силу грузинского общества, интересы крестьянства выражали революционные просветители-демократы, «тергдалеулни» — выдающиеся деятели грузинского национально-освободительного движения, а также народники. Выступая поборником инсургентов на суде, они использовали судебные процессы над восставшими крестьянами в качестве трибуны не только для оправдания крестьян в их справедливой, освободительной борьбе против царского режима, и не только для разоблачения антинародной колониальной политики царского правительства и его приспешников, но и для пропаганды своих прогрессивных, демократических идей⁸⁰⁴.

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ВЕРХОВНОМ УПРАВЛЕНИИ КАВКАЗОМ, УСЛИЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

Упразднение наместничества. Реакция 80-х гг. была направлена против всех революционных и прогрессивных сил вообще и против входивших в империю угнетенных наций в частности. Царизм, обвиняя нерусские народы в сепаратизме, стремился на самом деле к их насильственному обрусению, для того он прибегал к переселению на национальные окраины колонистов, к лишению нерусских народов права говорить на родном языке и т. д. Реакционные русификаторские элементы стремились к полной ликвидации незначительных автономных прав, которыми еще обладали Финляндия и Польша, в отношении же Кавказа они не желали более терпеть и той мизерной административной автономии, которой пользовался край во время существования наместничества. Царизм сеял неприязнь и вражду между угнетенными народами, натравливал друг на друга мусульман и христиан, устраивал еврейские погромы. Царизм объявил великорусов избранным народом, призванным объединить вокруг себя и возглавить весь славянский мир. Малые же народы, входившие в империю, рассматривались им как представители неполноценных рас. В отношении последних царизм и вовсе не считал нужным «соблюдать приличия». Поэтому он бесцеремонно проводил административно-территориальные преобразования с тем, чтобы предать забвению даже название некогда сильных политических образований, имевших многовековую историю и живших в прошлом самостоятельной государственной жизнью. Этим объясняется то, что в 1884 г. «Царство Польское» стало именоваться «Привислянским краем». Национальные названия Украины и Белоруссии исчезли, их территории, превратившиеся в простые, губернии, были подчинены централизованной системе управления. В январе 1882 г. была изменена система управления Грузией и Закавказьем. Была упразднена должность наместника царя на Кавказе, а вместо него была введена должность главноуправляющего. Это означало, что Кавказ терял и ту, весьма куцую административную автономию, которой он пользовался со времен графа М. Воронцова; отныне снова была восстановлена должность генерал-губернатора. Губернатор наделялся правом объявлять по своему усмотрению т. н. «военное положение» и использовать вооруженные силы «для водворения порядка» в крае. Закавказские губернии были непосредственно подчинены Петербургу, а

⁸⁰² Там же, д. 2698.

⁸⁰³ Там же, д. 2646.

⁸⁰⁴ И о с е л и а н и А. П. Илья Чавчавадзе и вопросы истории Грузии. Тбилиси. 1951.

главноуправляющий Кавказом осуществлял лишь надзор за выполнением распоряжений, идущих сверху. Преследуя целью этих преобразований в высшем управлении Кавказом усиление русификаторской и колониальной политики царизма вообще, правительство во главе вновь сформированной на месте власти поставило крайних реакционеров. Наместник царя на Кавказе Михаил Николаевич Романов в течение своей 18-летней деятельности на Кавказе фактически продолжал курс, взятый М. Воронцовым, который считался с национально-культурными и экономическими особенностями края. Теперь и этот курс, как вовсе неприемлемый для нового режима, был отвергнут вместе с управлением наместничества. Великого князя Михаила отозвали в Петербург. На новую должность главноуправляющего Кавказом назначили известного царского слугу Дондукова-Корсакова, выполнявшего свои обязанности до 1890 г. Его сменил Шереметев. В 1896 г. главноуправляющим стал Голицын. Эти верные царские сатрапы были оголтелыми колонизаторами и заядлыми реакционерами, а равно и русификаторами. Главой грузинской церкви (ее экзархом) назначается архиепископ Павел, а попечителем Кавказского учебного округа—некто Яновский, оба реакционера и русификатора. В сфере культуры, образования, религии и прессы вводится строжайший контроль и жесточайшая цензура. Грузинские книги и периодическая пресса стали подвергаться гонениям, т. к. через их посредство в народе распространялись национально-освободительные и демократические идеи. Преследование жандармерией и другими охранительными учреждениями грузинского народа, его передовых сыновей стало обычным явлением. За выдающимися представителями национально-освободительного движения Грузии, самоотверженно защищавшими и грузинский язык и многовековую культуру своего народа, устанавливается полицейский надзор, их подвергают всяческим преследованиям, издевательствам и репрессиям.

Злодейское убийство в ссылке выдающегося грузинского писателя и общественного деятеля Димитрия Кипиани было типичным проявлением кровавой реакции царизма.

Царские чиновники распространяли клеветнические измышления о том, будто народы Закавказья (в том числе и грузины), ввиду отсталости своего развития, не были подготовлены к проведению судебной и земской реформ. Таким образом, население Грузии, как и всего Закавказья, лишено права земского самоуправления и нового суда, по-прежнему продолжало подчиняться произволу уездного начальника и околоточного.

§ 3. НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ НА ГРУЗИНСКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

Национальное угнетение, которому подвергался грузинский народ в 80-х гг. XIX в., не было, разумеется, явлением, характеризующим царизм лишь в рассматриваемую эпоху. И все же никогда ранее, за все время своего 80-летнего господства в Грузии, царизм не подвергал грузинский народ таким гонениям и дискриминации, столь необузданному произволу и преследованиям, ничем не прикрытому национальному гнету, как в эпоху разгула черной реакции.

Реакционеры не только ополчились против прогрессивных, демократических и революционных сил, но и прибегали к чрезвычайным мерам для искоренения национального самосознания грузинского народа, для уничтожения его самобытной культуры и истории, его литературного языка, для расчленения единства грузинской нации для противопоставления друг другу различных краев Грузии, для отторжения от матери-родины таких ее неотъемлемых составных частей, как Аджара, Сванети, Мегрелия, Абхазия.

Усиление великодержавно-шовинистической идеологии и проведение русификаторской политики нашло яркое выражение в мероприятиях, направленных

против национальных и культурно-просветительских учреждений, и в особенности против национальной школы.

Попечитель Кавказского учебного округа Яновский, составив в 1881 г. новый учебный план, издал в то же время циркуляр, согласно которому в школах всех типов должно было быть введено обучение в начальных же классах на русском языке. Преподавание родного языка в грузинских школах было объявлено необязательным и обучение посредством грузинского языка было прекращено вообще. Всюду, как в школах, так и во всех общественных и государственных учреждениях официальным языком безраздельно становился русский. К тому же обучение грузинских детей русскому языку не считалось необходимым проводить с помощью родного языка. Грузинскому языку как необязательному предмету отводилось незначительное количество часов в первом и во втором классах, и то в конце учебного дня, когда учащиеся были умственно и физически утомлены.

В 1885 г. был издан очередной циркуляр Яновского, в силу которого грузинский был окончательно изъят из школьной программы. Обучение родному языку было официально объявлено делом семьи, и то постольку, поскольку знание грузинского языка могло обеспечить изучение русского языка. В действительности же Яновский начисто отрицал значение родного языка в деле сознательного усвоения, учащимися русского. Стараниями этого мракобеса многие грузинские дети вообще остались вне школьных стен. Однако ухищрения Яновского не остались неразгаданными для демократической Грузии. Развернув подлинную всеобщую борьбу против «просветительной» политики царского ассимилятора, грузинские демократы разоблачали, антипедагогическую сущность системы Яновского, которая ставила в весьма бедственное положение не только грузинских детей, не знавших русского языка, но и самих русских педагогов, не владевших грузинским языком. Последние были вынуждены искать выход из создавшегося положения во внедрении т. н. «немного метода» обучения. Злополучный «метод» (детище Яновского) не только ставил самих педагогов в тяжелейшее положение, но и безжалостно уродовал в то же время мышление и душу подрастающего поколения. Современник этих событий, тбилисский художник-демократ Шмерлинг в карикатуре для газеты «Цнобис пурцели» («Листок известий»), не пропущенной цензурой, едко высмеял пресловутый «метод», заставлявший педагогов то ползать на четвереньках, то лаять по-собачьи, то всякими движениями рук, ног и всего тела (переводить непонятные слова на родной язык строго запрещалось!) объяснять учащимся такие явления, как лай собаки, кувырканье, раздевание, наглядно показывать, что такое ложиться спать, выливать воду, повеситься и т. д., и т. п. Все это ставило педагогов в унижительное и смешное положение, роняя их достоинство в глазах учащихся и лишая их уважения со стороны своих же учеников.

«Немой метод» к тому же сопровождался изгнанием из школ педагогов-грузин. В 1883 г. была издана инструкция министра просвещения Делянова, согласно которой подозреваемые в сепаратизме грузины и армяне не допускались на государственную службу.

Яновский рьяно исполнял эту инструкцию правительства. Большая часть лучших педагогов грузинской и армянской национальности осталась вне школы, их места были заняты сторонниками реакционной политики самодержавия.

После изгнания из грузинских народных школ грузинского языка верные прислужники реакции предложили ввести обучение в школах Мегрелии, Сванети и Аджары на... мегрельском, сванском и турецком (?) языках, вместо грузинского и обучать детей (в том числе и грузинских) через посредство этих языков русскому. Мегрелов и сванов царизм объявил отдельными народами. Грузин-мусульман, только что вернувшихся в лоно матери-родины и избавившихся от многовекового ненавистного для них турецкого ига, царские сатрапы объявили... турками (?!). Они требовали выселения грузин-мусульман из родных мест и переселения их в Турцию. С этой целью

царские чиновники при содействии моллов и беков усиленно подталкивали местное население к махаджирству. Административное управление воссоединившихся с Грузией исконных грузинских земель Аджары и Ардагана царизм устраивал... по образцу закавказских тюркских народов. При этом царские власти, всячески противодействуя восстановлению грузинских учреждений во вновь присоединенном крае и сближению местного населения с грузинским, почти не препятствовали развитию здесь... других национальных учреждений.

Все эти мероприятия царизма противопоставлялись процессу глубокого социально-экономического и культурного подъема и консолидации национальных сил грузинского народа, находившему свое выражение в расширении национально-освободительного движения. Чем сильнее социально-экономическое развитие Грузии ускоряло слияние составных частей грузинского народа и его отдельных земель, всемерно содействуя упрочению единства культуры этих частей, консолидации и формированию грузинского народа в буржуазную нацию, с тем большей яростью царское правительство стремилось противодействовать этому естественноисторическому процессу, пытаясь искусственными мерами приостановить его осуществление. Царизм ставил себе целью расколоть нарождавшуюся грузинскую буржуазную нацию откровенным противопоставлением друг другу и составных частей нации, с тем чтобы ускорить дело ассимиляции грузин.

Илья Чавчавадзе с возмущением говорил о тех недостойных средствах и методах, к которым прибегало, например, правление учительской семинарии с целью «доказать», что «грузины вовсе не грузины», а затем на основании этого, с позволения сказать, «тезиса» полностью изъять из учебного процесса все грузинское.

Поскольку большинство принятых в упомянутое учебное заведение воспитанников составляли грузины, то дирекция объявила (с целью устранения грузинского языка как средства преподавания), что в семинарии учатся якобы представители двенадцати национальностей и что поэтому обучать их всех на их родном языке просто невозможно. Как в действительности обстояли дела, об этом подробно писал в ту пору Илья Чавчавадзе: «Среди них (т. е. учащихся) русских — шесть человек, грузин-картлийцев — тринадцать, имеретинцев — двенадцать, армян — шесть, поляков — два человека, ингилойцев — два, гурийцев — два, пшавов — два, удинцев — один человек... Таким образом, имеретинец, гуриец, пшав, ингилоец — все они нарочно не признаются семинарским начальством истинными грузинами... Оттого и получается, что грузин это не грузин. Хитро придумано, ничего не скажешь. А нам-то какво? Что же нам теперь остается делать, может, хвалу воздать клеветникам и смеяться или рыдать?»

Более того. Упомянутые мракобесы и шовинисты из вражды к грузинскому языку пошли на явное правонарушение: они исказили даже семинарский устав, лишив тем самым грузинских детей, зачисленных в подготовительный класс, в т. н. просеминарию, возможности учиться на родном языке. Вместо преподавания грузинского языка учитель просеминарии, некий Натиев, упражнялся в написании грузинских слов... русскими буквами. «Но так как в русской азбуке не хватает целых пятнадцати графических знаков для обозначения наших звуков, то поэтому храбрый Натиев стал самовольно придумывать... новые буквы! Бедные вы мои, горемычные ребята! Мало вам на своем веку приходится изучать разные азбуки, а теперь вам еще и этот Натиев морочит голову своими вздорными изобретениями?», — с возмущением писал Илья Григорьевич.

Противопоставление друг другу составных частей грузинской нации и объявление их негрузинскими в период, когда в грузинской действительности завершался наконец многовековой процесс консолидации грузинского народа в буржуазную нацию, означало попытку повернуть колесо истории вспять и вести войну с ветряными мельницами. Но реакция не отступала. Она упорно боролась против грузинской самобытности и ее твердыни: языка, истории, грузинской письменности — одной из древнейших в мире. Ведь попытка введения натиевской «азбуки», направленная против грузинской письменности, имела целью ее уничтожение. В 1888—1889 гг. были поспешно предприняты также

практические попытки создания для мегрельского и сванского языков «азбуки» и издания на этих языках учебников для начальных школ! Именно таким путем и пытался царизм расчленивать грузинскую нацию, чтобы заставить полностью русифицировать ее^{805*}.

Реакционеры развязали борьбу против грузинских исторических источников. Пренебрежительно относясь к этим источникам и сознательно преуменьшая их ценность и значение, фальсифицируя многовековую историю грузинского народа, они вместе с тем не только издевались над грузинскими национальными реликвиями (напр., над обгаренным кровью не одного поколения грузинских патриотов национальным знаменем), но и подстрекали армянских буржуазных националистов к фальсификации исторического прошлого грузинского народа, сея тем самым вражду между ближайшими соседями. Реакционеры неуважительно отзывались о выдающихся исторических деятелях Грузии, клеветали на гениальное творение Шота Руставели и т. д. Измышляя и распространяя версию о якобы старении грузинской нации, они выдвигали «теорию» бесперспективности ее развития. Вся эта кампания лжи и фальсификации сопровождалась к тому же и выселением грузин с родных земель.

В целях более быстрой русификации грузинского народа, царизм прибегал к использованию метода колонизации страны. В 80-х гг. XIX века этот метод наряду с другими мероприятиями, осуществляемыми реакцией в Грузии и на Кавказе, вообще получил всеобщее признание ее вдохновителей, не жалевших средств на их осуществление.

Грузинский народ и его лучшие представители, сознавая огромную опасность, нависшую над отчизной ввиду разгула распоясавшейся реакции, грудью встали на защиту ее кровных интересов.⁷ Русификаторской политике царизма была объявлена беспощадная война. Главным оружием борьбы патриотов против реакции была их демократическая печать, которая, несмотря на жестокий цензурный произвол, умела между строк доносить до читателя самые сокровенные свои мысли, и культурно-просветительные общества, через посредство которых и осуществлялась защита национальных интересов грузинского народа.

§ 4. БОРЬБА ПРОТИВ РУСИФИКАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРИЗМА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЦЕРКВИ

Реакция 80-х гг. вызвала гневный протест грузинского народа и сплочение всех его прогрессивных сил на освободительную борьбу.

*В 1885 г. было запрещено преподавание грузинского языка в школах Мегрелии. Отныне преподавание русского языка должно было происходить здесь если не «немым методом», то во всяком случае через посредство... мегрельского языка. С этой целью стала даже разрабатываться на основе русского алфавита специальная мегрельская письменность. Подыскался и охотник осуществить коварный замысел царизма — небезызвестный авантюрист (он ловко фабриковал в эпоху падения крепостного права подложные документы на помещичьи землевладения!) некий Ашордия. Им и был сострян в 1889 г. пресловутый мегрельский алфавит (на основе русского). Тут же начали было переводить на мегрельский язык церковные книги, но и эти переводы оказались столь ничтожными и слабыми, что они не в состоянии были принести какую-нибудь пользу местному населению. Вскоре эта опасная авантюра была единодушно осуждена и отвергнута и на собрании духовенства Мегрелии. Таким образом, попытка введения богослужения на мегрельском языке потерпела, как и следовало ожидать, полный крах. Все ухищрения Ашордия и иже с ним пошли прахом, не принеся им ожидаемых успехов в карьере. Такая же участь постигла и попытку другого мракобеса Левицкого, составившего было в 1892 г. учебник русского языка для мегрельских школ на основе... специально разработанного с этой целью Академией наук мегрельского «алфавита», который на самом-то деле почти ничем не отличался от русского.

К подобным же методам прибегало царское учебное ведомство и в деле просвещения грузин-сванов.

⁷ И о с е л и а н и А. П.* Проблемы истории Грузии и «тергдалеулни». Тбилиси, 1972.

Во главе общественного мнения, направленного против реакционной политики царизма, стояли грузинская прогрессивная печать и знаменосцы национально-освободительного движения.

На страницах газет «Дрозба» («Современность»), «Иверия», «Обзор», «Шрома» («Труд»), журнала «Имеди» («Надежда») печатались революционные статьи, содержащие национально-освободительные идеи. Они обличали темные дела реакционеров и их русификаторскую политику. Несмотря на различие во взглядах, в борьбе за защиту национальной культуры грузинские деятели сплачивались под знаменем единого национально-освободительного движения. Сотрудничавшие в журнале «Имеди» («Надежда») деятели после его закрытия перешли в газету «Иверия». Так же поступали и некоторые другие представители мелкобуржуазного направления, считавшие себя «защитниками интересов рабочего народа».

Против реакции царизма выступили грузинские национальные силы, представители культурно-просветительских учреждений, какими являлись Общество по распространению грамотности среди грузин, Грузинский театр, Грузинское драматическое общество, Поземельный банк и др. Против реакционных сил борются лучшие сыны грузинского народа, знаменосцы национально-освободительного движения: И. Чавчавадзе, А. Церетели, Д. Кипиани, Я. Гогебашвили, С. Месхи, Н. Николадзе и др.

Несмотря на строжайшую цензуру, против ее произвола смело возвышает голос местная печать. Первую бомбу в лагерь противника метнул С. Месхи. Газета «Дрозба», которую он редактировал, поместила в 1880 г. «Открытое письмо», адресованное попечителю Кавказского учебного округа Яновскому. В нем, в частности, было сказано: «Ваши первые шаги и действия в наших краях как будто обнадеживали нас в том, что все должны учиться на родном языке, что каждый человек должен быть подготовлен к деятельности в своей стране. Но, к нашему великому удивлению, в последнее время до нас доходят иные слухи, ваши действия приносят иные плоды. Примеров много. Приведем лишь два.

На состоявшемся в сентябре собрании учителей сельских школ Кутаисской губернии Вы письменно, т. е. вполне официально, предлагали директорам этих школ принять меры, чтобы учительское собрание вынесло постановление о необходимости начать изучение русского языка в сельских школах с первого же года обучения... Второй факт, к сожалению, еще более наглядно свидетельствует об этом: в предыдущем (253) номере газ. «Дрозба» («Современность») печаталась Ваша речь перед учителями ахалсенаксой школы, в которой Вы строго осудили учителей этой школы за то, что с учащимися, поступившими в школу в сентябре текущего года, они начали проводить занятия не на русском, а на грузинском языке. Вы изволили сказать, что замечаете в действиях грузин иные цели, нежели педагогические! Что грузины — против русского языка!»⁸⁰⁶ Далее, С. Месхи разъясняет Яновскому, что «наш народ имеет историю более двухтысячелетней давности... что каждая пядь родной земли... каждое стихотворение на родном языке стоили тысяч и десятков тысяч жизней лучших его сынов... Правительство никогда не стремилось к уничтожению родного языка, веры и нации доверившегося ему народа... А вы хотите вдруг лишит этот народ его родного языка... Никто не имеет права обращаться с такими словами к грузинскому народу... Желания грузин идентичны желаниям всех народов: сохранить свой родной язык, отечество, веру... Вы же хотите лишит грузин грузинского языка. Вот, об этом мы хотели Вам сказать, господин Яновский. Надеюсь, что в будущем нам не придется слышать необоснованную клевету в адрес грузинского народа»⁸⁰⁷.

В общественно-политическую борьбу Грузии активно включается и Димитрий Кипиани. «Открытое письмо» он назвал «призывным воплем несправедливо ущемленного чувства».

⁸⁰⁶ Дрозба, 1880, № 254.

⁸⁰⁷ Там же.

С чувством глубокого волнения обращается он к Яновскому с вопросом: понял ли он, к чему ведут его проповеди? «Чингиз-хан, Темуленг, шах Аббас, Надир-шах не сумели сломить воли нашего народа, а Вы добиваетесь именно этого? Мы по своей доброй воле доверились России, которой мы безгранично преданы. Нет, господа, не ошибается г-н Яновский, а дважды грешит против истины. Во-первых, он грешит против России, т. к. пытается лишить ее любви и преданности грузинского народа, а во-вторых, грешит против науки... которая велит первый год обучения с детьми проводить на родном языке, а уже потом на чужеземном»⁸⁰⁸.

Д. Кипиани вынудил Яновского выступить со специальной статьей в газете «Кавказ» и сделать попытку лично оправдаться перед широкой общественностью⁸⁰⁹. Яновский пытался было бросить, тень на приведенные Димитрием Кипиани доказательства и факты русификации, а мероприятия, направленные на изъятие из школьной программы грузинского языка, изобразить как «самодеятельность» подчиненных ему инспекторов и директоров школ. Но и в этой статье Яновский вынужден был повторить, что он считает педагогически оправданным введение в школах для грузинских детей изучение русского языка с первого же года обучения и что он уже приступил к осуществлению этой задачи.

Деятели грузинской культуры, разумеется, не могло удовлетворить письмо Яновского. В газете «Дрозба» И. Чавчавадзе поместил обширную заметку «По поводу письма господина Яновского», в которой говорилось: «Мы весьма рады тому, что господин Яновский убедительно отрицает все то, что действительно не к лицу образованному человеку. То, что он публично отрекся от всех недостойных своих бедствий и слов, которыми его, кстати, попрекали некоторые местные педагоги и чиновники, уже означает нашу победу. Это — к добру»⁸¹⁰.

И. Чавчавадзе, разумеется, этим не ограничивается. Он обосновывает непедагогичность и беспочвенность положений Яновского, согласно которым обучение русскому языку для грузинских детей предполагалось начать в первых же классах.

Вздорным «принципам» Яновского И. Чавчавадзе противопоставляет взгляды признанных во всем мире педагогов, ставя во главу угла обучение на родном языке. Рассматривая научные взгляды выдающегося русского педагога Ушинского, касающиеся значения обучения детей на родном языке, И. Чавчавадзе говорит: «Если принять во внимание такого выдающегося педагога, как Ушинский, равного которому в русской науке не было до сих пор, то мы убедимся в явных просчетах господина Яновского, убедимся в сути его заблуждений вообще»⁸¹¹. И. Чавчавадзе комментирует недооценку Яновским значения родной речи. Он пишет: «Наше бескомпромиссное требование дать широкий простор родной речи в школах вытекает не только из любви к ней, но и потому, что без родной речи невозможно развивать мышление учащегося. В противном случае школа явится не средством раскрытия мышления, а, наоборот, средством угнетения, отупения, помрачения мышления. Разве это может быть желательным для кого-нибудь?».

Что же касается значения благородного желания грузинского народа изучать русский язык в качестве государственного языка, И. Чавчавадзе всесторонне приветствует и поддерживает это стремление. Мы хотим изучать русский язык, пишет И. Чавчавадзе, и даже очень хотим, не только потому, что он нам нужен в качестве государственного языка, но и потому, что его литература способна дать мыслящему человеку подлинную духовную пищу. Этот язык—наше оружие везде и во всем, коль скоро мы выйдем за пределы нашей отчизны. Но обучение русскому языку должно протекать таким образом, чтобы учащиеся получали настоящие знания, хотя бы такие, чтобы человек мог их

⁸⁰⁸ Там же, № 262.

⁸⁰⁹ Кавказ, 1880, № 248.

⁸¹⁰ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. II. Под ред. П.Ингорюкв. Тбилиси, 1941, с. 551; Дрозба, 1881, №33.

⁸¹¹ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* Соч., т. II, с. 554.

использовать в жизни. По мнению И. Чавчавадзе, обучение иностранному языку вообще должно осуществляться через посредство родного языка.

Деятельность Яновского была подвергнута резкой критике Я. Гогешашвили. Он использовал против Яновского царский рескрипт 1864 г. относительно права обучения на родном языке. В указанном акте говорится, что в общеобразовательных, особенно начальных школах обучение должно производиться на родном языке большинства данной местности. Я. Гогешашвили обвинил кавказских чиновников в нарушении «высочайшей воли». На этом основании он потребовал восстановить грузинский язык в школах не только как предмет обучения, но и как средство обучения⁸¹².

Я. Гогешашвили вскрыл антипедагогические основы концепции русификаторов. Запрещение преподавания грузинского, а также азербайджанского и армянского языков в школах реакционерами в области народного образования мотивировалось тем, что якобы у грузин, а также у азербайджанцев и армян нет собственной литературы, что в Грузии живут люди, говорящие на двенадцати различных языках: в школах некоторых деревень учатся дети разных национальностей, которые совершенно не понимают друг друга, и что в таких условиях совершенно «дико требовать от народного учителя, чтобы он мог изъясняться с учениками». Я. Гогешашвили доказывает всю несостоятельность такого суждения, поставив вопрос ребром: «Как могла у вас возникнуть мысль о пригодности «немых учителей народных школ»? О таких учителях, которые не смогут сказать учащимся хотя бы одного понятного им слова?»⁸¹³.

Проблеме разработки принципов начального образования в народных школах на основе правильного сочетания педагогических национальных начал служили составленные Я. Гогешашвили пособия «Родная речь», «Окно в природу» и «Русское слово». Его книги воздвигли неприступную крепость для защиты национальной культуры во второй половине XIX в., они во многом способствовали ограждению грузинского языка от вырождения.

Прогрессивные русские педагоги не разделяли идеи изгнания грузинского языка из грузинских школ и других антипедагогических мероприятий. Они требовали, чтобы русские педагоги сами изучали бы грузинский язык, литературу, обычаи народа и т. п. Одно время к их числу принадлежал директор Кутаисской гимназии Ал. Стоянов, который в отчете попечителю учебного округа смело писал в 1880 г.: «Преподавание грузинского языка должно быть поставлено на должном уровне... У меня имеется особое мнение до этому вопросу, которое я готов всюду защищать. Грузинский язык — родной язык учащихся. Первоначальное образование должно производиться на родном языке, последующее образование должно продолжаться на основе родной речи. Поэтому, в начальных классах должны преподавать учителя-грузины или же только владеющие грузинским языком русские педагоги. Дети проживающих в Грузии русских людей кончают гимназии, высшие учебные заведения, служат в Грузии и не знают ни языка грузин, ни их обычаев. Английские чиновники, которые строили железную дорогу Поти—Тбилиси, в течение 5—6 месяцев овладели грузинским языком, тогда как русские, несмотря на то, что живут в Грузии более полувека, подчас не знают ни одного грузинского слова. Считаю необходимым введение обязательного обучения грузинскому языку... а в старших классах — изучение грузинской литературы»⁸¹⁴.

Позиция Стоянова была официально осуждена. Вскоре он был освобожден от занимаемой должности и переведен в Батуми, где он отрекся от своих прогрессивных взглядов, приняв активное участие в осуществлении реакционного курса, в области народного образования в Закавказье вообще и в Грузии в частности.

Начиная с 80-х гг. вместе с грузинской школой гонению подвергается и грузинская православная церковь. Ярким проводником шовинизма и колонизаторской политики

⁸¹² Гогешашвили Я. С.* Соч., т. I, с. 200.

⁸¹³ Там же, с. 73.

⁸¹⁴ ЦГИАГ, ф. 415, д. 21, л. 97.

царизма выступил экзарх Грузии Павел. «Новый экзарх, — писал в 1883 г. Я. Гогешашвили, — столь явно проявил свою национальную обособленность и продемонстрировал такое количество фактов явного неуважения в отношении элементарных прав грузин, что вызвал всеобщее недоумение и недовольство».

В целях русификации грузинской церкви экзарх Павел запретил преподавание в Тифлисской духовной семинарии грузинской светской и духовной литературы. Из духовного училища были уволены преподаватели-грузины. Были изгнаны попечители грузинских духовных училищ в Тбилиси, Телави и Мегрелии. «Положение остальных попечителей также пошатнулось, и все готово к их увольнению», — писал Яков Гогешашвили. В Тбилисской семинарии из 16 наставников осталось лишь два грузина, «их держали в виде исключения, они были тише воды, ниже травы, немые свидетели поругания всего грузинского»⁸¹⁵.

Защищая грузинскую церковь от нападков реакционеров, деятели национально-освободительного движения имели целью не защиту тех или иных религиозных догм, а сохранение в неприкосновенности грузинского языка, литературы и культуры. Например, Я. С. Гогешашвили требовал восстановления в церквях и церковно-приходских школах грузинского языка, основания кафедры грузиноведения, которая обеспечила бы дело изучения грамматики грузинского языка, духовной и светской литературы, географии Грузии, церковной и гражданской истории на высоком научном уровне.

В годы реакции «тергдалеулни» особенно чутко оберегали и развивали в народе чувство высокого патриотизма, справедливо считая, что поскольку это чувство весьма хрупко, то его надо воспитывать в людях. «Ошибаются те, кто думают, что любовь к родине рождается вместе с человеком и поэтому нет нужды заботиться об ее воспитании»⁸¹⁶, — писал великий грузинский педагог Я. С. Гогешашвили.

§ 5. ГРУЗИНСКИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА И УЧРЕЖДЕНИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Реакционной политике царизма руководители национально-освободительного движения в Грузии противопоставили ряд мероприятий, имевших целью повышение самосознания и активности народа. Они расширяют поле своей деятельности на благо народа, создавая общества и учреждения общенационального масштаба, призванные объединить и пробудить народ к активной общественно-политической, хозяйственной и культурной деятельности. Такими органами были Общество по распространению грамотности среди грузин, Грузинское драматическое общество, общество содействия нуждающимся ученикам и др.

Задачам развития национальной культуры и материального обеспечения экономических нужд нарождавшегося в ту пору народного хозяйства служила и деятельность поземельных банков. При активном участии грузинской прогрессивной демократической интеллигенции создавались различные кооперативные объединения, боровшиеся против скупщиков и ростовщиков.

Руководители национально-освободительного движения, стремились путем организации идейно-просветительных учреждений и хозяйственных кооперативных предприятий добиться охраны национальной культуры и защиты трудового крестьянства от несправедливого грабежа. «Хотя наше общество называется Обществом по распространению грамотности, было бы ошибкой предполагать, будто его основатели имеют в виду лишь обучение народа грамоте. В действительности грузинские патриотические деятели горячо желали создать прежде всего такую школу, которая могла бы стать очагом культуры, т. е. умножать просветительные учреждения, способные

⁸¹⁵ Г о г е б а ш в и л и Я. С.* Соч., т. I, с. 455.

⁸¹⁶ Там же, с. 370.

обеспечить развивающееся народное хозяйство Грузии высококвалифицированными национальными кадрами», — говорится в уставе Общества.

Общество по распространению грамотности среди грузин. В борьбе против реакции руководящей и вдохновляющей силой, организующей народ, и в частности передовую грузинскую интеллигенцию, являлось Общество по распространению грамотности среди грузин, основанное в 1879 г.⁸¹⁷.

15 мая 1879 г. на первом общем собрании Общества и членов-учредителей, председателем его правления был избран Дим. Кипиани, а членами правления — И. Чавчавадзе (товарищ председателя), Н. Цхведадзе, Я. Гогешвили, И. Мачабели, Ал. Сараджишвили (секретарь) и Раф. Эристави (кассир).

Устав Общества намечал решение весьма важных задач: распространение грамотности по всему Закавказью в местах проживания грузинского населения, открытие народных школ с целью просвещения широких масс, оказание помощи действующим школам, библиотекам и т. д., выявление фольклорных и нумизматических материалов, древних исторических и литературных памятников, издание учебных пособий, популярных книг и т. д.

Общество обязывалось обеспечить открываемые школы, необходимым контингентом высококвалифицированных педагогов, организовать педагогические курсы, издавать необходимые для грузинского общества газеты и журналы демократического содержания, основать склады для необходимых учебных пособий и учебных принадлежностей и т. д. Для осуществления этих задач правление Общества надеялось использовать денежные средства, собранные в 1879—1880 гг.

В целях упрочения своей материальной базы Общество часто устраивало литературные вечера, концерты, лотереи собирало пожертвования, устанавливало опекунский надзор, ибо само распоряжалось денежными средствами и имуществом, оставленными ему по завещанию. Однако самым главным и значительным в многообразной деятельности Общества все же являлась постоянная забота об увеличении числа грузинских школ и оказание им всесторонней помощи.

Несмотря на упорное противодействие царской администрации, Общество все же сумело в 80-х — 90-х гг. XIX в. открыть не одну грузинскую школу. Например, 14 октября 1880 г. при содействии Общества в торжественной обстановке была основана первая грузинская начальная школа. Вскоре на средства, выделенные Тифлисским и Кутаисским поземельными банками, была открыта грузинская школа и в Кутаиси. В 1884 г. по инициативе Общества в местечке Старый Сенаки было открыто параллельное отделение кутаисской грузинской школы. Это произошло в то время, когда в школах Мегрелии под давлением Яновского было запрещено преподавание грузинского языка, а церковные книги переводились на мегрельский язык и т. д. Вышеупомянутые действия Общества имели огромное значение. В октябре 1885 г. сенакскую школу в торжественной обстановке перевели в новое здание. Массовый характер торжества вылился в манифестацию против реакции царизма.

Предметом особой заботы Общества по распространению грамотности явилось открытие грузинской школы в Аджаре, высвободившейся к тому времени из-под турецкого ига. Осуществлению этой задачи власти чинили всяческие препятствия. Дело открытия школы возглавил И. Чавчавадзе. По поручению правления Общества Дмитрий Бакрадзе в ноябре 1880 г. основал в Батуми грузинскую школу. Учителем в школу был приглашен Ал. Нанейшвили. В марте 1881 г. состоялось торжественное открытие школы.

В 1882—1884 гг. Общество открыло школы в Цинарехи, Хелтубани, Тианети, в 1888 г. — в Гомарети. Общество намеревалось открыть школы также в Мцхета и Дигоми, но из-за препятствия местных чиновников осуществить задуманное не удалось.

⁸¹⁷ Х у н д а д з е Т. И.* Общество по распространению грамотности среди грузин. Тбилиси, 1960.

10 октября 1888 г. стараниями Общества удалось открыть грузинскую школу во Владикавказе. Под руководством Михаила Кипиани и Иосифа Боцвадзе школа добилась большого успеха.

В школах, основанных Обществом по распространению грамотности, наряду с грузинским, большое внимание уделялось изучению русского языка, составлению учебников и т. д. Всеобщее признание получил учебник русского языка «Русское слово», составленный Я. С. Гогешвили. Министерство просвещения признало его лучшим учебником русского языка для нерусских детей.

Общество особое внимание уделяло изданию учебников Я. Гогешвили «Родное слово», «Окно в природу», в которых освещались важнейшие вопросы истории, этнографии и географии Грузии и т. д. Эти учебники прививали многим поколениям грузинской молодежи любовь к родине.

Велика заслуга Общества в деле собирания, охраны и передачи потомству уникальных рукописей, разбросанных по разным церквям и частным собраниям. С этой целью при Обществе была организована библиотека. Многие изъявили готовность пожертвовать Обществу имеющиеся у них богатые коллекции рукописей и древних печатных книг. Нико Дадиани принес в дар Обществу 169 уникальных рукописей и 10 печатных книг, Иванэ Месхи — 55 рукописей и т. д. Только в 1883 г. Обществом было собрано около 400 рукописей. В 1885 г. Общество приобрело у библиофила З. Чичинадзе большое количество древних и современных рукописных книг. Значительное количество рукописных книг пожертвовали Обществу М. Сараджишвили, Л. Исарлишвили, К. Багратиони, А. Цулукидзе, К. Лорткипанидзе и др. Книгохранилище Общества по распространению грамотности среди грузин превратилось в подлинную сокровищницу грузинской культуры. Большой вклад в дело описания, изучения, каталогизации рукописей и книг Общества внесли деятели грузинской культуры и науки Ф. Жордания, Э. Такайшвили, Д. Каричашвили, Н. Мтварелишвили.

Общество занималось собиранием экспонатов для нарождавшихся национальных музеев. Большие заслуги в этом деле принадлежат Д. Бакрадзе, Р. Эристави и П. Карбелашвили. Много труда вложило Общество в дело собирания фольклорного материала. Большим энтузиастом этого дела был А. Церетели.

Общество и его члены самоотверженно боролись за охрану памятников культуры и других национальных ценностей. Общеизвестно, что благодаря смелости грузинских деятелей удалось спасти от расхищения хранившиеся в наших церквях и монастырях многовековые сокровища национальной культуры. С. Месхи, Н. Николадзе, А. Церетели уличили военного губернатора Кутаиси графа Левашова в ограблении церкви и монастырей Грузии, вынудив правительство изгнать Левашова с Кавказа⁸¹⁸.

Грузинское драматическое общество. В 1879 г. было основано еще одно национальное учреждение — Грузинское драматическое общество, которое явилось важным фактором возрождения грузинской народной самодеятельности, театрального искусства, драматургии и утверждения национального самосознания.

Первый вариант устава драматического общества принадлежит Н. Николадзе. Общество возглавило основанную в 1879 г. грузинскими любителями сцены постоянную труппу, в которую входили видные мастера грузинской сцены: М. Сафарова, В. Абашидзе, Л. Месхишвили, Н. Габуния, К. Кипиани, К. Месхи и др. Общество сумело привлечь к театральной культуре любителей литературы и искусства, заинтересовать театром талантливую молодежь, обогатить театральный репертуар новыми оригинальными пьесами, шедеврами европейской и русской драматургии.

И. Мачабели, Д. Кипиани, П. Мирианашвили и др., в совершенстве владевшие не только русским, английским, французским, немецким, но и классическими языками,

⁸¹⁸ См.: Ч и к о в а н и Л. Ф. Неизвестный псевдоним Ак. Церетели. — Литературная Грузия, 1966, №6.

переводили на грузинский язык произведения Шекспира, Мольера, Гюго, Вальдо, Гёте, Эсхила, Эврипида, а также лучшие образцы русской драматургии.

Через 20 лет после закрытия восстановленного Георгием Эристави грузинского театра выдающиеся деятели национально-освободительного движения вновь сумели создать новый прогрессивно-демократический грузинский театр, который они считали защитником жизненных интересов грузинского народа. Один из основоположников общества, председатель его правления И. Чавчавадзе считал, что «театр—та же школа, которая через посредство живых литературных образов беседует с сердцами миллионов людей, апеллируя к их рассудку и чувствам: сила его воздействия на его умы, мысли и чаяния людей не сравнима ни с чем, в этом — его высокое назначение; театр — самое радостное явление в жизни нации, это луч света и источник надежды и лучшее будущее; сцена должна воспитывать народ, развивать его лучшие духовные качества.

Театр — это то место, где наша речь звучит публично и действует публично. Театру свойственно много других положительных качеств, но и этих достаточно, чтобы ратовать за него».

Подвергавшийся гонениям со стороны царских реакционеров грузинский язык ютился в крестьянской хижине, в немногочисленных грузинских школах да в грузинском театре. Недруги же стремились изгнать его даже из этих последних его приютов.

Окрепший тем временем (не без помощи драматического Общества) грузинский театр постепенно приобрел важное значение в культурной жизни народа. В этом немалая заслуга сына выдающегося грузинского драматурга Георгия Эристави — Давида Георгиевича, который был и актером, и режиссером, и превосходным декламатором.

Если на долю Георгия Эристави выпало восстановление грузинского театра, то его сыну Давиду Эристави посчастливилось осуществить в нем глубокие преобразования. При переводе на грузинский язык пьесы французского драматурга Сарду «Родина» Д. Эристави удалось так удачно сопоставить содержание пьесы с грузинской исторической действительностью, что грузинский зритель воспринял пьесу как оригинальное произведение, узнав в ней трагическое прошлое своей родины. Вот как описывает писательница Е. Габашвили впечатление, произведенное на нее постановкой спектакля на грузинской сцене: «И третьего действия, в котором готовые к бою герои в одном из залов Метехского замка дают клятву перед знаменем погибнуть за родину... или победить, я не могу забыть и поныне. Это была удивительная, чудодейственная минута; зрители как один человек вскочили на ноги и, полные благоговения, готовы были преклонить колени перед национальным знаменем»⁸¹⁹.

Влияние, оказанное спектаклем «Родина» на грузинского зрителя, стало причиной нового разгула местных реакционных кругов и покровительствовавшей им центральной прессы против грузинского театра. Злопыхатели не остановились даже перед поруганием национальной святыни грузинского народа — его знамени. «Это знамя советуем вам впредь не показывать вовсе на сцене, советуем продать его цирку Годфруа для покрытия расходов, произведенных театром», — писали «Московские ведомости», возглавляемые ярым шовинистом и черносотенцем Катковым. Демократическая грузинская же газета «Дрозба» дала следующую оценку спектакля: «Было произнесено слово, которое поразило сердце каждого грузина. Настал момент всем объединиться на некоторое время, думать одну думу, жить одной заботой; нас отныне волновали не какие-нибудь частные вопросы, а один единственный общественный, всеобщий вопрос. Мы получили возможность довериться друг другу и убедиться в том, что не один или два человека болели за родину, а весь наш народ»⁸²⁰.

Это был в сущности ответ реакционерам. Он выражал мнение всей грузинской общественности, но, по-видимому, этого все же было недостаточно, и против Каткова выступил Илья Чавчавадзе. «Грузинское знамя, — гневно писал он, — в течение 2000 лет

⁸¹⁹ Клдэ, 1913. №7.

⁸²⁰ Дрозба, 1882, №20.

с честью несли прошлые поколения грузин, покрывших его славой и величием; они омыли его своей кровью и передали его чистым и незапятнанным в руки России... Сегодня его осмелился поднять на смех какой-то столичный писака; варвар и тот не позволил бы себе глумиться над всем народом... Ну и молодцы же, Катков и его сподручные, что позволили себе то, чего не допустил бы даже варвар»⁸²¹.

Против Каткова и возглавляемой им реакционной прессы выступил и Акакий Церетели: «Мы уверены, — писал он с гневом, — что на всех здравомыслящих и честных русских людей эта статья произвела самое отвратительное впечатление. Автор корреспонденции, зло издеваясь над сегодняшним днем грузин, не останавливается даже перед осквернением праха их предков». Далее великий грузинский поэт и патриот особо подчеркнул историческое значение грузинского национального знамени. «Это самое знамя, с честью служащее России, — напоминает он воинствующим реакционерам, — в настоящее время не раз удостоивалось высочайших наград и знаков отличия»⁸²². В другом месте Ак. Церетели говорит про местных «катковцев», что «они на нас клеветают с открытой наглостью и бесстыдством, заранее зная, что нам-то уже никто не разрешит дать им должную отповедь; в противном случае мы ведь без труда бы разъяснили им, кто они на самом деле, и коль скоро им не нравится у нас, мы указали бы им, куда им следует убираться вон»⁸²³.

21 ноября 1880 г. грузинский театр осуществил постановку драматической поэмы Акакия Церетели «Патара Кахи» («Малый Кахи»), на премьере которой присутствовала вся грузинская передовая общественность. Публика была в восторге и от патриотического содержания пьесы, и от мужества ее героев, и от рыцарской доблести и преданности отчизне, — качествами, которыми были наделены действующие лица пьесы. Устами малого Кахи Акакий Церетели пламенно взывал к народу: «Конец рабству, конец терпению, настал час возмездия, народу суждено или погибнуть на поле брани, или добить ненавистного врага. Зачем рабу его постылая жизнь? Во имя чего зажигать ему свою «святую лампаду»? Лучше человеку умереть, чем иметь все блага, но пребывать в рабстве». В 1885 г. по инициативе Акакия Церетели стал издаваться орган театральной общественности Грузии журнал «Театр» (1885—1890), который стал ведущим органом эстетического воспитания масс на основе демократических идеалов.

В 1896 г. завершилось строительство здания т. н. Казенного театра (нынешний Тбилисский академический театр оперы и балета им. З. Палиашвили).

Влияние грузинского театра на народ росло чрезвычайно быстро. Он пользовался популярностью у городских и сельских жителей.

Поземельные банки и защита национальной культуры. Руководители национально-освободительного движения считали поземельные банки органами самодеятельности народа, средством возрождения национальной культуры. Часть дохода, полученного банками, использовалась для развития школ и других культурно-просветительных учреждений. Тифлисский поземельный банк ссудил Грузинскому драматическому обществу 206 000 руб., Обществу по распространению грамотности среди грузин—11 000 руб., Обществу помощи нуждающимся студентам высших учебных заведений — 77 225 руб. Для нужд Тифлисской дворянской гимназии Тифлисский банк ассигновал 1 304 883 руб., а на строительство здания гимназии — еще дополнительно 100 980 руб. Значительную сумму тратил на такие же цели и Кутаисский поземельный банк.

За 30 лет своей деятельности Тифлисский поземельный банк выделил на культурно-просветительные и другие благотворительные цели 1 944 136 руб. Кутаисский же поземельный банк на аналогичные цели израсходовал 1 058 000 руб.⁸²⁴

⁸²¹ Там же, № 40.

⁸²² Церетели А. Р.* Собр. соч., т. XV, с. 446—447.

⁸²³ Там же.

⁸²⁴ См.: Закавказье, 1910, 15 октября.

§ 6. ПРОГРЕССИВНАЯ ГРУЗИНСКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦАРСКАЯ ЦЕНзуРА

Грузинская прогрессивная демократическая печать в послереформенный период являлась наиболее действенной движущей и организующей силой национального самосознания, его острейшим оружием.

В 80-х гг. грузинская демократическая пресса твердо продолжала отстаивать идеи национально-освободительного движения, обличая с революционно-демократических позиций реакционную политику царизма. Царская цензура являлась мощным бастионом реакции. Она беспощадно преследовала любое живое слово, прогрессивную идею. Непрерывные гонения царской цензуры отравляли жизнь грузинским деятелям, лишали их возможности говорить всю правду в адрес угнетателей народа. «Всю мою жизнь во сне или наяву, — писал А. Церетели, — более всего меня преследовал страх перед чем-то чудовищным, и он последует за мной даже в могилу. Я говорю о цензуре».

Газета «Иверия» давала следующую характеристику тогдашней цензуре: «Если заглянуть в глубину своего нутра, то в нем, подобно морю, волнуется и кипит желчь и житейского зла. Но что поделаешь? В такую жару, когда солнце нещадно жалит, жжет вселенную, не удивительно, что сухой язык прилипает к гортани, слово лишается крыльев и своей былой разящей силы.

Наше литературное поприще может превратиться в совершенно выжженную пустыню от этой омерзительной засухи»⁸²⁵.

Несмотря на такую удушливую обстановку, грузинская пресса, действовавшая с поразительной эластичностью и принципиальной последовательностью, а также использовавшая т. н. эзоповский язык, смело критиковала колониальную политику царизма.

В 80-х гг. было запрещено употребление слова «Грузия». 5 июня 1885 г. Кавказский цензурный комитет внес поправки в короткое географическое и этнографическое описание Грузии в книге Я. С. Гогешашвили «Окно в природу». В угоду цензуре было изъято слово «Грузия» и вместо него вписано «Тифлисская и Кутаисская губернии», или «Имеретия, Карталиния и Кахетия». 25 мая и 29 июня того же года Я. Гогешашвили дважды опротестовал подобные действия цензуры.

Преследуемая цензурой грузинская демократическая пресса не только изыскивала возможность высказать всю правду при помощи аллегорий и иносказаний, но и ухищрялась перехитрить и ввести в заблуждение цензоров, проводя свои взгляды. Лучшим доказательством этого служит стихотворение А. Церетели «Весна».

6 марта 1881 г. начальник жандармского управления Кутаисской губ. докладывал государственному департаменту полиции по поводу стихотворения А. Церетели «Весна», напечатанному в №45 газеты «Дрозба». «Это стихотворение, — сказано в докладе, — с увлечением читают все сословия местного населения. Вместо того, чтобы гулять на бульваре, они собираются группами и обсуждают его. Автор этого стихотворения не предвещает им весны не из-за холодной и снежной погоды, стоящей сейчас, не по причине несчастного случая, имеющего место» (имеется в виду убийство императора Александра II).

Совершенно ясно, что Акакий Церетели, перехитрив цензуру, поздравил народ с убийством императора. Таких примеров, когда писателям и общественным деятелям удавалось усыпить бдительность цензоров, было немало. Царская цензура беспощадно преследовала прогрессивно-демократическую грузинскую и русскую прессу. В годы реакции были запрещены газеты «Дрозба» и «Шрома», изъят журнал «Имени» («Надежда»). Такая же участь постигла и местную русскую демократическую газету «Обзор», редактор которой Н. Я. Николадзе был выслан из Грузии.

⁸²⁵ Иверия, 1885, №1.

В 1885 г. по распоряжению Министерства внутренних дел была запрещена газета «Дрозба». В течение нескольких месяцев, грузинский читатель оставался без газеты на родном языке. Все попытки грузинских деятелей основать новые органы вместо запрещенных журналов и газет не имели успеха. Безуспешной оказалась, например, попытка Ак. Церетели основать в 1882 г. еженедельник «Гза» («Дорога»). Власти припомнили ему, что в период сотрудничества в газете «Шрома» он в своих литературных произведениях умудрялся проводить антиправительственные взгляды⁸²⁶.

Еще раньше, а именно, в 1880 г., когда была запрещена газета «Обзор», Н. Николадзе просил разрешения издавать на грузинском языке еженедельник «Кандели» («Светильник»). Но и его просьба не была уважена, ибо властям было хорошо известно, что, в бытность его редактором в газете «Обзор», он порой публиковал материалы, не проверенные цензурой, а иногда и вовсе запрещенные ею.

Преданным слугой царской цензуры был орган местной власти «Кавказ». В угоду реакционным кругам «Кавказ» доказывал, что по своей природе грузины не заслуживают реформ и недостойны их. Аналогичные реакционные взгляды проводил на своих страницах в 1886 г. журнал «Вестник Европы». В 1889 г. клеветнические статьи против грузинского народа опубликовал шовинистический «Современный вестник», который «доказывал» потерю грузинским народом какой бы то ни было связи с общечеловеческой культурой, передовой мыслью и т. д. Должную отповедь всем фальсификаторам истории Грузии, клеветникам на грузинский народ и его культуру дали вожди национально-освободительного движения в Грузии Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели.

§ 7. НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ. УБИЙСТВО ДИМИТРИЯ КИПИАНИ. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Представители либерального дворянства в 80-х гг. также примкнули к национально-освободительному движению. Такая коалиция либерального дворянства и демократизма имела свои особые социально-экономические и политические причины. Она, в частности, была вызвана дальнейшим углублением кризиса помещичьего хозяйства, явившегося следствием развития капитализма и окончательного освоения Кавказа царской Россией.

Вся деятельность Димитрия Кипиани, его смелая борьба против реакции 80-х гг. была в сущности выражением позиций грузинского либерального дворянства.

Выдающийся представитель грузинского дворянского либерализма, видный чиновник и крупный общественный деятель Д. Кипиани начал свою сознательную жизнь с участия в заговоре 1832 г., а кончил ее гибелью в ссылке за свою смелую и открытую борьбу против колониальной политики царизма, ибо в условиях российской действительности оказалось невозможным сочетание преданности царскому престолу с борьбой за национальные интересы своего народа. Д. Кипиани был высокопринципиальным человеком. «Он никогда не соглашался на слова, если не был согласен и в душе, и никогда не отрицал на деле того, чему поклонялся в душе», — говорил о нем И. Чавчавадзе.

Во время реакции 80-х гг. Д. Кипиани, решительно примкнув к «тергдалеулни», смело выступил против реакционеров. Он был пламенным защитником грузинского языка от посягательств ассимиляторов. Д. Кипиани категорически требовал отмены циркуляра Яновского от 1881 г. Он считал совершенно недопустимым использование в школах искусственно состряпанных мегрельских и сванских учебников и алфавитов, запрещение преподавания грузинского языка в Мегрелли и Сванети⁸²⁷.

В 1885 г. Западную Грузию (сначала Батуми, а затем Кутаиси) посетил бывший царский наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич.

⁸²⁶ ЦГИА ГССР, ф. 480, д. 71, л. 4.

⁸²⁷ См.: Дрозба, 1881, №254; 1882, №33, 50, 57; Кавказ, 1880, №348.

5 октября 1885 г. в Кутаиси состоялся банкет в честь бывшего наместника. Грузинское дворянство не преминуло высказать свою озабоченность по поводу недоверия, выражаемого новой администрацией к грузинскому народу, подвергающемуся с его стороны всяческим гонениям и притеснениям. На банкете с речью, которая впоследствии была изложена письменно и в качестве мнения «всей» грузинской общественности представлена вел. кн. Михаилу во время аудиенции в Боржоми 11 октября 1885 г., выступил и Д. Кипиани.

Он наивно верил в то, что Михаил Романов доложит о состоянии дел императору и последний заставит Дондукова-Корсакова отказаться от политики преследований грузинского народа. Как и следовало ожидать, М. Романов заверил Д. Кипиани в том, что Александр III, как и его предшественник, проникнут доверием к грузинскому народу.

Д. Кипиани еще более уверовал в то, что гонения и преследования исходят «лично» от Дондукова-Корсакова и что высочайшая власть призовет последнего к соблюдению законности. По возвращении из Боржоми в Кутаиси Д. Кипиани, с разрешения вел. кн. Михаила, созвал губернское дворянство, которому сообщил, что политика Дондукова-Корсакова вовсе якобы не соответствовала указаниям и предначертаниям высшей власти. Действия представителей грузинского дворянства, в том числе Д. Кипиани, вызвали недовольство краевой администрации⁸²⁸. От Д. Кипиани было потребовано письменное объяснение в том, на каком основании составил он «незаконное» обвинение против главноуправляющего и кто его уполномочил встретиться и беседовать с вел. князем. «Прошу сообщить мне, — писал кутаисский военный губернатор Смекалов 31 октября 1885 г. Д. Кипиани, — были ли у Вас полномочия кутаисского губернского дворянства сделать от его имени известное заявление и какие у Вас были основания заявить, будто впредь кутаисское дворянство будет лишено возможности продвигаться на государственной службе».

Д. Кипиани ответил Смекалову: «Будучи предводителем дворянства, я обратился с заявлением непосредственно к августейшему члену императорской семьи, дабы выяснить, соответствовало ли желаниям и воле государя поведение местных властей, обращающихся с нами далеко не с тем благорасположением, к какому мы привыкли в течение 80 лет, как и изъявлено монаршей к нам благосклонностью; я искал высочайшей справедливости, и, найдя ее, я вполне удовлетворен»⁸²⁹.

8 января 1886 г. Д. Кипиани представил Дондукову-Корсакову обширную докладную записку, в которой он обличал всю реакционную антигрузинскую политику, проводимую местной администрацией. «Могу доложить, — писал Д. Кипиани главноуправляющему, — об одном новом неопровержимом факте, свидетельствующем о гонении на грузинский язык. Еще во времена святых апостолов грузинский язык был церковным и культурным языком в Мегрелии, где все поголовно владеют им. В настоящее же время там насаждают новую культуру, причем мегрельскому языку обучают... посредством чужого языка. Если так продолжать, можно создать новые культуры аджарцев, пшавов и хевсуров, ингило-горцев и др. Принесет ли это пользу тому правительству, которое, приняв под свое покровительство многострадальную Грузию, заслужило тем самым огромную ее признательность?»⁸³⁰

Однако еще до подачи докладной записки действия Д. Кипиани были признаны «неуместными» царем Александром III, который распорядился объявить ему «соответствующее порицание»⁸³¹. Д. Кипиани на сей раз, как говорится, легко отделался.

Высшая кавказская администрация только и ждала подходящего случая, чтобы принять репрессивные меры против одного из выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Грузии. Вскоре такой случай не преминул представиться.

⁸²⁸ ЦГИАГ, ф. 12, д. 457; см.: Саисторио моамбе, т. 3. Тбилиси, 1947. Публикация Ш. Чхетия.

⁸²⁹ ЦГИАГ, ф. кутаис. воен. губ., д. II, л. 1—2.

⁸³⁰ Там же, л. 4—6.

⁸³¹ Там же, ф. 1239, д. 457, л. 2.

24 мая 1886 г. исключенный из духовной семинарии Иосиф Лагиашвили убил ректора семинарии реакционера Чудецкого. Лагиашвили был арестован и осужден на 20 лет каторжных работ. Реакция использовала убийство Чудецкого в качестве нового наступления против грузинского народа. Царские чиновники рассматривали поступок Лагиашвили как выражение существующей якобы враждебности и сепаратизма грузин против России, как угрозу русской власти в Грузии. Жертвой нового раунда бесчинства реакции стал Д. Кипиани.

На похоронах Чудецкого экзарх Грузии Павел проклял грузинский народ, породивший «разбойника» Лагиашвили. 8 июня 1886 г. Д. Кипиани обратился к экзарху Павлу с письмом-протестом, в котором выразил мнение оскорбленной и крайне возмущенной этим фактом общественности Грузии. «Ваше преосвященство, — писал Кипиани, — явите милость и простите мне великое прегрешение мое, если я, увлеченный страшными слухам, грешу перед Вами. Но говорят, что Вы прокляли страну, куда Вы призваны пастором, и которая поэтому вправе ждать от Вас лишь любви и милости... Если все это правда, Ваше достоинство может спасти лишь изгнание проклявшего из проклятой им страны». Письмо Д. Кипиани вызвало большой переполох в стане мракобесов. Экзарх попытался было оправдаться, а влиятельные чиновники — верные лакеи царизма, сочли Д. Кипиани весьма опасным для правительства лицом.

6 августа 1886 г. по распоряжению императора Александра III Д. Кипиани был отстранен от должности предводителя дворянства Кутаисской губ. и сослан в Ставрополь, где и был предательски убит царскими агентами. 26 октября 1887 г. прах Д. Кипиани с большими почестями был предан земле в пантеоне грузинских деятелей на горе Мтацминда. Его захоронение превратилось в мощную демонстрацию протеста против самодержавия. Современники окрестили Д. Кипиани именем «Самопожертвователь».

Политическая реакция 80-х гг. не сумела подавить национально-освободительного движения в Грузии. В неравной борьбе против царских сатрапов еще более окрепли те общественные силы нации, которые самоотверженно защищали насущные интересы грузинского народа, в том числе грузинский язык и самобытную культуру.

Г Л А В А XIV

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 70-х—90-х гг. XIX в.

§ 1. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В 60-х—70-х гг. XIX в. из среды пролетаризированных крестьян и экспроприированных ремесленников образовался рабочий класс Грузии. Его предшественниками были крепостные крестьяне-отходники, уходившие в город либо с разрешения господ, либо тайком от них. Средства к существованию они добывали продажей своей рабочей силы. Из полученной за подневный труд заработной платы рабочий выплачивал помещику оброк, но чаще всего отходник скрывался от своего барина, вовсе прекращая с ним всякое общение. Такой отходник не был еще, разумеется, свободным горожанином, но все же своим появлением он способствовал созданию в Грузии первых рабочих кадров. В 40-х гг. XIX в. только в одном Тбилиси уже насчитывалось несколько тысяч таких беглых крестьян-отходников, превратившихся в городских рабочих. Крестьянская реформа, в сущности обезземелившая освобожденных от крепостного ига крестьян, сразу же изменила положение на рынке рабочей силы, который отныне стал получать свой товар без каких-либо помех.

Внедрение механизации труда в производство создавало кадры промышленных рабочих. В 70-х гг. к пролетаризированным крестьянам, которые превращались в промышленных рабочих, время от времени прибавлялись экспроприированные

ремесленники, которые, не выдержав конкуренции фабрикантов, вынуждены были бросать свое, пришедшее в упадок, предприятие.

Никто из этих рабочих даже не подозревал, что он уже варится в огромном промышленном котле, из которого никому не суждено было выбраться, ибо рано или поздно промышленное производство в корне меняло образ жизни бывших мелких производителей-собственников, превращая их в промышленных пролетариев, городских рабочих.

Условия труда. В только что народившемся фабричном производстве в Тбилиси, как и вообще в Грузии, не было элементарных условий труда, необходимых для сохранения физической силы рабочих. «Никто, конечно, не будет спорить, — писал один царский чиновник в 1874 г. о положении рабочих на фабрике Мирзоева, — что без малого 14 часов денного труда, хотя бы и с полуторачасовым промежутком для отдыха, несколько много для рабочих, в особенности же для малолетних, работающих стоя и при неослабной, бесперебойной напряженности внимания. Если труд такого рода вреден сам по себе продолжительностью, то степень его вредности усиливается еще и обстановкой самой фабрики: оглушительная трескотня ткацких механических станков, шум бесчисленных колес, вращающихся цилиндров, больших валов и т. п. Тонкая волосяная пыль воздуха, прочитанная какими-то неприятными маслянистыми испарениями, и его высокая температура (в феврале месяце рабочие верхнего отделения фабрики работали босиком и в одних сорочках на плечах, и, несмотря на это, сильно потели) — все это такая обстановка, от которой да сохранят обстоятельства всякого человека непривычного, а рабочий ведь привычен ко всяким невзгодам...»⁸³²

Автор письма вовсе не намеревался возвышать голоса протеста против существовавших в ту пору в Тбилиси фабрично-заводских порядков, но это не мешало ему представить читателю реальную картину невыносимого положения рабочих на фабрично-заводских предприятиях города, и в частности на фабрике Мирзоева. Рабочим приходилось ежедневно проводить по 14 часов в невообразимой грязи и жаре. Автор письма отмечает, что ему пришлось провести на фабрике не более 3/4 час., после чего он ощутил маленькое головокружение и боль в висках. «Дурные последствия продолжительной работы на фабрике в состоянии выразиться именно в форме головных болей и легочных страданий»⁸³³, — заключает автор.

Невыносимое положение наблюдалось на тбилисских табачных и кожевенных фабриках, где из-за отсутствия вентиляции в цехах стояла густая завеса от испарявшейся сыромятной кожи. Даже на оборудованной по европейскому образцу фабрике Адельханова не были устранены эти антисанитарные условия.

В 1898 г. на обувной фабрике Адельханова работало 700 человек рабочих. В ее шести цехах было очень грязно, пыльно, тесно и т. д. Не существовало и вентиляции⁸³⁴.

Положение не изменилось и в 90-х гг., о чем свидетельствуют официальные правительственные данные. К этому вредному явлению технической неоснащенности фабрик и антисанитарии, добавлялась еще и продолжительность трудового процесса (15—16 час.), которая изнуряла рабочих и физически изнашивала их⁸³⁵.

Совершенно неудовлетворительными были условия труда на предприятиях по эксплуатации чиатурского марганца, промышленники «черного камня не укрепляли тоннелей, а если и укрепляли, то ненадежно»⁸³⁶.

Чиатурская железная дорога не изменила по существу положения т. н. «чалвадаров» (возчиков руды на подводах). На трудовую деятельность рудокопов в

⁸³² Ж у к о в П. Несколько слов о рабочем вопросе по отношению к нашему краю. — Кавказ, 1874, № 49, с. 2.

⁸³³ Там же.

⁸³⁴ Партархив Груз. филиала НМЛ, ф. 8, оп. 2, ч. 1, д. 5, л. 6—7.

⁸³⁵ Там же.

⁸³⁶ Там же, ф. 34, д. 27.

некоторой степени положительно повлияла электрификация шахт. Легко себе представить, сколь опасным было для рабочих плохо организованное производство, как часто должны были происходить несчастные случаи⁸³⁷. Производственные травмы, по данным газеты «Иверия», были «весьма часты» как в железнодорожных мастерских, так и на сравнительно «лучше устроенных фабриках и заводах, где ручной труд заменяли машины и новейшие орудия»⁸³⁸.

Рабочее время, заработная плата. Техническая отсталость предприятий — отсутствие соответствующего оборудования, противоаварийных средств, а также приспособлений, необходимых для защиты жизни и здоровья рабочих, усугублялась чрезмерной продолжительностью рабочего времени и низкой заработной платой. Так, например, рабочим фабрики Мирзоева приходилось трудиться по 14 часов в день с небольшим перерывом на обед. Вначале они получали зарплату ежемесячно, через год фабрикант ввел сдельную систему и стал рассчитываться с рабочими еженедельно. Машинисты, текстильщики и др. специалисты фабрики получали в день от 30 до 60 коп.

70-х гг. табачная фабрика Энфиянджянца считалась лучшей в городе. Трудовой день предприятия в зимний период начинался в 8 ч. утра и длился до 8 ч. 30 минут вечера с перерывом на 1 час. На некоторых фабриках рабочий день продолжался до 10 часов вечера. Кстати, на всех табачных фабриках Тбилиси рабочий день был не менее 12 часов. Введение сдельной оплаты труда фактически вынуждало труженников оставаться на фабриках до часу ночи, с тем, чтобы подготовить к новому рабочему дню необходимые заготовки⁸³⁹.

На фабрике Энфиянджянца рабочие подразделялись на 5 различных групп: приказчики, сортировщики, крошечники, упаковщики, папиросники; в результате сдельной оплаты только приказчики да рабочие, сортировавшие табачные листы, могли заработать себе в день больше 1 руб. Обыкновенно при 12-часовом рабочем дне приказчики-отборщики табачного листа получали в месяц по 16 руб., крошечники — 25 руб., упаковщики — 8 руб., папиросники — 12 руб. В среднем на каждого рабочего приходилось по 15 руб. 20 коп. в месяц, в день — 50 коп. Рабочий-папиросник фабрики мог изготовить в день не более 100 штук папирос⁸⁴⁰. В среднем же на долю каждого рабочего приходилось 500—600 папирос. За 1000 штук папирос рабочему выплачивали по 30 коп. (тот, кто мог сделать 2000 папирос, получал 60 коп.). В среднем каждый рабочий получал в день от 15 до 20 коп.

На других фабриках положение было не лучше. В 80—90-х гг. рабочий на фабрике Бозарджянца получал от сдельной работы не более 1 руб. 25 коп. Это в том случае, если он приносил из дома на работу готовые гильзы. За тысячу папирос рабочий получал 50 коп. Но это был адский труд, если учесть, что рабочий, проработавший на фабрике 15—16 час. в течение дня, вынужден был еще и ночью заготавливать на следующий день папиросные гильзы.

Таким образом, из-за введения предпринимателем системы сдельной оплаты рабочие были вынуждены максимально сокращать себе время своего отдыха, проводя ночи напролет в труде. Необходимо отметить и то, что рабочий привлекал к этой ночной работе по изготовлению гильз членов своей семьи — жену и детей, так что в его дневной зарплате, не превышавшей 1 руб. 25 коп., участвовала вся семья. Но деньги, заработанные таким образом, распределялись не только на рабочего и его семью; квалифицированный папиросник, работавший на фабрике сдельно, имел в помощниках еще и несовершеннолетнего сподручника, труд и этой подсобной рабочей силы оплачивался из тех же 1 руб. 25 коп., которые получал взрослый рабочий в день.

⁸³⁷ Квали, 1898, №33.

⁸³⁸ Иверия, 1890, №179.

⁸³⁹ Ж у к о в П. Указ. раб.

⁸⁴⁰ Ж у к о в П. Указ. раб.

О тяжелом положении семей рабочих, ввиду невыносимых условий сдельной оплаты, свидетельствуют воспоминания старых рабочих, переживших все ужасы тогдашнего фабрично-заводского труда. «В ту пору [т. е. в 80-х гг. прошлого века],— говорит один из них, — на фабрике была введена хозяином сдельная оплата. Вот и приносил брат работу домой, заставляя нас, членов семьи, работать ночи напролет. Мы готовили гильзы. В полночь, когда сон одолевал нас, брат подгонял нас палкой. Больше всех доставалось моей сестре, которая, не в силах бороться против одолевавшего ее сна, прикурнет, бывало, тут же, на тахте, но брат сгонял бедную девчужку с тахты палкой, не давая ей спать и орал при этом на нее изо всех сил. Но и его нельзя было винить — ведь если ночью не заготовить было весь необходимый материал на завтра, то что бы он сумел выработать на следующий день?»⁸⁴¹

Тяжелым было положение малолетних подсобных рабочих на других предприятиях. Так, например, тот же рабочий, рассказывая о себе, говорит, что его в возрасте 9 лет отдали на табачную фабрику Джимшерова, где в его обязанности входила закрутка бандеролей. За это ему платили 7 коп. в день. Работа начиналась в 7 ч. утра и продолжалась вплоть до 10 часов вечера⁸⁴².

В 70-х гг. XIX в. в тбилисских типографиях наборщики и печатники получали в среднем по 27 руб. в месяц, а остальные по 9 руб.⁸⁴³ Рядовой рабочий получал в среднем 30 коп. в день. Но если вспомнить, что эта средняя цифра получена из расчета от 7 до 12 руб. в месяц, то выходит, что дневной заработок обыкновенного рабочего составлял 23 коп. Более того, дети, которые работали в типографии наравне со взрослыми, получали в месяц от 2 до 4 руб., что в среднем составляет 3 руб., а в день — 10 коп. Но для малолетних рабочих обыкновенная зарплата не превышала 7 коп. В типографиях самую высокую зарплату получали наборщики и печатники, а в механических мастерских — слесари, токари и кузнецы. Зарплата этим рабочим назначалась не в зависимости от вырабатываемой ими продукции и их квалификации, а по усмотрению хозяина предприятия.

В механической мастерской Рукса мастера нередко получали в месяц 15 руб. Поэтому они предпочитали сдельную оплату месячной.

Рабочие чиатурских рудников делились на вырубщиков, носильщиков, перекачиков и сортировщиков. Первые вырубали руду кирками, вторые таскали ее корзинами на себе или перекачивали ее на тачках из шахт, третьи сортировали и очищали руду. Рабочими марганцевой промышленности считались также грузчики и возчики на подводах — «чалвадары». На предприятиях чиатурского «черного камня» с самого же начала преобладающей стала система сдельной оплаты труда. Рабочий день длился 16—18 часов. Судя по зарплате, на первом месте были вырубщики, которые оплачивались выше всех. Их дневная выработка имела тенденцию роста: с 1 руб. она поднялась до 1 руб. 25 коп., а носильщиков-перекачиков — от 70 коп. и до 1 руб., сортировщики же получали — 50—80 коп. Большую часть сортировщиков составляли женщины и дети. Оплата женщин не превышала 40 коп., а дети (от 12 до 15 лет) получали от 10 до 40 коп.⁸⁴⁴ Предприниматели поручали погрузку вагонов марганцем грузчикам. Погрузка одного вагона (765 пуд.) стоила 60—90 коп.

Еще хуже было положение «чалвадаров». Им приходилось возить грузы по узким и крутым горным дорогам. Но и в этих условиях за перевозку 1 пуда руды на расстоянии 5 километров «чалвадары» получали лишь по 2 коп. В один конец лошадь одолевала лишь 10 пуд. марганца, но и возница мог в день сделать только 4—5 оборотов. В итоге он мог заработать себе всего лишь 80 коп. или 1 руб.

⁸⁴¹ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 2, ч. 1, д. 301, л. 172.

⁸⁴² Там же.

⁸⁴³ Кавказ, 1874, №49.

⁸⁴⁴ К в а н т р е Кс. История рабочего движения в Чиатурских горных рудниках. Тбилиси. 1926, с. 38.

В 90-х гг. в Чиатура на предприятиях по добыче «черного камня» распространился особый порядок сдельной оплаты: промышленники договаривались с группой рабочих о доставке на железнодорожную платформу очищенной руды. За пуд доставленной на железнодорожную платформу руды промышленник выплачивал рабочим по 3—3,5 коп. Так вошел в практику «попудный» способ оплаты и появились т. н. «пудовщики». Этот способ вызвал ухудшение положения рабочих, которые получали жалованье лишь после сдачи руды по весу на платформе. За утерю руды отвечал «пудовщик». Промышленнику не было дела до того, что руда могла быть смыта ливнем во время ненастья, или что груженная рудой лошадь могла свалиться в пропасть и т. д.

В 1897 г. «Иверия» писала о тяжелом положении чиатурских рабочих следующее: «Рабочий, который с утра до вечера трудится, не покладая рук, сплошь покрытый черной марганцевой пылью и на глубине шестидесяти (а то и больше ста) саженей, не получает в день и 50 коп»⁸⁴⁵

В каменноугольных шахтах Ткибули и в конце 90-х гг. рабочий день не был еще нормирован. «Нашими главными орудиями труда, — вспоминали впоследствии рабочие, — были в ту пору кирки да лопата. Для нас не было установленного рабочего времени. Выходили мы на работу спозаранку и работали до захода солнца»⁸⁴⁶. Эти рабочие жили в окрестных селах, вблизи от рудников, и по окончании работы поздно ночью уходили в свои дома. В непогоду они укрывались в своих временных бараках. Они не отрывались от своего хозяйства, и нужда заставляла их работать за низкую плату. В рассматриваемую пору (1897 г.) такие рабочие получали по 70 коп. в день. Добыча «черного камня» примитивными орудиями, разумеется, не была производительной. Поэтому в целях получения дополнительной прибыли промышленники организовывали соревнования.

В доставке из шахт на поверхность каменного угля и в очистке участвовали и дети, которые получали 30—40 коп. день⁸⁴⁷.

Для строительства железной дороги в Закавказье, и в первую очередь в Грузии, понадобилось большое количество рабочей силы. Среди строителей дороги было много крестьян, которые выполняли тяжелую работу. Подхлестываемые нуждой, они соглашались работать за самую низкую плату. Вот что писал о положении рабочих, занятых на строительстве железнодорожного полотна в Грузии, наблюдатель газеты «Квали»: «Почти ежедневно можно встретить здесь (между Поти и Риони) кучу людей, состоящих из 10—15 человек с котомками на плечах, умоляющих подрядчиков дать им работу. Последние, пользуясь их многочисленностью, отвечают, что у них нет недостатка в рабочих, но если пришельцев устаивает работать по сходной цене», то они готовы платить им по 60 коп. в день, а не по 1 руб., как это делалось в отношении постоянных рабочих. «Так по вине подрядчиков, а также все прибывавших новых толп безработных, дневной заработок их падает все ниже и ниже, и таким образом постоянные рабочие получают лишь по 40—50 коп. в день. За эту цену, — продолжает он далее, — они работают с половины пятого утра и до семи часов вечера (с перерывом на обед — один час). К этому нужно добавить, что они возвращаются не ранее половины девятого — в девять часов вечера (рабочий поезд часто задерживается по разным причинам), затем они еще должны приготовить себе ужин и завтрак на следующий день; так что возиться им приходится до 12 — 1 часа ночи, а в 4 часа утра они должны быть готовы, чтобы ехать на работу. Таким разом, они трудятся с четырех часов утра до 12 часов ночи, т. е. 20 часов»⁸⁴⁸.

В 80-е гг. по всему Закавказью падала заработная плата рабочих. Это подметили даже официальные круги. Оппозиционно настроенные представители последних начали публично обсуждать вопрос о положении рабочих. Так, газета «Кавказ» опубликовала

⁸⁴⁵ Иверия, 1897, №98.

⁸⁴⁶ К в а н т р е Кс. Указ. соч., с. 25.

⁸⁴⁷ Там же.

⁸⁴⁸ Квали, 1898, №35.

данные обследования, проведенные в г. Батуми: «Само собой понятно, — писала газета, — что чрезмерный наплыв ищущих работы, при разношерстности их племенного состава, как нельзя более на руку гос. нанимателям. Мало того, что превышение предложения рук над спросом на них, вызывая усиленную конкуренцию на рабочем рынке, влечет за собой сокращение заработной платы и удлинение рабочего дня, разноязычие нанимающихся ослабляет между ними солидарность и тем уменьшает силу их мирного сопротивления работодателям»⁸⁴⁹.

В 90-х гг. прошлого века рабочие-бурильщики на заводах Ротшильда получали за 12-часовой рабочий день (при 1,5-часовом обеденном перерыве) по 1 руб., но и эта зарплата не выплачивалась рабочему сполна. На заводах была распространена система вычетов и штрафов; на заводах Ротшильда из зарплаты рабочих удерживали от 7 до 10% полагаемой суммы в стоимость бракованной продукции, штрафовали за прогулы, за нарушение порядка, за порчу станков, материала. Управляющий заводом вносил в расчетную книжку рабочих заведомо преуменьшенные данные о выполненной ими работе. Бывали случаи, когда в результате таких расчетов рабочие ежедневно теряли 7% полагаемой им зарплаты⁸⁵⁰.

Возницы на фургонах работали с 6 часов утра и до 6 часов вечера. В непогоду работа в порту прекращалась, а на заводах продолжалась в любую погоду. Если заводские рабочие получали от 70 коп. до 1 руб. в день, то возницы за каждый конец получали от 25 до 30 коп., включая сюда и стоимость содержания лошади и самого фургона.

На заводах и фабриках промышленных центров Грузии широко использовался труд детей и женщин. Еще в 1874 г. официозный орган -- газета «Кавказ» отмечала отрицательное влияние фабрично-заводского труда на подрастающее поколение. Рост машинного производства еще более расширил применение детского труда на фабриках и заводах. «Возраст работающих на фабрике детей начинается с 8 лет. Возраст большинства работающих — от 9 до 11 лет; можно встретить и таких, которые скажут, что работают уже 4—5 лет; с виду им, этим детям, не более 8 лет, а на самом деле 13—14 лет; большинство из них лишено живости; вид у них сникший, увядший; лица пожелтевшие, глаза впалые, уши просвечивают, уста запавшие, ноги и руки загорелые; можно встретить и увечных, большей частью лишенных двух-трех пальцев на той или иной руке (по вине машин)», — говорится в одной из корреспонденций тех лет⁸⁵¹.

В ту пору не было никакого страхования рабочих от несчастного случая. Рабочий, получивший травму во время работы на предприятии, мог только в судебном порядке искать денежной компенсации за увечье или потерю трудоспособности. К тому же он должен был доказать, что причиной несчастного случая является именно машина.

Во время болезни рабочие не только не получали зарплаты, но и были лишены какой бы то ни было медицинской помощи. «Семья рабочего (его жена, дети, родственники) не существует для фабриканта. Рабочий либо лечится за свой счет, либо вовсе не лечится», — пишет один из наблюдателей⁸⁵². Даже на крупных заводских предприятиях не было никакой медицинской помощи. Врачи, изредка наведывавшиеся на фабрики и заводы, обходились довольно грубо с рабочими⁸⁵³.

До 1902 г. ни в одном из промышленных центров Кавказа, стало быть, и в Грузии, не существовало фабрично-заводской инспекции. Заводская администрация самовольно наказывала рабочих. Рукоприкладство было весьма в ходу.

Одним из главных требований бастовавших рабочих железнодорожных мастерских в августе 1900 г. было, как это явствует из петиции, предъявленной ими заводской администрации, отмена физических наказаний. Рабочие писали: «Народ, который

⁸⁴⁹ Кавказ, 1898, №38.

⁸⁵⁰ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 121.

⁸⁵¹ Квали, 1898, №41.

⁸⁵² Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 121, л. 24.

⁸⁵³ Там же, ф. 37, д. 61.

изнемогает под тяжестью адского, изнурительного труда в мастерских, получая взамен лишь по 60 коп. в день, подчас подвергается еще и побоям со стороны бригадиров — этих лакеев заводской администрации»⁸⁵⁴.

Крайне тяжелым было положение подручных мастера и учеников. По сообщению официальных документов, подручные мастера жили в холодной, сырой мастерской, спали на голом полу, голодали и т. д. «Чаще всего, — говорится в одном из документов, — мастера превращают своих учеников в домашнюю прислугу, в результате чего они и вовсе забывают то немногое, чему успели выучиться в промежутках между пинками да подзатыльниками»⁸⁵⁵.

Жилищные условия рабочих. Питание. Жилищные условия рабочих были совершенно невыносимыми. Рабочее население промышленных центров Грузии было лишено не только обыкновенного жилья, но и просто крова над головой. В ткибульских каменноугольных предприятиях рабочим были предоставлены наскоро сколоченные хибарки, лишенные самых элементарных условий гигиены и вдобавок не отапливаемые.

Рабочие чиатурских промыслов также не имели нормального жилья; зачастую они ночевали под открытым небом. О жилищных условиях рабочих Чиатура «Искра» писала: «На чиатурских марганцевых промыслах ни у кого не имеется для рабочих жилых помещений, хотя бы в малой степени удовлетворяющих требованию гигиены. У большинства промышленников помещений не имеется и вовсе. Имеющиеся же помещения — это нарочно выстроенные деревянные бараки (сырые, темные и грязные) со щелями и зимою до того холодные, что никакой рабочий не решается провести в них ночь»⁸⁵⁶.

Так же обстояли дела и в 80-х—90-х гг. прошлого века. Из числа промышленных рабочих Батуми многим не удавалось найти себе квартиру. Большинство семей рабочих ютилось в тесных, темных комнатах. Бедность вынуждала рабочих снимать жилье в предместьях г. Батуми, где им приходилось жить в крайне антисанитарных условиях. За маленькую, темную с прогнившим полом комнатку, площадью не более 12 квадратных аршин, рабочие были вынуждены платить от 4 до 6 рублей. В такой комнате ютилось до семи человек⁸⁵⁷. Имеются и другие сведения о тяжелых жилищных условиях батумских рабочих⁸⁵⁸.

В целях экономии средств в одной нанимаемой комнате часто проживали... даже по несколько семей. Незавидным было положение и одиноких рабочих. Большинство из них спало на голых раскладушках или прямо на грязном и пыльном полу⁸⁵⁹.

Не менее удручающими были жилищные условия рабочих тбилисских фабрик и заводов: они жили в подвалах, в грязных городских предместьях, за железнодорожным полотном — в Нахаловке, в Харпухи, на окраинах Авлабара...⁸⁶⁰

Плохо было поставлено питание рабочих. Известно, что в 80-х—90-х гг. рабочие чиатурской горнорудной промышленности и батумских предприятий поддерживали свое существование хлебом и водой⁸⁶¹. Открытые при некоторых заводах и фабриках столовые не могли обеспечить рабочих высококалорийным и дешевым питанием⁸⁶².

Отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий толкало многих тружеников к посещению питейных заведений, в которых они оставляли свои последние гроши⁸⁶³.

⁸⁵⁴ Там же.

⁸⁵⁵ Квали, 1898, № 41.

⁸⁵⁶ Искра, 1904, №65.

⁸⁵⁷ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 34, д. 121.

⁸⁵⁸ С е г а л ь М. Жилища рабочих в г. Батуме и меры к оздоровлению их. — Черноморский вестник, 1902, №№119—123, 125.

⁸⁵⁹ Там же.

⁸⁶⁰ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 127, л. 35.

⁸⁶¹ Квали, 1898, №33.

⁸⁶² Кавказ, 1898, №38.

⁸⁶³ С е г а л ь М. Указ. раб. — Черноморский вестник, 1902, №120, 456

Безжалостно обирали рабочих и заводские столовые, санитарные условия которых не отвечали самым элементарным требованиям. В этом отношении весьма примечательны воспоминания старых рабочих: «Бозарджяиц,— рассказывает один из них, — некоторым образом пригвоздил нас к фабрике, тут же, во дворе открыв столовую. На бойне ему почти даром давали печенку и кишки. Из этой печенки нам готовили грязный вонючий завтрак, разумеется, дорогой, плату вычитывали из жалованья»⁸⁶⁴. «Это была не столовая, а сущее безобразие, — рассказывает другой рабочий, — темная, сырая комната, рядом с ней помещались подряд четыре уборные. Никто не заботился о чистоте и опрятности в этих уборных. Можно теперь представить себе, что за воздух был в нашей столовой. Обеды готовились из вонючего мяса; это было скорее нечто похожее на уголья, которое невозможно было есть. За эти вот «обеда» мы и расплачивались оловянными марками, которые покупали в конторе; в противном случае нам угрожала опасность остаться голодными на весь день. В этой столовой рабочие оставляли больше половины своего недельного заработка»⁸⁶⁵.

§ 2. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 70-х—90-х гг.

С развитием фабрично-заводской промышленности, в результате углубления противоречий между трудом и капиталом, в Грузии начинается борьба рабочих за улучшение своего положения, зарождается стачечное движение.

Первые проявления недовольства рабочих, вплоть до отказа от работы, имели место еще в дореформенный период, в связи с задержкой зарплаты (на шелкомотальной «фабрике» в Тбилиси) или же с тяжелыми условиями труда (на стекольном «заводе» Эристави в Горийском уезде). Однако эти выступления носили спорадический характер и охватывали малое число рабочих.

Первые значительные выступления рабочих Грузии имели место уже с конца 60-х — начала 70-х гг. на текстильной фабрике Мирзоева в Тбилиси. Причиной тому первоначально послужили несчастные случаи из-за несоблюдения техники безопасности на вновь организованном предприятии (1869 г.), а затем и экономическое притеснение рабочих — нарушение предпринимателем договора с рабочими, снижение сдельной оплаты за продукцию⁸⁶⁶. По этим причинам на фабрике Мирзоева в 1872 г. вспыхнула забастовка. По поводу этой забастовки газета «Дрозба» писала: «Первого апреля, вечером, во время раздачи денег на фабрике объявили, что за каждую штуку ткани рабочим сбавят по 10 копеек. Это означало, что вместо 40—60 коп. они получают по 30—50 коп. (Раньше же они за штуку ткани получали от 40 до 60 коп.). В тот день рабочие смолчали. 3 апреля утром рабочие собрались и сообща покинули фабрику, не слушаясь советов приказчиков. Все говорили одно и то же: «Не будем работать, за кусок хлеба заработаем и в другом месте»⁸⁶⁷.

На фабрике Мирзоева в 1872 г. работало 500 рабочих. Прекращение работы из-за уменьшения зарплаты было, по-видимому, следствием заранее обдуманного соглашения. По всей вероятности, рабочие в течение двух дней вели переговоры с фабричной администрацией, предъявляя ей свои требования по поводу восстановления их прежней зарплаты, и 3 апреля, получив отказ от управляющего фабрикой, рабочие в массовом порядке покинули ее. Работа прекратилась в течение нескольких недель.

Забастовка рабочих потерпела поражение. Рабочие не добились восстановления прежней зарплаты.

19 января 1877 г. газета «Тифлисский вестник» писала по поводу событий на фабрике Мирзоева: «Вчера, 17 января на фабрике Мирзоева прекратилась работа, т. к.

⁸⁶⁴ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 2, ч. 1, д. 30, л. 174.

⁸⁶⁵ Там же.

⁸⁶⁶ Ч о д р и ш в и л и М.* Пережитое. Тбилиси, 1927, с. 70—75.

⁸⁶⁷ Дрозба, 1872, № 15, с. 2.

рабочие не смогли получить обещанную прибавку — на каждую штуку (31 аршин) бязи — по пятаку»⁸⁶⁸. В мае 1877 г. газ. «Иверия» писала: «...Мирзоев привез из России 120 человек рабочих. Через 1—2 месяца эти рабочие попали в такие условия, что вынуждены были уехать обратно. Не получив, однако, у Мирзоева денег на обратный путь, они обратились к управляющему канцелярией заместника Кавказа, который и отправил их за свой счет, а затем, разумеется, заставил фабриканта возместить все эти расходы»⁸⁶⁹.

На фабрике Мирзоева царилла большая текучесть рабочей силы. Поэтому затруднялся контакт между рабочими. Возникавшие время от времени стихийные стачки рабочих на этой фабрике кончались поражением последних. Необходимо принять во внимание, что для погашения забастовки фабрикант не прибегал к помощи местного правительства или полиции. Это объясняется тем, что на низкой стадии развития рабочего движения рабочие не были объединены в организации, они были лишены возможности всеобщей интенсивной борьбы и их легко было уговорить обещаниями прибавить жалованье и удовлетворить другие их требования. «Господин Мирзоев, — писала газета «Дрозба», — часто говорит рабочим, что он основал эту фабрику для нужд бедняков, давая им возможность заработать себе на хлеб... И его приказчики постоянно внушают рабочим мысль о том, что фабрика их кормит»⁸⁷⁰. «Таким образом наставлял и управляющий фабрикой, когда они, бросив работу, требовали восстановления зарплаты», — пишет обозреватель грузинской газеты⁸⁷¹. Рабочие поначалу верили во все эти внушения и послушно возвращались на работу, если им вместо требуемых 20 коп. добавляли лишь... 5 коп.

В сентябре 1877 г. в Тбилиси забастовали рабочие и ученики фабрики Зейцера. Ученики предъявили хозяину фабрики следующие требования: 3. Каждому ученику давать в счет стоимости одежды 2 руб. 50 коп. в месяц. 2. Каждому ученику давать в день на хлеб от 20 до 30 коп. 3. Запретить работу в воскресные и праздничные дни. 4. Разрешить ученикам в свободное время читать журналы и газеты. Забастовка продолжалась 3 недели и закончилась победой рабочих. Фабрикант был вынужден удовлетворить все требования рабочих.

В подготовке и проведении забастовки большую роль сыграл союз рабочих и ремесленников. Активные и передовые представители союза сумели повлиять на учеников и придать их требованиям определенное направление⁸⁷².

В феврале 1878 г. на фабрике Зейцера вспыхнула новая, более значительная забастовка. «В этот год Зейцер получил много заказов, как правительственных, так и от частных лиц. Особенно торопились выполнить правительственные заказы: в это время Россия воевала с Турцией. Фабрикант старался заставить рабочих дольше работать, дабы ускорить выполнение заказов военных. Поэтому он прибавил к рабочему времени еще час. В итоге рабочим приходилось вместо 15 часов работать в сутки 16 часов, при той же зарплате. Вместе с тем, рабочим вместо 5 ч. утра приходилось начинать работу в 4 ч. утра и кончать в 8 ч. вечера. Отдыхать полагалось один час. Это был для рабочих непосильный труд. Именно из-за этих невыносимых условий труда и началась 15 февраля 1878 г. забастовка на предприятиях Зейцера»⁸⁷³. В забастовке принимали участие все рабочие фабрики. Руководил ею союз рабочих и ремесленников. Фабриканту были предъявлены следующие требования:

1. Оставить в силе рабочий день с 5 час. утра и до 8 час. вечера с перерывом на завтрак (полчаса) и на обед (1,5 часа).
2. Увеличить зарплату до 1 руб. 50 коп. в день.
3. Прибавить 20% работающим сдельно.
4. Ввести учет работы в расчетных книжках.

⁸⁶⁸ Тифлисский вестник, 1876, № 12.

⁸⁶⁹ Иверия, 1877, № 13.

⁸⁷⁰ Дрозба, 1872, № 15, с. 2.

⁸⁷¹ Дрозба, 1872, № 15, с. 2.

⁸⁷² Ч о д р и ш в и л и М. И.* Пережитое. Тбилиси, 1927, с. 82—83.

⁸⁷³ Там же. с. 85—86.

На сей раз фабрикант обратился за помощью к полиции. Четверо рабочих, руководителей забастовки, были арестованы. Однако сломить волю забастовщиков не удалось. Фабрикант был вынужден уступить и удовлетворить почти все требования рабочих. Рабочее время было сокращено до 14 час., арестованные рабочие освобождены, хотя и уволены с фабрики. Таким образом, забастовка закончилась победой рабочих. Она оказала влияние на рабочих других фабрик и заводов.

В 70-х гг. засвидетельствовано семь выступлений рабочих на пяти промышленных предприятиях г. Тбилиси (на текстильной фабрике Мирзоева в 1872 и 1877 гг., на столярном предприятии Зейцера в 1878 гг., на механическом заводе Рукса, в каретной мастерской Котрини и столярной мастерской Энали в 1878 г.).

Вне Тбилиси выступления рабочих имели место в железнодорожном депо в Хашури (в начале 70-х гг.), на строительстве Поти-Тифлисской железнодорожной линии летом 1876 г.⁸⁷⁴ Волнение строительных рабочих на железной дороге было вызвано тяжелыми бытовыми условиями и задержкой зарплаты со стороны подрядчиков на 3 месяца.

Выступления рабочих конца 60-х — начала 70-х гг. носили характер стихийного протеста, в выступлениях же второй половины 70-х гг. наблюдается больше организованности.

Со второй половины 70-х гг. происходит переход к стачкам как основной форме проявления протеста рабочих, хотя стачечное движение пока не носило систематического характера и возникало стихийно.

Характер рабочих выступлений в период зарождения рабочего движения во многом зависел от состава рабочих и степени их сознательности.

В 80-х гг. бастовали рабочие Тифлиских главных мастерских Закавказской железной дороги — одного из крупнейших предприятий и очагов рабочего движения в Грузии и во всем Закавказье. Первоначально в забастовочном движении преимущественно участвовали русские рабочие, составлявшие тогда большинство в мастерских, а впоследствии в борьбу включаются и местные рабочие, удельный вес которых постепенно рос. Первое выступление рабочих в мастерских произошло в 1886 г., однако оно не вылилось в забастовку. В 1887 г. в мастерских произошли две забастовки (в феврале-марте и в июне). В 1889 г. забастовка рабочих мастерских происходила 12—18 октября.

Причиной февральской забастовки в железнодорожных мастерских явилось увеличение рабочего дня и общее недовольство рабочих господствовавшими там беспорядками и самоуправством администрации.

Согласно заведенному в Тифлиских железнодорожных мастерских порядку, по субботам работа кончалась в 5 час., а в остальные дни в 5 час. 30 мин. С 14 февраля 1887 г. администрация попыталась изменить существующий порядок и обязать всех работать до половины шестого и в субботные дни. Рабочие не подчинились постановлению администрации; не помогли угрозы и подкуп мастеровых. 14 и 21 февраля 1887 г. рабочий день по-прежнему закончился в 5 час. вечера. На настоятельные требования администрации не бросать самовольно работу и признать новый порядок рабочие ответили забастовкой. Утром 28 февраля тысяча рабочих покинула свои рабочие места и направилась к зданию железнодорожного управления. Полиция была не в силах задержать возмущенных рабочих, соблюдавших полный порядок⁸⁷⁵.

Представители бастующих рабочих предъявили железнодорожному управлению требования, состоящие из девяти пунктов: 1. Рабочий день по субботам прекращать в 5 ч. 2. День выдачи зарплаты засчитывать рабочим за полный рабочий день, а не за половину рабочего дня. 3. Ввести в действие единый, утвержденный железнодорожным управлением, тариф оплаты сдельной работы для всех цехов. 4. Не допускать применения

⁸⁷⁴ Исторический вестник, т. 9, 1956, с. 51—52, 65—66; Ч о д р и ш в и л и М. Указ. соч., с. 82—86; Ч а х в а ш в и л и Н. А. Рабочее движение в Грузии (1870—1904 гг.), Тбилиси, 1958, с. 91, 94.

⁸⁷⁵ Парташхив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 34.

принудительных мер при сдельной оплате. 5. Не штрафовать рабочих за опоздание. 6. Запретить применение штрафов в отношении других незначительных происшествий. 7. Оказать помощь рабочим Хашурских железнодорожных мастерских, переведенным в Тифлис. 8. Итоги этих требований вывесить в Тифлиских железнодорожных мастерских в качестве справки, а сами итоги ускорить. 9. Сегодняшний день — 28 февраля зачесть в качестве рабочего дня.

Администрация мастерских уже успела принять меры, и в то время, когда управление знакомилось с требованиями бастующих рабочих, появились полиция и жандармерия с отрядом казаков⁸⁷⁶. Они попытались убедить рабочих вернуться на завод и приступить к работе, но представителям власти не удалось добиться цели. Рабочие крепко стояли на своем. 3 марта все рабочие хотя и приступили к работе, но в мастерские они не направились и стояли во дворе. Вскоре там появились губернатор, начальник жандармского управления и др. Забастовщикам были даны обещания, что оплата всех видов сдельных работ впредь будет производиться по твердому тарифу, который будет получен в ближайшие дни из Петербурга. Однако это увещевание не подействовало на рабочих, которые, не приступая к работе, продолжали собираться во дворе группами. 4 марта мастерские охранялись полицией. Администрация мастерских потребовала возобновления работ, угрожая в противном случае увольнениями.

Упорное сопротивление рабочих заставило, в конце концов, администрацию Тифлиских железнодорожных мастерских, пойти на частичные уступки. Она была вынуждена снова составить ответное заявление на требование рабочих. Тифлиский губернатор по этому поводу отмечал: «С тех пор, как я прочитал рабочим новый ответ на их требования, они сочли себя удовлетворенными и обещали выйти на работу»⁸⁷⁷. Несомненно, новый ответ был пустым обещанием. Администрация обещала выработать определенный тариф по оплате сдельной работы, как только получит его из Петербурга. Этот ответ администрации не мог удовлетворить рабочих. Поэтому 4 марта полиция охраняла мастерские. Рабочих допускали на работу лишь после их предварительного обыска. 30 рабочих отказались вернуться на работу⁸⁷⁸. Так закончилась забастовка Тифлиских железнодорожных мастерских, длившаяся с 28 февраля до 4 марта. Хотя рабочие и потерпели поражение, но и правительство, почувствовав силу рабочих, постаралось причину недовольства свалить на мелких чиновников. Тифлиский губернатор писал по этому поводу главноуправляющему на Кавказе: «...Как выяснилось, важнейшей и единственной причиной недовольства рабочих ж.-д. мастерских являлось то обстоятельство, что оплата сдельной работы производилась не по установленному тарифу, а по желанию руководителей железной дороги. На сей раз рабочие согласились приступить к работе, но, так как правила оплаты сдельной работы остались прежними, есть основания предполагать, что при первом же недоразумении могут повториться безобразия, имевшие место 27, 28 февраля и 3 марта, что еще более осложнит положение и доведет их вплоть до преступления. Для предотвращения подобных явлений считаю необходимым, чтобы Министерство путей сообщения поручило администрации Закавказской ж. д. в кратчайший срок выработать и установить в мастерских твердую таксу на оплату сдельного труда и тем самым предотвратить самовольные действия железнодорожного управления, с одной стороны, и справедливое недовольство рабочих, с другой»⁸⁷⁹.

16 июня 1887 г. вновь забастовали рабочие ж.-д. мастерских. Власти применили против рабочих военную силу.

С 1889 г. происходят забастовки в ж.-д. мастерских, получившие более широкий масштаб. После перехода с августа 1889 г. Закавказской железной дороги во введение

⁸⁷⁶ Там же.

⁸⁷⁷ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 34, л. 3.

⁴⁷ Там же, л. 6.

⁸⁷⁹ Там же, д. 34, л. 3—4.

казны были аннулированы привилегии рабочих: они лишались права на бесплатный проезд, на помощь во время болезни, на дни отдыха, кроме воскресных; на дополнительную оплату труда и т. д. Эти изменения вызвали недовольство рабочих, которые объявили всеобщую забастовку. 12 октября прекратилась работа в мастерских. Около тысячи рабочих вышло на улицы с демонстрацией протеста. Одновременно они избрали своих представителей и поручили им защиту требований забастовщиков — восстановление льгот, которые правительство хотело отменить⁸⁸⁰.

Демонстранты были разогнаны при содействии солдат и казаков. Охрана мастерских была возложена на полицию и жандармов. Забастовка длилась до 28 октября. Усиленными репрессиями правительству удалось вернуть рабочих в мастерские. Всех руководителей забастовки арестовали и посадили в Метехскую тюрьму.

Весьма примечательно, что правительство не считало своей победой поражение забастовки, так как невыполнение требований забастовщиков могло вызвать новую, более мощную волну протеста рабочих.

Действительно, в 1898 г. вспыхнула забастовка рабочих депо и железнодорожных мастерских.

Правда, рабочие железнодорожных мастерских выступали в защиту своих интересов сообща, однако об относительно низком уровне их сознательности свидетельствует то, что рабочие основную причину своего бедственного положения пока еще видели в самоуправстве администрации и ее отдельных представителей, а выход из тяжелого положения искали в жалобах на имя высших губернских властей. В коллективном прошении рабочих мастерских на имя министра путей сообщения отмечалось: «В таком положении мы, видя себя обиженными со стороны начальства, решились подать это прошение как единственному лицу Вашему высокопревосходительству, просить защиты бедных нищих тружеников...»⁸⁸¹

Однако анализ требований рабочих железнодорожных мастерских, предъявленных ими во время выступлений 1887—1889 гг., свидетельствует о повышении в ходе борьбы их сознательности, расширении круга требований. Рабочие постепенно освобождались от иллюзий о возможности получить помощь от властей и добиться справедливости в судебном порядке. Передовым рабочим все легче становится склонять остальных к стачке. Полицейским дознанием был засвидетельствован разговор между рабочими относительно требования сохранения права на пособие за долгосрочную работу. Один из них говорил другим, что «дело это почти непоправимо, что рабочие запоздали в предъявлении своих требований и что единственно возможное средство для понуждения удовлетворить мастеровых заключается в отказе от работы»⁸⁸².

Призыв к стачке, идущий от передовых рабочих, имеющих опыт борьбы, был поддержан рабочей массой. О влиянии и роли передовых рабочих, в основном переведенных из России и Украины, в стачечном движении тбилисских железнодорожников свидетельствуют и архивные документы.

Управляющий Закавказской железной дорогой по поводу выступления 1887 г. рабочих Главных мастерских, писал: «Осенью прошлого года пришлось принять много мастеровых из Александровских мастерских Лозово-Севастопольской дороги, в число которых попало несколько человек, участвовавших уже в беспорядках упомянутых мастерских и склонных к возбуждению товарищей к действию скопом. Только влиянием таких лиц на толпу, и без того не совсем довольную своим материальным положением, и можно объяснить такое возникновение беспорядков, собственно говоря, из-за незначительной причины»⁸⁸³.

⁸⁸⁰ Партархив Груз. филиала ИМЛ, ф. 37, д. 34, л. 24.

⁸⁸¹ ЦГИАГ, ф. 39, д. 403, л. 49—50.

⁸⁸² Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 122.

⁸⁸³ Там же, с. 93—94.

В связи с той же стачкой, начальник тифлисского жандармского управления докладывал в департамент полиции:

«Вообще в мастерских Закавказской железной дороги сосредоточены более тысячи человек мастеровых, по большей части русских, побывших в Ростове-на-Дону, в Одессе, Севастополе и других многолюдных пунктах, где существуют обширные мастерские. Несомненно есть между мастеровыми и такие, которые сталкивались в жизни с лицами из революционной среды и сами до известной степени распропагандированы, почему не прочь при удобном случае возбуждать мастеровых к новым беспорядкам, особенно когда будут затронуты их материальные интересы»⁸⁸⁴.

Указание на революционную пропаганду среди рабочих, разумеется, имело основание, т. к. уже с 70-х, и в особенности с 80-х гг., на рабочих определенное влияние начали оказывать революционные народники⁸⁸⁵.

90-е гг. характеризуются подъемом рабочего забастовочного движения. Множится число предприятий, на которых происходят стачки, растет число бастующих; выступления рабочих носят более продолжительный характер; учащаются случаи повторения забастовок на одних и тех же предприятиях.

В 90-х гг. произошло около 12 забастовок на 6 предприятиях г. Тбилиси: на конной железной дороге (конка) в 1894 г., в 1899 г. (в марте и мае); на табачной фабрике Бозарджянца — в 1894 г.; на табачной фабрике Энфиянджянца — в 1895, 1896, 1897 и 1899 гг.; в Главных железнодорожных мастерских — в 1898 г., на кожевенном заводе Адельханова — в 1899 г. и в типографии Шарадзе — в 1899 г.⁸⁸⁶

Происходили единовременные забастовки рабочих ряда предприятий. В 1896 г., например, забастовали рабочие табачных фабрик г. Тбилиси⁸⁸⁷.

Из выступлений рабочих других промышленных центров Грузии самыми значительными являлись забастовки на заводе Ротшильда в Батуми в июле 1890 г., мае 1893 г. и июне 1899 г., забастовка ткибульских рабочих в апреле 1897 г.⁸⁸⁸ В 1890 г. ввиду неуплаты подрядчиками зарплаты бастовали рабочие 1-го участка обходной железнодорожной линии Сурамского перевала (200 чел.)⁸⁸⁹.

Рабочие выступления 90-х гг. в Грузии, за некоторым исключением (забастовка рабочих железнодорожных мастерских в 1898 г.), в основном носили неорганизованный характер. В это время рабочее движение и социализм существовали врозь. Этот период можно назвать периодом подготовки почвы для соединения рабочего движения с социализмом.

Первой сравнительно хорошо организованной забастовкой, которой руководили социал-демократы, являлась стачка рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо в декабре 1898 г. Ею непосредственно руководил созданный Тифлиским комитетом забастовочный комитет (М. Бочоридзе, В. Стурау, С. Аллилуев, З. Чодришвил. и др.). В докладной начальника жандармского управления отмечено, что поводом для забастовки послужило изменение старого порядка выплаты пособия рабочим в случае утраты ими трудоспособности, вступавшее в силу с января 1899 г. «По этой причине, — сказано в документе, — а также по одновременности беспорядков, по однообразию многих ответов рабочих, по существованию плана беспорядков (остановка работ в депо, остановка поездов, предполагавшаяся остановка водоснабжения), я прихожу к заключению, что забастовка была организована, т. е. имела внешнее, вне мастерских, подстрекательство»⁸⁹⁰.

⁸⁸⁴ Ч а х в а ш в и л и Н. А. Указ. соч., с. 99—100.

⁸⁸⁵ Х о ш т а р и а Э. В. Очерки социально-экономической истории Грузии. Тбилиси, 1974, с. 204—208.

⁸⁸⁶ См.: Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 145, 146—149, 168—170, 187—192, 195—196;

Ч а х в а ш в и л и Н. А. Указ. соч., с. 108—109, 137, 139, 140.

⁸⁸⁷ М а х а р а д з е Ф. Очерки..., с. 51—52; Ч а х в а ш в и л и Н. А. Указ. соч., с. 108—109.

⁸⁸⁸ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 128, 140, 141, 165.

⁸⁸⁹ ЦГИАОР, ф. 102, 3 делопр., 1890, д. 29, ч. 72, л. 10.

⁸⁹⁰ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 191.

В начале же забастовки в Главных железнодорожных мастерских несколько рабочих были направлены в различные города для организации там забастовок железнодорожных рабочих. Среди них был Степан Горишвили, агитация которого вызвала волнение рабочих депо и мастерских станции Хашури. Это еще раз говорит об организованном характере забастовки, направляемой социал-демократическим руководящим центром.

Декабрьская забастовка 1898 г. приняла столь острый характер, что произошло первое в Грузии столкновение между рабочими и воинскими частями. Бастовавшие рабочие были оцеплены войсками.

Полиция арестовала передовых рабочих, и среди них Ф. Майорова, связанного в свою очередь с находившимся под следствием Ф. Афанасьевым и Петром Калоша (Калошин), бывшим членом рабочего кружка Ф. Грузенко — «Рабочего союза», существовавшего в Тбилиси в 1887 г.⁸⁹¹

Декабрьская забастовка 1898 г. рабочих Главных железнодорожных мастерских была предвестником наступления нового этапа рабочего движения в Грузии, принявшего организованный, сознательный характер. Однако пока это было лишь первым серьезным шагом, предпринятым социал-демократией по руководству рабочим движением. Основанием для того служила сравнительно высокая сознательность и подготовленность рабочих железнодорожных мастерских. Однако выступления рабочих остальных промышленных заведений Тбилиси, а также других промышленных центров все еще носили стихийный характер. Поэтому И. В. Сталин забастовки рабочих Грузии в 1897—1898 гг. относил к числу неорганизованных⁸⁹².

В опубликованной в газ. «Брдзола» статье, посвященной специально рабочему движению в Грузии на рубеже XIX—XX вв., отмечалась высокая организованность январской забастовки 1900 г. рабочих Тбилисской конной железной дороги⁸⁹³.

Касаясь забастовок 1898—1899 гг., Ф. Махарадзе отмечает, что это были в основном стихийные выступления. «Организация еще не полностью захватила в руки руководство забастовками. Это произошло только с начала века»⁸⁹⁴.

1900 г. действительно знаменовал собой наступление нового этапа в рабочем движении Грузии. Показательным в этом отношении является тот факт, что если в 70-х—90-х гг. в Тбилиси имели место 19 стачек на 12 промышленных предприятиях, то только в 1900 г. произошло 17 забастовок на 15 предприятиях, т. е. примерно столько же, сколько за предыдущие 3 десятилетия.

В 1900 г. бастовали: рабочие и кондуктора конной железной дороги — в январе; рабочие типографий Шарадзе, Хеладзе, Либермана, Козлова, Мадера и «Грузинского товарищества» — весной и летом; механического завода Яралова — в июле и августе; табачных фабрик Энфиянджянца — в июле-августе; Сафарова — в июле; Бозарджянца — в июле-августе; Главных железнодорожных мастерских и депо, обувной мастерской Сафарова, обувного отделения кожевенного завода Адельханова — в августе; фабрики Адельханова по пошивке военного обмундирования — в сентябре; текстильной фабрики Читахова — в сентябре и ноябре.

Примером высокой организованности и сплоченности рабочих была августовская забастовка 1900 г. в Тифлиских главных железнодорожных мастерских и депо.

Главначальствующий на Кавказе в докладе министру внутренних дел писал, что отмеченная забастовка «находится в связи с подобными волнениями, наблюдаемыми в последнее время во многих местностях фабричного района, и является результатом подпольной деятельности тайных революционных сообществ, ратующих за освобождение рабочего класса». Далее в донесении говорится: «...обнаружено существование в

⁸⁹¹ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 124—192.

⁸⁹² С т а л и н И. В. Соч., т. I, с. 14—15.

⁸⁹³ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956.

⁸⁹⁴ М а х а р а д з е Ф. Очерки..., с. 78.

мастерских Закавказских железных дорог кружка лиц антиправительственного направления, давно уже ведущего пропаганду среди рабочих... Имеются указания на агитацию в этом деле интеллигентов из среды рабочих и посторонних лиц... у мастеровых Закавказских железных дорог имеется своя небольшая типография, а также денежный фонд... Расклеенные по городу во время беспорядков (в небольшом количестве) печатные воззвания призывали рабочих дружно сплотиться для борьбы во имя интересов рабочего класса. Наконец, замеченное среди забастовщиков стремление сохранить по возможности внешний порядок и спокойствие, несомненно, является характерным признаком, каковым, как это выяснено, отличаются стачки означенного района»⁸⁹⁵.

Стачкой рабочих железнодорожных мастерских руководил забастовочный комитет (В. Стура, С. Аллилуев, Е. Сартания, М. Бочоридзе, З. Чодришвили и др.)⁸⁹⁶.

Из арестованных руководителей забастовки особенно отличался Сергей Аллилуев, являвшийся «центром», вокруг которого собирался «неблагонадежный элемент». Он был замечен еще в 1898 г. в расклейке воззвания во время декабрьской забастовки железнодорожных рабочих. Наибольшей активностью отличались рабочие токарного цеха, где работал Аллилуев.

В подготовке забастовки деятельное участие принимали состоявшие под негласным надзором полиции, приехавшие незадолго до забастовки Василий Романов (бывший рабочий Московских железнодорожных мастерских) и Иван Назаров (бывший рабочий Ижевского завода), на квартире которых происходили собрания и обсуждались вопросы, связанные с забастовкой⁸⁹⁷.

С рабочими мастерских были связаны и бывший студент, находившийся под особым надзором полиции, Павел Пушкарев и бывший слушатель Тифлисского учительского института Прокофий Джапаридзе⁸⁹⁸ (впоследствии известный революционер — Алеша Джапаридзе), которые в 1900 г. были арестованы по делу августовской забастовки рабочих Тифлиских главных железнодорожных мастерских.

Большую роль в подготовке и проведении этой забастовки сыграл М. Калинин.

К 10 августа было арестовано 80 человек. По сведениям жандармерии и администрации мастерских, особенно активное участие в забастовке принимали рабочие из Западной Грузии. Из 300 рабочих в районы Западной Грузии было выслано 235 человек⁸⁹⁹.

Как видим, августовская забастовка 1900 г. в Главных железнодорожных мастерских (как и декабрьская забастовка 1898 г.) была тщательно подготовлена, ею руководила Тифлисская социал-демократическая организация. В стачечный комитет входили рабочие-революционеры, имевшие опыт борьбы с самодержавием.

Выступления рабочих Главных железнодорожных мастерских оказывали большое влияние на труженников других промышленных предприятий г. Тбилиси. В одном из своих докладов начальник губернского жандармского управления указывал на непосредственную связь между выступлениями трудящихся ряда промышленных предприятий Тбилиси, в частности механического завода Яралова, с забастовкой железнодорожных рабочих⁹⁰⁰.

Газета «Брдзола» отмечала, что героическая борьба рабочих железнодорожных мастерских воодушевляюще воздействовала на забастовочное движение, которое, как эпидемия, распространилось на заводы Энфиянджянца, Адельханова, «Мир» и др., рабочие которых с неменьшей стойкостью боролись со своими предпринимателями. В

⁸⁹⁵ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 231.

⁸⁹⁶ Ч а х в а ш в и л и Н. А. Указ. соч., с. 146—147.

⁸⁹⁷ ЦГИАГ, ф. 17, д. 4403, л. 50.

⁸⁹⁸ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 218.

⁸⁹⁹ ЦГИАГ, ф. 17, д. 4403, л. 96.

⁹⁰⁰ Исторический вестник, т. 9. Тбилиси, 1956, с. 222.

подъеме рабочего движения с конца 90-х гг. большую роль сыграли организованные социал-демократами маевки трудящихся в 1898, 1899 и 1900 гг.

Г Л А В А XV

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В ГРУЗИИ

§ 1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО ТЕЧЕНИЯ В ГРУЗИИ

Истоки марксистского движения в Грузии восходят к 90-м гг. прошлого столетия, когда на почве роста рабочего движения и под влиянием плехановской группы «Освобождения труда» возникла первая марксистская организация «Месаме даси» («Третья группа»). Вскоре научный социализм стал господствующим идейным течением грузинской общественно-политической мысли.

Сравнительно легкая и быстрая теоретическая победа марксистского мировоззрения объясняется своеобразными условиями тогдашней Грузии.

Царская Россия являлась средоточием капиталистического, колониального и военного гнета. В. И. Ленин называл царизм «военно-феодальным империализмом». Деспотизм царского самодержавия, социальный и национальный гнет особенно остро ощущался в Закавказье.

Возникновение марксистского движения в Грузии происходило в условиях начавшегося в стране рабочего движения, под влиянием деятельности плехановской группы «Освобождение труда», как уже отмечалось, и в результате воздействия социал-демократического движения рабочих Западной Европы. Грузинские марксисты опирались на их исторический опыт. Развитие капитализма, возникновение пролетариата и начало рабочего движения подготовили социально-экономические условия — объективную почву — для распространения марксизма в Грузии, а пропаганда грузинскими революционными просветителями патриотических, демократических и утопическо-социалистических взглядов — идейные предпосылки для распространения научного коммунизма.

Передовая грузинская интеллигенция, изучив рабочее движение в Западной Европе и в России и убедившись, что марксистское учение имеет «почву и на Кавказе», стала распространять среди рабочих учение революционной социал-демократии⁹⁰¹.

Первое поколение грузинских марксистов (Ф. Махарадзе, Н. Жордания, С. Джибладзе, М. Цхакая, К. Чхеидзе и др.) прошло путь идейного развития от революционно-народнического социализма к научному. Начав с народничества, увлечение которым, однако, в Грузии оказалось непродолжительным, так как в ту пору народничество уже во всей России переживало глубокий идейный кризис, передовая грузинская молодежь, вскоре разочаровавшись в народническом социализме, потянулась к марксизму.

В условиях развернувшегося в Грузии рабочего движения, с одной стороны, и под влиянием плехановской группы «Освобождение труда», с другой, революционная молодежь порывает с народничеством, всецело принимая теорию К. Маркса. Поняв, в чем историческая миссия рабочего класса, они «взяли на себя и просвещение этого класса, и руководство им».

У истоков марксистского движения в Грузии стоит Эгнатэ Ниношвили. В поисках правильных путей для развития революционного движения Э. Ниношвили указывает на учение Карла Маркса, которое «произвело коренной переворот в политико-экономической науке». Отныне революционная молодежь должна была, по глубокому убеждению

⁹⁰¹ См.: Брдзола, 1901, сентябрь, № 1.

грузинского публициста, устремить все свое внимание на рабочий класс, черпая научное обоснование законов общественной жизни, правильную теорию революционного преобразования общества в великом учении К. Маркса. Тем самым Э. Ниношвили расчистил в Грузии почву для марксистской идеологии, произведшей целую революцию в грузинской общественно-политической мысли.

Литературное наследие Э. Ниношвили занимает почетное место в истории возникновения марксистского движения в Грузии. Именно с публицистических статей писателя и начинается переход в грузинской журналистике от революционного демократизма к пролетарской революционности. Особенно важной является практическая деятельность Э. Ниношвили в деле создания первой марксистской организации в Грузии. По инициативе и под руководством Э. Ниношвили революционно настроенная грузинская молодежь создает в начале 90-х гг. кружки самообразования, а в декабре 1892 г. созывает в г. Зестафони и в марте 1893 г. в Тбилиси нелегальные собрания, на которых делаются первые шаги к научному социализму.

Первое программное выступление грузинских марксистов состоялось в мае 1894 г., на похоронах Э. Ниношвили, где было публично провозглашено рождение нового марксистского течения в Грузии.

В своей речи С. Джибладзе, показав происшедшие в Грузии экономические и социальные перемены и подвергнув резкой критике старые общественно-политические течения, сформулировал программу действий новой группы — «Месаме даси». Он говорил, что наша нынешняя жизнь представляет собой борьбу новых противоположных классов — пролетариата и буржуазии. Между ними существуют непримиримые противоречия. Наша эпоха «беременна» (выражение одного выдающегося ученого) силами, призванными уничтожить эти противоречия. Для ускорения и облегчения приближающихся «родов» должны бороться лучшие представители нового поколения. Вступление нашей молодежи на стезю борьбы и уже проведенная ею первая межа в нашей общественной жизни нашли свое отражение и в публицистике новой газеты «Квали» («Борозда»). Это новое учение полностью разделил и Э. Ниношвили, подчинивший ему свою лиру⁹⁰².

Так родилось новое, марксистское течение грузинской общественной мысли, которое писатель Г. Церетели нарек именем «Месаме даси». При помощи и участии этой группы в конце 1894-го и в начале 1895 г. в Тбилиси создаются первые рабочие марксистские кружки; в 1894—1895 гг. публикуются первые статьи грузинских марксистов.

Видную роль в развитии рабочего движения в Грузии, в пропаганде марксизма и создании социал-демократической организации сыграли русские социал-демократы. Пройдя школу революционной борьбы в промышленных центрах России, а затем, оказавшись «волею судьбы» на Кавказе, русские социал-демократы сумели привить вкус к чтению марксистской литературы не одному поколению грузинских рабочих и интеллигентов. Убедившись в неизбежности победы дела рабочего класса, русские социал-демократы сумели направить местную молодежь на путь практической революционной деятельности.

Являясь активными членами закавказских социал-демократических организаций, русские социал-демократы, проживавшие в Грузии в 90-х гг. XIX в. — Ф. Афанасьев, С. Реннигер, И. Коган, И. Лузин, Г. Франчески, Н. Козеренко, С. Аллилуев и другие, связанные с грузинскими марксистами, в частности с В. Цабадзе, С. Джибладзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, осуществили совместно с ними огромную работу по распространению марксизма в Грузии.

В нелегальных кружках и на сходках, в устных выступлениях и публицистических статьях, ссыльные русские марксисты, указывая на перемены, происшедшие в Грузии в

⁹⁰² Квали, 1894, №22.

результате развития капитализма, обосновывали передовую роль рабочего класса в революционном движении. Разоблачая ошибочные и вредные взгляды русских и грузинских народников, а также дворянской и буржуазной националистической интеллигенции, они в то же время расчищали путь для распространения марксизма в Грузии и Закавказье.

В 1897 г. социал-демократический кружок в Батуми организовал перевод на грузинский язык «Манифеста Коммунистической партии» (первая глава была переведена полностью, а остальные частично), который был гектографирован в количестве 100 экземпляров. Это было вообще первое произведение К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшее в переводе на грузинский язык.

Группа «Месаме даси», ведя борьбу и против народнического, и против дворянско-либерального, и против буржуазного течений, распространяла марксизм в Грузии, опираясь на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса (особенно на «Капитал» К. Маркса), а также на труды выдающегося русского марксиста того времени Г. В. Плеханова. Грузинские марксисты стремились осмыслить с точки зрения марксистской теории экономическое и политическое положение Грузии рассматриваемой эпохи.

Дасисты, приводя на страницах «Квали» слова К. Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой лишь картину ее собственного будущего», доказывали, что, и Грузия уже вступила на путь капиталистического развития.

Между тем, представители противоположного лагеря, ссылаясь на то, что капиталистические отношения в Грузии были развиты сравнительно слабо, с нескрываемой иронией и злорадством пытались опровергнуть положение о существовании в крае капиталистического строя и классовой борьбы.

Грузинские марксисты разоблачили субъективизм этих горе-теоретиков. Опираясь на авторитет К. Маркса, они доказывали, что суть дела в данном случае заключается не в уровне развития капиталистических отношений, а в законах и тенденциях капиталистического способа производства, которые действуют с железной необходимостью. Грузия идет по тому же пути, который был пройден всеми странами Западной Европы в своем развитии от феодализма к капитализму, и что, следовательно, налицо тенденция превращения Грузии в капиталистическую страну по образу и подобию капиталистической Европы.

Дасисты утверждали, что капитализм и для Грузии «вовсе не бедствие, а историческая необходимость» и что здесь он развивается «независимо от нашего на то разрешения», поэтому его невозможно остановить, а попытка силой задержать его развитие и вовсе нежелательна, так как этот новый и более прогрессивный этап общественного развития обуславливает рождение рабочего класса, на который история возложила великую миссию могильщика старого и творца нового общества. Грузинские марксисты широко распространили знаменитые слова Г. В. Плеханова о том, что революционное движение в России победит лишь как рабочее движение. Дасисты оповестили грузинский народ о том, что «выступление рабочего класса на арену общественно-политической жизни является знаменем времени, первой ласточкой, предвещающей скорое наступление настоящей весны».

«Капитал» К. Маркса показал грузинским марксистам, что историческое значение и историческое право на существование капиталиста как персонифицированного капитала заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Он призван к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума.

«Месаме даси» первой в Грузии усвоила учение К. Маркса как единое мировоззрение, приняв главное в марксизме — положение о всемирно-исторической роли рабочего класса. Дасисты, ссылаясь на известную работу К. Маркса «Июльская

революция», сделали через посредство своей газеты «Квали» достоянием грузинского читателя мысль о том, что стержнем и главной силой прогресса в общечеловеческом масштабе является пролетариат. Именно он олицетворяет собой сегодня идеал и высшее стремление человечества к счастью, сознательно борется для освобождения мира от капиталистического рабства⁹⁰³.

«Месаме даси», впервые в Грузии признав историческую революционную роль пролетариата, заявила, что «приложит все усилия для скорейшего наступления желанного будущего грузинских рабочих».

Дасисты рассматривали историю общества как историю классовую борьбу. По их мнению, именно классовая борьба лежит в основе современной общественной жизни и движет ею. Буржуазное общество превратилось в арену ожесточенной борьбы антагонистических классов. Рабочий класс борется против буржуазии. Выход из противоречий, раздирающих капиталистическое общество, основанное на угнетении и эксплуатации, впервые указали лишь К. Маркс и Ф. Энгельс. Вопреки всем реформаторам они доказали, что «рабочий класс призван историей свергнуть буржуазию», отнять у нее власть, уничтожить классы и установить социальное равенство. «Следовательно, его диктатура, его победа суть в то же время диктатура и победа равенства».

Дасисты сумели размежевать друг от друга демократические и социалистические задачи. Ближайшей задачей они объявили «свободу всей нации и отдельно взятой личности, индивидуума», а исторической миссией рабочего класса объявили то, что он должен, покончив раз и навсегда с борьбой между трудом и капиталом, привести человечество к социализму.

В статьях грузинских марксистов видное место занимает национальный вопрос. Они с самого начала заявили, что пролетариат, «ни на минуту не ослабляя своей классовой точки зрения», именно с «позиции классовой борьбы и рассматривает национальный вопрос».

Дасисты не только выступили против национального гнета, но и объявили, что именно трудовой народ является той силой, которая борется за национальную свободу. Они объявили решительную войну социальному и национальному угнетению, заявив во всеуслышание, что «выступать против свободы своего отечества — это, значит, быть изменником своего народа, а защищать меньшинство против большинства — это, значит, быть врагом своей нации, так как нацию составляет ее большинство, а не меньшинство». Для обоснования этого положения дасисты ссылались на слова известного французского марксиста Жюлья Геда: «Мы вовсе не отрекаемся от нашего отечества; наоборот, мы истинные патриоты своей Родины, ибо не буржуа вовсе, то есть не богачи являются патриотами Родины, во время суровых испытаний расплачиваемися за ее свободу собственной кровью, а те, кто создают все ее богатства». Дасисты проповедовали тесный союз проживавших в Грузии трудящихся различных национальностей, слияние грузинского освободительного движения с общероссийским. Передовые поколения России и Грузии должны теснее сомкнуть свои ряды, чтобы рука об руку бороться «под одним знаменем во имя уничтожения общего врага»⁹⁰⁴.

Дасисты рассматривали жизнь как непрерывный процесс, в котором каждое явление имеет две стороны: старую, отживающую, и новую, нарождающуюся и прогрессивную. Столкновение и борьба этих противоположностей есть неисчерпаемый источник движения, источник каждого явления природы. По этой причине жизнь находится в состоянии вечного разрушения «обновления, отмирания и созидания. Вслед за постепенными изменениями, то есть вслед за эволюцией, наступает скачок — «завершением эволюции является революция как в в природе, так и в обществе».

⁹⁰³ Квали, 1895, №8, 21, 22; см. также: Г о р г и л а д з е Л. Е.* Из истории социализма, II. Тбилиси, 1970, с. 382—383.

⁹⁰⁴ Моамбе, 1894, №56; см. также: Г о р г и л а д з е Л. Е. Указ. соч., II. Тбилиси, 1970, с. 392.

Опираясь на «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, дасисты утверждали, что «как только расшатываются и изменяются экономические условия, вслед за тем расшатываются и изменяются и общественные отношения, и политический строй. В обществе зарождаются непримиримые противоречия, разгорается борьба между старым и новым, идет процесс накопления постепенных количественных изменений, у которого есть свой конец, своя критическая точка. На этой точке история делает скачок... в истории начинается новая эпоха!»⁹⁰⁵ Колесо исторической жизни приводится в движение экономическими отношениями. Материальные отношения — это базис для духовных отношений. На материальной основе зиждется политическая и юридическая надстройка. За изменением первой следует изменение и второй. Дасисты, усвоив из предисловия к «К критике политической экономии» К. Маркса характеристику исторического материализма, обосновали мысль, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке...»⁹⁰⁶

Отказавшись от субъективно-идеалистического взгляда на историю, бытовавшего в ту пору среди грузинских публицистов различных направлений, дасисты разоблачили тщетные попытки своих идейных противников представить историю общества как историю царей и искать основную причину осуществлявшихся в истории общественных изменений в смене монархов на престолах. Более того, дасисты утверждали, что общественная жизнь зиждется на объективных законах, которые вовсе не подчиняются воле или желанию отдельного индивидуума. Поэтому сознательный общественный деятель, сам, подчиняясь этим законам и исследовав их природу и характер, использует их для достижения своей цели.

Дасисты видели в трудовом народе ту силу, которая приводит в действие колесо истории. По их мнению, пульс общественной жизни определяется творческим подъемом самих народных масс. Историю совершают люди, но не отдельно взятые личности, и вовсе не изолированно друг от друга, а сообща, находясь в одной и той же исторической колее. Поэтому творцами истории являются не отдельные личности, а «хор личностей». Дасисты горячо пропагандировали известное положение Ф. Энгельса из его произведения «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в котором сказано, что люди создают историю стихийно, несознательно. Правда, каждый отдельный человек ставит перед собой определенную цель, к которой стремится: в этом случае его действия сознательны. Но общество состоит из множества лиц, и столкновение либо взаимодействие их самостоятельных интересов и стремлений, действующих независимо друг от друга, рождает стихийный, несознательный исторический процесс.

Дасисты разоблачили грузинских субъективистов, обвинявших марксистское учение в том, что будто оно отрицает значение надстройки в процессе развития общества. Они указали, что диалектический материализм считает политическую силу оружием экономических изменений, а экономическую силу — фундаментом, базисом политических прав. Согласно дасистам, рабочий класс потому борется за завоевание политических прав, чтобы изменить свое экономическое положение. Ссылаясь на работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», они утверждали, что идея может разрушить только идею, а положение человека изменяет сам человек, применяя при этом материальную силу.

Старшее поколение «Месаме даси» первым приобщилось к научному социализму в Грузии. Оно первым признало историческую миссию пролетариата и средством ее осуществления объявило завоевание политической власти рабочим классом через

⁹⁰⁵ См.: Квали, 1895, № 18.

⁹⁰⁶ М а р к с К. Критике политической экономии. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Собр. соч., т. 13, с. 7.

посредство социалистической революции. «Месаме даси» в ту пору представляло собой только лишь идейно-теоретическое течение, боровшееся с народническим и другими антимарксистскими направлениями в общественно-политическом движении.

Согласно ленинской периодизации истории русской социал-демократии, в 1884—1899 гг. «мы не видим... разногласий в среде самих социал-демократов». «Социал-демократия была тогда единой идейно... и главное внимание социал-демократов было тогда устремлено не на выяснение и решение тех или иных внутренних партийных вопросов... а на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической партийной работы — с другой»⁹⁰⁷.

«Месаме даси» начала свою теоретическую деятельность в то время, когда в Грузии еще не существовало самостоятельного рабочего движения. Поэтому грузинские социал-демократы могли лишь наметить общие направления революционной деятельности.

К первым грузинским марксистам вполне можно применить слова В. И. Ленина, сказанные им в адрес первых русских марксистов, а именно, что они «сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения»; но они «в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России»⁹⁰⁸, так как «классовая борьба в России полностью сформировалась к 1900 году»⁹⁰⁹. Этим обусловлены отрицательные, теневые стороны их деятельности: абстрактность, историческая ограниченность, ошибочные взгляды, националистические и оппортунистические тенденции⁹¹⁰.

Первое поколение грузинских марксистов, месамедасистов, проделало большую работу по распространению в Грузии идей марксизма. Оно преодолело в основном идейные препятствия, чинимые противниками марксизма, заложив тем самым теоретические основы марксистского движения в Грузии.

«Месаме даси», являвшаяся в тот период идейным разветвлением группы «Освобождение труда», сыграла в Грузии ту же роль, что и группа Плеханова для России. В этом и заключается ее историческое значение.

§ 2. СОЕДИНЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМА

В 90-х гг. во главе рабочего движения России встал В. И. Ленин. Начался ленинский этап в развитии марксизма и пролетарский период освободительного движения в России. Произведения В. И. Ленина и ленинский «Союз борьбы», оказав решающее влияние и на грузинских революционных социал-демократов, определили направление их революционной деятельности.

Грузинские ленинцы сумели еще в начале XX века, когда только занималась заря революционного движения, заложить основы одной из самых сильных организаций нашей партии и направить борьбу трудящихся Грузии в единое русло всероссийского рабочего движения.

Особенности социально-политических условий Грузии благоприятствовали мощному размаху революционного рабочего движения, созданию твердой, боевой революционной организации. Однако причины быстрого революционирования грузинского рабочего класса следует искать не только в особых социально-экономических и политических условиях Грузии того времени, но также в объективных и субъективных условиях развития общероссийского рабочего движения.

Экономическая отсталость Грузии не являлась непреодолимым препятствием для подъема рабочего движения, ибо с наступлением эпохи империализма центр

⁹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 438.

⁹⁰⁸ Там же, т. 4, с. 217.

⁹⁰⁹ Там же, т. 40, с. 303.

⁹¹⁰ Подробнее см.: Г о р г и л а д з е Л. Е. Указ. соч., П. Тбилиси, 1970, с. 393—394.

революционного движения переместился в Россию и русский пролетариат стал передовым отрядом международного революционного пролетариата. Рабочий класс Грузии являлся серьезной силой в политической жизни страны, потому что он выступал как составная часть рабочего класса России, как один из его отрядов.

Связи В. И. Ленина с действовавшими в Тбилиси социал-демократами стали устанавливаться уже в 90-х гг. Имя Ленина еще в те годы приобрело известность в Грузии. В то время в Тбилиси вели революционную работу русские социал-демократы, которые были лично знакомы с Владимиром Ильичом или же знали о деятельности Ленина через близких ему лиц. Грузинским социал-демократам была известна та большая практическая работа, которую вел Ленин в борьбе за создание революционной рабочей партии.

Произведения В. И. Ленина становились известными в Грузии почти одновременно с их опубликованием. Грузинская революционная молодежь, тщательно и вдумчиво изучавшая труды В. И. Ленина, приобретала тем самым могучее идейное оружие в борьбе за правильное понимание явлений общественно-политической жизни и за ее революционное преобразование.

Петербургский «Союз борьбы», установив связи с социал-демократическими организациями Грузии, оказывал большое влияние на социал-демократическое движение в Закавказье.

Само возникновение марксистских социал-демократических организаций в Закавказье в середине 90-х гг. было связано с деятельностью ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Под воздействием «Союза борьбы» в 1896 г. марксистские кружки Тбилиси объединились в единую социал-демократическую, интернациональную организацию, заложив тем самым основы социал-демократического движения в Грузии. С этого времени социал-демократия возникает в Грузии как общественно-политическое движение.

И. В. Сталин в 1901 г. писал о возникновении социал-демократического движения в Грузии: «Социал-демократическое движение не оставило незатронутым ни одного уголка страны. Его не избег и тот уголок России, который мы называем Кавказом, а вместе с Кавказом его не избегла и наша Грузия. Социал-демократическое движение в Грузии — явление недавнее, ему всего лишь несколько лет, точнее говоря, основы этого движения были заложены только в 1896 году»⁹¹¹.

К концу 1896 г. число социал-демократических кружков в Грузии достигло 25. Эти кружки были объединены вокруг уже сложившегося к этому времени Руководящего рабочего центра, или коллектива, состоявшего из талантливых организаторов и пропагандистов, выдвинувшихся из среды рабочих (З. Чодришвили, В. Стуруа, М. Бочоридзе, А. Окуашвили, Г. Чхеидзе, В. Цабадзе и др.). Он первый внес организованность в стихийное рабочее движение. Руководящий рабочий коллектив показывает, что в революционное движение уже включилась передовая часть грузинских рабочих и началось пробуждение рабочей массы.

В 1897—1898 гг. в практическую работу указанного коллектива включаются связанные с ним идейно марксисты-интеллигенты из группы «Месаме даси». Создается состоящий из рабочих и интеллигентов первый социал-демократический Рабочий руководящий комитет, который заменил в 1901 г. первый выборный Тбилисский комитет РСДРП.

Во второй половине 90-х гг. завершается эволюция взглядов А. Цулукидзе, Л. Кецховели, И. Сталина от революционного демократизма к революционному марксизму и формирование их марксистского мировоззрения. И. Сталин изучает марксистскую литературу, знакомится с революционной деятельностью В. И. Ленина и в кругу передовых тбилисских рабочих получает первое свое революционное крещение.

⁹¹¹ Сталин И. В. Соч., т. I, с. 4.

В конце 90-х гг. новое поколение грузинских марксистов (А. Цулукидзе, Л. Кецховели, И. Сталин и др.) вместе с марксистами старшего поколения (М. Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Джигладзе и др.) и с передовыми социал-демократами — рабочими (З. Чодришвили, М. Бочоридзе и др.) создали «Даси», группу грузинских революционных марксистов. Это была та самая группа грузинских революционных социал-демократов, печатным органом которой в дальнейшем явилась газета «Брдзола».

Революционные социал-демократы, соединив марксизм с рабочим движением, придали борьбе грузинского рабочего класса политический характер. Рабочее движение в Грузии, являвшееся до 1898 г., в основном, стихийным, в 1899—1900 гг. частично вылилось в сознательную политическую борьбу.

Большую роль в переходе от пропаганды марксизма в кружках к массово-политической агитации сыграли в Грузии соратник Ленина В. Курнатовский и видный деятель петербургского рабочего движения М. Калинин.

В декабре 1898 г. была организована первая стачка рабочих Главных железнодорожных мастерских в Тбилиси, которая прошла под руководством социал-демократов. Она наглядно показала всем, что на поприще общественно-политической жизни выходит новая, могучая революционная сила — рабочий класс.

Впервые первомайская сходка тбилисских рабочих была организована в 1899 г. Эта маевка имела огромное значение. С этого времени в Грузии было положено начало массовой агитации. Рабочее движение приобрело сознательный и организованный характер и вступило в открытую политическую борьбу.

Тбилисские социал-демократы сумели издать прокламацию, посвященную маевке. Эта была первая печатная социал-демократическая прокламация в Грузии. В ней отмечено, что в День первого мая пролетариат всей страны публично провозглашает свои стремления, направленные к тому, чтобы существующему строю был положен конец социальной революцией, чтобы упразднить классовые различия в одной и той же нации, и установить мир между разными нациями».

Среди революционных событий 90-х гг. особое значение имеет грандиозная стачка тбилисских железнодорожных рабочих в августе 1900 г.

Историческое значение августовской стачки рабочих тбилисских железнодорожных мастерских состояло в том, что эта была первая политическая забастовка в Грузии и во всем Закавказье. С этого времени революционное движение в Тбилиси приобрело широкий и глубокий характер.

По определению В. И. Ленина, в России массовое рабочее движение, связанное с развитием социал-демократии, характеризуется тремя значительными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массах. В Грузии это имело место в 1896—1898 гг. Второй переход — к политической агитации крупных размеров и к открытым уличным демонстрациям. Этот переход начался в Грузии в 1899 г. и продолжался до 1904 г. Третий переход — к непосредственной революционной борьбе и вооруженному народному восстанию. Это уже период революции 1905 г. «Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»⁹¹².

Таким образом, 1891—1893 гг. в Грузии — это годы перехода от утопического социализма к научному. В 1894—1895 гг. распространяется марксизм, возникает социал-демократия как идейно-теоретическое направление. В 1896 г. закладываются основы социал-демократического движения в Грузии. На рубеже XIX—XX столетий теория научного социализма становится практическим делом рабочего класса, марксизм

⁹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 294.

соединяется с рабочим движением и начинается открытая, политическая сознательная и организованная борьба против царизма и буржуазии, в Грузии утверждается марксизм-ленинизм и новое общественно-политическое движение возглавляет социал-демократия в лице «Месаме даси».

Г Л А В А XVI

ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА В XIX в.

§ 1. НОВЫЙ БЫТ И НОВАЯ КУЛЬТУРА

Обновление народного быта. Национальное объединение и социально-экономические сдвиги в XIX веке постепенно изменили быт грузинского народа, его хозяйственно-технический и культурно-этнографический облик. Старое грузинское общество, несмотря на некоторое оживление торговли и промышленности, зиждилось на феодальных взаимоотношениях между помещиком и крестьянином.

Грузинское общество XIX века носило переходный от феодализма к капитализму характер: его экономической основой являлась, наряду с феодальной и крестьянской собственностью, также мелкобуржуазная и буржуазная собственность. Если грузинское дворянство, несмотря на свою многочисленность и устойчивые вековые исторические традиции, постепенно сдавало свои прежние позиции в экономической и культурной жизни нации, то грузинская буржуазия не выдерживала конкуренции с русской и европейской буржуазией. Однако буржуазные отношения оказали большое влияние на прежний быт народа и, перевернув его вверх дном, сделали многообразным и подвижным, потрясли до основания патриархальные устои, приобщив непривилегированные слои народа к пользованию такими орудиями производства, одеждой, посудой и украшениями, какими прежде не могли пользоваться даже зажиточные слои.

Новые тенденции в жизни «третьего сословия» и высшего его слоя — буржуазии все явственнее и настойчивее стали проявляться во всех уголках Грузии XIX века, хотя в начавшемся преобразовательном процессе немаловажную роль играли и собственные многовековые традиции, которые носили не только феодальный характер.

Быт грузинского народа до конца сохранил многие здоровые народные обычаи семейной и общественной жизни: отзывчивость и доброжелательность, трудолюбие и справедливость, гостеприимство и самоотверженность, уважение к личности независимо от ее религиозной и национальной принадлежности, любовь к родному языку и земле, благородство, стремление к знаниям, мягкость характера и доброта.

Возрождение в XIX веке этих исконных традиций содействовало формированию нового быта грузинского народа, который является живительным источником не только для народного творчества, но и для профессиональной культуры, созданной уже сформировавшейся к тому времени интеллигенцией.

Утверждение новой грузинской культуры. Длительный процесс возрождения древней грузинской культуры завершился созданием в XIX веке новой культуры и ее окончательным утверждением. Объединение Грузии в результате ее присоединения к России, улучшение материальной жизни, усиление связей с передовыми народами мира создали благоприятные условия для развития новой грузинской культуры, национальной по форме и буржуазной по содержанию. Большой подъем испытала, прежде всего, новая грузинская литература, были основаны журналы и газеты, созданы новые школы и театр, возродилась наука об обществе, был заложен фундамент нового изобразительного искусства, зодчества и профессиональной музыки.

Помимо того, что новая грузинская культура включала в себя некоторые такие элементы (пресса, театр, скульптура), которые ранее либо были развиты слабо, либо вовсе не существовали, она в целом сильно отличалась от старой.

Реалистическая и демократическая по своим принципам новая грузинская культура отображала более живое и беспокойное общество, касаясь всех его слоев и всех сторон его жизни. Деятельность ее творцов протекала уже в кабинетах писателей, в редакциях газет и журналов, в театре или школе. Нравственная жизнь, внутренние переживания и вообще настроения обыкновенного человека, изображение общественного быта, природы — вот главная тема новой грузинской культуры. Ее назначение — не отвлеченное эстетическое созерцание, а воспитание личности, ее развитие, преобразование семьи, общества и самой природы в соответствии с гуманистическими и демократическими идеалами. Прогрессивное идейно-классовое содержание новой грузинской культуры объективно было буржуазно-демократическим, однако зачастую идеалы ее выдающихся деятелей опережали интересы эпохи и породившей их социальной среды, они бескорыстно боролись за коренное преобразование общественной жизни⁹¹³.

§ 2. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

Население. На современной территории Грузии, составляющей 69,7 тыс. кв. м, с населением свыше 5 млн. человек, проживали в 1800 г. только 675 тысяч, а в 1897 г. — около 2 млн. человек. Таким образом, на протяжении XIX века население Грузии выросло в целом втрое. Увеличение населения происходило преимущественно естественным путем, однако большую роль в этом деле сыграл и его механический рост, вызванный миграцией. При этом сравнительно низкие темпы роста собственно грузинского населения обуславливали уменьшение его доли в общей численности населения. Если в 1800 г. негрузинское население составляло 11 процентов всего населения, то в 1897 г. доля негрузинского населения выросла до 32 процентов. В те же годы грузинское население составляло соответственно 610 тысяч и 1 213 000 человек, но, несмотря на увеличение грузинского населения, более чем в два раза, к 1897 г. его доля уменьшилась с 89 до 68 процентов от всего числа жителей⁹¹⁴. К концу XIX века Грузия являлась еще более многонациональной страной, чем в предыдущем столетии. Это было вызвано колонизацией территории Грузии, происходившей ранее, но особенно усилившейся в XIX веке, когда на ее территории возникло много поселений с негрузинским населением (армяне, греки, немцы, русские), сильно отличавшимся своим бытом от аборигенов. В национальном отношении пестрыми главным образом стали города, где торгово-промышленной деятельностью занимались достаточно много людей негрузинского происхождения.

Сельское хозяйство. Многообразная природа Грузии с самого начала создала возможность развития многоотраслевого сельского хозяйства и ремесла. Традиционными отраслями сельского хозяйства были полеводство, животноводство, виноградарство, выращивание фруктов, а кустарного промысла — производство хозяйственных орудий, одежды и продуктов питания. До XIX века грузинский народ удовлетворял продуктами своего сельскохозяйственного и ремесленного производства не только свои внутренние потребности, но и вывозил некоторые продукты и орудия труда за границу. К началу XIX века заметно замедление темпа развития производительных сил, некоторый спад в области сельского хозяйства и ремесла. Однако в течение последующих 50 лет положение улучшилось, а второй половине XIX века настолько, что Грузия оказалась втянутой в водоворот мирового капитала. Возродились и получили дальнейшее развитие традиционные отрасли хозяйства, возникли новые отрасли, усилилась торговля, были заложены основы современной промышленности, хотя на всем протяжении XIX века Грузия представляла собой слаборазвитую аграрную страну.

⁹¹³ См. также: К и к о д з е Г. Д.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Изб. соч., т. III. Тбилиси, 1965, с. 164—169.

⁹¹⁴ Г у г у ш в и л и П. В.* Население Грузии за 160 лет. — Материалы к этнографии Грузии. Тбилиси, 1963, №12—13, с. 74.

Основной областью хозяйственной деятельности грузинского народа в XIX веке являлось многоотраслевое сельское хозяйство. Разнообразными были и орудия труда, по множеству сохранившихся переходных форм которых тогдашняя Грузия напоминала живой музей⁹¹⁵. Земледельческое население широко использовало различные формы простой кооперации труда и взаимопомощи, среди которых наиболее распространенной являлась так называемая «модгами» (супруга). В ней сезонно объединялось несколько работников из разных семей, приходивших со своим инвентарем или тягловой силой. Позднейшие формы такой взаимопомощи носили характер скрытой или явной эксплуатации более слабых земледельцев со стороны более сильных⁹¹⁶. 25—40 процентов вознаграждения за выполненную работу становилась собственностью гутнис-деда (плугаря), которому принадлежали и основные орудия труда⁹¹⁷.

Традиционные национальные орудия труда занимали в Грузии господствующее положение на всем протяжении XIX века, но с 50-х гг. начинается ввоз иностранных—европейских и американских, сельскохозяйственных машин.

На многовековых традициях и обычаях основывалось грузинское виноградарство-виноделие. На протяжении своей длительной истории грузинский народ и в этой области выработал самобытную и высокую культуру. Традиционный грузинский «марани» (винный погреб) со своими «сацнахели» (давальня для винограда), «квеври» (огромный кувшин, амфора или чан для хранения и брожения вина), «оршимо» (специальный черпак для вычерпывания вина из квеври) уже превращался из винного склада-погреба и кустарной мастерской в капиталистический винный завод, хотя такое его преобразование осуществлялось медленно. Для большинства населения полеводство было главной сферой деятельности и главным источником благосостояния, и даже существования. В отдельных районах занимались только животноводством, но большей частью оно везде являлось необходимым дополнением к растениеводству. Традиции постепенно уступали место новому и в животноводстве. Исчезал, например, патриархальный обычай «помощи обедневшим овцеводам», так как на смену взаимопомощи пришла конкуренция между собой за обогащение, сильные и крупные собственники и купцы начинали господствовать над бедными и слабыми.

Для сельского хозяйства большое значение имело орошение, особенно на низменностях Восточной Грузии, хотя оно с самого начала развивалось и в горных местностях. Строительство и уход за оросительными каналами представляли собой общую заботу всего народа. Прежде институт мерабов (т. е. лиц, распределявших среди населения воду для орошения) носил избирательный характер, но в XIX веке они стали назначаться. Обычно одна или несколько деревень имели общие оросительные каналы. В XIX веке были построены несколько новых оросительных каналов (в селениях Опшквити, Диди-Джихаиши, Вардцихе, Караязы), однако многоотраслевое сельское хозяйство претерпевало большой недостаток в воде для орошения⁹¹⁸.

В условиях примитивной отсталой техники и технологии в неорошаемом земледелии урожайность зависела от атмосферных осадков. Лишенный реальных средств борьбы против засухи простой народ и в XIX веке обращался к магическим обычаям «вызова дождя». Церковь также часто отслуживала молебны «с этой же целью»⁹¹⁹. Это является своеобразным показателем того, что в Грузии вода для орошения по традиции

⁹¹⁵ Г е г е ш и д з е М.* Быт грузинского народа во второй половине XIX века. (Рукопись, хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, с. 8).

⁹¹⁶ Р о б а к и д з е А.* «Модгами» как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии, — Мимомхилвели, № 1. Тбилиси, 1949, с. 418—419.

⁹¹⁷ Г у г у ш в и л и П.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв., т. III. Тбилиси, 1950, с. 21, 38, 40.

⁹¹⁸ Г е г е ш и д з е М.* Оросительное земледелие в Грузии. Тбилиси, 1961, с. 108; см.: его же. Быт грузинского народа во второй половине XIX века.

⁹¹⁹ Ч и т а я Г.* Этнографическое путешествие в Ахбулахский район. — Сакартвелос музеумис моамбе, 1927, №4.

являлась предметом всеобщей заботы и внимания, однако в XIX веке и ее стали рассматривать уже как объект частной собственности. Богатые и сильные помещики подчас присваивали себе оросительные каналы, являвшиеся собственностью сельских общин. Даже после реформы они иногда совершенно лишали сельчан возможности пользования водой для орошения, облагали налогами крестьян за пользование оросительными каналами; участились случаи продажи очереди и выколачивания взяток за пользование водой, усиливался спор между деревнями, нередко переходивший в вооруженные столкновения. Община уже была не в силах справиться с частной собственностью в вопросах пользования водой для орошения. В обстановке подъема капиталистического хозяйства на селе в решении проблемы воды для орошения не шли на пользу дела и старые средства наказания нарушителей общинных традиций (лишение очереди на пользование водой, денежный штраф и др.).

Ремесла и промышленность. Хозяйственная деятельность сельских жителей Грузии не ограничивалась только земледелием и животноводством. Большинство сельчан занималось различными ремеслами и кустарным промыслом. На протяжении всего XIX века «крестьянская семья сама своими силами производила хотя бы самую значительную часть промышленных продуктов собственного потребления»⁹²⁰. Крестьяне-виноградари, животноводы, полеводы и другие являлись соответственно производителями вина, сыра, фруктов и других продуктов. Торговля изделиями текстильной промышленности даже к концу XIX века была развита слабо, особенно в горных районах, и всякую мужскую или женскую одежду изготавливали в домашних условиях. Традиционные отрасли домашнего кустарного промысла быстрее исчезали из сферы деятельности жителей равнин, однако накануне века во всей Грузии «у каждой деревни была своя ткачиха, свой изготовитель бурки, свой мастер шерстяных изделий». И в конце века подавляющее большинство сельского населения было одето «в домашнюю шерсть и шелк»⁹²¹.

Высокоразвитое искони грузинское ремесло еще сильнее развивается с начала XIX века. Возникли новые профессии. Некоторые из них были внедрены и распространены колонистами. Были основаны ремесленные училища. Увеличилось число ремесленников. Каждый подмастерье, получая звание мастера, должен был исполнить патриархальный и традиционный обычай преподнесения своему мастеру какого-нибудь подарка, в ответ же он получал от мастера инструмент для работы. При этом мастер посвящал своего ученика: сперва три раза давал ему пощечину, а затем вместе с другими целовал его. В конце посвящения в мастера начинался пир и торжественное шествие по улицам города, продолжавшееся до утра⁹²².

С начала же XIX века в жизнь тбилисских амкаров-ремесленников вторгается торгово-ростовщический капитал, который в 40-х—50-х гг. уже занимает господствующее положение. Участь ремесленнического кустарного производства разделила и домашняя промышленность, основывавшаяся на еще более примитивной и устаревшей технике. К концу века в крестьянских семьях уже все меньше и меньше занимались промышленной переработкой сырья, предпочитая продавать его на рынке. Процесс развития мелкотоварного производства и расширения в городах и селах внутреннего рынка широко развернулся еще в первой половине XIX века. В то же время, прокладывая себе дорогу в крупное промышленное производство, в селах создавались крупные рациональные помещичьи и буржуазные хозяйства, а в городах — капиталистические фабрики и заводы.

Город и деревня. На характере городской жизни особенно сказался факт проведения железных дорог во второй половине XIX века. Превратились в крупные торгово-промышленные центры Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Поты, Чиатура, Ткибули. Из Батуми и Поты на российские и мировые рынки потекли марганец, нефть, шелк, кукуруза

⁹²⁰ Г у г у ш в и л и П. В. Указ. соч., т. V, 1965, с. 346.

⁹²¹ М е у н а р г и а И.* Грузинские писатели. Тбилиси, 1941, с. 41—42.

⁹²² Г р и ш а ш в и л и И.* Литературная богема старого Тбилиси. — Собр. соч., т. III. Тбилиси, 1963, с. 160—163.

и другие продукты и сырье из Грузии и Закавказья, взамен которых местное население получало русские и западноевропейские промышленные товары.

Развитие городской жизни шло в порядке постепенного, сравнительно-ускоренного технико-экономического и культурного обновления, в отличие от сельского быта, который все еще характеризовался чертами вековой отсталости. Капиталистический город эксплуатировал деревню: в Тбилиси строился водопровод, для этого облагали транспортным налогом сельских жителей, приезжавших в город за покупками, строили на Куре мост, а расходы на его строительство старались покрыть путем учреждения налога на транспорт для сельчан, приезжавших в город из деревни⁹²³.

Экономические и социально-культурные противоречия между городом и деревней все более и более усиливались вслед за расширением их взаимоотношений.

Жилищные и хозяйственные помещения. Противоположности между городом и деревней проявлялись и в национально-классовом составе населения, и в типах поселений. В деревнях жили преимущественно представители одной национальности, в городах же — представители различных национальностей. На селе господствующей была помещичья собственность, а в городе — буржуазная или мелкобуржуазная.

Признаками грузинского города эпохи перехода от феодализма к капитализму являются центральная площадь с административными зданиями, слабо развитое коммунальное хозяйство, рынок, различные предприятия и учреждения, а в столице Тбилиси к тому же выделялись отдельные жилые кварталы буржуазии, дворян, ремесленников и рабочих. Буржуазный город имел и пригород, где крестьянство занималось сельским хозяйством. Все более европеизировавшееся городское население противопоставляло себя как деревенскому, так и городскому традиционным национальным поселениям, сложившимся и утвердившимся в Грузии в соответствии с историко-географической средой, с народнохозяйственным бытом и культурно-историческими условиями.

И в XIX веке были распространены старые грузинские жилища (в основном 3 типов). Жилища горского населения (сваны, мохевы, туши) состояли из нескольких этажей и совмещали под одной крышей помещения, как для членов семьи, так и для скота, для хранения продовольствия, а также хозяйственного инвентаря. На равнинах жилые и хозяйственные сооружения размещались отдельно друг от друга. Тут жилые кварталы были более многочисленны и вполне поселкового типа. Архаической формой грузинского жилища являлся «сакли» (дом) или «дарбази», неотделимыми элементами которого были «кера» (очаг) и «дедабодзи» (основной опорный столб). Помимо отопления и освещения, очаг давал семье возможность готовить пищу. Среди населения существовал культ очага, поддерживаемый различными обычаями, и неуважительное отношение к нему, например, в Сванети, являлось тяжелым преступлением, оскорбляющим семью. «Разрушение очага» считалось проклятием и на равнинной полосе Западной Грузии (в Имерети, Мегрелии, Гурии, Абхазии). И здесь очаг занимал центральное место в жилом доме или же в отделенном от него самостоятельном строении — «самзади» (кухня). Жилой дом назывался в Имерети «саджалабо», в Мегрелии — «пацха», в Гурии — «ода». В равнинных частях Западной Грузии в период капитализма больше всего были распространены жилища типа «ода»⁹²⁴.

В то же время основным типом жилища в Восточной и Южной Грузии являлся архаический «дарбази», представлявший собой комплекс жилого помещения и хозяйственных сооружений. Такие жилища были распространены по всей Грузии и Закавказью. В его комплекс входили «бегели» (кукурузник), «марани» (винный погреб), «тонэ» (пекарня), «сабдзели» (саманник), «босели» (хлев)⁹²⁵.

⁹²³ Г у г у ш в и л и П. В. Указ. соч. т. II, 1956, с. 872—875.

⁹²⁴ Народы Кавказа, т. II, с. 281—288.

⁹²⁵ Ч и к о в а н и Т.* Из истории народных жилищных сооружений Закавказья. Тбилиси, 1967, с. 42, 55, 63, 89.

Население в Кахети в XIX веке, главным образом, проживало в одноэтажных каменных домах, к которым были пристроены хозяйственные помещения. Представители же обогатившейся верхушки строили себе двухэтажные дома, первые этажи которых имели хозяйственное назначение, а вторые — являлись жилым помещением. Число таких домов, принадлежавших богатеям и разбросанных по всей Грузии — как в городах, так и в селах, особенно увеличивается с 80-х гг. XIX века, хотя в деревнях они встречались не столь уж часто, резко выделяясь на фоне многочисленных крытых соломой жилищ крестьянской бедноты. Еще более отличались друг от друга внутренний вид и обстановка в домах богатеев и бедняков⁹²⁶. Многоотраслевое хозяйство грузинского народа с самого начала обуславливало возникновение различных хозяйственных помещений, которые ранее входили преимущественно в жилищный комплекс, а с 70-х гг. XIX века начали выделяться из него. В то же время в строительстве новых жилищ использовались новые формы и типы, которые больше соответствовали семейным и хозяйственным отношениям буржуазной эпохи.

Транспорт. В соответствии с природно-хозяйственными условиями в Грузии развивался сухопутный, речной и морской транспорт. В XIX веке из колесных, бесколесных и традиционных средств сухопутного транспорта смешанного типа в горных районах были распространены различные сани, в равнинной и плоскогорной полосе — грузинская арба — «уреми». Она была двухъяремной и одноъяремной, пассажирской и грузовой. С начала XIX века распространился также транспорт негрузинского происхождения, например, четырехколесная русская телега. В городах широко пользовались колясками, с конца XIX века — и конным трамваем. Грузы, воду и уголь носили носильщики, водовозы и угольщики. В качестве тягловой силы использовали быков, буйволов, лошадей, ослов, мулов. Пути сообщения служили тропинки, саночные и аробные дороги. Перевозку вина и других грузов на далекие расстояния осуществляли т. н. «чалвадары». Железные дороги, проведенные в последней трети XIX века покончили с чалвадарством и караванным сообщением. Несмотря на это, основным пассажирским и грузовым транспортом для всего населения Грузии в XIX веке все еще оставались традиционные средства передвижения.

Одежда. Традиционно выглядел грузинский народ в новое время и в своем национальном костюме. Однако часть населения, воспитывавшаяся по-европейски или же пребывавшая на военной или гражданской службе, уже носила европейскую одежду. Подавляющее же большинство жителей страны, в том числе и дворянство, до последней трети XIX века преимущественно носило национальное грузинское платье. Одежда трудового населения отличалась от одежды привилегированных классов больше фактурой и качеством тканей и украшениями, чем фасоном. Основными элементами национального костюма грузинских женщин являлись «картули каба» (грузинское платье), «лечаки» (вуаль), «чихтикопи» (обшитый бархатом, либо атласом картонный ободок с головными подвесками), «перанги» (рубашка), «циндеби» (чулки, носки), «кошеби» (выходная обувь), «плостэби» (домашняя обувь), верхняя одежда — («катиби» (шубка) и «долбанди» (головной платок). Основными элементами грузинского мужского национального костюма были «чоха-ахалухи» (разновидность черкески), «набади» (бурка), «папанакки» (бурковая шапка) или «бохоха-куди» (папах), «каламани» (кожаные лапти) или же «чекма» (азиатские сапоги). Высшее сословие в Восточной Грузии носило еще и, так называемую «куладжу» (парадная верхняя мужская одежда). Женский костюм обязательно сопровождался множеством украшений, а мужской — кинжалом и иным холодным оружием. Эти основные элементы грузинского национального костюма характеризовались многочисленными особенностями в Картли и Кахети, Пшави и Хевсурети, в Имерети и Гурии, в Аджарии и Абхазии. Так создавались многочисленные разновидности грузинской национальной одежды, сохранившей свою самобытность и в

⁹²⁶ Антелава И. Г. Государственные крестьяне Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1955, с. 368—372.

XIX веке. К концу века получают распространение имеретинская «чоха» и хевсурская бурка, грузинские «каба» и шапка. В то же время в промышленных районах Грузии появляется своеобразный костюм рабочего, содержащий некоторые элементы национальной крестьянской одежды. Ранее возник своеобразный костюм горожан-купцов и ремесленников, похожий на верхнюю одежду высшего сословия. Значительными особенностями отличалась от общегрузинского национального костюма и одежда жителей Гурии, Аджарии, Абхазии, горных районов Грузии (аджарско-гурийская «чакура», абхазско-осетинская черкеска и др.) С конца XIX века в Грузии началось всеобщее распространение городского европейского костюма, а позднее грузинский национальный костюм можно было встретить только на народных праздниках и на концертах художественной самодеятельности.

Пища. Более устойчивым оказалось самобытное и многообразное грузинское кулинарное искусство. Резкими различиями характеризовалась пища жителей равнины и гор, Восточной и Западной Грузии. Из многообразных кислых, острых и сладких блюд, изготавливаемых из мяса, молока, овощей и зелени, многие к XIX веку были распространены во всей Грузии. Наряду с разнообразной пищей, грузинский народ особенно гордился вином, которое на семейном обеде занимало достойное место рядом с продуктами питания. При угощении уважаемых гостей оно считалось главным атрибутом стола и составляло необходимый компонент больших пиршеств («надими»). «Надими» руководил избранный его участниками тамада — «президент» стола. Надими продолжался долго, а иногда, особенно в городах, превращался даже в массовые кутежи. Уродливый характер стал принимать «приход в гости» к крестьянам в селение дворян, сопровождаемый массовым убоем домашних животных и, в конечном счете, разорением и без того бедняцкой крестьянской семьи. Такой обычай был распространен больше всего в Западной Грузии. Традиционные обычаи гостеприимства в новое время стали использоваться уже в корыстных целях. Вообще же исконное бескорыстие грузинского гостеприимства и соблюдение умеренности в потреблении пищи и вина оставались незыблемой традицией, достойной подражания и в XIX веке. Во второй половине века в Грузии широко распространились также русские и европейские блюда.

Здравоохранение. Умеренное питание многообразной, свежей и полноценной пищей являлось одним из главных условий народного здоровья. Некоторые грузинские блюда и напитки употреблялись и с лечебной целью. Вообще в Грузии XIX века все еще господствовали традиционные лечебные средства. Число специальных лечебных учреждений даже к концу века еле достигало сорока. В таких условиях широкий размах принимала народная медицина, которая, несмотря на отрицательное влияние церковно-религиозной медицины, достигала практически полезных результатов в лечении ряда болезней. В условиях крайней нехватки аптечных учреждений изготавливались и средства народной медицины. К началу XIX века в Грузии употреблялось 569 лекарственных наименований, изготовленных народными врачами⁹²⁷.

В 1861—1864 гг. была создана определенная система управления медико-санитарным делом, организованы военные и гражданские лечебные учреждения, частично обслуживавшие и местное население. Функционировала карантинно-таможенная служба. Восстанавливались старые и открывались новые курорты. Развивалась научно-медицинская мысль⁹²⁸.

Спортивные игры. В XIX веке в народе были широко распространены старинные национальные спортивные игры: фехтование, лахти, кабахи, исинди, лело-бурти (разновидность регби), криви (вид бокса), грузинская борьба и др. В грузинских разновидностях игры в мяч сочетались друг с другом бег, прыжки, плавание, преодоление препятствий. При игре в мяч применяли и палочки разных размеров и форм. Во всей

⁹²⁷ Народы Кавказа, т. II, с. 296—337; Саакашвили М., Гелашвили А., Чешвили Л., Чхеидзе Ц. История медицины Грузии, т. IV. Тбилиси, 1960.

⁹²⁸ Джиджешвили З. Развитие медицины в Грузии 1801—1864 гг. М., 1980, с. 22—23.

Грузии любили играть в чоган-бурти или цхен-бурти (конно-спортивная игра в мяч), в которой участвовало 24 всадника, разделенных на две команды. Среди горожан, особенно в Тбилиси, часто устраивался криви (бокс), в котором принимала участие городская молодежь, разделенная на два лагеря. Иной раз эта игра оканчивалась человеческими жертвами. В одной из таких игр, устроенной в 1851 г., погибло пять, и были ранены 300 человек⁹²⁹, после чего такой вид бокса (салдатис-криви) стал устраиваться за городом, а потом полностью был запрещен. Только до 70-х гг. просуществовал и кулачный бокс (муштис-криви). В народе наибольшей популярностью и любовью пользовалась грузинская борьба, без которой не проводился ни один народный сбор или праздник.

Семейные отношения. В XIX веке претерпела значительные изменения грузинская семья. В селах, особенно в горных районах, все еще встречались большие грузинские семьи, которые объединяли потомков нескольких братьев. Однако старая семейная община являлась пережитком. К концу века грузинское общество состояло из малых семей, в которых преимущественно жили муж, жена и их дети. В сельских местностях молодежь чаще всего вступала в брак в возрасте 19—25 лет, а иногда 17—18 лет и даже в более молодом возрасте. Старинная традиция обручения младенцев или даже еще неродившихся детей исчезла, стала редкой и традиция похищения женщин; в интеллигентных кругах не соблюдали и старого брачного ритуала. Однако среди широких слоев населения все еще были приняты традиционные обычаи помолвок и принесения женой приданого. Основой равней грузинской моногамической семьи являлся брачный союз двух юридически равноправных и равно трудившихся, по мере своих сил, людей. Любовь и взаимоуважение между мужем и женой возникали преимущественно после брака, в процессе совместной жизни и труда; до брака молодые даже не знали друг друга толкам. Дети также участвовали в общесемейном труде вместе с родителями. При этом они верили в нравственные и умственные преимущества старших, несмотря на то, что уровень образования родителей был невысоким и определялся сравнительно простым бытовым опытом и обычаями.

В условиях ликвидации феодальных отношений и развития капитализма изменилась хозяйственная роль семьи. Мужчине часто приходилось отрываться от семьи, уходя на заработки. И дети отрывались от семьи, также уходя на заработки или в школу. В семье постоянно хозяйничала женщина, постепенно превращаясь из производителя в потребителя. Приданое, являвшееся раньше дополнительным средством укрепления положения жены в семье, теперь становилось первейшим источником материального благосостояния семьи мужа-бедняка. Отношения мужа и жены, основанные формально на любви и равноправии, подчас доходили до неравноправия и ненависти. Жениться и выходить замуж стало трудно. Мужчина все меньше и меньше ценил духовную и внешнюю красоту невесты, требуя только ее приданого. Такие явления настолько распространились в 70-х—90-х гг. XIX века, что некоторые мужчины даже через прессу начали поиски богатых невест с приданым, хотя против этого также публично велась пропаганда: «При женитьбе, мол, больше обращайтесь внимания на характер и нравственность невесты, чем, на приданое»⁹³⁰. В то же время среди отдельных представителей высших материально обеспеченных слоев семейная измена становилась обычным явлением. В глазах цивилизованного купца или чиновника женщина ценилась не больше, чем «сладость, созданная для мужчины». По их моральным принципам, святой брак сразу губил цветок любви, так как между браком и настоящей любовью будто бы не существовало никакой связи. Для жены муж должен был являться нравственной ширмой, обеспечивающей ее материально, а она должна была устраивать свою личную жизнь, как ей было приятно⁹³¹. Такая мораль была чужда традиционным семейным отношениям трудового народа, хотя везде разрушалась семья, основанная на патриархально-брачном

⁹²⁹ Г р и ш а ш в и л и И.* Указ. соч., с. 151—155.

⁹³⁰ Н и к о л а д з е Н. Я.* Произведения, т. I. Кутаиси, 1876, с. 25.

⁹³¹ Ц е р е т е л и Г.* Первый шаг. — Избр. соч., т. I. Тбилиси, 1947, с. 147.

равноправии. Соответственно с обновлением общественной жизни обновлялись и семейные отношения.

§ 3. ДУХОВНЫЙ БЫТ НАРОДА.

Народные развлечения и зрелища. На протяжении своей длительной истории грузинский народ создал множество разных развлекательных и зрелищных представлений, большинство которых существовало и в XIX веке. Религиозные — христианские и даже древние языческие праздники, на которых устраивались эти развлечения и зрелища, теряли свой первоначальный характер, наполняясь новым содержанием. У городского населения до 90-х гг. большой популярностью пользовались так называемые «кееноба» и другие уличные представления. В установленное время, в черный понедельник, каждый квартал города Тбилиси выставлял собственного «кеена» (хана) — карикатурно размалеванного «властелина», его усаживали на осла и инсценировали собирание им дани с проходившего по улицам народа. Представление заканчивалось сбрасыванием побежденного народом ненавистного кеена в р. Куру и массовыми торжественными пирами в Ортачальских и Верийских садах.

В торжественном «спектакле» участвовали и представители высшего сословия. Одно из таких представлений в 60-х гг. было устроено по плану самого Г. З. Орбелиани, на его же средства. Это народное зрелище, изображающее извечную борьбу грузинского народа против иноземных завоевателей («кеенов» — т. е. татарских ханов), в XIX веке часто содержало и мотивы социальной борьбы. Бывало, что «кееноба» принимала форму шаржа, отображавшего текущую политическую жизнь, и «кеена» одевали в мундир капитана или полковника⁹³².

Вскоре царские власти, подметив социальную и патриотическую направленность «кееноба», ее антисамодержавный характер, несколько раз пытались официально запретить ее, однако народ все же устраивал это массовое зрелище, как в Тбилиси, так и в других городах и селах Грузии. Например, в Телави в ответ на намерения местного пристава помешать проведению упомянутого массового зрелища, народ начал организовывать демонстрацию, вынудившую городское правление отменить свои прежние распоряжения по этому вопросу⁹³³. Высшее сословие устраивало представления в частных домах, а простой народ — на полянках и городских площадях. Тбилисские ремесленники, так называемые «карачохели», имели обычай устраивать передвижной театр, а также пиршества и вечеринки в Ортачальских садах и банях. Тбилисские бани играли и роль гостиничных домов для приезжавших из деревень крестьян. Церковь и баня были местами сбора и развлечения для женщин. В провинциальных городах и деревнях также существовали театральные кружки, которые устраивали народные представления, а подчас ставили спектакли. В 30-х гг. XIX века в Тбилиси была поставлена комедия Александра Грибоедова «Горе от ума», в 40-х гг. в с. Меджврисхеви — «Отелло» Уильяма Шекспира и в с. Гориса — «Свадьба имеретинского князя» Окропира Церетели. В 1800-х гг. в Тбилиси был основан салонный театр П. Коваленского. В то же время в Тбилиском училище для благородных детей устраивались так называемые «публичные акты». Позднее шире распространяются, входя в обиход, русские и европейские развлечения и зрелища: балы-маскарады, танцевальные вечера. Создаются салоны в домах богатых дворян — А. Г. Чавчавадзе, Мананы Орбелиани и др. Такие салоны (преимущественно литературные) существовали в Грузии на протяжении всего XIX века. В семьях видных представителей грузинской культуры систематически устраивались литературные вечера, в которых участвовала новая нарождавшаяся грузинская и русская интеллигенция⁹³⁴. В

⁹³² Г р и ш а ш в и л и И.* Указ. соч., с. 147; Д ж а н е л и д з е Д.* Грузинский театр с древнейших времен до второй половины XIX века. Тбилиси, 1959.

⁹³³ Б у р т и к а ш в и л и А.* Письма о театре. Тбилиси, 1964, с. 88—89.

⁹³⁴ Чхетия Ш.* К вопросу о генезисе буржуазной культуры в Грузии. — Труды Тбилисского пед. института им. А. С. Пушкина, т. III, 1943, с. 147.

90-х гг. создаются народные театры. Несмотря на развитие новых форм развлечений и зрелищ, широкие народные массы чаще принимали участие в традиционных народных праздниках. Много народа привлекали так называемые «болнисоба» и «мцхетоба», «телетоба» и «элиаоба», «кецобиа» и «лашароба», «алавердоба», «гиоргоба» и другие религиозные праздники.

Народные песни и танцы. Развлечения, зрелища и пиршества искони сопровождалась в Грузии песнями и танцами, отображающими труд и борьбу народа, его материальный и духовный быт⁹³⁵. Не напрасно говорится, что грузин родился с песней и с песней же хоронили его. Грузинские народные песни и танцы так же многообразны, как природа Грузии и быт грузинского народа. Многоголосная грузинская песня и полные грациозности и темперамента грузинские танцы высокохудожественно и реалистически отражают думы и чувства народа. В XIX веке происходило совершенствование и обновление многовековой грузинской народной песни и танца. Наряду с древними исполнялись и новые песни, и танцы, питавшиеся настроениями социальной и национально-освободительной борьбы народа («Чавухтет Бараташвилса» («Нагрязнем на Бараташвили»), «Песня о Звиаде Лобжанидзе и Гулитаде Гавашелашвили», «Сулико», «Цицинатела», «Джансуло», «Дзабралэ» и др.) Грузинские народные песни исполнялись в сопровождении как восточных, так и западноевропейских музыкальных инструментов (зурна, дудуки, гитара, фортепьяно и другие), однако в народе больше всего были распространены грузинские музыкальные инструменты: саламури (свирель), чонгури, пандури, чианури (струнные инструменты), чунири, гудаствири, диплипито, доли (барабан), чанги (арфа) и др.⁹³⁶

Устное народное творчество. В XIX веке, как и раньше, неотделимой частью духовного быта грузинского народа было народное творчество, которое создавалось и передавалось устно из поколения в поколение народными сказителями, стихотворцами, певцами и ашугами. В новое время грузинский народный фольклор обогатился традиционными (героическими, любовными, бытовыми) произведениями, к которым прибавились народные стихи, баллады, сказки, изображающие борьбу народа за социальную и национальную свободу. В первые десятилетия века появились стихотворения «Собачья смерть», «Амилахвари», «Бежан Микеладзе и его крепостной», «Хевсур Торгва», в которых описаны и изображены картины борьбы крестьян против помещиков. В 30-х гг. были созданы цикл стихов и обширная поэма об Арсене, в которых крепостной Арсен Одзелашвили, боровшийся против царизма и дворянства, «у богатых отнимал, да неимущих награждал», покровительствуя, тем самым, угнетенным беднякам. В 40-х—50-х гг. создаются сказания (в стихах) о борьбе восставших гурийских и мегрельских крестьян против крепостничества («Бунт в Гурии», «Уту Микава»). В 60-х гг. народные стихотворцы выражали как радость по поводу освобождения крестьян, так и разочарование, вызванное формальным проведением крестьянской реформы («Стихи о крепостничестве», «О крестьянской реформе»). Тяжелым был быт крестьянства, его феодальное и капиталистическое угнетение отображается в грузинском фольклоре 70-х—90-х гг. XIX века⁹³⁷.

Множество фольклорных тем и образов использовали в своих произведениях грузинские писатели. Со своей стороны, и литература оказывала большое влияние на народное творчество. Создавались народные версии литературных произведений, распространявшиеся в Грузии во второй половине XIX века не только устным путем, но и через печать. Литературные произведения, а также народные стихотворения и рассказы большими тиражами и по доступной для бедного населения цене печатались грузинскими общественными деятелями П. Умикашвили, З. Чичинадзе и др.⁹³⁸ Вместе с ними образцы

⁹³⁵ А р а к и ш в и л и Д. А.* Грузинская музыка. Тбилиси, 1925 с. 14, 32, 33.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ С и х а р у л и д з е Кс.* Очерки. Тбилиси, 1958, с. 161—169, 175—180.

⁹³⁸ Г р и ш а ш в и л и И. Указ. соч.

грузинского фольклора собирали и публиковали И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Г. Е. Церетели, А. Келенджеридзе и др. Городской фольклор XIX века сохранил имя не одного народного поэта и сказителя из тбилисских ремесленников (Иосиф Давиташвили, Антон Ганджискарели, Етим Гурджи, Бечара, Хазира и др.).

Еще более богатыми и многосторонними были традиции устного народного творчества в грузинской деревне. Многие картлийские, кахетские, гурийские, аджарские, имеретские, абхазские, осетинские сказания и легенды стали народными источниками творческого вдохновения великих грузинских писателей XIX века. Повышение культуры народа, усиление экономических и культурных взаимоотношений между различными районами Грузии открыли широкую возможность местным диалектам как равнинной, так и горной полосы принимать активное участие в дальнейшем обогащении и развитии созданного на основе картлийского диалекта всенародного грузинского национального языка. Новый быт и культура народа обусловили как пополнение словарного фонда грузинского языка новыми словами и выражениями, так и устранение архаизмов, устаревших звуков и их графических изображений. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль во внедрении и дальнейшем утверждении в грузинской литературе и народной жизни новогрузинского языка.

§ 4. ЛИТЕРАТУРА И ПРЕССА

Новая грузинская литература. Важнейшей составной частью грузинской культуры XIX века являлась художественная литература, характеризующаяся бурным расцветом всех своих жанров.

Грузинская словесность XIX века представляет собой естественное продолжение и дальнейшее развитие художественной литературы предыдущих столетий, и в частности литературы XVIII в. Искони проникнутая отдельными идеями демократизма и патриотизма, гуманизма и социальной справедливости, эта литература в новое время сумела выискать еще более сильные и яркие средства для выражения возвышенных идей века: свободы личности и раскрепощения наций, беззаветной преданности и верного служения отечеству, своему народу, общечеловеческим идеалам.

Одним из основателей новой грузинской литературы можно считать великого грузинского поэта Давида Гурамишвили (1705—1792), в творчестве которого сильнее, чем у кого-либо из его предшественников (например, даже сильнее, чем у гениального Шота Руставели), а также — чем у современников поэта, даже таких, как Сулхан-Саба Орбелиани, проявились антиклерикальные взгляды и вера во всемогущество человеческого разума и положительных знаний, горячая проповедь благотворного, облагораживающего влияния труда и просвещения на физическое и духовное развитие человека, требования приближения литературы к живому, разговорному, народному языку, реалистического отображения действительности, обогащения литературы новыми идеями, внедрение новых жанров, тематического разнообразия. Все это наглядное свидетельство того, что Д. Гурамишвили — больше человек нового времени, чем старого.

Эстетические взгляды и поэтическое наследие Д. Гурамишвили насквозь проникнуты принципами просветительского реализма. Литературное детище Д. Гурамишвили «Давитиани», несмотря на свою весьма оригинальную поэтическую форму, является подлинной энциклопедией общественной жизни грузинского народа и вместе с тем мастерским, высокохудожественным изложением выработанных народом на протяжении веков и преломленных сквозь призму просветительских взглядов поэта этических и моральных норм. Именно на возвышенных идеях поэтического наследия Д. Гурамишвили выросло не одно поколение грузинских юношей и девушек, впитавших в себя в период своего духовного созревания высокие принципы подлинного просветительского гуманизма: беспредельное человеколюбие и доброжелательность ко всем людям, без различия рас и вероисповеданий, горячую любовь к своей родине и

жгучую ненависть ко всем ее врагам: внешним и внутренним, непреходящее значение положительных знаний и полезного труда на благо родины, нестяжательство и бескорыстие и т. д., и т. п. Поэт с гневом осуждает тиранию и угнетение одного народа другим, бичует невежество и темноту, сетует на неустроенность и несовершенство тогдашней общественной жизни⁹³⁹.

Черты просветительского реализма и гуманизма прослеживаются и в творчестве поэтов Бесики и Саят-Новы, а особенно в грузинской литературе т. н. переходного периода (т. е. конца XVIII и начала XIX в.), видными представителями которого были грузинские писатели, хорошо знакомые с идеями русского и западноевропейского просвещения⁹⁴⁰.

Самым видным представителем грузинского просветительского реализма этого периода был писатель-просветитель Иоанэ Багратиони (1768—1830). Из нескольких десятков его оригинальных и переводных трудов особенно значительно трехтомное энциклопедическое произведение «Калмасоба, или Хождение по сбору» — многосторонний, обширный памятник новой грузинской литературы и общественной мысли. «Калмасоба» написана в 1813—1828 гг. В ней собраны научные знания всей эпохи и реалистически описано социально-экономическое, национально-политическое и культурное положение Грузии к концу XVIII и в начале XIX века. Магистральные линии произведения — горячий патриотизм и социальный протестантизм, просветительский гуманизм и утопизм, осуждение невежества и деспотизма церковных и светских феодалов — главных виновников всех бедствий народа.

В первой трети XIX века новая грузинская литература имела в лице И. Багратиони выдающегося реалиста-просветителя. С того же времени в грузинской литературе начинает господствовать романтизм, хотя и тот содержал в себе сильную струю просветительского реализма. Грузинскому романтизму чуждо полное и безусловное отрицание реальной жизни, его главной темой является изображение реального социального и национального положения грузинского народа. Правда, недовольство жизнью и пессимистическое восприятие действительности, являвшиеся ранее лишь отдельными моментами в грузинской литературе, в творчестве грузинских романтиков словно бы превращались в единственные и главные мотивы, однако «последними словами грузинского романтизма были любовь к жизни и забота о лучшем будущем. Выступая против неприемлемой действительности, его передовые представители обогащали свое творчество социальными, гражданскими мотивами, идеями борьбы за лучшее будущее»⁹⁴¹.

Первым выдающимся представителем грузинского романтизма, а также раннего просветительства в истории грузинской общественной мысли был Александр Гарсеванович Чавчавадзе (1786—1846), сын грузинского посла при петербургском дворе, ярый противник колонизаторской политики царизма, известный генерал русской армии и адъютант Баркляя де Толли во время нашествия Наполеона, один из знатнейших грузинских помещиков, тонкий лирик-поэт, просветитель. Стихи он начал писать в возрасте 15 лет. Сначала его литературное творчество и общественное мировоззрение зиждились на принципах просветительского реализма, а позднее — прогрессивного романтизма. Жизнерадостность («Мухамбази», «О, любовь всесильная») сочетается в его лирике с тоской и скорбью по неустроенности общественной жизни Грузии первой половины XIX века, с протестом против гнета крепостничества и царизма («Гогча»). Многие его произведения проникнуты чувством горячего патриотизма и содержат социальный недвусмысленный протест, гуманизм, а также призыв к свободе личности,

⁹³⁹ Л е о н и д з е Г.* Д. Гурамишвили. История грузинской литературы, т. II. Под ред. А. Барамидзе, Г. Имедашвили, Г. Микеладзе. Тбилиси, 1966, с. 570—571.

⁹⁴⁰ Л а ш к а р а д з е Д.* Первые грузинские просветители. — Мацне. Серия языка и литературы, 1976, №2.

⁹⁴¹ История грузинской литературы, т. I. Под ред. Д. Гамезардашвили. Тбилиси, 1956, с. 66.

нации, всех угнетенных народов («Человек, рассмотренный поближе», «Горе миру сему», «О времена, времена»)⁹⁴².

Еще более противоречивой была жизнь и деятельность другого крупного представителя грузинского романтизма -- Григола Зурабовича Орбелиани (1804—1883), так же происходившего из старинной грузинской аристократической семьи. Он был генералом царской армии и высшим чиновником царской администрации.

Один из ранних идеологов национально-освободительного движения в Грузии Гр. Орбелиани в 60-х—70-х гг. XIX века ведет идейную борьбу (с консервативных позиций) против молодых революционных просветителей-демократов, хотя нередко и сотрудничает с ними.

Григол Орбелиани, прежде всего поэт-патриот. Его идеалом была возрожденная, просвещенная и обновленная Грузия («Образ царицы Тамар в Бетанийской церкви»). Его никогда не покидала романтически возвышенная мечта о свободе родины («Исповедь»). Поэт не только искренне завидует тем «кто свою жизнь принес в жертву отечеству», но и сам первым в новой грузинской поэзии воспевае героев-борцов, павших за свободу родины и народа. Из грузинских поэтов Гр. Орбелиани смелее всех выступил против жестокого колониального режима, насаждаемого Николаем I, и когда это выступление не принесло желаемых результатов, то побежденный поэт умолял того же Николая: «Время Тамары, время славы верни твоей Грузии» («Садгегрძელო»-«Заздравный тост»),

Поэт так и не разглядел путей и сил, способных принести свободу и блестящее будущее своему народу; к концу жизни он еще раз горько оплакивал свою якобы погубленную родину («Я постарел»). Выступая сторонником равноправия и вечной дружбы между грузинским и русским народами, он считал себя страстным патриотом не только Грузии, но и всей России. В его мировоззрении сочетались новое со старым, прогрессивное с консервативным, реалистическое с романтическим, демократическое с либеральным. В его романтическом творчестве всегда чувствовалась гуманистическо-просветительская и реалистическая струя («Мухамбази», «Печаль Дмитрия Оникашвили»). Романтическое восприятие красоты природы и чистота чувств в его стихотворениях сочетаются с правдивой характеристикой живой действительности. Критерием человеческого достоинства он считает бескорыстность в дружбе, возвышенную любовь, благожелательность во взаимоотношениях с людьми, справедливость, талантливость. Он проявляет сострадание к обездоленным, сочувствует низшим слоям населения, однако его гуманизм не выходит за рамки христианского сострадания и либерализма («Рабочий Бокуладзе»). В теории всеобщей любви Григола Орбелиани первое место занимает патриотическое начало; патриотизм, любовь к отечеству он объявляет смыслом жизни человека. Преемники Гр. Орбелиани — революционные просветители-демократы сделали своим девизом его поэтический афоризм, отрицающий социальное неравенство и содержащий гуманистический идеал: «Дайте каждому таланту путь широкий и прямой, дар ниспослан человеку, а не знати родовой». «Человек есть тот, кто свыше небесной силой одарен. Его подвиги безмерны, вся страна гордится им»⁹⁴³.

Венцом грузинского романтизма является гениальная поэзия Николоза Мелитоновича Бараташвили (1817—1845), которая завершила начатый задолго до него процесс формирования новой грузинской литературы. «Если Давид Гурамишвили, — говорил И. Чавчавадзе, — является «основателем европеизма», то Николоз Бараташвили — «блестящий представитель европеизма» в грузинской литературе»⁹⁴⁴.

⁹⁴² Ч а в ч а в а д з е А. Г.* Соч. Под ред. и со вст. статьей И. Гришашвили; см. так же:

Г а п р и н д а ш в и л и М.* Очерки истории грузинской общественной мысли, т. II. Тбилиси, 1976, с. 321.

⁹⁴³ О р б е л и а н и Г.* Полн. собр. соч. Под ред. и со вст. статьей А. Г. Гацерелия. Тбилиси, 1959; его же. Стихотворения. Тбилиси, 1947; Заздравный тост. Тбилиси. 1939, с. 122; см. также: Г а п р и н д а ш в и л и М. Указ. соч., с. 322.

⁹⁴⁴ Ч а в ч а в а д з е И.* «Цискари» с 1857 по 1862 г. — Полн. Собр. соч., т. III, с. 457.

Литературное наследие Н. Бараташвили в блестящей художественной форме дает глубоко обоснованный ответ на все животрепещущие вопросы современной поэту общественной жизни Грузии. Н. Бараташвили с большим чувством и экспрессией воспел высокие человеческие идеалы. По мнению великого поэта-мыслителя, назначение человека — в титанической борьбе за лучшее будущее своего народа; человек рождается для того, что «проявить заботу о судьбах мира», «бороться за его преобразование, жить во имя людей», чтобы «ближнему когда-нибудь тернистый путь облегчить» («Раздумья на берегу Куры», «Мерани»). Под «другом» поэт подразумевает грядущие поколения всего человечества. Наряду с темой борьбы против злого рока, в его поэзии отражена и безграничная скорбь по утраченному человеческому счастью, но даже и эта тоска поэта звучит мужественно, поскольку она представляет собой протест против существующей действительности, содержит призыв к борьбе за лучшее будущее. Н. Бараташвили глубоко верит, что «солнце вновь взойдет и сгинет тьма в его лучах» («Сумерки на Мтацминде»), поэт мечтает стать этим светилом, «чтобы каждый раз, восходя, озарять своими лучами вершины гор». Н. Бараташвили смотрит на современную ему Грузию с глубокой надеждой и верой в ее блестящее будущее.

Поэзия Н. Бараташвили — образец высокого романтизма как по своему содержанию и тематике, так и по художественной форме и методу выражений, однако в творчестве поэта явно сказывается и сильная тенденция реалистического восприятия действительности. Например, в поэме «Судьба Грузии» автор, глубоко опечаленный утратой самостоятельности своей родины, вовсе не разделяет пустой мечты грузинских ретроградов — этих сущих романтиков в политике, пытавшихся реставрировать прошлое, и признает прогрессивность и необходимость государственного союза между грузинским и русским народами. В другом произведении Н. Бараташвили искренне радуется распространению европеизма и просвещенности в Грузии через посредство России («На могиле царя Ираклия»). Осуждая всяческое угнетение («Гиацинт и пилигрим»), Николоз Бараташвили горячо пропагандирует гуманистические и просветительские идеалы свободы личности, нации, всего человечества («Мерани»). У него нет произведений программного характера, однако его творчество и мировоззрение сыграли роль гуманистическо-просветительской, демократической программы в развитии новой грузинской литературы и общественной мысли на первом этапе национально-освободительного движения в Грузии XIX века. Новые поколения с благоговением повторяли полные надежды гордые слова великого поэта: «Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал, что обречен, и в диких высях твой след, Мерани, пребудет вечно для всех времен: твоей дорогой мой брат грядущий проскачет смелый, быстрее меня и, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь, обгонит ее коня»⁹⁴⁵.

История грузинского литературного романтизма знает и других, менее выдающихся мастеров поэзии и прозы (В. Орбелиани, С. Размадзе, М. Туманишвили, Р. Рчеулишвили, А. Орбелиани, Б. Джорджадзе, М. Гуриели). Некоторые из них продолжали свою литературную деятельность до самого конца XIX века, внося известный вклад в развитие новой грузинской литературы, однако, будучи не в силах полностью избавиться от груза консерватизма, они подчас весьма активно противоборствовали прогрессивным общественно-литературным стремлениям. До 40-х—50-х г. и даже позднее в творчестве главных представителей грузинского романтизма все еще прослеживаются просветительно-реалистические моменты. Великие грузинские поэты-романтики никогда не отворачивались от реальной действительности, и делали они это сознательно, хотя бы в целях подтверждения правильности романтического тезиса о первичности чувств по сравнению с разумом; рассматривая без тени скептицизма человеческий интеллект и его возможности, они не противопоставляли свое творчество реалистическим идейно-

⁹⁴⁵ Бараташвили Н.* Соч. Под ред. и с иссл. П. Ингоркв. Тбилиси, 1968; его же. Стихотворения, поэмы, письма. Сост. М. Заверин и Л. Каландадзе. Тбилиси, 1968; см. также: Гаприндашвили М. Указ. соч., с. 322—323.

литературным традициям предшественников. Великие грузинские поэты-романтики, так же как и просветители, считали человека продуктом среды, хотя саму эту среду они подчас и рассматривали в свете субъективных переживаний, особенно в рассуждениях на социальную тему.

С 40-х—50-х гг. XIX века главное место в грузинской литературе занимает реалистическое отображение жизни, и старый, просветительский реализм превращается в критическо-реалистическое направление. Абстрактные рассуждения и полные скорби мысли о печальной судьбе своей родины и народа заменяются конкретным изображением народной жизни. Основными темами художественной литературы становятся разложение крепостнического строя, падение дворянства, развитие торгового капитализма, усиление угнетения местными помещиками и царскими чиновниками. Наряду с поэзией сильно развиваются драматургия и проза. Главными жанрами новой реалистической литературы становятся комедия и повесть, расширяется критико-публицистическая пропаганда принципов реалистического искусства, практически ставится вопрос о приближении литературы к народу путем утверждения нового языка.

Возрождение грузинской реалистической литературы в 50-х гг. связано с деятельностью Георгия Эристави, Зураба Антонова, Лаврентия Ардазиани, Рафиэла Эристави, Даниэла Чонкадзе, Иванэ Кереселидзе (1829—1892), Димитрия Кипиани (1814—1887), Михаила Туманишвили (1818—1875).

Значительную роль в развитии грузинской литературы и культуры того времени сыграл поэт и драматург, основатель нового грузинского театра и литературного журнала «Цискари» («Заря») Георгий Давидович Эристави (1811—1864). Потомок древнего рода ксанских эриставов, Георгий Давидович одно время состоял мелким чиновником на царской службе, однако он не смог проявить на этом поприще своих недюжинных способностей. Во второй половине 40-х гг. Г. Д. Эристави, подав в отставку, в течение 10 лет стоял в фарватере новой грузинской культуры: в 1850—1855 гг. он руководил грузинским профессиональным театром, а в 1852—1857 гг. и журналом «Цискари».

Творчество Г. Эристави по существу сначала же было реалистическим, хотя он и отдавал некоторую дань романтизму. Одним из ранних образцов нового грузинского реалистического эпоса является его поэма «Осетинская повесть» (1832), в которой изображена борьба народа за свободу родины. Критико-реалистические картины социальной и национальной несправедливости воспроизведены во многих его лирических стихах. Георгий Эристави признан в истории грузинской литературы первым по величине грузинским комедиографом. Его оригинальные или заимствованные бытовые комедии — «Тяжба» (1840), «Раздел» (1849), «Скупец» (1850) и др., реалистически изображают общественную жизнь Грузии 50-х гг., изобличая деградирующее дворянство, царских чиновников и нарождавшуюся торговую буржуазию. Своей острой сатирой автор разит и консервативных, и либеральных дворян, а также алчных купцов и ограниченных чиновников, гневно протестуя против морального вырождения личности, являвшегося, по мнению автора, следствием разложения крепостничества и появления капиталистического уклада. Георгий Эристави выгодно отличается от своих современников-романтиков также и своим живым литературным языком, весьма близким к живой, народной, разговорной речи.

К раннему периоду критического реализма в грузинской литературе принадлежал и драматург Зураб Назарович Антонов (1820—1854). В его социальных комедиях («Затмение солнца в Грузии», «Путешествие литераторов на плоту»), в бытовой драме («Свадьба хевсура») и в водевилях («Муж пяти жен»), наряду с образами дворян и купцов, изображаются угнетенные социальные низы, преимущественно крестьяне. З. Антонов дополнил и обогатил реализм Г. Эристави подлинным демократизмом, хотя изображаемые им простые люди и лишены черт борцов за личное достоинство.

Положение угнетенного и беспомощного трудового крестьянства стало главной темой в творчестве другого грузинского поэта, драматурга и этнографа Рафиэла

Давидовича Эристави (1824—1901). Потомок старинного дворянского рода, Р. Эристави провел свою долгую жизнь преимущественно на государственной службе, последовательно взбираясь по ступенькам служебной лестницы, начиная с переводчика и до начальника уезда. Вместе с тем он глубоко изучил жизнь грузинского крестьянства, что и помогло ему стать подлинным народным поэтом, изображавшим, со всей правдивостью беспросветную жизнь крестьянина-бедняка.

Литературная деятельность Р. Эристави начинается в середине 50-х гг. прошлого века. Сначала он был лириком, последователем романтиков и эпикурейцев. В 1855—1857 гг. поэт создает замечательные образцы социальной лирики («Бедняк», «Нино», «Просительница у судьбы», «Просящий и нищий»), в которых выражены протест против крепостничества и сочувствие к угнетенному люду. Творческая деятельность Р. Эристави продолжалась до конца 90-х гг. Забота о крестьянине-труженике, хотя и нищем, и темном, бесправном и угнетенном, но мечтавшем о социальной справедливости и преисполненном чувством любви к родине, до конца оставалась главной темой его поэзии («Раздумья Беруа», «Жалоба Беруа», «Родина хевсура»). Однако поэт осмысливает эту тему как представитель именно раннего грузинского критического реализма: его крестьянский демократизм содержит в себе лишь гневный протест против существующей действительности, но и только. Крестьянина-бедняка угнетают все: и помещик, и ростовщик, и староста, и урядник; пределом его мечты является клочок выкупленной «черной» земли; хотя он и считает весьма несправедливым, что вынужден гнуть спину на чужой земле, однако крепостной крестьянин настолько забит и придавлен, что не видит действительных причин этой несправедливости. Что же касается самого поэта, то последний указывает ему «единственный» путь спасения — это упование на всевышнего, который велик и всемилостив, а потому и ниспошлет ему спасение.

И все же, несмотря на вышеуказанное, социальные и патриотические стихотворения Р. Эристави, написанные народным языком, проникали в самую душу народа, доходя до глубины его сердца. Из поколения в поколение передавались волнующие душу слова хевсура, изображенного Р. Эристави: «Материнская грудь человеку не для обмена дана, так и отчизна — милее глаз обоих она... даже бессмертия древо не предпочту я скалам, даже за рай на чужбине родину я не отдам!»⁹⁴⁶

Подъем реалистической литературы обусловил и возрождение художественной прозы, хотя в 50-х гг. XIX века грузинский романтизм также сделал было попытку укрепить свои пошатнувшиеся в поэзии позиции созданием оригинальных (романы Григола Рчеулишвили) и переводных прозаических произведений. Главной темой романтической прозы была тоска по утраченному величию былых времен, а реалистическая проза рисовала картины современной жизни.

Автором ряда реалистических социальных романов являлся Лаврентий Петрович Ардазиани (1815—1870). По своему социальному происхождению он принадлежал к духовному сословию; образование он также получил в Тифлисской духовной семинарии, однако, возмущенный бездушным к нему отношением руководителей семинарии, Л. Ардазиани отрекся от духовного сана. Литературное имя Л. Ардазиани связано с социальными романами — «Соломон Исакич Меджгануашвили» (1861) и «Морчили» (1863). В первом романе изображена картина первоначального накопления капитала и возникновения торговой буржуазии в Грузии, а во втором — картина деградации грузинского дворянства. Сравнительно слабее изображает писатель крестьянскую жизнь; зато со всей силой своего таланта протестует он против самих источников угнетения народа: крепостничества и капитализма. Судя по его романам, часть грузинских помещиков представляет собой сущих скотов, которым нет дела ни до каких общественных интересов и которых, кроме удовлетворения своих животных потребностей, ничего на свете не трогает.

⁹⁴⁶ Э р и с т а в и Р.* Избранные произведения. Тбилиси, 1958; см. также: Б а р а м и д з е А., Р а д и а н и Ш., Ж г е н т и В. История грузинской литературы. Краткий очерк. М., 1952.

Другая же часть грузинского дворянства — это просвещенные, добропорядочные и возвышенные существа, которые смыслом своей жизни считают заботу о ближнем, проявление подлинно гуманного отношения к обездоленным и униженным. Л. Ардазиани резко осуждает злых и коварных, невежественных и темных помещиков, противопоставляя им умных и сильных — идеальных людей, правда, принадлежащих к тому же классу, что и первые, однако по своим моральным качествам существенно от них отличающихся. Хотя автор и считает справедливым стремление бедняков, во что бы то ни стало выбраться из нищеты, улучшить (путем внедрения, предпринимательства и торговли) свое материальное положение, добиться социального равноправия и т. д., и т. п., однако Л. Ардазиани вскрывает эксплуататорский характер и торгового капитала, разоблачая его хищническую сущность, что позволяет автору вынести свой отрицательный приговор и этому общественному классу.

Единственно приемлемым путем для установления всеобщего благоденствия и процветания автор считает достижение высокого материального уровня, обеспечивающего всем членам общества зажиточную жизнь, просвещение и моральное совершенствование. Для него недопустима самая мысль о применении силы, если даже речь идет о борьбе народа за свои насущные интересы. В романах Л. Ардазиани помещик ведет тяжбу с помещиком, купец либо ведет борьбу с помещиком, либо заискивает с ним; трудящееся же большинство народа — это угнетенная и спящая масса, чернь. Несмотря на критический дух, которым веет от реалистических социальных романов Л. Ардазиани, автор затуманивает своим абстрактным гуманизмом истинную социально-классовую сущность возникшего на этой основе конфликта между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Идеал писателя, как мы в этом убедились выше, не выходит за рамки утопического (и это-то в условиях раздираемого противоречиями классового общества) «всеобщего благоденствия», осуществление которого, по мысли грузинского романиста, было возможно путем внедрения идеальной и бескорыстной торговли, рационального помещичьего хозяйства и ликвидации бедности и нищеты. Главным же средством создания справедливого общества, основанного на гармонии и доброжелательности во взаимоотношениях различных классов, автор считает просвещение и нравственное воспитание, моральное совершенствование человека⁹⁴⁷.

Одним из наиболее значительных представителей раннего грузинского критического реализма, завершающим первый этап этого литературного направления в Грузии, является Даниэл Георгиевич Чонкадзе (1830—1860), который также питал утопические иллюзии насчет того, что «добрые» и гуманные помещики охотно освободят своих крестьян из-под крепостной зависимости и что благодаря предпринимательской деятельности преуспевающих купцов общество навсегда избавится от нищеты и отсталости. Однако главной и неотложной задачей переживаемого в тот период момента — кануна крестьянской реформы — писатель все же считал острую и непримиримую критику уродливых сторон крепостничества со стороны интеллигентских сил грузинского общества, а также борьбу самих крестьян за свои насущные интересы, (т. е. предоставление им личной свободы, «воли» и земли). Даниэл Чонкадзе, считавший неизбежной отмену крепостного права и в Грузии, указал на вполне приемлемые, с его точки зрения, формы борьбы против существующего несправедливого строя, которые должны быть использованы бедняками.

Писатель еще до отмены крепостного права во всеуслышание провозгласил свой, ставший крылатым в Грузии, лозунг: «Пока мы принадлежим нашим господам, мы не можем быть счастливыми». Эти слова явились кульминацией всех ранних антикрепостнических настроений, вынашиваемых в недрах грузинской литературы и общественной мысли и время от времени более или менее отчетливо звучавших на протяжении всей первой половины XIX века.

⁹⁴⁷ Ардазиани Л.* Соломон Исакич Меджгануашвили. Тбилиси, 1949; Хаханов А. Очерки по истории грузинской словесности. М., 1906.

Это тем более важно и примечательно, что, как и в ранней грузинской просветительской и романтической, так и в литературе критического реализма, крепостнические отношения чаще всего изображались в виде патриархальных взаимоотношений любви и заботы о ближнем. Представители же позднего, уже отжившего свой век романтизма и консервативного либерализма (А. Орбелиани, С. Алекси-Месхишвили, Д. Кипиани, Гр. Орбелиани и др.) продолжали защищать свои консервативные взгляды не только в дореформенный период. Они не отрицали необходимости обновления грузинского крепостного права, однако считали неизбежным его социальные и идейные устои даже после проведения крестьянской реформы в России. Именно тогда и стали консервативные романтики обелять грузинское крепостничество. Именно против них и было направлено радикально-демократическое мировоззрение Д. Чонкадзе, разоблачавшее всю мерзость, жестокость и бесчеловечность крепостнической системы вообще и грузинской в частности. Открытый и прямой протест против крепостничества венчает ранний период развития реализма и просветительства в грузинской литературе и общественной жизни⁹⁴⁸.

«Сурамская крепость» (1860) вызвала большой интерес, однако ее критическая оценка как консерваторами (А. Орбелиани), так и демократами (А. Пурцеладзе) впервые была дана лишь в 1863 г. В том же году публично воздал дань памяти умершего еще за три года до того Даниэла Чонкадзе А. Церетели. Не прошло и года после смерти автора «Сурамской крепости», как разгорелась ожесточенная борьба между защитниками старых, отживших, и новых, нарождавшихся, общественно-литературных идей. Это было в 1861 г., когда И. Чавчавадзе, только что вернувшийся из Петербурга в Тбилиси, дал бой на страницах «Цискари» защитникам старых порядков и заправилам их сентиментально-романтического литературного течения⁹⁴⁹.

Вместе с тем он выдвинул реалистическую программу отражения литературой действительной жизни, т. е. требование народности языка и литературы. Против этой программы выступили С. Алекси-Месхишвили, Б. Джорджадзе, Г. Бараташвили, Е. Церетели и другие представители старого консервативного поколения грузинских литераторов. К Илье Чавчавадзе примкнули студенты Петербургского университета (А. Церетели, К. Лордкипанидзе, С. Абашидзе и др.), сторонники преобразования традиционной общественной жизни, так называемые «тергдалеулни». Так разгорелась острая идейно-литературная борьба между новым и старым. Начался новый период в истории грузинской литературы и общественной мысли, период окончательного утверждения революционно--демократического просветительства и критического реализма, который продолжался до конца XIX века. Литература сблизилась с жизнью народа, обогатилась новыми жанрами, основными ее мотивами стали гуманизм, демократизм, патриотизм. В 60-х—90-х гг. грузинская поэзия, проза, драматургия, критика и публицистика стали многообразными по форме, и по стилю, и по методу своего проявления. В грузинской литературе окончательно утвердился критический реализм, и величайшим представителем нового направления явился поэт и общественный деятель И. Г. Чавчавадзе, который «полвека... высоко нес знамя национально-освободительного движения, знамя новой грузинской демократической литературы» (Н. Тихонов).

Литературная деятельность Ильи Григорьевича Чавчавадзе началась в 1857 г., еще в бытность его студентом Петербургского университета. В эти годы Ильи Чавчавадзе создал не один шедевр грузинской поэзии, в которых сквозь интимные, лирические, а подчас и религиозные настроения все явственнее звучат гражданские мотивы, навеянные мечтами и думами о судьбах родного народа, об его социальной и национальной свободе, просачиваются идеи борьбы за его лучшую долю...

⁹⁴⁸ Ч о н к а д з е Д.* Сурамская крепость. Под ред. М. Зандукели. Тбилиси, 1933; см. также:

Г а п р и н д а ш в и л и М.* Даниэл Чонкадзе и грузинское просветительство. — Цискари, 1960, №11.

⁹⁴⁹ Ч а в ч а в а д з е И.* Несколько слов по поводу перевода «Безумной» Козлова князем Р. Ш. Эристави. — Полн. собр. соч., т. III.

В поле зрения молодого поэта и духовный мир его современника, доведенного до отчаяния сознанием бессмысленности и никчемности своего существования, терзающегося мыслями о высшем назначении человека («Сон», «До каких же пор?»); здесь и задыхающийся в тисках крепостничества бесправный крестьянин, удел которого безропотно делить участь рабочего скота, с которым он обречен тянуть плужную лямку до последнего своего издыхания, изо дня в день, роясь в мрачном безмолвии (он ведь давно утратил даже и дар речи; и к чему она ему, эта речь-то? К чему, скажем, булат, говорит поэт, даже обоюдоострый, если он давно ржавеет в постылых ножнах, вместо того чтобы сражаться за правду!) в сырой земле («Плугарь»); здесь и пролетарий, еще более жалкий и обездоленный, чем даже крепостной крестьянин («Рабочий»). Далее, поэт обращается к грузинской женщине, которая прежде растила для отчизны доблестного воина, героя, а теперь сама нуждается в серьезном патриотическом воспитании («К грузинской матери»). Вся эта безрадостная действительность привела, по мнению И. Г. Чавчавадзе, к тому, что благодатная страна, располагавшая богатейшими природными ресурсами, лежит — обессиленная и истерзанная, поверженная ниц -- у ног своих угнетателей: крепостников и насильников, а ее народ, обескровленный и раздавленный, безропотно влачит жалкое существование, равнодушный ко всему происходящему вокруг него («Счастливейшая нация...»). Вот в каких, несколько сгущенных красках изобразил великий поэт-реалист Грузию своего времени.

Назначение поэзии автор видит не в том, чтобы заливаться соловьем, а в проповеди «любви, пропитанной ненавистью» («К моему перу»); поэт — (не только предводитель своего народа, но и его побратим, обязанный делить с ним радость и горе, счастье и печаль, поэт призван облегчить народу его страдания «в годину тяжких испытаний» («Поэт»). Истинный поэт, проникнутый безграничной любовью к отчизне, обязан искать и находить в обществе силы, способные сделать все для возрождения своей нации, воспитать и сплотить людей на борьбу во имя счастья народа.

В те же студенческие годы Илья Чавчавадзе, воздав хвалу «великому и освободительному движению парижских коммунаров», мечтал о том, чтобы и на своей родине услышать заветный звон падения оков с угнетенных народов («Париж», «Слышу, слышу»), мечтал о герое, который освободил бы народ от эксплуатации («Базалетское озеро»), осуждал грузинских консервативных деятелей, которые отказались от борьбы за свободу народа, изменив ему, а слова «либерализм» «патриотизм» превратили в ругательные выражения («Ответ на ответ», «Загадки»). Оптимистическая поэзия Илья Чавчавадзе воспитывала поколение, которым «руководила жажда постичь правду жизни» и после которого оставался «светлый след просвещения». Программой борьбы за социальную и национальную свободу являлось для них написанное поэтом воззвание: «Что пользы плакать над давно забытым, жестокой дланью времени убитым. Что проку над былой грустить бедою?! Пора идти нам за иной звездой. Пора глядеть нам в будущие годы, ковать судьбу грузинского народа»⁹⁵⁰.

Гуманистическо-просветительские, революционно-демократические идеи являются основой и эпических произведений Ильи Чавчавадзе. В поэме «Видение» (1859) осуждено крепостническое рабство и воспет «свободный труд», на котором должен быть основан новый мир: «Труд — свободный — вот в чем задача нашего всеобщей свободы века, вот к чему стремится горячо пламенная воля человека. Одряхлевший мир не устоит перед ураганом обновления, мир насилия будет разбит, в этой битве за свободу будут, наконец скинуты цепи рабского труда...». В драматической поэме «Мать грузина» (1860) изображена картина грядущего освобождения народов. Основной идеей поэмы «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника» (1860) является протест против антигуманистической природы крепостничества, неизбежность освобождения крестьянства путем низвержения, либо отмены этого строя. В поэме «Димитрий

⁹⁵⁰ Ч а в ч а в а д з е И. Г. * Грузинской матери. — Соч., т. I. М., 1960, с. 40.

Самопожертвователем» (1878) дан возвышенный образ патриота, пожертвовавшего собой во имя спасения родины. Венцом поэтического творчества Ильи Чавчавадзе является поэма «Отшельник» (1883), в которой отвергается христианский аскетизм и утверждается всемогущество жизни.

Неизбежность создания демократического общества путем уничтожения социального и национального угнетения народов еще более отчетливо показана в прозе Ильи Чавчавадзе. В «Записках путника» (1861) устами крестьянина-горца высказано основное и всенародное чаяние: «да будем мы принадлежать самим себе» (т. е. высказано требование свободного и самостоятельного развития); в повести «Человек ли он?!» в лице Луарсаба Таткаридзе автор проклинает чисто животное существование провинциального грузинского дворянства, у которого не осталось никаких иных интересов и занятий, кроме как «чревоугодия». В «Рассказе нищего» (1859—1873) жестокостям крепостного строя писатель противопоставляет идею несокрушимого могущества гуманизма и просвещения, дает картины, изображающие протест и борьбу крестьян против несправедливости, обнажает действительное лицо крепостников, дает идеальные образы культутрегера священника и крестьянина-труженика. В антигуманной социальной среде деформируется природа человека, человек так же охотится на человека, как на зверя, «между господами и крепостными невозможно перекинуть мост»; крепостное право является причиной нескончаемых кровопролитий, причиной забвения людьми чувства человечности, говорил Илья Чавчавадзе. В повести «На виселице» (1877) изображена зияющая пропасть между личностью и обществом, возникающая при всяком несправедливом строе, раздираемом антагонистическими противоречиями. Основной темой прозаического шедевра Ильи Чавчавадзе — повести «Отарова вдова» (1887), является проблема преодоления непримиримых противоречий в отношениях между высшими и низшими сословиями. При чем панацеей от всех зол рассматривается всеобщий труд и просвещение. В этой повести нагляднее, чем в любом из его произведений, проявились особенности грузинского критического и гуманистического, просветительского реализма⁹⁵¹.

Духом истинного гуманизма проникнуто литературное наследие великого грузинского поэта Акакия Ростомовича Церетели, его лирическая и эпическая поэзия, драматургия и проза. Поэта волнуют те же проблемы, что и его друга — великого Илью Чавчавадзе. Главными темами для лирики Акакия Церетели были тема еще крепостнической, но уже ставшей на путь возрождения, горячо любимой, прекрасной, «бирюзовой и изумрудной» родины («Свирель», «Рассвет», «Сулико», «Светлячок»), тема измученного крепостным гнетом крестьянства («Трудовая песня», «Исповедь крестьянина», «Имеретинская колыбельная»), начинавшего борьбу против социального и национального рабства («Желание», «Кинжал», «Седина», «Долой», «К молодежи»), тема боли за страждущий народ («Мухамбази», «О моя лира», «Восхождение»). Народ-труженик был главной заботой поэта, считавшего своим назначением «служение правде в делах облегчения жизни угнетенных людей» и уничтожения их угнетателей («Чонгури», «Поэт»). По мнению Акакия Церетели, социальное и национальное раскрепощение того или иного народа является частью освобождения всего человечества. Острой сатирой обрушивался он на своих противников, не разделявших идей гуманизма, демократизма, патриотизма и интернационализма. И все-таки творчество А. Церетели, естественно, является, прежде всего, критическо-реалистическим изображением прошлой, современной и будущей — какой она мыслилась поэту — жизни грузинского народа. Героическую историю борцов за свободу родины нарисовал Акакий Церетели в своих исторических

⁹⁵¹ Ч а в ч а в а д з е И.* Полн. собр. соч., т. 10. Под ред. П. Ингорюва. Тбилиси, 1951—1967; его же. Избр. стихи и поэмы. М., 1949; его же. Избр. произведения. М., 1950; А б а ш и д з е К.* Этюды по истории грузинской литературы XIX века. 1962; К о т е т и ш в и л и В.* История грузинской литературы. Тбилиси, 1959; Б а р а м и д з е А., Р а д и а н и Ш., Ж г е н т и В. История грузинской литературы. М., 1952; Д ж и б л а д з е Г.* Илья Чавчавадзе. Тбилиси, 1966.

поэмах: «Баграт Великий» (1875) «Торнике Эристави» (1884) «Малый Кахи» (1890), «Натэла» (1897) и в повести «Баши-Ачук» (1896). Гимном уважения к здоровым народным обычаям, воспитания в людях высоких патриотических и интернациональных чувств, любви и дружбы, гостеприимства и доброжелательности является поэма «Воспитатель» (1884). Художественно-документальной картиной жизни Грузии второй половины XIX века является повесть А. Церетели «Пережитое» (1894—1908).

В своих произведениях А. Церетели изображает родину и родной народ то в лице прекрасной возлюбленной Сулико, либо приветливо маячащего светлячка, то в лице разбитого духовно и физически и плененного злыми силами человека прикованного Амирана-Прометея, стараясь всеми силами вдохновлять каждого человека на подвиг во имя родины, внушив ему непреодолимую любовь к ней, не останавливаясь иногда даже перед идеализацией героического прошлого народа. В истории народа он замечает преимущественно героев, глубоко уверенных в том, что тот, «кто не жертвует собой за свою родину, тот не патриот», а тот, кто вообще не заботится, прежде всего, о своем народе, не может бороться и за «всеобщее счастье всех народов, основанное на взаимной дружбе». Именно благодаря своему горячему патриотизму и интернационализму, демократизму и гуманизму, а также народности изобразительных средств, прежде всего языка, стал Акакий Церетели популярнейшим, подлинно народным поэтом своего времени, сыгравшим вместе с Ильей Чавчавадзе и Якобом Гогебашвили великую роль в развитии и окончательном утверждении нового грузинского языка и литературы, гуманистическо-просветительского критического реализма⁹⁵².

Наряду с гуманистическим течением в грузинской реалистической литературе и теории критического реализма второй половины XIX века существовало также течение, именуемое его теоретиками неприкрашенным реализмом. Главными его представителями были в публицистике Н. Я. Николадзе, в беллетристике — Г. Е. Церетели, в драматургии — А. Цагарели.

Одним из первых беллетристических произведений Георгия Ефимовича Церетели, сыгравшим роль первого манифеста радикально-демократического течения грузинских революционных просветителей-шестидесятников, были его «Записки проезжего» (1866). Художественные образы и публицистические рассуждения автора этого произведения рисуют обстановку в Грузии накануне отмены крепостного права. В произведении наглядно видны общественные силы того времени, представители всех сословий, их отношение к крепостничеству, необходимость рождения нового общества. В «Записках проезжего» в самом деле, настолько неприкрашенно была показана современная действительность, что в обширной галерее героев этого произведения читатель узнавал реальных людей, своих личных знакомых. Такая манера всестороннего описания общественной жизни путем срисовывания живых типов в большей или меньшей степени характерна для всего художественного творчества Георгия Церетели, и именно это снискало ему имя летописца грузинской действительности второй половины XIX века. Живая картина крепостнической Грузии нарисована и в другом беллетристическом произведении Георгия Церетели «Цветок нашей жизни», в котором главным действующим лицом выведен слегка измененный двойник самого автора. И тут с публицистической прямотой осуждена крепостническая жизнь, ее система воспитания, калечившая молодое поколение. В 80-х гг. были опубликованы лучшие повести Георгия Церетели — «Серый волк» и «Тетушка Аснат», в которых показано «разрушение грузинского дворянского гнезда», процесс его обнищания и духовного перерождения. Однако нигде Георгий Церетели не изобразил Грузию XIX века так наглядно, всесторонне и объективно, как в обширных социальных романах - «Первый шаг» (1890) и «Гулкан» (1895). В этих романах, так же как и во всем своем художественном творчестве, писатель выступает беспристрастным летописцем Грузии переходной от феодализма к капитализму

⁹⁵² Церетели А.* Полное собр. соч. В 15 томах. Под ред. Г. Абзианидзе и др. Тбилиси, 1950—1962.

эпохи, смелым обличителем крепостнической и капиталистической эксплуатации, пламенным мечтателем о лучшем будущем народа⁹⁵³.

Если Георгий Церетели продолжил реалистические традиции Георгия Эристави и Лаврентия Ардазиани в беллетристике, то в области драматургии продолжателем их дела выступил Авксентий Антонович Цагарели (1857-1902). В его комедиях неприкрашенно изображен быт тбилисских горожан, выведены привлекательные типы правдивых, веселых, беззаботных, бескорыстных карачохели («Иные нынче времена», «Ханума» «Возвратившийся из Сибири»)⁹⁵⁴.

Крестьянский быт, обычаи и миропонимание изображаются в произведениях писателей-народников. Народнический реализм в грузинской литературе возглавил Антон Пурцеладзе («Приключения троих», «Горе тем, кто прав», «Мацц Хвития»). По принципам народнического реализма создавали свои произведения поэт Иосиф Давиташвили (1852—1887), писатели Екатерине Габашвили («Лурджа Магданы»), Захарий Гулисашвили (1857—1913), Анастасия Эристави-Хоштария («На скользком пути»). Но более типичными представителями грузинского народнического реализма являлись Нико Ломоури (1852—1915) и Софром Мгалоблишвили (1851—1925).

Свою литературную деятельность Нико Ломоури начал в качестве поэта (стихотворение «Мороз и маленький ученик»), но имя художника-реалиста снискали ему маленькие повести («Гиго Грубелашвили», «Судьба обездоленных», «Со всех сторон», «Русалка», «Каджана»), в которых изображена пореформенная жизнь крестьян, их нищета и невежество, первые мгновения возникновения в их среде революционного сознания⁹⁵⁵.

Софром Мгалоблишвили менее заботится о форме своих рассказов, в которых больше места отводится иллюстрации народнических идей, нежели образному изображению жизни. Автор идеализирует крестьянство, показывает социальную дифференциацию современной ему деревни, пробуждение революционного сознания отдельных крестьян, несколько сгущая краски и поэтому в темных тонах, с натуралистическим беспристрастием описывает деревенскую жизнь («Из прошлого», «Матушка Майя», «Пастух Цецо», «Упрямец Закара»)⁹⁵⁶.

Натуралистический подход к действительности обнаруживают и некоторые другие прозаики и поэты, начавшие свой творческий путь в 90-х гг. (Лалиони (А. Мамулашвили), Дуту Мегрели (Хоштария), Силован Хундадзе, Шио Мгвимели).

В 80-х—90-х гг. традиции критического реализма в грузинской литературе развили и обогатили своими шедеврами А. М. Казбеги, Важа-Пшавела (Л. Разикашвили), Д. С. Клдиашвили, а также Ш. Арагвиспирели (Дедабришвили), В. Барнов (Барнавели) и другие.

Истинным гуманизмом проникнут смех сквозь слезы, тонкий юмор Давида Клдиашвили (1862—1931), мастерски изобразившего трагикомическое положение «осенних дворян» («Соломон Морбеладзе», «Невзгоды Камушадзе», «Мачеха Саманишвили», «Тяготы Дариспана»)⁹⁵⁷. Гуманизм просачивается сквозь грустные картины, раскрывающиеся в психологических новеллах Шио Арагвиспирели (1867—1926): «Не моя вина, о господи!», «Это и есть наша жизнь?», «О, моя Швинда», «Хочет да хохочет», гневно обличающих моральное разложение буржуазного общества⁹⁵⁸. На той же основе возникли историзм и культ любви в романах Василия Барнова (1856—1934) — «Родство душ», «Сладкая свирель», «Невеста Теберы», «Поблекший нимб», «Заря Исани»,

⁹⁵³ Церетели Г.* Соч., т. 1—2. Тбилиси, 1950—1951; см. также: Гаприндашвили М.* Мироззрение Г. Церетели. Тбилиси, 1955, с. 252—270.

⁹⁵⁴ Цагарели А.* Комедии. Под ред. И. Гришашвили. Тбилиси, 1936.

⁹⁵⁵ Ломоури Н.* Каджана. — Рассказы. Тбилиси, 1939.

⁹⁵⁶ Барамидзе А., Радвани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. М., 1952.

⁹⁵⁷ Клдиашвили Д. С.* Соч., т. I—II. Тбилиси, 1950.

⁹⁵⁸ Арагвиспирели Ш.* Избранное. Тбилиси, 1950.

в которых также дана острая критика с позиций трудового народа не только дворянства, но и купечества и других угнетателей⁹⁵⁹.

Однако если реалистическое творчество этих писателей еще не избавилось полностью от эмпиризма различных оттенков, то глубоко национальные произведения Александра Казбеги и Важа-Пшавела в то же время содержат в себе общечеловеческие черты⁹⁶⁰.

Александр Михайлович Казбеги (1848—1893) сам же так коротко характеризует ту социальную действительность, которая породила его простых, но великодушных героев: «Народное единство поколебалось и стало постепенно исчезать. Даже брат с братом не имел больше общего дела, да сосед с соседом; даже природа изменилась, будто бы лишившись своей обыкновенной силы и красоты». Во всех романах и повестях Александра Казбеги («Отцеубийца», «Цико», «Священник», «Циция», «Отверженная», «Элгуджа», «Элисо», «Хевисбери Гоча») даются художественные картины возникших на этой почве взаимоотношений двух противоположных миров — добра и зла, и титанической борьбы между ними. Благородные и добрые люди терпят поражение в столкновении с грубым и бессмысленным насилием, рушатся сложившиеся на протяжении веков моральные устои и вместо людей высоких духовных запросов начинают господствовать негодяи («Элгуджа»). В борьбе между общественным и личным гибнет и тот, кто выступает защитником моральной чистоты, и тот, кто забывает общественные обязанности, отрываясь от коллектива (тэми) в целях достижения личного счастья («Хевисбери Гоча»), злая сила угнетателей воздвигается непреодолимым препятствием перед влюбленными, пытавшимися перешагнуть через религиозно-национальный барьер («Элисо»), жертвами угнетателей-насильников становятся участники аграрного и национального движения («Отцеубийца», «Цико»), однако конечная победа добра над злом все-таки неотвратима. Порукой этому, по мнению писателя, являются «соединенные силы народа, его возвышенное духовное состояние», представленное в творчестве Александра Казбеги в качестве решающего фактора общественной жизни. Не только в грузинской, но и в мировой литературе немного произведений, проникнутых столь высоким моральным пафосом, как лучшие произведения Александра Казбеги⁹⁶¹.

Величайшей нравственной силой считал художественное слово и гениальный грузинский поэт Важа-Пшавела («Надежда поэта», «Одинокое слово»), в творчестве которого гуманизм поднимается на недостижимую высоту, а вся необъятная вселенная представлена одухотворенным любовью существом, всякое неодушевленное — одушевленным, каждая травинка — достойной человеческого сочувствия («Рассказ олененка», «Фиалка», «Горный родник», «Кучи», «Горные вершины»). Основная тема его лирики — мужество, патриотизм, демократизм, любовь к женщине и природе. В его стихотворениях природа предстает в нескончаемой борьбе света и тьмы, добра и зла («Песня горца», «Весна», «Свадьба великанов»). Однако природные контрасты все же согласуются друг с другом, создавая удивительную гармонию мира. Вся природа является одновременно и госпожой над самою собой и своей же рабой, творцом добра и зла и всегда — олицетворением красоты («Ночь в горах»). Самоотверженность и героизм людей предстают перед читателем в маленьких поэмах и балладах Важа-Пшавела («Вестник», «Гиги», «Жалоба сабли», «Бакур», «Смерть героя», «Письмо пшавского солдата», «Орел»). Проблемам взаимоотношений коллектива и личности, международной солидарности различных наций, общественного назначения человека посвящены лучшие поэмы Важа-Пшавела («Алуда Кетелаури», «Гость и хозяин», «Бахтриони», «Змеед»), а

⁹⁵⁹ Барнов В.* Избранное. Тбилиси, 1948.

⁹⁶⁰ Кикодзе Г.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Избр. соч., т. III. Тбилиси, 1965, с. 334, 398.

⁹⁶¹ Казбеги А. М.* Соч. в двух томах. Тбилиси, 1962; Кикодзе Г.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Избр. соч., т. III. Тбилиси, 1965, с. 343.

также пьесы («Отверженный»), в которых изображены общечеловеческие характеры и выражены гуманистические взгляды на высокий идеал человека. Поэмы Важа-Пшавела, даже те, которые представляет собой художественное отражение определенной эпохи, являются произведениями глубоко впечатляющими («Рассказ старца»)⁹⁶². Вместе с тем реалисты, не удовлетворяясь лишь абстрактными обобщениями и объективным описанием явлений, происходивших в недрах общества и природы, несколько тенденциозно рисуют действительность, идеализируя ее прошлое, чтобы подчеркнуть безрадостное настоящее, в чуть приукрашенных тонах набросать желанное будущее.

Своеобразным подытоживанием лучших традиций грузинской реалистической литературы XIX века является творчество Эгнатэ Фомича Ниношвили (Ингороква) (1859—1894). Наделенный с юношеских лет мятежным духом, слабым здоровьем и несгибаемым характером, Э. Ниношвили прошел тяжелый жизненный путь пролетарского интеллигента. После исключения из духовного училища за участие в выступлениях против деспотизма администрации, писатель долго мытарствовал в постоянных поисках куска хлеба: работал мелким арендатором, заведующим конторкой и телеграфистом, учителем, наборщиком в типографии и личным секретарем одного князя, наконец, грузчиком и чернорабочим. Путешествуя по многим провинциям Грузии, а некоторое время также и по Франции, вращаясь в различных слоях общества, Э. Ниношвили приобрел богатый жизненный опыт, сыгравший большую роль в формировании его мировоззрения и оказавший влияние на революционно-демократический дух его творчества. Э. Ниношвили стал одним из популярнейших писателей своего времени и одним из руководителей возникшей по его же инициативе в Грузии в середине 90-х гг. социал-демократической группы «Месаме даси» («Третьей группы»). На похоронах писателя, превратившихся в политическую демонстрацию революционной молодежи, впервые была публично провозглашена марксистская программа грузинских социал-демократов.

На литературном поприще Эгнатэ Фомич Ниношвили выступил еще в 1887 г. Одним из первых его произведений был роман «Гурийский бунт», воскресивший на основе исторических источников события одного из крупнейших восстаний в Грузии — в 1841 г. Среди других героев романа изображен и крестьянский вождь, по воле автора более похожий, однако, на грузинского просветителя и народника 60-х—70-х гг., чем на руководителя восставших в 40-х гг. XIX века грузинских крестьян. Сам Э. Ниношвили, один из руководителей новой (марксистской) идейной группы, по причине ранней своей смерти не успел полностью освободиться от просветительских и народнических взглядов. Он выбирал эпиграфами для своих произведений отдельные высказывания Ильи Чавчавадзе, признавал необходимость развития капитализма почти в духе Георгия Церетели, и мечтал вслед за народниками о таком обществе, в котором весь продукт труда остался бы в руках трудящихся, а все представители нации имели бы равные возможности для физического, умственного и нравственного развития⁹⁶³. И герои его произведений похожи на героев реалистов-гуманистов, радикалов и народников, однако, если в их произведениях все еще идеализируется вся нация, в том числе и ее мелкобуржуазные представители, то в повестях Э. Ниношвили присутствует больше объективности, отвергнута излишняя романтизация («Гурийский бунт») и идеализация тружеников села, показано усиление классовой борьбы в результате дифференциации крестьянства и бесперспективности нарождавшегося класса грузинской буржуазии («Палиастомское озеро», «Симона»), окончательное разложение грузинского дворянства и бюрократической машины царизма в условиях недостаточности образования и культа

⁹⁶² В а ж а - П ш а в е л а . * Полн. собр. соч., т. 1—V. Под ред. Г. Леонидзе. Тбилиси, 1961; его же. Поэмы. М., 1947; его же. Избр. произ. Тбилиси, 1939; К и к о д з е Т. * Из истории груз. литературы XIX века. Избр. соч., т. II, с. 361—364.

⁹⁶³ Н и н о ш в и л и Э. * Старый спор в новой форме. — Полн. собр. соч. Под ред. С. Хундадзе. Т. III. Тбилиси, 1935, с. 57; см. также: его же. Указ. соч., т. I—II.

наживы («Рыцарь нашего времени», «Кристина», «Писарь Мосэ»). Словом, из творчества Э. Ниношвили читатель приходит к заключению, что в бюрократическо-полицейском и дворянско-буржуазном обществе нуждались в лечении, обновлении и преобразовании не только высшие классы и привилегированные сословия, но все общество в целом. Писатель пытался пробудить в грузинском обществе 90-х гг. гуманные чувства к забитому и угнетенному трудовому народу и ненависть к его угнетателям⁹⁶⁴.

Вместе с тем Э. Ниношвили и в большей степени его младший современник, поэт-революционер Иродион Исакович Эвдошвили (1873—1916), уже не удовлетворяются «пропагандой любви через ненависть», в литературе появляется прямой и недвусмысленный призыв к массовому, практическому, революционному действию («К друзьям», 1895).

Таким образом, закрывалась большая книга новой грузинской литературы критического реализма, и перелистывались первые страницы грузинской литературы новейшего реализма.

Журналы, газеты и книги. До XIX века грузинское печатное слово ограничивалось изданием отдельных книг. Выдвинутой было в 1799 г. Иоанэ Багратиони идея основания грузинской газеты не была осуществлена. Первая грузинская газета вышла в свет 8 марта 1819 г. Она называлась сначала «Сакартвелос газети» («Газета Грузии»), а потом — «Картули газети» («Грузинская газета») и выходила еженедельно до конца 1821 г. «Грузинская газета» готовилась на русском языке и переводилась на грузинский.

Преимущественно грузинским переводом русских «Тифлиских ведомостей» являлись и «Тфилисис уцкебани», выходившие в 1828—1832 гг. Редактировал их П. Сенковский. Издание грузинского варианта осуществлялось под руководством С. Додашвили. В 1832 г. им же был издан в виде приложения к «Тфилисис уцкебани» журнал «Салитературони нацили Тфилисис уцкебатани» («Литературные части Тифлиских ведомостей») — первый грузинский периодический орган, поставивший своей целью всячески способствовать делу возрождения и развития новой грузинской культуры. После его закрытия до 1838 г. в Грузии не издавалось ни газет, ни журналов. Попытки издания «Кавказских областных ведомостей» и «Сакартвелос путкари» («Пчела Грузии») были безрезультатными. В 1338—1841 гг. Платон Иоселиани ежегодно издавал грузинский календарь. С 1838 г. выходила газета «Закавказский вестник», грузинский вариант которой до 1845 г. редактировал Пл. Иоселиани. С 1846 г. начала выходить еженедельная русская газета «Кавказ», которая представляла собой официальный орган царского правительства, хотя в ней сотрудничали и некоторые деятели, защищавшие в своих письмах прогрессивные идеи (Н. Бердзенишвили, М. Туманишвили, Д. Чубинашвили и др.). В 40-х гг. представители грузинской интеллигенции попытались основать литературно-политические журналы «Синатле» («Свет») в Тбилиси и «Аре» («Окрестность») в Петербурге, но безуспешно. В 50-х гг. единственным грузинским периодическим органом являлся основанный в январе 1852 г. и издаваемый до конца 1853 г. Георгием Эристави журнал «Цискари» («Заря»), сыгравший большую роль в развитии новой грузинской литературы и культуры. На его страницах широкий круг грузинских читателей впервые познакомился с лучшими произведениями как современных для того времени, так и ранних грузинских, русских и западноевропейских писателей.

В 1857 г. издание «Цискари» возобновил Иванэ Кереселидзе, который редактировал журнал до его окончательного закрытия в 1875 г. Обновленный журнал лучше служил делу подъема новой грузинской культуры, напечатав на своих страницах ряд значительных художественных и публицистических произведений. Однако журнал «Цискари», не имевший строго определенного идейного направления, уже значительно отставал от запросов времени, что было особенно явно в новых условиях 60-х гг. И в это

⁹⁶⁴ К и к о д з е Г.* Из истории грузинской литературы XIX века. — Избр. произ., т. III. Тбилиси, 1965, с. 329.

время роль пропагандиста официальной политики правительства выполняла газета «Кавказ», хотя и она иной раз публиковала материалы либерального и даже демократического толка, особенно в таких ее приложениях, каким был, например, «Литературный листок» (1864). Точку зрения правительства и церкви выражали и журналы «Сасулиеро махаробели» («Духовный вестник», 1864—1868), который редактировал Г. Хеладзе, и «Сакартвелос саегзархосос сасулиэро моамбэ» («Духовный вестник Грузинского экзархата», 1881—1916). Более популярным считался богословский журнал «Мцкемси» («Пастух», 1883—1910), редактором которого был Д. Гамбашидзе и который часто освещал вопросы истории Грузии и грузинской школы и именно этим снискал поддержку определенной части населения.

В предреформенное время выполнить роль литературного выразителя задач национально-освободительного движения Грузии пытался уже «Цискари», сотрудниками которого в то время были наряду с Георгием Эристави, И. Мамацашвили, А. Орбелиани, Гр. Орбелиани, А. Пурцеладзе, Д. Чонкадзе, А. Церетели и другие. Несмотря на консерватизм и либерализм, господствовавшие в журнале, «Цискари» сыграл большую роль в распространении отдельных грузинских, русских и западноевропейских просветительских идей. В нем впервые были напечатаны художественные произведения Д. Гурамишвили, И. Багратиони, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели и других выдающихся писателей и мыслителей. На его страницах началась реформа грузинского языка и письменности. «Цискари», по словам И. Чавчавадзе, явился колыбелью для тех молодых писателей, которые в дальнейшем, в 60-х гг. «наряду с писателями-предшественниками произвели такое сильное впечатление и влияние на течение наших мыслей»⁹⁶⁵. Сотрудничество и выступления просветителей нового, революционно-демократического поколения на страницах «Цискари» в 1861—1867 гг. заметно оживили и обновили старый журнал⁹⁶⁶, хотя он не смог до конца идти в ногу с новой жизнью, оставаясь, в основном, либеральным органом.

В 1863 г. Илья Чавчавадзе издавал журнал «Сакартвелое моамбе» («Грузинский вестник», 12 номеров), сотрудниками которого, наряду с великим грузинским писателем и мыслителем, были С. Абашидзе, С. Бараташвили, И. Беридзе, Л. Джандиерашвили, Д. Кипиани, М. Кипиани, К. Лорткипанидзе, Э. Магалашвили, П. Накашидзе, И. Окромчедлишвили, Г. Сулханишвили, В. Тулашвили, Г. Церетели, М. Чикваидзе, Г. Чиковани. «Сакартвелос моамбе» был литературным органом гуманистическо-демократического течения национально-освободительного движения в Грузии, начавшим систематическое распространение просветительно-революционно-демократических и утопическо-социалистических идей у нас. Он издавался только в 1863 г., после чего прекратил существование за неимением соответствующего литературного материала и финансовых средств⁹⁶⁷. Однако журнал оказал сильное воздействие на развитие грузинской демократической прессы (в частности газеты «Дрозба»), литературы, и общественной мысли своего времени. Его прямым продолжателем явилась «Иверия», которая в 1877—1885 гг. выходила как ежемесячный журнал, а в 1886—1906 гг. — как ежедневная газета. Первым редактором «Иверии» был Илья Чавчавадзе, которому в разное время оказывали непосредственную помощь Д. Микеладзе, Гр. Кипшидзе, А. Сараджишвили, Г. Ласхишвили, Ф. Гогичайшвили и другие, а сотрудничали в ней почти все видные деятели социально- и национально-освободительного движения, в том числе И. Гогешашидзе, А. Церетели, Г. Церетели, Важа-Пшавела, Г. Маиашвили, С. Чрелашвили, А. Нанейшвили, В. Церетели и другие. «Иверия» была настоящей энциклопедией гуманистическо-демократической, радикально-демократической и утопическо-социалистической литературы и общественной мысли, в которой нашла свое

⁹⁶⁵ Ч а в ч а в а д з е И. Г.* «Цискари» от 1857 года до 1862 года. — Полн. собр. соч., т. III, с. 221.

⁹⁶⁶ В а х а н и я В.* Мироззрение Антона Пурцеладзе Тбилиси, 1958 с. 42—50.

⁹⁶⁷ К а л а н д а д з е А.* «Сакартвелос моамбе». Тбилиси, 1963, с. 8—11, 62—64, 316—317; Х а х а н о в А. История грузинской словесности, 1906, с. 220; М е у н а р г и я И.* Грузинские писатели, с. 28.

широкое и глубокое отражение социально-экономическая, политическая и культурно-литературная жизнь Грузии второй половины XIX века, особенно с того времени, когда она стала ежедневной газетой.

По времени ближайшим наследником журнала «Сакартвелос моамбе» была газета «Дрозба» («Время») — орган радикально-демократического течения национально-освободительного движения Грузии, выходившая с 1866 по 1885 г. Первым ее редактором был Георгий Церетели, в 1869—1883 гг. ее редактировал Сергей Месхи, а после, до закрытия ее царским правительством, — Иван Мачабели. Вместе с ним в издании «Дрозба» принимали участие Н. Николадзе, К. Лорткипанидзе, П. Умикашвили, Д. Микеладзе и др. В ней сотрудничал И. Чавчавадзе. Активнейшим ее сотрудником являлся А. Церетели. В 1871—1873 гг. в виде приложения к «Дрозба» издавался журнал «Кребули», сыгравший, наряду с «Дрозба», большую роль в распространении радикально-демократических идей. По своему направлению к газете «Дрозба» близко стояла «Сасопло газети» («Сельская газета»), которую издавали для грузинских крестьян в 1868—1871 гг. Г. Церетели; а в 1872—1879 гг. — П. Умикашвили. Примером свободного и естественного изложения идей, защищаемых «Дрозба» и «Сельской газетой», является изданная Н. Николадзе, Д. Микеладзе и П. Измайловым в Париже на гектографе в 1873 г. грузинская социалистическая газета «Дроша» («Знамя»). Духом подлинного демократизма проникнуты тбилисские русские газеты — «Тифлисский вестник» (1871—1880) К. Бебутова — Н. Николадзе, «Обзор» (1878—1880) Нико Николадзе, «Новое обозрение» (1884—1897), со страниц которых демократы Грузии смело, выступали против социального и национального угнетения народа.

Из грузинских периодических органов, основанных в 1893—1894 гг., наследниками «Дрозба» стали демократические газеты «Квали» («Борозда», 1893—1904), «Цнобис пурцели» («Листок известий», 1896—1906) и журнал «Моамбэ» («Вестник», 1894), перешедшие в дальнейшем в руки социал-демократов и социал-федералистов. И это не случайно. «Дрозба» представляла собой настоящую трибуну демократической общественной мысли своего времени. В течение целого двадцатилетия ее руководители старались объединить всех демократов, патриотов и интернационалистов в единый отряд национально-освободительного движения. При этом, если в ежемесячном журнале «Сакартвелос моамбэ», как говорил его редактор, чувствовалась определенная недостаточность «интересов времени», то «Дрозба» дышала, прежде всего, современностью. Она явилась первой грузинской общественно-литературной газетой, на страницах которой нашли свое всестороннее отражение, назревшие потребности развития пореформенной общественной жизни Грузии. С 1877 г. в этом же направлении шла и «Иверия» Ильи Чавчавадзе, однако ее программа несколько отличалась от программы «Дрозба». В 1880 г. их редакторы С. Месхи и И. Чавчавадзе объединили свои органы, игнорируя это различие, однако через два года опять разделились.

Во многом походил на орган народнического направления ежемесячный научный и литературный журнал «Мнатоби» («Светоч»), который издавал Нико Авалишвили в 1869—1872 гг. В журнале сотрудничали А. Пурцеладзе, Н. Инашвили, С. Мгалоблишвили, Н. Ломоури, М. Кикодзе, Г. Иоселиани, Д. Бакрадзе, Г. Чаладидели, А. Церетели. Журнал пропагандировал патриотическо-демократические и утопическо-социалистические идеи. После прекращения издания «Мнатоби» один из его фактических редакторов Антон Пурцеладзе возглавил издававшуюся еще с 1862 г. Ив. Кереселидзе «газету сельского хозяйства и торговли» — «Гутнис дэда» («Пахарь»), начав на ее страницах пропаганду, помимо агрономических знаний, также демократических и утопическо-социалистических взглядов. В 1881—1883 гг. систематически распространяли идеи народнического социализма журнал «Имеди» («Надежда») — редактор М Гургенидзе, и газета «Шрома» («Труд») — редактор Д. Дадиани. В этих органах «крестьянского направления» сотрудничали главным образом народники или же близко стоящие к ним публицисты. — Р. Хомлели (Панцхава), Гр. Вольски, Д. Кезели, С.

Чрелашвили, Н. Хизанишвили, А. Пурцеладзе Н Худадов, Э. Бослевели (Мчедлидзе) и другие.

В 80-х—90-х гг. начинают издаваться первые грузинские детские журналы «Нобати» («Подарок», 1883—1885) — редактор А. Гуладзе, и «Джеджили» («Нива», 1890—1923)—редактор А. Туманишвили-Церетели. Эти журналы, в которых сотрудничали все выдающиеся грузинские писатели, сыграли важную роль в воспитании молодежи в демократическом, патриотическом и интернациональном духе.

Помимо журналов и газет общего характера, в 80-х—90-х гг. умножились и отраслевые печатные органы, освещавшие отдельные вопросы экономики и культуры. В 1887 г. И. Кереселидзе сделал попытку восстановить старый «Цискари» в виде хозяйственной газеты. В 1888—1894 гг. в Тбилиси В. Сулханишвили, а в 1895—1898 гг. в Кутаиси И. Чкония издавали ежемесячный экономический журнал «Меурнэ» («Хозяйственник»). В 1883 г. Е. Лорткипанидзе в Кутаиси печатала литературный журнал «Грузинская библиотека».

В 1889—1891 гг. за ним последовал сборник «Цда» («Опыт»), а в 1897—1900 гг. — «Акакис твиури кребули» («Ежемесячный сборник Акакия Церетели»). В 1885 --1890 гг. издавалась литературно-художественная газета «Театри» («Театр»), редакторами которой в различное время были Васо Абашидзе, Валериан Гуния и Ал. Небиеридзе. В 1888—1898 гг. В. Гуния издавал также «Календарь Грузии», в котором печатались историко-географические и литературные материалы. В XIX веке в Тбилиси издавалось несколько армянских и азербайджанских газет.

Вся прогрессивная пресса Грузии второй половины XIX века, газеты и журналы, как национально-освободительного, так и народнического движения, являлись органами общедемократического, то есть по существу буржуазно-демократического направления. Основным их содержанием была революционно-демократическая критика царской колониальной политики, крепостничества и его остатков и утопическая защита экономических, политических и культурных интересов нации и ее трудового большинства на основе новых общественных отношений. Демократическая пресса того времени подготовила почву для газет и журналов последующего пролетарского периода освободительной борьбы⁹⁶⁸.

Наряду с газетами и журналами стало издаваться много грузинских книг. Только в 1851 — 1867 гг. было издано намного больше грузинских книг, чем в предшествующем пятидесятилетии. Если ранее в течение нескольких лет выходила в свет в среднем одна книга, то в 60-х гг. ежегодно печатались 5 — 12 книг, а в последующие годы еще больше. В 1868 г. было напечатано грузинских книг 11 наименований, в 1878 г. — 45, в 1893 г. — 93, а в 1899 г. — 112. Только в последнем десятилетии XIX века было напечатано почти столько же грузинских книг, сколько на протяжении всех предшествующих 275 лет. Крайне расширился круг читателей грузинской книги. С жадностью приобщалась к знаниям молодежь из низших слоев общества. Книга становилась предметом всеобщей любви и заботы. Печатное слово чутко отражало пульс биения эпохи. Больше всего книг выходило в виде учебников. Большое внимание уделялось изданию классических памятников древней и новой грузинской литературы, переводов произведений русских и иностранных классиков, опубликованию трудов по вопросам гуманитарных и естественных наук. Продолжалась традиция издания грузинских книг за пределами Грузии, однако основные очаги издания грузинской книги были созданы в самой Грузии. Тбилиси опять становился главнейшим центром издания грузинской книги. Много книг печаталось в Кутаиси и почти во всех крупных провинциальных центрах⁹⁶⁹.

Невиданный до тех пор размах развития издания грузинской прессы и книги являлся результатом оживления общественной жизни, пробуждения широких народных масс, усиления освободительного движения, самоотверженной деятельности его

⁹⁶⁸ Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 229—230.

⁹⁶⁹ Грузинская книга. Библиография, т. I, 1629 — 1920. Тбилиси, 1941, с. 16—21.

руководителей — выдающихся грузинских писателей-просветителей. Царизм всячески старался воспрепятствовать развитию этого значительного элемента грузинской культуры, запрещал деятелям освободительного движения издание демократических газет, журналов и книг, устанавливал строжайшую цензуру, закрывал демократические органы прессы, наказывал редакторов и публицистов революционно-демократического направления. Царское правительство не разрешило Н. Николадзе издание газет «Риони» и «Кандэли» («Лампада») на грузинском языке. Так же поступило оно с Акакием Церетели в 80-х гг. Цензура искажала смысл произведений писателей-демократов. Царское правительство закрыло газету «Дрозба» в 1885 г., приостановило издание газеты «Иверия» в 1895 г. На протяжении многих лет находились под полицейским надзором редактор «Иверии» И. Чавчавадзе, редактор «Обзора» Н. Николадзе и другие. Царизм с недоверием смотрел на всех журналистов-демократов, которые не соглашались с политикой угнетения и насилия. В таких тяжелых условиях создавалось и развивалось грузинское печатное слово второй половины XIX века, однако оно преодолевало всяческие препятствия на своем пути и готовило народ к решительной борьбе против социального и национального угнетения.

§ 5. ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

Просвещение. Царские чиновники не знали и не хотели знать многовековой культуры и состояния просвещения в Грузии, обвиняя грузинский народ в бескультурье и объявляя себя цивилизаторами, якобы «впервые внесшими луч просвещения в Грузию».

В самом начале же XIX века царизм упразднил национальные учебные заведения. В 1802 г. в Тбилиси было открыто русское начальное учебное заведение, которое вскоре закрылось, так как учащиеся не смогли заниматься на непонятном языке. В 1804 г. открылось Тбилисское училище для благородных детей, которое в 1830 г. было преобразовано в гимназию. Это была первая официальная новая светская школа, из которой вышли не только гражданские и военные чиновники, но и выдающиеся деятели новой грузинской культуры — Гр. Орбелиани, Д. Кипиани, Н. Бараташвили и многие другие. В 1850 г. гимназия открылась и в г. Кутаиси, а к первой Тбилисской гимназии прибавилась и вторая коммерческая гимназия. Гораздо раньше в Тбилиси была основана школа-пансион для девочек, которая в 1840 г. была преобразована в женский институт. Пансионы существовали и при мужских гимназиях. В 50-х—60-х гг. тбилисские и кутаисские гимназии окончили выдающиеся общественные деятели — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Г. Церетели, С. Месхи, А. Казбеги и другие. В 1830 г. в семи уездах Грузии открылись начальные училища, имевшие также светский характер. Для подготовки служителей церкви царизм создавал духовные училища. В 1817 г. открылась в Тбилиси русская духовная семинария. С 1818 г. начали открывать духовные уездные и приходские училища. В семинарии принималась молодежь из всех сословий. Семинария давала больше практических знаний, чем гимназия. Поэтому народ больше стремился к ней. В разное время Тбилисскую семинарию окончили С. Додашвили, Д. Бакрадзе, Д. Чонкадзе, Я. Гогешаши, Н. Ломоури, Ал. Цагарели, В. Петриашвили и многие другие деятели грузинской культуры. В гимназиях и семинариях занятия проводились на русском языке, однако до 60-х гг. там преподавались и грузинский язык, и литература, на первых порах языком преподавания других предметов был грузинский.

Царская власть не заботилась о школах. До 30-х гг. на обеспечение названных школ правительство не затратило ни одной копейки. Они существовали на местные средства. А стремление народа к знаниям быстро возрастало. В городах и крупных населенных пунктах начали возникать частные школы и пансионы, в которых учились дети богатых родителей. К 40-м гг. очень мало было сельских школ для крестьянства, особенно в Западной Грузии. В 1860 г. в Грузии было 145 начальных и средних учебных заведений всех типов, в которых числилось 7850 учащихся, то есть в школах обучалось из каждой тысячи жителей только 9—10 человек.

Помимо того, что подавляющее большинство молодежи школьного возраста оставалось вне школы, часто не был удовлетворительным и процесс обучения и воспитания. Как в государственных, так и особенно в церковных и частных школах подчас отсутствовали учителя, имевшие хотя бы элементарную методическую подготовку, так как не существовало специальных заведений, в которых готовили бы педагогические кадры. Разумеется, были и хорошие преподаватели, однако дело просвещения, главным образом, было доверено чиновникам-канцеляристам, дьяконам, бывшим солдатам. В гимназиях и семинариях царили полицейский режим и бессмысленное зазубривание, розги и линейка. Школы не снабжались необходимыми учебниками, учебными пособиями и инвентарем. Вместо мела и доски часто применялся стародавний способ писания углем на бычьей кости.

Ввиду недостаточности и недоступности современных школ простой народ вынужден был по-прежнему утолять жажду знаний народными, отсталыми по сравнению с требованиями нового времени, средствами обучения и воспитания. В домашнем воспитании главная роль принадлежала старому мастеру, священнику или хозяйке дома. Наряду с грамотой они обучали детей и какому-нибудь ремеслу. Сохранился обычай спартанского физического воспитания. Девушкам даже в школах давали больше знаний, чем юношам. Было распространено и определение детей на воспитание. Первый школьный день ребенка считался праздником. Перед уходом в школу ребенка ставили в речку, давали в руки книгу и благословляли, чтобы он читал так же быстро, как течет в реке вода. В семьях существовали «устные школы», где изучали «Витязя в тигровой шкуре», «Давитиани» (произведение Давида Гурамишвили), сказки и стихи. Воспитатель подобной домашней школы был менее заинтересован в материальном доходе, гордясь прежде всего знаниями своего воспитанника. Физическое наказание не считалось уже средством воспитания⁹⁷⁰.

Какими бы привлекательными ни являлись старые традиции грузинского народного воспитания, в условиях Грузии первой половины XIX века они все же явно отставали от «духа времени», даже по сравнению с государственной системой образования, основанной, как мы убедились выше, на низкой педагогической культуре. Народ, все более убеждаясь в преимуществах новых методов обучения и воспитания, устремил свой взор к школе. Однако царизм не поощрял стремления народа к просвещению. В то же время развитие общественной жизни и борьба теоретиков передовой демократической педагогической мысли вынуждали царское правительство провести хотя бы либеральную реформу системы просвещения в ответ на революционный подъем 60-х гг. Народ требовал народной школы, которая смогла бы дать молодежи полезные знания. Но это требование при царизме фактически было неосуществимо, несмотря на то, что формально, по положению 1864 г. право основания народной школы было дано всем местным органам и частным лицам. К тому же подобные школы могли быть самых различных типов, а учащимися — дети всех сословий.

В 1877 г. изменилось управление закавказскими учебными заведениями, входившими ранее в Казанский учебный округ, потом в Харьковский, а с 1853 г. до 1860 г. — имевшие самостоятельный учебный округ. В 1860 г. был упразднен самостоятельный Кавказский учебный округ, а руководство учебными заведениями края было передано губернаторам. В 1864 г. округ был восстановлен, а по положению 1867 г. в школах наряду с расширением программы по русскому языку было введено и изучение грузинского языка, хотя от него освобождались лица негрузинского происхождения. По положению 1873 г. грузинский язык был оставлен только в прогимназических классах средних школ, и то в качестве необязательного предмета. Необходимость обучения на грузинском языке в народных школах признавалась и в 1873 г., однако часто она не осуществлялась на практике. В 1881 г. царское правительство, осуществляя свой реакционный план в области

⁹⁷⁰ Т а в з и ш в и л и Г. История народного образования и педагогической мысли в Грузии, т. II. Тбилиси, 1948, с. 146, 211—213.

народного просвещения, начало открыто изгонять преподавание родного языка и из начальных школ. Грузинские демократы, в частности выдающиеся педагоги Якоб Гогешвили, Нико Цхведадзе, Илья Цинамдзгвришвили, Антимоз Джугели, Луарсаб Боцвадзе, Иван Ростомашвили самоотверженно боролись против плана самодержавия полностью русифицировать грузинскую начальную школу, однако эта борьба закончилась поражением прогрессивной грузинской интеллигенции. Начиная с конца 80-х и начала 90-х гг. грузинский язык почти окончательно был изгнан из начальных школ. Несмотря на русификаторскую политику, в Грузии во второй половине XIX века значительно улучшилось дело народного образования. Возросло число школ, были преобразованы старые и созданы новые школы, как общеобразовательные, так и профтехнические, как мужские, так и женские. Вторая тбилисская гимназия была преобразована в реальную гимназию, а первая — в классическую гимназию. Были основаны ремесленные училища, увеличилось число начальных школ, а также пансионов, музыкальных и художественных школ, были созданы дошкольные и внешкольные воспитательные заведения (детские сады и воскресные школы), педагогические училища, разработаны и введены новая теория и методика обучения и воспитания. К концу 1865 г. в Грузии существовала 251 школа всех типов, в которых обучалось, 11 868 учеников. К концу XIX века число учащихся стало намного больше. Значительно расширилась и школьная сеть, особенно с начала XX века.

Несмотря на то, что к тому времени две трети детей школьного возраста оставалось вне школы, по количеству грамотных людей Грузия занимала одно из первых мест в Российской империи. Борьба имеющего многовековые культурные традиции грузинского народа против царизма за народное образование принесла свои плоды. Внесению просвещения в широкие слои народа способствовали великие грузинские просветители и выдающиеся педагоги. В развитие сети народного просвещения в Грузии пореформенной поры огромный вклад внесло только что освободившееся из-под гнета крепостного права грузинское крестьянство, которое не останавливалось ни перед какими жертвами и материальными затратами, лишь бы дать своим детям хотя бы начальное образование. Значительная часть народа в своем стремлении к знаниям и свету вовсе не удовлетворялась и начальной школой. Трехлетняя начальная школа, притеснявшаяся царизмом, в которой часто учительствовали совершенно неподготовленные и неподходящие для дела народного образования люди, не давала молодежи необходимого ни общего, ни специального образования. Не лучше обстояло дело в гимназиях и уездных училищах, закончить которые удавалось лишь незначительному количеству учащихся.

Разочаровавшись в отсталых царских школах, забитый простой народ пытался получить знания путем самообразования. Создание внешкольных учебных заведений в Грузии началось еще с 30-х гг. XIX в.

В это время была основана, например, первая частная публичная библиотека в Тбилиси. Библиотеки существовали и при разных учреждениях, однако эти ведомственные библиотеки были доступны только высшим слоям населения. В начале 40-х гг. группа грузинской интеллигенции под руководством Димитрия Кипиани открыла библиотеку. Первая казенная публичная библиотека была основана в 1846 г., однако она никогда не обслуживала широких масс населения. С 70-х гг. народ добивался самообразования путем приобретения дешевой литературы, печатавшихся многими издателями популярных книг (П. Умикашвили, З. Чичинадзе и др.). Такие издания подчас не отличались высоким уровнем, однако беднякам приходилось довольствоваться ими. В 70-х гг. большой популярностью пользовались основанные грузинской интеллигенцией так называемые «библиотеки» Иванова в Тбилиси и Антона Лорткипанидзе в Кутаиси, являвшиеся по существу неофициальными клубами просвещенной молодежи. Несмотря на преследование царскими чиновниками, к концу 90-х гг. в городах, крупных населенных пунктах и деревнях Грузии функционировала достаточно широкая сеть библиотек и изб-читален. Деятели грузинской культуры читали публичные лекции, которые вызывали большой интерес в народе. С публичными лекциями выступали Иван Тархнишвили,

Георгий Церетели, Акакий Церетели и другие. В 60-х гг. были основаны, а в 90-х гг. широко распространились воскресные школы, которые руководствовались учебными планами приходских школ и поэтому отводили значительное место изучению грузинского языка. Царизм пытался использовать воскресные школы в шовинистических целях, однако безрезультатно. В воскресных школах, так же как и в ряде библиотек и учебных заведений, на протяжении второй половины XIX века воспитывался не один деятель, проникнутый революционно-демократическим, патриотическим и интернационалистическим духом.

Развитие общественной жизни и расширение среднего образования еще в первой половине XIX века сделали необходимым основание высшего учебного заведения в Грузии. Только таким путем могла и должна была быть восстановлена, преобразована в соответствии с духом времени и развита дальше многовековая грузинская традиция высшего образования. Предложения о создании высших учебных заведений в Тбилиси, Телави и Гори были выдвинуты еще в 1799 г. Царское правительство и в самой России не считало целесообразным для себя заботиться о развитии высшего образования для народа, а в Грузии, являвшейся колонией России до 30-х гг. XIX в. не существовало даже гимназий, выпускники которой имели бы право стать действительными студентами высшего учебного заведения. Царские чиновники считали невозможным открытие высшего учебного заведения в Грузии. После заговора 1832 г. пять выпускников Тбилисской гимназии ежегодно зачислялись в российские университеты. В 1839 г. кавказская администрация возбудила перед императором ходатайство об основании в Тбилиси высшего учебного заведения «наподобие университета». Это ходатайство в Петербурге сочли «преждевременным». В 1849 г. было принято постановление о ежегодном зачислении в высшие учебные заведения России 160 стипендиатов с Кавказа. С этого же времени в Московском и Петербургском университетах было введено для кавказских студентов изучение грузинского языка. С 1854 г. отделение восточных языков и литературы Петербургского университета стало самостоятельным факультетом, при котором была основана кафедра грузинского языка и литературы. В 1857 г. был составлен проект открытия Закавказского лицея, однако царское правительство посчитало «преждевременным» и его осуществление.

Грузинский народ и его демократическая интеллигенция на протяжении всего XIX столетия не прекращали борьбы за создание национального высшего учебного заведения. Во время приезда императора в Тбилиси в 1871 г. просветители-демократы решили внести в «адрес» на имя царя требование об открытии университета. Однако влиятельные местные консерваторы заменили его просьбой об открытии кадетского корпуса; возникшая по этому вопросу публичная дискуссия не прекращалась в Грузии вплоть до 90-х гг. В начале XX века грузинской общественностью даже было выстроено специальное здание для будущего университета, однако этой мечте не суждено было сбыться в дореволюционной Грузии. Несмотря на чинимые царизмом всяческие препятствия, некоторая часть грузинской молодежи в XIX веке все же получала высшее образование. Она овладевала достижениями русской и западноевропейской науки и культуры в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Казани, Дерпта и других городов. В университетах и специальных высших учебных заведениях России и Европы получили образование многие выдающиеся деятели грузинской культуры и национально-освободительного движения Грузии XIX века.

Наука. В начале XIX века представители второго поколения ранних грузинских просветителей — Давид Багратиони, Иоанэ Багратиони, Соломон Додашвили и другие углубили начатую предшественниками научную деятельность.

В результате неутомимого труда в течение пятнадцати лет Иоанэ Багратиони (1768—1830) создал грузинскую научную энциклопедию нового времени («Калмасоба, или Хождение по сбору») и многие лексикологические, историографические и другие работы. Давид Багратиони (1767—1819) посвятил несколько научных трудов истории

своей родины («История Грузии», «Новая история» и др.) Наряду с историографией он работал в области естествознания. Его перу принадлежит учебник физики, в котором обобщены тогдашние достижения этой науки. Михаил Петрович Баратаев (Бараташвили) (1784—1856) стал основателем грузинской научной нумизматики, издав в Петербурге в 1844 г. на грузинском, русском и французском языках фундаментальный труд «Нумизматические факты Грузинского царства».

Соломон Иванович Додашвили (1805—1836) еще в годы студенчества написал и в 1827 г. издал на русском языке философский труд («Логика»), который долгие годы был единственным в России учебником для средних учебных заведений. В 1830 г. им была опубликована «Сокращенная грузинская грамматика». С. Додашвили исследовал также историю грузинской литературы. Петр Романович Багратиони (1818—1876) открыл новый вид минерала («багратионит»). Он же разработал и рациональный способ цианирования золота и изобрел новый гальванический элемент, внося значительный вклад в развитие физики. Теймураз Багратиони (1782—1846) был избран почетным членом Российской Академии наук за научные труды в области истории Грузии («История Иверии») и руствелологии. Мари Броссе (1802—1880), действительный член Российской Академии наук, опубликовал много историко-филологических работ ((напр., «История Грузии») о прошлом грузинской культуры. Вместе с Б. Палавандишвили и Д. Чубинашвили он в 1841 г. вторично, после 1712 г., издал «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. Давид Чубинашвили (1814—1891) — профессор кафедры грузинского языка и литературы факультета восточных языков и литературы Петербургского университета, автор грузинско-русско-французского, грузинско-русского и русско-грузинского словарей, хрестоматии грузинской литературы и грамматики грузинского языка. В 50-х гг. он первым выдвинул идею реформы грузинской азбуки. Платон Иоселиани (1809—1875) в своих многочисленных историко-филологических трудах осветил богатое прошлое Грузии. В этом отношении заслуживают внимания также и исторические работы В. Багратиони и Сулхана Бараташвили. Герасим Кикодзе в 1858 г. опубликовал обширное научное исследование «Основания опытной психологии», в котором дается философско-психологическое обобщение достижений тогдашней естественной науки.

Димитрий Бакрадзе (1827—1890), член-корреспондент Российской Академии наук, опубликовал много исследований о культуре, политической истории и археологии Грузии («Кавказ в древних памятниках христианства», «Грузинская палеография», «Археологическое путешествие по Гурии и Аджарии», «История Грузии с древнейших времен до X века» и др.). Он первым издал труд Вахушти Багратиони «Описание царства Грузинского», открыл и опубликовал «Калмасоба» И. Багратиони. По инициативе Д. Бакрадзе был основан церковный музей для хранения грузинских исторических памятников и рукописей. Он был одним из участников создания «Общества любителей археологии Кавказа», описавшего не один памятник материальной культуры древней Грузии. По предложению этого общества в 1881 г. в Тбилиси был проведен пятый съезд археологов России, способствовавший началу фундаментального изучения истории и археологии Грузии.

Якоб Гогешвили (1840—1913) — автор учебников для начальной школы — «Грузинская азбука» и «Книга для пения учащихся» (1865), «Окно в природу» (1887), основанных на подлинно научных принципах педагогики.

Мосэ Джанашвили (1855—1934) издал с обширными научными комментариями многие памятники грузинской литературы. В 1834 г. он опубликовал учебник «История Грузии». В 1892 г. была опубликована первая часть труда Тэдо Жордания (1854—1916) «Хроники», а также исследование о Давиде Гурамишвили, учебник грузинской грамматики. В 1890-х гг. вышли в свет первые научные работы Нико Марра, Иванэ Джавахишвили, Эквтимэ Такайшвили, Тэдо Сахокия. Александр Цагарели (1844—1929), заслуженный профессор Петербургского университета, заменивший Д. Чубинашвили на кафедре грузинского языка, вел многостороннюю работу по изучению грузинского языка,

литературы и истории Грузии. Ему принадлежит обширное лингвистическое исследование «Мегрельские этюды» (1880) и литературно-исторический труд «Наша несчастная литература в нынешнем веке» (1870). Им издано трехтомное «Описание памятников грузинской литературы», а также документы, отражающие русско-грузинские отношения в XVIII веке. Александр Хаханашвили (1862—1911), профессор Московского университета и Лазаревского института, много трудов посвятил изучению вопросов истории Грузии. В 1895 г. была опубликована первая книга его четырехтомного исследования «История грузинской словесности». Захарий Чичинадзе исследовал не одну проблему древней и новой грузинской культуры.

Иван Тархнишвили (1846—1908), профессор Петербургской военно-медицинской академии с 1887 г., академик, после смерти своего учителя И. Сеченова руководивший кафедрой физиологии, еще в 1871 г. прославил свое имя прочитанными в Тбилиси лекциями «О роли нервной системы в движении животных». В дальнейшем опубликовал множество работ, основанных на экспериментальных исследованиях физиологических процессов. В трудах Василия Петриашвили (1845—1908), профессора, позднее (1907—1908) ректора Новороссийского (Одесского) университета, главное место занимали исследования в области агрохимии. Его труды способствовали развитию сельского хозяйства на научной основе, внедрению научной технологии в народное хозяйство, в частности, в такие его отрасли, как виноградарство и виноделие.

Петр Меликишвили (1850—1927), профессор кафедры химии в Одесском университете, в дальнейшем первый ректор Тбилисского университета, за выдающиеся достижения в развитии химической науки в 1899 г., совместно со своим учеником Л. Писаржевским, был награжден большой премией имени М. В. Ломоносова.

Развитию общественных, а частично и естественных наук способствовали произведения грузинских просветителей-демократов по вопросам грузинского языка, литературы, философии, истории, педагогики. Ввиду колониальной политики царизма, вызвавшей отсутствие в Грузии национальных научных учреждений, большинству грузинских ученых приходилось работать вне Грузии. Несмотря на это, не только исследователи, работавшие в России и на Украине и изучавшие прошлое и настоящее своей родины, но и грузинские представители русского естествознания всегда были связаны с родной культурой, для обновления и развития которой они работали совместно с проживавшими в Грузии учеными. Главным результатом такой объединенной работы явилось то, что в XIX веке, с одной стороны, формировалась многоотраслевая научная картвелология (грузиноведение), а с другой стороны, многие грузинские ученые проявили себя на широкой арене российской и через нее западноевропейской науки. На этой основе создается еще с 90-х гг. XIX века, и особенно в первых десятилетиях XX столетия, ряд значительных отраслей грузинской науки.

Прошлое грузинского народа привлекло к себе в XIX веке также внимание русских и иностранных исследователей. В 1802 г. был опубликован труд Е. Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии». Многие исторические материалы собраны в трудах ряда русских историков последующего периода (А. Берже, П. Бутков, В. Иваненко, Е. Марков, В. Потто и др.). Особенно большое значение имеют «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею», изданные в нескольких томах. Значительна и работа А. Гакстаузена «Закавказский край». Помимо М. Броссе, вопросы истории Грузии исследовал П. Услар.

Несмотря на обновление и развитие, грузинская научная мысль до 90-х гг. XIX века все еще оставалась в плену просветительских идей. Известные попытки материалистического подхода к общественным явлениям не преодолели позитивистской методологии, господствовавшей в ту пору в общественной науке, которая ограничивалась главным образом собиранием фактов. Однако и это явление оказалось весьма важным и необходимым для возрождения и обновления многовекового грузинского научного мышления и подготовки перехода к новому, более высокому этапу его развития.

§ 6. ИСКУССТВО

Зодчество. С первой половины XIX века развитие зодчества в Грузии связывается, главным образом, со строительством городов, в частности Тбилиси. Зодчество народного жилого дома в то время все еще основывалось на традиционных национальных формах. В городах также были распространены двухэтажные дома малого размера с балконами и плоской кровлей. Среди тбилисских жилых домов разных типов преобладали дома типа дарбази (зал). От жилых домов простых горожан, расположенных преимущественно на склонах гор, дома представителей зажиточных слоев отличались тем, что последние представляли собой высококачественные и большие строения.

В начале XIX века в Тбилиси было построено несколько казенных домов в стиле позднего русского классицизма (дворец наместника в его первичном виде). С 50-х гг. XIX века в зодчестве ослабевают местные традиции и в городской архитектуре жилого дома главное место занимает многоэтажный, так называемый доходный дом, состоящий из нескольких квартир, которые отдавались в наем. Развертывается строительство и торгово-промышленных и культурно-бытовых объектов. С 60-х — 70-х гг. строительство в городах Грузии, особенно в Тбилиси, производилось на основе иностранной архитектуры, эклектически связывающей друг с другом отдельные (ренессансные, мавританские, классицистические, барокко) элементы различных стилей, эпох и стран. Таковы были, например, конкурсные проекты нового дворца наместника, представленные в 1864 г. Они не считались ни с традициями, ни с нуждами нового Тбилиси. Эти проекты не были осуществлены, так как вместо строительства нового дворца было реконструировано старое здание, превратив его из образца позднего русского классицизма в строение ренессансно-мавританского стиля (архитектор О. Сименсон). Специфически тбилисским фасадам зданий противостояли ренессансные фасады гостиницы «Ориант» и католической церкви (архитектор И. Зальцман). Здания русских православных церквей строились в русско-византийском стиле, а здания грузинских церквей — в традиционных формах, как в городах, так и в деревнях (церкви Троицы и Мтацминды в Тбилиси, а также церковь (в Абастумани). С 80-х гг. в городском строительстве полностью воцарился стилистический хаос: зодчество, прошедшее ступень ренессансной стилизации после классицизма, теперь применяло декоративные формы барокко. В фасадах зданий казенного театра и городского правления, а также ряда жилых домов эклектически повторяются формы мавританского зодчества. Здания станции шелководства и духовной семинарии построены в стиле русского зодчества. В ренессансном стиле с элементами барокко с высоким профессиональным мастерством построены дидубийская церковь, картинная галерея, театр артистического общества (ныне театр имени Руставели), консерватория, гостиница «Тбилиси», а также дворцы вел. кн. в Боржоми, кутаисская гимназия и здание кутаисского областного суда. Среди зданий такого стиля самым большим и значительным является здание грузинской гимназии (ныне Тбилисского университета), построенное по проекту первого европейски образованного грузинского архитектора Симона Клдиашвили (1865—1920). Оно до сих пор считается лучшим учебным зданием в Тбилиси.

Несмотря на господство эклектизма в зодчестве, отсутствие генеральных планов, исчезновение традиционного облика, грузинские города на протяжении всего XIX века сохраняли свои специфические особенности, обусловленные все еще существующими старыми кварталами, остатками монументальных памятников, резко выраженным рельефом, учитывавшимся при строительстве даже новых жилых домов, значительно

отличающихся от традиционных наличием балконов, иной раз, и расположением квартир⁹⁷¹.

Грузинский театр. Грузинский театр был восстановлен только в начале 50-х гг. XIX века. К тому времени в Тбилиси функционировали театры русской драмы и итальянской оперы, которые для широких масс народа были, не только недоступны, но и непонятны.

Идея создания нового грузинского театра зародилась в салоне Мананы Орбелиани. Театр, по предложению царского наместника М. Воронцова, возглавил грузинский драматург Георгий Эристави. Им же была создана и постоянная артистическая труппа. Театр свой первый спектакль поставил 2 (14) января 1850 г. в здании Тбилисской гимназии. Была показана комедия Георгия Эристави «Раздел». Спектакль прошел с большим успехом. В театре работали талантливые артисты и драматурги — Г. Эристави, З. Антонов Г. Джапаридзе, Г. Дванадзе, И. Кереселидзе и др. Г. Эристави руководил театром до 1854 г., успешно завершив все театральные сезоны. Была заложена прочная основа нового грузинского профессионального, реалистического театра, целью которого являлось пробуждение общественных сил, содействие обновлению жизни народа. Царские чиновники вскоре догадались, что грузинский театр из места развлечений для аристократии превращался в очаг воспитания народа в демократическом духе и пробуждения национального самосознания. Краевая администрация отказала театру в материальной помощи, вынудив его руководителя оставить Тбилиси. С 1854 г. театром руководили сначала З. Антонов, а потом И. Кереселидзе. В 1856 г. театр прекратил свое существование.

Неофициально представления, устраивались и в дальнейшем, но до 1879 г. постоянного грузинского профессионального театра не было. С этого года начался новый этап в развитии грузинского театрального искусства. Группа деятелей культуры, возглавляемая Ильей Чавчавадзе и Акакием Церетели, вновь восстановила профессиональный театр. Через год драматический профессиональный театр был основан в Кутаиси, а к началу XX века — в Батуми. В грузинском театре работали талантливые мастера сцены, выдающиеся актеры и режиссеры — Васо Абашидзе (1854—1926), Ладос Месхишвили (1857—1920), Нато Габуня (1859—1910), Мако Сапарова-Абашидзе (1860—1940), Котэ Кипиани (1849—1921), Котэ Месхи (1859—1914), Валериан Гуния (1862—1938) и др. Успешно ставились классические пьесы грузинских, русских, армянских и западноевропейских драматургов. В годы реакции 80-х—90-х гг. и в период первой русской революции сцена грузинского театра превратилась в трибуну освободительного движения. Особенной популярностью пользовались пьесы Давида Эристави «Родина» и Александра Сумбаташвили-Южина «Измена».

Грузинский профессиональный театр черпал свои силы в самодеятельных драматических кружках, которым со своей стороны профессиональный театр оказывал всяческую помощь. Сильная струя самодеятельного театрального искусства в 90-х гг. берет свое начало в виде народного театра, существовавшего параллельно с профессиональным театром. Товарищество ремесленников-любителей сцены во главе с Васо Тевдорашвили начало устраивать постоянные представления в чайной, расположенной на Авчальской площади. 29 сентября 1893 г. народный театр под руководством Иосифа Имедашвили поставил первое открытое народное представление — пьесу Авксентия Цагарели «Иные нынче времена». В последующие годы ставились пьесы как оригинальные («Арсена» — А. Казбеги и др.), так и переводные («Пепо» — Г. Сундукяна, «Ревизор» — Н. В. Гоголя, «Разбойники» — Фр. Шиллера, «Уриэль Акоста» — К. Гуцкова) и др. В Тбилиси существовали не только грузинский, но и русский, и армянский народные театры. Такие театры были созданы также в Кутаиси, Батуми (так называемый «железный театр»), Телави, Хашури, Чиатура, Хони и др. В спектаклях

⁹⁷¹ Б е р д з е В. * Грузинское зодчество в 1865—1921 гг., с. 2—20. (Рукопись, хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили).

грузинских народных театров подчас участвовали и прославленные мастера профессионального театра. В разное время ими руководили Д. Клдиашвили, В. Шаликашвили, Н. Гоциридзе, А. Имедашвили и другие выдающиеся мастера грузинского сценического искусства. Народные театры являлись очагами распространения освободительных идей.

Изобразительное искусство. Из отраслей нового грузинского изобразительного искусства XIX века, прежде всего, начали развиваться живопись и графика, а затем и скульптура. Наряду с народными традициями ювелирного дела, вышивки, миниатюры, резьбы, фрески с первой же половины столетия развивается такой жанр профессиональной живописи, как портрет. В то время к этому жанру обращались многие иностранные художники, которые приезжали в Тбилиси и работали здесь более или менее длительное время. Приезжими мастерами было создано несколько скульптурных памятников, установленных в Тбилиси (Воронцова, Пушкина, Гоголя, Димитрия Кипиани). Высшее художественное образование грузинские мастера в XIX веке получали в российских и западноевропейских учебных заведениях.

Петербургскую академию художеств окончил, первый представитель новой грузинской профессиональной живописи, бывший крепостной Григол Майсурадзе (1817—1885). Он был преимущественно портретистом. Портретистами были и Романоз Гвелесиани (1859—1884), и Александр Беридзе (1858—1917), расширившие в 80-х гг. рамки грузинской живописи, утвердив в ней реалистические принципы.

Романоз Гвелесиани в 1881 г. окончил Тбилисскую школу рисования, а в 1884-м — Петербургскую академию художеств. В его творчестве запечатлены старые кварталы Тбилиси, родной ему Кахети, крестьянство и новая интеллигенция. В выполненных им маслом портретах и этюдах малого размера («Старый крестьянин», «Кахетинец с кувшином», «Незнакомка», «Неизвестный художник») чувствуется непосредственность восприятия и неприукрашенный реализм.

Александр Беридзе учился в Петербурге и Неаполе, но за неимением средств существования учебу не сумел закончить. В 1880 г. он прислал из Италии серию рисунков, которая начиналась с портрета Джузеппе Гарибальди. После возвращения в Грузию художник занялся сельским хозяйством в родной Мцхета. С 1885 г. А. Беридзе сотрудничал в журналах «Театри» и «Джеджили» («Нива»). В 1886 г. расписал занавес для грузинского театра. В его творчестве главное место занимают портреты малого размера («Неизвестная женщина», «Хевсур с трубкой»).

В утверждении новой грузинской реалистической живописи особую роль сыграл Гиго Габашвили (1862—1936). Увлекавшийся с детства рисованием, Г. Габашвили с 1886 г. учился в Петербурге. В 1897 г. окончил Мюнхенскую академию художеств. Путешествовал по Италии, одно время жил в Средней Азии. После возвращения в Грузию объехал разные ее уголки, в частности Хевсурети. Ранние рисунки Гиго Габашвили созданы в 80-х г. XIX века. В 1890 г. участвовал в выставке тбилисских художников и любителей живописи, а в 1891 г. устроил свою персональную выставку, явившуюся вообще первой самостоятельной выставкой грузинского художника. Персональные выставки его работ устраивались несколько раз и в дальнейшем. Он создал свыше 2000 картин: портреты, портретнобытовые сцены, хевсурский, тбилисский, среднеазиатский циклы «типов», многофигурные картины, натюрморты, пейзажи («Три старика», «Пьяный хевсур», «Алавердоба», «Базар в Самарканде» и другие).

Среди грузинских художников, следовавших принципам неприкрашенного реализма в живописи 90-х гг., видное место занимает Александр Мревлишвили (1866—1933). Он получил образование в Московском училище живописи, а потом в Парижской частной академии Жюльена. Широкую известность получили его картины — «Сбор подати», «Низкий забор» и др.

В 90-х гг. начался творческий путь Мосэ Тоидзе (1871—1951). После окончания Тбилисского ремесленно-художественного училища учился под руководством

Димитриева-Кавказского и Репина. Сотрудничал в газете «Квали» («Борозда»). Писал портреты типичных представителей низших социальных слоев («Старый еврей», «Прачка») и картины народного быта («Мцхетоба»).

В новой грузинской живописи выдающееся место занимает Нико Пиросманишвили (1862—1918), бродячий художник-самоучка, который в поисках куска хлеба расписывал стены тбилисских «духанов» (кабачков), создал полотна, полные первозданной простоты и большой правдивости. Наряду с различными социальными типами он пишет сцены из деревенского и городского быта, исторические сюжеты и персонажи, натюрморты, животных. В его картинах изображена целая галерея горожан и сельских жителей («Дворник», «Лань у водопоя», «Олень», «Натюрморт», «Пиршество трех князей»).

Во второй половине XIX века развитие грузинской графики связано преимущественно с оформлением книг, газет и журналов. Большой вклад в это дело внес художник-самоучка Григол Татишвили (1848—1911). Его гравюрами были украшены «Родное слово» и «Окно в природу» Я. Гогешашвили. Он создал декоративно обработанные серии грузинских заглавных букв, альбом грузинских орнаментов для иллюстрации книг, оформил «Витязя в тигровой шкуре» (1888), а также титульные листы и обложки многих книг и заглавия органов прессы. За основу он брал преимущественно мотивы грузинского орнамента.

В художественном оформлении грузинской книги особое место занимают иллюстрации поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», принадлежащие венгерскому художнику Михаю Зичи (1829—1906). Способность реалистического восприятия, живая фантазия и глубокое изучение быта грузинского народа позволили художнику правдиво передать через посредство созданных его кистью грузинских национальных образов содержание поэмы. Иллюстрации М. Зичи приобрели огромную популярность в грузинском народе.

Графические работы грузинских художников, в частности рано умершего Антона Гогиашвили (1878—1907), чаще всего печатались в журнале «Квали» и «Цнобис пурцели». А. Гогиашвили — первый грузинский художник, оформивший произведение гениального поэта Важа-Пшавела.

Если основы грузинской живописи и графики так или иначе можно найти в древней грузинской художественной и ремесленной традиции, то грузинская скульптура не имеет своих предшественников и, по существу, родилась к концу 90-х гг. XIX века. Ее основателем был Якоб Николадзе (1876—1951). После окончания Батумского ремесленного училища он овладел основами прикладных искусств и скульптуры в Москве и Одессе. В 1897 г. художественная общественность с одобрением приняла выставленную на пятой выставке художников Кавказа скульптуру Якоба Николадзе «Шота Руставели»⁹⁷².

Грузинская музыка. К началу XIX века древняя грузинская музыка существовала в виде церковных песнопений и народных песен, исполняемых народными певцами или песнопевцами. Грузинские «церковные песнопевцы издревле являлись также и отличными светскими певцами... На каждом балу присутствующие должны были сначала насладиться церковным песнопением, а потом светской песней»⁹⁷³. Древнейшие грузинские нотные знаки были со временем преданы забвению. Засилье восточной музыки препятствовало возрождению новой грузинской профессиональной музыки. И в народе, и в верхах укоренялись зурна и дудуки, и это было особенно заметно в городах. После присоединения Грузии к России начала распространяться русская и западноевропейская музыка, перекрывая дорогу дальнейшему распространению восточных напевов. Но теперь перед грузинской музыкой возникла иная проблема. Существовавшая в Тбилиси с 1851 г. итальянская опера могла способствовать возрождению грузинской музыки, однако не

⁹⁷² Б е р и д з е В. Указ. соч., с. 21—53.

⁹⁷³ Ш и л а к а д з е В.* К изучению грузинской народной музыки. Тбилиси, 1949, с. 99.

могла непосредственно развивать ее. Многовековая самобытная грузинская музыка нуждалась в своих национальных профессиональных музыкантах.

С 50-х—60-х гг. музыкальная жизнь в Грузии значительно оживилась. В Тбилиси, Батуми и других городах появились первые роаи. Несмотря на то, что не происходило совершенствование национальных инструментов, все же усилился интерес к грузинской церковной музыке. Появились профессиональные музыканты. В антрактах итальянских и русских оперных спектаклей иной раз исполнялись переложенные для фортепиано грузинские песенные и танцевальные мелодии. Обсуждались вопросы возрождения и развития грузинской музыки⁹⁷⁴. В 1860 г. в Тбилиси, а позднее и в Кутаиси основываются комитеты по восстановлению грузинских церковных песнопений путем их записи и издания. Дело записи и издания грузинских песен было поставлено на прочную основу М. Мачавариани, Бенашвили, Я. Гогешашвили, М. Ипполитовым-Ивановым, П. Карбелашвили, Ф. Коридзе и др. В 60-х--80-х гг. впервые были изданы сборники грузинской музыки, хотя в них народных песен было мало. В последующий период дело собирания и издания грузинских народных песен приняло научный характер благодаря М. Баланчивадзе, З. Чхиквадзе, И. Каргаретели, Д. Аракишвили и З. Палиашвили.

Для развития новой грузинской музыкальной культуры положительное значение имела деятельность однокурсника П. Чайковского по Петербургской консерватории Харлампия Саванели (1845—1890), Алоиза Мизандари и К. Алиханова. Из молодых тбилисских любителей музыки они составили и 24 апреля 1874 г. устроили первый концерт. Они же основали музыкальную школу, на основе которой впоследствии была создана грузинская консерватория. Вместе с Х. Саванели в музыкальном училище работали пианист и композитор А. Мизандари (1838—1912), М. Ипполитов-Иванов, И. Питоев, К. Алиханов и Я. Корганов. В 1888—1902 гг. эту школу окончило девять человек.

Грузинский музыкальный хор был создан также Мелитоном Баланчивадзе. Хор дал два концерта в 1882 г. Дольше просуществовал основанный в 1897 г. хор народной песни Сандро Кавсадзе, который устраивал концерты по всей Грузии. Хор, организованный Дзуку Лолуа, исполнял, главным образом, мегрельские, сванские и абхазские народные песни.

В развитии новой грузинской музыки особую роль сыграл «Грузинский национальный хор», созданный в 1885 г. Ладо Агниашвили (1860—1904). Сначала хор состоял преимущественно из учащихся Тбилисской духовной семинарии, а также из привезенных Л. Агниашвили из родного села Шилда певцов-крестьян. В последующее время в этом хоре пели Захарий и Иван Палиашвили, И. Каргаретели, Вано Сараджишвили. Художественным руководителем хора Л. Агниашвили пригласил чешского музыканта Иосифа Ратиля. Целью его деятельности Агниашвили считал поднятие уровня грузинского хорового мастерства до профессионального и пропаганду грузинской народной музыки по всей стране и за ее пределами. 26 декабря 1886 г. в грузинском театре хор дал первый концерт, восторженно принятый публикой. Не оправдалось предсказание царских бюрократов и некоторых представителей дворянской верхушки о неизбежности провала публичного выступления хора грузинской песни. Хор объездил всю Грузию и Северный Кавказ, способствуя формированию грузинских хоров не только в Грузии, но и в городах России, где концерты народной музыки устраивались грузинскими студентами. С 90-х гг. в городах России часто давал концерты грузинской музыки М. Баланчивадзе, являвшийся в 1886—1888 гг. дирижером хора Л. Агниашвили. Так называемый репертуар И. Ратиля, содержащий, наряду с картли-кахетинскими, западногрузинскими и абхазскими песнями, песни других народов, а также некоторые переделанные на иностранный лад грузинские песни, имел свои недостатки, однако в целом он сыграл большую роль в деле пропаганды грузинской музыки⁹⁷⁵.

⁹⁷⁴ М а ч а б е л и Д.* Обычаи Грузии. — Цискари, 1984, №5.

⁹⁷⁵ А р а к и ш в и л и Д. Грузинская музыка. Тбилиси, 1925, с. 28—51.

К концу 80-х гг. XIX века создаются новые грузинские профессиональные музыкальные произведения, песни-романсы и хоровые пьесы. Ранее Д. Эристави сделал попытку создать грузинскую фортепианную музыку, однако авторами первых оригинальных грузинских произведений этого жанра надо считать А. Мизандари, опубликовавшего в 1883 г. в Петербурге романс «Мы расстались», и Мелитона Баланчивадзе (1862—1937), создавшего в 1889 г. два романса — «Спи, сыночек», «Я тебя люблю».

Мелитону Баланчивадзе принадлежит и первая попытка создания грузинской оперы. В 1897 г. в Петербурге были исполнены отрывки из его оперы «Коварная Тамар».

Несмотря на реакционную политику царского самодержавия и местной дворянско-буржуазной верхушки, новая грузинская музыка, так же как и вся новая грузинская культура, все более утверждалась в быту и сознании грузинского народа.

§ 7. КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Новая грузинская культура являлась результатом, прежде всего, преобразования всей общественной жизни Грузии и возрождения ее многовековых передовых традиций.

Формирование и утверждение новой грузинской культуры происходило путем постепенного преодоления консерватизма. Однако борьба между старым и новым в Грузии XIX века развернулась с такой силой и быстротой, что к концу столетия новая грузинская культура победила во всех отраслях. Большое влияние на этот процесс оказала русская, западноевропейская, а также культура других народов, наиболее прогрессивные традиции которых были не только усвоены новой грузинской культурой, но и получили в ней дальнейшее развитие. Каждая культура являлась носительницей одновременно консерватизма и прогресса. Реакционной была культура плутократов всех мастей, выражавшая и защищавшая интересы крупных феодалов и буржуазии. Интересам прогресса служила демократическая культура, созданная народом, его просвещенными представителями. Взаимоотношения грузинской культуры с культурами других народов также были двоякими: на развитие новой грузинской культуры воздействовали и консервативные прогрессивные тенденции мировой цивилизации — первые препятствовали и задерживали, вторые — благоприятствовали и ускоряли ее развитие. В конечном счете, прогрессивное взяло верх над консервативным, результатом чего явился огромный культурный подъем, отмеченный в Грузии в XIX веке.

Грузино-кавказские культурные взаимоотношения. В XIX веке грузинский народ имел тесные культурные взаимоотношения с соседними народами Кавказа. Грузия сама представляла собой «маленький Кавказ», поскольку на ее территории проживали представители почти всех кавказских народов. Их быт и культура во многом были родственными. Они совместно боролись против социального и национального угнетения. В то время Тбилиси являлся не только административным, но и главным культурным центром Кавказа, где жили и работали армянские, азербайджанские, абхазские, осетинские, кабардинские и др. деятели культуры. Они хорошо знали грузинскую культуру, находились в тесном контакте с грузинскими деятелями, приобщаясь одновременно к русской культуре и науке. Культурная жизнь Абхазии в XIX веке* вступает в новую полосу своего развития, отмеченную неуклонным стремлением к просвещению. Значительная роль в этом отводится лучшим представителям абхазской интеллигенции, получившим образование в Петербурге.

Так, С. Т. Званба (1809—1855), свыше четырех лет проведя в петербургском училище, вернувшись на родину и по-новому восприняв быт и нравы земляков, вскоре приобретает известность благодаря своим очеркам по этнографии абхазов и убыхов, опубликованным в газете «Кавказ». Сборник этих работ, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и внесшие вклад в кавказоведение, был издан в Сухуми в 1955 г. под названием. «Этнографические этюды». В чине

подполковника С. Т. Званба героически погиб во время Крымской войны (Ингурское сражение 1855 г.).

Почти одновременно с С. Т. Званба свою деятельность начал и К. Г. Шервашидзе (1811—1883). Выпускник Пажеского корпуса, он еще в Петербурге сближается с революционно настроенной группой грузин-учащихся (Вахтангом Орбелиани, Александром Орбелиани и др.) и приобретает к декабристским идеям, воспитываясь на передовой русской и европейской культуре. В 1832 г. в Тифлисе К. Г. Шервашидзе арестовывают одновременно с поэтом Александром Чавчавадзе и высылают с Кавказа за причастность к грузинскому дворянскому заговору. Преследуется он и впоследствии.

В укреплении связей с Россией в области духовной культуры огромное значение имело и пребывание представителей русской интеллигенции в Абхазии. Это были, в частности, сосланные сюда декабристы (А. А. Бестужев-Марлинский, С. И. Кривцов, В. С. Норов, А. А. Фок и др.), которые оставили в крае заметный след. Абхазия в известной мере становится темой русской художественной литературы. Так, поэт-моряк Е. П. Зайцевский своим проникновенным лирическим стихотворением «Абхазия», написанным в Сухуми в 1823 г., создал песню-гимн природе Абхазии. Девственная красота края оказала глубокое влияние на его поэтическое воображение. Писатель П. П. Каменский в 1837 г. напечатал повесть «Келешбей».

Абхазия находит свое отражение и в русском изобразительном искусстве. Под впечатлением абхазской природы И. К. Айвазовский написал ряд замечательных картин («Буря, у берегов Абхазии» и др.), а академик Н. Г. Чернецов и художник Г. Г. Гагарин создали ряд интересных картин и зарисовок (памятники архитектуры, виды населенных пунктов, типы жителей и т. д.).

Абхазию посещают также различные специалисты с целью ее изучения. В результате этого, начиная с 30-х гг., в русской печати все чаще появляются разнообразные сведения об Абхазии, в частности о культурной жизни ее народа.

Представители передовой грузинской общественности сознавали свой долг в содействии прогрессивному развитию братского абхазского народа. В разное время в Абхазии бывали и ею интересовались Нико Дадиани, Борис Чилашвили (Чиляев) и другие деятели грузинской культуры.

Укрепление экономических и культурных связей с Россией, происшедшее в первой половине XIX в., создало условия для дальнейшего развития культуры, просвещения и общественной мысли в Абхазии. Возникает, прежде всего, вопрос о научной разработке проблем абхазского языка и письменности. В 1862 г. выдающийся русский лингвист-кавказовед П. К. Услар издал грамматику абхазского языка, а также составил абхазский алфавит на основе русской графики. Эти работы Услара имели важное научное и практическое значение.

В 1862 г. особая комиссия под председательством видного русского ученого И. А. Бартоломея, на основе буквенных начертаний П. К. Услара, с небольшими изменениями, составила абхазский букварь вышедший в Тифлисе в 1865 г. По сообщению Бартоломея, букварь был подготовлен «при содействии природных абхазцев» — И. Гегиа, Г. Курцикидзе, С. Эшба, К. Шервашидзе и Гр. Шервашидзе. Букварь сыграл важную роль в истории развития просвещения и всей культурой жизни абхазского народа.

Для широкого развития культуры народа необходимо было создание сети школ. Царское правительство, разумеется, не желало заботиться об этом. Тем не менее, меры, принятые по этому вопросу, объективно способствовали общему прогрессу культуры. Фактически первая школа в Абхазии была открыта в 1851 г. в с. Окуми. В 1863 г. в Сухуми была основана начальная школа с интернатом, сыгравшая исключительную роль в подготовке абхазских национальных кадров. В 1866г. в Сухуми же открылись женское училище и мужская ремесленная школа, а в 1872 г. здесь создается женская прогимназия. 1865 г. в Абхазии обучалось 362 школьника.

Известный грузинский историк и общественный деятель Д. З. Бакрадзе, который в 1864—1867 гг. проводил ревизию школ в Абхазии, подчеркивал стремление народа к

* Стр. 541—546 написаны Г. А. Дзидзария. (См. его: Абхазия в XIX веке. 1981, с. 25—34. — Рукопись, хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР).

просвещению и способности детей к учебе. Он особо отмечал успешное изучение абхазскими детьми русского языка, а также родного — «по новому абхазскому букварю». Начальник Сухумского военного отдела в отчете за 1875 г. писал, что на народных сходах нередко заявляют: «Дайте нам умереть такими, как мы есть, но сделайте (через школы. — Г. Д.), чтобы наши дети были другими людьми».

Эти школы явились источником просвещения, способствовали повышению грамотности среди населения, его приобщению к культуре русского народа, сближению русского, грузинского и абхазского народов. В этом процессе важное значение имела также продолжившаяся практика отправления абхазских детей на учебу в разные города Грузии и России. Получив специальность, они возвращались в родные места, многие из них несли знания в свой народ.

Это относится в первую очередь к абхазским учительским кадрам. Уже в начале 70-х гг. появляются первые их представители, получившие подготовку в Тифлисской Александровской учительской школе (с 1872 г. — институт). Это были Григорий Эмухвари, Григорий Шервашидзе, Виссарион Инал-ипа и Алексей Эмухвари — замечательные педагоги-просветители. А. Эмухвари, кроме того, является автором целого ряда газетных статей, посвященных вопросам этнографии, школьного строительства, экономического развития края и т. д.

Представители абхазской интеллигенции включаются в революционную борьбу и движение общественной мысли всей Грузии. Трагическую участь отважных грузинских народников разделили Александр Маргания, Елизавета и Мария Шервашидзе.

К 70-м—80-м гг. относится расцвет творчества первого писателя из абхазов Г. М. Шарвашидзе (Чачба) — одного из самых значительных представителей не только абхазской, но и грузинской интеллигенции XIX в. Он принадлежал к кругу той части интеллигенции Грузии, которую возглавлял И. Г. Чавчавадзе. Его мировоззрение формировалось, прежде всего, под влиянием грузинской литературы и общественной мысли. Г. М. Шарвашидзе, создавший свои произведения, в основном на грузинском языке, показал себя одинаково успешно во всех жанрах литературы. Об этом свидетельствуют его превосходные переводы с русского на грузинский язык, в частности стихотворение великого Пушкина «Цветок», драматургические пьесы, а также блестящие публицистические произведения. Сотрудничал в газете «Дрозба» и др. органах. Г. М. Шарвашидзе, кроме того, успешно занимался переводами сочинений и французских писателей. Его художественно-публицистическое творчество и общественная деятельность проникнуты идеей дружбы и братства народов. Горячую любовь к своей родной Абхазии Г. М. Шарвашидзе особенно ярко выразил в знаменитом стихотворении «Варада».

Представителем того же общественно-культурного круга является одаренный публицист и критик Д. З. Чхотуа. Учился он в Новороссийском и Петербургском университетах. Чхотуа играл большую роль в возглавляемом И. Г. Чавчавадзе журнале «Иверия», вокруг которого группировались прогрессивные деятели. Из его публицистических статей выделяется «Два обычая в Абхазии» («Дрозба», 1872). Д. З. Чхотуа занимался также научным изучением грузинского языка, были у него труды и в области естествознания. Но самой значительной работой Чхотуа является «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение».

Примечательна и личность Д. Г. Анчабадзе (Ачба). Окончив в 1871 г. юридический факультет Московского университета, он несколько лет был помощником знаменитого

русского адвоката В. Л. Спасовича, затем служил в Петербургской судебной палате, активно сотрудничал в газете «Иверия».

Видными представителями абхазской интеллигенции того времени были также Гр. А. Шарвашидзе и Г. Д. Шарвашидзе, занимающие особое место в развитии общественной мысли и истории грузино-абхазских отношений. В 90-х гг. начинается творческий путь А. К. Шарвашидзе (Чачба), имя которого может стоять в ряду замечательных художников России.

В 80-х—90-х гг. появляется целая плеяда абхазских учителей со специальным образованием. Наиболее выдающимися из них были Ф. Х. Эшба и В. Х. Гарцкия. Их педагогические общественные взгляды формировались под влиянием В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского и Я. С. Гогобашвили. Оба они проявили себя и в области научного изучения родного края. К ним примкнули народные учителя К. В. Маршания и М. М. Бжания.

Просветительская деятельность светской интеллигенции способствовала развитию публицистики, а позже и возникновению художественной литературы.

В этот период из среды абхазского народа выходит человек, которому суждено было стать основоположником абхазской литературы и создателем абхазского литературного языка. Это был Д. И. Гулиа. В начале своей деятельности он учительствовал. Совместно с К. Д. Мачавариани, создал новый абхазский букварь (1892), более усовершенствованный, который и становится с этого времени основным пособием для изучения абхазского языка. Глубокое влияние на духовное формирование Гулиа оказало творчество классиков русской и грузинской литератур. Бессмертные творения Руставели и Пушкина с юных лет привлекали зачинателя абхазской литературы.

В конце XIX в. в Абхазии наблюдаются определенные сдвиги и в развитии театрального искусства, в создании культурно-просветительных организаций. Зарождение театральной жизни здесь относится еще к 60-м гг. XIX в. В начале 1874 г. любительским кружком в Сухуми была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Женитьба». В 1889 г. в Сухуми же были показаны водевиль Д. Ацкурели «Двое голодных» и пьеса И. Г. Чавчавадзе «Мать и сын», а в 1893 г. — спектакли «Чашка чая» и «Чудак» А. Р. Церетели. В 1895—1900 гг. ставятся спектакли А. Казбеги «Арсен» и А. Церетели «Ханума» и др. Представления давались на русском и грузинском языках. Прогрессивное направление деятельности любителей сцены в Абхазии сближало их с видными представителями грузинского театрального искусства. В этом отношении большое значение имели неоднократные гастроли в Сухуми грузинских профессиональных театров и замечательных мастеров искусства (Л. Алекси-Месхишвили, А. Габуниа, Ш. Дадияни и др.).

Проводились и другие культурно-просветительные мероприятия. В начале 1974 г. в Сухуми действовал любительский музыкальный кружок. В 1899 г. общественность города добилась разрешения на открытие Сухумского музыкально-драматического кружка. В 1895 г. в Сухуми открылись типография и книжный магазин, а через год — библиотека. Библиотека была открыта также в с. Окуми, а в Гудаута — читальня.

В 1894 г. создается Сухумская садовая и сельскохозяйственная организация с ботаническим садом при ней. Здесь была открыта и опытная станция, а с 1893 г. начинается деятельность Сухумского общества сельского хозяйства и садоводства. Была создана также окружная санитарно-исполнительная комиссия.

Эти и другие научные, культурно-просветительные и благотворительные общества и организации, возникновение которых было результатом совместной деятельности представителей демократической русской, грузинской и абхазской интеллигенции, сыграли большую роль в распространении знаний и культуры. В этот же период началось более обстоятельное изучение истории, археологии, этнографии, культуры и природных богатств Абхазии.

В 70-х—90-х гг. Абхазию посещают такие выдающиеся деятели русской культуры и науки, как И. Е. Репин, В. В. Верещагин, В. М. Васнецов, Н. М. Альбов, С. П. Боткин, А. А. Остроумов, А. П. Чехов, А. М. Горький и др. С некоторыми из них, несомненно, встречались представители местной интеллигенции, и значение этого факта трудно переоценить. Многие представители русской общественности, служившие на Кавказе, выступали на стороне местных деятелей, против социальной и национальной несправедливости. Должна быть также отмечена роль передовых русских учителей — истинных поборников просвещения, беззаветно преданных лучшим прогрессивным традициям русской педагогики.

Вместе с тем, как уже отмечалось, весьма тесными были связи представителей абхазской интеллигенции с деятелями национально-освободительного движения в Грузии: И. Г. Чавчавадзе, А. Р. Церетели, Я. С. Гогешвили и др. Речь идет и о тех грузинских деятелях, которые внесли большой вклад в развитие культуры и просвещения абхазского народа (Н. Джанашиа, К. Мачавариани, Л. Чарая и др.). Это был период, когда на историческую арену вышло новое поколение передовой интеллигенции народов Закавказья...

XIX век в истории южных осетин ознаменовался зарождением школьного дела. До этого в Грузии встречались отдельные осетины, подвизавшиеся на поприще грузинской культуры. Такими деятелями были Парфений, Гамалиил, Георгий Джатишвили, Иван Ялгузидзе и др. И. Ялгузидзе (1775—1830) был первым высокообразованным осетином. На основе грузинской графики он создал и опубликовал в 1821 году осетинскую азбуку, заложив основы подлинной истории осетинской письменности. И. Ялгузидзе много переводил с грузинского и русского языков на осетинский. Он автор оригинальных художественных произведений (поэма «Алгузиани» на груз. яз. и др.). И. Ялгузидзе прославил свое имя и на педагогическом поприще⁹⁷⁶.

Выдающийся сын своего народа И. Ялгузидзе был олицетворением и поборником многовековой дружбы грузинского и осетинского народов. Он страстно призывал своих соотечественников к приобщению к достижениям передовой грузинской и русской культуры.

Царское правительство придавало большое значение распространению и утверждению христианства среди осетин. В 1814 г. была восстановлена Осетинская духовная комиссия. Она занималась крещением осетин, восстановлением заброшенных и строительством новых церквей.

Среди осетин миссионерской деятельностью занималось много грузинских духовных лиц. Некоторые из них обучали осетинских детей грамоте. В 1826 г. по распоряжению экзарха Грузии при некоторых церквях были открыты первые церковно-приходские школы с незначительным числом учеников: в Бекмарской — 3, Кешельтской — 4, Джавской — 2, Едисской — 1 ученик. В Кешельтской школе обучением детей занимался причетник Иосиф Ялгузидзе, которого грамоте обучил его двоюродный брат Иван Ялгузидзе.

В 1847 г., по данным Осетинской духовной комиссии, имелись три церковно-приходские школы с 28 учениками.

Работа школ в осетинских селах не носила сколько-нибудь постоянного характера. Обучение в них было несовершенным. Школьное дело возглавляла Осетинская духовная комиссия, а с 1861 г. — Общество восстановления православного христианства на Кавказе.

⁹⁷⁶ Г у к а е в Д. А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе. — Изв. ЮОНИИ, вып. VII, 1955; вып. VIII, 1957; С а р и ш в и л и Т. С.* Осетино-грузинские культурно-педагогические взаимоотношения (1800—1921 гг.). Тбилиси, 1965, с. 19—21; Т о г о ш в и л и Г. Д.* Грузино-осетинские взаимоотношения (1800—1921 гг.). Тбилиси 1969, с. 30—39. Стр. 547—549 написаны Г. Д. Тогошвили. (См. его: Южные осетины в XIX в., 1981, с. 25—28. — Рукопись, хранится в Институте истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР).

Согласно Положению о начальных народных училищах, в 1864 г. было открыто два таких училища. В том же году было открыто 9 церковно-приходских школ, в которых обучалось 107 детей. В 1865 г. во всех школах обучалось 140 учеников⁹⁷⁷.

Осетины проявляли большую тягу к образованию. На общих сходках крестьяне составляли приговоры, в которых просили царские власти открыть им школы, обязываясь, возвести необходимые для них помещения.

В 1871 г. жители с. Джава обратились с просьбой к Александру II об открытии в селе школы на казенный счет. Им было отказано. Общество же восстановления христианства на Кавказе отклонило ходатайство Джавиставского прихода об основании школы в с. Эрцо, хотя покрытие всех школьных расходов жители брали на себя⁹⁷⁸.

Однако, несмотря на противодействие царских чиновников и духовенства, многим селам удавалось добиться открытия школ, при этом школьные расходы, вплоть до жалования учителям, в основном несли крестьяне.

С 1864 по 1900 г. было открыто 24 школы, среди них было 10 министерских школ в Цхинвали, Ахалгори, Часавали, Заккори, Дзари, Цунари и др. местах. В 1900 г. из них действовало только 6 школ. К концу века число учащихся превысило 500 человек. Школы работали с большими перебоями. В абсолютном большинстве осетинских сел вовсе не было школ.

Многие воспитанники местных школ выезжали на учебу в Гори, Тбилиси, в города России. В 1880 г. 13 воспитанников Джавской школы обучалось в разных городах страны. К середине XIX в. появляются первые учителя из осетин, получивших образование в Тбилиси, Гори и др. городах. Одним из первых осетинских учителей, внесших большой вклад в развитие начального образования, был Фома Чочишвили (из казенных крестьян с. Ортеви). С его именем связано основание школ в Джаве, Ортеви, Рук и др. селах. Он первым начал обучать детей на родном языке. Дело отца успешно продолжал его сын Георгий, который также активно сотрудничал в грузинской и русской прессе Кавказа под псевдонимом «Лиаквели». Г. Чочишвили — автор ряда интересных статей по истории, этнографии и фольклору осетинского народа.

С 1821 по 1900 г. в школах работало свыше 30 педагогов-осетин.

С большими трудностями прокладывало путь и женское образование. К концу века в женских школах обучалось 135 девочек. Осетинки обучались в школах Гори и Тбилиси. Появились первые учительницы-осетинки, выпускницы Тифлисского епархиального училища⁹⁷⁹.

Высшее образование было почти недоступно южным осетинам. До 1900 г. с высшим образованием было только два человека — врач Ягор Битиев из с. Гуфта и Христофор Джигоев из с. Морго, окончивший Киевскую духовную академию.

Таким образом, несмотря на многочисленные препятствия и неблагоприятные условия, южные осетины страстно потянулись к знаниям. Под благотворным воздействием передовой грузинской и русской культуры они сделали заметный шаг вперед на этом пути.

Выдающуюся роль в укреплении дружбы между осетинским и грузинским народами сыграли Коста Хетагуров (1859—1906), считавший Грузию своей родиной, Даниэл Чонкадзе и др.

В 1861 г. в Тбилиси был издан труд первого кабардинского историка Ш. Ногмова (1801—1844)—«История адыгейского народа»...

В Тбилиси вели творческую работу многие выдающиеся деятели армянской и азербайджанской культуры. В Тбилиси работал несколько лет азербайджанский историк

⁹⁷⁷ История Юго-Осетии в документах и материалах, П. Сост. Н. И. Цховребов. Цхинвали, 1961, с. 556—562, 592—595.

⁹⁷⁸ ЦГИАГ, ф. 141, д. 292, л. 5; д. 303, л. 131—132.

⁹⁷⁹ История Юго-Осетии... III, с. 709—711, 713; Очерки истории Юго-Осетинской автономной области, т. I. Тбилиси, 1985, с. 165—203 244—249, 255—256.

А. Бакиханов, находясь в дружеских отношениях с А. Чавчавадзе и Гр. Орбелиани. Здесь расцвел творческий талант выдающегося представителя азербайджанской просветительской литературы и общественной мысли Мирзы Фатали Ахундова. В начале 40-х гг. XIX века поэт Мирза Шафи Вазех основал в Тбилиси азербайджанский литературно-философский кружок. Тбилисская общественность хорошо знала основателя азербайджанского театра и газеты Хасан-Бега Зардаби.

В Тбилиси функционировали армянские школы, печатались армянские газеты и журналы. Демократическую русскую газету «Тифлисский вестник» редактировал армянский деятель К. Бебутов. В Тбилиси было написано известное произведение основателя армянской реалистической прозы Хачатура Абовяна (1805—1848) — «Раны Армении». В 1860 г. тбилисская интеллигенция устроила восторженный прием армянскому просветителю революционеру-демократу Микаэлу Налбандяну (1829—1866). Тбилиси был очагом деятельности целой группы армянских ученых и писателей. Здесь жил поэт Ар. Аламдарян. У грузинской общественности пользовался особой популярностью выдающийся армянский драматург Г. Сундукян, пьеса которого «Пепо» успешно шла на грузинской сцене.

Сотрудничество прогрессивных деятелей культуры кавказских народов способствовало взаимообогащению, взаимосближению, сплочению их в борьбе против социального и национального угнетения. Обострение классовой борьбы, использовавшееся царизмом в целях разжигания национальной вражды между народами, сбивало отдельных интеллигентов с правильного пути, однако выдающиеся деятели грузинской, азербайджанской и армянской культуры всегда отделяли трудящееся большинство нации от эксплуататоров и боролись за укрепление дружбы народов.

Грузино-русские культурные взаимоотношения. Деятели новой грузинской культуры высоко ценили Россию Пушкина и Белинского, Чернышевского и Герцена. Борясь против царизма и его идеологов — Каткова и Суворина, они всегда высоко оценивали достижения русской демократической культуры, училась у лучших сынов русского народа, приветствовали каждый шаг, направленный на укрепление дружбы и взаимопонимания грузинского народа с русским народом, союз и дружба с которым создали благоприятные условия для возрождения и развития многовековой грузинской культуры. В русских школах и высших учебных заведениях воспитывались многие поколения грузинской молодежи. Изучение русского языка, прогрессивной русской культуры расширяло границы знаний деятелей грузинской культуры, играло большую роль в формировании их мировоззрения. Со своей стороны, и грузины вносили значительный вклад в развитие русской науки и культуры. Русские книги, русскую прессу образованные грузины жадно изучали вместе с родной литературой. На грузинский язык переводились лучшие произведения русских писателей. В грузинской прессе публиковались произведения русских публицистов, а грузинских — в русской прессе. Русские и грузины совместно боролись против внешних врагов, защищая Российское государство и его составную часть — Грузию. Русские солдаты, проходившие в Грузии службу, познакомились с бытом и культурой грузинского народа. Некоторые из них после увольнения из армии поселялись в Грузии и становились такими же трудящимися, какими были местные крестьяне и рабочие. Грузины познакомились с русским характером и обычаями. Из России в Грузию приезжали не только бездушные чиновники и грубые администраторы, но и лучшие сыны русского народа — писатели, ученые, работники искусства, борцы против самодержавия, крепостничества и капитализма. На русской демократической, реалистической литературе и общественной мысли воспитывались грузинские писатели-просветители XIX века, считавшие социальное и национально-освободительное движение в Грузии своеобразной и неотделимой частью российского революционно-демократического движения. В университетских городах России, Украины, Латвии, Эстонии, Польши — в Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Одессе, Харькове, Риге, Дерпте, Варшаве — встречалась грузинская учащая молодежь с

русскими, украинскими, латышскими, эстонскими, польскими и другими революционерами и вместе с ними участвовала в общероссийском и в собственно грузинском освободительно-демократическом движениях.

Грузино-русские культурные взаимоотношения особенно расширились в XIX веке, приняв характер взаимодействия. С русского языка на грузинский и наоборот переводились литературные, исторические, юридические, медицинские и др. памятники. Грузинские писатели и ученые, проживавшие в Петербурге, Москве и др. местностях России, изучая русскую культуру, знакомили общественность страны с историей и культурой Грузии. В 1802—1803 гг. в Грузии жил один из основоположников русского реалистического романа В. Нарезный. В 20-х гг. в Грузии жили и творили А. С. Грибоедов, многие русские декабристы и польские революционеры, имевшие близкие отношения с А. Чавчавадзе и вообще с грузинской интеллигенцией. Здесь были созданы Грибоедовым классические произведения. В то же время он выступал глашатаем возрождения Закавказья. Из 58 стихотворений поэта-декабриста А. Одоевского 12 посвящены Грузии. В Грузии расцвел поэтический талант М. Ю. Лермонтова, положившего в основу многих своих шедевров грузинские народные сказания. В 1829 г. грузинская интеллигенция с большой любовью приняла преследуемого царизмом А. С. Пушкина, воспевшего в своих стихах Грузию. Тбилисцы воздвигли гениальному поэту один из первых памятников в стране. Грузинская земля стала последней обителью убитого в Тегеране друга грузинского народа А. Грибоедова, критиковавшего колониальную политику царизма в отношении «грузинских сограждан». А. Шишков, живший в Грузии в 1818—1824 гг., реалистически изобразил положение грузинского народа, угнетавшегося царскими чиновниками. В тбилисской русской прессе вели пропаганду демократических идей многие русские писатели. Грузию благословлял в своих творениях Я. Полонский. Грузинские народные мелодии использовали в своих музыкальных произведениях П. Чайковский, М. Ипполитов-Иванов, А. Рубинштейн и другие русские композиторы. В Грузии были написаны первые произведения Л. Н. Толстого и А. М. Горького. Грузия и вообще Кавказ стали «колыбелью поэтических талантов [России], вдохновителями их муз, их поэтической родиной» (Белинский). Необычайной популярностью пользовались у грузинской интеллигенции революционно-демократические и утопическо-социалистические идеи В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова, Т. Г. Шевченко. И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Г. Церетели, Я. Гогобашвили, С. Месхи, А. Пурцеладзе, и другие грузинские просветители-демократы считали себя их учениками и последователями.

Грузино-европейские культурные взаимоотношения. Русская культура XIX века была тесно связана с западноевропейской и мировой культурой. Образованные грузины изучали достижения французской, немецкой, английской, итальянской литературы, искусства, науки, общественной мысли преимущественно через русский язык и русскую школу. Дело перевода произведений западноевропейских писателей и мыслителей — представителей гуманизма и просветительства, начавшееся еще во второй половине XVIII века, интенсивно продолжалось в первой половине XIX века, а в 60-х—70-х гг. настолько расширилось, что в Грузии читали на родном языке произведения У. Шекспира и В. Гюго, Дж. Байрона и И. Гёте, О. Бальзака и Э. Золя. Весьма популярны были классические переводы трагедий У. Шекспира, выполненные И. Мачабели. Некоторые деятели грузинской культуры, например Н. Николадзе, писали и публиковали свои произведения и на иностранных языках. Грузинский народ с особым интересом относился к литературе и жизни передовых народов, а также народов, активно борющихся за социальную и национальную свободу. Новая грузинская публицистика непосредственно служила распространению революционно-демократических и утопическо-социалистических идей западных просветителей. На Западе значительно возрос интерес к истории и культуре Грузии. Западноевропейские писатели, публицисты и

ученые интересовались жизнью грузинского народа. В конце 50-х гг. XIX века по Грузии путешествовал французский романист А. Дюма, опубликовавший после возвращения на родину обширную книгу о Грузии. В 80-х гг. в Тбилиси проживал немецкий писатель А. Лайст, ознакомивший западноевропейскую общественность со многими сторонами древней и новой культуры грузинского народа. С 90-х гг. пропаганду достижений грузинской культуры на английском языке вела М. Уордроп, имевшая вместе с А. Лайстом дружеские отношения с И. Чавчавадзе и другими грузинскими деятелями. А. Лайст и М. Уордроп познакомили западноевропейских читателей с некоторыми шедеврами грузинской литературы, в том числе с «Витязем в тигровой шкуре». Зародилась культурные связи Грузии с Польшей, Венгрией, Чехией, Болгарией, Румынией, Югославией. В Грузии с большим интересом следили за развитием культуры и быта народов Азии, Африки, Америки. Однако культурные связи Грузии с ними были слабыми и односторонними.

Грузинский народ, лишенный в XIX веке политической самостоятельности, тем не менее, сохранил свою самобытную и уникальную культуру. Новая грузинская культура, так же как и древняя, отображая национальные особенности грузинского народа, с характерной оригинальностью содержания и формы, внесла свой вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.
- АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
- ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа АН Грузинской ССР.
- ВПСЗРИ — Второе полное собрание законов Российской империи.
- ВУА — Военно-ученый архив.
- ДИГ — Документы по истории Грузии, под ред. проф. Ш. К. Чхетия.
- ЗКОСХ — Записки Кавказского общества сельского хозяйства.
- ИВ — Исторический вестник.
- ИЗ — Исторические записки.
- Изв. ЮООНИН — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР.
- ИЯИМК — Институт языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра Груз. филиала АН СССР.
- КК — Кавказский календарь.
- КПЦА — Колониальная политика царизма в Азербайджане.
- КСХ — Кавказское сельское хозяйство.
- МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа.
- МИЭБГКЗК — Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
- ОРВЗК — Обзорение Российских владений за Кавказом.
- РТКЭЖДК — Район Тифлиско-Карско-Эриванской железной дороги в экономическом и коммерческом отношениях.
- СМИЭБГКЗК — Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
- ССДЗСХПГЗК — Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края.
- ССДЗТКГ — Сборник статистических данных о землевладении в Тифлисской и Кутаисской губерниях.
- СССЧЗТКГ — Сборник статистических сведений о частном землевладении

в Тифлисской и Кутаисской губерниях.

СХАО — Сельское хозяйство и аграрные отношения. Сборник документов,
под ред. проф. П. В. Гугушвили.

ТГПИ — Тбилисский государственный педагогический институт им. А. С. Пушкина.

ТМКОНСХП — Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной
промышленности.

ЦГИАГ — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР,
г. Ленинград.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЭРГЗ — Экономическое развитие Грузии и Закавказья.

д. — дело;

л. — лист;

оп. — опись;

ф. — фонд.